

BAYERISCHE  
STAATS-  
BIBLIOTHEK  
MÜNCHEN

ЮНЬ, 1864.

6 x Вер.

# РУССКОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

## СОДЕРЖАНИЕ



### ОТДѢЛЪ I.

- Ливановъ. (Записки семинариста. Окончаніе) . . . . . Н. Осокинъ.
- Винвата-ли она? (Романъ Ант. Троллопа). . . . .
- Негръ. (Стихотвореніе) . . . . . Ф. Орловъ.
- Три народности. . . . . Н. В. Шелумовъ.
- Путиловъ. (Изъ осторожныхъ типовъ. . . . . Ф. В. Ливановъ.
- Въсовское навожденіе (Губернскія легенды) . . . . . Н. Федоровичъ.
- Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній. (Статья третья) . . . . . Д. И. Писаревъ.
- Блудница. (Стихотв. А. Де-Виньи).. . . . Д. Д. Минаевъ.

1264, 6

См. на оборотѣ.

559

## ОТДѢЛЪ II.

### *Литературное Обзоріе.*

Невинные юристы. . . . . *М. А. Филипповъ.*

Резервные стихотворцы. (Замѣтки и раз-  
мышленія отставнаго маіора Бурбонова). . . *М. Бурбоновъ.*

Перлы и алмазны русскои журналистики. *В. З.*

### **Библиографическій Листокъ.**

Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней доктора Фогеля, переведенное съ послѣдняго изданія 1863 года, подъ редакціею доктора медицины Мих. Зеленскаго, приватъ-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ при императорскои С. Петербургскои медико-хирургическои академіи, съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями по новѣйшимъ авторамъ и собственнымъ наблюденіямъ редактора. Спб. 1864.—Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Георга Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Изд. Глазунова М. 1863.—Море и его жизнь Георга Гартвига, перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Михельсовъ. М. 1864.

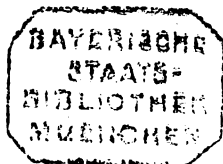
## ОТДѢЛЪ III.

### *Современное Обзоріе.*

Политика . . . . . *Жакъ Лефрель.*

Двусмысленная политика англійскаго правительства въ шлезвиг-голштинскомъ дѣлѣ.—Лордъ Пальмерстонъ по видимоу отстаиваетъ цѣлостность Дании, и въ то же время предлагаетъ раздѣлить ее.—Невозможность опредѣлить національную границу между датскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ.—Воинственные страхи и миролюбивыя рѣчи Пальмерстона и Джона Росселя.—Брошюра Карла Фогта по поводу датскаго вопроса и содержаніе ея.—Отставка Ренана отъ профессорскои каѣдры въ Collège de France.—Негры-солдаты въ сѣверныхъ Штатахъ Америки.—Дешевизна рабовъ.—Долгъ Сѣверо-американскаго Союза.

*См. на оборотѣ.*



# РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

---

ЮНЬ.

---

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

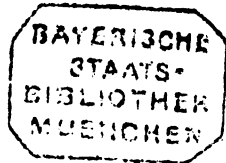
—  
1864.

Дозволено цензурою, въ Санктпетербургѣ. 23 іюля, 1864 года.

---

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

---



## ЛИВАНОВЪ.

(ЗАПИСКИ СЕМИНАРИСТА).

### VIII.

На другой день я воспользовался приглашеніемъ Ракоцкаго и отправился къ нему на квартиру.

— Не правда ли, васъ поражаетъ бѣдность обстановки, среди которой я живу, спросилъ онъ меня между прочимъ, когда я вздумалъ обвести глазами комнату, въ которой мы сидѣли.

— Нисколько, отвѣчалъ я. Обстановка моей комнаты еще бѣднѣе.

— Такъ вы очень бѣдны, спросилъ онъ меня съ участіемъ.

— Не скажу этого. По милости отца, я сытъ, одѣтъ, имѣю теплый уголь и снабженъ всеми учебными пособиями... Лучшаго для себя положенія я не искалъ и пока не ищу.

— О! да вы настоящій философъ!

— Безъ претензій на такой громкій титулъ.

— Вы не нуждаетесь въ кондиціи?

— Къ чему вы сдѣлали мнѣ такой вопросъ, спросилъ я.

— Позвольте мнѣ быть съ вами откровеннымъ?

— Прошу васъ.

— Вы знаете, кто такая Камкова?

— Я знаю, отвѣчалъ я, что Камкова — жена коллежскаго ассессора, вдова, должно быть. Больше о ней я ничего не знаю.

— Немного же вы знаете. Камкова не вдова, мужъ ея служитъ въ П-ской губерніи дворянскимъ заѣздателемъ въ

уѣздномъ судѣ. Варвара Николаевна вышла за Камкова противъ желанія, по принужденію матери, которая умерла черезъ годъ послѣ ихъ брака. Черезъ мѣсяць послѣ смерти матери родилась Вѣра. И роженіе на съѣтъ дочери не могло привязать Камкову къ бездушному, пьяному и развратному мужу; черезъ полгода она разошлась съ нимъ и пріѣхала сюда съ Вѣрочкой на житье. Бездоходный домъ и небольшой капиталъ въ банкѣ, съ котораго получается процентовъ до 300 рублей въ годъ, составляетъ все богатство и матери, и дочери. При помощи небольшой прислуги онѣ сами занимаются обработкою сада, огорода и всѣмъ вообще хозяйствомъ. Какъ хорошимъ швеямъ, имъ дѣлаютъ заказы нѣкоторыя здѣшнія дамы, и такимъ образомъ Камковы живутъ такъ, что могутъ сводить концы съ концами. Варвара Николаевна научила Вѣру читать, писать, говорить по французски, учить играть на фортепіано, но больше этого никакого образованія своей дочери дать не можетъ; а взять учителя для Вѣры она не имѣетъ средствъ. Я познакомился съ Камковой назадъ тому три года, т. е. вскорѣ послѣ моего прибытія сюда подъ надзоръ полиціи. За что я сосланъ сюда, объ этомъ я вамъ не скажу; но я былъ радъ отъ души встрѣтить въ этомъ дрянномъ городишкѣ такихъ милыхъ людей, какъ Камковы; я тотчасъ сблизился съ ними. У Камковой знакомыхъ здѣсь очень мало, у меня меньше того, иначе и быть не могло. Счастливые люди допускаютъ знакомство съ людьми, угнетенными судьбою подъ непремѣннымъ условіемъ мучить ихъ неотвязными разспросами и приличными выраженіями приличныхъ собогѣзнованій. Съ Варварой Николаевной мы скоро сдѣлались самыми искренними друзьями, и во имя этой дружбы я долженъ взять на себя образованіе ея дочери. Но я... какъ бы это вамъ сказать... я чувствую непреодолимое отвращеніе ко всякаго рода педагогическимъ занятіямъ. Понимаете ли вы теперь, за чѣмъ я сдѣлалъ вамъ вопросъ о кондичіи.

— Не совсѣмъ, сказалъ я, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобъ скрыть свою радость, готовую выдать меня каждую минуту. Вамъ хочется, какъ я догадываюсь, чтобъ я взялся, вмѣсто васъ, быть учителемъ дочери Камковой?

— Да, желалъ бы.

— Но Камкова, какъ вы сказали, не имѣетъ средствъ платить за уроки... Хорошо ли будетъ съ моей стороны предложить Камковой свои даровыя услуги, когда я ничѣмъ еще не приобрѣлъ правъ на ея дружбу?

— Было бы только желаніе, а уладить дѣло это не представляетъ большихъ трудностей. Видите ли въ чемъ штука: я слышалъ вашу игру на скрипкѣ, и, мнѣ кажется, жаль было бы бросить вашъ талантъ и не дать ему надлежащаго развитія. Итакъ, вы читаете съ Вѣрочкой грамматику, словесность, географію, исторію, математику, естественныя науки, и посвящаете на это часъ или много два въ день, кромѣ праздникова, а въ вознагражденіе за это я буду давать вамъ музыкальныя уроки по праздникамъ и тратить на нихъ столько времени, сколько вамъ будетъ угодно, потому что я самъ люблю музыку. Такимъ образомъ услуги ваши Камковой будутъ не даровыя. Согласны ли вы на это?—спросилъ Ракоцкій, протягивая мнѣ руку.

— Я не знаю, кто на моемъ мѣстѣ отказался бы отъ вѣщаго предложенія, отвѣчалъ я, крѣпко сжавъ руку усача.

— Я сегодня же переговорю объ этомъ съ Варварой Николаевной, и съ завтрашняго дня вы можете приняться за уроки.

Такимъ образомъ, я въ одно и то же время сдѣлался и ученикомъ семинаріи, и педагогомъ Вѣрочки, и ученикомъ Ракоцкаго. Въ которую же сторону больше тяготѣло мое желаніе, мои склонности: учить или учиться? Сначала, мнѣ казалось, я училъ и учился съ одинаковою охотою, какъ человекъ, который радостно исполняетъ все, что исполнять ему надобно; мнѣ даже казалось, что я училъ прилежнѣе, нежели учился. Однакожъ болѣе тщательныя наблюденія за собою привели меня къ убѣжденію, что я прилежнѣе учился, нежели училъ. Я могу утвердительно сказать, что началъ изучать, какъ слѣдуетъ, грамматику, словесность, исторію, математику, физику именно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ читать эти науки моею ученицѣ. Познанія мои, приобретенныя въ семинаріи, казались мнѣ слишкомъ слабыми, и я не жалѣлъ ни трудовъ, ни времени, чтобъ приобрести знанія основательныя, твердыя, разумныя. Я тогда же раздружился съ книжками и книжонками, предна-

значенными для такъ называемаго легкаго чтенія, до котораго я прежде былъ большою охотникомъ. Въ эти три года, какъ я занимался съ Вѣрой Камковой, я вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимо занимался образованіемъ самого себя. Всѣ четыре сочиненія, какія только попадались мнѣ тогда по части наукъ, необходимыхъ для занятій, были прочтены мною и усвоены надлежащимъ образомъ. Въ эти счастливые три года я работала, какъ волъ, и, удивительное дѣло, ни разу не чувствовала умственной усталости, ни разу труда не надеждала мнѣ. Что же такое электризовало мои нравственные силы, и возбуждало мой душевный жаръ? Неужели одна любовь къ наукѣ, жажда познаній, или влестрастіе къ случайной профессіи? Не отвергаю и этого, но не думаю, чтобъ одні эти побужденія сильны были создать во мнѣ такое терпѣніе, подвинуть меня на такіе усилія, къ которымъ я казался способнымъ. Нѣтъ, тутъ вмѣшалась какая-то особенная возбуждающая сила, которой я пока не могу себѣ объяснить, которую не умѣю и боюсь назвать, еслибъ и сумѣлъ назвать ее. Но какая бы ни была эта сила, она развѣвала меня въ эти дни. Съ тѣхъ поръ книги перестали служить для меня справочными таблицами, гдѣ я искалъ прежде отвѣтовъ на вопросы, заданные учебниками, а сдѣлались живымъ ключемъ, откуда я черпаю дѣльные познанія и стараюсь занимать мой умъ всѣмъ, что привлекаетъ его, что достойно его занятій... Время шло быстро, и я съ каждымъ днемъ пріобрѣтала познаній болѣе и болѣе, чтобъ передавать мои познанія моей даровитой ученицѣ.

Однажды, въ праздничный день, часу въ седьматъ вечера, я шла въ свою квартиру отъ Ракоцкаго, и по пути вздумала зайти къ товарищу, сынку богатаго отца. У него засталъ я нѣсколько человѣкъ названъ братья семинаристовъ. Они проводили время по праздничному: вознивъ-товарицъ былъ именинникъ. Я расположилась провести у него по больше четверти часа, и то въ качествѣ лица, вовсе неприкосновеннаго къ торжеству.

— Водка, Ливановъ, не лечишь? спросилъ меня возняивъ, покрывивая послѣ опрокинутой въ ротъ рюмки.

— Ты знаешь, что я не пью.

— Ну, такъ я тебя помолочую тенерослимъ, сказалъ онъ.



доставъ изъ шкапа бутылку съ оббитымъ горлышкомъ и рюмку.

— Я никакого вина отъ роду не пивалъ, сказалъ я.

— Теперь-скаго-то? Да вѣдь это, братецъ мой, дѣвки пьютъ; ей Богъ. Легче семинарскаго квасу, сказалъ хозяинъ, поднеси мнѣ рюмку къ самому носу, и сплескивая вино на мой сюртукъ.

— Это вино, братецъ мой, надобно пить кружкой, а не рюмкой, и то ни въ одномъ глазу не завяжется.

— Трусить инспектора, бояться потерять благоволеніе его в—я, подхватилъ одинъ изъ товарищей.

Я взялъ рюмку и выпилъ. Вино показалось мнѣ недурно, и въ самомъ дѣлѣ некрѣпко. Когда хозяинъ поднесъ мнѣ другую рюмку, я немного было задумался, однакожъ и вторую выпилъ; третью выпилъ я ужь не задумываясь, а за третьей и считать пересталъ. Парующіе товарищи шумно ликовали, каждый по своему. Я по временамъ чувствовалъ головокруженіе, однакожъ храбро ходилъ по комнатѣ. Хозяинъ поставилъ на столъ зажженную свѣчу, потому что безъ огня становилось уже темно. Свѣту, разлившася отъ единственнаго салнаго огарка въ комнатѣ, наполненной табачнымъ дымомъ, было съ избыткомъ достаточно для семинаристовъ, непривыкшихъ къ яркому освѣщенію.

— Послушай, именинникъ, сказалъ одинъ изъ гостей, сидѣвшій въ отдаленномъ углу, ты одну свѣчу затуши; къ чему дѣлѣ? Терпѣть не могу роскоши. Погаси, говорю тебѣ. Я дурнаго тебѣ не посоветую.

Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ засмѣялись; у бѣднаго, очевидно, дѣло въ глазахъ. Взглянувъ попристальнѣе на свѣтъ, я замѣтилъ, что и у меня рябитъ въ глазахъ. Я взялся за шляпу.

— Куда? спросилъ хозяинъ.

— Домой. Не ночевать же у тебя, отвѣчалъ я.

— Не нушу. Сиди съ нами.

— Вадоръ, вскричалъ товарищъ, нетерпѣвшій роскоши, ты не можешь стѣснить свободы челоѣческой... кхм... да. Пойдемъ, Ливановъ, я тебя провожу.

— Господа! сказалъ одинъ изъ товарищей, идемъ Ливанова провожать всѣ.

— Идемъ, идемъ.

Вечерній сентябрскій воздухъ, довольно холодный, раздражительно дѣйствовалъ на мои, разслабленные виномъ, нервы. Я опьянѣлъ совершенно, однакожъ чувствовалъ въ себѣ необыкновенную, незнакомую мнѣ до того времени, отвагу. Проходя мимо дома Камковой, я увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ рабочей комнаты Вѣрочки.

— Не смѣешь ты, Ливановъ, зайти теперь на кондицію, сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей.

— Вотъ важность какая! отвѣчалъ я. Только теперь идти не за чѣмъ.

— А не смѣешь, братецъ мой, ей Богу, не смѣешь, сказалъ именинникъ. Ты только храбришься.

Я сошелъ съ тротуара около дома Камковой, шагнулъ на дворъ и пошелъ къ крыльцу. Мои провожатые захохотали и пошли своей дорогой. Въ залѣ встрѣтила меня Вѣрочка.

— Григорій Дмитричъ! сказала она, протягивая мнѣ руку. А я думала, что мамаша пришла. Милости прошу сюда.

Видно было, что Вѣрочка не замѣтила, въ какомъ я былъ состояніи. Она поставила свѣчу на столикъ, подвинула къ себѣ пальцы, и стала продолжать работу, которой до меня занималась. Я сѣлъ противъ нея.

— Руккачики вышivate? спросилъ я и, наклонившись надъ пальцами Вѣрочки, чуть не ткнулъ въ нихъ носомъ.

— Что это съ вами, Григорій Дмитричъ? На васъ лица нѣтъ.

— Мо-тбыть, отвѣчалъ я, не поднимая отъ пальцевъ головы. Тутъ только я кое-какъ разглядѣлъ, что Вѣрочка вышивала туфли.

— А, это тѣути... Хм!..

— Гдѣ это вы были?

— У имениника, отвѣчалъ я, выпрямляясь. Я хотѣлъ поправить волосы, упавшіе мнѣ на лобъ, но поднялъ локоть выше обыкновеннаго и скребнулъ рукою по макушкѣ. Сколь я ни былъ пьянъ, однако не могъ не замѣтить, что на глазахъ Вѣрочки начинала собираться небесная роса.

Дурно, чѣртъ возьмѣ, подумалъ я.

— Бога ради, Григорій Дмитричъ, ступайте домой. Я скажу Архиму, чтобъ проводилъ васъ.

— Не безпокойтесь, Вѣра Александровна, сказалъ Петръ Петровичъ, показываясь въ дверяхъ. Я къ вашимъ услугамъ.

— Веселва вечера, пробормоталъ я, поднимаясь со стула при помощи Залѣпова и бокомъ кланяясь Вѣрочкѣ.

Петръ Петровичъ привелъ меня домой, раздѣлъ и уложилъ въ постель.

Возвращаясь изъ консисторіи домой, онъ встрѣтился у своего дома съ провожавшими меня семинаристами, узналъ отъ нихъ, въ какомъ я положеніи ушелъ на кондицію, и весьма кстати подоспѣлъ ко мнѣ на выручку.

До поздняго утра проспалъ я мертвымъ сномъ и проснулся, когда уже всѣ семинаристы ушли въ семинарію. Набросивъ на плечи плафрокъ, я нѣсколько времени въ раздумьѣ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Поведеніе мое въ предшествующій вечеръ лежало салнымъ пятномъ на моей, дотогѣ чистой, совѣсти. Я снова упалъ на кровать внизъ лицомъ, чтобъ выплакать мучившія меня слезы, плакалъ долго и не удерживалъ слезъ. Шорохъ въ комнатѣ заставилъ меня приподнять голову; у кровати стоялъ Петръ Петровичъ. Не спрашивая меня о причинѣ моихъ слезъ, онъ сѣлъ возлѣ меня и отъ нечего дѣлать сталъ высвистывать, не совѣмъ вѣрно, мотивъ извѣстной пѣсни: «чѣмъ тебя я огорчила».

— Добрый знакъ, добрый знакъ, сказалъ онъ наконецъ, право слово, добрый знакъ! Совѣсть, значитъ, имѣешь, стыдъ знаешь, человѣкомъ будешь, Господь тебѣ на встрѣчу.

Я не отнималъ горячаго лица отъ подушки, и продолжалъ плакать.

— Да что, водяника что ли у тебя въ головѣ-то, спросилъ меня Петръ Петровичъ. Къ чему столько слезъ? Было, да прошло; не плакалъ и будетъ. Былъ молодцу неукоръ; все къ лучшему; Богъ тебя любви.

— Но съ какими глазами я покажусь теперь Камковымъ? спросилъ я, поворачиваясь на своемъ ложѣ.

— Лишь бы не съ такими, съ какими показался вчера, а то со всякими будетъ хорошо. Хорошо бы, братъ, показать-

ся съ такими, вотъ какъ теперь. Мнѣ это въ тебѣ нравится, право слово, нравится; только женство-то не любитъ, когда мужчины плачутъ. Въ особенноти передъ молоденькою «комантъ-ву-порте-ву», всякій мужчина непременно долженъ казаться воплощеннымъ мужествомъ; иначе онѣ потеряютъ къ тебѣ всякое уваженіе. Не хочешь ли опохмѣлиться? а?

— Чортъ бы перевертѣлъ всѣ нѣва и всѣхъ винодѣловъ на свѣтѣ, вскричалъ я, поднимаясь съ постели.

— Ну вотъ то-то и есть. Я тебѣ говорилъ, что все къ лучшему. Я даже радъ, что ты вчера затесался къ Камковымъ.

— Есть чему радоваться! Въ умѣ ли вы, Петръ Петровичъ?

— Право слово, радъ. Пройди твоя попойка благополучно, кто знаетъ, что бы изъ этого вышло. Попадись ты вчера на глаза инспектору, онъ задакъ бы тебѣ урокъ, — это вѣрно, но не научилъ бы ничему, а испортилъ бы только дѣло. Я, вѣдь, знаю васъ, семинаристовъ, и знаю, съ какой точки зрѣнія вы смотрите на исправительные уроки. Чтобъ переставить эту точку на надлежащее мѣсто, надобно было заимѣнить для тебя инспекторскій урокъ урокомъ хорошенькой дѣвушки. Быть можетъ, Вѣра Камкова тебѣ ничего не скажетъ про вчерашній случай, но я увѣренъ, что и краснорѣчивое ея молчаніе заставитъ тебя съ нѣибѣшняго дня смотреть на вино съ такимъ же удовольствіемъ, съ какими смотрятъ татаринъ на ветчину.

— Но какъ показаться мнѣ Камковымъ-то?

— А что тебѣ въ Камковыхъ? Плевать на нихъ, сказалъ Петръ Петровичъ, пристально смотря мнѣ въ глаза.

— Вы меня уничтожаете, Петръ Петровичъ, сказалъ я въ испугѣ, не зная самъ, съ чего сорвался у меня съ языка такія слова.

— О-го! Вона куда зашло, невозмутимо произнесъ тотъ. — Не даромъ говорятъ, что у страха глаза велики. Вставай-ка, братъ, да ступай въ классъ.

Въ самомъ дѣлѣ, надобно было подумать и о семинаріи.

Послѣ классовъ я пошелъ прямо домой. Войдя въ ограду, я услышалъ голосъ Петра Петровича; онъ звалъ меня.

— Ну, братъ, сказалъ онъ, когда мы сошлись:—вели читать себѣ отходную; бѣда твоя!—А! поблѣднѣль! Не пугайся. Жена сказываетъ, что Камкова присылала къ тебѣ Архипа спросить о твоёмъ здоровьѣ?

— Нѣтъ?

— Право слово, Богъ тебя люби. Вотъ тебѣ и самъ Архипъ на лицо.

Я оглянулся, Архипъ подходилъ къ намъ.

— Барыня просятъ васъ обѣдать, сказалъ мнѣ Архипъ, снимая шапку.

— Сегодня день рожденія Вѣры Александровны, подсказалъ Петръ Петровичъ.

— А вы были у Камковыхъ сегодня? спросилъ я Залѣпова.

— Такъ, на минуточку заходилъ. Тынь, видишь-ли, валяется...

Я крѣпко обнялъ Петра Петровича и поцѣловалъ его въ щегинистую щеку.

## IX.

Въ ожиданіи обѣда, мы съ Вѣрочной пошли въ садъ. Садъ въ ту пору года не представлялъ ничего привлекательнаго. Всѣ цвѣты завяли и поблѣкли; дорожки и бесѣдка были усыпаны желтыми, сухими листьями. День, впрочемъ, былъ ясный и довольно теплый. Обѣдая садъ кругомъ, мы сѣли на скамьѣ подъ липой.

— Простите меня, Вѣра Александровна... началъ было я.

— Ни, ни, ни! перебила она меня, потрѣсивъ мнѣ пальцемъ.—Прошу васъ никогда не говорить мнѣ о вчерашнемъ вечерѣ. Если вы скажете хоть слово о немъ, я не буду говорить съ вами цѣлый день, увѣряю васъ.

— Но что скажете о мнѣ Барвара Николаевна, что подумаете вы?

— Мамаша кромѣ хорошаго ничего о васъ не говоритъ, и не скажетъ. Доказательствомъ этому служить ея сегодняшній разговоръ о васъ съ Петромъ Петровичемъ. Вы хотите знать, что я о васъ думаю? Я думаю, что вы честный и благородный человекъ.

— Благодарю васъ.

— Только, пожадуйста, вы не знайтесь болѣе съ тѣми товарищами, которые увлекаютъ васъ не къ добру.

— Повѣрьте, Вѣра Александровна, что товарищи меня не увлекутъ, если я самъ не захочу поддаться увлеченію.

— Много ли вамъ лѣтъ?

— Двадцать. Побольше, чѣмъ вамъ.

— Неправда. Извѣстно, что мы, женщины, развиваемся скорѣе, чѣмъ вы, мужчины. Въ семнадцать лѣтъ я имѣю право считать себя вамъ ровесницей.

— Положимъ и такъ, но къ чему вы завели рѣчь о нашихъ лѣтахъ?

— Я однихъ съ вами лѣтъ, и между тѣмъ не успѣла или не умѣла приобрѣсть вѣры въ силу своей волн, какую вы уже владѣете.

— Нѣтъ, Вѣра Александровна, я далека отъ вѣры въ силу воли... Представьте себѣ молодаго человѣка, возгѣ котораго часто бывасть молоденькая и добрая дѣвушка; онъ видитъ ее почти каждый день, сблизился съ нею и увлекся. Много ли нужно молодому человѣку труда, чтобы побѣдить въ себѣ это простое увлеченіе? А побѣдить-то его непременно надобно, потому что положеніе молодаго человѣка, настоящее и будущее, не должно поддерживать этого увлеченія; оно должно пройти, забыться. Что бы вы сказали объ этомъ человѣкѣ, еслибъ узнали, что онъ давно борется съ самимъ собою, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ онъ больше убѣждается, что не достаетъ у него силы воли, что борьба ему не по силамъ.

— И въ васъ есть эта борьба съ самимъ собою!.. тихо воскликнула Вѣрочка, быстро повернувъ ко мнѣ голову. Она долго, пристально смотрѣла мнѣ въ глаза, и потомъ вся вспыхнула.

— Григорій Дмитричъ! Вѣрочка! Обѣдать! раздался съ крыльца голосъ Варвары Николаевны.

За столомъ Варвара Николаевна между прочимъ сообщила Ракоцкому, что она вчера вечеромъ была у своей знакомой Калеріи Ильиничны и познакомилась тамъ съ Артеміемъ Артемьячемъ, учителемъ духовнаго училища.

— Преобязательный человѣкъ, прибавила она.

— Ум! Ни съ какимъ Артемьемъ я не знакомъ, сказалъ Ракоцкій.

— Немного потеряете, если и никогда не познакомитесь съ нимъ, замѣтилъ я.

Барвара Николаевна вступилась за него, исчислила всѣ его достоинства и изъявила желаніе познакомиться съ нимъ покороче и даже пригласить къ себѣ. Я смолчалъ, хотя это извѣстіе очень не понравилось мнѣ, потому что я зналъ его, какъ самаго пошлаго и пронирливаго учителя.

Послѣ объясненія въ саду ни Вѣрочка, ни я не понимали другъ другу ни о привязанности, ни объ увлеченіи, ни о внутренней борьбѣ. Все какъ будто вошло въ свою обычную колею: я ревностно продолжалъ заниматься и читать уроки съ Вѣрочкой; она слушала и занималась въ свою очередь, какъ нельзя усерднѣе и успѣшнѣе. Занятія *по кондиціи* не мѣшали и другимъ обыденнымъ моимъ дѣламъ; я всегда готовился къ классамъ, ходилъ каждый день въ семинарію, чрезъ день—къ Гаврилѣ Григорьевичу, по праздникамъ—къ Ракоцкому, на ходилъ время бывать и у товарищей и принимать ихъ у себя. Но на цестрой канвѣ окружающихъ меня предметовъ и людей сталъ выдѣляться для меня одинъ предметъ, одно лицо; чаще и чаще, яснѣе и яснѣе представлялся мнѣ образъ Вѣрочки, и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалась какая-то близость къ ней, родство съ нею. Я сталъ строже къ самому себѣ. Чувство къ Вѣрочкѣ наложило на меня рядъ какихъ-то новыхъ нравственныхъ обязанностей и замѣнило мнѣ недостатокъ твердыхъ во мнѣ нравственныхъ началъ; все, бывшее доселѣ въ душѣ моей шаткимъ, стало получать твердость и крѣпость; все отрывочное—цѣлостъ. Въ этомъ чувствѣ заключалась для меня бездна побужденій къ той тонкой добросовѣстности, въ силу которой человекъ ревниво сторожитъ за цѣломудріемъ своихъ мыслей и чувствъ, за чистотою словъ и дѣлъ.

Но былъ ли счастливъ я? Раздѣляла ли мое чувство и Вѣрочка?..

«И въ васъ есть эта внутренняя борьба», сказала мнѣ она въ саду, схвативъ меня за руку и крѣпко сжавъ ее. Этими словами она сказала мнѣ все. Изъ нихъ я понялъ, что она тоже борется съ какимъ-то ощущеніемъ, и съ тѣхъ поръ я

еще сильнѣе привязался къ ней. Одно смущало меня и отравляло мои радости: я зналъ, что отецъ прочитъ меня въ духовное званіе, а Вѣрочки едва-ли согласится быть женою священника. Еще много тяжелой борьбы предстояло мнѣ впереди...

Каждый день, когда была хорошая погода, мы съ Вѣрочкой около получаса прогуливались лѣтомъ въ саду, а зимою выходили на улицу. Эти прогулки приносили намъ много удовольствія. Не въ развѣнніи заключалось это удовольствіе, а въ чувствѣ, котораго мы не высказывали другъ другу, но которое проглядывало въ каждомъ нашемъ словѣ, въ каждой мысли.

Менѣе года бѣталось уже до окончанія моего семинарскаго курса. Учитель, Артемій Артемьичъ, втерся въ домъ Камковыхъ и, въ качествѣ короткаго знакомаго, ходилъ къ нимъ запросто. «Преобязательный человѣкъ» для Камковыхъ, онъ со всѣмъ не обязательно посматривалъ на меня. Кажется, онъ самъ былъ неравнодушенъ къ Вѣрочкѣ.

Въ одну изъ нашихъ зимнихъ прогулокъ, Вѣрочка простудилась; на другой день у нея открылся кашель. Черезъ два дня она слегла въ постель, и докторъ высказалъ опасеніе, чтобы не развились у больной нервическая горячка. Опасенія доктора оправдались; болѣзнь затянулась.

Въ качествѣ домашняго учителя, во время болѣзни Вѣрочки, мнѣ нечего было дѣлать въ домѣ Камковыхъ. Я заходилъ иногда навѣдываться о состояніи здоровья ученицы; но до меня ли было Варварѣ Николаевнѣ? Пробывъ со мною минутъ пять-шесть, она шла къ больной дочери, потомъ возвращалась ко мнѣ, чтобы пожелать мнѣ добраго дня или вечера, и опять сѣла къ постели больной. Какую глубокую, невыносимую тоскою давило мнѣ сердце! За то для профессіи «преобязательнаго человѣка» открылось обширное поле дѣятельности. Артемій Артемьичъ бывалъ у Камковыхъ каждый день, иногда раза по два и по три, и проводилъ у нихъ по нѣскольку часовъ. Сходить въ аптеку, въ лавочку, съѣздить къ доктору, достать того, другаго снадобья,—было его дѣло. Въ качествѣ друга дома и человѣка солидныхъ лѣтъ (ему было подъ 40), этотъ достопочтенный паразитъ входилъ съ Варварой Николаевной въ комнату больной, пособлялъ «поправлять по-



думая, печально подносить лекарство», и такъ хорошо исполняли порученія доктора, что тотъ съ нужными воставленіями на-сательные пациенты обращался охотѣе къ нему, чѣмъ къ матери.

Ракождій давно уже не выходилъ изъ своей конуры; у него обнаруживались признаки чахотки. «Преобразовательный человѣкъ» успѣлъ услужить и Ракождому, купивъ для него добрую козу, ибо козье молоко всегда рекомендуется чахоточнымъ. Къ Ракождому я ходилъ нерѣдко.

— Ну что, Ливановъ, спросилъ онъ меня однажды, — какъ кова Вѣра Александровна?

— Вѣры Александровны я не видалъ съ той поры, какъ она слегла.

— Толстый добрякъ Артемій Артемьевичъ сказывалъ мнѣ, что Вѣрочка очень опасна.

— Да, я слышалъ, что съ нею былъ продолжительный бредъ. Прощель ли онъ, не знаю.

— Нѣтъ, онъ часто повторяется. Докторъ ждетъ кризиса. Вчера Камкова прислала ко мнѣ свою Марю за репскимъ уксусомъ. Марю сказывала мнѣ, что Камкова никого не выпускаетъ въ комнату дочери, когда она впадаетъ въ бредъ, — ни толстало добряка, ни даже ее Марю, потому-де, что Вѣрочка въ бреду часто произноситъ ваше имя. Я только посмѣлся надъ расной предосторожностію Камковой. Вѣдь четвертый уже годъ, какъ вы видите съ Вѣрочкой каждый почти день; она привыкла считать васъ за ближнего къ себѣ человѣка, можете сказать, за друга, къ кому же привыкла уважать васъ, какъ учителя своего учителя; очень естественно, что въ горячемъ бреду прежде и чаще другихъ рисуется передъ нею ваша личность.

На пути въ свою квартиру, я встрѣтился съ Артеміемъ Артемьевичемъ. Онъ шелъ отъ Камковой, чрезвычайно довольный собой, и улыбался какъ-то загадочно.

— Какъво болѣла? спросилъ я его.

— Никуда дѣло, отвѣчалъ онъ. — Сегодня болѣлая два раза ослышнула кровь. У ней, кажется, чахотка.

Онъ сообщилъ мнѣ это извѣстія съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ иногда пятый игранъ въ вистъ дѣлаетъ замѣчаніе: «звѣтка пропала».

— Переменялась страшно, продолжалъ Артемій Артемичъ,—вся пожелтѣла, щеки и глаза ввалились; вы теперь ни за что ее не узнаете. А жаль! Красавица была. Я даже хотѣлъ посватать ее. Вышелъ бы въ свѣтскіе, добылъ бы себѣ какъ нибудь должность становаго. Нынче только становымъ и житье. Добраго вечера, Григорій Дмитричъ!

Вечеромъ я просилъ Петра Петровича сходить къ Камковой и узнать что нибудь вѣрнѣе о болѣзни Вѣрочки. Петръ Петровичъ исполнилъ мою просьбу, былъ у Камковыхъ, и принесъ мнѣ извѣстіе, что ночью кризисъ кончился благополучно и что докторъ надѣется, что больная скоро выздоровѣетъ. О возможности чахотки докторъ никогда не говорилъ. Она была произведеніемъ досужей догадливости «преобязательнаго человѣка». Радость моя при этомъ извѣстіи была выше всякаго описанія.

— Не знаю, Григорій Дмитричъ, сказалъ Петръ Петровичъ, поздоровится ли тебѣ, когда совсѣмъ выздоровѣетъ Вѣра Александровна.

— Не хочу знать ничего, вскричалъ я,—знаю только одно: Вѣра Александровна будетъ жить.

Вѣрочка быстро поправлялась. Она уже была въ состояніи выходить въ гостиную, разъ садилась даже за фортепіано. Я провелъ у Камковыхъ часа два вечеромъ. Артемій Артемичъ былъ тутъ же. Вѣрочка послѣ болѣзни стала еще интереснѣе. Какъ шла къ ея блѣднымъ щекамъ, огненнымъ чернымъ глазамъ и чернымъ волосамъ, эта вѣчная ласковая улыбка, эта искренность въ голосѣ, задушевность въ разговорѣ. «Преобязательный человѣкъ» держалъ себя, по моему, ужъ слишкомъ фамиліарно съ Камковыми, и позволялъ себѣ даже покровительственный тонъ, какъ человѣкъ, которому Камковы безконечно обязаны.

Черезъ мѣсяць Вѣрочка совершенно поправилась: жизнь и молодость взяли свое. Мы уже принялись съ нею за уроки; свѣграли разъ виѣстѣ «Лукрецію Борджіа,» но Варвара Николаевна рѣдко оставляла насъ однихъ. Она даже выходила съ нами и на прогулку. «Напрасная предосторожность», думалъ я, припоминая слова Ракоцкаго.

Въ одинъ воскресный день, въ началѣ поста, часу въ шес-

томъ вечера сидѣлъ я дома на хозяйской половинѣ и бесѣдовалъ съ Петромъ Петровичемъ о разныхъ разностяхъ. Въшелъ Архипъ и подалъ мнѣ двѣ записки, запечатанныя облатками:

— Это вамъ, сказала я Петру Петровичу, передавая ему записку, адресъ на которой быть написанъ рукою Варвары Николаевны. Адресъ на другой запискѣ, на мое имя, былъ написанъ Вѣрочкой.

— Сейчасъ буду, сказали мы въ слово, прочитавъ записки.

— Барыня прислала лошадь. Прикажете подождать? спросилъ Архипъ.

— Давно барыня у Казимира Сотеревича?

— Сейчасъ приѣхамши.

— Ступай, братецъ. Я пѣшкомъ приду.

— Слушаю-съ.

Архипъ вышелъ.

— Завязывается горячая каша, «Господь тебѣ на встречу,» сказалъ Петръ Петровичъ. Дай Богъ тебѣ расхлѣбать ее, да не обжечься. Тебѣ что пишутъ?

— Вѣрочка зоветъ къ себѣ сейчасъ же.

— Съ Богомъ, въ добрый часъ. Дай мнѣ послѣднее къ тебѣ письмо отъ твоего отца.

— Я хочу вамъ сообщить преинтересную новость. Пересядьте, пожалуйста, на этотъ стулъ, сказала Вѣрочка, передвигая на столъ свѣчи. — Мнѣ такъ виднѣе будетъ. Я очень люблю смотрѣть, какъ человекъ мѣняется въ лицѣ отъ неожиданнаго извѣстiя.

— Я слушаю. Новость, должно быть, въ самомъ дѣлѣ интересная.

— Вчера, вотъ въ этой самой комнатѣ, шло сватовство: Артемій Артемичъ просилъ моей руки.

— Что жъ дальше, спросилъ я Вѣрочку совершенно спокойно.

Вѣрочка съ недоумѣнiемъ посмотрѣла на меня.

— Мнѣ съ вами привелось помѣняться ролями, сказалъ я. Не переставляйте, пожалуйста, свѣтъ, мнѣ такъ будетъ видѣе; вѣдь и я охотникъ наблюдать.

Вѣрочку, впрочемъ, я скоро вывелъ изъ недоумѣнія, передавъ ей мой разговоръ съ Артеміемъ Артемьичемъ на улицѣ, когда онъ говорилъ, что у Вѣрочки — чахотка.

— Мнѣ сегодня рѣшительно ничто не удается, сказала она. Когда давеча мамаша сообщила мнѣ о предложеніи Артемія Артемьича и спрашивала, что сказать ему, я дала мамашѣ нечаянно сорвавшійся у меня съ языка отвѣтъ. Я думала, что мамаша удивится моему отвѣту, а вышло совсѣмъ не то. Она спокойно написала записку Петру Петровичу и уѣхала къ Ракоцкому, а мнѣ сказала на прощаньи: «тебѣ, милая, нужно узнать прежде, любить ли тебя Ливановъ?»

Я чувствовалъ устремленный на меня неподвижный взглядъ Вѣрочки, чувствовалъ, что румянецъ выступилъ и горѣлъ на моихъ щекахъ. Я взялъ ея руку и крѣпко сжалъ ее. Лицо Вѣрочки сіяло счастьемъ, моя голова горѣла, слезы радости выступили на глазахъ. Вѣрочка и я, наконецъ, сказали другъ другу роковое слово: «да.» Нѣсколько времени сидѣли мы, молча, подъ вліяніемъ этой минуты. Крѣпко сжала она руку мою, когда я прощался съ нею до завтра.

Въ тотъ вечеръ я долго ходилъ по городскимъ улицамъ и переулкамъ, стараясь освѣжить горячую голову.

Артемію Артемьичу было отказано. Онъ хотѣлъ было поправить дѣло при помощи Калеріи Ильиничны, но и она оборвалась.

— Такъ родитель вашъ рѣдко бываетъ въ городѣ, спросилъ меня на другой день Варвара Николаевна.

— Да, мой батюшка — домосѣдъ.

— Когда вы будете писать къ нему?

— Писать я не буду. Мнѣ до окончанія курса не слѣдуетъ и слова говорить батюшкѣ о моей любви къ Вѣрѣ. Я знаю моего отца и его убѣжденія. По его мнѣнію, я долженъ теперь учиться и не думать больше ни о чемъ. Придетъ вре-

мя, и я увѣренъ, что онъ дастъ согласіе на мой бракъ съ Вѣрой.

— Признаюсь, я много слышала о вашемъ отцѣ, объ упрямомъ характерѣ его, о сословныхъ предубѣжденіяхъ, и онасалась многоаго. Но его письмо къ вамъ, которое прочитала намъ съ Ракоцкимъ Петръ Петровичъ, совершенно успокоило меня. Я несу тяжелый крестъ въ жизни, потому что вышла замужъ по расчету родителей, и тяжкимъ грѣхомъ считаю преслѣдовать мою дочь за любовь къ вамъ. Я благодарю Бога за то, что она полюбила именно васъ: я давно люблю васъ, какъ роднаго.

Я всталъ и съ глубокимъ уваженіемъ поцѣловалъ руку Варвары Николаевны.

Не задолго до Пасхи, я получилъ отъ отца письмо. Онъ приказывалъ мнѣ пріѣзжать на праздникъ въ Провино. Я поѣхалъ. Отецъ встрѣтилъ меня довольно холодно и, пока я гостилъ дома, онъ былъ суровъ со мною. Я старался объяснить себѣ причину его холодности, и все жъ таки самъ собою не могъ добраться до истины. Надобно было обратиться къ матушкѣ. Оказалось, что отецъ Семень въ послѣднее время часто говорилъ моему отцу, что я веду жизнь разсѣянную въ городѣ, что завелъ съ какой-то барышней любовныя нѣшши, и вообще подшучивалъ надъ нимъ очень нецеремонно. Это бѣсило моего отца до крайности, хотя онъ и не всѣмъ довѣрялъ словамъ своего начальника.

— Попробуй-ка, дьяконъ, говорилъ однажды отецъ Семень моему отцу, вызвать своего сына на Пасху къ себѣ. Онъ на колѣняхъ будетъ просить тебя, чтобы ты уволилъ его въ гражданскую службу. Бѣдняга, слышно, втюрился по уши, а голубка-то и слышать не хочетъ о нападеиствѣ.

— Любопытно было бы узнать, сказалъ я матушкѣ, изъ какого источника узнаетъ эти свѣденія отецъ Семень?

— Непадя говорила мнѣ, отвѣчала матушка, что отцу Семену писалъ о тебѣ знакомый ему учитель, какой-то Артамонычъ, — кажется.

Такимъ образомъ я узналъ, что Артемій Артемьичъ съ пошлостью мелкой души соединялъ добродѣтели, ей родственныя. Онъ зналъ, по чьей милости получилъ щелчекъ у Камковыхъ, и мнѣ надобно было опасаться, чтобы онъ изъ мести за неудачу не сдѣлалъ еще чегонибудь похуже.

Предсказаніе отца Семена не сбылось; я рѣшительно ни о чемъ не просилъ батюшку. Онъ успокоился; однакожь, разставаясь со мною, сказалъ мнѣ:

— Наступила послѣдняя треть предъ окончаніемъ твоего семинарскаго курса: теперь ты долженъ учиться, приложь уши. Я знаю, что жизнь въ городѣ представляетъ много случаевъ къ развлеченіямъ, къ разсѣянности; и потому совѣтую тебѣ перейти отъ Залѣпова на житье въ семинарію.

Спорить было нельзя, я перешелъ въ семинарію и былъ назначенъ комнатнымъ старшимъ у философовъ.

Разъ или два въ недѣлю я находилъ случай бывать у Камковыхъ, но намъ съ Вѣрой хотѣлось повѣрять другъ другу свои мысли и чувства каждый день, каждый часъ, каждую минуту, еслибъ было возможно. Надобно было прибѣгнуть къ перу и бумагѣ. Голубиное воркованье посредствомъ переписки занимаетъ первое мѣсто въ ряду ошибокъ, какія дѣлаютъ влюбленные. Что жъ прикажете дѣлать? Ошибки такого рода не Ливановымъ начались, не Вѣрой кончатся. Пока будетъ существовать родъ человѣческій, эти ошибки пойдутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая, въ рекреационный день, около пяти часовъ пополудни, я ходилъ по семинарскому саду, гдѣ семинаристы и училищные мальчики въ разныхъ мѣстахъ играли въ бабки, или прогуливались, сложа руки.

— Тебя Архипъ ждетъ, сказалъ Ратушевскій, подходя ко мнѣ.

— Гдѣ?

— У сѣвернаго корпуса, гдѣ ты живешь. Поторонись, пожалуйста.

Я взялъ изъ рукъ Архипа письмо отъ Вѣры, написалъ на него отвѣтъ на цѣломъ почтовомъ листѣ и, отдавъ Архипу, пошелъ въ залу, гдѣ давно ждали меня товарищи. У семинарскихъ воротъ Архипъ встрѣтился съ Артеміемъ Артемьичемъ.

— Пойдемъ, Архипъ, вмѣстѣ, сказалъ Артемій Артемьичъ, отвѣчая на поклонъ Архипа, вдвоемъ пойдемъ, — дорога будетъ короче.

— Истинно-съ. Давненько, Артемій Артемьичъ, вы у насъ не бывали.

— Собираюсь, собираюсь. Каково, Архипъ, поживаешь?

— Какое ужъ наше житье! Хуже скверной просвирки: какъ ни пеку, все просвиры на боку. Что ступишь, то согрѣшишь.

Архипъ былъ настоящій слуга, любилъ таки побранить своихъ господъ.

— Грѣхъ да бѣда на кого не живутъ, сказалъ «преобязательный человекъ».

— Конечно, ежели въ рѣдкость, такъ оно—ничего бы, въ охотку даже. А то все грѣхъ да грѣхъ, и попа-то иной разъ пожалѣешь.

— Развѣ больно много ужъ грѣховъ-то у тебя, Архипушка?

— И не говорите. Вотъ тепереча завелись шашни у барышни съ Григорьемъ Дмитричемъ, ну и бѣгай каждый день, высуня языкъ, изъ города въ семинарю, изъ семинарьи въ городъ съ записочками. Оно бы ничего, да все грѣшно таки: какъ ни на есть, а посредственникъ выходишь.

— И теперь записочку несешь?

— Не безъ того.

— Врешь?

— А это что, сказалъ Архипъ, вытащивъ письмо изъ-за пазухи.

Письмо очутилось въ рукахъ Артемья Артемьича. Онъ, не задумываясь ни минуты, живо снялъ облатку и сталъ читать письмо.

— Эхъ, Артемій Артемьичъ! Не жаль вамъ меня! Вѣдь гонка мнѣ за это будетъ.

— Зайди ко мнѣ: у меня облатки есть; я запечатаю письмо снова,—они и не узнаютъ. О—го! да у нихъ на *ты* идетъ, говорилъ Артемій Артемьичъ, читая письмо и дѣлая про себя замѣчанія, — сладко пишеть... Милый другъ... безцѣнный другъ... хм... хм... сладко, право. Письмо это, Архипушка, останется у меня, а вотъ тебѣ отъ меня на водку.

— Благодарствую. А какъ же я дома-то скажу.

— Потерявъ, уронилъ въ колодезь, въ канаву подъ дыр-  
вые тротуары... Мало ли, что можно выдумать.

Въ другой разъ такимъ же образомъ попало въ руки «пре-  
обязательнаго человѣка» письмо отъ Вѣрочки ко мнѣ.

Въ июнѣ я узналъ, что нѣкоторые изъ учениковъ средняго  
отдѣленія, живущіе подъ моимъ надзоромъ, промышляютъ фа-  
брикаціей папирсъ. Я нѣсколько разъ просилъ этихъ гос-  
подъ бросить опасный промыселъ, но они меня не слушались.  
Что мнѣ было дѣлать? Прибѣгать къ совѣту товарищей бо-  
гослововъ въ этомъ случаѣ было нельзя: богословы въ это  
время были въ ссорѣ съ философами, и товарищи мои непре-  
мѣнно заставили бы меня донести на виновныхъ инспектору.  
Я придумалъ обратиться за совѣтомъ къ профессору нрав-  
ственнаго богословія; онъ былъ явѣственъ за человѣка, ко-  
торый никогда не тянулъ ни за учениковъ, ни за семинар-  
ское начальство.

— Непремѣнно слѣдуетъ донести, сказалъ онъ, выслушавъ  
меня.

— Но вѣдь эти фабриканты работаютъ папирсы больше  
для собственнаго употребленія, и въ видѣ только исключенія  
позволяютъ себѣ сбывать ихъ товарищамъ — однимъ только  
товарищамъ и больше никому.

— Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ доносить.

— Но мое послабленіе они могутъ принять за поощреніе  
ихъ промышленности, и могутъ усилить и фабрикацію, и сбывать  
папирсъ.

— Непремѣнно слѣдуетъ донести.

— Но они вѣдь люди бѣдные, имъ жить нечѣмъ. Всѣ они  
промышляютъ фабрикаціей папирсъ—кто на сапожишки, кто  
на фуражку, кто на куртку или на брюки, кто на учебникъ.

— Ничуть не слѣдуетъ доносить.

— Но денежка заманлива и опасна. Наживъ лишнюю ко-  
пейку, они могутъ употребить ее на прихоти и даже, чего  
Боже сохрани, на удовлетвореніе страстямъ.

— Непремѣнно слѣдуетъ донести.

— Но виновныхъ непременно исключать, выгонять изъ се-  
минаріи; мнѣ ихъ жаль. Чувство долга здѣсь во мнѣ побѣж-  
дается чувствомъ человѣколюбія и состраданія къ ближнему.



— Ничуть не слѣдуетъ доносить.

Въ это время одинъ изъ учениковъ, живущихъ подъ мощью надворомъ, поспѣшно вѣшелъ въ переднюю профессора, далъ мнѣ знакъ, чтобы я вышелъ за двери и сказалъ мнѣ, что въ моемъ номерѣ начальство производить уже обыскъ.

Папирсыя фабриканты открыты не были, но у одного изъ учениковъ былъ найденъ болванчикъ для дѣланія папирсыя гидисовъ.

У другаго ученика найденъ альбомъ съ карринатурами на монашествующее духовенство. У меня найденъ списанный назадъ тому лѣтъ пять или шесть «Утопленникъ» Пушкина. Все это было принято въ расчетъ, и меня выслали изъ семинаріи на житье въ городъ, какъ человѣка разсѣяннаго. Я долженъ былъ снова поселиться на владѣніяхъ Петра Петровича.

Я откровенно написалъ отцу обо всемъ. Зная, что человѣку, получившему репутацію «разсѣяннаго» будетъ худо въ духовномъ званіи, я умолялъ батюшку не стѣснять меня, по окончаніи курса, въ выборѣ званія, если онъ не хочетъ навсегда загубить мою будущность. вмѣстѣ съ моимъ письмомъ полетѣла изъ города другое письмо къ отцу Семену. Тамъ дѣло представлено было совѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Я долго ждалъ отвѣта отъ батюшки на мое письмо, и думалъ даже, что онъ пріѣдетъ въ городъ самъ, но батюшка не порадовалъ меня тогда ни единой вѣсточкой. вмѣсто того я получилъ письмо отъ отца Василія, дня за четыре до окончанія курса. Онъ писалъ мнѣ, что мой отецъ простудился въ одну холодную ночь на рыболовствѣ, что у него отрывалась на ногѣ рана, что онъ давно лежитъ въ постели и очень опасенъ. Получивъ аттестать втораго разряда, я полетѣлъ домой, въ Пронию.

(На этомъ окончились „записки Семинариста“).

## Х.

Въ той же самой комнаткѣ, въ домѣ Залѣнова, гдѣ, послѣ долгой разлуки, Ратушевскій и Фоліантовъ встрѣтились съ

Ливановымъ, — всѣ они сидѣли за чаемъ. Тутъ же съ нимъ былъ отецъ Василій, прониинскій священникъ. Самого Залѣнова не было дома; онъ пошелъ въ консисторію, навѣсть кое-какія справки. Всѣ пріятеля съ видимымъ нетерпѣньемъ поджидали Петра Петровича, потому что въ тотъ день должно было окончиться дѣло Ливанова. Ратушевскій, только что прочитавшій «записки семинариста», долго и пристально смотрѣлъ на Ливанова, но ничего не могъ прочитать на безстрастномъ лицѣ его. Онъ замѣтилъ впрочемъ, что Ливановъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, но... и только. Григорій Дмитрічъ спокойно сосалъ давно потухшую папиросу. Въ дверяхъ, наконецъ, показался Петръ Петровичъ.

— А! Петръ Петровичъ, вскричалъ Ратушевскій, вскакивая со стула и заключая хозяина въ объятія. Ну что? какія вѣсти изъ консисторіи?

— Прикажите-ка, господа, сходить за виномъ, Господь вамъ на встрѣчу, отвѣчалъ Залѣповъ. Вы что больше любите, ромъ или коньякъ? спросилъ онъ, опускаясь на стулъ подлѣ отца Василя, и трогая его безпалою рукою по колѣну.

— Говорите, пожалуйста, что за новости? спросилъ Ратушевскій.

— Прежде всего сообщу новость Григорію Дмитрічу. Вы скоро будете священникомъ, отцомъ Григоріемъ, въ Обуховѣ. Вотъ вамъ и билетъ на вступленіе въ бракъ съ священнической дочерью, дѣвицею Павлою Филипповною, за которою было зачислено обуховское мѣсто. Съ чѣмъ васъ и поздравляю, сказалъ Залѣповъ, кланаясь Ливанову и отдавая сложенный вчетверо листъ.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ Ливановъ, положивъ билетъ въ тетрадь «записокъ». Въ этомъ я не сомнѣвался.

— Вчера подано прошеніе, а сегодня ужъ и билетъ на женитьбу. Скоро нынѣ ворочаются, замѣтилъ отецъ Василій.

— Вы, г. Фоміантовъ, продолжалъ Залѣповъ, черезъ мѣсяцъ будете отцомъ священникомъ въ Прониѣ.

— Что вы? вскричалъ отецъ Василій, поднимаясь съ мѣста.

— Точно. Ваше дѣло по кляузамъ писаря рѣшено; вы переведены въ Стуково. Дѣло съ резолюціей сдано въ консисторію. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Ну, слава Богу, хоть переѣздка-то недалняя: всего пятнадцать версть. Вотъ вамъ, сказалъ отецъ Василій, вынимаемая кредитный билетъ изъ портмоне. Посылайте за ромомъ или за ковыякомъ, за чѣмъ хотите.

— Такъ мнѣ, значить, назначень срокъ для явки къ посвященію, спросилъ Фолянтовъ.

— Точно, Богъ васъ любви. Въ мѣсяцъ вы должны жениться и посвятитесь во священника. Конечно можете и скорѣе.

— Но у меня еще нѣтъ и невѣсты въ виду.

— Это ужь не *наше* дѣло. Мѣсто, которое вы прежде просили, почислено за сиротой за какой-то...

— А обязательство?

— Оставлено въ своей силѣ: вы должны будете платить вдовѣ Лучковой 50 руб. сер. въ годъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю.

— Не очень тужу. Я радъ, что буду жить отъ Ливанова въ семи верстахъ. Вѣдь близко, а? Да проснись же, будущій отецъ Григорій. Въ сѣдлѣ буду къ тебѣ ѣздить. Земледѣльцы приближьтесь! Ура! Одолжи, Ливановъ, цѣлкачемъ въ счетъ будущихъ провинскихъ доходовъ. Петръ Петровичъ! Посылайте.

— Благодарствую. И самъ схожу. А вотъ Павелъ Алексѣичъ, такъ еще ближе будетъ жить отъ Григорья Дмитрича.

— Определень таки?

— Въ Обухово—въ наставника приходскаго училища.

— Караулъ! Ура! Къ просвирнѣ на хлѣбы, печь по черному, страхъ угарно. Петръ Петровичъ! Я ромъ люблю.

— Такъ пожалуйте на бутылочку.

Пріятели устроили знатную складчину, и вручили Петру Петровичу около 7 руб. сер.

— На семь цѣлковыхъ, господа, я могу завести настоящій балъ, Господь вамъ на встрѣчу.

— Можно, Григорій Дмитричъ, послать за вашими товарищами музыкантами и пригласить ихъ сюда, спросилъ отецъ Василій.

— Почему же, отвѣчалъ Захѣповъ. Мы и ужинъ соорудимъ. Поварь свой, Мавра Степановна услужить.

— *Perbelle*, воскликнулъ Ратушевскій. Каждый изъ гостей будетъ единицей въ двухъ лицахъ: и музыкантъ, и гость вмѣстѣ.

— «Шумимъ, братецъ, шумимъ».

— Очищеннаго нужно же будетъ.

— Всеиспрѣмѣнно. Контръ-басъ не очень жалуетъ загорскіе напитки всероссійскаго издѣлія. Да вотъ и самъ онъ. Геркулесъ Голиафовичъ! закричалъ Ратушевскій, увидѣвъ въ дверяхъ Горкина съ контръ-басомъ на плечѣ. Ба! И Флейта за тобой. Ты Сукновскаго-то не въ норманѣ ли принесъ?

— Чортъ бы побралъ проклятыя ребятишки! Днемъ никакъ нельзя пройти по городу съ этой машиной, сказалъ Горкинъ, становя контръ-басъ въ уголъ. Говорится, какъ за медвѣдемъ. Здравствуйте, господа! Поздравляю всѣхъ вообще и каждаго порознь, и желаю всѣмъ всѣхъ благъ, земныхъ и преисподнихъ, сказалъ онъ, пожимая руки товарищей своими медвѣжьими руками. Отецъ Василій! Какъ прикажете васъ поздравить.

— Пои поздравленіе, приличное случаю, сказалъ отецъ Василій.

— А я былъ сегодня въ консисторіи, сказалъ Горкинъ.

— Вотъ какъ нынѣ идутъ наши дѣла, отецъ Василій. Каждое почти діаконское и священническое мѣсто зачисляется нынѣ за какую нибудь сиротою невѣстою. Хоть плачь и съ житьемъ-то нашъ братъ.

— Пристало нашему брату плакать, сказалъ Горкинъ. Мужчина ли ты, Фолиантовъ?

— Къ несчастію мужчина, а то давно бы имѣлъ хорешее мѣсто: вѣдь я сирота.

Пока наши студенты толковали между собой, Залъновъ исправилъ комиссію. На столѣ явилась бутылка рому, бутылка коньяку, четверть очищеннаго, колбаса, десятка два копченыхъ сельдей, сахаръ, чай и проч.

— Ну вотъ, господа, вино на столѣ, — заговорилъ Ливановъ, — давайте же пировать!

— Идетъ.

Друзья выпили. Попозже пришло еще нѣсколько семинаристовъ съ музыкальными инструментами, и собралась почти всѣ постояльцы Петра Петровича, и пирушка началась. Распространяться о ней нечего: много тутъ играли, много пѣли, много пили... Словомъ то была послѣдняя, прощальная пи-

рушка, въ которой пріятель хотѣли насильно возбудить въ себѣ какую-то оффиціальную радость; по случаю получения вѣсти, и зальтъ тѣмънымъ виномъ неволею наиплавшія на сердцѣ слезы..

Утромъ всё развѣхались. Фолиантовъ побѣхалъ справиться на счетъ невѣсты; Ратушевскій въ Обухово укатилъ на хлѣбы къ просвириѣ, а отецъ Василій, получивъ указъ на перемѣщеніе, уѣхалъ вѣстѣ съ Лвановымъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ описаннаго нами вечера, Замбловъ получилъ отъ Лванова письмо. Вотъ что писалъ Лвановъ

27 авг. 1857 г. с. Обухово.

«Дорогой другъ мой, Петръ Петровичъ!

Пишу вамъ за два дня до моего брака. Матушка моя сильно скорбитъ о томъ, что домашнія обстоятельства не дозволили вамъ отпраздновать свадьбу ея ненагляднаго Гришеньки. Добрая матушка! Ей дѣла нѣтъ до того, что ненаглядный Гришенька нисколько не занятъ предстоящей свадьбой и хоть скорбитъ вмѣстѣ съ матерью о томъ, что нѣтъ васъ въ настоящую пору въ Обуховѣ, но скорбь Гришеньки ничего не имѣетъ общаго съ ея хлопотливыми, «ахъ, право,» да «оужъ, ей Богу.»

Въ моемъ безвыходномъ положеніи я такъ цѣню вашу помощь, такъ дорожу участіемъ вашимъ, какъ искренняго моего друга и совѣтника, что въ настоящее время, кажется, всё мои мысли сосредоточены почти на одномъ желаніи: видѣть себя возлѣ васъ. Свищова тоска давитъ меня; мнѣ такъ и кажется, что всё меня оставили, хотя матушка по минутно подходитъ ко мнѣ, и старается развлечь меня.

— Ничего, дѣтятко, говоритъ она, пройдетъ; нельзя же, всегда такъ бываетъ передъ свадьбой; такая грусть ляжетъ на сердце, что и Гоенода! А послѣ свадьбы какъ рукой снять. Это всегда такъ бываетъ.

Скоро отжилъ батюшка. И надо же было случиться такъ, что онъ умеръ за день до моего прѣзда въ Пронино. Тѣло его еще не было опущено въ могилу, а я ужь долженъ былъ выслушать изъ устъ матушки послѣднюю его волю, высказанную имъ на смертномъ одрѣ. Въ этой волѣ его заключается мой смертный приговоръ. «Скажи Григорью», говорилъ, умирая, отецъ мой матушкѣ, «скажи ему, чтобъ онъ непременно былъ въ духовномъ званіи, хоть бы довелось ему быть въ немъ послѣднимъ человѣкомъ. Подъ этимъ условіемъ да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе и мое. Въ противномъ случаѣ...» Я не договариваю послѣднихъ его словъ; отъ нихъ сжимается и обливается кровью сердце.

Все это вы знаете, но напрасно полагаете, что сословныя предубѣжденія диктовали моему отцу послѣднюю его волю относительно меня. Нѣтъ... Я согласенъ съ Ратушевскимъ, что въ духовенствѣ сословныхъ предубѣждений нѣтъ. Къ тому же мнѣ кажется, что отецъ мой былъ довольно разсудителенъ, хотя и упрямъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Ложные, грязные рассказы о моихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ, — вотъ что сбило съ толку моего бѣднаго отца. Его пугала мысль, что я женюсь на дѣвушкѣ, которая позволила себѣ преступную связь со мною до брака. Не выдавши Вѣры ни разу, онъ уже ненавидѣлъ ее, и завѣщаніемъ на смертномъ одрѣ хотѣлъ пресѣчь зло, лишивъ меня возможности жениться на ней. Отецъ думалъ, что мать Вѣры никогда не согласится выдать дочь свою за духовнаго, но онъ ошибался. За недѣлю до его смерти я получилъ согласіе Варвары Николаевны на руку ея дочери даже и въ такомъ случаѣ, когда отецъ мой рѣшится удерживать меня въ духовномъ званіи, но съ условіемъ если, дадутъ мнѣ священническое мѣсто.

Намеками, довольно впрочемъ ясными, отецъ мой давалъ разумѣть мнѣ, что онъ предубѣжденъ противъ Вѣры, страшно не любилъ даже, когда я говорилъ о ней. Какъ жаль, что онъ не видалъ ни разу эту милую дѣвушку. Я убѣжденъ, что онъ съ удовольствіемъ назвалъ бы Вѣру своей дочерью, если бы видѣлъ ее хоть разъ, одинъ только разъ.

Похоронивъ отца, я безъ труда уговорилъ матушку ѣхать со мною въ городъ. Она была въ восторгѣ отъ Камковыхъ,

какъ и слѣдовало ожидать, и возвратилась домой въ Пронно въ ожиданіи извѣстія, когда я получу мѣсто. Но... будь ты проклятъ Артемій Артемьичъ! Разными путями этотъ педагогическій свинтусъ успѣлъ довести до свѣденія начальства о моихъ интимныхъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Камковой, отношеніяхъ, поощряемыхъ ея матерью. У насъ, извѣстно вамъ, нѣсколькими указами строжайше запрещено кончалымъ семинаристамъ имѣть невѣсту. А тутъ я осмѣлился не только имѣть невѣсту, но еще влюбиться въ нее безъ разрѣшенія начальства. Преступленіе—неслыханное въ духовенствѣ! Въ одинъ прекрасный день мнѣ все это было откровенно высказано нѣкимъ вліятельнымъ духовнымъ лицомъ. За тѣмъ мнѣ оставалось или убираться изъ духовнаго званія, гдѣ не дали бы мнѣ больше пономарскаго мѣста, или жениться на духовной сиротѣ, какую укажутъ, чтобъ получить мѣсто священническое. Не знаю, какъ я въ тотъ день не потерялъ разсудка. Васъ не было тогда въ городѣ, и нельзя было надѣяться, чтобъ вы возвратились раньше трехъ или четырехъ дней. Въ моемъ отчаянномъ положеніи я однакожъ сдѣлалъ именно то, что мнѣ прежде всего надобно было сдѣлать, я пошелъ къ Камковымъ. Было около шести часовъ вечера. Меня встрѣтила Варвара Николаевна и, взявъ за руку, провела, по обыкновенію, въ гостиную.

— Гдѣ Вѣра? спросилъ я.

— Въ саду, отвѣчала Варвара Николаевна. Читаетъ, или вѣрнѣе мечтаетъ. — Что съ вами, Григорій Дмитричъ? Вы самъ не свой. Больны вы?

Я разсказалъ все подробно, безъ малѣйшей утайки. Варвара Николаевна до того была взволнована, что ничего не могла говорить и только ломала себѣ руки. Когда я кончилъ, она, глубоко вздохнувъ, повторила нѣсколько разъ:

— Господи! Какое несчастье! Бѣдная, несчастная Вѣра!

Вошла Вѣра и пристально посмотрѣла на насъ. Она была въ простомъ платьѣцѣ шерстяного сиреневаго баржега, съ перелинкою на плечахъ изъ той же матеріи. Разстроенный видъ матери и мой не могли не поразить ее.

— Мамаша! Что съ тобой? Какая холодная щека у тебя, сказала она, поцѣловавъ мать.

— Ничего, милая, пройдетъ. Здѣсь, кажется, немного холодно.

— Скажи, Григорій, ради Бога, сказала Вѣра, взявъ меня за руку, — что все это значитъ?

Я поцѣловалъ протянутую мнѣ бѣленькую ручку, и крѣпко, крѣпко сжалъ ее въ моихъ холодныхъ рукахъ. Какъ хороша была тогда Вѣра. И такое-то чистое, непорочное созданіе, такого ангела могъ потерять я. Впрочемъ, объ этомъ я тогда и не думалъ.

— Не тревожься, Вѣра, сказала я, какъ можно спокойнѣе и не выпуская руки ея.

— И у тебя руки холодны, сказала она мнѣ. — Когда это бывало?

Я глоталъ слезы и ничего не говорилъ. Между тѣмъ Варвара Николаевна немного оправдалась и собралась съ мыслями.

— Вѣрочка, сказала она. Намъ нужно поговорить съ Григорьемъ Дмитриевичемъ.

— Безъ меня?

— Да, моя милая. Оставь насъ на минуту.

Когда Вѣра вышла, я занялся слезами, какъ ребенокъ. Варвара Николаевна не мѣшала мнѣ плакать.

— Судьба не благоприятствуетъ намъ, сказала она, когда я нѣсколько успокоился. Напрасно я много рассчитывала на ея благосклонность. Петра Патровича все еще нѣтъ дома?

— Нѣтъ.

— Вы теперь разстроены, Вѣрочка тоже. Она приступить къ вамъ съ разспросами. Что вы будете говорить?

— Не знаю.

— Вы пойдете сейчасъ же домой, а я скажу Вѣрочкѣ, что вамъ надо было слѣдять въ сениарію и что вы черезъ часъ воротитесь. Но вы, разувѣтая, не воротитесь ни черезъ часъ, ни черезъ два, и придете къ намъ завтра обѣдать. Adieu.

И Варвара Николаевна, протянувъ мнѣ руку, поцѣловала меня въ голову.

Съ разстерзаннымъ сердцемъ, съ недобримъ предчувствіемъ вышелъ я отъ Камковыхъ и, только подходя къ воротамъ, догадался, что мнѣ надобно надѣть шляпу.



Лучше не говорить, какую ночь провела я на своей койкѣ, за перегородкой.

На другой день, по утру, я только что успѣлъ одѣться, какъ вошелъ ко мнѣ Ракоцкій въ мѣховомъ платьѣ, весь закутанный въ шарфъ.

— Не ожидали, Ливановъ, спросилъ онъ, снимая теплыя калоши.

— Признаюсь, отвѣчалъ я, подавая ему руку. Садитесь, сдѣлайте милость. Вы едва переводите духъ.

— Мѣхи-то плохо служатъ.

— Давно вы стали выходить?

— Въ первый разъ вышелъ, да и чуть дошелъ до вашей квартиры.

— Были у Варвары Николаевны?

— Вчера она у меня сидѣла съ восьми до одиннадцати. Пляхи, Ливановъ, ваши дѣла.

— Пляхи, Казиміръ Сетеровичъ, изъ рукъ вонъ пляхи. Голова кружится.

— Отказываются не надобно. Надѣюсь, Григорій Дмитричъ, вы честный и умный человекъ. Такъ поступите же въ настоящихъ обстоятельствахъ такъ, какъ велитъ вамъ долгъ честнаго и умнаго человека.

— Съ этой дороги я не сходилъ и, увѣренъ, никогда не сойду.

— Дайте мнѣ слово не ходить къ Камковымъ, пока обстоятельства не измѣнятся къ лучшему.

— Но какъ же это: идти адѣсь и не видѣть Вѣры, не сыны....

— Какъ жаль, если у васъ нѣтъ твердаго характера.

— Что дѣлать, вы требуете жертвы не по силамъ.

— Но если этого требуетъ отъ васъ Варвара Николаевна?

— Она вольна запереть двери своего дома передъ моимъ носомъ, когда ей угодно.

— Полнете горячиться. Но если преситъ васъ объ этомъ Казиміръ Ракоцкій, который стоице дорожитъ вашимъ расположеніемъ къ себѣ, что никогда не предложитъ вамъ просьбы, вредной для васъ.

— Вы требуете отъ меня жертвы не по силамъ. Умоляю васъ, не гоните меня отъ Вѣры.

— Фу ты, Господи! Далась вамъ эта жертва не по силамъ. Дайте мнѣ слово не ходить къ Камковымъ, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе недѣли. Я требую этого во имя любви вашей къ Вѣрѣ Александровнѣ. Неужели вы столько безхарактерны, что и эта жертва будетъ вамъ не по силамъ?

— Даю слово, хоть и не знаю, для чего оно вамъ нужно. На это время я уѣду домой въ Провино.

— И прекрасно.

— Я сегодня приглашенъ на обѣдъ къ Камковымъ. Послѣ обѣда...

— А честное-то слово забыли? Скоренько.

— Но какъ же я уѣду, не простившись съ ними?

— Очень просто: сядете въ тарантасъ, скажете ямщику: пошелъ—и все тутъ. Въ настоящихъ вашихъ обстоятельствахъ, чтобъ не убить Вѣру Александровну, вы должны будете скрывать передъ вею истину и прикрываться ложью. Вамъ, конечно, стыдно лгать передъ Вѣрой Александровной, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, такъ предоставьте это мнѣ, старому грѣховоднику. Я скажу ей, что ваша матушка опасно заболѣла, что изъ Провина въ глухую полночь прискакалъ за вами нарочный, съ которымъ вы, не медля ни минуты, и отправились въ путь,

— Но...

— Да будьте же, пожалуйста, мужчиной. На недѣлю, вѣдь всего на недѣлю.

Черезъ часъ я выѣхалъ изъ города, и къ вечеру слѣдующаго дня былъ уже въ Провинѣ. Первый вопросъ матушки былъ о Вѣрѣ и о Варварѣ Николаевнѣ, второй—о моемъ мѣстѣ. Я отвѣчалъ, что Камковы здоровы, и что мѣста я еще не получилъ и, можетъ, долго не получу.

Я проводилъ время всегда или дома въ четырехъ стѣнахъ, или въ прогулкахъ по окрестностямъ. Еслибъ вы знали, какія черныя мысли волновали меня, душили меня и сжимали сердце; еслибъ вы знали, какъ я упорно боролся съ ними въ уединенномъ затишьи нашего сельскаго домика, вы отъ всей души пожалѣли бы обо мнѣ. Я чувствовалъ потребность оди-

ночества: не для чего мнѣ было дѣлиться съ другими своимъ горемъ, которому я отдался всей душой, и оплакивалъ его только наединѣ съ самимъ собою. Даже у добраго отца Василія я былъ всего однажды на нѣсколько минутъ и въ такое время, когда его жены не было дома; я избѣгалъ разспросовъ, до которыхъ всё вообще женщины такія охотницы. Матушка моя была нисколько невоздержнѣе другихъ женщинъ на языкъ, и въ Пронинѣ не могло быть тайною, что у дьяконицына Григорья есть невѣста. Разъ, и именно наканунѣ предположенной мною обратной поѣздки въ городъ, возвращаясь съ прогулки, я повстрѣчался въ селѣ съ Клавдіей Викторовой, женою отца Семена.

— Что васъ не видать, Григорій Дмитричъ, спросила она меня.—Точно прячетесь отъ всѣхъ, право. Какова ваша невѣста? Вы, говорятъ, засватали свѣтскую? Напрасно. А мы своихъ-то куда дѣвать станемъ? Да и невѣсту свѣтскую чтобы брать, надобно просить разрѣшенія. Хорошо—разрѣшать, а какъ вѣтъ? Впрочемъ, что жъ за бѣда, если и откажутъ? Былъ бы покупатель, товаръ всегда найдется. Сколь нынѣ великъ окладъ въ попечительство за свѣтскую невѣсту? Не знаете? Напрасно; знать бы не мѣшало.

Я едва успѣвалъ отвѣчать на вопросы Клавдіи Викторовой, и счелъ за лучшее поскорѣе раскланяться съ словоохотливой попадѣй и идти далѣе.

Отдѣлавшись отъ одной кумушки, я шелъ на встрѣчу другой,—просвириѣ. Не желая сходиться съ нею, я поворотилъ было назадъ, но Клавдія Викторовна перемѣнила маршрутъ и шла опять мнѣ на перерѣзъ. Я вздумалъ сдѣлать фальшивое движеніе и идти по тропинкѣ къ Каменному Ключу, вправо отъ Пронина. Смотрю: по этой тропинкѣ прямо на меня идетъ корова, а за нею Секлетинья Мироновна съ хворостинной. Оставался для меня открытымъ лѣвый флангъ; но онъ былъ плотно защищенъ заборомъ и воротами дома причетника Трофима Захаровича. Я пошелъ на проломъ къ воротамъ Трофима, въ надеждѣ, что въ оградѣ у него не встрѣчусь ни съ кѣмъ.

— А, Григорій Дмитричъ! Добро пожаловать, заговорилъ

Трофимъ Захарычъ, снимая хомутъ съ отряженной уже лошади.

— Здравствуйте, Трофимъ Захаровичъ. За грибами, вѣрно, ѣздили?

— Какое! На большую дорогу носило. Шипъ на колесѣ лошугъ, такъ прамаялся дорогой. А ѣздилъ-то, признаться, за берестой; крынки надо оббивать. Что это за горшки нонѣ дѣлаютъ! Разъ, два нальешь ихъ, смотришь, врезнь и ползуть. А какъ берестой-то обовьешь, все-же подольше терпятъ. Вотъ это, снимаю я бересту на большой дорогѣ, продолжалъ Трофимъ Захарычъ, прибирая возжи, узду и сѣдло, — смотрю гонить кто-то по большой дорогѣ, вѣдь столбомъ. А это отецъ Виссаріонъ съ Лапугъ. Гоняетъ всегда на перемѣнныхъ. — «Стой, ямщикъ», закричалъ онъ, увидѣвъ меня. «Трофимъ Захарычъ! Каково живешь — можешь?» Я, разумѣется, презентовалъ отцу Виссаріону и съ своей стороны обратно. «Нака, братъ», говоритъ онъ, доставъ письмо изъ кармана, — «отдай это Григорью Дмитричу; изъ города; Петръ Петровичъ вручилъ. Пошелъ!» Только я его и видѣлъ. Ужъ мастеръ погонять.

— Мнѣ письмо, спросилъ я.

— Да, вамъ.

Когда я прощался съ Ракоцкимъ, онъ сказалъ мнѣ: «все будетъ сдѣлано для исправленія плохихъ дѣлъ вашихъ, что можно будетъ сдѣлать. Ждите и надѣйтесь!» У меня тотчасъ мелькнула мысль, что это письмо отъ Ракоцкаго.

— Вотъ извольте, сказалъ Трофимъ Захарычъ, доставая письмо изъ кармана. А я, было, хотѣлъ принести его къ вамъ застра.

Адресъ на конвертѣ былъ написанъ, Петръ Петровичъ, вашу руку, — тѣмъ почеркомъ, который не позволилъ вамъ возвыситься въ конвенторн до степени даже канцелярскаго писца. Я тотчасъ сломилъ печать. Вы желали мнѣ сѣбѣ въ городъ, какъ можно, скорѣе, если я хочу застать Камковыхъ, которые собираются въ путь. Конечно, я не медлил и, прѣстившись съ матушкою, погналъ въ городъ не хуже отца Виссаріона. Къ утру, задолго еще до восхода солнца, я пріѣхалъ на станцію Трохово. Ямщикъ подкатилъ мой тарантасъ къ воротамъ

знакомаго ямщика и сталъ выпрягать лошадей. Но хозяинъ не торопился выходить изъ избы. Я послалъ ямщика разбудить его. Черезъ четверть часа явился хозяинъ, безнадежно зѣвая и представляя изъ себя живую картину человѣка, недовольнаго нарушеніемъ его утренняго покоя.

— Лошадей, голубчикъ, пожалуйста поскорѣе, сказалъ я ему.

— А гдѣ ихъ взять? — Въ разгонѣ.

— Такъ, пожалуйста, позови сюда сосѣда ямщика, да поскорѣе.

— Окромѣ меня никто здѣсь не ѣздитъ по прогонамъ.

— Быть не можетъ. Такое большое село!

— Попробуй, повиси.

— Сдѣлай милость, найди мнѣ лошадей. Я тебѣ на водку дамъ.

— Толкомъ бають, нѣтъ молъ здѣсь лошадей окромѣ меня.

Нечего было дѣлать, я пошелъ самъ искать лошадей. Подхожу къ одной избѣ, по наружному виду которой можно было заключить, что хозяинъ ея живетъ позажиточнѣе своихъ сосѣдей. Сколько ни кричалъ я подъ окномъ, на голосъ мой никто не откликнулся. Только храня и сивстя спящихъ въ избѣ слышался на улицу. Я вѣдъ паланку и постучалъ въ оконную раму.

— Кто тамъ? — спросилъ меня хриплый мужской голосъ.

— Лошади есть?

Слышно было, что кто-то поднимается съ полатей, кричитъ, кашляетъ и отплевывается.

— Поскорѣе, пожалуйста.

— Погода ужъ, отозвался въ избѣ тотъ же голосъ, не столь уже хриплый.

Минутъ черезъ пять половинка окончины отодвинулась въ сторону, и въ окно высунулось заспанное лицо мужика.

— Лошади есть, спросилъ я.

— Ты откуда?

— Изъ Пронино.

— Знаю Пронино. Куда?

— Въ городъ.

Отд. I.

3

— Туда, значитъ? спросилъ мужикъ, кивнувъ головой по направленію къ городу.

— Да, туда. Лошади-то есть ли?

— Погоди ужо. Семейно ли васъ сѣдоковъ-то?

— Я одинъ.

— А кма ли лошадей надо?

— Пару.

— Для одного пары будетъ.

— Такъ веди поскорѣе.

— Погоди ужо. Свой карандасъ?

— Свой.

— На какомъ ходу?

— На деревянномъ.

— Ну, на золѣзномъ, такъ походчѣе бы было. По сколь платишь?

Я сказалъ.

— И плата годящая. Охотнику ѣздить можно. Прогонны впередъ отдаешь, али на той станціи платишь?

— Пожалуй, впередъ отдамъ. Лошадей-то давай, пожалуйста поскорѣе.

— Погоди ужо. А Якимъ что не ѣдетъ?

— У него лошади въ разгонѣ.

— То-то. Не опустилъ бы онъ. О! Жидоморъ въдь, на срамъ деньгу любить.

— Лошадей, лошадей веди поскорѣе. Сдѣлай милость.

— Ну-у! По прогонамъ, почтенной, я не ѣзжу и отъ-родесь не ѣзживалъ. У меня всего одна лошадь, да и та прошлой недѣлей захромала, лядъ ее знаетъ отъ чего.

Съ досадою отошелъ я отъ окна болтливаго мужика и постучался у другой избы. Успѣхъ былъ тотъ же. Такимъ образомъ я обошелъ почти всю деревню, и нигдѣ не нашелъ лошадей. Разстроенный до нельзя возвратился я къ своему тарантасу.

— Ты, почтенный, не сумлѣвайся, сказалъ мнѣ въ утѣшеніе Якимъ. Лошади воротятся часа черезъ три, много — черезъ четыре. Мы маленько ихъ покормимъ, и ступай со Христомъ.

Я легъ въ тарантасъ внизъ лицомъ, и такъ пролежалъ, не смыкая глазъ, цѣлыхъ шесть часовъ, пока Якимъ не заложилъ лошадей. На слѣдующей ставціи я прожилъ не менѣе пяти часовъ и въ городъ съѣхалъ въ тотъ самый день, въ который могъ явиться къ Камковымъ, не нарушая даннаго слова. Вотъ показался и домъ Камковыхъ. Десять часовъ утра. Ставни на-глухо закрыты. Что за чудо? Неужели еще спать? Быть не можетъ; Камковы встаютъ рано. Проѣзжая мимо дома, я увидѣлъ прибитую на углу его страничку сѣрой бумаги. На ней было крупными словами написано:

«Сей домъ продается».

У меня такъ стѣснило грудь, что я едва не закричалъ отъ боли. Нетрудно было догадаться, что Камковы оставили и домъ, и городъ N. Куда онѣ уѣхали? Вы были тогда въ консисторіи; Мавры Степановны тоже не было дома. Я побѣжалъ къ Ракоцкому. Онъ сказалъ мнѣ, что Камковы уѣхали наканунѣ вечеромъ, а куда уѣхали,—не знаетъ, и за тѣмъ передалъ мнѣ письмо отъ Варвары Николаевны. Письма этого вы не видали. Послѣ я нашелъ его въ боковомъ карманѣ моего сюртука скомканнымъ, смятымъ, т. е., въ томъ видѣ, въ какомъ оно было положено туда мною. Вотъ что я прочиталъ, когда развернулъ письмо Варвары Николаевны.

«Одному Богу извѣстно, дорогой Григорій Дмитричъ, какъ мнѣ горько, что я не могу назвать васъ своимъ сыномъ. Послѣ вашего отъѣзда въ Пронино, я взялась за ваше дѣло, въ надеждѣ поправить его; потому что ваше дѣло было дѣломъ и моей дочери вмѣстѣ. Я перебивала у всѣхъ духовныхъ лицъ, имѣющихъ хоть какое нибудь вліяніе на дѣла епархіальнаго управленія. Одни вовсе не принимали меня; другіе принимали, но старались, какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ меня уклончивыми отвѣтами. Одинъ изъ этихъ людей впрочемъ жалелся надо мною, выслушалъ меня отъ начала до конца и все-жъ-таки сказалъ: «дѣло это безнадежное. Ливанову трудно рассчитывать и на пономарское мѣсто; хоть на колокольню поди, да звони во вся, по силѣ отеческаго завѣщанія. Улика на лицо: «письмо вашей дочери къ Ливанову и письмо Ливанова къ ней». Какъ будто я не знаю, что это за письмо; какъ будто дочь моя послала къ

вамъ хоть одну строчку безъ моего вѣдома, или какъ будто она получила отъ васъ письма тайкомъ отъ меня. Или въ самомъ дѣлѣ, они считаютъ меня способною покровительствовать любви подозрительной, и чьей-же? родной дочери.

Возьмите же, Григорій Дмитричъ, послѣ этого на себя роль безпристрастнаго судьи между мной и вами. Что бы сдѣлали вы на моемъ мѣстѣ? Не тѣмъ же ли языкомъ заговорили бы вы, какимъ я сейчасъ буду говорить съ вами? Когда бы вы могли оставить духовное званіе, я знаю, вы нашли бы средства къ существованію, могли бы жить безбѣдно однимъ даже музыкальными уроками, если бы и не пошли въ службу. Дочь моя, помогала бы вамъ своими трудами, и вы могли бы жить въ довольствѣ. Но Богъ знаетъ, что бы ожидало васъ на житейскомъ поприщѣ, какое теперь обидитъ васъ въ случаѣ женитьбы вашей на моей дочери, да и вообще, позволить ли вамъ и жениться-то на ней похъ каинъ-то на блудъ услаждетъ, когда вы останетесь въ духовномъ званіи? Чего же мнѣ было ждать здѣсь въ городѣ? Я, съ своей стороны, имѣю свое особое взгляды на жизнь; и признаюсь вамъ, слыша отъ васъ, увидѣвъ дочь мою въ бракѣ съ человекомъ, надъ которымъ вся моя душа висѣла отцовское проклятіе. Вы видите, что дочь моя поборница для васъ безвозвратно, какъ и вы для нея.

Въ принадлежъ грѣшнъ вы, вѣрно, будете обвинять меня и жаловаться, за чѣмъ я, не увѣрившись прежде, возможенъ ли брачный союзъ между вами и моею дочерью, дозволила вамъ любить другъ друга. Въ вашемъ обвиненіи будетъ нѣсколько правды. Въ любящей матери близорукость непростительна. Я подмѣтила взаимную любовь моей дочери и вашу, когда уже поздно было тушить ее. Въ этомъ вся моя вина. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Сблизиться съ вашими родителями и откровенно объясниться съ ними? Но вѣдь есть же на свѣтѣ приличія, которыя надобно уважать. Нарушенія нѣкоторыхъ изъ этихъ приличій не терпятъ духовенство въ особенности. Если бы я вздумала взять на себя попытку сближенія моего съ вашими родителями, я увѣрена, что первый шагъ мой къ нему былъ бы принятъ ими за заискивающую попытку съ своекорыстною цѣлю, или даже для прикрытія неблаговиднаго дѣла. Петръ Петровичъ показывалъ мнѣ у Ракоцкаго письмо, гдѣ отецъ вашъ писалъ: учись, Григорій, и живи хорошо, *ни отъ чьей* тебѣ не будетъ отказано. Я не могла думать, что на языкѣ вашего родителя подобное обѣщаніе



имѣть самый тѣсный кругъ и доходить до извѣстной только черты. На богатую и блестящую партію для моей дочери я никогда не считывала; вы соединяли въ себѣ всѣ качества, какія я желала имѣть въ моемъ вѣтѣ. Признаюсь откровенно, я радовалась за мою дочь, что она отдала свое сердце именно вамъ, и что ваше сердце отозвалось на любовь ея. Остальное я предоставляла провидѣнію. Жалѣть, а не винить меня надобно, если оно рѣшило иначе.

“Вы будете, можетъ быть, обвинять меня въ жестокости, потому что я не дозволила вамъ и Вѣрочкѣ проститься другъ съ другомъ въ послѣдній разъ. Сколь бы ни была въ васъ сильна и слѣпа любовь къ моей дочери, но я надѣюсь, у васъ достанетъ на столько благоразумія, чтобъ отдать мнѣ справедливость въ этомъ случаѣ. Снисхожденіе было бы непростительною слабостью съ моей стороны. Допустить свиданіе между вами значило бы дозволить довести вашу любовь до послѣдней степени экзальтаціи. Обязанности мои здѣсь сходны съ обязанностію доктора, который лишаетъ больныхъ всего, что можетъ усиливать въ нихъ внутренній жаръ. По этой же самой причинѣ я удержала у себя письмо къ вамъ отъ Вѣры, написанное передъ отъѣздомъ. Да Вѣрочка еще и знаетъ мало, или по крайней мѣрѣ не все; я увѣрила ее, что получила увѣдомленіе о смерти близкаго своего родственника, проживавшаго въ одномъ изъ бѣлорусскихъ городовъ, и что намъ надобно спѣшить туда, не теряя часа, чтобы не потерять наслѣдства, оставшагося послѣ него. Вѣрочка вѣритъ мнѣ въ половину, потому что я лгала передъ нею въ первый разъ въ жизни и лгала, разумѣется, неудачно. Что-то будетъ, когда я увижу возможность сказать ей всю правду. Я дала довѣренность Ракоцкому продать домъ, мебель и все, что было у меня заведено по хозяйству; въ дорогу съ собой я взяла только то, безъ чего нельзя обойтись. Не старайтесь узнать отъ Ракоцкаго, куда мы отправляемся: онъ не знаетъ этого, да я и сама не знаю, въ какомъ городѣ выберу для себя уголокъ. Теперь я намѣрена около полугода путешествовать по Россіи.

Примите мою сердечную признательность за ваши труды по образованію моей дочери. Вы имѣли въ виду образовать Вѣру для себя и не жалѣли для этого никакихъ усилій, никакихъ пожертвованій; вы слѣдали для нея такъ много, что я не нахожу словъ благодарить васъ. Благодарность моя къ вамъ не умретъ со мною. Я надѣюсь, что Богъ помилуетъ мою дочь, и она переживетъ меня на

долго, чтобы всю жизнь хранить память о томъ сердцѣ, которое билось когда-то для ней одной. Пока я жива, вы всегда будете дороги для меня, почтительною къ вамъ»

*Варвары Камковой.*

4-го сѣнтября 1856 г.

Безсонныя ночи прошедшей недѣли, нагнанныя душевными мученіями, разстроили мое здоровье. Письмо Варвары Николаевны окончательно разбило во мнѣ физическія силы. Словно во снѣ вижу, какъ матушка моя, Мавра Степановна, и вы, Петръ Петровичъ, ухаживали за мной во время продолжительной моей болѣзни въ вашемъ домѣ. Одной матушкѣ, слабой и больной, было бы не подъ силу ухаживать за мною въ продолженіе двухъ почти мѣсяцевъ. Вы всегда были безконечно добры ко мнѣ, всегда зорко слѣдили за мною и умѣли направлять мои склонности въ добрую сторону. Вы же были моимъ хранителемъ и во время продолжительной моей болѣзни, просиживая съ книгою въ рукѣ иногда цѣлыя ночи у моего изголовья. Настоящимъ письмомъ я удовлетворяю собственному желанію откровенно высказаться передъ вами и описать подробно все, что связано съ роковою, невозвратимою для меня утратою, въ полной надеждѣ, что ваше доброе сердце всегда открыто для меня. Нынѣ я переживаю то состояніе, въ которомъ человѣкъ сознаетъ, что для него все потеряно въ мірѣ и впадаю въ жалкую апатію. Теперь... теперь пусть женятъ меня, на комъ хотятъ. Мнѣ говорятъ, что моя невѣста Павла Филипповна и молоденькая, и красавица; матушка въ особенности утѣшаетъ меня этимъ. Я со всѣмъ этимъ совершенно согласенъ, а все-жъ-таки повторяю: теперь пусть меня женятъ, на комъ хотятъ. Мнѣ все равно. Теперь моя жизнь опредѣлилась; я вступаю въ колею, изъ которой не выбиться мнѣ никогда; да и къ чему выбиваться, когда силъ ужъ нѣтъ для жизни настоящей; что-то истощило и сломало эти силы... Пожалуйте меня, добрѣйшій Петръ Петровичъ.

Весь вашъ *Ливановъ.*»

Прочитавъ это письмо, Петръ Петровичъ горько задумался; да и было тутъ надъ чѣмъ призадуматься.

II. Осеннѣ.

## ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

### ГЛАВА VI.

#### МОСТЬ НА РЕЙНЪ.

— Скажи, пожалуйста, Джоржъ, начала Кэтъ еще на ходу:— ужь не разставлялъ ли ты всё свои вещи для публичной продажи съ аукціоннаго торга?—Тутъ она украдкой взглянула на Алису и, замѣтивъ, что есть что-то неловкое, и Алиса не расположена подхватить ея шутку, продолжала скороговоркой, въ томъ же шутливомъ тонѣ, чтобы покрыть смущеніе Алисы и дать ей время оправиться до прогулки:—повѣришь ли, у него на столѣ лежали три бритвы?

— Вѣдь не ходить же небритымъ, хотя бы и въ Базелѣ.

— Но кто же брѣется тремя бритвами заразъ? Далѣе, на томъ же столѣ лежали три щетки для волосъ, съ поддюжины зубныхъ щетокъ, цѣлая коллекція маленькихъ гребешковъ, штуки четыре или пять маленькихъ стекляночекъ, съ серебряными горлышками, очень похожихъ на стеклянки съ ядомъ. Я только и могу объяснить себѣ все это твоимъ желаніемъ озадачить слабоумную горничную. Я весь этотъ хламъ убрала; но помни, что если ты опять произведешь безпорядокъ, ты же и будешь въ отвѣтъ. Ну, а что касается твоихъ сапоговъ, то я не намѣрена ихъ убирать, Джоржъ. И на что тебѣ понадобились въ Базелѣ три пары сапоговъ?

— Когда ты кончишь перечень всего моего гардероба, мы отправимся гулять по мосту; то есть, если Алиса этого желаетъ.

— О, да! Я охотно пойду.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте, сказала Кэтъ. И маленькое общество тронулось съ мѣста.

Когда они достигли моста, Алиса и Кэтъ шли рядомъ. Джоржъ шелъ позади ихъ на близкомъ разстояніи, но не принималъ участія въ ихъ разговорѣ, какъ будто онъ за тѣмъ только шелъ, чтобы служить имъ тѣлохранителемъ. Кэтъ казалась совершенно довольною этимъ положеніемъ дѣлъ и болтала съ Алисою, дѣлая видъ, будто все обстоитъ совершенно благополучно. Нечего и говорить, что Алиса на этотъ разъ не старалась сдѣлать Джоржа участникомъ ихъ разговора. Итакъ, онъ слѣдовалъ за ними по пятамъ, съ заложными за спину руками и опущенными въ землю глазами, оставаясь безучастнымъ спутникомъ ихъ прогулки.

— Знаешь ли, воскликнула Кэтъ, — меня разбираетъ страшная охота убѣжать.

— Куда же ты хочешь убѣжать?

— Куда бы то ни было, мнѣ все равно. Ну хоть въ маленькую гостиницу въ Гандекѣ. Мѣсто тамъ уединенное; жила бы я тамъ вдали отъ всего свѣта, а водопадъ былъ бы у меня подъ рукою. Одна бѣда, съ меня, пожалуй, стали бы требовать уплату по счету гостиницы. Ужь это совсѣмъ было бы не хорошо.

— Но къ чему же именно теперь убѣгать?

— Не беспокойся, не убѣгу; я знаю, что тебѣ неприятно было бы ѣхать домой съ Джоржемъ вдвоемъ; да и онъ счелъ бы своимъ долгомъ присмотрѣть за мною, точь въ точь, какъ онъ это дѣлаетъ теперь. Воображаю, какъ ему приятно это обязательное хожденіе за нами по мосту. Не будь насъ у него на рукахъ, онъ вѣрно сидѣлъ бы вонъ въ той кофейной и пилъ бы пиво.

— Я такъ думаю, что онъ не стѣснился бы насъ оставить, если бы ему хотѣлось уйти.

— Ну это грѣшно тебѣ говорить; вѣдь мы еще ни разу не сидѣли дома изъ-за его отказа идти съ нами. Но, что, бишь,

— Я начала говорить? Да! меня душает возвращение домой. Ты идешь къ своему Двону Грей; зато еще куда ни шло. А я, вѣдь, иду къ тетуськѣ Гринау!

— Это твой собственный выборъ.

— Ни чуть не бываю. Умѣю я въ такомъ дѣлѣ выбора никакого нѣтъ. Я, конечно, властна и не знаюсь съ ветушкой Гринау, и никто не можетъ принудить меня съ противником; но, говоря практически, у меня нѣтъ выбора (въ этомъ дѣлѣ). Представь же себѣ, какъ пріятно и вросски дѣлать выборъ въ Армутѣ, въ обществѣ такой женщины.

— Мнѣ бы это было не пріятно. Тетушка Гринау всегда казалась мнѣ хорошею женщиною.

— Женщина она, можетъ быть, и не злая; но я, признаюсь, считаю ее за нехорошую женщину. Она никогда не говорила при тебѣ о своемъ мужѣ?

— Нѣтъ, никогда. Помнится, она немного поплакала, когда въ первый разъ грѣхала въ улицу королевы Анны; но это было такъ естественно.

— Онъ былъ тридцатью годами старѣея.

— Но все же онъ былъ ея мужъ. Допустимъ даже, что слезы ея были притворныя; что жъ изъ этого? Какъ поступить женщиной въ подобномъ случаѣ? Конечно, она была не права, выходя за него замужъ. Ей было двадцать пять лѣтъ, и у нея ничего не было; ему было шестьдесятъ лѣтъ, и онъ былъ очень богатъ. Но, по общему отвыву, она была ему хорошею женою; не захочешь же ты, чтобы теперь, когда онъ отказалъ ей всѣ свои деньги, она хохотала, три мѣсяца спустя послѣ его смерти.

— Нѣтъ, я не хочу, чтобы она хохотала; но въ-то же время не хочу, чтобы она и плакала. Она хорошо дѣлаетъ, что носить трауръ, но ужъ совершенно напрасно хлопочетъ о ширинѣ плерезовъ и о томъ, чтобы нацы были ей къ лицу. Дриво, я боюсь, что она попортитъ себѣ глаза двойною работою; она постоянно смачиваетъ мнѣ слезами и въ тоже время всегда готова направить батарею своихъ взглядовъ на каждаго встрѣчнаго мужчину.

— Въ такомъ случаѣ, за вѣтъ же ты согласишься схватить съ нею въ Армутъ?

— А потому, что у нея состояніе въ сорокъ тысячъ фунтовъ. Если бы мистеръ Гринау оставилъ ей только небольшую пенсію, я бы, кажется, и руки ей никогда не протянула.

— Въ такомъ случаѣ ты и сама не лучше ея.

— Нисколько не лучше; оттого-то я и хотѣла бы убѣжать. Впрочемъ, не на мнѣ одной лежитъ вина; виноваты и всѣ окружающіе. Кто же пренебрегаетъ богатыми родственниками? Когда она предложила взять меня съ собою въ Ярмутъ, мой свайръ, какъ и слѣдовало ожидать, началъ уговаривать меня, чтобы я ѣхала. Обращалась къ Джоржу, тотъ мнѣ тоже въ отвѣтъ: «Что тутъ думать! конечно, ступай; вѣдь у нея состояніе въ сорокъ тысячъ фунтовъ!» Нельзя же считать себя умнѣе и лучше своихъ родныхъ. И что мнѣ, какъ подумаю, въ ея деньгахъ?

— Думаю, что тебѣ, немного изъ нихъ перепадеть.

— Да ни одного пенни. Мнѣ уже подѣ тридцать, а ей всего сорокъ лѣтъ, и она, конечно, выйдетъ замужъ во второй разъ. Къ тому же нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы меньше меня дорожилъ деньгами.

— Это такъ.

— А вотъ поди же, все-таки заискиваешь въ богатыхъ родственникахъ. На томъ ужъ свѣтъ стоитъ.

Тутъ она съ минуту помолчала.

— А сказать ли тебѣ, Алиса, чего я въ ней заискиваю? Быть можетъ, моя цѣль покажется тебѣ такою же низкою, какъ если бы я домогалась ея денегъ для себя.

— Посмотримъ, какая у тебя цѣль?

— Я не упускаю изъ виду, что черезъ нее Джоржъ можетъ сдѣлать свою карьеру. Мнѣ ненужны деньги, но ему онѣ пригодятся. А когда дѣло идетъ о его будущности, мнѣ кажется, что всѣ члены его семейства обязаны оказывать ему содѣйствіе. Я убѣждена, что онъ могъ бы составить себѣ имя въ парламентѣ. Будь у меня только своя воля, я бы отдала все наше состояніе до послѣдняго шиллинга, чтобы доставить ему представительство. Когда я сказала объ этомъ старику, онъ меня чуть не съѣлъ. Я, право, того и ждала, что онъ выгонитъ меня изъ дому.

— И по дѣломъ бы тебѣ было.

— Но мнѣ это все равно. Пускай бы онъ меня выгналъ; я положила себѣ, во что бы то ни стало, высказать ему свою мысль. Онъ обругалъ меня въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ; потомъ его взяло такое раскаяніе, что онъ въ тотъ же вечеръ прибѣжалъ ко мнѣ въ спальню, поцѣловалъ меня и подарилъ мнѣ банковый билетъ въ десять фунтовъ. И что же бы, ты думала, я сдѣлала съ этимъ билетомъ? Я послала его, какъ свою ленту, на покрытіе издержекъ по предстоящимъ выборамъ, и теперь онъ лежитъ подъ замкомъ у Джоржа въ шкатулкѣ. Только смотри, не говори ему, что я тебѣ рассказала.

Тутъ онъ пріостановили свою прогулку и облокотились о перила моста.

— Поди-ка сюда, Джоржъ, проговорила Кэтъ, отодвигаясь, чтобы дать ему мѣсто между собою и Алисою.— Не приходитъ ли тебѣ охота, глядя на эти манящія волны, плыть внизъ по теченію, точь въ точь, какъ плавали эти мальчики, пока мы сидѣли на балконѣ?

— Не скажу, чтобы мнѣ особенно хотѣлось испробовать это удовольствіе; развѣ для того только, чтобъ отправиться водою на тотъ свѣтъ.

— Мнѣ бы такъ пріятно было чувствовать, что меня уноситъ потокъ, продолжала Кэтъ,—особенно при этомъ свѣтѣ. Я просто представить себѣ не умѣю, чтобы я могла утонуть.

— А я такъ ничего другаго не могу себѣ представить, замѣтила Алиса.

— Какое наслажденіе чувствовать, какъ вода скользитъ по твоимъ членамъ, и ты несешься стремглавъ, зная, что путь твой прямо лежитъ въ Роттердамъ.

— И въ заключеніе прибыть туда безъ платья, добавилъ Джоржъ.

— Но платье могло бы слѣдовать въ лодкѣ. Развѣ ты не видѣлъ, что у этихъ мальчиковъ была лодка. Но если бы я жила здѣсь, я иначе бы не плавала, какъ при лунномъ свѣтѣ. Вода представляется теперь такую прозрачною и блестящею, звукъ отъ ея теченія такъ нѣженъ. Воображаю, какъ мнѣ послѣ этого не понравится море въ Ярмутѣ!

Давно уже ни одинъ изъ ея собесѣдниковъ не отвѣчалъ ей

ни слова, но она продолжала болтать о рѣкѣ, о своей тетушкѣ и о томъ, что ее ожидаетъ въ Ярмутъ. Ни одинъ изъ собесѣдниковъ не отвѣчалъ ей, а между тѣмъ, казалось, имъ нечего было сказать другъ другу. Долго стояли они такимъ образомъ и глядѣли на Рейнъ; отъ времени до времени возвышался голосъ Кэтъ, безъ котораго еще ощутительнѣе было бы для всѣхъ, что сердца ихъ слишкомъ переполнены для словъ.

Наконецъ Алиса, по видимому, стало холодно; по рукамъ ея пробѣжала легкая дрожь, которую Джоржъ скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ.

— Вамъ, кажется, холодно, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нисколько.

— Но если вы озябли, лучше пойдите домой. Мнѣ показалось, что васъ, пробираетъ дрожь отъ ночной свѣжести.

— Это не отъ холода. Мнѣ одна мысль пришла въ голову. Вамъ никогда не случается думать о такихъ вещахъ, которыя заставляютъ васъ содрогаться?

— Случается, и даже очень часто; такъ часто, что я ограничиваюсь только внутреннимъ содроганіемъ; иначе добрые люди могли бы подумать, что у меня падучая болѣзнь.

— Но я не говорю о какихъ нибудь серіозныхъ мысляхъ, продолжала Алиса. — Съ меня и сущихъ пустяковъ бываетъ достаточно, чтобы бросить меня въ дрожь. Слова, сказанныя мною не у мѣста дѣтъ десять тому назадъ, самый легкій промахъ съ моей стороны, даже мои собственныя, прежнія мысли о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, все это заставляетъ меня содрогаться.

— А не то, чтобы на вашей совѣсти лежало убійство?

— Нѣтъ; но все же, полагаю, въ этомъ выражается угроженіе совѣсти.

— Ну, я далеко не такъ добродѣтеленъ, какъ вы! Я даже подозрѣваю, что тутъ моя совѣсть осѣдѣла не при чемъ. Я содрогаюсь при воспоминаніи о какомъ нибудь случаѣ, выпущенномъ мною изъ рукъ, а я упускалъ ихъ тысячами. Но, какъ я уже сказалъ вамъ, я содрогаюсь внутренно. Во все продолженіе нашего путешествія, меня билъ безпрерывный ознобъ, потому что я не переставалъ думать объ одномъ упущенномъ мною случаѣ. Однако, намъ пора домой. Завтра намъ надо



подняться въ пять часовъ, а теперь двѣнадцать. Я отправляюсь кончать свое содроганіе въ постели.

— Развѣ вамъ надобно гулять? спросила Кэтъ, видя, что спутники ея направляются къ дому.

— Нѣтъ, не надобно, но Джоржъ сейчасъ напомнилъ мнѣ, что завтра мы должны будемъ встать въ пять часовъ.

— Очень нужно было Джоржу напоминать! Каково, не слышавъ-то много намъ предстоитъ на нашемъ вѣку вечернихъ прогулокъ по Базельскому мѣсту. Правда, мнѣ кажется, если бы мы перенеслись такимъ образомъ случайно на вершину Сьона, первого нашего мысля было бы: а ну, какъ мы не успѣемъ одѣться къ обѣду?! Да понимаешь ли ты, Джоржъ, что царь вѣетъ рѣвѣ течетъ подъ твоими ногами, и мѣсяцъ свѣтитъ съ такимъ блескомъ, какого ты не увидишь дома.

— Я готовъ простоять здѣсь всю ночь, если вы завтра отложите свой отъѣздъ, отвѣчала Джоржъ.

— Это намъ не по кошельку, сказала Кэтъ.

— А коли такъ, то нечего и толковать о Синаѣ, проговорилъ онъ, — а надо идти спать.

Они прошли по мосту, и направились къ гостинницѣ въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде; обѣ молодыя дѣвушки шли рядомъ, молодой человекъ слѣдовалъ за ними по пятамъ. Такою процессіей достигли они подъѣзда гостинницы, вошли въ сѣни, поднялись на лѣстницу. Тутъ Джоржъ подалъ Алисѣ свѣчу и при этомъ шепнулъ ей: «мой припадокъ озноба еще впереди и будетъ продолжаться всю ночь.» Дорого-бы дала она, чтобъ имѣть силу отвѣтить ему въ шутиломъ тонѣ, какъ бы не предполагая особаго значенія въ его словахъ; но это было ей не по силамъ; шутилый тонъ ей не давался, а потому она пошла въ свою комнату, не отвѣтивъ ему вовсе. Очувившись у себя, она присѣла на окно и, поджидая Кэтъ, стала глядѣть на Рейнъ. Комнаты молодыхъ дѣвушекъ были рядомъ, такъ что изъ одной прямо былъ видъ въ другую, Алиса и не хотѣла начинать свои дорожные сборы до возвращенія своей кузины.

Кэтъ, послѣдовавшая за братомъ, обѣщалась вернуться черезъ полминуты; но эти полминуты продолжались болѣе получаса. «Если ты слушаешься моего совѣта, проговорила

наконецъ Кэтъ, вставая со свѣчею въ рукѣ, — ты въ откровенныхъ выраженіяхъ попросишь ее дать тебѣ случай снова завоевать свое счастье. Переговори съ нею завтра въ Страсбургѣ; лучшаго случая тебѣ не дожидаться.

— И я долженъ сказать ей, чтобы она Джона Грея выкинула за бортъ?

— О Джонъ Греѣ не говори ни слова; предоставь ей рѣшить это дѣло съ самой собою; вѣрь мнѣ, что у нея достанетъ мужества отдѣлаться отъ Джона Грея, лишь бы его стало на то, чтобы принять твое предложеніе

— Вотъ то-то, Кэтъ, вы, женщины, никогда не понимаете другъ друга. Да поступи я такъ, какъ ты говоришь, противъ меня возстало бы все, что въ ней есть горячихъ убѣжденій. Нѣтъ, надо еще прежде довести ее до сознанія, что она тяготеется даннымъ ею словомъ.

— Это она давнымъ давно сознала. Или, ты думаешь, я не знаю, чего ей хочется? Но, если у тебя не достанетъ рѣшимости съ ней объясниться, она выйдетъ за него противъ своего желанія.

— Не достанетъ рѣшимости! Кажется, я еще ни разу не колебался приступать къ объясненію, съ кѣмъ бы то ни было, тамъ, гдѣ это было нужно. Порой это не совсѣмъ бываетъ пріятно, но все же я принуждаю себя и объясняюсь при первомъ удобномъ случаѣ.

— Но объясненіе съ нею не можетъ быть тягостью. Вѣдь тебѣ пріятно видѣть, что она все еще тебя любитъ? Вѣдь ты и самъ, конечно, все еще любишь ее?

— По чести, и самъ хорошенько не знаю.

— Не серди меня, Джоржъ. Я изъ кожи лѣзу, чтобы сблизить васъ другъ съ другомъ; но, не думай я, что ты ее любишь, я бы прямо пошла къ ней и велѣла бы ей проститься съ тобою на вѣки.

— По чести, Кэтъ, мнѣ порою кажется, что было-бы гораздо лучше, если бы ты оставалась въ своей кожѣ.

— Хорошо, я такъ и сдѣлаю. Но я должна сказать тебѣ, что ты неблагодарнѣйшій изъ смертныхъ.

— И почему бы ей не выйти замужъ за Джона Грея, если онъ ей нравится?

— Но въ томъ-то и дѣло, что онъ ей не нравится. А я такъ просто ненавижу его. Мнѣ все въ немъ противно: звукъ его голоса, взглядъ его глазъ, эти медленные, обдуманнныя движенія, точно онъ боится слишкомъ скоро износить свои платья.

— Но я не думаю, чтобы твоя ненависть могла что нибудь значить въ этомъ дѣлѣ.

— Ты, кажется, собираешься читать нравоученія; въ такомъ случаѣ я лучше уйду. Видѣть ее твоею женою было завѣтною мечтою моего сердца. Если ты кого любилъ въ своей жизни, а я порою и въ этомъ сомнѣваюсь, то люблъ ты ее.

— «Любилъ» и «люблю» не одно и тоже.

— Прекрасно, Джоржъ. Въ такомъ случаѣ мнѣ ничего болѣе не остается дѣлать. Такова была судьба всей моей жизни. Во всемъ, что я старалась для тебя дѣлать, ты самъ бросался на землю съ тѣмъ, чтобы и меня увлечь въ своемъ паденіи. Но мнѣ кажется, что ты говоришь такъ изъ одного желанія мнѣ досадить.

— По чести, Кэтъ, пора тебѣ спать.

— Я и пойду спать, но прежде разскажу ей все. Я не потерплю, чтобы ее снова обманывали и поступали съ ней жестоко.

— Но кто же въ настоящую минуту поступаетъ съ ней жестоко? И не величайшая ли жестокость стараться разлучить ее съ этимъ человѣкомъ?

— Нѣтъ; если бы я такъ думала, я ни за что не стала бы хлопотать объ этомъ. Но она будетъ съ нимъ очень несчастна и сдѣлаетъ его, въ свою очередь, несчастнымъ. Она его въ сущности не любитъ. Онъ-то ее любитъ, но это до меня не касается, какое мнѣ дѣло, что его сердце будетъ разбито?..

— Но за что ты разбиваешь мое сердце, мѣшая мнѣ спать?

При этихъ словахъ она вышла и поспѣшно направилась корридормомъ къ комнатѣ своей кузины. Она застала Алису все еще сидящею, или вѣрнѣе колѣно-преклоненною на стулѣ у окна; голову же свою молодая дѣвушка просунула за рѣшетку. «Ахъ ты лѣнтяйка!» воскликнула Кэтъ. «Каково? она еще и не начинала укладываться!»

— Но вѣдь ты сказала, что мы будемъ укладываться вмѣстѣ.

— Братъ задержалъ меня. Ахъ, Алиса, что онъ за чело-

вѣкъ! Если онъ только женится, каково-то будетъ ладить съ нимъ его жень?<sup>а</sup>

— Мнѣ кажется, онъ никогда не женится, отвѣчала Алиса.

— Ты такъ думаешь? Ну, ты, кажется, лучше меня его понимаешь. Пороку мнѣ кажется, что ему только и не достаетъ жены; чтобы сдѣлать его вполнѣ порядочнымъ человекомъ. Но не всякая женщина будетъ женою по немъ. Та, которая пойдетъ за него замужъ, должна быть неробкаго десятка. Минутами онъ бываетъ большой сорви-голова, за то онъ никогда не бываетъ ни грубъ, ни жестокъ. А мистеръ Грей бываетъ грубъ?

— Никогда; и въ то же время онъ не сорви-голова.

— Вѣрю, вѣрю. Еще бы онъ былъ сорви-голова!

— Когда ты говоришь въ этомъ тонѣ, Катъ, я знаю, что ты собираешься бранить его.

— Даю тебѣ честное слово, что нѣтъ. Что толку бранить его тебѣ? Но я люблю, чтобы мужчина былъ сорви-голова; — сорви-голова, какъ я понимаю это слово. Ты это и прежде знала.

— Любопытно знать, чтобы ты скавала, если бы тебѣ достался мужъ сорви-голова?

— Этого вопроса я еще никогда себѣ не задавала. Я часто спрашивала себя, какого бы тебѣ надо мужа? но о своемъ замужествѣ мнѣ рѣдко приходилось размышлять. Дѣло въ томъ, что я вышла замужъ за Джоржа. Съ самой той поры, какъ...

— Ну, что же ты остановилась?

— Съ самой той поры, какъ вы съ нимъ разошлись, вся моя жизнь была посвящена ему; и такъ оно будетъ до конца моихъ дней, если только не случится одно обстоятельство.

— Какое обстоятельство?

— Если ты, въ концѣ концовъ, не сдѣлаешься таки его женою. Кроме тебя онъ ни на комъ не женится.

— Катъ, тебѣ бы не слѣдовало заводить теперь объ этомъ рѣчь; ты знаешь, что это дѣло невозможное.

— Ну! пожалуй, что и такъ. Что до меня лично касается, то для меня же лучше, что оно такъ. Если бы Джоржъ женился, моя жизнь потеряла бы для меня всякій смыслъ и я осталась бы совершенно безъ дѣла.

— Полно, Кэтъ, не говори въ этомъ тонѣ, сказала Алиса, подходя къ ней и цѣлуетъ ее.

— Стунай прочь! проговорила она. Стунай, Алиса; мы съ тобой должны разойтись. Я не могу этого долѣе выносить. Ты должна все узнать. Когда ты выйдешь замужъ за Джона Грея, конецъ нашей дружбѣ. Если же ты сдѣлаешься женою Джоржа, я сдѣлаюсь ничѣмъ. У меня нѣтъ въ жизни другого интереса. А вы съ нимъ были бы такъ всецѣло поглощены другъ другомъ, что страхнули бы съ себя мое присутствіе, какъ вѣтхую одежду. А между тѣмъ я отдала бы все на свѣтѣ, всѣ свои надежды, чтобы только видѣть тебя женою Джоржа. Я знаю, что я нехорошая женщина, что во мнѣ много, много дурнаго, но я мало забочусь о себѣ. Полно, Алиса, полно. Мнѣ твои ласки не нужны. Лучше его ласкай, и тогда я буду на колѣняхъ стоять передъ тобою и цѣловать твои ноги.

Говоря это, она кинулась на диванъ и сидѣла, отвернувшись къ стѣнѣ.

— Кэтъ, тебѣ бы не слѣдовало такъ говорить.

— Конечно, не слѣдовало бы, но все же я буду говорить.

— Вѣдь, ты все знаешь, и должна же понять, что я не могу выйти за твоего брата, хотя бы онъ и желалъ этого.

— А онъ дѣйствительно этого желаетъ.

— Если бы даже я была свободна отъ другого обязательства, и тогда я не пошла бы за него.

— Но почему же? воскликнула Кэтъ, вскакивая съ дивана. Что можетъ теперь стоять между Джоржемъ и тобою, кромѣ этого роковаго обязательства, которое всѣхъ васъ доведетъ до погибели? Что, ты думаешь, у меня глазъ нѣтъ? Развѣ я не знаю, кто изъ нихъ тебѣ милѣе?

— Кэтъ! Ты заставляешь меня раскалываться въ томъ, что я рѣшилась поухать въ общество твоего брата. Такія рѣчи съ твоей стороны не только жестоки, онѣ, хуже того, неделикатны.

— А! неделикатны! Какъ ненавистно мнѣ это слово! Ничто такъ живо не напоминаетъ мнѣ выкрашенный гробъ, гладкій и блестящій снаружи, внутри же волный тлѣнія и всякой нечистоты, какъ это слово. Ну, а мысли твои деликатны? Вотъ отвѣтъ-ка мнѣ на этотъ вопросъ. Ты готовишься выйти за-

мужъ за Дэна Грея. Это можно назвать деликатнымъ только въ томъ случаѣ, если ты его искренно любишь, и чувствуешь, что можешь быть ему хорошею женою; но что можетъ быть не деликатнѣе этого поступка, если ты предпочитаешь ему другого? Деликатность имѣкъ женщинъ похожа на ихъ чистоплотность. Никто не можетъ быть опрятнѣе ихъ въѣшности; но чистота нѣтъ бѣлая дѣло сомнительное.

— Если ты такъ дурно обо мнѣ думаешь...

— Нѣтъ, я не думаю о тебѣ дурно. Да и какъ могу я о тебѣ дурно думать, когда я знаю, что ты пошла въ это затруднительное положеніе черезъ него. То была не твоя вина; онъ былъ кругомъ виноватъ. Но его милости, ты принесла себя въ жертву на этомъ алтарѣ. Если бы мы съумѣли отложить къ сторону всякую деликатность и жеманство, то мы должны будемъ сознаться, что это такъ. Посватайся за тебя мистеръ Грей въ то время, когда еще вы не ссорились съ Джоржемъ, кто бы тебя завѣрилъ, что онъ можетъ стать соперникомъ Джорда въ твоёмъ сердцѣ? — Батиръ соперникомъ Гипериона!

— Кто же изъ насъ сатиръ?

— Это я предоставляю рѣшить твоему сердцу. Ты знаешь, въ чемъ состоитъ мое самое задушевное желаніе. Но, Алиса, если бы я могла повѣрить, что мистеръ Грей для тебя Гиперионтъ, если бы я вѣрила, что, выходя за него замужъ, ты боготворила его тою безумною любовью, которая дѣлаетъ женщину счастливою и гордою въ замужествѣ, то я ни словомъ, ни дѣломъ не рѣшилась бы помѣшать этой свадьбѣ.

Алиса ничего не отвѣтила, и разговоръ такъ на этомъ и остановился. Алиса очень хорошо понимала, что, не дѣлая возраженій, признаетъ себя побѣжденной, и все же молчала. Она было приготовилась къ отчаянному бою, приготовилась отвѣтить своего жениха, мистера Грея, отъ всевозможныхъ нападокъ; но она чувствовала, что это ей не удалось. Она чувствовала, что нѣкоторымъ образомъ признала справедливость всѣхъ возраженій противъ этого брака, что слова, сказанныя въ свою защиту, не удовлетворили бы мистера Грея, если бы онъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ и не только не огорчили бы его, какъ любовница, но скорѣе побудили

бы его возвратить ей данное слово. Но ей больше ничего не оставалось сказать. Ей оставалось только дѣйствовать. Она отправится немедля домой и попроситъ его назначить день свадьбы; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Послѣ этого ей уже нестрашенъ будетъ Джоржъ.

Было уже около часа, когда наши дѣвушки начали свои дорожные сборы; по окончаніи ихъ, Алиса казалась совершенно разбитою отъ усталости.

— Послушай, милая, сказала Кэтъ; если ты слишкомъ утомлена, можно будетъ и отложить отъѣздъ.

— Ни за что на свѣтѣ, воскликнула Алиса.

— А это такъ легко устроить. Стоитъ только хоть полслова шепнуть Джоржу, и онъ будетъ, Богъ знаетъ какъ, радъ остаться. — Но Алиса и слышать объ этомъ не хотѣла.

Часа въ два они легли спать, и ровно въ шесть были уже на станціи желѣзной дороги. «Не говорите со мною, сказалъ Джоржъ, когда онъ встрѣтился съ ними при выходѣ изъ дверей. — Я буду только звать вамъ прямо въ лицо.» — Между тѣмъ они прибыли во-время на желѣзную дорогу и отправились въ Страсбургъ.

Нечего рассказывать объ этомъ маленькомъ путешествіи. Только два дня они провели на дорогѣ отъ Базеля въ Лондонъ; и въ продолженіе этихъ двухъ дней ни Джоржъ, ни Кэтъ не сказали Алисѣ ни одного слова о ея свадьбѣ, не сдѣлали ни одного намека о балконѣ базельской гостинницы или о мостѣ на Рейнѣ.

## ГЛАВА VII.

### ТЕТУШКА ГРИНАУ.

Передъ отъѣздомъ въ Ирмутъ, Кэтъ пробыла въ Лондонѣ всего только три дня, и въ эти три дня очень мало видѣлась съ своею кузиною. — «На всѣ эти нессы похвалы и принадлежности тетускѣ душою и тѣломъ,» объявила она Алисѣ, прибавивъ таки въ улицу королевы Анны на другой день послѣ ихъ воз-

вращенія въ Лондонъ. «И требовательна же она такъ, что я и сказать тебѣ не могу. Это я теперь потихоньку отъ нея увалась. Она отправилась на верхъ примѣрять новыя траурныя наряды, которые шьетъ себѣ для поѣздки въ Ярмутъ, я и удрала.» — О Джоржѣ не было между ними и помину, да и самъ Джоржъ куда-то скрылся. Какъ оказалось въ послѣдствіи, онъ ѣздилъ въ Шотландію охотиться на тетеревовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ онъ самъ свое отсутствіе; но люди, коротко знавшіе Джоржа, знали тоже, что онъ не любилъ откровенно говорить о своихъ поступкахъ, какъ это водится у добрыхъ людей.

Я общалъ познакомить читателя съ мистрисъ Гринау, и считаю это знакомство совершенно пелишнимъ. Мы послѣдуемъ за нею въ Ярмутъ. Мистрисъ Гринау была младшею дочерью стараго владѣльца Вавазорскаго Замка. Она была ровно десятью годами моложе своего брата Джона, но я готовъ отпустить ей грѣхъ, который она брала на душу, постоянно утверждая, что разница лѣтъ между ними гораздо значительнѣе; необыкновенная свѣжесть лица и молоджавость всей наружности служили ей оправданіемъ. Никто конечно не далъ бы ей сорока лѣтъ, а какая же женщина сознается, что она старѣе, чѣмъ кажется? Въ ранней молодости она была взята отъ отца и увезена въ одинъ изъ большихъ городовъ сѣверной Англіи, гдѣ и жила съ родственниками. Въ дѣвичество ей, какъ видно, не очень-то везло. Слывя за красавицу, она однакожь далеко не пользовалась успѣхами, которые обыкновенно соединяются съ красотой. Тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, она все еще не была замужемъ. Въ добавокъ она успѣла составить себѣ репутацію кокетки, и мнѣ сдается, увь! что во всѣхъ сплетняхъ, которыя ходили о ней, на значительную долю ли приходилась таки порядочная доля правды. Во всемъ этомъ было мало утѣшительнаго, такъ какъ Арабелла Вавазоръ ничего не имѣла, и въ добавокъ успѣла возстановить противъ себя отца и братьевъ рѣшительнымъ отказомъ слушаться ихъ совѣтовъ. Вся мужская половина семейства только покачивала головою, когда рѣчь заходила объ Арабеллѣ, какъ вдругъ въ замкѣ Вавазоръ получили извѣстіе, что она выходитъ замужъ за старика.



Итакъ, старикъ сдѣлался ея мужемъ: бракъ оказался вполне удовлетворительнымъ, по крайней мѣрѣ, для старика и для ея родственниковъ. Теперь у Вавазоровъ гора свалилась съ плечъ, и они съ радостнымъ изумленіемъ внимали доходившимъ до нихъ слухамъ о томъ, что она безукоризненно исполняетъ супружескія обязанности. Мужъ Арабеллы былъ удалившійся отъ дѣлъ негоціантъ, очень богатый, хилый и влюбленный въ свою молодую жену. До Замка Вавазоръ и до улицы королевы Анны вскорѣ дошли слухи, что супругъ ея считалъ себя счастливѣйшимъ старичкомъ въ цѣломъ Ланкаширѣ. Въ своей настоящей счастливой долѣ, она предала полному забвенію обиды, нѣкогда нанесенныя ей ея родственниками. Она писала письма своей любезной племянницѣ, Алисъ, и дражайшей племянницѣ, Кэтъ, и присылала разныя бездѣлушки въ подарокъ своему отцу. Разъ даже она свозила въ замокъ Вавазоръ своего мужа, и родственныя отношенія были восстановлены въ совершенной исправности. Мужъ Арабеллы былъ очень старъ и казался еще старѣе своихъ лѣтъ; но обстановка его дома была какъ нельзя болѣе респектабельна, и что бы ни говорили, а денежки водились у него чистоганомъ. Умеръ мистеръ Гринау, и вдовушка, исполнивъ извѣстныя формальности по завѣщанію, переѣхала въ Лондонъ, гдѣ и обратилась къ племянницамъ, приглашая ихъ утѣшить ея одиночество.

— Отчего-же и не съѣздить съ нею на мѣсяцъ въ Ярмутъ? сказалъ Джоржъ сестрѣ. Скучновато конечно будетъ; но на то она и тетушка съ сорока тысячами фунтовъ, чтобы угождать ей. — Кэтъ сознала справедливость этого довода и приняла приглашеніе ѣхать на мѣсяцъ въ Ярмутъ. — «Твоя тетка Арабелла оказалась очень дѣльной женщиною, писалъ ей старый сквайръ; такой дѣльности никто и не предполагалъ въ ней до замужества. Само собою разумѣется, если она тебя приглашаетъ, тебѣ слѣдуетъ ѣхать.»

— Ярмутъ не представляетъ ничего особенно плѣнительнаго для глаза. Песчано-желтая морская вода, вотъ и вся красота его. Берегъ низкій и однообразный и ничѣмъ не защищенъ отъ постоянно дующаго восточнаго вѣтра.

— Ну вѣтъ, я въ омнибусъ не поѣду. Жанета! Найми мнѣ карету. — Таковы были первыя слова, сказанныя мистрисъ

Гринау, по выходѣ изъ вагона. Имя ея горничной было Дженни; но Кэтъ, къ великому своему прискорбію, узнала, что дѣвущкѣ этой передъ отъѣздомъ изъ Лондона было отдано приказаніе называться Жанетою. Другое открытіе, сдѣланное Кэтъ, состояло въ томъ, что тетушка ея любила принимать строгій, повелительный тонъ. Властолюбивыя наклонности ея не проявлялись въ Лондонѣ, гдѣ новизна положенія нѣсколько смирала заносчивость провинціалки. Но, разъ очутившись за чертою столицы, она снова вошла въ свою натуральную роль. Въ Ипсвичѣ она съ такимъ видомъ скомандовала Жанетѣ принести стаканъ хереса, что произвела не малое впечатлѣніе между сторожами и кондукторами.

Подъѣхала карета, и поднялась возня изъ за размѣщенія пожитковъ самой мистрисъ Гринау, а также и скромныхъ чемодановъ ея племянницы и горничной; частію взгромоздили ихъ на верхъ кареты, частію на козлы, остальными завалили горничную, норовящее мѣсто въ экипажѣ, да и съ Кэтъ не церемонились,

— Вези насъ къ большому дому на площади Монпелье, проговорила мистрисъ Гринау

— Да они и всѣ тамъ не махонькіе, сударыня, отвѣчалъ возница.

— Къ тому, что всѣхъ больше, пояснила, мистрисъ Гринау.

— Да мало ли тамъ большущихъ домовъ, возразилъ извозчикъ.

— Такъ вези же къ дому мистрисъ Джонсъ, воскликнула мистрисъ Гринау. Мнѣ именно сказали, что онъ больше всѣхъ прочихъ домовъ.

— Домъ мистрисъ Джонсъ! А! знаю, знаю, отвѣчалъ возница, и они поѣхали.

Домъ мистрисъ Джонсъ оказался вполне удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, но не выдавался особенно величиною передъ другими домами, стоявшими по обѣимъ сторонамъ его: послѣднее обстоятельство испортило все дѣло для мистрисъ Гринау. Мистрисъ Гринау была добродушна, щедра и вовсе не эгоистка по природѣ; но она положила себѣ не оставлять втунѣ тѣхъ благъ, которыми наградила ее судьба и желала, чтобы цѣлый свѣтъ зналъ о ея сорока тысячахъ фунтовъ. Не поддаваясь чувству ложной стыдливости, она громко требовала для своихъ удобствъ

всего, что только могъ представить ей Ярмутъ самаго пѣннаго и лучшаго; она любила похвастаться своими требованіями такъ, чтобы всё о нихъ знали. Все это перемѣшивалось у нея безконечными сѣтованіями о смерти мужа.

— Мой незабвенный Гринау! Мой крошкѣй агнецъ! Ахъ, Кэтъ, если бы ты только знала, что это былъ за человекъ! — Она говорила это, сидя въ гостиницѣ мистрисъ Джонсъ и дожидаясь обѣда. Квартиру она позаботилась нанять съ гостиной и столовой — потому что, говорила она, не видитъ никакой надобности скривдничать во время пребыванія на водахъ, когда средства позволяютъ жить со всевозможнымъ комфортомъ.

— Ахъ, Кэтъ, какъ я жалью, что ты не знала его.

— И я тоже жалью, отвѣчала Кэтъ не совсѣмъ искренно. Въ социальнѣю, меня не было въ замкѣ Вавазоръ, когда онъ пріѣзжалъ туда.

— Ахъ да! Но надо было видѣть его въ семейномъ кругу, у домашняго очага, чтобы вполнѣ оцѣнить его. Да, Кэтъ! Завидная была моя доля при его жизни! — И въ изумленію Кэтъ неподдѣльные слезы потекли по щекамъ ея тетки. Впрочемъ ихъ тотчасъ же впиталъ въ себя платокъ изъ тончайшаго батиста, украшенный широчайшимъ рубцомъ.

— Обѣдать готово, сударыня, проговорила Жанета, открывая дверь.

— Сколько разъ я тебя учила, Жанета, чтобы ты докладывала: «кушать пожалуйте».

— Ну такъ пожалуйте кушать, повторила Жанета, довольно рѣзко.

— Пойдемъ, Кэтъ, сказала тетунка. У меня, собственно, плохой аппетитъ, но не сидѣть же тебѣ изъ за этого безъ обѣда. Я еще изъ Лондона заказала мистрисъ Джонсъ сладкое мясо; надѣюсь, что поваръ у нее приличный. Сама-то я мало емъ, но люблю, чтобы столъ у меня былъ хорошій.

Слѣдующій день было воскресенье, и мистрисъ Гринау готовилась явиться въ церковь во всей пышности вдовьей одежды. Послѣ обѣда съ сладкимъ мясомъ, передъ глазами изумленной Кэтъ произведенъ былъ генеральный смотръ всѣмъ принадлежностямъ траурнаго туалета. Перебирая свои наряды, она

выставляла на показъ великолѣпіе каждой вещи отдѣльно, восхищаясь плотностью крепа, тонкостью батиста, шириною оборокъ, и припоминая цѣны всего этого до послѣдняго шиллинга. Все это она дѣлала съ гордостью молодой невѣсты, щеголяющей богатствомъ своего приданого передъ любимую подругой. Отъ времени до времени мистрисъ Гринау отрывалась отъ своего занятія, и начинала причитать, обращаясь къ тѣмъ усопшаго въ выраженіяхъ самой глубокой нѣжности. Во время этой процедуры вошла мистрисъ Джонсъ, но присутствіе посторонняго лица нисколько не смутило нашу вдову. — Миръ праху его, проговорила она наконецъ, бережно складывая пышную мантилью изъ чернаго крепа.

— А онъ, знать, ей много оставилъ? замѣтила мистрисъ Джонсъ Жанетъ.

— Да, таки не мало, сударыня: сто тысячъ фунтовъ съ чѣмъ-то.

— Быть не можетъ!

— Говорятъ вамъ, сударыня, сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ; ужь это я доподлинно знаю.

— Отчего же она не держитъ кареты?

— Да она и держитъ ее, только не взяла съ собою на воды. Не идетъ какъ-то; стали бы говорить добрые люди: мужа едва успѣла схоронить, а ужь развѣзжаетъ въ собственномъ экипажѣ. А не то, чтобъ у насъ за средствами стало дѣло; кстати, мистрисъ Джонсъ, наймите-ка намъ на завтра карету, въ церковь ѣхать; это, знаете ли, выйдетъ будто за просто. Только она сказывала мнѣ, чтобы кучеръ безпремѣнно былъ въ ливреѣ и въ перчаткахъ.

Появленіе мистрисъ Гринау въ церкви произвело сильное ощущеніе. Другая на ея мѣстѣ прожила бы полжизни въ Ярмутѣ и все бы не освоилась съ ярмутской церковью. Но мистрисъ Гринау шествовала между скамьями съ такимъ самообладаніемъ, какъ будто этотъ храмъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ домовою церковью ея семейства. Церковная привратница оставила безъ вниманія двухъ почтенныхъ старушекъ и поспѣшила указать мистрисъ Гринау свободное мѣсто. Усѣвшись, она сдѣлалась предметомъ общаго вниманія; на нее были направлены всѣ взгляды, ее осматривали съ головы до ногъ; всѣмъ присут-

стоящему казалось, что утро это ознаменовалось каким-то необычайным событием, и даже самый проповедник не мог отвести глазъ отъ ея необыкновенной щипки, покрытой вуалью.

На слѣдующее утро имя мистрисъ Гринау была выставлено въ спискѣ прїѣхавшихъ, висѣвшемъ въ вокзалѣ. — Собственно мнѣ, въ настоящемъ моемъ душевномъ настроеніи, право не довести пустяковъ; но, милая Кэтъ, я ненавижу свои обязанности въ отношеніи къ тебѣ.

Кэтъ не ожидала на этотъ разъ той кообразительности, которой можно бы было ожидать отъ ея ума, и принялась увѣрять свою тетку, что она-то ужъ вовсе не нуждается въ обществѣ; что, готовясь соупростованъ мистрисъ Гринау въ этой поѣздкѣ, предпринимаемой въ первые дни ея вдовства, она напередъ знала, что ей будутъ жить уединенно. Но тетюшка сразу осадила ее, не выказавъ при этомъ ни малѣйшаго чувства смущенія или досады.

— Ужъ предоставь мнѣ, душа моя, поступать въ этомъ дѣлѣ такъ, какъ мнѣ велитъ моя совѣсть. Съ моею стороны было бы непросительнымъ эгоизмомъ обращать мою печаль въ пошлѣку твоимъ удовольствіемъ.

— Но, тетюшка, я право не дерзну подобнаго рода удовольствіями.

— Ну, это вздоръ, душа моя. Ты должна ими дорожить. Какъ же ты пристройшься, если не станешь дорожить ими?

— Но, милая тетя, вѣдь я ужъ пристроилась.

— Какъ? заселинула мистрисъ Гринау съ изумленіемъ, чуть ли не предполагая, что рѣчь идетъ о тайномъ бракѣ, котораго она до сихъ поръ и не подозрѣвала. — Ну, нѣтъ, это пустяки; гдѣ жъ ты пристроена? И хотѣла бы я знать, когда ты успѣешь пристроиться, если я позволю тебѣ жить отшельницей въ такомъ мѣстѣ, какъ Ярмутъ? Тутъ-то и глядѣть дѣвчнкѣ въ себя, чтобы не прозвать свою судьбу.

Тщетно старалась Кэтъ охладить ея порывъ.

— Полно, душа моя, и слышать ничего не хочу. Я знаю свою обязанность въ отношеніи къ тебѣ, и намѣреваюсь свято исполнить ее. Какъ я уже сказала тебѣ, для себя лично, я ничего не ищу въ обществѣ, все свои утѣхи я схоронил

вѣстѣ съ женою бесѣдывать другому. Сердце мое растерзано, и ничто уже сто не вальвентъ. Но я не могу приносить любви въ жертву своей ревности. Для тебя, Катъ, я вставлю любви выѣзжать.

— Но, вѣдай ты, что вѣзжуться свѣтъ, что вы такъ рано начали выѣзжать?

— А ни въ прощанье не сказали ничего свѣта. Какое мнѣ до него дѣло? Я же отъ кою не вальвенту, благодаря своему трезвому агнцу, оставившему мнѣ сорокъ тысячъ фунтовъ. А при такомъ наследствѣ не очень-то заботится о мнѣ свѣтъ... Катъ, Катъ; и буди поступать такъ, какъ мнѣ велитъ моя совесть. Я одѣлала же, зависящее отъ меня, чтобы ты вволю поровела здѣсь время, а такъ, свѣтъ можетъ толковать, сколько ему угодно.

Посѣтители, одинъ за другимъ, являлись въ домъ на площади Монпелье, и Катъ только дивилась многочисленному знакомству своей тетушки. Голова у нея шла кругомъ, и она съ трудомъ могла отличать людей, дѣйствительно знавшихъ мистрисъ Гринау въ прежнее время, отъ такихъ, которые являлись къ ней въ первый разъ. Такой-то быть знакомъ съ такимъ-то, который, въ свою очередь, зналъ того-то, и это считалась достаточною рекомендаціею, съ тою только оговоркою, чтобы наличный «сѣкто» завѣдомо имѣлъ на своей исторіи преимущества богатства или общественнаго положенія. Мистрисъ Гринау ужьла дарить чарующими улыбаками изъ подъ своего вдовьяго носа. Но восты, она тогда бываетъ прежеропенькая, ввела Катъ Алисъ. Но она въ то же время умѣла и изурить брови, и не задумываясь, отклоняла всякую попытку обличенія со стороны людей, денежные обстоятельства которыхъ считались недвижимыми.

— Милая тетя, ввела Катъ однажды упрямъ послѣ прогулки, какъ вы отѣлали этого капитана Бельфонда!

— Какой онъ капитанъ? Онъ былъ только лейтенантомъ въ то время, когда 97-й полкъ свалъ въ Манчестеръ, а я увѣрена, что съ тѣкъ поръ ему вездѣ было вѣзть ни одного шиллинга, чтобы купить себѣ повышение.

— Но едѣсь ея, по каждому, всѣ знаютъ.

— То-то и есть, что знаютъ его же такъ хорошо, какъ я.

Каково нахальство: позволить себѣ сказать мнѣ въ лице, что я очень авантюжна! Ничего такъ не возмущаетъ меня, какъ подобныя выходки со стороны какого нибудь общиннаго дуся, которому нечѣмъ расплатиться даже съ своей прачкой!

— На, тетунка, откуда же вы знаете, что капитанъ Бельфильдъ не платитъ своей прачки?

— Я знаю больше, чѣмъ ты думаешь, моя милая. Ужъ это мое дѣло. Если бы я не разучивалась про людей, какъ же бы могла я руководить тобою въ выборѣ поклоняющихся?

Тщето Кэтъ протестовала противъ такой, бѣже чѣмъ мистрисской, заботливости. Тщето выставляла она на видъ своей теткѣ, что ей уже подь тридцать лѣтъ, и что она вотъ уже лѣтъ десять, какъ живетъ своимъ умомъ; никто не помогало. Кэтъ начинала сердиться; но рассердить мистрисъ Гринау не было никакой возможности. Кэтъ говорила, отложивъ всякія шутки въ сторону; но мистрисъ Гринау перебивала ея рѣчи, какъ несостоящія вниманія. Вѣдь, Кэтъ была бѣдна и засидѣлась въ дѣвухахъ; изъ этого само собою слѣдовало, что она желаетъ, какъ можно скорѣе, выйти замужъ.

Но зная слишкомъ мало свою тетку, она не рѣшалась говорить съ ней откровенно; придетъ время, она ее короче узнаетъ и тогда онѣ поладятъ другъ съ другомъ.

А пока мистрисъ Гринау рѣшилась не жалѣть ни себя, ни своего кошелька, чтобы пристроить Кэтъ, и намѣревалась быть настоящимъ дракономъ тамъ, гдѣ ея племянницѣ грозила опасность со стороны такихъ невыгодныхъ обожателей, какъ капитанъ Бельфильдъ.

— Признаюсь, Кэтъ, я просто не понимаю тебя, сказала она ей однажды утромъ за завтракомъ.

— Чего вы не понимаете, тетунка?

— Вчера ты танцевала всего два раза въ цѣлый вечеръ, и изъ этихъ двухъ разовъ—одинъ съ капитаномъ Бельфильдомъ.

— Это потому, что мнѣ хотѣлось разспросить его объ этой бѣдной женщинѣ, которая стираетъ на него и не можетъ допроситься своей платы.

— Что за вздоръ, Кэтъ: вѣдь я знаю, что ты и не подумала объ этомъ спрашивать. Досадно мнѣ, право, на тебя!

— Но чѣмъ же можетъ быть для меня опасенъ капитанъ Бельфильдъ?

— А чѣмъ онъ можетъ быть для тебя полезенъ? вотъ въ чемъ вопросъ. Подумай, душа моя, годы уходятъ. Что говорить, ты до сихъ поръ великолѣпно сохранилась; нельзя ничего представить себѣ свѣжѣе и милѣе твоего личика, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ты стала кунаться въ морѣ....

— Полноте, тетущка, перестанемте объ этомъ говорить.

— Отчего же, душа моя, и не сказать правды? Но, признаюсь, я еще не встрѣчала дѣвушки безнечнѣе тебя. Когда же ты станешь думать о замужествѣ, если ты не хочешь объ этомъ позаботиться теперь?

— Успѣю еще подумать о замужествѣ, когда придется покупать вѣнчальное платье.

— Вотъ ужъ это вздоръ, сущій вздоръ. Хотѣла бы я знать, какъ ты обзаведешься вѣнчальнымъ платьемъ, когда ты до сихъ поръ не позаботилась обзавестись мужемъ. Если я не ошибаюсь, мистеръ Чизакеръ приглашалъ тебя вчера танцовать?

— Да, онъ приглашалъ меня, когда вы разговаривали съ капитаномъ Бельфильдомъ.

— Мнѣ-то, моя милая, капитанъ Бельфильдъ не можетъ повредить. Отчего же ты не пошла танцовать съ мистеромъ Чизакеромъ.

— Стану я танцовать съ этимъ неуклюжимъ норфольскимъ фермеромъ, который ни въ чемъ, кромѣ скотоводства, понятія не имѣетъ.

— Душа моя, да ты вспомни, что вся эта земля, до послѣдняго акра, его собственная; слышишь ли, до послѣдняго акра! И еще не далѣе, какъ прошлой весною, онъ купилъ новую ферму за тринадцать тысячъ фунтовъ. Да эти джентльмены-фермеры за поясъ заткнутъ любого сквайра. А главное, нѣтъ на свѣтѣ людей, которыхъ бы такъ легко можно было обработать.

— Вотъ это, такъ подлинно говорить въ ихъ пользу.

— Еще бы! и очень.

Мистрисъ Гринау не понимала шутокъ тамъ, гдѣ у нея были вовсе не шуточные заботы на умѣ. — Завтра онъ долженъ сопровождать насъ на пикникъ, и я надѣюсь, что ты съумѣешь



удержать его своимъ кавалеромъ. Ты займешь такимъ образомъ почетное мѣсто, такъ какъ онъ взялъ на себя всё вина для пикника. Онъ подѣлилъ гдѣ-то этого Бельфильда, который будетъ въ числѣ гостей; но если твое имя хоть разъ будетъ названо рядомъ съ именемъ этого человѣка, ты можешь считать свое дѣло въ конецъ испорченнымъ, по крайней мѣрѣ въ Ярмутѣ.

— Я вовсе и не желаю, чтобы меня называли рядомъ съ капитаномъ Бельфильдомъ, отвѣчала Кэтъ, и вслѣдъ за тѣмъ погрузилась въ чтеніе своего романа.

## ГЛАВА VIII.

### МИСТЕРЪ ЧИЗАКЕРЪ.

Ярмутъ не представляетъ никакихъ удобствъ для пикника. Необходимая обстановка пикника: зеленая травка, деревья, неровная мѣстность. Ни одному изъ этихъ условій не удовлетворяло мѣсто, избранное для предстоявшаго увеселенія, неподалеку отъ Ярмута. То была однообразная, ровная мѣстность, на берегу моря. Кругомъ ничего не видѣлось, кромѣ песку и воды; нигдѣ ни клочка зелени; старая, полуопрокинутая лодка должна была замѣнить столовую, и мистеръ Чизакеръ взялъ всѣ расходы по установкѣ скамей, столовъ и по сооруженію навѣса.

Мистеръ Чизакеръ могъ по праву называться хозяиномъ пикника. Мистеръ Чизакеръ ставилъ отъ себя вина, лодки, музыкантовъ и сигары. Но мистрисъ Гринау общалась позаботиться о съѣстныхъ припасахъ, и раздѣляла съ самимъ хозяиномъ праздника подобавшую ему честь. Она уже цѣлыхъ десять дней была знакома съ мистеромъ Чизакеромъ, и успѣла сойтись съ нимъ на короткую ногу. Мистеръ Чизакеръ былъ толстый, румяный господинъ, лѣтъ сорока пяти, холостякъ и, по всѣмъ примѣтамъ, дамскій угодникъ. Лѣта не оставили на его наружности другихъ слѣдовъ, кромѣ небольшой плѣши и сѣдины, кое-гдѣ пробившейся въ его бакенбардахъ.

Онъ былъ душою и тѣломъ преданъ сельскому хозяйству, и въ то же время слетка стыдился своей профессіи въ тѣхъ кружкахъ, которые принималъ за великосвѣтскіе. Въ довершеніе его характеристики мы должны сказать, что онъ былъ вовсе не прочь отъ тѣхъ почестей, которыя обыкновенно воздаются туго набитому и щедро раскошеливающемуся карману. Онъ таки охотникъ былъ угостить васъ обѣдомъ и потомъ похвастать, что вотъ-де, какой онъ обѣдъ задаль. «Ѣздилъ я на медни, говаривалъ онъ, съ молодымъ Гримсби. (Вы, конечно, слышали про гадервикскаго Гримсби? Такъ это его сынъ). Онъ чуть не загналъ у меня гнѣдую кобылу. Ну, да это пустяки. Я на другой же день далъ ему опять свою лошадь.» Нѣсколькихъ дней было достаточно для мистрисъ Гринау, чтобы свести съ мистеромъ Чизсакеромъ короткое знакомство, и пронюхать то обстоятельство, что вся земля его фермы, до послѣдняго акра, составляетъ его *безспорную* собственность.

— Мнѣ неидеть официально выступать учредительницей праздника, сказала она ему. Вѣдь это, не правда ли, было бы неловко въ настоящемъ моемъ положеніи.

— Да, пожалуй, что не совсѣмъ ловко. Но ничто не мѣшаетъ вамъ пріѣхать на праздникъ.

— Я такъ и намѣрена сдѣлать, мистеръ Чизсакеръ. Не лишитъ же мнѣ мою милую дѣвочку, изъ-за моей горести, всѣхъ удовольствій, свойственныхъ ея возрасту. Я бы этого себѣ никогда не простила. Что до меня касается, то, само собою разумѣется, ничто уже меня не веселитъ.

— Вѣрю, вѣрю вамъ, проговорилъ мистеръ Чизсакеръ, придавая своему лицу задумчивое выраженіе.

— Какое ужъ теперь веселье? И мистрисъ Гринау утерла слезу. Конечно, если принять только въ соображеніе мои года, то я еще могла бы отплясывать не хуже всякой другой...

— Что и говорить, могли бы, мистрисъ Гринау!

— Но женщинѣ ужъ не до веселья, когда сердце ея лежитъ въ могилѣ.

— Не вѣкъ же это будетъ, мистрисъ Гринау.

Мистрисъ Гринау покачала головою, какъ бы не зная, что на это отвѣтить. Слѣдовало бы сказать, что на вѣкъ, но она не хотѣла омрачить столь печальнымъ заявленіемъ общую весе-

лестя. — Итакъ, предлагала она, я предлагаю, что думаете спо-  
собны уладить это дѣло, будете вы сами вѣдѣть за него-  
вѣдомъ. Вы какъ думаете?

Мистеръ Чизасеръ думалъ, что оно будетъ барешерно дум-  
инныя спосовомъ.

— Ну и прекрасно: я назыву на себе: обиды и пирожной,  
вы же мятежи за вино и за ладни

— И за музыку, добавилъ мистеръ Чизасеръ. Все расхо-  
ды, какіе тамъ могутъ представляться на мѣстѣ, я такъ беру  
на себя. Мистеръ Чизасеръ лучше всего хлопоталъ, чтобы:  
которая нибудь изъ его идей не прошла незамѣненной.

— За все это, если вы согласны, я иду съ вами пово-  
лажь. Но мистеръ Чизасеръ на это никакъ не согласился.  
Онъ не жалѣлъ расходовъ; ему только хотѣлось довести ихъ  
до всеобщаго свѣдѣнія.

— Только послушайте, мистеръ Чизасеръ: вѣдь музыкан-  
товъ я хотѣла отъ себя нанять, продолжала мистрисъ Гринау.

— И скланиать объ этомъ не хочу, мистрисъ Гринау.

— Но это я, собственно, къ тому говорю, что я предпочитаю  
оркестръ Блаугарда. Другой, какъ быль его, Флюота, нигуде  
не родится на открытомъ воздухѣ.

— Быть по вашему! Мы возьмемъ Блаугарда, вслѣдствіе  
мистеръ Чизасеръ, и взялъ Блаугарда. Миссисъ Гринау была  
свотница въ подобныя мелочекъ нестать на своемъ. Хотя  
и не подожить никакому сомнѣнію, что сердце ея лежало въ  
мелкѣ.

Въ утро, канальное дѣл: шивка, мистеръ Чизасеръ  
явился на свиданіе. Монпелье въ сопровожденіи канальна Бель-  
шанда, бѣже котораго, на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, не  
явиле никакихъ вѣщичникъ каналькова ридера между кан-  
альномъ и его: пражофа. Они бѣже одѣтъ въ ампрасскую куртку,  
неуравашиему множеству мѣднѣкъ гуровани; оставшею же  
нарядъ томъ бѣже подѣвана подъ ордане матросскихъ. Въ ру-  
башкѣ у него блистало дорогимъ вѣномъ; на рукавъ бѣже жел-  
тицъ перлаени. Одѣтъ онъ бѣже вообще безукоризненно, и сердце  
мистера Чизасера сказало при встрѣчѣ съ нимъ двентцѣ-  
мешомъ. Онъ бѣже стѣтнѣкъ музьяни, ростомъ бѣже малаго въ  
шестѣ орданѣ; волосы, башбарды и уши бѣже у него темные,

почти черные, того подозрительного черного цвета, при видѣ котораго у внимательнаго наблюдателя тотчас же возникаетъ представление о парикмахерской лавкѣ. Черты лица у него были красивыя и правильныя, одинъ носъ только начиналъ принимать оттѣнокъ, изобличавшій не совсѣмъ умѣренную склонность къ буйнымъ увеселеніямъ. Впрочемъ, въ общей сложности онъ былъ видный мужчина, на вкусъ тѣхъ, кому правится подобнаго рода красота.

Мистеръ Чизсакеръ тоже былъ одѣтъ матросомъ. Его куртка, сдѣланная изъ болѣе грубой матеріи, сидѣвшая гораздо мѣшковатѣе, быть можетъ, ближе подходила къ настоящей матросской курткѣ. Но сравненіе съ Бельфильдомъ было до того невыгодно для мистера Чизсакера, что онъ сталъ самому себѣ просто противенъ. — Ну, исполать тебѣ, Гусь, воскликнулъ онъ, ишь какъ расфрантился! — Здѣсь будетъ у мѣста замѣтить, что капитану Бельфильду было дано при крещеніи имя Густава.

— Будто! а я и не замѣтилъ, отвѣчалъ капитанъ. Мой портной прислалъ мнѣ все это добро, говорить, что такъ носить. Если хотите, я помѣняюсь съ вами. Но гдѣ же было Чизсакеру натянуть на себя куртку капитана? Бѣднякъ пошелъ своею дорогой, пролиная самого себя. Читатель конечно не забылъ, что мистрисъ Гринау очень неблагожелательно отзывалась о капитанѣ Бельфильдѣ въ разговорѣ съ племянницей; это, впрочемъ, не помѣшало ей въ настоящемъ случаѣ принять его съ самою привлекательною улыбкою. Отъ того ли, что она успѣла перемѣнить свое мнѣніе о немъ, отъ того ли, что она подавляла свое личное чувство изъ уваженія къ мистеру Чизсакеру, который завѣдомо находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ капитаномъ, только улыбка ея равно сіяла для обоихъ джентльменовъ. Они встали ее окруженною корзинами съ провизіей; мистрисъ Джонсъ и Жанета суетились около нея, подавая то то, то другое. Изъ предосторожности она цѣвизала прѣстой кухонный передникъ; во всемъ остальномъ она ни на шагъ не отступила отъ своего обычнаго глубокаго траура. И вотъ она, печальная вдовца, всего только четыре мѣсяца тому назадъ схоронившая своего мужа, хлопочетъ, расторопная и щедрая, запасаясь всевозможными сластями для

предстоявшаго пиршества. Минуту спустя, она готова присѣсть на одну изъ корзинокъ, только что наполненныхъ ею, и повести рѣчь, заливаясь слезами, о своемъ усопшемъ праведникѣ. Можетъ, это кому и придется не по праву, да ей-то какое дѣло? Впрочемъ, что касается мистера Чизсакера и капитана Бельфильда, все это правилось имъ, какъ нельзя болѣе.

— Ахъ, мистеръ Чизсакеръ! Вы меня застаете въ расплохъ! Капитанъ Бельфильдъ! Какъ вамъ нравится мой передникъ? Не правда ли, онъ мнѣ къ лицу?

— Что бы вы ни надѣли, мистрисъ Гринау, вамъ все къ лицу.

— Ахъ, полноте, не говорите такъ; вѣдь вы знаете... Ну да не будемъ объ этомъ упоминать; для нынѣшняго дня мы отгонимъ отъ себя всѣ печальныя мысли. Не такъ-ли, мистеръ Чизсакеръ?

— О, да, конечно. Только вотъ дождя бы не было.

— Дождя не будетъ; къ чему заранѣе объ этомъ беспокоиться. А вотъ что, мистеръ Чизсакеръ: не отправить ли намъ Жанету впередъ? Она можетъ ѣхать въ телѣжкѣ съ провизіей. Вѣдь вы, я знаю, большіе пріатели съ Жанетой.

— Мы очень рады будемъ Жанетѣ, отвѣчала мистеръ Чизсакеръ.

— Премного благодарна, серъ, отвѣчала Жанета, присѣдала.

— Жанета, берегись, чтобы мистеръ Чизсакеръ не вскружилъ тебѣ голову. Да смотри, веди себя хорошенько и не оставайся, сложа руки. Ну-съ! Чего бы намъ еще не запомнить? Капитанъ Бельфильдъ, передайте-ка мнѣ этотъ окорокъ. Нѣтъ, нѣтъ, сами его не кладите въ корзину, вы перевернули его не той стороною. Ай, ай, ай! вы чуть не опрокинули мнѣ пирогъ изъ абрикосовъ! При передачѣ блюдъ, между капитаномъ и вдовою завязалась легкая пантомимная игра, которая, видимо, не совсѣмъ пришлась по сердцу мистеру Чизсакеру. Мистрисъ Гринау тотчасъ же это замѣтила и мигомъ поправила дѣло.

— Повѣрите ли, мистеръ Чизсакеръ, начала она; Кэтъ на отрѣзъ отказалась сойти внизъ изъ-за того именно, что ей не хотѣлось показаться вамъ въ передникѣ,

— Что жъ тутъ такого, хоть бы я и увидалъ миссъ Вавазоръ въ передникѣ?

— И я ей тоже самое сказала. Не хотите ли пройти въ гостиную? Вы найдете ее тамъ, и сами можете допросить объ этомъ.

— Съ какой стати ей меня совѣстится? протворилъ мистеръ Чивсакеръ, но въ гостиную не пошелъ. Ужь не боялся ли онъ оставить своего пріятеля на-единъ съ вдовою?

Но вотъ послѣднїя кушанья уложены, и мистрисъ Гринау отправилась на верхъ въ сопровожденїи обоихъ джентльменовъ. Въ гостиной они застали Кэтъ и еще двухъ, трехъ дамъ, которыхъ мистрисъ Гринау общалась вывести подъ своимъ крылышкомъ.

Въ числѣ прочихъ были обѣ сестрицы Ферстерсъ, пользовавшіяся особымъ покровительствомъ мистрисъ Гринау; въ отплату за него дѣвицы перевозносили ее въ такихъ выраженїяхъ, что Кэтъ только дивилась про себя ихъ безстыдству.

— Что за ангель, ваша тетунка! воскликнула Фанни Ферстерсъ, входя въ комнату. Въ жизнь свою я не встрѣчала женщины, въ которой было бы столько сердечной доброты.

— И столько неподражаемаго остроумїя, добавила ея сестра, Шарлотта, которая за послѣднїя двѣнадцать лѣтъ была известна въ Ярмутѣ подъ именемъ: *Язычка*.

Какъ только сестрицы завидѣли вдову, онѣ бросились къ ней, осыпая ее поцѣлуями и призывая небо въ свидѣтели, что никогда еще она не была такъ хороша. Надо вамъ сказать, что новенькія перчатки, красовавшіяся на рукахъ обѣихъ дѣвушекъ, были подаркомъ мистрисъ Гринау: какъ же имъ было не любить ее послѣ этого?

Была еще въ гостиной нѣкто мистрисъ Гринъ, жена морскаго офицера, находившагося въ то время въ экспедиціи у береговъ Вестъ-Индіи. Мистрисъ Гринъ была женщина скромная, молчаливая, недурная собой и носившая во всей своей наружности отпечатокъ порядочности. Казалось бы, что мистрисъ Гринау въ подобномъ знакомствѣ?

Но мистрисъ Гринау провѣдала, что она одинока, имѣеть ограниченныя средства и нуждается въ развлеченїи; а потому она изъ чистаго состраданїя навязалась къ ней въ знакомство и уговорила ее принять участіе въ пикникѣ. — Я знаю, что вашъ мужъ непременно послалъ бы васъ съ нами, сказала она ей,

и еще надѣюсь на своемъ вѣку разсказать ему лично, что я васъ уговорила ѣхать.

Вскрѣвъ за дѣвками Ферстерсъ, явился и братъ ихъ, Джо Ферстерсъ, юноша долговязый, пустой и безцвѣтный.

— Мы взяли съ собою Джо, поспѣшила Фанни извиниться передъ вдовою, на тотъ случай, что, можетъ, понадобится отдать кому нибудь бурнузы на сбереженіе. Мистрисъ Гринау привѣтливо улыбнулась мистеру Джо и объявила, что очень рада видѣть его у себя, пожимо всякихъ корыстныхъ соображеній.

Все общество тронулось въ путь. У выхода мистеръ Чизсакеръ и капитанъ, каждый съ своей стороны, рванулись было подставить руку вдовѣ, но мистрисъ Гринау распорядилась по своему. Капитанъ Бельфильдъ очутился кавалеромъ мистрисъ Гринъ, а мистеръ Чизсакеръ принужденъ былъ вести Кэтъ Вавазоръ. — А вы, будете моимъ кавалеромъ, мистеръ Джо, проговорила вдова. — Въ лодкахъ снова разсѣлись такъ, что мистеръ Чизсакеръ не попалъ въ сосѣдство вдовѣ. Онъ очутился въ другой лодкѣ, возлѣ Кэтъ Вавазоръ, и, отчаливая отъ берега, могъ видѣть, какъ капитанъ Бельфильдъ усаживалъ мистрисъ Гринау. У него было напередъ рѣшено съ самимъ собою, что этому не бывать. «Я за все плательщикъ, разсуждалъ онъ про себя; такъ пускай же и будетъ по моему». Но мистрисъ Гринау было достаточно двухъ, трехъ словъ, чтобы разстроить всѣ его соображенія.

— Какимъ шуткомъ смотритъ Бельфильдъ въ этой курткѣ! Не правда ли? обратился онъ къ Кэтъ Вавазоръ, усаживаясь возлѣ нея въ лодкѣ.

— Вы находите? А мнѣ такъ напротивъ казалось, что этотъ нарядъ очень милъ и надѣтъ, какъ нельзя болѣе, кстати.

— Красивъ-то онъ, можетъ и красивъ, возразилъ мистеръ Чизсакеръ, но подумали ли вы объ томъ, что онъ стоитъ сумасшедшихъ денегъ?

— Объ этомъ я не беруся судить. Вѣдь я, знаете ли, совсемъ памяти не имѣю о томъ, что можетъ стоить куртка, побрякивая сверху до низу мѣдными пуговками.

— Ну, а жаль, миссъ Вавазоръ, какъ вы думаете, дешево стоить? воскликнулъ мистеръ Чизсакеръ почти торжественно.

— Думаю, что не дешево.

— То-то! А у него нѣтъ ни гроша за душой, миссъ Вавазоръ, какъ есть ни гроша. Повѣрите ли, (тутъ онъ понизилъ голосъ до шопота) не далѣе, какъ третьяго дня, я далъ ему взаймы двадцать фунтовъ; ей богу! Это я вамъ, конечно, говорю по секрету. Онъ часто у васъ бываетъ, такъ я считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ относительно его. Но я желалъ бы, миссъ Вавазоръ, чтобы о томъ, что я вамъ сейчасъ сказалъ, не было болѣе и помину.

— О такихъ вещахъ, мнѣ кажется, вовсе не слѣдовало бы упоминать, возразила Кэтъ. Ее раздосадовала намекъ о томъ, будто она нуждается въ предостереженіи относительно Бельфильда.

— Именно, что не слѣдовало бы; а потому я и не сомнѣваюсь, миссъ Вавазоръ, что разговоръ этотъ останется между нами. Онъ, знаете ли, въ обществѣ милѣйшій малый; ну, видалъ тоже свѣтъ. Но это такой человѣкъ, что съ нимъ хлѣбъ-соль водить можно, а каши не сварить, какъ у насъ говорится въ Норфолькѣ. Какъ вамъ нравится Норфолькъ, миссъ Вавазоръ?

— Да я въ немъ прежде никогда не бывала, а теперь видѣла одинъ только Ярмутъ.

— Славный городъ Ярмутъ; городъ, можно сказать, перваго сорта. Но посмотрѣли бы вы, что за поля въ нашемъ графствѣ! Вамъ конечно не извѣстно, что мы кормимъ въ зимніе мѣсяцы одну треть цѣлой Англій?

— Неужели?

— Какъ же, какъ же; только никто Норфольку настоящей цѣны не знаетъ. Да, знаете ли, если принять все въ соображеніе, обиліе дичи, морскія купанья, ну тамъ, и лорда Нельсона, и все прочее, такъ ему не найдется равнаго между другими графствами. Вы только то подумайте: прокормить одну треть цѣлой Англій и княжества Валлійскаго въ придачу!

— То есть, какъ же это? Прокормить хлѣбомъ и сыромъ?

— Говядиной, миссъ! И въ патріотическомъ своемъ увлеченіи онъ громко повторилъ это слово: Да съ, говядиной! А подите, скажите-ка имъ это въ Лондонѣ, они вамъ не повѣрятъ. Нѣтъ, право, вамъ бы слѣдовало посмотрѣть наше сель-



ское хозяйство. Онъ успѣлъ развеселиться и рассудилъ, что въ отсутствіе вдовы вовсе не худо приволокнуться за племянницей.

— Между тѣмъ въ другой лодкѣ, у мистрисъ Гринау съ капитаномъ, дѣла шли, какъ по маслу.

— Что за славный человекъ вашъ пріятель, мистеръ Чизсагеръ! зашѣтила вдова. И хлѣбосоль какой!

— Да, онъ отличный малый въ своемъ родѣ. Между этими норфолькскими фермерами встрѣчаются добрыя животныя.

— Но вѣдь онъ не то, что обыкновенный фермеръ. Онъ вѣдь знакомъ на равной ногѣ съ сосѣдними севайрами, не такъ ли?

— Н—да! если хотите. Но эти провинціалы, знаете ли, не слишкомъ-то охотники знакомиться внѣ своего круга.

— Это понятно. Ну, а какъ онъ живетъ? Я слышала, у него славный домъ.

— О, да, домъ хоть куда. Только, на мой вкусъ, не мѣшало бы его отнести подальше отъ пруда, гдѣ купаютъ лошадей. Ну, да человекъ не приходится стыдиться того, чѣмъ онъ добываетъ свой хлѣбъ. Не такъ ли, мистрисъ Гринау?

— Но если бы онъ отдалъ свою землю въ аренду, онъ могъ бы жить настоящимъ джентльменомъ.

— Это смотря по тому, что вы понимаете подъ словомъ: жить настоящимъ джентльменомъ.

Тутъ они должны были прервать свой разговоръ, потому что лодка причалила къ тому мѣсту, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ.

## ГЛАВА IX.

### СОПЕРНИКИ.

Когда все общество расположилось въ старой баркѣ, мистрисъ Гринау сумѣла выступить подной хозяйкой шара и отодвинуть мистера Чизсагера на второй планъ. У нихъ было завязалось, незамѣтно для постороннихъ, легкое состязаніе о первенствѣ, но гдѣ же было мистеру Чизсагеру совладѣть съ такимъ противникомъ, какъ мистрисъ Гринау? Онъ вскорѣ на-

шемся вынужденнымъ уступить; правда, онъ продолжалъ суетиться и выдаваться между остальными гостями, но дѣйствовалъ онъ не болѣе, какъ въ качествѣ плавшаго официанта, исполняя чужія приказанія. Каниганъ Бельфильдъ съ своей стороны тоже не сидѣлъ, сложа руки; но мистеръ Чизсакеръ приходилъ въ неописанное общенство, глядя, какъ онъ распорядается и все слушаетъ его распоряженій. Чего стоить эта дерзость со стороны человека, который не далѣе, какъ третьяго дня, занялъ у него двадцать фунтовъ и съ своей стороны не поставилъ въ складчину даже бутылки шампанскаго!

— Мы обладаемъ въ четыре часа, объявила мистрисъ Гринау во всеуслышанье; теперь же половина четвертаго.

— А танцы начнутся въ шесть, не стерпѣла и подсказала одна молоденькая дѣвушка.

— Марія, совѣтую тебѣ молчать, замѣтила дѣвушка ее маменька.

— Да, мы обладаемъ въ четыре часа, сказалъ мистеръ Чизсакеръ. Что же касается до музыкантовъ, то я велѣлъ имъ быть здѣсь никакъ не позже половины шестаго.

— А теперь, я думаю, можно приступить къ распорядкѣ корзины, замѣтилъ каниганъ Бельфильдъ. Боясь этой воины полцѣны со всего удовольствія долой.

— О да, больше, чѣмъ полцѣны! воскликнула Фанни Ферстеръ.

— Бельфильдъ, ужъ вы, пожалуйста, не трогайте корзины, проговорилъ Чизсакеръ. Съ виномъ надо обращаться умѣючи; предоставьте это моему слугѣ.

— Диковинное дѣло, если бы я не умѣлъ обращаться съ виномъ получше половаго, котораго вы взяли изъ гостиницы, отвѣчалъ Бельфильдъ.

Намекъ на половаго такъ потянулъ мистера Чизсакера, что онъ отошелъ въ сторону и оставилъ Бельфильда въ обществѣ вдовы.

Когда дошло дѣло до размѣщенія гостей за столомъ, мистеръ Чизсакеръ поднялся на новую, отчаянную хитрость. Знаете ли что, господа, заговорилъ онъ громко: мы съ Бельфильдомъ займемъ оба конца стола, а мистрисъ Гринау сядетъ отъ меня по правую руку. Предложеніе это было сдѣлано очень искусно и, казалось бы, должно было польстить канигану. Но же

тотъ человѣкъ былъ капитанъ Бельфильдъ, чтобы покорно принять поражение въ подобномъ дѣлѣ.—Ну нѣтъ, это не совсѣмъ будетъ ловко, отвѣчалъ онъ. Мистрисъ Гринау угощаетъ насъ обѣдомъ, а мистеръ Чизакеръ виномъ. Такъ пускай же они сядутъ по обоимъ концамъ стола. Если мистрисъ Гринау позволитъ, я провожу ее на почетное мѣсто, а самъ сяду по правую ея руку въ качествѣ министра. Мистрисъ Гринау позволила, и дѣло было славно.

Мистеръ Чизакеръ, проклиная свою жизнь, усѣлся на своемъ концѣ стола. Не въ радость ему было и сосѣдство Кэтъ Вавазоръ, помѣстившейся на лѣвую его руку.—Право, можно подумать, что онъ все это отъ себя поставилъ, обратился онъ къ маменькѣ Мери, случившейся его сосѣдкою справа.

Но дама эта никакъ не могла взять въ толкъ, о чемъ онъ говоритъ, т. е. что поставилъ? спросила она.

— Ну, музыку, вино и все остальное. Бываютъ же такіе нахалы! Всюду умѣютъ втерѣться, и сами никогда и на шиллингъ не раззорятся. И какъ это имъ удастся, хоть убейте меня, не понимаю! Я только то знаю, что самъ всегда плачу, сколько тамъ приходится на мой пай, а подчасъ и съ залицомъ.

— Да, это правда, проговорила маменька Мери. У нея были, кромѣ Мери, еще другія дочери, и взглядъ ея въ эту самую минуту отыскивалъ ихъ по всему протяженію стола, чтобы удостовѣриться, что онѣ размѣстились надлежащимъ образомъ. Младшая ея дочь, Офелія, считавшаяся красавицей въ семьѣ, сидѣла востѣ этой отпѣтой ничтожности, Джо Ферстерса, и обстоятельство это приводило маменьку въ отчаянье.—Офелія, душа моя, ты сидишь на самомъ сквозномъ вѣтру. Напротивъ меня есть свободное мѣсто, гдѣ тебѣ будетъ гораздо лучше.

— Но мнѣ и здѣсь не дуеть, маменька, отвѣчала Офелія, не трогаюсь съ мѣста. — Должно полагать, что Офеліи хотѣлось остаться въ обществѣ этого долговязого, пустаго, безцвѣтнаго юнши.

Всего оживленнѣе было веселье на томъ концѣ стола, гдѣ помѣщалась мистрисъ Гринау. Посидѣвъ съ полминуты на своемъ мѣстѣ, вдовица вскочила и помѣнялась мѣстами съ капитаномъ Бельфильдомъ. Оказалось, что капитану ловчѣе съ ея

мѣста рѣзать пирогъ изъ дичи. Мистеръ Чизсакеръ, увидѣвъ это, съ шумомъ выронилъ ножикъ и вилку изъ рукъ. — Что такое случилось? спросила маменька Мери.

— Случилось! пробормоталъ онъ; и, покачавъ головою, въ сокрушеніи сердечномъ снова взялся за ножикъ и вилку. Кэтъ наблюдала за всѣмъ этимъ, и внутренно помирала со смѣху.

— Одинадцать, тринадцать, восемнадцать, двадцать одинъ, считалъ про себя съ горя мистеръ Чизсакеръ число фунтовъ которые ему придется заплатить за удовольствіе быть отодвинутымъ на послѣдній планъ.

— Леди и джентльмены, заговорилъ капитанъ Бельфильдъ по окончаніи обѣда, я прошу у васъ позволенія предложить тостъ.— Настоящій хозяинъ праздника не успѣлъ еще, между тѣмъ, проглотить послѣдній кусокъ сыру.

— Съ вашего позволенія, капитанъ Бельфильдъ, замѣтилъ злополучный хозяинъ, давась своимъ сыромъ, я самъ намѣренъ предложить тостъ.

— Другъ любезный! Вамъ и книги въ руки, отвѣчалъ капитанъ. Я и не подумалъ бы отбивать эту честь у человѣка, который съумѣетъ гораздо лучше меня показать себя достойнымъ ея. Но, такъ какъ мы собираемся пить за ваше здоровье, то я право не знаю, какъ вы предложите свой собственный тостъ.

Чизсакеръ промычалъ что-то про себя и опустился на свое мѣсто. Онъ ничего не имѣлъ противъ оказываемой ему чести и находилъ, какъ нельзя болѣе умѣстнымъ, тостъ за его здоровье; оставалось ему подумать о томъ, какую благодарственную рѣчь онъ будетъ держать въ отвѣтъ. Но вообразите себѣ его ужась, когда Бельфильдъ, вставъ съ своего мѣста, заговорилъ о мистрисъ Гринау! Цѣлыхъ пять минутъ длился краснорѣчивѣйшій панегирикъ вдовѣ, а о мистерѣ Чизсакерѣ не было и помину. «Ярмутъ, краснорѣчивовалъ Бельфильдъ, съ самаго своего основанія еще не былъ такъ осчастливленъ, какъ прибытіемъ благородной дамы, которая теперь присутствуетъ между нами. Приѣхала она, забывая свои собственныя великія печали и воодушевляемая однимъ желаніемъ доставить возможно большее счастье другимъ». Мистрисъ Гринау успѣла между тѣмъ вынуть носовой платокъ и граціознымъ движеніемъ

онъ откинула назадъ широкія ленты своего чепца. Сцена вышла очень трогательная, и Чизсакеръ начиналъ приходить въ изступленіе. У него перебили ту самую рѣчь, которую онъ задумалъ сказать.

— Терпѣть я не могу этихъ пошлостей, обратился онъ къ Кэтъ.

— Послѣобѣденныя рѣчи всегда бывають пустоваты, отвѣчала Кэтъ.

Наконецъ Бельфильдъ закончилъ свой панегирикъ мистрисъ Гринау и объявилъ гостямъ, что желаетъ присовокупить къ тосту имя своего друга Чизсакера; это будетъ тѣмъ болѣе прилично, что мистрисъ Гринау конечно не можетъ лично держать благодарственную рѣчь. Онъ заявилъ собранію, что такого славнаго явленія, какъ его пріятель, котораго онъ знаетъ съ незапамятныхъ временъ не найдти въ цѣломъ свѣтѣ, и выразилъ надежду, что всѣ присутствующіе отъ души согласятся выпить за общее здоровье мистрисъ Гринау и мистера Чизсакера. За этой рѣчью восносѣдовалъ звонъ стакановъ и шумъ обычныхъ пожеланій. Но вотъ и мистеръ Чизсакеръ медленно приподнялся на ноги и заговорилъ:— Отъ души благодарю все почтенное собраніе и друга моего, Бельфильда. Правда, онъ немножко, того... ну да объ этомъ не стоитъ говорить. Мнѣ было весьма пріятно доставить обществу это маленькое развлеченіе; я и самъ намѣревался предложить вамъ выпить за здоровье мистрисъ Гринау, но... гм... Бельфильдъ сдѣлалъ это безъ сомнѣнія гораздо лучше меня. Конечно, если взять въ соображеніе приличія, онъ могъ бы и повременить...

— Задумавъ такой тостъ, я не могъ ждать ни минуты.

— Я не перебивалъ вамъ рѣчь, капитанъ Бельфильдъ; такъ ужь сдѣлайте одолженіе, не перебивайте и вы меня. Всѣ мы пили за здоровье мистрисъ Гринау, и я беру на себя поблагодарить васъ и за нее, и за себя. Съ своей стороны, я ничего не жалѣлъ на устройство этого маленькаго праздника и надѣюсь, что угодилъ вамъ. Если не ошибаюсь, кто-то упомянулъ слово щедрость.. Я прошу позволенія заявить, что мнѣ никогда и въ голову не приходило смотрѣть на дѣло въ этомъ свѣтѣ. Кто нибудь да долженъ же платить въ подобномъ слу-

чай и я никогда не прочь отъ платка, когда до меня дойдетъ мой чередъ. Я убѣдился, что другъ мой Бельфильдъ въ свою очередь не замедлитъ дать намъ визитки. Пустьъ его только назначитъ день, я заранѣе напрашивалось къ нему въ гости.—И мистеръ Чизакеръ сѣлъ на свое мѣсто въ желѣзной увѣренности, что нанесъ врагу смертельный ударъ.

— Милости просимъ, за мною дѣло не станетъ, отвѣчала Бельфильдъ, и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ съ мистрисъ Гринау начатый разговоръ.

Но время шло и некогда было затягивать послѣбѣдственные рѣчи въ долгій ящикъ. Вскорѣ раздались звуки инструментовъ, которые настраивались музыкантами, и дамы удалились на противоположный конецъ бари, чтобы приготовиться къ танцамъ. Тутъ-то выказалась во всемъ своемъ блескѣ заботливость мистрисъ Гринау, отправившей Жанету впередъ съ корзиною запасомъ щетокъ, гребней, песочныхъ излывковъ и пр. Между дамами пронесся слухъ, будто мистрисъ Гринау дергивала чепецъ, и это сочли съ ея стороны предательскимъ поступкомъ, такъ какъ было напередъ условлено, что никто не будетъ передѣваться; но мистрисъ Гринау такъ обязательно уступила молодымъ дѣвушкамъ услуги Жанеты, такъ щедро раздѣлила изъ своего запаса разными туалетными принадлежностями, что большая часть присутствовавшихъ простила ей комич. чепецъ.

Когда женщины задумали танцевать, никакая неблагоприятная обстановка ихъ не удержитъ: онѣ вѣдь, какъ ни въ чемъ не бывало, будутъ отплясывать рваную вальсу на сѣжемъ всаханному полю. Прибрежный песокъ не сличномъ-то гладко лежалъ подъ ногами нашихъ друзей, но это не мѣшало имъ танцевать на мескѣ.

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, ни за что, отвѣчала мистрисъ Гринау мистеру Чизакеру, уговаривавшему ее принять участіе въ танцахъ. Катъ, я увѣрена, съ большимъ удовольствіемъ приметъ ваше приглашеніе, но меня уже вы, сдѣлайте милость, увольте.

Но мистеръ Чизакеръ не имѣлъ въ эту минуту ни малѣйшаго желанія танцевать съ миссъ. Онъ находился подъ смутнымъ впечатлѣніемъ, будто Катъ обошлась съ нимъ не совѣтъ любезно; а такъ какъ приданого за Катъ было нѣтъ, то

онъ не помышлялъ ни малѣйшаго желанія водочиться за нею, подвергаясь такимъ несприятностямъ.

— Я еще не рѣшилъ, буду ли танцевать, отвѣчалъ онъ, усаживаясь въ уголокъ палатки возлѣ мистрисъ Гринау. Въ эту самую минуту промелькнулъ капитанъ Бельфильдъ подъ руку съ Кэтъ Варваръ, отправлявшійся на мѣсто, назначенное для танцевъ. Мистеръ Чизсамеръ почувствовалъ, что наконецъ-то приспѣла ему пора воспріять награду, для которой онъ подвизался. Онъ былъ съ глазу на глазъ съ прекрасною дамою, вѣно придавало ему бодрости; разъ упустивъ такой прекрасный случай, когда дождался бы онъ другого? Мистеръ Чизсамеръ, будучи самъ человѣкомъ далеко не бѣднымъ, презиралъ бѣдность въ другихъ; что мистрисъ была богата, это былъ фактъ, неподлежавшій ни малѣйшему сомнѣнію, но, глядя на ея зрѣлую красоту, ему порою казалось, что она цѣнила бы его и безъ сорока тысячъ фунтовъ.

— Ахъ, мистеръ Чизсамеръ! вамъ, право, не слѣдовало бы такъ уединиться, проговорила мистрисъ Гринау. Безъ васъ для всего общества половина удовольствія потеряна. Кэтъ подумаетъ, что вы совсѣмъ ее забыли.

— Я съ однимъ только условіемъ стану танцевать, мистрисъ Гринау: чтобы вы согласились быть моею дамой.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, ни за что въ мірѣ. Я, право, боюсь, что вы забываете, какъ свѣжа еще рана моего сердца. Ваша просьба становится для меня самымъ тяжелымъ упрекомъ за то, что я согласилась принять участіе въ вашемъ праздникѣ.

— Еланусъ вамъ, этого у меня и въ мысляхъ не было, мистрисъ Гринау.

— Я вамъ вѣрю. Подобный упрекъ былъ бы недостойнъ мужчины.

— А что меня никто въ цѣломъ графствѣ не посмѣетъ, сказать, чтобъ я когда либо заятчалъ себя поступкомъ, недостойнымъ мужчины.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— Конечно, и у меня есть свои недостатки.

— Какіе же именно, мистеръ Чизсамеръ?

— Ну, хоть бы то, напримѣръ, что я расточителенъ. Впро-

чемъ, я, знаете ли, тамъ только сорю деньгами, гдѣ я могу доставить удовольствіе моимъ добрымъ знакомымъ. У себя же на фермѣ, ручаюсь вамъ, я умѣю беречь копейку.

— Расточительность большой порокъ.

— О, да вы не подумайте, чтобы я и въ самомъ дѣлѣ былъ гутила; ни, ни. Но, когда человекъ, знаете ли, влюбленъ и задумалъ жениться, очень естественно, что ему хочется поразгуляться.

— А вы задумали жениться, мистеръ Чизакеръ?

— Скажи я вамъ это, вы бы, конечно, только посмѣялись надо мною.

— Нисколько: не въ моихъ правилахъ смѣяться, когда люди, достойные моего уваженія, говорятъ со мною о такихъ важныхъ дѣлахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Это мнѣ пріятно слышать. А те знаете ли, куда какъ невесело, когда говоришь о важномъ дѣлѣ, а тебя поднимаютъ на смѣхъ.

— И къ тому же мнѣ ли смѣяться надъ бракомъ, когда я сама была такъ счастлива въ замужествѣ — И мистрисъ Гринау поднесла платокъ къ глазамъ.

— Вы были такъ счастливы, что рано или поздно захотите еще разъ вкусить того же счастья.

— Нѣтъ, мистеръ Чизакеръ, никогда. Такъ-то вы откладываете всякія шутки въ сторону, говоря о важныхъ дѣлахъ? Пора любви для меня миновалась. Моя любовь лежитъ подъ землею, въ могилѣ моего дорогаго усопшаго праведника.

— Но, мистрисъ Гринау — тутъ Чизакеръ, готовясь вступить съ ней въ диспутъ, придвинулся къ ней поближе — но мистрисъ Гринау, вѣдь вы знаете, что слезами горю не можешь.

— Порою мнѣ кажется, что одна смерть поможетъ моему горю.

— Ну нѣтъ, чортъ возьми! А я-то на что?

— Благодарю васъ за ваше участіе, мистеръ Чизакеръ; такому горю, какъ мое, никто не въ силахъ пособить.

— Въ самомъ дѣлѣ? А вотъ вы послушайте-ка меня, мистрисъ Гринау; я буду говорить, отложивъ всякія шутки въ сторону, ручаюсь вамъ. Поразспросите обо мнѣ сосѣдей, всѣ



скажутъ вамъ, что въ цѣломъ Норфолькѣ не найдется человека, который бы велъ свои дѣла исправнѣе меня. Я не плачу ни пени rents и живу самъ себя господиномъ на своихъ семи стахъ акрахъ лучшей земли въ цѣломъ графствѣ. Нѣтъ ни одной десятины, на которой я не вскормилъ бы полтора бычка. Помножьте-ка полтора на семьсотъ, выйдетъ круглая сумма. Забудьте: между нашимъ братомъ бѣлошпцемъ есть такіе, которымъ хуже живется, чѣмъ если бы они платили ренту. Чтобы воздѣлывать свою землю, они надѣлали столько долгу, что отъ процентовъ имъ жутче приходится, чѣмъ отъ какой угодно rents. Я же никому шести пенсовъ не долженъ. Я могу смѣло войти въ любой банкъ въ Норвичѣ, не опасаясь наткнуться на заимодавца. Ни одного векселя, подписаннаго мною, не гуляетъ по свѣту, мистрисъ Гринау. Вотъ каковъ Самуиль Чизакеръ изъ Ойлимсди! Живу я себя въ своемъ помѣстьѣ и знаю, что оно мое! И въ увлеченіи онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что вся утлая постройка задрожала.—Да-съ, оно мое, мистрисъ Гринау, и половина его будетъ вашею, если вы только удостоите принять ее.—И съ этими словами онъ протянулъ ей руку, не съ ласкою любовника, но какъ бы приглашая ее ударить по рукамъ и этимъ скрѣпить сдѣлку.

— Если бы вы знали, что за человекъ былъ Гринау, мистеръ Чизакеръ...

— Я вполне увѣренъ, что онъ былъ достойнѣйшій человекъ.

— Если бы вы знали его, вы не обратились бы ко мнѣ съ подобнаго рода предложеніемъ.

— А почему же бы и нѣтъ? Я того мнѣнія, что, какъ я уже вамъ сказала, слезами горю не поможешь. И я не вижу никакой пользы убиваться, изъ за чего бы то ни было. Если у меня на какомъ полѣ хорошо всходятъ ранніе посѣвы, я то же поле засѣваю поздней рѣпой, и никогда не горюю о пролитомъ молокѣ. Гринау былъ для васъ ранній посѣвъ, а я буду поздней рѣпой. И такъ, не томите, скажите мнѣ, что вы судасны. Подумайте, во всемъ домѣ вы не найдете у меня ни одной комнаты, въ которой мебель не была бы краснаго дерева.

— Что мнѣ въ мебели? проговорила мистрисъ Гринау, приводя въ дѣйствіе носовой платокъ. Въ эту самую минуту подѣ навѣсь вошла маменька Мери. Угораздило же ее придти въ такую минуту! Дѣло мистера Чизсакера только было пошло въ ходъ. Въ присутствіи третьяго лица онъ почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ уличнаго преступника и поспѣшилъ переѣхать подальше отъ вдовы.

Но мистрисъ Гринау не знала за собой никакой вины, а потому и не смутилась въ присутствіи третьяго лица. Мы съ мистеромъ Чизсакеромъ разсуждали объ агрономіи, заговорила она.

— А! объ агрономіи, протянула маменька.

— Мистеръ Чизсакеръ того мнѣнія, что поздняя рѣпа лучше раннихъ посѣвовъ.

— Да, это мое мнѣніе, подтвердилъ мистеръ Чизсакеръ.

— Я съ своей стороны предпочитаю ранніе посѣвы, продолжала мисисъ Гринау. Мнѣ даже кажется, что эти позднія катвы идутъ наперекоръ законамъ природы. Вы что скажете на это мистрисъ Юкеръ?

— Я думаю, что мистеръ Чизсакеръ лучший судья въ этомъ дѣлѣ, отвѣчала мистрисъ Юкеръ.

— Да, въ дѣломъ Норфолькѣ не найдете человека, который сумѣлъ бы въ такой точности сказать, что можно выручить съ слѣдующей земли.

— Можетъ быть въ Норфолькѣ оно и хорошо, сказала мистрисъ Гринау, вставая съ своего мѣста, но, сколько мнѣ извѣстно, въ другихъ графствахъ не слѣдующаго-то одобряютъ плодонеремѣнную систему.

— А я пришла за тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что намъ пора бы и домой собираться, замѣтила мистрисъ Юкеръ. — Офелія у меня такая слабенькая.

Въ эту самую минуту можно было видѣть слабенькую Офелію, ужаснувшуюся подѣ звуку галона въ объятіяхъ Дѣло Фарстерса. Понятно было беззачѣстье мистрисъ Юкеръ.

Не безъ труда собрали записавшуюся молодежь для обратнаго путешествія. Не малыхъ тоже стоило хлопотъ вставить гребцовъ разстаться съ ихъ кружками и табакомъ.

— Только бы они не были мертвы пьяны, проговорили мистрисъ Йокеръ, съ испугомъ на лицѣ.

— Судьи не бываютъ трезвые, отвѣчалъ капитанъ Бельфильдъ, успѣвшій понавѣдаться къ корзинамъ мистера Чизсакера, пока джентльменъ этотъ проводилъ время несравненно болѣе приятнымъ образомъ.

— А то я знаю, подѣ хмѣлькомъ они способны всякихъ бѣдъ надѣлать, продолжала мистрисъ Йокеръ.—Право, мистрисъ Гринау, имъ ничего не стоитъ завезти насъ въ открытое море.

— Ахъ, какъ бы это было хорошо, воскликнула Офелія.

— Офелія, прошу садиться въ одну лодку со мною, строго проговорилъ маменька.

Мистрисъ Йокеръ намѣревалась заградить доступъ въ эту лодку Джо Ферстеру. Но Джо съ дочкой перехитрили ее. Когда отчалили отъ берега, мистрисъ Йокеръ очутилась подѣ покровительствомъ мистера Чизсакера въ одной лодкѣ, а грѣховодница Офелія съ своимъ негоднымъ обожателемъ въ другой, въ которой весело предсѣдательствовала капитанъ Бельфильдъ.

— Ужъ достанется же мнѣ отъ маменьки, проговорила Офелія.—А все вы виноваты, мистеръ Джо.—Я, право, не сюда хотѣла попасть. И за тѣмъ оба разошлись по своимъ мѣстамъ не единымъ-то, но ведомому, горю объ этомъ промахѣ.

Тщетно старался мистеръ Чизсакеръ устроить такъ, чтобы мистрисъ Гринау хоть на возвратномъ пути была его спутницей. Этому воспротивился не только капитанъ, но и сама мистрисъ Гринау.

— Нѣтъ ужъ мы лучше вернемся въ томъ же порядкѣ, въ какомъ прѣехали, сказала она и протянула руку капитану Бельфильду.

— О, да, разумеется, сказалъ капитанъ.—Нѣтъ не хорошо этотъ порядокъ? Ну, Чизсакеръ, дружище, береги мистрисъ Йокеръ. Мистрисъ Гринау заняла самое удобное мѣсто на борту; Бельфильдъ помѣстился возлѣ нея и взялъ руль.

— Капитанъ Бельфильдъ, если вы хотите править рулемъ, то прошу быть осторожнѣе.

— Вы напоминаете мнѣ объ осторожности, когда вы съ нами! отвѣчалъ капитанъ.—Развѣ вы не знаете, что я скорѣе

согласился бы погибнуть въ волнахъ, чѣмъ допустить, чтобъ одна капля воды замочила подолъ вашего платья?

— Но вы забываете, что мы можемъ вмѣстѣ погибнуть въ волнахъ.

— Вмѣстѣ! Какъ сладостно звучитъ это слово: погибнуть вмѣстѣ! Если бы жизнь не обѣщала еще болѣе завидной доли, я пожелалъ бы такой смерти.

— За то я ничего подобнаго не желаю, капитанъ Бельфильдъ, а потому, пожалуйста, будьте осторожны.

На этотъ разъ дѣло обошлось благополучно, и никто не погибъ въ волнахъ. Лодка мистера Чизсавера первая приплыла въ Ярмутъ и высадила на берегъ своихъ пассажировъ здоровыми и невредимыми. Вскорѣ за нею подоспѣла и лодка капитана Бельфильда.

— Ну вотъ, какъ видите, сказали онъ, помогая мистрисъ Гринау изъ нея выйдти,—я пока не ввелъ васъ ни въ какую бѣду.

— И не введете, надѣюсь, и на будущее время.

— Да сохранить меня богъ отъ этого, мистрисъ Гринау. Что бы насъ съ вами ни ожидало въ будущемъ, я надѣюсь, что ваша судьба будетъ изъята отъ всякихъ превратностей. О, если бы я смѣлъ надѣяться, что настанетъ день, когда на мою долю выпадетъ блаженное право охранять васъ отъ всякой опасности!

— Я и сама стужью охранять себя, какъ нельзя лучше. Покойной вамъ ночи, капитанъ Бельфильдъ. Мы не хотимъ, чтобы вы и мистеръ Чизсакеръ изъ-за насъ давали крѣгу; не такъ ли, Кэтъ? А превесело мы нынче провели день.

— Ну, Кэтъ, что ты скажешь о нынѣшней прогулкѣ? спросила тетушка, какъ скоро онѣ остались на-единѣ.

— Я вообще, тетушка, довольно равнодушно отношусь къ подобнаго рода увеселеніямъ; должно полагать, что у меня ужъ темпераментъ таковой. Все шло, какъ нельзя лучше, и я завидывала Офелии Юкеръ, которая такъ отъ души веселилась.

— Я люблю, чтобы молодежь отъ души веселилась, замѣтила мистрисъ Гринау:—это въ порядкѣ вещей. Отнего же молодымъ людямъ и не заводитъ между собою любовныхъ шашней?

— Ужъ если на то пошло, отчего бы и старымъ людямъ не дѣлать того же?

— Конечно, вѣдь они этимъ никому не мѣшаютъ. Знаешь ли, Кэтъ, теперешніе люди стали до того ужъ стеснены, что по неволѣ отъ скуки въ такія развлеченія кидаются, которыя во сто разъ хуже древнихъ. Если бы у меня были сыновья и дочери, я бы изъ предосторожности заставляла ихъ заводить любовныя шанши. Вотъ когда свиданіе начнется пробиваться, тогда бѣда. Старики норовятъ поддѣлаться къ молодымъ, а молодымъ ихъ и даромъ не нужно. Если бы старики довольствовались тѣмъ, что любезничали бы между собою, то я не вижу, почему бы имъ переставать любезничать, пока еще землі ихъ несутъ и они не отправлялись на покой.

Таково было воззрѣніе мистрисъ Гринау на любовныя шанши.

## ГЛАВА X.

### НЕДЕРКОТСЪ.

Мы оставимъ пока мистрисъ Гринау въ Ярмутѣ и, по дорогѣ въ Лондонъ, заѣдемъ къ мистеру Грейу въ его камбриджшайрское помѣстье. Всѣмъ извѣстно, что Камбриджшайръ не можетъ похвалиться особенною красотою мѣстности передъ другими графствами Англіи; а помѣстье мистера Грея, Недеркотсѣ, находилось въ самой плоской, безлѣсной и безводной части этого графства, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ главнаго города. Мистеръ Грей промывалъ круглый годъ у себя дома и наизбавлялся такъ жить до конца дней своихъ.

Отецъ мистера Грея имѣлъ пребываніе еще въ тѣ времена, когда пребыванія были доходныя, чѣмъ теперь; кромѣ того у него было приходе по свидѣтельству, и онъ успѣлъ отложить порядочный запасъ денегъ; на эти-то деньги онъ и купилъ Недеркотсѣ. Дядя Грей воспитывался дома, но въ послѣдствіи слушалъ университетскія курсы въ Камбриджѣ. Смерть отца, случившаяся около этого времени, побудила его отказаться отъ ученой степеніи и поселиться въ отчемъ домѣ, вблизи отъ сво-

икъ университетскихъ друзей и отъ любимого своего собора. Отецъ оставилъ ему около полуторы тысячи фунтовъ годового дохода.

Недверготъ не могъ похвалиться особенною красотою мѣстности, но зато самый домъ представлялъ всѣ удобства, какихъ только могъ желать сельскій джентльменъ, обладающій довольно ограниченными средствами. Ничто же могло быть уютнѣе гостиной и столовой этого дома; а библіотека, помѣщавшаяся въ одной изъ самыхъ большихъ его комнатъ, пользовалась почетною вѣдѣтельностью даже въ университетѣ, какъ одна изъ лучшихъ частныхъ библіотекъ въ этой части Англій. Густо разросшійся садъ славился своими фруктовыми деревьями и обширными, даже слишкомъ обширными на вкусъ мистера Грея, оранжереями.

Семь цѣлыхъ лѣтъ прожилъ мистеръ Грей въ этомъ убѣжищѣ, по выходѣ своемъ изъ университета. Безъ сомнѣнія, близость Кембриджа и удобство сообщенія съ нѣсколькими, находившимися у него тамъ, хорошими знакомыми помогали ему мириться съ этимъ добровольнымъ отшельничествомъ; но все же онъ мало по малу пришелъ къ тому заключенію, что ему нуженъ другой чловѣкъ, который бы раздѣлилъ съ нимъ его кровъ.

Въ одну изъ рѣдкихъ своихъ побѣдокъ въ Лондонѣ, онъ спознакомился съ Алисой Вазаворъ и уже не возвращался домой, эпока не пришелъ къ рѣшенію, что предложить ей раздѣлить съ нимъ его кровъ. Мы уже знаемъ, что предложеніе его было принято, и съ этой минуты вся жизнь его измѣнилась. До сихъ поръ весь міръ заключался для него въ его маленькой гостиной, въ его книгахъ и растеніяхъ. Теперь же онъ принуденъ окружать себя всеми принадлежностями женскаго хозяйства; мечталъ о томъ времени, когда домъ его озарится присутствіемъ женщины; онъ не могъ надивиться, какъ это онъ столько лѣтъ прожилъ отшельникомъ. Темпераментъ у него отъ природы не былъ горячій, но тутъ обычная ровность характера стала измѣнять ему. Вплотнѣ дознавал, что Алисъ нужно время, чтобы освоиться съ предтозаніею ей перемѣною своего образа жизни, онъ не торопилъ ее свадьбой. Но, во время прогулки ея по Швейцаріи, детеривніе его возросло до

такой сильной степени, что у него не стало силъ дожидаться до слѣдующаго года, и онъ рѣшился просить ее, чтобы она назначила свадьбу въ концѣ осени или зимою.

Алиса нѣсколько разъ писала ему изъ Швейцаріи, и первыя ея письма были пріятныя. Она описывала свою поѣздку, разсказывала забавныя анекдоты про сибаритство Джоржа и про ухаживанье за нимъ сестры. Письма Алисы къ жениху не отличались особенною нѣжностью, но это не мѣшало Грею оставаться довольнымъ ихъ общимъ тономъ. Не въ его природѣ было сомнѣваться въ ея любви, когда она уже сказала ему, что любить его; для этого онъ слишкомъ глубоко уважалъ и себя, и ее. Но мало по малу въ ея письмахъ стало, помимо ея воли, высказываться какаго-то недовольство, которое не могло не обратить на себя вниманія мистера Грея, и заставило его призадуматься. За послѣдніе четыре дня путешествія, во время ея пребыванія въ Базелѣ и обратной поѣздки домой, писемъ вовсе не приходило. По возвращеніи ея въ Лондонъ, пришло отъ нея посланіе, писанное въ отвѣтъ на только-что полученное ею письмо мистера Грея, въ которомъ онъ высказывалъ ей свое задушевное желаніе не откладывать свадьбу далѣе послѣдникъ ясель октября и испрашивалъ на это ея согласіе. Отвѣтъ ея былъ такого рода, что мистеръ Грей тотчасъ же рѣшился отправиться къ ней въ Лондонъ. Мы приведемъ этотъ отвѣтъ цѣликомъ:

Улица королевы Анны

Августъ 186—г.

Милый Джонъ!

«Мы вчера только пріѣхали, странно устали, потому что отъ самаго Парижа нигдѣ не останавливались, да и въ Парижѣ ночевали всего только одну ночь. Тотчасъ же по пріѣздѣ я получила твое письмо; думаю, что всего лучше будетъ съ разу приступить къ его содержанію. Хотѣла бы я повременила и стала болтать о всякомъ мелкомъ вздорѣ, но это кажется мнѣ малодушіемъ; и, будь, что будетъ, я не хочу быть малодушной. И такъ; я прямо скажу тебѣ, что не могу согласиться на твое желаніе отпраздновать свадьбу нынѣшней зимою. Само собою разумѣется, ты спросишь меня: отчего? Ты на это»

имѣешь полнѣйшее право, и я обязана тебѣ отвѣтить. Не знаю, право, въ состоянїи ли я буду дать тебѣ такой отвѣтъ, которымъ бы ты могъ удовлетвориться. Если нѣтъ, то мнѣ только остается просить у тебя прощенія за причиняемое тебѣ огорченіе.

Бракъ—великая переменна въ жизни, и въ моей гораздо болѣе, чѣмъ въ твоей. Ты остаешься въ своемъ домѣ, самъ себѣ господиномъ; для тебя все останется по прежнему, съ тою только разницею, что у тебя будетъ подруга, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, не сумѣетъ оправдать вполнѣ твоихъ ожиданій. Но для меня все переменится. Переходъ этотъ будетъ равняться переходу отъ земной къ загробной жизни. Я должна буду разстаться со всѣми своими прежними привычками, намѣнить весь свой образъ жизни. Конечно, мнѣ слѣдовало обо всемъ этомъ подумать ранѣе, и я дѣйствительно не мало объ этомъ думала. Я пришла къ тому заключенію, что если я дѣйствительно люблю тебя, то я могу отважиться на этотъ шагъ, отважиться въ видахъ твоего и моего счастья. Не думай, дорогой Джонъ, чтобы я теперь отчаявалась въ возможности этого счастья; но прошу тебя объ одномъ, не торопи меня, дай мнѣ собраться съ силами для предстоящей перемены. Хуже будетъ, если я въ одно прекрасное утро, промывая съ тобою какихънибудь полгода, объявлю тебѣ, что тычина твоего дома сводитъ меня съ ума.

Не напоминай мнѣ о свадьбѣ до окончанія зимы. Если въ теченіе этого времени я сознаю свою ошибку, я смиренно покажусь передъ тобою, и сдѣлаю это по собственному своему побужденію. Если предлагаемая мною отсрочка въ такой степени разстраиваетъ всѣ твои предположенія, что самый бракъ при этихъ условіяхъ не дастъ тебѣ того, чего ты отъ него ожидаешь, ничто не мѣшаетъ тебѣ высказать мнѣ это прямо и потребовать отъ меня свое слово обратное. Я вполнѣ сознаю, что не имѣю ни мажорнаго права обязывать тебя къ браку въ отдаленномъ будущемъ, тогда какъ для тебя было бы важно, чтобы этотъ бракъ состоялся въ настоящемъ. Обѣщаюсь тебѣ исполнить всякое твое желаніе, прогнѣ того, которое выражено въ послѣднемъ твоемъ письмѣ.

Кэти ѣдетъ въ Ярмутъ съ тетужиной Гринау, и я врядъ ли



съ нею увижусь до будущаго года. Джоржъ проводилъ меня до двери нашего дома и объявилъ, что намѣренъ улетучиться изъ Лондона. Папа предлагаетъ свозить меня недѣли на двѣ въ Рамсгэтъ, но при этомъ дѣлаетъ такую плачевную физиономію, что у меня не станеть духу принять его предложеніе. Мэди Маклеодъ приглашаетъ меня въ Чельтенгамъ; мнѣ очень не хочется ѣхать, потому что намъ съ ней Богъ миру что-то не даеть, но кончится вѣроятно тѣмъ, что я поѣду. Существуетъ еще предположеніе о томъ, что всѣ мы, конечно за исключеніемъ Джоржа, соберемся на рождество въ замокъ Вавазоръ, но проектъ этотъ еще писанъ въ облакахъ и, что до меня касается, въ облакахъ и останется.

Милый Джонъ, усмехой меня и наипини скорѣе, что это письмо тебя не огорчило.»

Преданная тебѣ

Алиса Вавазоръ.

Мистеръ Грей два раза прочиталъ это письмо и крѣпко задумался. Онъ догадывался, что тутъ дѣло не въ одной невѣрливости; онъ понималъ, что она страдаетъ, страдаетъ отъ мысли, что братъ ихъ не будетъ счастливъ. Но ему и въ голову не пришло изъ этого вывести, что имъ слѣдуетъ разойтись. Онъ слишкомъ горячо любилъ ее, чтобы такъ легко придти къ подобному заключенію. Человѣкъ онъ былъ сдержанный и неподатливый на новыя привязанности, а потому, разъ привязавшись, крѣпко держался за свое чувство. Безъ сомнѣнія, если бы онъ могъ сказать себѣ, что счастье Алисы требуетъ отъ него этой жертвы, онъ принесъ бы ее безъ жалобъ и безъ упрековъ. Онъ не шаль бы подъ бременемъ своего горя, но оно оставило бы неизгладимый слѣдъ въ его сердцѣ. Но въ головѣ его не умѣчалась мысль о необходимости подобнаго рода жертвы. Онъ смотрѣлъ на Алису, какъ на больную, нуждающуюся въ излеченіи; она ослабла, а потому надо, чтобы кто нибудь другой ее поддержалъ. Онъ рѣшился съѣздить въ Лондонъ и повидаться съ нею; въ душѣ онъ еще не тералъ надежду встрѣтить рождественскій праздникъ съ молодою женою. Въ тотъ же день онъ послалъ ей коротенькую записку:

«Дорогая Алиса, писалъ онъ, я рѣшился безотлагательно ѣхать въ Лондонъ. Послѣ завтра, вечеромъ, въ восемь часовъ, я буду съ тобою.

Твой Д. Г.

— Ну, подумала Алиса, получивъ эту записку, теперь мнѣ надо собраться съ духомъ, сказать ему всю правду.

## ГЛАВА XI.

### ДЖОНЪ ГРЕЙ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Но въ чемъ же заключалась эта правда? Когда Алиса Вавазоръ порѣшила съ собою, что она должна сказать всю правду своему жениху, она разумѣла подъ этимъ намѣреніе разойтись съ мистеромъ Греемъ. Она понимала, что подобнаго рода намѣреніе несовмѣстно съ тою любовью и вѣрностью, которыя были ея долгомъ въ отношеніи къ нарѣченному ея мужу. А между тѣмъ, въ чемъ же было дѣло? На совѣсти ея не лежало измѣны; она могла чувствовать, что должна разстаться съ мистеромъ Греемъ, но изъ этого нисколько не слѣдовало, чтобы Джоржъ могъ когда либо сдѣлаться ея мужемъ. Въ этомъ она сто разъ на дню завѣряла себя въ тотъ короткій промежутокъ времени, который оставался ей до наступленія рѣшительной минуты.

Въ разговорѣ часто случается слышать, что замужество—важный шагъ въ жизни, и что слѣдуетъ хорошенько подумать, прежде чѣмъ на него рѣшиться. Приводятъ примѣры людей, которые поторопились бракомъ, а тамъ всю жизнь калялись. Я съ своей стороны полагаю, что Алиса Вавазоръ ударилась въ противоположную крайность. Она слишкомъ много думала о предстоящемъ бракѣ, и додумалась до того, что небосклонъ ея заволокло черными тучами, которыхъ даже солнце любви не въ силахъ было разогнать. Алиса часто задавала себѣ вопросъ, что ей дѣлать въ жизни? Мало по малу она смутно начала сознавать, что что нибудь да надо сдѣлать; не въ томъ

ле состоятъ. Вся ея задача въ жизни, чтобы выйти замужъ и родить парочку дѣтей. Но что именно дѣлать? Этого она не знала. Въ ней бредили неопредѣленныя честолюбивыя мечты, которыя наполняли ея тревогою, а между тѣмъ не давали существенной пищи ея уму. Когда она говорила себѣ, что въ той жизни, которую мистеръ Грей готовитъ ей въ Кембриджшейрѣ, не будетъ простора ея дѣятельности, она и сама хорошенько не знала, что подразумеваетъ подъ этимъ. Если бы кто сказалъ ей, что она жалѣетъ о лондонскомъ обществѣ, съ которымъ придется разстаться, она отвѣчала бы, что мало бываетъ въ обществѣ, да и то неохотно. Если бы кто намекнулъ ей, что она дорожитъ близостью магазиновъ или городскимъ шумомъ, она бы только усмѣхнулась. А между тѣмъ она не переставала повторять себѣ, что страшится мертвенной тишины Кембриджшейра.

Мечты ея о дѣятельности, на сколько она умѣла ихъ себѣ выяснять, склонялись всего болѣе въ пользу политической дѣятельности. Она желала бы быть женою какого нибудь вождя радикальной оппозиціи, въ тѣ времена, когда еще подобныхъ людей сажали въ тюрьму. Пока онъ сидѣлъ бы въ тюрьмѣ, она продолжала бы за него дѣло агитаціи, носила бы къ нему письма, спрятанныя за корсетомъ, совершала бы безъ гроша денегъ дальняе путешествіе въ сѣверныя графства, если бы того требовали интересы общаго дѣла. Она бы желала видѣть себя окруженной энтузіастами, мужчинами и женщинами, которые толковали бы при ней объ общемъ дѣлѣ, и поддерживали бы въ ней пламя политическихъ партій. А судьба между тѣмъ не посылала ей дѣла, за которое она могла бы стоять. Политическія убѣжденія отца ея были самаго неопредѣленнаго свойства, убѣжденія леди Маклеодъ были отчаянно консервативны; Катъ ударилась за послѣднее время въ ярый радикализмъ, но это потому, что братъ ея придерживался того же направленія. Что же касается самого Джоржа, то въ годъ его ухаиванія за Алисою, нельзя было найти болѣе ревностнаго консерватора, и только ссора его съ дѣдомъ сдѣлала его радикаломъ. Правда, теперь его воззрѣнія были изъ передовыхъ передовыя, и Алиса могла имъ вполне сочувствовать, но что пользы было сочувствовать изъ Кембриджшейра? У Джона Грея такъ ска-

зять, не было вовсе политических убѣждений. Онъ имѣлъ свои опредѣленные воззрѣнія на поступки Августа съ римскимъ сенатомъ, и разсуждалъ даже съ Алисою объ образѣ дѣйствій жирондистовъ во время владычества Робеспьера, но до Манчестера и его рабочихъ ему, по видимому, мало было дѣла, и онъ положительно объявилъ Алисѣ, что и даромъ бы не взялъ мѣста въ палатѣ депутатовъ. Какое мнѣ дѣло до римскаго сената? разсуждала Алиса сама съ собою. Да что мнѣ и въ жирондистахъ? Намъ не о чемъ будетъ говорить съ нимъ, когда мы останемся на цѣлую жизнь вдвоемъ.

Безъ сомнѣнія поѣздка въ Швейцарію, въ обществѣ ея двоюроднаго брата, не мало способствовала къ развитію въ ней этихъ мыслей. Да не подумаетъ читатель, что она снова полюбила Джоржа; она тверже, чѣмъ когда либо, была убѣждена, что никогда уже болѣе его не полюбитъ. Онъ глубоко оскорбилъ ее въ прошедшемъ, и хотя она съ тѣхъ поръ и успѣла простить ему, тѣмъ не менѣе она вполне была убѣждена, что страсть ея къ нему миновалась на вѣки. Но, какъ бы то ни было, пребываніе въ Швейцаріи не прошло для нея безслѣдно, и она боялась, что, сдѣлавшись женою мистера Грея, не развѣсь сожалѣніемъ вспомнить объ этой порѣ.

Въ теченіе этихъ двухъ дней она успѣла окончательно утвердиться въ своемъ намѣреніи—прямо сказать мистеру Грею, что не можетъ быть его женою, упрямить его противъ ея и возвратитъ ей данное слово. Что же касается возможности отказа со стороны мистера Грея, то эта возможность ей и въ голову не приходила.

Такъ прошли эти два дня. Когда минутная стрѣлка на циферблатѣ гостинныхъ часовъ придвинулась къ роковымъ часамъ, сердце ея тревожно забилося въ груди. Предстоящее объясненіе получило въ ея глазахъ необычайную важность. Совѣсть упрекала ее за задуманное дѣло, а между тѣмъ измѣнить намѣреніе было уже поздно. Когда раздался звонокъ у двери, она задрожала всѣмъ тѣломъ. Быть можетъ, еще это не онъ, быть можетъ, страшное объясненіе отодвинется еще на нѣсколько минутъ? Но нѣтъ, это его шаги слышатся по лестницѣ, черезъ минуту онъ и самъ вошелъ въ комнату.

— Дорогая моя, проговорилъ онъ, идя къ ней на встрѣчу. Онъ

былъ все тотъ же, какъ и прежде: та же добрая улыбка, тотъ же мужественный, привѣтливый голосъ. Взглянувъ на него, Алиса почувствовала, что такимъ мужемъ любая женщина могла бы гордиться. Онъ былъ высокаго роста, темноволосъ, съ ясными голубыми глазами и очень хорошъ собою. Особенно хорошъ былъ у него ротъ, и этотъ-то красивый ротъ, очертанія котораго изобличали такую твердую волю, заставлялъ Алису бояться его.—Дорогая моя, повторилъ онъ, подходя къ ней и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, обнявъ ее и поцѣловалъ.

Онъ не торопился заговорить съ ней о содержаніи ея письма. Онъ усадилъ ее на диванъ, самъ усѣлся возлѣ нея и устремилъ на нее взоръ, исполненный нѣжности; то не былъ испытующій взглядъ, то былъ взглядъ любовника, наслаждающагося лицезрѣніемъ своей возлюбленной. Такъ просидѣли они молча нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ Алиса успѣла нѣсколько опривѣтаться.

— Хотя я и очень рада тебя видѣть, заговорила она наконецъ, но все же мнѣ жаль, что мое письмо надѣлало тебѣ столько хлопотъ.

— Хлопоты! повторилъ онъ. Грѣшно тебѣ такъ говорить. Я не такъ заваляхъ въ Недервотсѣ дѣлами, чтобы поѣздка къ тебѣ не была для меня желанна во всякое время. Ну, скажи-ка мнѣ, весело ты провела время въ Швейцаріи?

— Да, очень весело.—Она сказала это такимъ тономъ, который даже показывалъ, что она думаетъ совсѣмъ о другомъ.

— Ты распростилась съ Мотъ?

— Да, она теперь въ Ярмутѣ съ тетвой.

— Ты мнѣ писала объ этомъ. Ну, а что подѣлываетъ твой двоюродный братъ, Джерри?

— Кто его знаетъ! Можеть статься, что онъ и въ городѣ, но только я не видала его съ нашего приѣзда.

— Вотъ они, друзья-то въ Лондонѣ! Если ихъ не сведетъ какойнибудь особенный случай, они сто лѣтъ проживутъ другъ возлѣ друга и не будутъ видѣться. Какъ-то онъ управился дорогой съ вашимъ кондуктомъ? Чего, я думаю, ему стоило не распереть джѣмо въѣмъ станціямъ.

— Ужъ лучше ты спросила бы, хорошо ли мы уберегли его попутя. Но, Джозъ, вѣдь ты такъ послѣднее приѣхалъ въ

Лондонъ для того, чтобы переговорить со мною по поводу моего письма, не такъ-ли?

— Ты угадала.

— Я въ эти дни успѣла много передумать о томъ, что я писала, и пришла къ тому заключенію, что намъ всего лучше...

— Позволь, Алиса; не говори въ торопяхъ, моя милая. Не хочешь ли прежде выслушать отъ меня, что я узналъ изъ твоего письма?

— Охотно, если ты думаешь, что такъ будетъ лучше.

— Да, мнѣ кажется, что такъ будетъ лучше. И такъ, милая, я узналъ изъ твоего письма, что во время этой поездки случилось что-то такое, что навело тебя на грустные мысли, расшевелило въ тебѣ тѣ неопредѣленные, смутныя ощущенія о прошломъ, которымъ всѣ мы бываемъ подвержены въ известныя минуты нашей жизни. Кто изъ насъ не переживался съ этимъ духомъ безпрестаннаго унынія, который, если дать ему волю, можетъ довести свою жертву до безумія, до самоубійства. Меня самого, прежде чѣмъ я узналъ тебя, часто посѣщала этотъ духъ; но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ улыбнулась надежда видѣть тебя хозяйкою моего дома, я окончательно изгналъ его. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, я могу служить тебѣ примѣромъ. И такъ, не говори подъ вліяніемъ этого духа, но попытайся сперва изгнать его.

— Я уже пыталась, но это мнѣ не удастся.

— Судьбай еще усилие, Алиса. Духъ этотъ—проклятый духъ, онъ не принадлежитъ ни небу, ни землѣ. Будь мужественна и сразись съ нимъ еще разъ: а до тѣхъ поръ погоди произносить тѣ слова, которыя готовы у тебя сорваться. Если не ошибаюсь, я угадалъ, что ты хотѣла мнѣ сказать. Если ты меня любишь, такимъ словамъ не мѣсто между нами; если же нѣтъ...

— Если я тебя не люблю,—нѣтъ человека, котораго бы я любила.

— Вѣрю, вѣрю. Я такъ же безусловно вѣрю, Алиса, въ твою любовь ко мнѣ, какъ и въ то, что я тебя люблю. Мнѣ кажется, я умѣю угадывать то, что у тебя на умѣ. Скажи мнѣ, что я могу съ миромъ возвратиться въ свой Кембриджейръ и отсюда снова попытать счастья, не склоню ли я тебя на-

начать свадьбу въ скорѣйшемъ времени. Не бойся, я не выведу изъ этихъ словъ того, чего въ нихъ нѣтъ.

Она сидѣла неподвижно и глядѣла ему прямо въ лице. Рѣшеніе ея оставалось неизмѣннымъ, но, послѣ такихъ словъ, она не знала, какъ его высказать. Въ обращеніи его было что-то такое, наводившее на нее невольную робость и, въ то же время, что-то такое, затрогивавшее ее за сердце.

— Скажи мнѣ, продолжалъ онъ, что завтра утромъ мы свидѣмся, по обыкновенію, мирно и любовно, а вечеромъ я уѣду къ себѣ. Скажи на это одно только да, и я ни о чемъ болѣе не стану просить тебя.

— Нѣтъ, я не могу этого сказать, отвѣчала Алиса, и отвѣчала такимъ голосомъ, какого онъ еще ни разу отъ нея не слыхалъ.

— Неужели этотъ демонъ унынія такъ силенъ, что ты не можешь съ нимъ совладѣть?—онъ проговорилъ это улыбаясь, и улыбаясь взялъ ее за руку. Она не отняла руки, но оставалась въ какой-то странной неподвижности, безцѣльно глядя передъ собою.

— Ты не пробовала съ нимъ бороться, а между тѣмъ ты знаешь, что это злой демонъ, побуждающій тебя къ величайшей жестокости, какую ты только можешь сдѣлать. Алиса, Алиса! вообрази только другое лице на твоихъ мѣстѣ, положимъ твою подружку! какой бы былъ твой совѣтъ ей?

— Мой совѣтъ ей, билъ бы связать полюбившему ее человеку, въ томъ случаѣ, если бы человекъ этотъ былъ великодушнѣе, добрѣе и благороднѣе; что она находитъ себѣ неспособной составить его счастье; а потомъ, пускай бы она на колѣняхъ испросила у него прощенья. — И съ этими словами она опустилась передъ нимъ на колѣни и обратила къ нему лице, исполненное выраженія такой скорби и сожалѣнія, что вся его твердость едва не измѣнила ему.

У него было принято твердое рѣшеніе не уступать ей ни въ чемъ и, чтобы она ни сказала ему, смотрѣть на это, какъ на галлюцинацію большого воображенія, противъ которой лучшимъ средствомъ была бы перемѣна обстановки. Онъ такъ же мало былъ расположенъ принять отказъ съ ея стороны за ничтожную монету, какъ переставить свои растенія съ южной сто-

роны стѣны на сѣверную, итъ-за того только, что солнце иногда свѣтитъ съ сѣвера. Онъ не могъ такъ легкомысленно поступать въ дѣлѣ, отъ котораго зависѣло его и ее счастье.

— Но предавъ себя, Алиса, что онъ отговаривъ бы ея отъ прощенья? По крайней мѣрѣ, я такъ намеренъ поступить. Ты моя жена, моя желанная, мое сокровище, избранница моего сердца. Ты для меня все, чѣмъ я дорожу въ жизни, ты для меня земное счастье и проблескъ того лучшаго счастья, котораго я ожидаю за гробомъ. И ты думаешь, что я такъ легко поступлю съ тобою? Нѣтъ, моя дорогая. Если ты больна, я подожду твоего выздоровленія и, если позволюшь, самъ буду ходить за тобою.

— Я не больна.

— Быть можетъ, ты не страдаешь никакимъ опредѣленнымъ недугомъ, но это тебя не мѣшаетъ быть больной. Подумай о томъ, что произошло между нами. Чему же, какъ не багѣнамъ приписать твоё желаніе разойтись со мною безъ всякой видимой причины.

— Ты не хочешь выслушать мои причины... Она все еще не встала съ земли и гдѣ-то ему въ лицѣ.

— Я охотно выслушаю ихъ, если то, что ты имѣешь сказать мнѣ, относится къ какому нибудь недостатку, которые ты во мнѣ предполагаешь.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ я не хочу ихъ слушать. Что касается твоихъ недостатковъ, то это уже мое дѣло отыскивать ихъ въ тебѣ, и если я найду ихъ, то я самъ приду къ тебѣ и выставлю окровавивъ. Милая Алиса! Если бы ты знала, какъ все существо мое стремится къ тебѣ.

И онъ съ ласкою провелъ рукою по ее волосамъ.

Но этому она не захотѣла повернуться и, медленно приведявшись на ноги, стала посреди комнаты, опираясь рукою на столъ. Мистеръ Грей.. начала она.

— Если ты будешь называть меня этимъ именемъ, я признаю это ничему иному, какъ болѣзни.

— Мистеръ Грей, продолжала она, я желала бы, чтобы вы приняли мои слова такъ, какъ они были сказаны.

— О, нѣтъ, этого я, навѣрное, не сдѣлаю; я не могу этого



сдѣлать, потому что этошло бы въ разрѣвъ съ моими инте-  
ресами.

— И не упустила изъ виду никакихъ интересовъ; я дорожу  
ими, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ своими собственными. Я  
твердо убѣждена, что не могла бы быть найхъ хорошею женою,  
а не оставивши этого, считая себя въ правѣ, не смотря на  
все, что произошло между нами, сказать вамъ: простите меня  
и разойдемся.

— О нѣтъ, этому никогда не бывать съ моего согласія. Я  
не умѣю высказать тебѣ, съ какою радостью я общался бы  
съ тобою эти зимы. Если этого не можетъ быть, то я то-  
товъ ждмъ. Но ничто, кромѣ твоего браня съ другимъ, не  
разувѣритъ меня въ томъ, что мы съ тобой женихъ и не-  
вѣста.

— Ну, этого доказательства я не могу вамъ дать, отвѣчала  
она, улыбаясь.

— А другимъ способомъ тебѣ нельзя переубѣдить. Ты еще  
не говорила объ этомъ съ твоимъ отцомъ?

— Пока еще нѣтъ.

— И не говори, по крайней мѣрѣ подожди еще нѣсколько  
времени. Вѣдь ты не станешь отрицать, что еще можетъ слу-  
читься, что ты всецѣлою назадъ свое слово?

— Нѣтъ, это невозможно.

— Но оставь себѣ и мнѣ этотъ выговоръ; вѣдь въ этомъ  
нѣтъ никакой бѣды. О причинахъ твоего отказа, Аллея, я не  
стану тебя спрашивать. Я и слышать ники не желаю, потому  
что не вѣрю, чтобы ты сама долго оставалась подлѣ нрѣвля-  
нскихъ. Однако, пожалуйста, ты все еще думаешь влзть въ Чель-  
тенжисъ?

— Я еще ни на что не рѣшилась.

— На томъ мѣстѣ, я бы непремѣнно поѣхала. Мнѣ ка-  
жется, вѣрнее воздуха была бы тебѣ очень полезна.

— Да; вы смотрите на меня, отчасти какъ на дурочку, от-  
части какъ на помѣшанную; но я ни то, ни другое. Пере-  
мѣна, о которой вы говорите, должна бы была совершиться  
въ вашей природѣ и въ моей.

Она покачала головою, и губы ея не переставали улы-  
баться. Въ этой невозмутимой ясности было что-то такое, вы-

ведившее ее изъ себя. Казалось, что онъ ставитъ себя такъ неизмѣримо выше ея, что на каждое ея рѣшеніе посмотреть, какъ на капризъ ребенка. Она не сомнѣвалась въ его любви, но ей казалось, что онъ въ такой степени господинъ своей любви, что разлука съ нею не причинитъ ему чрезвычайной печали. — Онъ воплощенное совершенство, часто повторяла Алиса про себя. О, если бы въ немъ былъ хоть одинъ недостатокъ.

— Быть можетъ, проговорилъ онъ, протягивая ей руку на прощанье, лучше будетъ мнѣ не приходить завтра?

— Да, это будетъ лучше.

— Мой совѣтъ тебѣ, ни слова не говорить отцу. Если же ты сочтешь за нужное поступить иначе, то, я надѣюсь, ты уведомишь меня объ этомъ.

— Это за чѣмъ?

— Потому что, въ такомъ случаѣ, я тоже долженъ буду переговаривать съ твоимъ отцемъ. Христосъ съ тобою, Алиса, Христосъ съ тобою, моя дорогая! — Онъ удалился, а она продолжала сидѣть неподвижно, пока ее не вывели изъ оцѣпенѣннѣи шага отца, приближавшіеся по лѣстницѣ.

— Какъ, Алиса, ты еще не спишь?

— Нѣтъ еще пока.

— Джонъ Грей былъ у тебя? Я узналъ это по его палькѣ, которую онъ забылъ въ передней.

— Да, онъ былъ здѣсь.

— Ужъ не случилось ли какой бѣды, Алиса?

— Нѣтъ, папа, ровно ничего не случилось.

— Признайся, онъ тебя чѣмъ нибудь разсердилъ?

— Ни чуть не бывало. Онъ никогда не бывалъ виноватъ. Онъ смѣло можетъ сказать, что не знаетъ за собою ни одной вины.

— Это-то я и самъ такъ думаю. Онъ черезъ-чуръ ужъ добродѣтеленъ. Ну, да съ такимъ порокомъ можно помириться.

— Это не порокъ, папа. Если кто изъ насъ имѣетъ пороки, то никакъ ужъ не онъ. Однако, у меня глаза слипаются, пора спать.

— Онъ пріѣдетъ къ тебѣ завтра?

— Нѣтъ, онъ уѣдетъ въ Недеркотъ съ раннимъ поѣздомъ. Покойной ночи, папа.

Мистеръ Вавазоръ отправился въ свою комнату въ твердой увѣренности, что между его дочерью и ее женихомъ пробѣжала черная коня.

«Ужь, право, не знаю, какъ она съ нимъ будетъ ладить, разсуждалъ онъ съ самимъ собою.—Онъ такъ страшно много о себѣ думаетъ. Никогда не забуду я этой исторіи изъ-за Чарльза Кэмбля; чего-чего онъ не наговорилъ тогда!»

Алиса, прежде чѣмъ лечь въ постель, написала длинное посланіе своей кузинѣ, Кэтъ.

## ГЛАВА XII.

МИСТЕРЪ ДЖОРЖЪ ВАВАЗОРЪ У СЕБЯ ДОМА.

Мы погрѣшили бы противъ истины, если бы сказали, что Джоржъ Вавазоръ былъ человѣкъ нехлѣбосольный; ему нрѣдко случалось угощать своихъ знакомыхъ въ Гриничѣ, въ Ричмондѣ и другихъ подобныхъ мѣстахъ; изрѣдка онъ зазывалъ тоже пріятеля отобѣдать съ собою въ клубъ. Но на своей собственной квартирѣ онъ не давалъ ни обѣдовъ, ни завтраковъ, ни вечеровъ. Онъ нанималъ *chambres garnies* въ самой глухой части улицы Сесиль, по сосѣдству съ рѣкою. У него были всего на всего двѣ комнаты, въ которыя очень рѣдко заглядывали его знакомые, и то только по дѣламъ. Если бы зависѣло отъ него, онъ всего охотнѣе скрылъ бы отъ всѣхъ мѣсто своего жительства. Въ образѣ его жизни, на сколько мы имѣемъ извѣстно, не было ничего такого, что оправдывало бы подобную скромность, но такова уже была особенность его характера, что онъ постоянно жилъ такъ, какъ будто бы скрытность въ извѣстныхъ дѣлахъ могла ему рано или поздно пригодиться. Его сосѣди по квартирѣ не знали, есть ли у него родственники, а ближайшіе его родственники не знали, есть ли у него квартира. Даже Кэтъ адресовала къ нему письма въ его клубъ. Онъ терпѣть не могъ, чтобы его спрашивали, о чемъ бы то ни было, касающемся его лично-

сти, и на распреси подобнаго рода верою стѣннана или ложью или истиннана.

Кромѣ квартиры въ улицѣ Сесиль онъ держалъ небольшую квартиру въ Оксфордшейрѣ, но оба эти хозяйства оставались въ полномъ невѣденіи о существованіи другъ друга. Былъ у него еще и третій притонъ, который останется безъимяннымъ. Послѣдній этотъ притонъ онъ тщательно скрывалъ отъ цѣлаго свѣта, но объ оксфордшейрской квартирѣ ему случалось порой проговариваться между пріятелями. Когда ему случалось бывать въ обществѣ охотниковъ, онъ въ самыхъ скромныхъ выраженіяхъ отзывался о парѣ лошадей, которую держать въ Робери, говоря, что настоящей конюшней онъ пока не имѣлъ возможности обзавестись, да и врядъ ли когда обзаведется; но, добавлялъ онъ, есть у меня въ Робери пара лошаденокъ, такъ себѣ, плохенькихъ, которыхъ я, пожалуй, не прочь и продать. И Вавазоръ всегда находилъ для своихъ лошадей покупателей. Подъ нимъ всякій конь выступалъ хорошо и выгодно сходилъ съ рукъ. Въ Робери онъ держалъ добреннаго слугу, стараго грума съ маленькими сѣрыми глазами, проницательно выглядывавшими изъ-подъ нависшихъ бровей. Помпото и подому шушукались о чемъ-то господинъ и слуга у двери конюшни, помѣщавшейся на заднемъ дворѣ роберійской гостиницы для охотниковъ. Бать считалъ своего господина записнымъ охотникомъ до лошадей, и только. Онъ могъ дать адресъ его клуба въ Лондонѣ, но адреса его квартиры не зналъ.

Но, не смотря на строгую недоступность квартиры Джоржа для незваныхъ посѣтителей, онъ не прочь былъ окружить себя въ ней всевозможными удобствами. Его приемная была убрана съ такою щеголеватостью, что для холостой квартиры ничего лучшаго и желать не оставалось. Въ этой-то изящно убранной комнатѣ сидѣлъ онъ за чайною кофее въ одно сентябрьское воскресное утро, когда все городское населеніе было въ разбродѣ. Въ рукахъ у него было письмо отъ Кэтъ, только что полученное имъ изъ клуба. Быстро пробѣжавъ его содержаніе, онъ съ пренебреженіемъ отбросилъ его въ сторону и удержалъ въ рукахъ только вложенную въ него приписку.

А между темъ содержаніе письма было очень и очень важно для него и заставило его крѣпко призадуматься.

— Ужь если я пойду на это, проговорилъ онъ про себя, — то развѣ для того, чтобы перейти ему дорогу, а не съ какой иную дѣлю.

Едва ли нужно пояснить читателю, что подъ мѣстоимѣніемъ *она* подразумѣивался Джонъ Грей, и что въ письмѣ своемъ Мэть уговаривала брата возобновить ухаживанье за Алисою. Въ душѣ Вавазоръ и самъ былъ отъ этого вовсе не прочь и давно бы привился за дѣла, если бы не сомнѣвался въ успѣхѣ. Мы видѣли, что въ Базелѣ имъ была сдѣлана попытка въ этомъ отношеніи.

Сестрѣ онъ постоянно выставлѣлъ на видѣ, что приданого за Алисою не богъ знаетъ сколько, а красота ея успѣла утратить блескъ первой молодости.

Но у него не въ обычаѣ было играть съ открытыми картами. На самомъ же дѣлѣ, ему очень хотѣлось вторично добиться отъ Алисы обѣщанія ея руки. Скоро ли онъ послѣ этого обѣщанія женился бы на ней, это былъ другой вопросъ.

Но всѣмъ вѣроятіямъ, не красота Алисы и даже не ея состояніе было для него главною приманкою. Это не жѣлало ему находить ее въ полномъ смыслѣ слова красавицей и понимать, что ея состояніе было для него вовсе нелишнимъ подспорьемъ; Но я думаю, что онъ вѣрно угадалъ свое чувство, когда рѣшилъ про себя, что ему въ этомъ дѣлѣ всего дороже удовольствіе отбить жену у Джона Грея. Алиса была когда-то его любовью, и онъ не былъ на столько излѣченъ отъ общечеловѣческихъ слабостей, чтобы безъ горечи видѣть ея привязанность къ другому. Но время послѣдовавшаго между ними разрыва онъ совсѣло, что вина была на его сторонѣ; когда она стала невѣстою мистера Грея, онъ постигшимъ ее поздравить и съ послѣдствіемъ въ разговорѣ съ Мэть, постоянно отзывался о немъ съ высокою похвалою. Но все это не мѣшало ему возненавидѣть этого человека съ перваго взгляда, а Джоржъ Вавазоръ былъ не такой человекъ, чтобы ненавидѣть пассивно.

Мэть предельно поступила съ Алисою и проводила къ брату то самое письмо, которое Алиса написала ей послѣ своего обмененія съ Джономъ Грей. Впрочемъ, какъ осталъ жен-

лица, Кэтъ послала Джоржу только часть этого письма, а другую оставила у себя. Алиса, заранѣе увѣренная въ сочувствіи своей кухни, писала ей съ полнѣйшею откровенностью. «Но надо тебѣ сказать, писала она, что всѣ мои слова были для него, какъ объ стѣну горохъ. Я твердо рѣшилась дать ему понять, что все между нами кончено; но я путалась въ словахъ, а онъ говорил со мною, какъ съ ребенкомъ, увѣрялъ, что я больна и совѣтовалъ перемѣну воздуха. Слушая его, я вполне сознавала, что онъ правъ, относясь ко мнѣ такимъ образомъ, но въ то же время чувствовала, что не могу быть счастлива съ мужемъ, который стоитъ такъ неизмѣримо выше меня.»

Это-то письмо Алисы къ Кэтъ Джоржъ перечитывалъ въ сотый разъ. Изъ письма самой Кэтъ ему нечего было узнавать, онъ и самъ, не хуже сестры, могъ сообразить, какъ ему повести дѣло съ кухней, но для этого ему нужно было ознакомиться съ душевнымъ настроеніемъ самой дѣвушки, — «за него она ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ замужъ, рассуждалъ онъ съ самимъ собою, и она права. Онъ изъ нея сдѣлалъ бы нѣчто въ родѣ экономки; конечно, она будетъ у него жить въ большой чести, но все же не болѣе, какъ на правахъ экономки. Тогда какъ со мною... ну да я и самъ еще не знаю, что изъ нея сдѣлаю. Я никакъ не могу вообразить себя женатымъ человекомъ.» — И съ этими словами онъ бросилъ письмо Алисы на столъ и снова принялся за свою газету и сигару.

Часа черезъ два къ нему вошла служанка, состоявшая при *chambres garnies*, и доложила, что его спрашиваетъ какой-то господинъ. Джоржъ Вавазоръ не держалъ при себѣ лакея; онъ былъ того правила, что гораздо дешевле и лучше служить чужіе слуги, чѣмъ собственные, къ тому же лакей всегда знаетъ много лишняго про своего господина.

— Какой-то господинъ! повторилъ онъ. Не похожъ ли этотъ господинъ съ виду на содержателя питейнаго дома?

— Пожалуй, что такъ, отвѣчала горничная.

— Въ такомъ случаѣ попроси его сюда, проговорилъ Джоржъ.

Посѣтитель дѣйствительно оказался содержателемъ питейнаго дома. Это былъ нѣкто мистеръ Гримсъ, хозяинъ таверны подъ вывѣскою «Красиваго мужчины», находившейся въ Бром-

тань-Родъ. Мистеръ Гримсъ былъ человекъ дѣловой и въ этомъ качествѣ имѣлъ большой вѣсъ въ околоткѣ. Для него полтика была такимъ же серьезнымъ дѣломъ, какъ и пиво, омнибусы и иностранныя вина, въ фабрикаціи которыхъ, если вѣрить мовѣ, мистеръ Гримсъ успѣлъ, какъ нельзя лучше, набить рубу. Господамъ подобнаго рода было открытъ доступъ, столь трудный для другихъ, въ квартиру Джоржа.

Настоящее посѣщеніе мистера Гримса имѣло цѣлью совѣщанье по политическимъ дѣламъ съ недавно отвергнутымъ кандидатомъ на представительство чельсійскаго округа.

Вавазору, какъ я уже сказалъ, не посчастливилось на послѣднихъ выборахъ; кандидатъ, перебившій ему дорогу, засѣдалъ теперь уже цѣлую осень въ парламентѣ. Въ силу настоящаго его избранія, ему предстояла честь представительства еще на одну сессію, а за тѣмъ онъ долженъ былъ распротиться съ этою дорого купленною честью; (ходили слухи, что она обошлась ему въ шесть тысячъ фунтовъ). Но, могло случиться, что онъ будетъ снова избранъ да еще на полный срокъ шести сессій, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдовало ожидать, что вторичное избраніе обойдется ему дешевле. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи мистеръ Гримсъ выступалъ яркимъ оппонентомъ всякой экономіи. Само собою разумѣется, мистеръ Гримсъ лично былъ сторонникомъ мистера Вавазора и готовъ былъ сдѣлать все, лежащее въ его власти, чтобы воспрепятствовать вторичному избранію молодаго лорда Кальфенара; но для этого, по его мнѣнію, не слѣдовало жалѣть денегъ.

— Доброга утра, мистеръ Гримсъ, проговорилъ Джоржъ, какъ поживаете? Сядите-ка, мистеръ Гримсъ. Если бы всѣ были такъ аккуратны, какъ вы, то, право, не нужно было бы часовъ.

— Дѣло дѣлать, — не шутки шутить, мистеръ Вавазоръ, отвѣчалъ содержатель питейнаго дома, раскланиваясь и съ лицемѣрною скромностью усаживаясь на предложенномъ стулѣ. Я строго держусь этого правила, да если бы я его не держался, такъ у меня бы ничего не влезлось; еле-еле концы съ концами свожу. Плохія времена настали, мистеръ Вавазоръ.

— Конечно плохія; когда же они и не бываютъ плохи? А

то бы чортъ безъ дѣла гулялъ. Только ужъ вашему-то брату, трактирщику, казалось бы мнѣ пришло жаловаться.

— Эхъ, мистеръ Вавазоръ, да есть ли на свѣтѣ другой людъ, котораго бы такъ надували, какъ нашего брата?

— Подите, рассказывайте! Точно я не знаю, во сколько вамъ обходится каждая пинта пива и за сколько вы ее продаете.

— Господь съ вами, мистеръ Вавазоръ! Да если бы я на одно пиво рассчитывалъ, чтобы жить, мнѣ бы скоро вѣсть нечего было. Вы то подумайте: если я продаю пиво въ томъ же видѣ, въ какомъ его покупаю, какая же мнѣ отъ него прибыль?

— Но въ томъ-то и дѣло, что вы его не въ томъ видѣ продаете: вѣдь вы его разбавляете.

— Это само собой разумѣется. Передъ вами я, мистеръ Вавазоръ, не потаюсь. Вы и сами не хуже меня, а пожалуй и лучше понимаете вещи. Ну какая мнѣ выгода продавать стаканъ хорошаго пива за ту же самую цѣну, которую въ собесѣднѣмъ трактирѣ берутъ за самую, что ни на есть, дрянную бурду? Нѣтъ ужъ, публика у насъ такая, чѣмъ больше вы ей подмѣшиваете всякой дряни въ питье, тѣмъ она охотнѣе будетъ пить.

Мистеръ Гримсъ былъ толстенькій человѣчекъ, съ угреватымъ краснымъ лицемъ и большими глазами на выкатѣ. Наружность его представляла типъ англійскаго трактирщика, какимъ его описывали въ старину. Но костюмъ его не подходилъ подъ это описаніе. На немъ былъ черный фракъ, сидѣвшій впрочемъ довольно мѣшковато, черный жилетъ и черные штаны. Сапоги съ отворотами, пестрый жилетъ и прочія стереотипныя принадлежности давно исчезли изъ костюмовъ трактирщиковъ. Теперь ихъ можно бы было принять за диссентерскихъ проповѣдниковъ или же похоронныхъ подрядчиковъ, если бы какая-то неувѣликая черта на ихъ румяныхъ лицахъ не наводила васъ на представление о бутылкахъ и боченкахъ.

Мистеръ Гримсъ едва успѣлъ окончить рассказъ о своемъ тяжеломъ житьѣ-бытьѣ, какъ раздался вторичный звонокъ:— А вотъ и Скребби, воскликнулъ Джоржъ Вавазоръ. Теперь можно будетъ приступить и къ дѣлу.



ГЛАВА XIII.

МИСТЕРЪ ГРИМСЪ ТАКИ ВЫЖИМАЕТЪ СВОЕ ПИНАЛЬНЫЯ ДЕНЕЖКИ.

Мистеръ Скрѣби былъ стряпчій изъ улицы Грэтъ-Марльбори, слышній за великаго ходока въ дѣлахъ, касавшихся столичныхъ выборовъ. Цѣлью его настоящаго прихода было, какъ онъ самъ выразился, перекинуться двумя, тремя словами съ Гримсомъ по поводу выборовъ, какъ предстоящихъ, такъ и прошедшихъ. Эти два, три слова должны были быть сказаны въ присутствіи самого мистера Вавазора. Впрочемъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что по поводу того же самаго дѣла между мистеромъ Скрѣби и мистеромъ Гримсомъ было уже сказано нѣсколько предварительныхъ словъ за спиною мистера Вавазора.

При встрѣчѣ оба дѣльца поспѣшили обмѣняться привѣтствіями, съ тою только разницею, что стряпчій относился къ сoderжателю иптейнаго дома нѣсколько свысока, называетъ его за просто Гримсомъ, между тѣмъ какъ мистеръ Гримсъ величалъ стряпчяго мистеромъ Скрѣби. За тѣмъ они приступили къ обсужденію самаго дѣла.

— Ну, теперь намъ надо лучше сослужить службу нашему патрону, чѣмъ въ прошлый разъ, замѣтить стряпчій.

— Это само собою разумѣется, мистеръ Скрѣби. Но, коли такъ говорить, мистеръ Вавазоръ, кто жъ былъ виноватъ, что и въ прошлый разъ не удалось? Кабы вы мнѣ загодя сказали, совсѣмъ иное бы было дѣло. А то, Трэверсъ давнымъ давно былъ записанъ либеральнымъ кандидатомъ, а мы все еще только почесывались.

— Никто васъ и не винить, мистеръ Гримсъ, отвѣчалъ Джоржъ.

— Да не за что и винить, мистеръ Вавазоръ. Я свое дѣло дѣлаю такъ, какъ другой бы и въ половину не сдѣлалъ. Спросите хоть у мистера Скрѣби; ужъ ему-то какъ не знать толкъ въ этихъ вещахъ. Этотъ народъ въ Челси, скажу я вамъ, мистеръ Вавазоръ, совсѣмъ не то, что народъ въ ка-

комъ нибудь Мэрилсанъ или Фэнсбери. Съ ними хитрая штука поладить. Не такъ ли, мистеръ Скреби?

— Хитрая штука и вообще со всякимъ народомъ поладить, отвѣчалъ мистеръ Скреби.

— Такъ-то такъ, ужь кому и знать про это, какъ не вамъ, мистеръ Скреби. Словомъ, чтобъ не толковать по пуетому: дѣло дѣлать — не шутки шутить, а деньги всегда останутся деньгами.

— Эта великая истина, Гримсъ, въ которой никто не сомнѣвается, отвѣчалъ мистеръ Скреби. Ну, да и перепала же вамъ ихъ малая толика за послѣдніе выборы.

— Напрасно вы думаете, мистеръ Скреби, чтобы ужь я и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ какъ нажился. Мнѣ мои хлопоты не окупилась. А это вы ни во что ставите, что таверну послѣ выборовъ хоть за-ново отдѣлывай? Что сказалъ бы нашъ патронъ, если бы я ему поставилъ въ счетъ, чего мнѣ стоило выкрасить домъ снаружи и внутри?

— Мнѣ, собственно, все равно, что бы вы не выставили въ своемъ счетѣ, отвѣчалъ Джоржъ. Я смотрю только на итогъ.

— Такъ, такъ, мистеръ Вавазоръ; это суцая правда. Я самъ смотрю только на итогъ. И долго же мнѣ приходится на него смотрѣть, прежде чѣмъ онъ очутится у меня въ рукахъ. Вѣдь мы и по сю пору еще не въ расчетѣ съ вами, мистеръ Вавазоръ.

— Если вы желаете знать мое мнѣніе, то я нахожу, что мы въ расчетѣ, отвѣчалъ Джоржъ.—Я помню, что вручилъ мистеру Скреби триста фунтовъ для передачи вамъ.

— Я получилъ ихъ сполна, до послѣдняго шиллинга, мистеръ Вавазоръ. Я не стану отпираться въ этомъ, мистеръ Вавазоръ. Не тотъ я человекъ, чтобы отпираться; я люблю вести дѣла на чистоту. Вотъ и мистеръ Скреби меня знаетъ, и онъ вамъ скажетъ то же самое.

— Я васъ, пожалуй, слишкомъ хорошо знаю, Гримсъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Скреби; этого ни вы про меня не можете сказать, ни я про васъ не могу. Я уважаю васъ, мистеръ Скреби, потому что вы человекъ знающій свое дѣло. Но я, собственно, къ тому веду рѣчь, что триста фунтовъ не идутъ въ расчетъ, когда у человека выставлено въ итогъ

триста девяносто два фута, тринадцать шиллинговъ и четыре пенса.

— Я былъ вполне увѣренъ, мистеръ Скребби, что дѣло это улажено, проговорилъ Джоржъ.

— Въ томъ-то и бѣда, мистеръ Вавазоръ, что хитрая штука улаживать подобныя дѣла. Если вы спросите меня, можетъ ли Гримсъ принудить васъ законнымъ порядкомъ къ уплатѣ полной суммы, я прямо отвѣчу вамъ, что нѣтъ. Когда мы сводили счеты, у насъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, денегъ было въ обрѣзъ. Вотъ мы и взяли съ мистера Гримса росписку въ трехъ стахъ фунтахъ.

— Это вы совершенную правду изволите говорить, мистеръ Скребби.

— Но только въ роспискѣ значится не въ счетъ, а въ полную уплату всей суммы.

— И не грѣшно вамъ, мистеръ Скребби? И содержатель питейнаго дома съ краснорѣчивымъ упрекомъ взглянулъ на стряпчаго, какъ бы говоря:—нашли отговорку! Будто вы не знаете, что, не подпиши я этой росписки, мнѣ бы изъ этихъ денегъ не видать ни одного шиллинга.

— Въ полную уплату всей суммы, повторилъ мистеръ Скребби съ торжествующею интонаціею въ голосѣ.—Если бы вы захотѣли затѣять дѣло законнымъ порядкомъ, Гримсъ, вамъ не на что было бы сослаться.

— Затѣять дѣло? Желалъ бы я знать, кто объ этомъ думалъ? Затѣять дѣло съ патрономъ! Да ни за что, хоть бы онъ еще пять лѣтъ заставилъ меня прождать моихъ денегъ.

— Пять лѣтъ или пятнадцать въ этомъ отношеніи все единственно, отвѣчалъ Скребби.—Все равно, вы бы ничего не подѣлали.

— Да я и пытаться не хочу ничего дѣлать. Не съ тѣмъ я, мистеръ Вавазоръ, пришелъ къ вамъ святымъ воскреснымъ днемъ, чтобы грозиться тяжбою. Но, мистеръ Скребби, у меня жена, дѣти. Изъ-за чего же человѣкъ и бьется, какъ не для своей пользы.

— Къ дѣлу, къ дѣлу, Гримсъ. Что у васъ на умѣ? Говорите скорѣе, не сидѣтъ же намъ съ вами здѣсь до вечера.

— Что у меня на умѣ? Будто вы и не знаете? Первымъ дѣ-

домъ, возьмите мое заведение въ цѣломъ округѣ не найдете другаго трактира, который бы былъ такъ приспособленъ для всѣхъ совѣщаній по выборамъ. Они только для нихъ и существуютъ.

— Дальше что? спросилъ Среби.

— Дальше, возьмите мою собственную персону. Сила могла сказать, никто такъ не умѣетъ управлять чужими людьми, какъ я. Вѣдь я верочаю этии дѣлами не вѣсть сколько лѣтъ слава Богу, успѣлъ набить руку. Когда религиозная партія выставила кандидатомъ герцо Роберта, не помоги я ему, не видать бы ему депутатства, какъ своихъ ушей.

— Допустимъ все это, мистеръ Гримсъ, всмѣхался Вавазоръ. Дальше что?

— Ну-съ, теперь возьмите сторонниковъ Бенратен. У нихъ тоже губа не дура, такъ-то-съ. Вонъ они ужъ начинаютъ заглядывать въ мой трактиръ.

— И вы отдаете свой домъ въ распоряженіе торійской партіи, Гримсъ! воскликнулъ мистеръ Среби съ выраженіемъ негодованія, смѣшаннаго съ краснѣніемъ.

— Развѣ я сказалъ, мистеръ Среби, что отдаю свой домъ въ распоряженіе торійской партіи? Я, мистеръ Среби, люблю вести дѣла на чистоту, такъ-то-съ. Но возьмемъ, мистеръ Среби, тотъ случай, что всѣ мои либеральные вліянія пойдутъ противъ меня, и не захотятъ заплатить мнѣ по моимъ счетамъ? Какъ же мнѣ не дерзаетъ про запасъ другихъ вліяній, сами скажите, мистеръ Среби?

— Этимъ путемъ вы не данено умѣете, Гримсъ.

— И то можетъ быть. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ безъ риска не обходится, не тамъ ли, мистеръ Вавазоръ. А желательно бы мнѣ было видѣть васъ членомъ парламента, очень желательно. Вами бы могъ гордиться нашъ округъ, умъ это я доподлинно знаю.

— Премного благодаренъ вамъ за лестное мнѣніе обо мнѣ, мистеръ Гримсъ, отвѣчалъ Дворакъ.

— Мнѣ стоитъ взглянуть на кандидата, и я сейчасъ вамъ скажу, годится онъ для парламента, или не годится. Вы, я прямо говорю вамъ, годитесь. Но, мистеръ Вавазоръ, не притивайтесь, эта потѣха любить деньги.

— И еще какъ. Самое дѣло того не стоить, свѣтло на немъ уходитъ.

— Стенъ-то стѣны; только дѣло окупается. Вотъ и я тамъ окуплюсь, благо мы до этого договорились. Штудякъ-то тонъ, что я требую ушкины недостающей сумми. Этими-то швальными денюжками нантъ братъ и корнися. Личико его швальными денюжками, вы его безъ нола зарѣжете. Ужъ я охотнѣе поступился бы круглою суммою. Ну, потерялъ я триста фунтовъ, я скорри на нѣкъ, какъ на оборотной казначѣ, значитъ въ торговлѣ такая неурода вышла. А швальны денюжки, тѣ идутъ на мою семью, это ужъ нантъ насущный кусочекъ хлѣба. Нѣтъ, мистеръ Вавазоръ, пуце всегъ не зажимайте у бѣдныхъ этикъ швальныхъ денюжекъ.

— Ну, да говорите скорѣй, сколько вамъ нужно? сказалъ мистеръ Сребн.

— Мнѣ нужно девяностъ два фунта, тринадцать шиллинговъ и четыре пенса, мистеръ Сребн. Вы мнѣ нѣкъ отсчитаете, мы и примемъ благословенъ за работу. Ужъ коли вы хотите начинать, мистеръ Вавазоръ, такъ теперь самое время.

— Другими словами, вы хотите сказать, что безъ этихъ денюгъ ни намъ не слуга?

— Да почитай что такъ, мистеръ Сребн.

— Возьмите пятьдесятъ фунтовъ, Гримъ, проговорилъ стрипай.

— Пятьдесятъ фунтовъ не такъ-то легко достать шальными, замѣтилъ Джоржъ.

— О, да смѣ охотно померитесь и на респектъ, мистеръ Вавазоръ.

— Только не въ пятьдесятъ фунтовъ, мистеръ Сребн. Мнѣ эти-то швальны денюжки и важны. Ну, тринадцать шиллинговъ и четыре пенса я вамъ, пожалуй, и сдѣлаю уваженіе, свину; но если я не получу девяностъ двухъ фунтовъ, я буду несчастнѣйшій человекъ; тогда я, пожалуй, и радъ былъ бы крадѣтъ о вашемъ избраньи, да нѣтъ, ужъ прити той не будеть.

— Дѣлать нечего, мистеръ Вавазоръ, выдайте ему вексель на девяносто фунтовъ, съ уплатою въ три мѣсяца. У него на вѣрнее принесена въ карманѣ гербовая бумага.

— Гербовал-то бумага найдется, только ужь вы, мистеръ Вавазоръ, потрудитесь вексель подписать на девяносто два ф. и срокомъ на два мѣсяца. А то въ этихъ банкахъ такъ безсовѣстно деруть за девяносто дней.

Джоржъ Вавазоръ и мистеръ Скреби, послѣ долгихъ переговоровъ, согласились наконецъ выставить въ вексель девяносто два фунта, но, относительно срока, они стояли на своемъ. — Инъ быть такъ, проговорилъ содержатель питейнаго дома и съ глубокимъ вздохомъ припряталъ подписанный вексель въ карманъ. — А теперь, господа, слушайте, что я вамъ скажу: если въ предстоящіе выборы не на нашей улицѣ будетъ праздникъ, не будь мое имя Яковъ Гримсъ и не будь я хозяинъ таверны подъ вывѣскою «Красиваго мужчины.» А теперь, господа, вамъ, можетъ статься, есть о чемъ переговорить между собою, и я осмѣлюсь пожелать вамъ добраго утра. — И мистеръ Гримсъ раскланялся и вышелъ.

— Ну, вы дешево отдѣлались, право дешево, замѣтилъ стряпчій, какъ скоро шумъ захлопнувшейся наружной двери возвѣстилъ имъ объ уходѣ Гримса.

— А можетъ и нѣтъ. Но что за плутъ этотъ господинъ! Я помню, вы говорили мнѣ, что въ жизнь свою не видали такого мошенническаго счета.

— Такъ-то такъ, но если бы онъ не былъ намъ нуженъ, мы бы ему и не заплатили. Но вы сами видите, намъ безъ него не обойдтись. Не заплати мы ему, онъ бы на этой же недѣлѣ перешолъ на сторону нашихъ противниковъ. И, что всего хуже, онъ знаетъ всѣ наши секреты. Да, убыточное дѣло—это представительство столичныхъ округовъ, особенно для новаго чловѣка. Вотъ когда вамъ посчастливится разовъ шесть попасть въ парламентъ, какъ старику Денкомбу, тогда вамъ, конечно, плевать будетъ на такихъ людей, какъ Гримсъ.

— Я, право, начинаю думать, что вся эта игра свѣчь не стоитъ.

— Это смотря по тому, какъ вы къ этому относитесь. Для чловѣка, желающаго сдѣлать карьеру, особенно для молодаго чловѣка, какъ вы, мѣсто въ парламентѣ великое дѣло.

— Молодаго! повторилъ Джоржъ. А мнѣ такъ порой кажется, что я лѣтъ сто живу на свѣтѣ. Ну, да объ этомъ мы

съ вами не станемъ говорить. Я не желаю васъ долѣе задерживать, мистеръ Скреби. Тутъ онъ всталъ и выпроводилъ стряпчаго поклономъ, вѣжливость котораго немногимъ чѣмъ отличалась отъ вѣжливости, оказанной имъ содержателю питейнаго дома.

— Хорошъ молодой человѣкъ! сказалъ Вавазоръ про себя, оставшись одинъ. Да дядя мой и даже самъ старый сквайръ болѣе походятъ на молодыхъ людей, чѣмъ я. Одного интересуетъ его обѣдъ, другаго его скотный дворъ и садъ. А меня что интересуетъ, кромѣ векселей, изъ-за которыхъ я могу попасть въ долговую тюрьму? Тутъ онъ вынулъ изъ бокового кармана памятную книжку, въ которой отмѣтилъ срокъ и сумму только что написаннаго векселя, и принялся просматривать остальные листки той же книжки.— Гм, счетецъ нарастаетъ изрядный, проговорилъ онъ, окончивъ этотъ осмотръ. Ну, да пускай же никто не смѣетъ сказать, что у меня не достало мужества идти до конца. А тамъ, авось же умретъ когда нибудь старый сквайръ. Если бы я былъ поумнѣе, я бы съ нимъ теперь помирился. Но я дуракъ и всю жизнь останусь дуракомъ.— За тѣмъ онъ началъ не торопясь одѣваться; окончивъ свой туалетъ и достаточно ознакомившись съ содержаніемъ своей воскресной газеты, онъ взялъ шляпу, зонтикъ, и вышелъ.

#### ГЛАВА XIV.

АЛИСУ ВАВАЗОРЪ ПОСТИГАЮТЪ РАЗНЫЯ НЕПРЯТНОСТИ.

Кэтъ препроводила къ брату только одну половину письма своей кузины. Поступокъ Кэтъ былъ предательскій поступокъ; она нарушила довѣріе подруги, а подобнаго рода измѣна всегда является непростительнымъ проступкомъ въ глазахъ другихъ женщинъ. Но измѣна ея была бы еще чернѣе, если бы она послала Джоржу другую половину письма, ту, въ которой Алиса говорила о немъ самомъ. Думаю, что Кэтъ не отступила

бы и передъ этой измѣной, если бы прочтеніе этой части письма Джоржемъ могло способствовать достиженію ея собственныхъ цѣлей; но то, что Алиса писала о немъ, не могло быть ей полезно въ этомъ отношеніи. Она писала, что всякія болѣе близкія отношенія съ Джоржемъ, кромѣ существующихъ, дѣлю невозможное и настоятельно просила Кэтъ перестать хлопотать о подобномъ сближеніи.—Я считаю нужнымъ предупредить тебя объ этомъ, чтобы ты изъ моего разрыва съ мистеромъ Греемъ не вывела такого рода заключеніе, что *прежнее* становится теперь возможнымъ. *Тому* никогда не бывать.—*То* непременно будетъ, порѣшила Кэтъ, перечитавъ эти слова во второй разъ. Ужь объ этомъ я позабочусь, чтобы оно было.

Она отвѣчала Алисѣ въ легкомъ, игривомъ тонѣ, и наболтала въ своемъ письмѣ кучу разныхъ пустяковъ. Мы приводимъ здѣсь это письмо, такъ какъ изъ него читатель можетъ узнать кое-что о похожденияхъ мистрисъ Гринау въ Ярмутѣ.

Ярмутъ. Октябрь 186. — г.

Милая Алиса!

Я конечно въ восторгѣ и не стану лицемѣрить. Я знаю, какъ трудно на тебя угодить и потому со страхомъ и трепетомъ сажусь тебѣ отвѣчать; я знаю, что, скажи я слишкомъ много, это заставитъ тебя повернуть назадъ: скажи я слишкомъ мало, я недостаточно выражу тебѣ свое одобреніе. И такъ, я въ восторгѣ. Я давнымъ давно была того мнѣнія, что ты не могла бы быть счастлива съ мистеромъ Греемъ. Конечно спору нѣтъ, онъ добръ, благороденъ, и прочая, и прочая, этого я никогда не отрицала. Но все же онъ мужъ не для тебя, онъ бы тебя сдѣлалъ несчастною, *ergo* я радуюсь. А такъ какъ у меня нѣтъ друга дороже тебя, то я и радуюсь невообразимо.

Могу себѣ представить, какъ происходило ваше свиданье. Онъ конечно занялъ самое выгодное положеніе. Я будто своими глазами вижу, какъ онъ стоитъ передъ тобою, исполненный невозмутимаго самообладанія, дѣлаетъ видъ, будто не слышитъ твоихъ возраженій, толкуеть о томъ, что у тебя лихорад-



га или жолчь разлилась, и помахиваетъ рукою надъ твоей головою, какъ бы желая тебя успокоить. Полагаю, что съ его стороны было очень великодушно не принять твоихъ словъ за окончательное рѣшеніе и дать тебѣ время одуматься. Но известнаго рода великодушіе слишкомъ уже повліяетъ для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ.

Повторяю еще разъ, я очень, очень рада, что это такъ случилось. Сдѣлавшись мистрисъ Трей и хозяйкою Недеркотса, ты для меня перестала бы существовать, все равно, какъ если бы ты переселилась на небо. Я не спору, Недеркотсъ можетъ быть въ своемъ родѣ маленькимъ раемъ, но кто же пожелаетъ своему другу этого рода блаженства? Я представляю себѣ Недеркотса довольно скучноватымъ Эдемомъ, окруженнымъ широкими рвами и изобилующимъ сливками и лицами; обитающіе въ немъ Адамъ и Ева крутятся тодь распиваютъ лучший чай въ чашкахъ изъ самаго дорогаго фарфора, едятъ его художественно поджареннымъ хлѣбомъ; ни денежные заботы, ни развращающіе романы не проникаютъ въ этотъ блаженный уголокъ. Но такой Эдемъ не для меня, да, на сколько я тебя знаю, и не для тебѣ. Бѣдная заточенная пташца, ты обила бы себѣ въсь крылья о заточныя перегородки твоей кѣлки.

Ты пишешь, что такъ и не успѣла ему возоповать, что дѣло это рѣшено разъ навсегда. Нужно ли тебѣ говорить, что ты въ полномъ правѣ считать это дѣло рѣшеннымъ, и что онъ рано или поздно долженъ придти къ тому же заключенію? Но моему, твоя прямая обязанность разъяснить ему твое и его положеніе. Хоть онъ и богъ, но пойметъ же онъ наконецъ рѣчи простой смертной. Но въ этомъ отношеніи я за тебя не боюсь, въ твердости характера ты можешь поспорить съ нимъ; вся разниа въ томъ, что онъ имѣлъ больше случаевъ ее выказать.

Что касается другаго дѣла, о которомъ ты пишешь, то я могу только завѣрить тебя, что твое желаніе будетъ исполнено, на сколько это лежитъ въ идее власти. Да то, что у нея не сорвется намекъ при личномъ свиданіи съ тобою, я не ручаюсь. Но перо болѣе покорствуетъ мнѣ, чѣмъ мой языкъ, и я обещаю тебѣ, что опятьное имя будетъ изгнано изъ нашей переписки.

А теперь я должна кое-что рассказать тебѣ про себя. Представь себѣ, у меня появился женихъ, да еще какой! Впрочемъ я тебѣ уже описывала его. Само собою разумѣется, что это никто иной, какъ мистеръ Чизсаверъ. Правда, дѣло еще не дошло до объясненія и, что еще хуже, ему до смерти хочется жениться на другой. Но за меня то обстоятельство, что соперница моя сильно хлопочетъ женить его на мнѣ и рано или поздно онъ будетъ вынужденъ сдѣлать мнѣ, въ угоду ей, предложеніе. Соперница моя никто иная, какъ тетушка, и я голову даю на отсѣчене, что онъ уже разъ шесть предлагалъ ей руку и сердце. Но дѣло въ томъ, что у тетушки есть другой поклонникъ, капитанъ Бельфильдъ, котораго она предпочитаетъ ему. Господинъ этотъ не имѣетъ ни пенни за душою, смотритъ пьянчужбой и красить усы. Въ заключеніе ему сорокъ лѣтъ, а онъ держитъ себя такъ, какъ будто бы ему было двадцать пять. А впрочемъ человекъ онъ нескучный, и я вполне оправдываю тетушку въ предпочтеніи, которое она ему оказываетъ.

За то мой женихъ обладаетъ все больше солидными достоинствами и старается вскружить мнѣ голову описаніемъ тучнаго скота, поставляемаго имъ на рынокъ. Намедни мы побывали у него на фермѣ въ гостяхъ. Имя моего будущаго дома Ойцимадъ: (не правда ли, Недеркотъ звучитъ пріятнѣе?) И ужъ чего, чего мы тамъ не насмотрѣлись! Пріѣхали мы въ десять часовъ, а уѣхали въ четыре: и въ этотъ-то промежутокъ времени онъ ухитрился покормить насъ три раза! Я увѣрена, что онъ выставилъ намъ на показъ, подъ различными предлогами все, что у него ни было въ хозяйствѣ чайной и столовой посуды, хрустала и фаянсу, до послѣдней иштуки. Онъ повелъ насъ въ погребъ и рассказалъ намъ, сколько у него запасено вина и сколько пива.—И за все это, до послѣдней бутылки, заплачено, мистрисъ Гринау, чистыми денежками, обратился онъ къ тетущѣ съ такимъ глубокимъ чувствомъ, какого я отъ него бы и не ожидала.—Все, что вы видите въ моемъ домѣ, я могу по праву считать своимъ, а я только то считаю своимъ, за что я заплатилъ. Вонъ та куртка, въ которой Бельфильдъ щеголяетъ по ярмутскому побережью, не его, да врядъ ли когда и будетъ его.—И онъ подмигнулъ гла-

зомъ, какъ бы совѣтуя тетуси бытъ на-сторожѣ съ подобными обожателями. Потомъ онъ повелъ насъ на верхъ и показалъ намъ всѣ спальни до послѣдней. Посмотрѣла бы ты, какъ онъ приподнималъ каждое одѣяло и просилъ тетуску пощупать доброту простыни! И посмотрѣла бы ты, съ какимъ видомъ тетуска проговорила, обращаясь ко мнѣ: — Въ жизнь свою я не видала, Кэтъ, такъ хорошо монтированного хозяйства.

— Я тоже нахожу, что домъ устроенъ съ большимъ комфортомъ, отвѣчала я. — Еще бы! воскликнулъ онъ; желалъ бы я знать, у кого станеть духу сказать, что въ Ойлимадѣ мало комфорта. — Все это приводило мнѣ на мысль тебя и Недеркотсъ. Оба мѣста могутъ похвалиться одинаковыми достоинствами, съ тою только разницею, что тамъ твоимъ тюремщикомъ было бы божество, здѣсь же животное. Что до меня касается, я бы предпочла тому и другому человека. Но, когда очередь дошла до скотнаго двора, краснорѣчье его достигло своего зенита. — Мистрисъ Гринау, воскликнулъ онъ, посмотрите-ка на это. — И онъ указывалъ на кучи удобренія, возвышавшіяся точно стѣны небольшого городка. — Какъ у васъ много этого добра! проговорила тетуска.

— Да, не мало, отвѣчалъ онъ. Найдите мнѣ другаго сельскаго хозяина въ Норфолькѣ, все равно, будь онъ джентльменъ или простой фермеръ, у котораго было бы столько навозу, какъ у меня. — Только подумай, Алиса: все это, и простыни, и вино, и навозъ, можетъ сдѣлаться моимъ! На эту-то тему тетуска пустилась со мной въ разсужденія, когда мы воротились домой. Когда я замѣтила ей, что все это богатство выставлялось на показъ не для меня, а для нея, она отвѣчала: — Такъ что жъ изъ этого? Ему, мой другъ, просто на просто нужна жена. Тебѣ стоитъ захотѣть, и ты завтра же будешь ею. Когда я выставила на видъ отсутствіе всякой возвышенности въ его стремленіяхъ, и для примѣра напомнила выходку по поводу навоза, она только засмѣялась надо мною.

— Къ деньгамъ, душа моя, никакая грязь не пристанеть, замѣтила она. — Теперь она поговариваетъ о томъ, что найметъ на зиму меблированную квартиру въ Норвичѣ, и уговариваетъ меня прогостить у нея до Рождества. Хотя она и

увидеть, что остается въ Норвелькѣ исключительно для меня (дуть конечно подразумевается мистръ Чизсаръ), но и подозреваю, что ей просто не хочется разставаться съ капитаномъ Белькиндомъ. Какъ бы те ни было, я обещалась пробыть съ ней до половины ноября. Не смотря на всё ея сумасбродства, она мнѣ нравится. Грѣшила-ся, очень крупные грѣшница, но она, во крайней мѣрѣ, не грѣшитъ заискусствомъ. Она никогда не бываетъ глупа и сердце у нея предоброе. Если бы я захотѣла, я могла бы съ ногъ до головы одѣться на ея деньги; она пожелательно вымывается-сдѣлать мнѣ приданое на свой счетъ, если я выйду замужъ за мистера Чизсарра.

— Я живу надеждою встрѣтить тебя на Рождествѣ въ мансскъ родовомъ гнѣздѣ. Я постараюсь не слишкомъ раздражать тебя. Во всякомъ случаѣ *ею* тамъ не будетъ. А если я тебя не увижу тамъ, дѣй-же намъ придется свидѣться?

На землѣ мѣстѣ я ни за что не побѣжала бы въ Чельтенгамъ. Видѣ тебя тамъ никогда короно не живется.

— Снится тебѣ корою рѣка въ Баваріи?

Мнѣ такъ она насто снится.

Всей душою любящая тебя  
Кэтъ Бавазоръ.

Анна оставалась недоволеннымъ въ способъ намѣреніи бѣжать въ Чельденгамъ. Это былъ его советъ, разсуждала она сама съ собою. Женюю свою я никогда не буду; но, пока ни окончательна не разстанусь, я буду выказывать уваженіе къ его советамъ. Главная причина, главнѣею безъ ея одобренія на эти рѣшенія, было пожеланіе, именно въ эту минуту, дѣлать крупный проговорить собою. Она пруще всего боялась необходимости осознаться мерсть собою, что она отказала мистру Грѣю подъ вліяніемъ советовъ Кэтъ.

Передъ свиданіемъ она получила письмо отъ мистера Грѣя и тотчасъ же отвѣчала ему; въ этомъ отвѣтѣ говорилось о ея намѣреніи бѣжать въ Чельтенгамъ и о томъ, что она считаетъ свою обязанность разсказать ему настоящее свое положеніе.

На, другое утро, за завтракомъ, она действительно разсказала обо всемъ ему. — Какъ? воскликнула онъ, спустиши ли стать свою чашку, — какъ? Ты не хочешь идти за мистера Грѣя?

— Не хочу папа. Я понимаю, что это должно казаться вамъ оченьъ страннымъ

— И ты говоришь, что между вами не было ссоры?

— И тѣни не было. Но я, мало по малу пришла къ сознанію, что не могу быть ему хорошею женою.

— Все это чепуха! — Крѣпкое слово, которымъ мистеръ Вавазоръ не стѣснился въ разговорѣ съ дочерью приправить эти восклицанія, могло служить мѣриломъ его волненія.

— О, папа, не говорите такъ со мною.

— Какъ не говорить! Въ жизнь свою не слыхалъ я такой околесицы. Она, вишь, не можетъ быть ему хорошею женою! Да съ чего жъ ты взяла?

— Мы не созданы другъ для друга.

— Да скажи-же, какой въ немъ изъянъ? Или онъ не джентльменъ?

— Нѣтъ, онъ въ полномъ смыслѣ слова джентльменъ.

— Или бѣденъ онъ, или у него мало образованія и начитанности, которую ты, кажется, ставишь такъ высоко? Слушай, Алиса, я не стану вмѣшиваться въ это дѣло и принуждать тебя выйти замужъ. Въ этомъ отношеніи ты сама себѣ госпожа. Но я надѣюсь, что ты ничего такого не затѣвася опять съ твоимъ двоюроднымъ братомъ.

— Ничего ровно, папа.

— Миѣ, признаться, не совсѣмъ по сердцу было, что ты отправилась съ нимъ за границу, хотя я тогда ни слова и не сказалъ тебѣ объ этомъ. Но если между вами опять что нибудь затѣвается, моя обязанность сказать тебѣ, что настоящее положеніе твоего двоюроднаго брата незавидное. О немъ идетъ не совсѣмъ хорошая молва.

— Между нами ничего нѣтъ, папа. Но положимъ, что было бы иначе; развѣ вы думаете, что я разошлась бы съ нимъ изъ за того, что другіе говорятъ о немъ дурно.

— О мистерѣ Греѣ всѣ говорятъ хорошо, но это не помѣшало тебѣ разойтись съ нимъ. Ну, да я давно зналъ, что женщины народъ упрямый.

— Я много думала, прежде чѣмъ пришла къ этому рѣшенію, папа.

— Вѣрю, вѣрю. Мнѣ больше ничего не остается сказать. Ты сама себѣ госпожа; у тебя есть деньги, которыми ты можешь распоряжаться, какъ угодно. Я не могу насильно выдать тебя за мистера Грея. Но мое личное мнѣніе то, что ты поступаешь ужасно глупо и если я увижу его, я такъ и скажу ему. Ты отправляешься въ Чельтенгамъ, не такъ ли?

— Да, papà, я обѣщалась лэди Мэглеодъ.

— Дѣлай, какъ знаешь. Скажу тебѣ одно только, что я тебѣ не завидую въ этой поѣздкѣ. — На томъ разговоръ и кончился.

Вечеромъ мистеръ Вавазоръ сидѣлъ въ своемъ клубѣ, куда онъ отправился размыкать свое горе. А между тѣмъ у его дочери сидѣлъ гость, тотъ самый опасный, двоюродный братъ, о которомъ, по свидѣтельству его дядюшки, не хорошо поговаривали въ настоящую минуту.

Никогда, быть можетъ, Алиса не была менѣе расположена видѣть Джоржа, какъ въ настоящую минуту; она знала, что и безъ того посторонніе не преминутъ приписать ея отказъ мистеру Грею вліянію Вавазора и его сестры, и дала себѣ зарокъ не сходитья съ нимъ до окончанія всей этой неприятной исторіи. Но она не сочла за нужное предупредить слугъ о томъ, чтобы его не принимали. И вотъ, однимъ октябрьскимъ вечеромъ, когда Алиса сидѣла въ гостиной поодаль отъ камина, къ ней вошелъ Джоржъ Вавазоръ. Читатель догадался, что это было по прочтеніи Джоржемъ письма отъ сестры. У него было время обдумать все дѣло послѣ достопамятнаго воскреснаго утра, проведеннаго имъ у себя на квартирѣ.

— Вы въ правѣ были подумать, что я исчезъ съ лица земли, проговорилъ онъ, подходя къ ней съ протянутою рукою.

Алиса смутилась и не знала, какъ отвѣчать. — Я отъ кого-то слышала, что вы уѣзжали охотиться, проговорила она, помолчавъ.

— И я точно уѣзжалъ, только вѣдь моя охота не то, что охота какого нибудь новѣйшаго Немврода, которому вся земля служить отъѣзжимъ полемъ. Два дня я хожу на тетерева, да два дня на куропатку, съ меня и довольно.

— Вотъ какъ, проговорила Алиса.

— Не получали ли вы письма отъ Кэтъ? спросилъ Джоржъ.

— Какъ же, она имѣла раза два писала. Она все еще въ Ярмутѣ съ тетужкой Гринау.

— И, кажется, ѣдетъ съ нею въ Норвичъ. Какъ, какъ видно, не на шутку подружилась съ тетужкой Гринау. Я вообще не забываю на безкорыстїи тамъ, гдѣ дѣло идетъ о деньгахъ, а потому нахожу, что она поступаетъ, какъ нельзя умно, конечно можно навѣрное сказать, что тетужка Гринау опять выйдетъ замужъ, но все же никогда не мѣшаетъ имѣть друзей, у которыхъ водится до сорока тысячъ фунтовъ.

— Не думаю, чтобы Кэтъ имѣла это въ виду, отвѣчала Алиса.

— А не мѣшало бы ей объ этомъ подумать. Она, бѣдняжка, не богата и не имѣетъ, увы! и надежды когда нибудь разбогатѣть. Замужъ она, кажется, и не думаетъ идти, а собственнаго дохода у нея всего на всего сто фунтовъ въ годъ.

— Но тѣ-то дѣвушки и выходятъ всего удачнѣе замужъ, которыя не думаютъ о замужествѣ, зимѣтила Алиса.

— Можетъ быть, ваша правда, но все же мнѣ хотѣлось бы видѣть Кэтъ болѣе обезпеченною. Такой сестры нигдѣ не отыщешь.

— Это такъ.

— До сихъ поръ я еще ничего не успѣлъ для нея сдѣлать. Думалъ я, было, что винная торговля дастъ мнѣ возможность стать ей опорой. Но упрямство моего дѣда отняло у меня эту возможность. Теперь я долженъ съизнова пробивать себѣ дорогу. Не знаю, оправдываете-ли вы мое желанїе попасть въ парламентъ.

— Не только оправдываю, но горячо сочувствую ему. На вашемъ мѣстѣ я и сама точно также поступила бы. Вы не жнаты и имѣете полнѣйшее право подвергаться этому риску.

— Мнѣ прїятно слышать это отъ васъ, отвѣчалъ онъ. Ему теперь удалось попасть въ тотъ дружественный, задушевный, почти нѣжный тонъ, въ который такъ часто переходилъ его разговоръ съ нею за границей, но который не сразу дался ему при настоящемъ свиданїи.

— Я всегда была того же мнѣнїя.

— Но вы не всегда высказывали его.

— Неужто? А мнѣ казалось напротивъ.

— По крайней мѣрѣ, вы не высказывали его съ такою полнотою одобренія. Я знаю, что многіе говорятъ про меня дурно. Самые близкіе люди, мой родной дѣдъ, да, по всѣмъ вѣроятіямъ, и вашъ отецъ ругаютъ меня, считаютъ меня безпутнымъ малымъ. Я все ставлю на карту для достиженія своей цѣли; это такъ. Но желалъ бы я знать, кто, кромѣ Кэтъ, имѣеть право порицать меня? Передъ кѣмъ, кромѣ нея, я отвѣтственъ въ своихъ поступкахъ?

— Кэтъ васъ не порицаетъ.

— Нѣтъ, она сочувствуетъ мнѣ; она одна только и сочувствуетъ, развѣ еще вы. Тутъ онъ пріостановился, выжидая отвѣта, но отвѣта не воспослѣдовало. Но потому-то, быть можетъ, мнѣ и надлежало бы дѣйствовать съ величайшею осторожностью; помня, что у нея нѣтъ и не будетъ другой опоры, кромѣ меня. Много ли девяносто фунтовъ въ годъ для одинокой женщины.

— Но я надѣюсь, что Кэтъ будетъ жить со мною, какъ скоро ей нельзя будетъ болѣе оставаться въ замкѣ Вавазоръ.

Онъ ловко подвелъ дѣло; онъ разставилъ ей западню, и она попалась. У нея было принято твердое намѣреніе не говорить о себѣ; но Джоржъ такъ обошелъ ее, что слово уже сорвалось у нея съ языка прежде, чѣмъ она спохватилась, что его не слѣдовало бы говорить.

— Какъ, въ Недеркотсѣ? спросилъ онъ. Въ вашей любви ни она, ни я не сомнѣваемся; но какому же мужу понравится присутствіе посторонняго лица въ его семейномъ кругу? А мнѣ кажется, что изъ всѣхъ людей, мистеру Грею, какъ человеку несообщительному, это всего менѣе понравится.

— Но у меня и въ мысляхъ не было Недеркотса, отвѣчала Алиса.

— А! то-то. А Кэтъ часто мнѣ говорила, что когда вы выйдете замужъ, она останется одна одишенька.

— Не думаю, чтобы настало то время, когда бы я отшатнулась отъ Кэтъ.

— Конечно, если это только отъ васъ будетъ зависѣть. Бѣдная Кэтъ! Не мудрено, что она съ такимъ страхомъ ожидаетъ вашей свадьбы. Она столько лѣтъ прожила съ вами душа



въ душу; вы должны простить ей горестъ ея при мысли о нашемъ отъѣздѣ въ Кэмбриджшейръ.

Тщето старалась Алиса поддержать косвенную ложь своей роли; у нея не доставало духу лгать, а такихъ словъ, которыя не были бы ложью въ ея глазахъ и въ то же время поддерживали бы въ немъ заблужденіе, она не находила.—Ничто не мѣшаетъ Кэтъ жить со мною, медленно проговорила она. Между мною и мистеромъ Греемъ все кончено.

— Что я слышу, Алиса? Правда ли это?

— Да, Джоржъ, это правда. Но, прошу васъ, не будемте говорить объ этомъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время.

— И Кэтъ знаетъ про это?

— Да, она знаетъ.

— И дядюшка знаетъ?

— И папѣ тоже знаетъ.

— Алиса! какъ же мнѣ не говорить объ этомъ? Какъ мнѣ не высказать вамъ, что я радуюсь вашему избавленію отъ рабства, которое, я былъ увѣренъ въ томъ, сломило бы васъ?

— Прошу васъ, ни слова болѣе.

— Вы мнѣ велите, я долженъ замолчать. Но, признаюсь, мнѣ это не легко. Какъ же мнѣ не поздравить васъ? — На это она не отвѣчала ни слова и только съ нетерпѣніемъ стучала по полу ногою.

— Да, Алиса, продолжалъ онъ, я вижу, вы на меня сердитесь. А между тѣмъ, не естественно ли, что ваши слова приводятъ мнѣ на память все, что было между нами говорено въ Швейцаріи? Вѣдь я все тотъ же двоюродный братъ, какимъ вы меня знали тамъ, и неужели вы откажете мнѣ въ правѣ высказать то, что я думаю о подобной перемѣнѣ въ вашей жизни, особенно если, какъ въ настоящемъ случаѣ, я вполне одобряю эту перемѣну?

— Ваше одобреніе радуетъ меня, Джоржъ, но прошу васъ оставить этотъ разговоръ.

Минуты двѣ послѣ этого длилось молчаніе. Она желала, чтобы онъ ушелъ, но не могла же она, въ качествѣ хозяйки, попросить его объ этомъ. Она сердилась на себя, сердилась на него, и молча смотрѣла въ окно на заживавшіеся газовые рожи.

— Помните ли вы, заговорилъ онъ наконецъ, какъ вы однажды спросили меня: случалось ли мнѣ, при известіи о воспоминаніяхъ, испытывать припадки внутренней дрожи? Помните, что было на мѣсту въ Бавель?

— Какъ же, помню.

— Теперь, Алиса, одна изъ притчъ этого содроганія обновалась. Пола я ничего болѣе не знаю. Долго ли вы пробудете въ Чельтенгамѣ?

— Съ мѣсяць, я думаю.

— И потомъ возвратитесь сюда?

— По вѣснѣ вѣроятнѣе. Мы съ какою думаемъ передъ рождествомъ отправиться въ замокъ Вавазоръ.

— Какъ бы то ни было, я увижусь съ вами по возвращеніи вашемъ изъ Чельтенгама. Кэтъ, конечно, будетъ имѣть о васъ самыя подробныя свѣденія, и уведомишь меня о времени вашего пріѣзда.

— Думаю, что Кэтъ сама пріѣдетъ сюда, когда отстоятъ свое время въ Норфолькѣ. А теперь, прощайте.

— Прощайте, Алиса. То, что я услышалъ отъ васъ сегодня, забавитъ меня не отъ одного припадка внутренней дрожи. Прощайте, Алиса, Господь съ вами.

— Прощайте, Джоржъ.

На прощанье онъ взялъ ея руку и крѣпко поцалъ ее въ своей. Въ тѣ дни, когда они были женихомъ и невѣстою, долгое и крѣпкое пожатіе руки было самою краснорѣчивою его ласкою. Онъ не любилъ выражать свою любовь ни жестами, ни словами; но ей осталось памятно прикосновеніе его ладони. Рука у него была колѣдная, мягкая и маленькая, какъ у женщины, но въ пожатіи ея чувствовалась сила. При этомъ знакомомъ прикосновеніи нахлынули воспоминанія прошлыхъ дней, и она поспѣшно отняла свою руку. Не для этого оттолкнула она отъ себя благороднѣйшаго въ цѣломъ мірѣ человѣка. Джоржъ ни разу такъ не держалъ ея руку со дня ихъ размолвки. Что же значила эта старая ласка въ первое же изъ свиданье послѣ того, какъ она стала свободна? Или онъ думалъ, что она можетъ переносить свою любовь подобно цвѣтку, который вынимаютъ изъ одной петлицы и втыкаютъ въ другую? Джоржъ угадалъ ея мысль и понялъ, что идетъ слишкомъ скоро. Я

понимаю ваши чувства въ настоящую минуту, проговорилъ онъ шопотомъ; но я надѣюсь, что вы простите мнѣ порывъ невольной радости при вѣсти о вашемъ освобожденіи. — И затѣмъ онъ ушелъ.

— Мое освобожденіе! проговорила она, садясь на только что оставленный имъ стулъ. Ужъ лучше бы онъ назвалъ это моимъ паденіемъ съ неба. Какого человѣка я оттолкнула отъ себя! Мысли ея перенеслись въ Недеркотсъ, и она стала проклипать свое безуміе. Чего хотѣла она отъ жизни, если не стужѣла ужиться съ лучшею долею, какой только женщина могла себѣ желать? Не помрачился ли въ ней разсудокъ, когда она рѣшилась оттолкнуть отъ себя единственнаго человѣка, котораго любила и могла уважать?

Полная этихъ сожалѣній, она рѣшила, что дождется возвращенія отца и уговорить его съѣздить къ мистеру Греку и попросить у него прощенія отъ ея имени. — Я должна буду просить униженно, сказала она про себя, но онъ такъ добръ, что я не боюсь передъ нимъ унизиться. — И такъ; она осталась дожидаться отца. Пробыло двѣнадцать, часъ, два; его все еще не было. Далѣе этого часа она не рѣшилась его дожидаться. Она боялась, что возвратясь такъ поздно, послѣ столькихъ сигаръ и, быть можетъ, послѣ нѣсколькихъ лишнихъ стакановъ клубнаго нектара, онъ не въ состояніи будетъ ее выслушать. Въ третьемъ часу она легла спать, а на слѣдующее утро отправилась на станцію желѣзной дороги, не успѣвъ повидаться съ отцомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

## Н Е Г Р Ъ.

(изъ мильвуа).

Похищенный тайно съ родныхъ береговъ  
Далекой Гвинеи родной,  
Негръ бѣдный, уставши отъ долгихъ трудовъ,  
Рыдалъ, изнуренный тоской.  
За то-ли терплю всѣ страданья раба,  
Что чернымъ на свѣтъ я рожденъ?

\* \* \*

Быть можетъ, не муки готовились мнѣ,  
Рожденъ я для счастья быть;  
Я страстной любовью въ родной сторонѣ  
Красавицу Нельзи любилъ  
Готовился быть я счастливымъ отцомъ.  
Увижу ли сына опять?  
Иль ты скоронила съ безумнымъ лицомъ  
Ребенка, печальная мать?

«О, я не могу въ колыбели качать  
 Тебя, ненаглядный мой сынъ!  
 Съ улыбкой ребенку не въ силахъ срывать  
 Гвинейскихъ лѣсовъ апельсинъ.  
 О, я не могу научить тебя самъ  
 Искусству лѣзю усыплять,  
 Иль плавать по бурнымъ, капризнымъ волнамъ,  
 Иль смѣло на льва нападать.

\* \* \*

«Не видѣть мнѣ больше банана вѣтвей,  
 Что я для тебя посадилъ,  
 Ни темной пещеры, гдѣ съ Нельзи моей  
 Я прежде встрѣчаться любилъ,  
 Ни хижины той, гдѣ въ преклонныхъ лѣтахъ  
 Угасъ мой отецъ; не видать  
 Источника, гдѣ у меня на рукахъ,  
 Скопчалася бѣдная мать.

\* \* \*

«Однажды, когда подъ журчанье ключа  
 Подъ тѣнью лимона я спалъ,  
 Корабль подошелъ. Отъ удара бича  
 Проснулся я, сонъ мой пропалъ  
 Я сдѣлаюся плѣннымъ, несчастнымъ рабомъ  
 И къ милымъ вернуться не смѣю,  
 Лишь только на помощь звалъ бурю и громъ  
 И плача на море глядѣю.»

\* \* \*

Такъ пѣлъ онъ, а ближе корабль пристаеъ  
 И на берегъ тотчасъ спустилъ  
 Привѣзгаго съ родины негра; и вотъ  
 Собрата невольникъ спросилъ:  
 — «Братъ милый, что съ Нельзи?» — Тотъ молча рукой  
 Ему указалъ къ небесамъ.  
 — «А сынъ мой, а сынъ?» говорилъ онъ съ тоской.  
 «И сынъ твой скончался: онъ тамъ!..»

Два дня негръ работалъ и тяжело дышалъ,  
Голодный и зноемъ палимъ  
Съ утра и до ночи поля поливалъ  
Онъ потомъ кровавымъ своимъ.  
На третій день утромъ плантаторъ бичемъ  
Надъ негромъ лежавшимъ взмахнулъ.  
„Поспю я еще!“ отвѣчалъ онъ, и сномя  
Могильнымъ и вѣчнымъ заснулъ.

Ф. Орловъ.

## ТРИ НАРОДНОСТИ.

(По поводу введения въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Сиб. 1864.)

Введеніе въ исторію XIX-го вѣка Гервинусъ написалъ еще въ 1852 году, т. е. вскорѣ послѣ разныхъ печальныхъ событій, происходившихъ въ западной Европѣ. Составляя начало обширнаго труда, оно бы и должно явиться вмѣстѣ съ исторіей, которой служить началомъ; между тѣмъ Гервинусъ издалъ его въ видѣ отдѣльнаго сочиненія, и въ такое время, когда еще и самъ не былъ увѣренъ, что его исторія XIX вѣка появится скоро. Главная причина этого заключалась въ томъ, что нѣкоторые изъ друзей Гервинуса, познакомившись съ содержаніемъ введенія, нашли, «что оно можетъ послужить къ возстановленію пошатнушагося довѣрія людей къ ихъ будущему, можетъ поднять упавшую вѣру въ настоящее, приготовить убѣжище надеждамъ тѣхъ, которые потерѣли крушеніе въ послѣдніе годы.» — Такая задача слишкомъ широка и обширна и по существу самаго вопроса разрѣшена быть не можетъ. Впрочемъ самъ Гервинусъ не придавалъ такого значенія своему введенію; издавая его, онъ уступалъ только желанію людей, которыхъ глубоко уважаетъ и которые полагали, что «Введеніе» должно дать силу людямъ, утратившимъ всякую энергію и впадшимъ въ маелодушіе и отчаяніе. Что же касается до самого Гервинуса, то, какъ онъ говоритъ — «историческія размышленія избавили его отъ пламенныхъ ожиданій,

волнующихъ другихъ, и тѣмъ предохранили отъ многихъ заблужденій. Хотя изученіе исторіи заставляетъ отказаться отъ нетерпѣливаго ожиданія быстрыхъ политическихъ результатовъ, однако вмѣстѣ съ тѣмъ научаетъ смотрѣть съ улыбкою состраданія на преходящіе успѣхи и суетное торжество господствующихъ партій, заставляетъ отказаться отъ убѣжденія, что событія міра зависятъ отъ каприза нѣсколькихъ лицъ и образуются ихъ произволомъ.» Во всемъ этомъ Гервинусъ видитъ основаніе для такого рода размышленій, которыя доставляли ему утѣшеніе и поддержку, и которыя, быть можетъ, доставятъ и читателямъ его исторіи.

Подобный взглядъ на историческія событія не составляетъ личной особенности Гервинуса; точно также смотрѣлъ на вещи и Шлоссеръ, который «укрывался въ сѣнь внутренняго міра каждый разъ послѣ того, что дерзалъ выходить на дневной свѣтъ жизни». Точно также смотреть и многіе другіе люди. Но этотъ взглядъ есть уже своего рода аскетизмъ. Чтобы дожить до него, нужно не только потерпѣть въ жизни много неудачъ и разочарованій и, отказавшись отъ настоящаго, смотрѣть съ вѣрой въ свѣтлое земное будущее, но и имѣть для этого еще особенную способность. Такой душевный миръ, такое отрѣченіе отъ настоящаго, — сохранивъ притомъ всю сердечную теплоту къ людямъ и всѣ симпатіи къ ихъ благороднымъ и справедливымъ стремленіямъ, — можетъ быть удѣломъ только лучшихъ людей. Но, во всякомъ случаѣ, это уже отступленіе отъ борьбы съ жизнью, это сознаніе своего безсилія, это уже желаніе найдти для себя спокойный уголокъ, чтобы оттуда, какъ изъ форточки, смотрѣть на то, что дѣлается въ мірѣ. Поэтому понятно, что подобное утѣшеніе, доставляемое историческими размышленіями, можетъ быть доступно не всѣмъ, и средство, придуманное друзьями Гервинуса, во всякомъ случаѣ, не универсальное, тѣмъ болѣе, что оно, — разсматриваемое собственно, какъ историческое утѣшеніе, — не даетъ отвѣтовъ на многіе вопросы.

Обстоятельство, побудившее друзей Гервинуса дать людямъ историческое утѣшеніе, составляетъ вовсе не новое явленіе въ исторіи человѣка. Въ то время, когда строились египетскія пирамиды, и когда сгонялось ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ людей, чтобы таскать черезъ пустыни громадныя глыбы камня, обдѣлывать ихъ и поднимать безъ пособія нынѣшнихъ подъемныхъ машинъ на огромную высоту — и тогда многіе изъ этихъ несча-



стныхъ приходили въ отчаяніе, не вида конца своимъ мученьямъ, и, разумѣется, искали себѣ какого нибудь утѣшенія и душевнаго успокоенія, чтобы примириться съ дѣйствительностію. Историческое утѣшеніе, предлагаемое друзьями Гервинуса, совершенно такого же рода. Оно даетъ людямъ увѣренность въ вѣчный прогрессъ человѣчества и вѣру въ счастливую будущность, ожидающую будущія поколѣнія. Разумѣется, если людямъ нельзя предложить ничего иного, то хорошо и это, потому что оно все-таки лучше безвыходнаго страданія, безъ всякой надежды на переимѣну, — страданія безъ всякой преспективы кромѣ непроходимаго мрака, не имѣющаго ни одной свѣтлой точки, которая, указывая путь жизни, влекла бы и манила къ себѣ.

Но историческое утѣшеніе такого рода не достигаетъ вполнѣ своей цѣли, потому что до сихъ поръ оно не уменьшало ни числа энтузіастовъ и мечтателей, не прибавляло вообще людямъ ума и гуманности. Поэтому кто желаетъ убѣдить людей въ невозможности измѣнить ходъ исторіи или дать ей обратное движеніе, тотъ долженъ предлагать ученіе о прогрессѣ, какъ утѣшеніе, не тѣмъ, кто упалъ духомъ и отъ изнеможенія сѣлъ на пути жизни, повѣсивъ руки, а тѣмъ, кто смотритъ на прогрессъ нѣсколько иными глазами, и понимаетъ его не какъ цѣль высшаго индивидуальнаго развитія и общей пользы, а какъ стремленіе къ частной выгодѣ нѣкоторыхъ. Для такихъ людей историческіе уроки нужны и полезны, потому что они поселяютъ свѣтъ тамъ, гдѣ его не было, и научаютъ людей понимать то, чего они не понимали. Что же касается до энтузіастовъ и мечтателей, то историческое благоразуміе, достигающееся людямъ уже въ то время, когда энтузіазмъ и мечтательность уступили свое мѣсто холодной разсчитанности, едва ли можетъ имѣть къ нимъ какое нибудь отношеніе. Энтузіасты, по особенностямъ своей природы, составляютъ исключительную породу людей. Какъ долго будутъ они еще являться и научать ли ихъ благоразумію историческія утѣшенія — неизвѣстно, что же касается до прошедшаго, то люди этого сорта были во все времена, начиная съ самой глубокой древности и до нашихъ дней. Число ихъ въ извѣстный историческій моментъ можетъ увеличиваться или уменьшаться, смотря по болѣе или менѣе благоприятнымъ для нихъ обстоятельствамъ; но существованіе ихъ будетъ неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока историческое развитіе будетъ идти скачками вмѣсто свободнаго, нестѣсняемаго прогрессивнаго движенія. Напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ почти не знаютъ по-

добныхъ людей, потому что общественная жизнь не благопріятствуетъ ихъ появленію. Въ Америкѣ только одно сословіе; противоположнымъ интересамъ лицъ и мѣстностей предоставлена полная возможность заявлять всё свои нужды, требованія и стремленія; всякій голосъ, всякое мнѣніе выражаются свободно, и если въ нихъ найдется какой нибудь полезный, практическій смыслъ, то они будутъ приняты. При такомъ порядкѣ дѣлъ борьба внѣшній не имѣетъ ничего сословнаго, враждебнаго и трудноразрѣшимаго; когда интересы не распадаются на сословныя частности, а представляются въ видѣ болѣе или менѣе общенароднаго дѣла, то они разрѣшаются сравнительно весьма легко; побѣжденная партія знаетъ, что хотя она и побѣждена, но побѣждена такимъ же народомъ, какъ и она, побѣждена потому, что большинство голосовъ не на ея сторонѣ; побѣжденные могутъ быть недовольны своей неудачей, но ихъ побѣдила не военная сила—ихъ просто перекричали... Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ всё работаютъ на общую пользу, или, лучше сказать, каждый работаетъ свободно для себя, и если его личный интересъ можетъ быть полезенъ интересу общественному, то встрѣчаетъ непремѣнно сочувствіе большинства. Поэтому для инициативы въ общественныхъ дѣлахъ существуетъ столько отдѣльныхъ двигателей, сколько гражданъ и, слѣдовательно, всякая потребность, нужда или мысль находятъ себѣ путь и могутъ быть осуществимы, если большинство найдетъ ихъ полезными или въ состояніи понять. При такомъ порядкѣ дѣлъ, когда работаютъ всё, не можетъ быть виноватыхъ, если что нибудь сдѣлается неудачно или глупо; виноваты всё—у всёхъ, значить, не достало способности или силы сдѣлать дѣло умнѣе. Сердиться, поэтому, не на кого, ибо сердиться на всёхъ такъ же невозможно, какъ и сердаться на море за его приливъ и отливъ, или на ураганъ, сносящій крышу. Здѣсь дѣйствуетъ стихійная сила, которую можно только изучать и обходить, но бороться съ ней невозможно. Но въ этомъ порядкѣ дѣлъ есть и еще одно обстоятельство, мѣшающее появленію энтузіастовъ. Когда инициатива принадлежитъ каждому, то и общественная жизнь отличается необычайной подвижностью; при полной свободѣ развитія отдѣльной личности, каждый вноситъ въ общественную жизнь свой личный элементъ; миллионы людей можно сравнить съ миллионами ручейковъ; ручейки соединяются въ ручьи, ручьи въ рѣчки, рѣчки въ рѣки, и наконецъ изъ всего этого образуется общій огромный потокъ, однообразный въ своемъ

составъ и въ характерѣ, текущій ровно, безъ задержекъ и перерывовъ или какихъ нибудь плотинъ, которыя нужно или обойти или разбить. Разумѣется, и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ являют-ся иногда случаи, создающіе энтузіастовъ и мечтателей, но это только въ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ Штаты отступали отъ своихъ основныхъ принциповъ и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ должны были держаться европейскихъ традицій.

Не такой порядокъ существовалъ въ Европѣ. Въ ней было не одно сословіе, съ однимъ общимъ интересомъ, а четыре. Каждое заботилось исключительно о своихъ собственныхъ выгодахъ, и разумѣется, на счетъ выгодъ другихъ сословій. Больше сильное, достигая своей цѣли, вооружало обыкновенно противъ себя всѣ остальные. Каждое сословіе тянуло въ свою сторону, и отъ этого являлась только рознь, потеря въ силахъ и обоюдное неудовольствіе, переходившее нерѣдко въ озлобленіе. Сословіе, которому удавалось достигнуть выгодныхъ для него результатовъ, старалось закрѣпить ихъ за собой, какъ можно прочнѣе. Другія между тѣмъ терпели и искали случая устранить причину своихъ потерь, чтобы захватить выгоды въ свою исключительную пользу. Эта вѣчная борьба изъ-за частныхъ сословныхъ выгодъ дѣлала общественную жизнь похожей на рѣку, перегородженную на каждомъ шагу плотинами. Всякая мысль противъ интересовъ сильнаго сословія считалась вредной, а всякое противное дѣйствіе—преступленіемъ. А между тѣмъ, чѣмъ чаще являлись факты закрѣпленія выгодъ въ пользу какаго-либо сословія, тѣмъ чаще являлись и вольнодумцы, рѣшавшіеся оспаривать справедливость подобныхъ дѣйствій. Движеніе впередъ свершалось напоромъ силъ, дѣйствовавшихъ по разнымъ и обыкновенно противоположнымъ направленіямъ. Отъ того, что прогрессъ создавался борьбой сословій, онъ представлялъ непрерывный рядъ акцій и реакцій, постоянныхъ колебаній изъ одной стороны въ другую. Это колебаніе между крайностями, создававшееся любовью, доведенными до страстности и ожесточенія, способствовало чрезвычайно появленію тѣхъ крайнихъ логическихъ выводовъ и тѣхъ стремленій къ ихъ осуществленію, которыя люди, считающіе себя благоразумными, называли всегда увлеченіями и мечтами. Въ сущности, увлеченіе и мечта есть только крайній выводъ, невозможный почему-либо въ настоящемъ. Эта невозможность осуществленія вовсе еще не служитъ доказательствомъ непрактичности или нецѣлности увлеченія; напротивъ, не-

редко оказывалось, что мечта была гораздо умнее и практичнее того, что ей противопоставлялось. Мечтой может быть самая высокая гениальная и гуманная мысль, если ее встречают препятствия, преодолеть которые у нее нет силы. Здесь действует закон той же необходимости и той же логики, какой является во всех условиях общественной и частной жизни. Появление энтузиастов, число их и предель их стремлений зависели исключительно от условий того исторического момента, в который они являлись. Чем напряженнее были обстоятельства, вызвавшие известный исторический момент, и чем существеннее и шире было его общественное значение, тем больше являлось пылких людей, готовых жертвовать всем, лишь бы доставить большую прочность и успех общественному благу. Один из подобных исторических фактов представляет реформация. Реформацию создал не Лютер, ее создало время и общая потребность, но Лютер явился только представителем известных требований и коноводом реформы. Это было время общего увлечения; все были тогда энтузиастами, — каждый трусь и глупец несъ посланную дань общему делу. В этом общем стремлении покопчить съ старым и создать новое, трудно было найти тот предель, на котором следовало остановиться и не идти дальше. Да и кто могъ знать точно, гдѣ эта черта? Хотя Гервинусъ и называетъ Лютера истиннымъ историческимъ пророкомъ, который только одинъ успѣлъ опредѣлить точнымъ образомъ мѣру силъ, которую его время могло употребить на это великое дѣло; но мы не видимъ никакихъ оснований, почему-бы Лютеру нельзя бы было сдѣлать еще два или три шага впередъ. Разумѣется, нельзя сказать, что бы было, если бы мѣсто Лютера занималъ Цвингли, или Кальвинъ, но очевидно, что въ последнемъ случаѣ преобразованія вышли бы шире. Въ такихъ громадныхъ дѣлахъ, какъ напр. эпоха нѣмецкой реформации или подобныя аналогическія явленія, когда преобразованія захватываютъ народную жизнь въ громадномъ объемѣ, измѣняя ее въ ея основной сущности, одному человѣку трудно опредѣлить, гдѣ слѣдуетъ остановиться. Поэтому консерватизмъ Лютера не заслуживаетъ такой большой похвалы, какую ему расточаютъ, точно такъ же, какъ и весь деспотическій характеръ, который онъ придалъ своему дѣлу. Возставъ противъ папской власти, Лютеръ искалъ поддержки въ власти свѣтской, безъ которой реформа была, разумѣется, невозможна, но которой онъ далъ такое же значеніе, какое присвоивала себѣ непогрѣшимая пап-

ская власть. Самъ Гервинцусъ приводитъ въ примѣръ Генриха VIII, который показалъ практически и яснѣе всѣхъ, что дальновидность Лютера была совсѣмъ не такъ велика. Известно, что въ религиозныхъ войнахъ и мирныхъ договорахъ XVI и XVII столѣтія дѣло шло не о свободѣ исповѣданія каждаго отдѣльнаго гражданина, а о свободѣ государей производить у себя религиозныя реформы. До чего подобное притязаніе государей того времени, явившееся единственно вслѣдствіе ученія Лютера, могло быть вредно общему ходу цивилизаціи, обнаружилось въ произвольныхъ мѣрахъ Генриха VIII. Уничтоживъ супрематію папы, онъ замѣнилъ ее своимъ всемогуществомъ и соединеніемъ въ своемъ лицѣ всей духовной и свѣтской власти. Генрихъ только перенесъ власть отъ папы на себя, и за тѣмъ оставилъ церковь въ ея прежней католической неподвижности. Что бы покончить съ этимъ зломъ, достигшимъ крайняго произвола и насилія при преемникахъ Генриха VIII, должна была явиться англійская революція. Германия, правда, спаслась отъ подобныхъ крайностей, но она спаслась отъ нихъ вовсе не вслѣдствіе дальновидности Лютера, а по особеннымъ условіямъ германскаго народнаго духа, о которыхъ мы будемъ говорить послѣ. Лютеръ, устроивъ реформу, ограничивалъ свою дѣятельность исключительно церковными дѣлами. Между тѣмъ всѣ обстоятельства общественной жизни были такого рода, что требовали коренныхъ преобразованій во всемъ. Народъ терпѣлъ страшно отъ рыцарей и дворянъ, отъ ихъ произвола и грабительствъ, отъ разныхъ усиленныхъ податей и пошлинъ. Страданія были велики, а между тѣмъ Лютеръ не только не обратилъ на нихъ своего вниманія; но еще обрушился всею силою своего авторитета на тѣхъ, кто вздумалъ заявлять требованіе политическихъ реформъ, и благословлялъ людей на истребленіе несчастныхъ крестьянъ, когда они, выведенные изъ себя, поднялись противъ своихъ притѣснителей. Лютеръ поднялъ знамя громаднаго насильственнаго переворота, переворота хотя и весьма плодотворнаго по своимъ послѣдствіямъ, но тѣмъ не менѣе все-таки насильственнаго; и въ то же время онъ обнаружилъ такой абсолютизмъ, что не терпѣлъ рядомъ съ собою никакого другаго реформатора: какъ только являлся кто нибудь другой, желавшій идти нѣсколько дальше и распространить преобразованіе на другія стороны общественной жизни, Лютеръ старался сдержать ихъ всѣми мѣрами, какими онъ только могъ располагать. А между тѣмъ въ требованіяхъ этихъ людей было столько справедливаго и возможнаго

въ исполненіи, что только остается жалѣть объ абсолютизмѣ Лютера и о томъ упорствѣ, съ какимъ онъ не хотѣлъ признавать правды, которая шла не отъ него. Мечтатели и энтузіасты того времени, — о которыхъ Лютеръ говорилъ, что они захватываютъ слишкомъ далеко, — дѣйствительно въ нѣкоторыхъ случаяхъ стремились къ тому, что невозможно еще и въ наше время, но болѣею частью они желали весьма возможнаго. Уничтоженіе вѣрностной зависимости, разныхъ стѣснительныхъ платежей, возвращеніе несправедливо захваченныхъ общинныхъ имуществъ, вознагражденіе за вредъ, наносимый охотою, отиѣна личнаго заключенія, когда представится поручительство, опредѣленіе податей самимъ народомъ и т. п. заявленія, высказанныя во время крестьянской войны въ разныхъ прокламаціяхъ, были, разумѣется, весьма осуществимы во многихъ мѣстахъ. Но тѣмъ не менѣе людей, высказывавшихъ подобныя мысли, Лютеръ считалъ все-таки мечтателями и не помогъ имъ ничѣмъ, ограничивая свою дѣятельность исключительно церковной реформой. Понятно, что при общемъ возбужденіи умовъ, ожидавшихъ большаго и стремившихся къ болѣе совершенному быту, чѣмъ какой существовала, было весьма естественно явиться мыслителямъ, которые отнеслись критически ко всѣмъ вопросамъ общественной жизни и пожелали реформъ болѣе глубокихъ и широкихъ. Людямъ казалось, что наступило время полного обновленія всей гражданской и церковной жизни. «Нѣкоторые отдѣльныя секты, нѣкоторые передовые умы, говоритъ Гервингусъ, въ самомъ началѣ реформаціи стремились ускорить результаты новаго направленія, которые должны были быть для нихъ только отдѣленною цѣлью. Уже тогда былъ начертанъ весь кругъ церковныхъ и государственныхъ требованій, которые только отчасти были исполнены послѣ государственныхъ переворотовъ въ Америкѣ и Франціи, и даже до нашего времени не вездѣ и не всѣ еще получили удовлетвореніе. Въ религіозной сферѣ нѣкоторые энтузіасты и анабаптисты уже ссѣдали понятіе рациональнаго очищенія христіанства и его формъ, — идею, которая впервые могла быть осуществлена только правнуками ихъ проповѣдниковъ, выселившихся въ Америку. Въ строгой исследователности развивалъ ученіе Лютера о всеобщемъ священствѣ всѣхъ христіанъ, они хотѣли, чтобы церковныя дѣла рѣшались собраніями свѣтскихъ лицъ, чтобы священники избирались общиною. Они уже тогда сформировали положенія невѣрнаго рационализма, ибо требовали свободнаго пониманія св. писанія, ставили св. Духа выше писанія»

ни, а подъ св. Духомъ разумѣли не болѣе, какъ духовную силу и разумъ человека; въ вѣрѣ видѣли только любовь, доказываемую дѣлами; въ Христѣ только божественный образецъ для человѣческой жизни, и въ причастіи только воспоминаніе о немъ. Рядомъ съ этими религиозными нововведеніями, и планы политическихъ реформъ развивались до самыхъ демократическихъ результатовъ, которыми на дѣлѣ суждено было исполниться только гораздо позже...» Во времена Лютера все это называлось энтузіазмомъ и мечтами, и Лютеръ протравилъ не мало самыхъ крупныхъ выражений, чтобы побѣдить противниковъ, захватывавшихъ дальше его. А между тѣмъ въ этихъ мечтахъ выразилось не болѣе, какъ логическое развитіе началъ, высказанныхъ Лютеромъ, которые въ наше время получили уже во многихъ мѣстахъ практическое приложеніе. Очевидно, обвиненіе за непрактичность мечтаній и увлеченій должно было падать не на тѣхъ, кто дошелъ до нихъ путемъ логическаго мышленія, а на тѣхъ, кто, назначивъ себѣ извѣстный предѣлъ, не хотѣлъ идти дальше и не пускалъ идти другихъ. Непрактичность подобнаго задерживанія другихъ заключалась во-первыхъ въ томъ, что препятствія разжигали только страсти и повели къ тѣмъ печальнымъ сценамъ убійствъ, козни и междоусобій, которыми такъ богато время реформации и послѣдующее; а во-вторыхъ въ томъ, что, опредѣливъ точно предѣлъ, до котораго идти, и построивъ на немъ плотицу, чтобы задерживать дальнѣйшее свободное развитіе мысли, Лютеръ поступалъ совершенно такъ же, какъ поступали его католическіе противники. Въ этомъ не было ровно никакой необходимости, потому что если Кармитадтъ и его послѣдователи или даже Мюндеръ съ своими учениками дѣлали и говорили вздоръ, то въ этомъ не было никакой бѣды ни для Германіи, ни для лютеровою реформы. Въ чемъ дѣлать логики и практическаго смысла, то никогда не привѣется къ жизни, следовательно и бороться противъ подобнаго вздора совершенно бесполезно; но если стремленія и мысли людей правильны и ведутъ къ хорошему послѣдствію, то воевать противъ нихъ еще бесполезнѣе, потому что побѣдить ихъ невозможно. Все, что можно сдѣлать съ опредѣленными стремленіями, заключается только въ томъ, что задержится исполненіе ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Сдѣлать это, разумно, не трудно, но будетъ ли это умно? Разумѣется, бываютъ случаи, когда, по видному, самыя справедливыя мысли и самыя родныя желанія оказываются непрактическими т. е. не при-

маются жизнью. Напримеръ, Мильтонъ составилъ для Англии проектъ реформъ, по которому предполагалось уничтожить въ странѣ всякое сословное различіе и всякія привилегіи, смягчить систему откуповъ; новымъ порядкомъ пользованія рѣками, морями, лѣсами и пастбищами улучшить матеріальное положеніе народа. Самоуправленіе развить въ такой степени, чтобы въ администраціи и въ судѣ никто бы не зависѣлъ отъ отдаленныхъ мѣстъ, и сдѣлать изъ Англии федеральное государство, соединяющее провинціальную самостоятельность съ единичною властью. Церковное устройство должно было соответствовать политическому. Священники должны были избираться общинами и получать отъ нихъ жалованье; церковь и государство совѣтъ не вмѣшивались въ это дѣло. Каждый иновѣрецъ пользовался полной терпимостью и могъ понимать слово Божіе, какъ ему хотѣлось. Ученіе это не встрѣтило сочувствія англичанъ; въ нихъ была такъ сильна привычка къ старымъ формамъ, которыми они были довольны, что всѣ хотѣли возврата къ прежнимъ феодальнымъ порядкамъ, и прогрессисты, составляя незначительное меньшинство, находили поддержку только въ войскѣ. Въ этомъ случаѣ обвинять, разумѣется, не кого; Мильтонъ думалъ, что его порядокъ будетъ лучше прежняго, но народъ, всей своей массой, думалъ иное; правъ, разумѣется, народъ, а не Мильтонъ. Но въ Германіи во время реформации было явленіе противоположное. Разумѣется, участіе народа въ лютеровомъ дѣлѣ было несомнѣнно и велико, — безъ него Лютеръ ничего бы не сдѣлалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ народъ все-таки былъ лишенъ права заявлять свои мысли и стремленія, и судьей того, что и какъ должно быть устроено, былъ только Лютеръ съ немногими своими друзьями. Поэтому-то и нельзя сказать опредѣлительно, точно ли Лютеръ рассчиталъ вѣрно предѣлы, до котораго, по общему уровню народныхъ понятій, нуждъ и желаній, можно было идти, и не слѣдовало ли ему сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ и принять планы тѣхъ, кого онъ считалъ энтузіастами, захватывающими слишкомъ далеко. Можетъ быть, Лютеръ и не ошибся; но изъ того, что мы говорили ранѣе, слѣдуетъ заключить скорѣе, что Лютеръ не дошелъ до настоящихъ границъ возможной реформы, и не только не хотѣлъ самъ двгаться дальше, но и не пускалъ другихъ. Поэтому мы полагаемъ, что эпитетъ истиннаго историческаго пророка, приданный Гервинусомъ Лютеру, нѣсколько преувеличенъ.

Не смотря на осторожную и закрѣпляющую систему дѣйствій Люте-



ра; реформація составляет величайшую историческую заслугу Германии, самое важное по своимъ послѣдствіямъ проявленіе нѣмецкаго гения. «Что дало германской реформаціи — говорить Гервинусъ — такое прочное основаніе и сообщило ей постоянную энергію, что образовало всю исторію послѣдующаго времени, дало движеніе цѣлому ряду событій, которыя не только болѣе и болѣе освобождали свѣтъ отъ прѣжнихъ духовныхъ и гражданскихъ узъ среднихъ вѣковъ, но и разрушали новый произволъ — это былъ тотъ контрастъ въ натурѣ народовъ романскихъ и германскихъ, который уже въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, начиная съ первой формы смѣшенія племенъ, постоянно отражался въ значительнѣйшихъ историческихъ явленіяхъ и который теперь выступилъ изъ глубины стремительнѣе, чѣмъ когда либо, по призыву религіознаго раздора и вслѣдствіе наступленія новаго времени». Судя по представляемымъ исторіей фактамъ, разумѣется, нельзя не замѣтить разницы между тремя главнѣйшими народностями Европы — германской, романской и славянской. Каждая изъ нихъ дѣйствовала до сихъ поръ въ предѣлахъ, опредѣляющихъ довольно точно ея историческую роль; къ сожалѣнію у историка нѣтъ еще средствъ опредѣлить въ точности причины, отъ которыхъ зависѣли національныя особенности, называемыя обыкновенно народнымъ гениемъ. Историки судятъ о народахъ по фактамъ, представляемымъ достоверной исторіей, и, разумѣется, для сужденія о какомънибудь народѣ и не можетъ быть другихъ основаній. Не смотря на справедливость такого заключенія, не менѣе справедливо и то, что характеръ каждой народности формировался, разумѣется, ранѣе появленія ея на исторической сценѣ. Такимъ образомъ извѣстіе Тацита о германцахъ застаётъ ихъ уже народомъ съ точно опредѣлившимися чертами, главные основы характера у нихъ уже выработались. Но что именно способствовало этой выработкѣ, какъ и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ складывался характеръ германцевъ и славянъ, почему съ первыхъ страницъ достоверной исторіи является уже значительная разница между тѣми и другими? — На эти вопросы у исторіи нѣтъ отвѣтовъ, и ей приходится довольствоваться тѣмъ, что, встрѣтивъ народъ уже съ извѣстными основными характеристиками и съ болѣе или менѣе установившимися стремленіями, слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ по пути его исторической жизни. Исторія застаётъ германцевъ съ той уже готовой чертой характера, которую можно назвать духомъ сопротивленія или

стремленіемъ къ независимости. Можно замѣтить на это, что вои варварскіе народы отличались подобнымъ стремленіемъ къ независимости. Мы не будемъ спорить; мы скажемъ только то, что при всемъ желаніи сохранить свою независимость, это удавалось очень немногимъ народамъ, и до сихъ поръ только одно германское племя успѣло дойти до тѣхъ результатовъ индивидуальной независимости и развитія, вѣрнѣе предѣломъ котораго для нашего времени служатъ Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты. Изъ этого стремленія къ независимости созданъ феодальный бытъ, ноъ этого же источника явилась и реформація, и тотъ новый періодъ вещей, который представляетъ новый свѣтъ. Эту черту народнаго характера Германуэль называетъ партикуляризмомъ германскихъ племенъ.

Съ самаго начала своей жизни, Германия представляеть броженіе силъ, при чемъ каждая хочетъ занять непремѣнно особое положеніе. Ленная система съ ея стремленіемъ къ федеральности, усиленіе аристократіи, раздѣленіе ея на свѣтскую и духовную, ибная борьба ихъ между собой и съ королевскою и императорскою властью; но видному, только и стремится къ тому, чтобы подорвать государственное единство. Никто не заботится объ общихъ интересахъ, каждый болѣе значительный вассалъ думаетъ только о своихъ личныхъ выгодахъ. Но эта-то именно раздробленность и спасла Германию отъ римскихъ идей единства въ государствѣ, въ правѣ и въ религіи. Только это стремленіе къ партикуляризму побудило германцевъ востать противъ римской державы и создать реформацію съ ея благотворными послѣдствіями для культуры всего человѣчества.

Когда паденіе Византійской имперіи и взятіе Константинополя турками навело ужасъ на европейскіе правительства, и они, въ страхѣ предъ турецкимъ могуществомъ, стали стремиться къ союзамъ, тогда монархическое начало стало понемногу брать верхъ надъ разнузданностью аристократіи, и въ Европѣ появилось въ короткое время нѣсколько могущественныхъ монарховъ. Союзъ съ Римомъ и римская политика придали власти небывалую до того силу, и подъ вліяніемъ римскаго духа въ западной Европѣ воскресли вновь планы универсальныхъ монархій. Римъ хотѣлъ присвоить себѣ общее господство и при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ и которая давали ему возможность проникать въ жизнь человѣка, слѣдить за нимъ въ его частной, семейной жизни и давать въ неповѣдальныхъ миссіонѣхъ уроки, каки признавались необходимыми и полезными для римской

политики—господство Рима являлось громаднымъ. Служители папы, образуя особую насту, не имѣли другаго отечества, кромѣ Рима и другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ римскаго престола. Покрывалась божественной непогрѣшимостью своего владыки и не признавая надъ собой другой власти, кромѣ произвола намѣстника Христа, католическіе монахи образовали такую плотную, крѣпкую и сильную сѣть во всѣхъ земляхъ, признававшихъ главенство папы, что европейскому міру грозило полное теократическое господство. Къ общему бѣдствію, духовная власть вошла въ тѣсный союзъ съ свѣтскою; въ лицѣ универсальной имперіи Карла V она собиралась поглотить Европу и подчинить ее одному принципу по одному направлению. Кромѣ Франціи Карлъ владѣлъ всей западной Европой, женитьба Филиппа на Маріи английской передавала и Англію въ руки карловой династіи. Но его всемогущество этимъ не удовлетворялось: онъ хотѣлъ подчинить своимъ свѣтскимъ цѣлямъ и духовную іерархію, онъ хотѣлъ и духовныя силы сдѣлать такимъ же послушнымъ своимъ орудіемъ, какъ силы военныя и гражданскія. Если представить себѣ, какое громадное могущество соединялось при этихъ средствахъ въ рукахъ одного человѣка и какая опасность грозила Европѣ, когда бы подчинили ее римскимъ и испанскимъ принципамъ, то только тогда и является ясное пониманіе всей громадной цѣльи реформаціоннаго движенія, спасаемаго Европу отъ римско-испанскаго господства. Очень можетъ быть, что вліяніе свѣтско-духовной власти, соединенной въ однихъ рукахъ, было бы и менѣе разрушительно, чѣмъ оно оказалось въ Испаніи; очень можетъ быть, что нѣмецкій народный геній не далъ бы довести себя до такого нравственнаго и умственнаго паденія и до той матеріальной нищеты, до какой нѣмецкое управленіе и карлова династія довели Испанію и Римъ; тѣмъ не менѣе опасность была все-таки велика, и въ случаѣ удачи Карла V Европа конечно переживала бы теперь не то время.

Къ счастью для Европы, Карлъ запоздалъ нѣсколько съ своими планами, и встрѣтилъ слишкомъ сильнаго противника въ духѣ германскаго народа. Всѣ сословія Германіи поднялись на защиту себя отъ бѣды, грозившей имъ изъ Рима и Испаніи. Национальное чувство пробудилось во всѣхъ, начиная отъ послѣдняго крестьянина до короля; нѣмецкому генію была невыносима духъ общей подчиненности одному началу, совершенно несходному съ основами нѣмецкой жизни.

и реформація не только сломила римское господство и положила конецъ универсальнымъ монархіямъ, но вслѣдствіе политики Лютера, искавшаго поддержки свѣтской власти, основала тотъ федеративный союзъ мелкихъ государей, значительно усилившихся и достигшихъ до небывалой прежде самостоятельности, который спасъ Германію отъ мертвящаго застоя романскихъ государствъ. Такимъ образомъ политическое значеніе реформаціи въ событіяхъ ближайшаго къ ней времени заключалось въ уничтоженіи римскаго господства, въ уничтоженіи универсальной монархіи Карла и въ увеличеніи самостоятельности отдѣльныхъ германскихъ владѣльцевъ, сдѣлавшихся независимыми государями. Но не въ этомъ сущность міроваго значенія протестантской реформы и ея вліянія на культуру человѣчества.

Если мы говоримъ о нѣмецкой народности и о германскомъ геніѣ, то подъ этимъ не слѣдуетъ понимать Австрію, Пруссію, Баварію или другое германское государство и ихъ политическія системы. Точно также не слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ ошибки и глупости нѣмцевъ, которыя только вредили имъ и никогда не одобрялись здравомыслящими людьми. Но въ недостаткахъ рисуется характеръ и смыслъ народа, потому что недостатки всѣхъ народовъ почти одинаковы, и глупость, кѣмъ бы она ни была сдѣлана, всегда и вездѣ имѣетъ общія черты. Турецкая или китайская глупость едва ли отличается многимъ отъ глупости французской или нѣмецкой, какъ мало отличается въ цвѣтѣ китайская тушь отъ голландской сажи. Поэтому, говоря о нѣмецкомъ геніѣ, мы представляемъ себѣ не настоящую германію съ ея общественными формами, съ ея довольными и недовольными, съ ея силой или безсиліемъ — мы беремъ только то, что создала нѣмецкая мысль, и чѣмъ она способствовала общему развитію человѣчества. Сама Германія, т. е. срединное европейское государство, лежащее между Россіей и Франціей, между Средиземнымъ моремъ и Балтійскимъ, стоитъ гораздо ниже уровня, на которую поднялся нѣмецкій геніѣ. Можно даже подумать, что нѣмецкій геніѣ и не живетъ тамъ, гдѣ живутъ такъ называемые нѣмцы, потому что почти все, созданное имъ, примѣнилось и развилось не на той почвѣ, на которой явилось. Нѣмецкій геніѣ создалъ четыре великихъ вещи: книгопечатаніе, реформацію, Англію и Сѣверо-Американскіе Штаты со всѣми чудесами ихъ промышленности, изобрѣтеній, открытій и государственныхъ учрежденій. Но сама Германія воспользо-

вадась очень немногимъ изъ того, что она придумала. Она служила только лабораторіей, гдѣ создавалась мысль; но, явившись въ міръ, мысль улетала въ другія мѣста, къ другимъ не-германскимъ нѣмцамъ и только тамъ получала практическое примѣненіе. Отъ этого во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, кромѣ умозрительнаго пониманія, требовалась способность осуществленія идеи, Германія стояла всегда далеко ниже своихъ умственныхъ способностей. Также поступила она и во время реформации: Лютеръ при всемъ своемъ историческомъ значеніи былъ ниже своего дѣла, и что слѣдовало ему совершить въ Германіи и чего онъ не только не совершилъ, но даже чему онъ помѣшалъ, можетъ быть, на три вѣка, то сдѣлали другіе нѣмцы — Англія и Америка. Поэтому настоящій, всемогущій германскій геній, ведущій человѣчество по пути прогресса и создавшій все то, что дѣлаетъ человѣка царемъ природы, нужно искать не въ Германіи.

Читатель, разумѣется, очень хорошо знаетъ, какія выгоды принесло цивилизаціи изобрѣтеніе книгопечатанія, пароваго двигателя и всѣхъ машинъ и техническихъ открытій, измѣнившихъ судьбы міра. — Три народа нѣмецкаго корня создали всѣ эти чудеса — нѣмцы въ собственномъ смыслѣ, англичане и американцы. Такъ какъ читателю извѣстно экономическое значеніе этихъ открытій, то говорить о нихъ мы считаемъ лишнимъ, тѣмъ болѣе, что для занимающаго насъ вопроса важны не экономическія изобрѣтенія, а тѣ практическія примѣненія нѣмецкой мысли, которыя давали человѣческимъ способностямъ возможность болѣе совершеннаго и всесторонняго развитія, и такимъ образомъ создавали новую умственную силу и новый невещественный капиталъ, обезпечивавшій успѣхи дальнѣйшаго прогресса цивилизаціи. Изъ европейскихъ государствъ Англія сумѣла согласить лучше всѣхъ наслѣдіе, оставленное древнимъ Римомъ, въ пору его паденія, съ тѣми личными требованіями, которыя заявлялъ постоянно свободолюбивый партикуляризмъ германскихъ племенъ, и по выраженію Питта, удержавъ всѣ выгоды монархіи, аристократіи и демократіи, Англія осталась чуждой всѣхъ ихъ невыгодъ. Привожу подлинныя слова Гервинуса о значеніи основныхъ элементовъ англійской государственной жизни: «Если, говорить Гервинусъ, смотрѣть на единство правительства, на королевское veto, на силу и могущество, которыя это единство сообщаетъ внѣшнимъ отношеніямъ Англіи къ другимъ государствамъ, то чувствуешь себя въ монархическомъ государствѣ. Если смотрѣть на вы-

сокую церковь, которая имѣетъ во главѣ короля-папу и старается достигнуть въ вѣрѣ національнаго единства, какъ католицизмъ — единства универсальнаго, то кажется, какъ бы видишь передъ собою теократическіе элементы. Если взглянуть на весь общественный духъ, на консервативность и неслѣдовательность политики, на лицъ, въ рукахъ которыхъ она находится, на характеръ права, на нравы, обычаи жизни, на народное представительство, — то англійское государство является существенно аристократическимъ. Но взявъ во вниманіе, что право назначенія податей есть исключительное право общинъ, — можно подумать, что рѣшительный перевѣсъ имѣетъ высшая буржуазія. Если же разсматривать отдѣльныя учрежденія и общественныя отношенія, дѣятельность и независимость частныхъ лицъ, децентрализацию въ администраціи, самоуправленіе, отсутствіе всякаго господства бюрократіи, огромную свободу лица и собственности, систему защищенія страны, право ассоціацій и прессы — то все въ Англии является демократическимъ. Но своимъ аристократическимъ принципамъ и не приверженности къ традиціи прошедшаго, Англія должна бы быть государствомъ консервативнымъ до неподвижности; а между тѣмъ на практикѣ обнаруживается противное, и англійская конституція легко уступаетъ всякому прогрессивному движенію, всякой новой мысли и всякой дѣйствительной необходимости. На составленіе англійской конституціи, какъ выражается Гервинусъ, ушло нѣсколько столѣтій, и въ каждый періодъ ея измѣненій или преобразованій матеріалъ и работа были самыя лучшіе. Это зависѣло, разумеется, только отъ способностей народа. И надо согласиться, что ни одинъ европейскій народъ нѣмецкаго корня не разработалъ съ большею совершенствомъ древне-германское устройство, какъ англичане. Во все періоды своей исторіи англо-саксы оставались вѣрны основному духу германскихъ племенъ. Въ настоящее время самыя свободныя учрежденія существуютъ въ Европѣ только у народовъ германскаго корня — у шведовъ, норвежцевъ, голландцевъ, швейцарцевъ, англичанъ.

Реформація, создавая новые принципы для государственныхъ и религіозныхъ учрежденій, не обнаружила однако достаточно силы и послѣдовательности въ сферѣ европейскихъ преобразованій. Логическіе умы того времени не могли, разумеется, остановиться на тѣхъ ограниченныхъ требованіяхъ, дальше которыхъ не рѣшался идти Лютеръ. Они, какъ истинныя историческіе прорѣки, предсказывали

наше будущее и дали новое направление человеческим стремлениям. Ни Германия, ни Англия не обнаружили желанія поддержать этих энтузиастовъ и мечтателей, и вотъ они потянулись въ пустынную, отдаленную землю вновь отринутаго свѣта, чтобы испытать возможность практическаго осуществленія того, что (благоразумнымъ людямъ XVII вѣка казалась мечтой и пустяками). Протестанты — преимущественно пуритане и квакеры — шли въ Америку, какъ новые люди въ новую землю. Они не брали съ собой ни готовыхъ европейскихъ учреждений, ни свѣтской и духовной церерии, ни аристократическихъ началъ. Это были какъ бы первые люди, но уже съ вѣрлымъ разумомъ и съ такими идеями, которыя хотя и не были приведены въ систему, не выражались въ какой либо строго соображенной и обдуманной политической доктринѣ, но уже заключали въ себѣ всё начала для новыхъ, непохожихъ на европейскія, учреждений. Эти чудачки возбуждали, разумѣется, улыбку состраданія со стороны тѣхъ, кто былъ строго убѣжденъ въ невозможности существованія общества внѣ европейскихъ политическихъ формъ. Все благоразумные люди видѣли очень хорошо, что изъ этихъ смѣшныхъ начинаній и безтолковаго странствованія въ отдаленную страну не выйдетъ ничего. И не смотря на предостереженіе благоразумныхъ и опытныхъ мужей, безумцы оставляли свою родину, бросали свой домъ и отправлялись въ новѣданныя страны, отдаваясь на жертву всѣмъ случайностямъ давняго морскаго пути и неизвѣстныхъ условий и мѣстныхъ особенностей новаго края. Люди съ чистымъ здравымъ смысломъ, пропитанные чистымъ евангельскимъ ученіемъ, поддерживаемые и наставляемые своими духовными проповѣдниками, стали возводить новое зданіе политическихъ учреждений, руководствуясь въ критическую оцѣнку своихъ мѣръ исключительно отрицательнымъ приемомъ. Они знали только то, что есть вещи и матеріалы совершенно непригодные для какъ постройки, и только какъ не хотѣли употреблять ихъ дѣло. Въ своемъ начинаніяхъ они отстраивались отъ самыхъ простыхъ началъ, не желая знать тѣхъ многообразныхъ словесныхъ отношеній и различій, которыя, усложняя жизнь, не представляютъ ей никакихъ гарантій большаго счастья и довольства. Простые люди, чуждые европейскимъ предрассудкамъ, повели свое дѣло весьма просто и возможно кратчайшимъ и легчайшимъ путемъ. Переселенцы kamenъ на каменяхъ возводили свое зданіе, очень довольные тѣмъ, что, по отдаленности и пустынности избраннаго ими края,

ихъ европейскіе доброжелатели не имѣютъ ни возможности, ни ехеты наблюдать за ними. Зданіе было уже замѣчено тогда, когда его подвели подъ крышу. Но и тутъ европейскіе дальновидцы не переставали кричать, что зданіе должно разсыпаться, потому что построено на пескѣ и не имѣетъ фундамента. Что понимали они подъ именемъ фундамента—неизвѣстно. Но если замѣчаніе ихъ дѣйствительно справедливо, то остается вывести только то заключеніе, что въ дѣлѣ архитектуры американцы обогнали всѣхъ остальныхъ людей, потому что открыли способъ воздвигать огромныя и прочныя зданія нѣсколько на иныхъ началахъ, чѣмъ они строились до сихъ поръ и что недоумѣніе старинныхъ архитекторовъ доказываетъ только одно, что молодые архитекторы и способнѣе, и изобрѣтательнѣе старыхъ. Подобное обстоятельство случилось въ недавнее время съ крѣпостными архитекторами, когда узнали, что крѣпость изъ земли и песку гораздо несокрушимѣе крѣпости гранитной и каменной. Оставимъ однако метафорическій языкъ, чтобы выразаться проще и понятнѣе. Сѣверо-Американскій Союзъ есть созданіе нѣмецкой реформациі. Реформація очистила мысль и освободила ее. Она сообщила ей небывалую до того времени ясность. Люди поняли, что имъ нужно, чтобы жить безбѣдно и спокойно. Но не вдругъ дошли люди до того крайняго развитія индивидуализма, какой представляетъ Америка, хотя уже по первымъ ближайшимъ выводамъ изъ основныхъ реформационныхъ идей можно было видѣть, куда должно привести логическое развитіе этихъ основъ. Германскіе нѣмцы хотѣли освободиться только отъ папы и его католической опеки; имъ казалось, что они уже выросли на столько, что въ состояніи сами руководить своею совѣстью и быть судьями собственныхъ поступковъ. Съ этого началась реформація. Въ примѣненіи однако новыхъ идей къ дѣлу руководителей реформациі показалось невозможнымъ идти такъ далеко, какъ требовали обстоятельства. Такимъ образомъ въ американской жизни выразилось высшее развитіе германскаго партикуляризма и начала личности, вмѣстѣ съ тѣмъ космополитизмомъ, который опредѣляетъ національность не происхожденіемъ, не языкомъ и религіей, а общностью пониманія и однимъ гражданскимъ интересомъ. Отъ этого для европейца Сѣверо-Американскіе Штаты представляютъ такую-то странную смѣсь разныхъ противоположностей, которыя однако уживаются весьма мирно одни съ другими и даютъ такую силу Союзу, какой не имѣетъ ни одно европейское государство.



Историческая роль романских народов была несколько иная. Во всё времена средней и новой истории—до конца XVIII столѣтія—романскія народности являлись представителями стремленій къ образованію большихъ государствъ, къ централизаціи въ государствахъ и въ церкви, къ сохраненію средневѣковыхъ учреждений, къ задержкѣ умственнаго развитія. Въ чемъ заключалась причина такой наклонности, совершенно противоположной духу нѣмецкихъ народовъ?—Исторія указываетъ только на обстоятельства, способствовавшія развитію такого направленія, но глубоко скрывающійся корень нужно искать въ народномъ духѣ романскихъ національностей, въ ихъ большей страстности, въ ихъ большемъ увлеченіи воображеніемъ и чувственностью. Католицизмъ не имѣлъ никогда того всемогущаго дѣйствія на германцевъ, какой онъ оказывалъ на испанцевъ, итальянцевъ, французовъ; нигдѣ религиозный фанатизмъ не развивался съ такою силой, какъ у романцевъ; только благодаря ему, исторія увидѣла крестовые походы на мавровъ, альбигойцевъ, изгнаніе гугенотовъ изъ Франціи, Варфоломеевскую ночь, инквизицію, іезуитовъ и т. д.

Католическіе принципы и римская политика придали дѣйствительно единство стремленіямъ романскихъ народностей и сообщили имъ такую силу, какая, по видимому, не существовала никогда между германцами, съ ихъ партикуляризмомъ. Но эта сила была только внѣшняя; она держалась исключительно фанатизмомъ и дѣйствительно не отличалась отъ могущества турецкой имперіи временъ Салимана Великаго. Какъ только фанатизмъ ослабѣлъ—обнаружилась полное безсиліе. Мрачно фанатическая Испанія, владѣвшая нѣкогда почти всѣмъ христіанскимъ міромъ, въ владѣніяхъ которой никогда не заходило солнце, располагавшая всѣми сокровищами Новаго свѣта, благодаря своей изувѣрской восторженности, лишилась поемному всѣхъ своихъ владѣній, разстроила свои фабрики, мануфактуры и торговлю, убила остатки народной образованности и дошла, наконецъ, до того жалкаго состоянія, въ которомъ ее увидѣла новѣйшая исторія. Въ этомъ помогла ей въ особенности ея реакція противъ протестантизма; такъ что въ то время, когда всѣ протестантскія государства быстро подвигались впередъ въ умственномъ и въ матеріальномъ развитіи, когда они приобретали то прочное политическое могущество, которое дается исключительно индивидуализмомъ; представители ихъ хотя и обнаружили мгновенную силу и громадную энергію, возбужденную такими средствами, которыя никогда бы не действовали на былье разсудительныхъ на-

специальности, но всё-таки за тѣмъ пошла въ упадку, умственному и материальному. Чтобы увидѣть, на сколько это расхождение отодвинуло народы, во всѣхъ отношеніяхъ, одни отъ другихъ, довольно сравнить теперешнее состояніе Испаніи съ положеніемъ Англіи или Северо-Американскихъ Штатовъ. Однимъ реформаціонное движеніе поставило во главѣ міроваго прогресса, другимъ реакція противъ того же самаго движенія довела до гнилаго распада. На сколько възовъ отстала одна нація отъ другой, сколько възовъ развитія нужно Испаніи, чтобы сравняться съ теперешней Англіей? Если мы сложимъ 10, то это не будетъ преувеличено, потому что въ теченіе 300 лѣтъ Англія шла постоянно впередъ, а Испанія въ то же время постоянно назадъ. А между тѣмъ борьба не убила реформаціи; стоило ли ослѣпаться противъ нея, когда эта реакція вела только къ собственной гибели!

Во всѣхъ случаяхъ, когда западная Европа шла назадъ, въ главѣ этого обратнаго движенія стояла Испанія и римскій дворъ. Политика Франціи оказывалась прогрессивной только тогда, когда Франція вступала въ союзъ съ протестантскими государствами; когда же Франція шла заодно съ Испаніей или съ нацией—это было признакомъ, что Европу ждетъ бѣда. Еще къ особенн. Европы, что постоянныя колебанія Франціи между протестантскими и католическими союзами ослабляли вредъ, какой это магическое государство могло бы нанести прогрессу Европы, если-бы оно держалось незыблемо римско-испанской политикой. Французской королевской централизацией казалась всегда опасной протестантская солидарность, и Французск. I въ своемъ преувеличенномъ католическомъ усердіи видѣлъ въ протестантствѣ стремленіе «къ неспроверженно вселой божеской и чловѣческой монархіи». Этого было довольно, чтобы держаться католическаго союза и истреблять протестантизмъ огнемъ и мечемъ. Гарвингусъ говоритъ, что «Франція является вредною дѣлу свободы, когда стоитъ на испанской стороне или идетъ нутемъ испанской политики, и полезно этому дѣлу всегда, когда стоитъ на протестантской сторонѣ или находится въ союзѣ съ Англіей; такъ было всегда, и во времена Генрика IV, и во дни Луи-Филиппа. Въ этой неизмѣнчивости не могло сформироваться твердаго политическаго и религіознаго характера ни въ народѣ, ни въ его правительствѣ. Оттого чрезъ всю исторію Франціи новыя времена провела самое оригинальное просвѣщеніе начавъ въ управленіи, въ жерперацияхъ,

партияхъ и въ литературѣ. Въ этихъ колебаніяхъ замѣчательна связь между протестантизмомъ и стремленіемъ къ дробленію государства и католицизмомъ съ его склонностью къ централизаціи и увеличенію территоріи. «Въ то время когда римскіе легаты, около 1562—65 годовъ, находили Францію столь-же склонною къ протестантизму, какъ и сѣверная Германія, страна была точно также близка къ германской дробности. Въ послѣдствіи, когда на одно мгновеніе Франція раздвоилась между католицизмомъ и протестантизмомъ, при Генрихѣ IV, — этотъ великій государь составилъ планъ положить навсегда конецъ и распрѣ двухъ дерявѣй, и универсальнымъ планамъ Испаніи и Австріи. За тѣмъ, когда Людовикъ XIV самъ пошелъ по слѣдамъ жаждущей территоріальнаго расширенія Испаніи, онъ уничтожилъ протестантизмъ. Во время революціи, пока Франція смѣялась надъ всѣми религіями, — она проповѣдывала братство народовъ и описала себя федераціей маленькихъ республикъ. Потомъ, она возвратилась къ идеи универсальной монархіи, въ то же время возвратившись къ католицизму и панстау. Такимъ образомъ, кажется, никакая универсальная монархія не могла обойтись безъ союза съ панствомъ, и Наполеонъ, преслѣдуя эту-же цѣль, такъ же, какъ и Карлъ V, не осмѣлился бы прогнать руку протестантизму, хотя онъ самъ и утверждалъ претивное».

Царствованіе Людовика XIV убѣждало въ томъ, что прочный союзъ съ католицизмомъ, выходящій для универсальныхъ плановъ, прозигъ всегда спокойствію Европы. Людовикъ не побоялся смѣнить пантскій адиктъ, изгнать изъ Франціи протестантовъ и повелѣлъ восстановить въ Нидерландахъ католицизмъ. Этотъ католическій рамакъ былъ такъ опасенъ для всѣхъ протестантскихъ государствъ и могъ бы принести такия серьезные бѣдствія всей цивилизаціи Европы, что, какъ говоритъ Герингусъ, исторія получила бы совершенно иной видъ: если бы Яковъ II удался реставрація католицизма въ Англіи, то и въ Давландіи произошла бы непремѣнно та-же самая реакція, а въ Америкѣ, въ колоніяхъ, сдѣлалась бы жителями не англо-саксонскіе пуритане, а французскіе іезуиты. Отъ этого бѣдствія спасъ Европу протестантскій правитель гг. Вильгельмъ Оранскій, вся жизнь котораго прошла въ борьбѣ за равенство европейскихъ государствъ и который умряя завѣщалъ Англіи оберегать Европу отъ Франціи.

Но католицизмъ романскихъ народовъ, не смотря на свою энергію, долженъ былъ уступить новой силѣ, созданной умственными и эконо-

мическимъ развитіемъ протестантскихъ народовъ. Эта новая сила, пзмѣнивъ прежній историческій характеръ Франціи, дала вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ иное направленіе всей новѣйшей исторіи и другимъ роли дѣйствующимъ лицамъ. Пуритане, квакеры и другіе протестантскія секты, населившія Новый свѣтъ, принесли съ собою два начала, неизвѣстныхъ католическимъ колонистамъ Америки: — индивидуализмъ и экономическую энергію. Это подраздѣленіе дѣлаемъ мы вовсе не потому, чтобы оно существовало въ дѣйствительности, но потому, что американское и англійское вліяніе въ Европѣ выразилось въ двухъ формахъ — въ формѣ литературной, способствовавшей развитію личности, и въ формѣ экономической. То и другое имѣло одно общее начало въ германскомъ сепаратизмѣ и его стремленіи къ свободному развитію. Создавая свои учрежденія, протестантскіе колонисты хотѣли только одного, чтобы имъ не мѣшали жить своимъ умомъ. Такое простое желаніе можетъ быть только въ тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ довольно силы, чтобы не нуждаться въ чужой помощи и кто, слѣдовательно, найдетъ въ себѣ столько энергіи, чтобы достигнуть своей цѣли, во что бы то ни стало. Отправляясь въ незнаемую страну и борясь въ ней съ тысячею разнородныхъ препятствій, строя въ пустыняхъ села и города, обращая пустыри и дикіе лѣса въ пашни и плантаціи, протестанты показали, на сколько свободная экономическая дѣятельность сильнѣе стройнаго и однороднаго труда, создавашаго незаслуженную экономическую славу царствованію Людовика XIV. Ближайшимъ результатомъ экономической энергіи протестантскихъ переселенцевъ и ихъ политическихъ учрежденій было то, что мыслящіе люди оцѣнили сразу преимущество новыхъ общественныхъ принциповъ предъ старыми католическими. И когда въ войнѣ за независимость штатовъ Франція явилась защитницей того направленія, которое она не допустила бы ни за что у себя, то сила новыхъ порядковъ, какъ въ Англии, такъ и въ Америкѣ, была уже такъ очевидна, что во Франціи вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ голосовъ, раздававшихся въ пользу новыхъ началъ, явилось уже довольно значительное большинство съ сильнымъ общественнымъ вліяніемъ. Вліяніе это было тѣмъ губительнѣе для стараго французскаго порядка, что губительное вліяніе послѣдняго на общее благосостояніе сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ, и что распространеніе въ массѣ населенія новыхъ взглядовъ научило людей судить о вещахъ нравльнѣе, тѣмъ это они дѣлали до тѣхъ поръ. Такимъ образомъ, новыя знанія, проникнувшія въ массы, со-

общинам значительному большинству такое развитие, что большинство это почувствовало въ себѣ довольно силы и сообразительности, чтобы опредѣлить самому, что ему полезно, а слѣдовательно и нужно. Подобное небывалое движеніе должно было встрѣтиться съ прежнимъ противоположнымъ ему порядкомъ, и столкновение двухъ силъ — одной, дѣйствовавшей сверху, а другой — снизу, привело къ совершенному возмѣненію всѣхъ началъ не только французскаго управленія, но и французской внѣшней политики. Съ этихъ поръ начинается для Европы новое время, называемое историками повѣщеніемъ. Хотя Франція и не отделилась вполне отъ своихъ прежнихъ романскихъ началъ, но новые принципы, провозглашенные ею, послужили такой школой для народовъ континентальной Европы, что личное начало получаетъ съ этихъ поръ повсюду небывалое до того значеніе. Къ этому умственному развитію европейскихъ народовъ, доставшемуся имъ главнѣйше литературнымъ путемъ, присоединились еще новыя идеи, выработанныя путемъ экономическимъ. Они не только расширили понятія массы европейскаго населенія и указали строго опредѣленную цѣль ихъ стремленій, но и нанесли рѣшительный ударъ прежнему направленію, служившему основой европейской политики. Во главѣ этой промышленной политики стоитъ въ Европѣ Англія.

Третье главное племя, населяющее Европу и по числу неуступающее романскому и германскому, есть славянское \*).

До сихъ поръ славяне не обнаружали особеннаго участія въ европейской исторіи. Западные славяне были постоянно слабѣ своихъ протестантскихъ и католическихъ сословій, а въ историческихъ событіяхъ слѣдовали обыкновенно за нѣмцами, подчиняясь иногда ихъ умственному и матеріальному вліянію. Только въ XIX вѣкѣ начало пробуждаться въ нихъ вновь національное чувство, и западные славяне сдѣлали попытку освободиться отъ нѣмецкаго господства. Попытка не удалась. Точно также славяне были слабѣ романцевъ и германцевъ и въ умственномъ отношеніи. Во всемъ, что создавало прогрессъ цивилизаціи, во всѣхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ инициатива принадлежала не славянамъ, и они только пользовались плодами, добытыми другими, болѣе передовыми народами. Былъ одинъ случай въ исторіи, когда болѣе способные изъ славянъ, чехи, подъ вліяніемъ учѣ-

\* Славяне считаются 76,100,000, народовъ романскихъ 78,500,000 и германцевъ 82,700,000.

нiя, явившагося къ нимъ изъ Англiи, обнаружили попытку освободиться отъ католической оеки, и подняли оружiе на защиту чело-вѣческаго права думать самостоятельно, но должны были уступить народу болѣе ихъ сильному и болѣе цивилизованному. Поляки совѣщались съ Кальвиномъ о введенiи у нихъ реформацiи, но Кальвинъ усумнился въ ихъ искренности и въ дѣйствительной необходимости для нихъ подобныхъ преобразованiй. Между тѣмъ, принадлежа вмѣстѣ съ романскими и германскими народами къ высшему чело-вѣческому типу, славяне заключаютъ въ себѣ есѣ данныя для однороднаго съ остальнымъ цивилизованнымъ миромъ прогрессивнаго движенiя. Это сознанiе своей силы, вмѣстѣ съ пробужденiемъ чув-ства национальности, создало въ славянахъ особенное настроенiе на-роднаго духа, извѣстное подъ названiемъ панславизма. Панславизмъ есть явленiе, враждебное политикѣ нѣмецкихъ народностей; въ немъ выразилось стремленiе къ общности, къ соединенiю славянъ въ одно громадное цѣлое, поддерживаемое убѣжденiемъ, что всемирно-истори-ческое призванiе славянъ заключается въ обновленiи всего европей-скаго общества и въ сообщенiи этому дряхлому, изжившему тѣлу, но-выхъ свѣжихъ силъ. Наше славянофильство есть одинъ изъ отгѣнковъ этого направленiя. — Было время, когда панславизмъ серьезно безпо-койлъ нѣмцевъ, и когда они ждали себѣ великой бѣды съ востока. Что касается до выдуманной панславистами гнилости Запада, нуж-дающагося въ обновленiи его свѣжими славянскими элементами, то нецѣпность этой мысли признали уже и наши славянофилы. И въ самомъ дѣлѣ, какой свѣжий элементъ могутъ внести въ европейскую жизнь славянскiя племена? Какое заявили они особенное самостоя-тельное интеллектуальное начало, изъ котораго могло бы развиться иное мировоззрѣнiе, иная наука, иное знанiе? И можетъ ли суще-ствовать какая нибудь иная наука, кромѣ той, какую создаетъ на-блюденiе и изученiе природы? Въ мирѣ существуетъ только одинъ за-конъ, управляющiй матерiей, и вездѣ онъ неизмѣненъ — на югѣ и на сѣверѣ, на востокѣ и на западѣ. Въ природѣ нѣтъ особыхъ законовъ для каждой отдѣльной национальности. Всѣмъ свѣтитъ одно солнце, всѣ дышатъ однимъ воздухомъ, всѣ человѣческiе организмы подвержены однимъ физиологическимъ законамъ. Тотъ же, общiй для всѣхъ мѣстностей, законъ, управляющiй природой, управляетъ и людьми, не различая нѣмцевъ отъ французовъ и русскихъ отъ ан-гличанъ. Если въ условiяхъ общежитiя народы и отличались до сихъ

поръ одни отъ другихъ, то это происходило только отъ того, что одни знали то, чего не знали другіе. Коль скоро всѣ народы сравнятся въ знаніяхъ — у всѣхъ будутъ одни общественныя принципы, и разница въ складѣ жизни будетъ заключаться не въ сущности основъ, а въ мелочныхъ приложеніяхъ ихъ къ частностямъ быта, вслѣдствіе климатическихъ и почвенныхъ условій. Поэтому участіе славянъ къ дѣлу цивилизаціи будетъ заключаться не въ томъ, что они выдумаютъ свою особую физіку, физиологію или политическую экономію, а въ томъ, что когда они сравняются въ знаніяхъ съ народами германскаго и романскаго племенъ, то начнутъ работать вѣстѣ. Отъ этого выйдетъ, разумѣется, большая польза общему прогрессу, потому что соединенныя усилія трехъ народностей могутъ создать больше, чѣмъ трудъ только двухъ національностей. Этотъ экономическій законъ давно уже разъясненъ въ теоріи, и давно уже известно, что матеріальное благосостояніе людей потому только и недостаточно, что не всѣ люди трудятся одинаково, и что много есть такихъ, которые живутъ трудомъ другихъ. То же самое совершается нынче и въ дѣлѣ цивилизаціи. Ее создавали только два европейскіихъ племена; всѣ остальные только пользовались трудами этихъ передовыхъ племенъ, не внося съ своей стороны ни одной новой группини, ни одной новой истины. Отъ этого и умственное богатство, подобно экономическому, распредѣляясь между множествомъ ничего не дѣлающихъ людей, оказывалось вообще довольно скуднымъ. Но этотъ аристократизмъ, наконецъ, исчезнетъ—всѣ люди, всѣ народы примутся за экономическій и умственный трудъ, и пойдутъ дружно однимъ путемъ развитія и прогресса, на основаніи общихъ физиологическихъ законовъ, совершенно одинаковыхъ для всѣхъ людей, безъ различія ихъ національностей и происхожденія.

Мысль о какомъ-то небываломъ гніеніи Запада и о какой-то небывалой цивилизаціи и наукѣ явилась отъ ошибочной исторической параллели, которой хотя и въ другомъ смыслѣ, но не избѣгнулъ и Гервинусъ. Тѣ, кто мечтали объ обновленіи всего Запада, приравнивали Европу къ древнему римскому и греческому міру. Во всѣхъ историческихъ учебникахъ значится, что древній міръ палъ, и что новыя, свѣжія, нетронутыя и неиспорченныя силы, явившіяся изъ колыбели рода человѣческаго — съ востока — положили начало иной, лучшей цивилизаціи. Если это случилось тысячи полторы лѣтъ назадъ, почему же не повторится тому же самому и нынче, особенно

если на востоке есть снова подобный же запас сбить или? Но дело в том, что новый мир не имеет ровно ничего общего с миром древним, ни в составе населения, ни в характере прогресса. В древнем мире, кроме цивилизованной части населения, занимавшей юг Европы, вся ее середина, север и восток были заняты варварами; кроме того, в Азии лежала великая масса дикарей, так что, когда все эти массы нахлынули на Рим, то, разумеется, у него не осталось силы им противиться. Ничего подобного не представляется наше время. Вся Европа с юга до севера и с запада до востока занята народами, считающими себя одной цивилизованной семьей, в противоположность дикарям Турции и азиатских степей. Эта цивилизованная семья представляет такую громадную массу населения, что она не испугалась бы никакого Атллы и никакого Чингис-Хана. Военные ее средства тоже такого размера и качества, что совокупная сила дикарей всего света не в состоянии с ними бороться. Значит, в отношении военного могущества цивилизованная Европа обезопасена совершенно. Но если бы ее военные средства и не были бы так велики, то и в этом случае ей не пришлось бы бояться варваров, потому что их нет. Турция не только совершенно негодна, но идет к полному уничтожению магометанского населения. Народы, живущие в степях Азии, начиная с наших русских татар, киргизов, башкиров и калмыков и до Татара и Уйгуров совершенно неспособны ни к какому военному нашествию. Кто же будет разрушать европейскую цивилизацию, когда таких врагов совершенно не существует? Очевидно, что Западная Европа не имеет в этом отношении никакого сходства с древним миром, и если бы ей вздумалось действительно гнить, даже в таком виде, как гниют щепки или опавшие листья, то и тут бы не нашлось на свете таких несознанных мучителей и возмездных людей, которые бы пришли к ней перед смертью для мучения наследства. Не думаем, чтобы славянофилы выступили для этого в союз с чувашами и малмыгами, тем более что до такого белого гниения Запад еще слишком далеко, и славянофилы не успеют к тому времени уйти на столько по пути прогресса, что едва ли найдут удовольствие входить в интимные сношения с совершенными дикарями. Но этого мало. Великий знает, что умирают и стареют только отдельные люди, но целый народ не может ни умереть, ни состариться. Если умирают теперь в



Греческие и римские, то это происходит отъ ихъ нелѣпныхъ догматическихъ и общественныхъ учрежденій, которыя они, по недостатку образования, не умѣютъ замѣнить другими, болѣе разумными. Западная Европа вовсе не на такомъ пути. Она хотя и начала свою общественную жизнь многими глупостями и ошибками, но какъ въ то время, когда она была глупа и слаба, не нашлось ни одного Атиллы, то завостъ развитія взялъ свое, и человеческій разумъ указалъ европейцамъ, что у нихъ дурно и что нужно измѣнить для того, чтобы дѣла были лучше. Въ общественной жизни Европы случилось тоже, что случается съ отдельными людьми каждый день. Если человѣкъ сидитъ или лежитъ такъ, что ему неловко, то онъ старается тотчасъ же устранить препятствіе, причиняющее ему боль или безпокойство, и если никакой варваръ или дикарь не придетъ къ нему для того, чтобы его выгнать изъ дому, то онъ, разумеется, сумѣетъ приискать себѣ весьма удобное и ловкое положеніе. Древнему міру помыслили найдти это новое удобное положеніе, но новому міру мѣнять было некому, и потому онъ нашелъ время сообразить все, что было ему нужно, и въ дѣлѣ знаній ушелъ такъ далеко, что уже теперь не найдется на свѣтѣ такой дикой силы или такого варварскаго народа, который былъ бы въ состояніи бороться съ Западомъ. Этоть запасъ знаній и новыхъ понятій, дающій цивилизованному міру такую силу даже въ настоящее время, будетъ все болѣе и болѣе увеличивать могущество и значеніе европейскихъ населеній, вслѣдствіе того процесса, который называютъ популяризацией знаній. Число знающихъ людей увеличивается съ каждымъ днемъ, и каждый такой человѣкъ придаетъ новую силу массѣ. Если бы современныя знанія даже остановились на той точкѣ, на которой они стоятъ въ наше время, и за тѣмъ весь прогрессъ общества заключался бы только въ томъ, что эти знанія сдѣлались бы общимъ достояніемъ, то и тогда бы образованный міръ представлялъ бы такое поразительное явленіе силы умственной и матеріальной, какого еще не представляло человечество. Въ этомъ распространеніи знаній и заключается особенность XIX вѣка, тѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ остальныхъ временъ; но не нужно забывать, что рядомъ съ популяризацией идутъ дальше и знанія, открываются и извѣдуются новыя истины, дѣлаются новыя изобрѣтенія. Никто не скажетъ, чтобы истинно просвѣщенные и образованные люди нашего времени находились въ процессѣ гнѣнія; напротивъ, въ нихъ живетъ именно та-

кая сила, какой нѣтъ въ дикаряхъ и въ полуобразованныхъ субъектахъ. Какимъ же образомъ можно вообразить себѣ, что вдругъ загниетъ весь цивилизованный міръ, когда знанія распространяются все шире и шире, когда число глупыхъ людей уменьшается съ каждымъ днемъ и когда знаніе есть единственное противогниственное средство, въ чемъ читатель можетъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на вымирающую Турцію. Поэтому понятно, что на западъ съ его знаніями и стремленіями къ знанію лежитъ такой громадный запасъ внутреннихъ силъ, что, разумѣется, никакому другому, менѣе образованному народу, не достанется честь лечить этого больного—если онъ боленъ;—а напротивъ западные знанія обнаружатъ спасительное вліяніе на всѣ народы остальнаго міра, которые безъ этого, и работая только своими умами, не сдѣлаютъ и въ тысячу лѣтъ такого успѣха, какой, при помощи готовыхъ знаній, достанется имъ во сто лѣтъ. Такимъ образомъ ни о гніеніи цивилизованныхъ народовъ, ни о исчезновеніи цѣлыхъ государствъ, какъ это было въ древности и въ средніе вѣка, говорить въ настоящее время нельзя; точно такъ же, какъ смѣшно отправляться въ отдаленное прошедшее и сокрушаться о томъ, что, наконецъ, погибнетъ современная образованность и народы доживутъ до старости. Если это и случится когда нибудь, то, разумѣется, чрезъ такое число лѣтъ, какое, по размѣру, можно сравнить съ геологической эпохой. Намъ же, живымъ людямъ, нужно думать только о томъ, чтобы воспользоваться на свою пользу тѣми знаніями, какія существуютъ и, откинувъ самоувѣренность самодовольнаго невѣжества, спасти отъ гніенія себя, а не другихъ.

Распространеніе знаній въ массахъ, какъ я уже сказалъ, составляетъ особенность XIX вѣка. Прежде право мыслить и знать составляло привиллегію нѣкоторыхъ, теперь оно принадлежитъ всѣмъ. Прежде литературный и ученый трудъ составлялъ замѣчательную рѣдкость, а въ наше время содѣлался даже ученый и литературный пролетаріатъ. Машины, желѣзныя дороги и всѣ техническія усовершенствованія, вмѣстѣ съ литературнымъ вліяніемъ и политическими событіями нынѣшняго вѣка, распространили въ массѣ европейскаго населенія столько новыхъ понятій и новыхъ знаній, что настоящимъ двигателемъ прогресса и руководителемъ политическихъ событій являлось уже это нѣкогда темное и безответственное большинство. Разумѣется, мыслящая сила большихъ массъ еще не велика, но тѣмъ не менѣе она замѣтна, и будущій характеръ прогрессивнаго движенія

опредѣлился вполне ясно. Движеніе это, въ настоящее время еще слабое, будетъ имѣть своимъ источникомъ только стихійную силу большинства и будетъ зависѣть вполне отъ тѣхъ экономическихъ и общественныхъ цѣлей, къ которымъ оно стремится. При такомъ движеніи прогресса, онъ получитъ правильный, спокойный, ровный ходъ и, раздѣлится, ни въ воздухѣ, ни на землѣ не найдется такой силы, которая была бы въ состояніи остановить этотъ потокъ или измѣнить его направленіе. Все это конечно только будущее, о неизбѣжности котораго мы можемъ однако заключать безошибочно изъ настоящаго и за тѣмъ успокоиться вполне на той мысли, что прогрессъ человечества есть такой же неизмѣнный законъ природы, какъ и всякое развитіе другой жизни. Въ этой увѣренности нѣтъ ровно ничего новаго, и мыслящіе люди вѣрили всегда въ неизбѣжность прогресса и въ полную независимость его отъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Если Гервинусъ въ своемъ «Введеніи;» послѣ обзора историческихъ событій, предшествовавшихъ XIX вѣку и послѣ характеристики новѣйшаго времени, дѣлаетъ выводъ о неизбѣжности прогресса и опредѣляетъ будущій его характеръ, то онъ поступилъ такъ, какъ и долженъ былъ поступить историкъ, умѣющій читать смыслъ того, что было, и по прошедшему и настоящему заключающій вѣрно о будущемъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы выводъ о неизбѣжности прогресса и опредѣленіе его будущаго характера долженъ былъ заключать въ себѣ ту врачевную силу, которую старались найти въ немъ нѣкоторые изъ друзей автора. — Есть люди, которые всѣмъ довольны, которые смотрятъ и не видятъ, которые слушаютъ, но не слышатъ. Есть другіе, которые чувствуютъ боль, чувствуютъ недовольство и страданіе, и успокоиваются на разныхъ метафизическихъ отвлеченностяхъ. Есть третьи, которые не могутъ найти утѣшенія въ метафизикѣ, но не падаютъ и духомъ, а гордо и съ презрѣніемъ начинаютъ относиться къ жизни и людямъ, выражая его или какъ Байронъ и Гейне, или же отворачиваются отъ жизни, не дѣлаясь аскетами. Есть четвертые, слабые отъ природы: они приходятъ въ отчаяніе и ищутъ дружескихъ утѣшеній во всякой неудачѣ. Есть, наконецъ, такіе, которыхъ историческія размышленія не только научили вѣрить въ прогрессъ, но и убѣдили въ томъ, что онъ не можетъ совершаться съ быстротой поѣзда желѣзной дороги. Кому изъ всѣхъ этихъ историческое утѣшеніе приносить пользу? — только упавшимъ духомъ; ну стоитъ ли объ нихъ такъ забо-

таться! Для всѣхъ же остальныхъ мыслящихъ людей ученіе о прогрессѣ нисколько не воспонимаетъ того, чего имъ не достаетъ въ настоящемъ, какъ не становится человѣку зной тѣмъ же отъ того, что лѣтомъ будетъ жарко. Во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ есть люди, стоящіе выше общаго средняго уровня; этихъ людей будущаго не можетъ удовлетворить одно убѣжденіе, что когда-то въ обществѣ будетъ больше ума, правды и честности, чѣмъ въ переживаемое ими время. Будущее и достанется будущему, но что же въ настоящемъ? Бороться со зломъ? — хорошо, когда есть сила; но у кого она есть, кто можетъ измѣнить уровень понятій тѣхъ, кому бы слѣдало смотрѣть на жизнь и на людскія отношенія правильно? Историки отвѣчаютъ — время. Но вѣдь это опять будущее. А что же въ настоящемъ? По видимому, и нѣтъ выхода изъ этого очарованнаго круга, гдѣ на всякое замѣчаніе — что вотъ это глупо и безцельно, отвѣчаютъ подождите, со временемъ.. Люди честные, умные и энергическіе, сохранившіе всю нравственную силу, а не подчинившіеся средѣ, избрали во всей Европѣ, повсемѣстно, одно благое дѣло, потому что ничего другаго имъ дѣлать нельзя — они посвятили себя на служеніе тому будущему, котораго никогда не увидятъ, и сдѣлались или мыслителями, или популяризаторами мысли. Но вѣдь и этому дѣлу нельзя посвятить себя всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ бы болѣе разумной общественной жизни: — прежде Европа не знала литературнаго пролетаріата, но въ XIX вѣкѣ онъ явился, и явился онъ не только потому, что общая потребность знаній и увеличившееся участіе въ общественныхъ дѣлахъ потребовали такое огромное число литературныхъ поденщиковъ, какого прежде не было нужно, но еще и потому, что есть цѣлая партія, смотрящая враждебно на этихъ людей только потому, что у нихъ довольно ума, чтобы видѣть правильно, и довольно честности, чтобы чувствовать благородно. Отъ этого значеніе, которымъ пользовались способные люди въ XVIII столѣтіи, нѣсколько измѣнилось въ XIX-мъ, и хотя они и нынче, какъ прежде, работаютъ для той же цѣли — для общаго блага и для распространенія знаній, но съ измѣненіемъ ролей дѣйствующихъ лицъ. Тѣ, кто прежде шли во главѣ прогресса, и потому смотрѣлъ на нихъ, какъ на людей своего дѣла, глядятъ на нихъ теперь, какъ на людей дѣла иного. Ученіе о прогрессѣ и тутъ является съ своимъ утѣшеніемъ, что со временемъ этого не будетъ. Вѣрнѣе. Но только что выигрываютъ умные люди въ настоящемъ, когда умъ,

энергия и желание работать не обеспечивают ни спокойной деятельности, ни возможности пользоваться ими так же свободно, как пользуются своими способностями люди менее знающие и менее развитые. Если идеальная вещь случалась и прежде, то она была менее замечена, потому что число более развитых людей было слишком незначительно. Теперь не то. Время гениевъ и великихъ людей для Европы прошло. Единственные исключенія, являвшіяся въ прошедшее время, сѣнились нынче тысячами; когда среди вершковыхъ людей являлся одинъ аршинный великанъ, онъ кидался въ глаза, но когда тамъ великаны считаются тысячами, то они уже не составляютъ большой рѣдкости. А именно такихъ-то великановъ и явилось много въ передовыхъ странахъ, какъ Англія и Америка, и оттого-то и кажется, будто бы уровень человѣческихъ способностей нынче понижался. Не уровень понижался, а стало больше знающихъ и развитыхъ людей. Чтобы выросли выше насъ, въ вѣдомомъ намъ ранѣе отношеніи, нужно, чтобы явился 16 аршинный человекъ; а это противъ закона природы. Англія и Америка считаютъ у себя сотнями государственныхъ людей, ученыхъ, литераторовъ—тогда какъ люди этого сорта встрѣчались прежде единично. Энергія Колумба, Кортеса кажутся нынѣ чѣмъ-то громаднымъ, и въ то же время мы смотримъ равнодушно на подвиги Кинга, Линннгтона и цѣлую дѣсятую натуралистовъ, предпринимавшихъ экспедиціи въ страшныхъ пустыняхъ Африки. Мы благоговѣемъ предъ памятью Генриха IV, желавшаго, чтобы каждый изъ его подданныхъ имѣлъ бы въ своемъ сундѣ кувшину, а наступитъ скоро время, когда того же самаго будутъ жевать и все короли. Громадная умственная и экономическая дѣятельность, которая стала проявляться въ XIX вѣкѣ въ передовыхъ странахъ, гдѣ каждый умъ и каждая сила идутъ постоянно и непрерывно впередъ, не позволяютъ никому высочить изъ общаго ряда работниковъ вслѣдствіе закона разложенія силъ; тогда какъ если бы работали только два три человека, то они, разумеется, сильно бы выдѣлились впередъ изъ ничего недѣлающей толпы. Заканчиваю словами Гервинуса. «Въ наше время, говоритъ онъ, не произведено ничего великаго и возвышеннаго отдѣльными личностями, но въ цѣломъ произошелъ дѣйствительно великій и высокій переворотъ въ общественной жизни, такъ что исторія нашего времени не можетъ представлять одни біографіи и исторіи государей, но должна представлять исторію народовъ. Движеніе въ этихъ великихъ массахъ цѣлой

части свѣта раздроблено и медленно; шествіе впередъ прерывается и затрудняется именно потому, что эти массы огромны и разнородны, но подготовительная работа идетъ далеко, и если результаты еще таковы, что могутъ привести въ уныніе пылкіе и нетерпѣливые умы, все-таки обѣщанія эпохи столь велики и надежны, что даже въ самыхъ робкихъ сердцахъ возбуждаютъ чувство, что наше время есть такое, въ которое стоитъ жить. Если это не время глубокой культуры, способной улучшить внутреннюю природу человѣка, то, по крайней мѣрѣ, время цивилизаціи, способствующей улучшенію внѣшняго положенія человѣчества. Энергія во всѣхъ направленіяхъ домашней жизни сообщалась также и жизни общественной. И въ ней также массы начинаютъ понимать и опредѣлять свою политику. Съ увѣренностью, которая присуща инстинкту массъ, формулируютъ онѣ свои требованія, строго соображаясь съ своими выгодами и потребностями, не смущаясь мудрствованіями доктринъ; стоятъ за свое дѣло съ простою послѣдовательностію хорошо понятаго интереса, не страшась сопротивленія и временныхъ побѣдъ своихъ противниковъ. И требованія ихъ направлены къ тому, чтобы государство заботилось главнымъ образомъ о благѣ большинства, а не меньшинства или нѣсколькихъ личностей. И эти требованія онѣ подтверждаютъ все больше, съ каждымъ днемъ, основаніями, которыхъ истина столь же очевидна для умовъ, ясно выдающихся, сколько грозна для ослѣпленныхъ».

Мы не думаемъ, чтобы нужно было что нибудь говорить о достоинствѣ «Введенія» и «Исторіи XIX столѣтія» Гервинуса. Мы только порадуемся, что наконецъ явилось это сочиненіе на русскомъ языкѣ и въ хорошеѣ переводѣ — что, не смотря на обиліе переводчиковъ, у насъ еще рѣдкость — и пожелаемъ, чтобы оно нашло себѣ побольше читателей.

И. Шелгуновъ.

# ПУТИЛОВЪ.

## О Ч Е Р К Ъ.

(ИЗЪ ОСТРОЖНЫХЪ ТИПОВЪ.)

---

### I.

#### ДЕРЕВНЯ И ГОРОДЪ.

Въ одной деревнѣ, одной губерніи, еще доселѣ помнятъ мальчика бойкаго, веселаго и смышленнаго, жившаго тамъ когда-то вмѣстѣ съ матерью-солдаткою. Звали его Путиловымъ. Смѣлость и любознательность мальчика были извѣстны не только крестьянамъ, но даже помѣщикамъ того околodka. Не было крестьянскаго мастерства, котораго бы онъ не перенялъ, не было дѣла, передъ которымъ бы онъ когда нибудь въ туникъ сталъ. Росъ онъ въ бѣдности страшной, но грамотѣ выучился скоро и даромъ. Познакомившись съ смномъ дьячка, онъ выпросился сидѣть съ нимъ рядомъ, когда тотъ училъ свои уроки изъ псалтыря, и скоро опередилъ своего товарища въ ученіи. Крестьяне стали носить ему читать присылаемыя имъ отъ солдатиковъ, — сыновей или родственниковъ, — письма, и мальчикъ, не затрудняясь, разбиралъ все. Всѣ въ деревнѣ его любили, такъ какъ онъ былъ самый расторопный

и услужливый малый. Въ большіе праздники хаживалъ онъ съ причтомъ по домамъ крестьянскимъ, пособлялъ дьячку распѣвать молебны и собирать яйца.

— Большимъ бы ты человѣкомъ былъ, говорилъ ему дьячокъ, если бы родился бариномъ или поповичемъ. Я такого понятливаго и въ духовномъ училищѣ не видалъ, когда учился.

И дьячокъ начиналъ съ досады бить своего сына, довольно тупаго и крайне вялаго малаго.

— Мнѣ, дяденька, и ночи не спится, говорилъ откровенно бойкій мальчикъ. Все мнѣ видится или большое море... и я будто плыву на кораблѣ съ большими парусами, или темные большіе лѣса... и я сражаюсь съ разбойниками — и побиваю ихъ однимъ ударомъ, или большіе города съ золотыми церквями и золотыми крышами на домахъ, и я тамъ живу, и маменьку съ собой взялъ... Все-то мнѣ хочется скорѣе узнать, все видѣть на свѣтѣ, вездѣ перебивать... Вотъ такъ бы и полетѣлъ сейчасъ, если бы крылья...

— Можетъ быть и вездѣ будешь, замѣчалъ глубокомысленно дьячокъ, — наука всему свѣтъ.

И маленькій Путиловъ торопяся хватался за псалтырь и жадно читалъ грамоту...

Прошедши скоро всю мудрость, преподаваемую дьячкомъ, Путиловъ поступилъ въ *разсылные подписаря* въ сельскую расправу, гдѣ, за неизвѣстнымъ пока серьезнымъ занятіемъ по должности, устроилъ изъ своей особы въ родѣ живой почты: часто носилъ письма изъ села въ село, изъ сельской расправы въ волостное правленіе. Бѣгалъ онъ нерѣдко и въ убадный городъ, гдѣ выкупалъ письма, присылаемые на имя крестьянъ своего села, и приносилъ ихъ для раздачи по принадлежности.

Скажутъ ему бывало: Степанъ почта пришла! И Степанъ, какъ стрѣла, летѣлъ за 15 верстъ въ городъ, возвращаясь чрезъ три, много четыре часа. Собственно говоря, городъ нравился Путилову не столько, какъ предметъ путешествія за письмами, сколько тѣмъ, что онъ былъ больше села, въ немъ было больше домовъ, церквей, улицъ и людей; тамъ тебѣ большая рѣка, съ высокими, обросшими дремучимъ лѣсомъ, берегами, а по ней, съ раскинутыми парусами, веслись большія суда куда-то вдаль... и пропадали...



Когда черезъ годъ писарь сельской расправы за пьянство былъ выгнанъ, то Путиловъ, какъ зарекомендовавшийся человекъ, безъ труда уже занялъ его мѣсто, не смотря на свои 11 лѣтъ. Тутъ открылось ему довольно широкое поле для занятій и кипучей дѣятельности... Онъ получалъ въ полное распоряженіе шкалъ сельской канцеляріи, въ которомъ съ жадностію перечиталъ все, начиная отъ печатныхъ книгъ: «Наказы сельскимъ расправамъ» и «Уставы сельскаго благоустройства» и кончая различными сельскими распоряженіями и судебными дѣлами... Кругозоръ его мгновенно расширился. Онъ пересталъ уже справлять почту, но письма читалъ всѣмъ охотно, хотя денегъ за чтеніе ужь не бралъ. Скоро новый писарь сельскій такъ хорошо изучилъ свою грамоту, что въ 12 лѣтъ заправлялъ ужь вполне неграмотнымъ сѣдобороднымъ старшиною... Между тѣмъ подосѣло требованіе его, какъ кантониста, въ военное заведеніе. И вотъ въ одно прекрасное утро Путиловъ исчезъ изъ села послѣ слезъ и причитаній жившихъ его поселанъ. Не хотѣлось ему въ заведеніе, но дѣлать было нечего. Онъ соображалъ ужь свои виды на этотъ счетъ, который чрезъ три года и привелъ въ исполненіе. Онъ бѣжалъ изъ заведенія, гдѣ ему сильно не понравилось. Его на дорогѣ еще успѣли поймать и воротить въ заведеніе. Путиловъ воротился, но чрезъ два года изловчился тамъ и убѣжалъ такъ, что о немъ больше не было и помину.

## II.

### ПЕРВЫЕ УРОКИ.

Явившись въ деревню къ матери, Путиловъ долго скрывался въ домѣ ея и никому не показывался. Наконецъ въ волостное правленіе поступила извѣстность, въ которомъ онъ учился, бумага и бѣглеца приказано было схватить. Путиловъ въ страхѣ оставилъ родной домъ и нѣсколько времени скрывался въ сосѣднемъ лѣсу, откуда по ночамъ прихо-

диль къ матери и ночеваль у нея. Вѣсть объ этихъ ночныхъ прогулкахъ разнеслась однако по околедку, и бѣглець долженъ былъ прекратить ихъ. Тогда лѣсной жилецъ вырылъ себѣ яму, прикрылъ ее въ родѣ шалаша хворостомъ и соломою и сталъ дѣлать оттуда вылазки за пищею въ сосѣднія села и деревни. У одного стяпеть хлѣбъ печеный изъ сѣней, у другого муки и масла, у третьяго горшокъ молока. Пропажамъ дивились, но вора не находили. Наконецъ въ одномъ погрѣбѣ онъ попался одной бабѣ на мѣстѣ преступления и успѣлъ убѣжать потому только, что вздумалъ подшутить надъ бабой, и выпилъ ей украденное кислое молоко на голову... Не было больше недоумѣній на счетъ личности вора, и Путилова порѣшили поймать и представить начальству. Становой прошелъ съ мужиками лѣсъ, безъ труда отыскалъ проказника и, связавъ его мочалами, отправилъ въ острогъ. Начались судъ да дѣло, и потянулась исторія на пять лѣтъ, — что и дало возможность Путилову взять первые уроки у осторожныхъ по части самыхъ разнородныхъ преступлений...

Сообразивъ все, какъ слѣдуетъ, Путиловъ скоро убѣдился, что не пропадетъ въ тюрьмахъ, если придется ему тамъ побывать. Между тѣмъ въ острогѣ случились безпорядки... Путиловъ оказался однимъ изъ главныхъ героевъ бунта и лицомъ въ грязь не ударилъ себя передъ своими учителями...

— Да, братецъ, ты молодець будешь, одобрительно говорили ему искушенные въ бояхъ арестанты послѣ того, какъ ихъ усмирили и выпороли.—Въ тебѣ будетъ прокъ.

У Путилова кровь стучала въ вискахъ отъ удовольствія при похвалахъ, и онъ нетерпѣливо ждалъ случая отличиться еще болѣе.

Случай скоро представился. Послѣ возмущенія арестантовъ въ уѣздномъ острогѣ началось, какъ извѣстно, новое дѣло. Возмутившихся сочли очень опасными преступниками и, за ненадежностію уѣздной тюрьмы, перевели въ губернской острогъ. Дѣло потянулось еще на пять лѣтъ, и прилежный ученикъ здѣсь довершилъ свое образование въ наукѣ преступлений. Онъ приобрѣлъ тутъ сноровку и изворотливость, необходимую для промысла; изучилъ основательно всѣ *художества*, начиная отъ отмычки замковъ, поддѣлки паспортовъ, вырѣ-

зываютъ фальшивыхъ печатей... и кончая чеканомъ монеты и печатаніемъ фальшивыхъ ассигнацій...

Съ дороги въ Сибирь, куда Путиловъ былъ отправленъ по приговору суда, онъ легко бѣжалъ, и два года потомъ гулялъ на свободѣ, переходя отъ преступленія къ преступленію. На третій годъ Путиловъ очутился снова въ острогѣ, по не какъ уже ученикъ, а какъ мастеръ своего дѣла...

### III.

#### ТОРНЫЯ ДОРОГИ.

Два часа по полуночи. Сильный осенній дождь лилъ, какъ изъ ведра, и однообразно стучалъ въ желѣзную крышу острога. Вѣтеръ со свистомъ вривался въ люки острожного дома и, своимъ назойливымъ шумомъ будилъ безпокойную мысль Путилова... Всюду темнота необъятная, такъ что часовой, стоявшій у острога на караулѣ, не могъ разсмотрѣть человѣка даже на полъ-аршина. Облака, низко спустившись надъ землею и мѣшаясь съ городскимъ тяжелымъ воздухомъ, неслись стѣною надъ кровлею острога. Острожные спятъ; стража острожная тоже дремлетъ, убаюканная мѣрнымъ стукомъ дождя въ окна и крышу... Ночники тускло горятъ кое-гдѣ по угламъ, и слабое мерцаніе огонька едва борется съ мракомъ осенней ночи. Не спитъ одинъ Путиловъ и торопливо допиливаетъ желѣзный пруть у своей двери. Изрѣдка взвизгиваетъ его пила, но свистъ ея, заглушаемый шумомъ вѣтра, не слышенъ постороннему. Наконецъ толстый желѣзный пруть перепиленъ, и Путиловъ, свободно пролѣзши сквозь дверь, гуляетъ не стѣняясь по корридору острожному. Нисколько не затрудняясь, смѣло и равнодушно подошелъ онъ къ церковной двери и, кускомъ выдавивъ окно надъ всю, чрезъ пять минутъ очутился уже въ церкви острожной. Кругомъ молчаніе... Зажегши восковую свѣчку отъ неугасимой церковной лампадки, Путиловъ от-

ворилъ двери алтаря и вошелъ въ нихъ не дрогнувъ. За тѣмъ снялъ пелены съ престола и жертвенника; взялъ серебряную чашу съ дароносицею и положилъ за пазуху... Два коня, служащія при священнодѣйствіи для выниманія частицъ изъ просфоръ, пособили ему разломать церковную денежную кружку... При тускломъ свѣчномъ огаркѣ Путиловъ пересчиталъ спокойно деньги на коврѣ, отобралъ серебро въ одну кучу, мѣдь въ другую, бумажки въ третью и нѣсколько золота въ четвертую. Изъ всей этой добычи, золото, бумажки и серебро поступили въ его распоряженіе, а мѣдь благополучно возвратилась въ кружку, какъ металлъ, слишкомъ ничтожный для вознагражденія за опасности...

Вдругъ въ острогѣ поднялась тревога. Ближній къ церкви часовой замѣтилъ въ ней, передвигавшійся съ мѣста на мѣсто, огонь, и далъ знакъ къ тревогѣ. Казалось бы, гибель смѣльчака была неизбежна. Но Путиловъ давно уже оградилъ свою безопасность, и съ перваго же шага своего въ церковь, сообразивъ обстоятельства дѣла, поторопился приставить къ паникадилу найденную въ церкви лѣстницу, употреблявшуюся обыкновенно для зажиганія сего паникадила въ большія праздники. При первомъ же шумѣ слышанной имъ тревоги, онъ приперъ покрѣпче дверь церкви изнутри, потушилъ свой огарокъ, и мигомъ, вскочивъ по лѣстницѣ на паникадило, оттолкнулъ лѣстницу на полъ, и за тѣмъ по цѣпи, на которой висѣло паникадило, бойко взобрался въ куполъ церковный. Пloка съ трудомъ отворили двери церковныя, и пока, отыскивая съ фонарями и факелами вора въ церкви, лазили подъ престолъ, жертвенникъ и даже въ трубы печныя, Путиловъ, вылѣзъ въ это время чрезъ люкъ купола на крышу, и по водосточной трубѣ благополучно и невредимо спустился на землю, а чрезъ полчаса былъ уже далеко отъ острога.

## IV.

## СИБИРЬ.

Широки и глубоки рѣки Сибири, тѣнистыя могучія лѣса ея! Много чудеснаго слышалъ Путиловъ о ея диковинкахъ: о горахъ, упирающихся въ облака, о множествѣ птицы, которая такъ жирна, что ее ловятъ рукавицами, о золотой и серебряной рудѣ, которую черпаютъ черпаками изъ земли... и т. п. Заманчивою показалась эта даль Путилову, и онъ рѣшился побывать въ ней. Одѣвшись зажиточнымъ человекомъ, повѣреннымъ по дѣламъ богатаго купца, онъ съ однимъ компаньономъ, сплавлявшимъ плоты свои до Саратова, въ составѣ компаніона дорожнаго—на половинныхъ расходахъ, лихо отправился на почтовыхъ въ Сибирь. Въ подорожной купца значилось: «съ будущимъ», и вотъ подъ именемъ этого-то «будущаго» Путиловъ преспокойно, безъ всякаго предъявленія письменныхъ видовъ, доѣхалъ до обѣтованной земли. Дорогою своими небывалыми разказами объ успешности торговыхъ операций онъ поселялъ въ купца большое уваженіе къ своей особѣ, такъ что тотъ, развѣся уши, удивлялся только его уму...

— Я въ Сибирь, говорилъ онъ, ѣду по нѣкоторымъ важнымъ оборотамъ одного богатаго саратовскаго купца, и въ это время мы обдѣляемъ съ нимъ миллионное дѣльце.

— Въ чемъ же это дѣльце-то? Нельзя ли сказать, приставаешь купецъ, разглаживая свою большую, чуть не до пояса, бороду.

— Это держится пока въ большомъ секретѣ... Потому дѣло торговое, ты самъ смякай... Могутъ отбить, предупредить, подставить какънибудь ногу!..

— Понимаемъ. Это истинная рѣчь. Дѣло знакомое.

— Да, а дѣльце должно удался.

Отд. I.

11

Дорогою Путиловъ въ подробности распросилъ кунца о Сибири, о людяхъ тамъ живущихъ, т. е. какой тамъ больше народъ: простой или плутоватый, какъ подмосковный?

— Очень простой, отвѣчалъ купецъ. Люди дѣла на слово ѣлаютъ. У насъ съ бумагами и слышать не хотятъ возиться. Такъ ужъ значить заведено искони.

— Да эдакихъ я больше люблю, говорилъ Путиловъ. Душа значить, какъ есть видна, на распахку...

— Именно.

— Стало быть жить будетъ можно, соображалъ Путиловъ, и наматалъ всѣ рассказы простодушнаго сибиряка на уезъ.

И дѣйствительно, прибывши въ Сибирь, онъ долго и свободно гулялъ по этой землѣ, перебивалъ во многихъ городахъ, пересмотрѣлъ много людей, и наконецъ на Ирбитской ярмаркѣ, распахнувшись чисто по-сибирски, спустилъ всѣ деньги, которыя добывалъ разными путями... Туда, сюда: пытался перехватить, — не даютъ, надуть — не поддаются. Народъ все прощальга: изъ Москвы, Петербурга, Нижняго Новгорода, Риги. Сами смотрять въ карманъ другому.

— Дрянъ народишко на этой ярмаркѣ, думалъ Путиловъ. Это дѣло хотъ совѣтъ наплевать выходить. Надобно подумать.

И вотъ въ одинъ вечеръ онъ подкараулилъ мѣнялу, возвращавшагося въ сумерки съ мѣвкомъ денегъ домой.

— Эка подумаешь: своя-то ноша какъ не тяжела! заговорилъ онъ съ купцомъ. Много добра, значить, не надоѣсть.

— Чаво ты любезнѣйшій примазываешься ко мнѣ, заговорилъ мѣвля?

— Да я такъ, значить, самъ съ собой разсуждаю. На языкъ вѣдь пошлivity нѣтъ.

— Не о чемъ разсуждать-то.

— Какъ не о чемъ? человекъ разумомъ одаренъ, на что же онъ ему и данъ, какъ не разсуждать.

Купецъ поворотилъ въ переулочъ, Путиловъ за нимъ.

— Вздорные люди, которымъ нечего дѣлать, тѣ разсуждаютъ только, не хотя процѣдилъ мѣвля и отвернулся. Отъ того они ничего и не имѣютъ.

— Не богатъ да славень, тотъ же баринъ.

— Чаво?

— Отъ совы не родятся соколы.

— Ну такъ что жъ?

— Да ничего; говорю: а кто не разсуждаетъ, такъ тотъ развѣ богаче бываетъ?

— Вещь понятная! дѣломъ занять, благосостояніе свое заботясь.

— Ну братъ, стоячая вода и плѣснѣеть. А воля у кольца, такъ нѣтъ конца. Кругло, повщешь не доберешься ничего.

— Ну что жъ? И мѣняла взглянулъ на Путилова во всю ширину своихъ глазъ.

Путилову того только и хотѣлось. Онъ мгновенно всадилъ въ нихъ цѣлую горсть принасеннаго табаку. Кудчина ухватился за глаза и разинулъ было ротъ кричать, но Путиловъ всадилъ ему новую горсть табаку въ ротъ, и тотъ только заблѣялъ, какъ овца.

— Что братъ? познай, что счастіе и несчастіе на одномъ конѣ ѣздить, проговорилъ Путиловъ, и былъ таковъ съ мѣнякомъ денегъ, бременныхъ мѣнякомъ на-земь...

— Скоро однако ему не посчастливилось, и онъ попался въ острогъ.

## V.

КОШКА ИГРУШКИ, А МЫШЬ СЛЕЗКИ.

Путиловъ порядочно таки соскучился бродяжничать и, прибывъ на новое мѣсто жительства, рѣшился отдохнуть немного. И вотъ онъ въ острогѣ спитъ по цѣлымъ судкамъ, и никто его не тревожитъ.

Прошелъ мѣсяць, прошелъ другой, и Путиловъ отдохнулъ; пора было собираться въ путь. Передъ глазами его постоянно шагалъ вооруженный часовой. Въ дверяхъ камеры арестантской было небольшое отверстіе съ маленькой рѣшоткой, черезъ которое часовые обыкновенно наблюдаютъ за арестантами.

Путиловъ долго и съ намѣреніемъ мучилъ часоваго, совершая въ виду его разныя чудеса. То, напримѣръ, закуритъ папиросу, Богъ знаетъ откуда доставши для этого табаку, то будто зарѣжется ножомъ, неизвѣстно откуда взятымъ, и упадетъ на полъ за-мертво, и потомъ, снова воскреснетъ... и т. п. Часовой то и дѣло безуспѣшно докладывалъ объ этомъ по начальству, и наконецъ усталъ отъ безсильныхъ попытокъ. Дѣ и немудрено. Система прятанія вещей преступницами въ камерахъ острожныхъ до того утонченна, что для того, чтобы противодѣйствовать ей вполне, нужно посидѣть для этого нарочито лѣтъ пять въ острогѣ и изучить основательно эту грамоту такъ, какъ изучилъ ее Путиловъ... Наконецъ часовой, смѣявшійся съ караула, рассказалъ исторію дѣяній Путилова товарищамъ своимъ въ такомъ диковинномъ видѣ, что тѣ только рты разинули; разумѣется, не забылъ напуганный и преувеличить все въ пятеро, какъ всегда это бываетъ отъ страха, но пословица: у страха глаза велики. Кстати же часовой былъ и новичокъ...

Путиловъ этого и добивался. Расчетъ его былъ очень вѣренъ... На новой смѣнѣ явился новый часовой, котораго нужно было также проучить, чтобы и онъ не помѣшалъ дѣлать проломъ. На этотъ разъ часовой былъ не изъ молодыхъ, и когда Путиловъ сталъ крошить ножомъ табакъ въ виду его, то онъ и не шелохнулся съ мѣста.

— Вотъ что! подумалъ Путиловъ. Да ты братъ изъ травленыхъ. Погоди же!

Вынувъ изъ за ремней кандаловъ пороховницу, онъ насыпалъ кучку пороху на полъ и зажегъ. Трескъ, мгновенное сильное пламя и густой, наполнившій камеру, дымъ заставили дрогнуть часоваго.

— Горимъ, горимъ, вскричалъ Путиловъ, и оторопѣлый часовой бросился докладывать дежурному офицеру.

Пришли, обыскали; въ острогѣ не было и признаковъ пожара. Дозорецъ, слышавшій о демонской силѣ арестанта, положилъ наконецъ, что онъ отводитъ имъ всѣмъ глаза и вѣроятно одинъ изъ тѣхъ колдуновъ, которые напускаютъ воду въ комнату, такъ что присутствующіе будто тонутъ, тогда какъ воды ничуть не бывало, — обращаются въ пнищъ, смя-



ней, въ коны сѣна и т. под... Потому порѣшилъ онъ, что бы ни дѣлалъ колдунъ-арестантъ, лучше ничему не вѣрять и не обращать ни на что вниманіе. Вслѣдствіе этого стражъ началъ солидно расказывать взадъ и впередъ предъ камерою Путилова и, съ чувствомъ разгадавшаго тайну, насмѣшливо посматривалъ на его работу, приближавшуюся къ концу съ помощію извѣстнаго уже намъ ножа. Путилову того только и хотѣлось. Кончивъ въ полночь работу свою, и изрѣзавъ въ ленты матрацъ, онъ спустилъ изъ пролома сдѣланную изъ матраца веревку, конецъ которой прикрѣпилъ къ ножкѣ кровати.

— Прощай братъ, обратился онъ къ часовому.

— Прощай, проговорилъ часовой, смѣкая про себя: нѣтъ ужъ не надуешь теперь, какъ ни отводи глаза.

— Не поминай меня лихомъ, если тебѣ немного поколотятъ за меня спину.

— Ладно! отвѣтилъ часовой.

— Когда я уйду отсюда, такъ ты братъ не сказывай скоро начальству объ этомъ, а то я не успѣю убѣжать подальше отъ острога.

— Ладно! говорилъ часовой. За чѣмъ сказывать?

— Не хотѣлось бы тебя вводить въ непріятность, да что дѣлать? Такъ пришлось.

— Какая непріятность! ничего.

— Ну все-таки неловко, когда эдакъ достанется на кашу.

— Пустяки. Не стоитъ и вниманія.

— А коль пустяки, такъ и калякать нечего.

И Путиловъ сталъ собираться въ дорогу. Часовой равнодушно смотрѣлъ на сборы, какъ на комедію, давно уже имъ разгаданную.

— Ты не слышалъ: какой билъ часъ?

— Недавно било двѣнадцать.

— Ну пора значить, — самое время. Какъ ты думаешь?

— Да, время — улыбнувшись, отвѣтилъ часовой.

— На память я дарю тебѣ мое черное бѣлье. Съ собой не стоитъ брать, и тяжело, и не за чѣмъ. Добуду другое.

— Спасибо.

— Послѣ меня возьмешь. Я вотъ кладу его подъ кровать.

— Слышу. Много благодаренъ за расположеніе.

— Больше бы братъ подарилъ за твою судьбу, да нѣтъ теперь ничего. Когда будетъ случай, можетъ быть и отплачу.

— Ладно! сдѣлаемся.

— Ну, я лѣзу, говорилъ Путиловъ, спустивъ уже ноги чрезъ проломъ наружу.

— Лѣзь!

— Ты стрѣлять вѣдь въ меня не будешь?

— За чѣмъ стрѣлять!

— Ну спасибо, братецъ.

— Не на чѣмъ.

— Такъ до свиданья.

— Съ Богомъ!

Путиловъ благополучно, въ виду часоваго, спустился чрезъ проломъ на землю, а проводившій его глазами опытный стражъ продолжалъ мѣрно расхаживать предъ пустой камерой.

## VI.

### ТУРКИ.

Въ одномъ большомъ уѣздномъ городѣ живутъ по преимуществу купцы. Странники, проживалки, бродяги—богомольцы, странствующие греки и монахи постоянно проживаютъ въ этомъ городѣ, и всегда на счетъ простоты купечества... Случилось сюда завернуть и Путилову. Онъ давно, по разговорамъ, слышался объ этой чертѣ жителей мирнаго, глухаго города—и приготовился воспользоваться ею.

— Тутъ и думать нечего, говорилъ онъ. Самъ звѣрь на ловца бѣжить.

И онъ изловчился.

Вечернее солнце собиралось спрятаться за горы. На золотыхъ крестахъ церквей догорали красные лучи заходящаго солнца. Купеческое семейство къ саду, подъ тѣнію липъ, пило чай и закусывало печеными кулебяками домашняго приготовления. Монахъ-странникъ рассказывалъ о нападеніи на Іеру-

салимскіе монастыри турокъ. То былъ Путыловъ. Онъ уже три дня живетъ въ этомъ домѣ, ѣсть, пьетъ даромъ въ волю, и кромѣ того по цѣлымъ днямъ бродитъ по городу, собирая съ кружкою рубли на христіанскіе монастыри въ Турци... Собственно говоря, эти мелкіе сборы для него вздоръ, но ему хотѣлось видѣть людей, посмотрѣть хорошенько городъ, побывать въ семействахъ, присмотрѣться поближе къ нравамъ и обычаямъ, попробовать людей и послушать ихъ рѣчь велемудрую...

— Такъ ты говоришь, честной отецъ, спрашиваешь купецъ хозяинъ, что нехристи турки курятъ трубки въ нашихъ святыхъ монастыряхъ?

— Курятъ.

— И ходятъ въ шапкахъ?

— И въ шапкахъ ходятъ. Но это бы еще ничего, а то и на лошадахъ ѣздить по храмамъ.

— Ужели на лошадахъ? И испугъ, смѣшанный съ удивленіемъ, изобразился на лицахъ слушающихъ.

— На лошадахъ!.. Лошади у нихъ эдакія маленькія, арабскія. Въѣздитъ на ней верхомъ въ церкву, во время богослуженія, и собираетъ съ каждаго молящагося по рублю сер., а съ монашествующихъ по два.

— Скажите!..

— А то говорятъ сейчасъ богослуженіе прекращу и церковь запру.

— Экое удивленіе...

— Вотъ монахи ужъ и расплачиваются за молящихся, потому что гдѣ же взять, иному бѣдному богомольцу, или христіанскому крестьянину рубль сер.?

— Экіе нехристи! И отчего это ихъ не побѣдятъ?

— Богу такъ угодно. Имъ бы тогда нечѣмъ было жить и они бы съ голоду померли, какъ мухи. Страна ихъ одинъ камень, ни сѣять, ни жать; а во-вторыхъ для добротныхъ подателей въ Россіи не было бы мѣста благочестію, не на что бы было жертвовать, и душу свою спасать...

— Точно, — и то правда.

— Не было бы и монашествующимъ дороги по Россіи: трудъ вся, ходить пѣшкомъ и собирать выкупъ отъ турокъ.

— Точно и это.

Въ полночь того же дня, Путиловъ, давно ознакомившійся уже съ расположеніемъ дома, приперъ комнаты, гдѣ спали семейные, внутренними замками и забрался въ кабинетъ купца. Кованный сундучекъ, въ которомъ заключалась вся казна хозяйна, стоялъ у изголовья его кровати. Приготовленнымъ напередъ топоромъ, Путиловъ, взломавъ сундучекъ, выбиралъ деньги.

— Что ты, что ты дѣлаешь, честной отецъ, вскричалъ купецъ, поднимаясь съ постели?

— Это на турокъ, отозвался Путиловъ.

— Всѣ деньги-то?

— Да вѣдь и ихъ много, — не одинъ!.. Съ этими словами онъ засунулъ въ ротъ купцу большой платокъ, завязалъ руки назадъ приготовленною веревкою и привязалъ его къ кровати ногами. За тѣмъ въ виду его переодѣлся въ купеческое платье, а свое повѣснявъ на гвоздь, на которомъ висѣлъ хозяйскій нарядъ, и благополучно выбылъ изъ дома, самъ себѣ отворивъ всѣ внутренніе выходы.

До утра пролежалъ купецъ на полу, и когда наконецъ все открылось, Путиловъ далеко ужъ былъ въ дремучемъ лѣсу, окружавшемъ городъ, а скоро на деньги купеческія безбѣдно ѣхалъ по дорогѣ въ Кіевъ, откуда намѣревался быть и въ Одессѣ.

## VII.

Ч У Д О.

На этотъ разъ Путилову однако недолго пришлось быть на свободѣ. Ограбивъ въ лѣсу ѣхавшаго на ярмарку купца, онъ попался въ плѣнъ крестьянамъ, успѣвшимъ окружить лѣсъ, въ которомъ скрывался Путиловъ, и тѣ представили его въ мѣстный уѣздный острогъ. Отсюда, по вѣхости острога, назначено было отправить его, какъ извѣстнаго уже

въ этой мѣстности преступника, въ губернской острогѣ подь стражейнимъ карауломъ. Наряжены офицеръ и два солдата для его проводовъ. Путиловъ не дремалъ. Занявъ у товарищей острожныхъ пять руб. сер., онъ начертилъ, давно извѣстный ему, ходячій въ острогахъ рецептъ въ аптеку объ отпускѣ мышьяку, и подписалъ его подь руку мѣстнаго военнаго доктора. Почеркъ руки этого доктора онъ снялъ съ аптекарскихъ сигнатурокъ, уносимыхъ обыкновенно арестантами изъ острожныхъ лазаретовъ, въ которыхъ они лечатся. Жидъ факторъ, исправлявшій за посильную плату всякія комиссіи острожныхъ, досталъ ему изъ аптеки по этому рецепту мышьяку, и получилъ за это въ награду четыре рубля.

На дворѣ іюльскіе жары. Этапная подвода медленно тащится по столбовой дорогѣ. Въ воздухѣ не шелохветъ. Раскаленная солнцемъ дорожная пыль стоитъ столбомъ надь дорогою и докучливо лѣзетъ въ ротъ и носъ путникамъ. Конвойные, шедшіе съ Путиловымъ нозади офицерской подводы, то и дѣло останавливались черпать въ солдатскую жестяную фляжку воду, чтобы утолить жажду. Приближались къ извѣстному холодному роднику, о которомъ конвойные еще за пять верстъ заговорили съ нетерпѣніемъ. Путиловъ хвалилъ родникъ и говорилъ, что знаетъ его хорошо, такъ какъ въ немъ была икона, при чемъ совѣтовалъ конвойнымъ не пить дрянной теплой воды, встрѣчаемой по дорогамъ, и дожидаться родниковой.

Жажда конвойныхъ растетъ. Офицеръ тоже попросилъ пить, кучеръ давно уже томился жаждою. Конвойные, со словъ Путилова, рекомендовали подождать родника. Офицеръ и кучеръ согласились.

— И чудная только вода въ этомъ родникѣ, говорилъ Путиловъ конвойнымъ; чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется — и здравъ бываешь.

— Будто?

— Ей богу. Я слыхалъ, что трижды въ годъ приходитъ къ нему изъ церкви икона, и плаваетъ долго, долго....

— Ужели?

— Право. Но вотъ что чудно. Послѣ каждаго ея плаванія въ родникѣ, вода дѣлается соленюю.

— Врешь?

— Провалиться мнѣ, если вру. И что еще чудите: почерпнутая въ чашку вода ростетъ.

— Ужели ростетъ?

— Такъ-таки и ростетъ. Вотъ, примѣрно, дай я покажу тебѣ на фляжкѣ, какъ она ростетъ.

Конвойный подаль Путилову фляжку, прикрѣпляемую обыкновенно къ ремню.

— Вотъ, ты напримѣръ зачерпнешь въ нее воды на два пальца не до краевъ. Посмотришь, чрезъ пять минутъ вода выростетъ до верху.

— Ври больше.

— А вотъ самъ увидишь.

При этихъ словахъ Путиловъ всыпалъ ловко мышьякъ въ фляжку и, закупоривъ крышкою, возвратилъ ее по принадлежности.

Наконецъ путники у родника, гдѣ рѣшились сдѣлать небольшой отдыхъ. Конвойный зачерпнулъ въ фляжку воды на два пальца не до краевъ. Путиловъ совѣтовалъ подождать минутъ пять, чтобы видѣть, какъ будетъ расти вода. Жажущіе ждали, вода не поднималась, но мышьякъ растворялся: Путиловъ говорилъ, что вѣрно конвойный позабылъ перекреститься, когда черпалъ воду.

— Не перекрестился вѣдь?

— Нѣтъ.

— Ну отъ того и не ростетъ.

Рѣшились однако выпить фляжку и потомъ произвести новый опытъ надъ водою.

— Дрянъ какая-то, говорилъ кучеръ, вытягивая жадно третью отъ фляжки крышку, которою разливалась вода. Конвойные повторили слышанное отъ Путилова о плаваніи иконы въ родникѣ, и рѣшили, что вѣрно недавно она плавала въ немъ.

— Вѣрно недавно, отозвался Путиловъ.

Офицеръ, выткнувъ залпомъ четыре крышки, сквозь зубы процѣдилъ: что за мерзость такая! Путиловъ не шилъ, скромно отзываясь, что подождетъ и напьется послѣ ихъ.

Мышьякъ подѣйствовалъ скоро, и чрезъ полчаса четыре жертвы безъ чувствъ лежали у ногъ Путилова.

Стащивъ обезнамятѣвшихъ за-мертво въ оврагъ и одѣвшись въ офицерское платье, Путиловъ распрягъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и большимъ бариномъ поѣхалъ по дорогѣ, только не столбовой...

## VIII.

## СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Всаднику безъ денегъ продолжать путь было нельзя, и вотъ онъ въ тотъ же вечеръ, пока не огласился его побѣгъ въ этой мѣстности, явился къ жиду Ицкѣ занять денегъ, написавъ предварительно въ дорожной корчмѣ въ родѣ довѣренности отъ эконома графа Б... къ ростовщику.

Дорожная лошадь, вся въ мылѣ, пришпоренная всадникомъ, бойко подкатила къ жилищу еврея. Жидъ напередъ потиралъ отъ удовольствія руки, завидѣвъ гостя-просителя.

— Здравствуй, честной господинъ, проговорилъ Путиловъ, крѣпко пожимая руку еврея.

Жидъ ослабилъ.

— Много милости, пане высококоименитый. .

— Ты меня, можетъ быть, не знаешь, любезнѣйшій, проговорилъ Путиловъ?

— Не имѣемъ высокаго счастія, отвѣчалъ жидъ, изгибаясь въ дугу.

— Я новый управитель имѣнія графа Б... Вчера только пріѣхалъ изъ Петербурга. Намъ съ тобою придется жить въ ладахъ. Иногда случится перехватить деньжонокъ. Ты, вѣдь, чай былъ пріятелемъ съ прежнимъ-то управителемъ?

— Оценно хорошій былъ человекъ.

— Миѣ на нервыхъ порахъ встрѣтилась необходимость въ деньгахъ. Нужно переслать графу въ Петербургъ 800 руб. сер. Надѣюсь, ты, достопочтеннѣйшій, не откажешься ссудить на недѣлю, или на двѣ этой суммой? Вотъ довѣренность отъ

эконома, а въ деньгахъ и уплатѣ 20 процентовъ съ рубля я напишу сейчасъ росписку.

Жидъ сіялъ отъ 20 процентовъ и, пробѣжавъ бѣгло довѣренность, дрожащею рукою отсчиталъ 640 руб. сер., вычтя впередъ и проценты. Путиловъ написалъ росписку въ полученіи 800 руб. сереб. для экономіи и просилъ жидъ явиться за полученіемъ долга, чрезъ двѣ недѣли въ экономическую контору.

— Смѣю узнать вашу чинъ, высокородный пане? спросилъ жидъ.

— Штабсъ-капитанъ.

— Высокій чинъ, говорилъ жидъ, изгибаясь змѣей.

— Да, — ничего.

— А фамилія, смѣю спросить? Не разберу что-то на бумагѣ. Глаза плохи. И жидъ сталъ протирать свои мѣдныя очки.

— Обдуваловъ.

— А! хорошая фамилія, льстилъ жидъ.

— Ничего себѣ.

— У меня былъ знакомый одинъ Обдуваловъ, когда я торговалъ въ полку въ турецкую войну, — высокаго чина: поручикъ, но тотъ былъ совсѣмъ дурной человѣкъ.

— Почему же?

— Не отдавалъ деньги.

— Ну, это не хорошо!.. Хотя онъ и поручикъ, а не хорошо.

— Оценно не хорошо, говорилъ жидъ, видя въ новомъ управляющемъ человѣка строгой нравственности въ отношеніи уплаты...

— Долги надобно непременно уплачивать, особливо честнымъ евреямъ. Русскому можно иногда и не заплатить, потому что тотъ легко ихъ наживаетъ, ну а еврей, сколько мнѣ извѣстно, всегда потомъ и трудомъ наживаетъ копѣйку.

— Большимъ, — оценно большимъ трудомъ, говорилъ жидъ, осклабясь и въ умиленіи склонивъ черную и шаршавую свою голову на бокъ.

— Я знаю это.

— Нельзя ли, пане именитый, кланялся жидъ, прибавить



еще 5%, на мои денежки. Трудомъ большимъ достались они... Вы такой человекъ хорошій...

— Можно, изволь, отвѣчалъ Путиловъ. Въ этомъ я не постою. Какъ прїѣдешь за расчетомъ, я распоряжусь по конторѣ...

— Какой вы хорошій человекъ, высоковельможный пане, говорилъ чуть не ползая у друкъ Путилова жидъ, въ полной увѣренности обирать подобнымъ образомъ почаше новаго управляющаго, такого хорошаго человека...

— Ну, почтеннѣйшій, прощай!.. какъ тебя?..

— Ицко Абрамовичъ.

— Честнѣйшій Ицко Абрамовичъ! Надѣюсь, будемъ друзьями.

— Много милости, вельможный пане!.. И жидъ подъ руки вывелъ Путилова изъ своего жилища и посадилъ на лошадь, подставивъ свою спину вмѣсто стремянъ...

— До свиданья на томъ свѣтѣ! вскрикнулъ Путиловъ и, давъ шенеры коню, мигомъ исчезъ изъ глазъ клавишагося въ догонку жидъ...

Жидъ не понявъ послѣдней фразы Путилова и возвратившись къ своей хатѣ, на листкѣ бумаги сталъ высчитывать карандашомъ будущій капиталъ, какой онъ изъ 25% съ рубля составитъ отъ займовъ новаго управителя, оценно хорошаго человека.

— Кладъ Богъ послалъ! кладъ, мысленно твердилъ жидъ, обращая глаза къ небу и, отъ избытка чувствъ, потирая руки чуть не до красноты и опухолъ...

Въ ту же ночь Путиловъ на первой же станціи взялъ лошадку и направился по тракту на Москву, сказываясь, что онъ провожалъ арестанта въ Кіевъ и теперь возвращается въ Москву, для чего, на станціи же подсоблялъ въ бумагахъ, взятой у отравленнаго ошцера, герода, обозначая трать проводовъ арестанта изъ Москвы въ Кіевъ. Пребывавъ одну губернію, онъ замѣнилъ трать, заглядилъ совершенно своей слѣдъ, и купивъ на одной ярмаркѣ тройку вороныхъ, съ тѣмъ же письменнымъ видомъ и подъ тѣмъ же предлогомъ, продолжалъ путь въ Москву, сказывая, что возвращается послѣ проводовъ арестантской партіи на своихъ лошадкахъ онъ находитъ выгодище и покойнѣе, чѣмъ на перекладныхъ.

## IX.

## ВЪ ГЛУШИ.

Въ одной изъ внутреннихъ губерній, на песчаной и глинистой почвѣ, стояло небольшое село. Новая затѣя новаго вѣка въ него не проникали. Люди жили больше по старинѣ: собирали лѣтомъ рябину и грибы, а зимою мирно лежали на печи и сосали лапу. Барскій домъ съ старою полинялою крышею и покосившимся заборами смотрѣлъ на свѣтъ Божій какимъ-то инвалидомъ и заросталъ ихомъ. Владѣтельница его, вдова Перепетуя Ивановна, очень любила рябиновку и хорошо сохла грибы. Румяная и дородная дочка ея, Полина, съ каждымъ годомъ перешивала платья и ползла, что называется, врозь. Съ каждымъ колокольчикомъ проѣзжаго она ожидала себѣ жениха, но жениховъ не находилось. Странные и сладкіе сны ей снились постоянно, будто она уже замужъ вышла, будто не одна уже спитъ...., будто...., но проспавшись она встрѣчалась съ дѣйствительностію, одиначествомъ, и сильно томилась тоскою.... Когда Путялову случилось однажды проѣзжать черезъ это село, то Полина послала горничную узнать, кто дескать проѣзжаетъ. Путяловъ смилостивился и, пока отдыхали лошади, отправился познакомиться съ интересней дочкой, посылающей справляться о проѣзжающихъ офицерахъ... Его приняли, закорючили, оставили поевать, угостили погостить, и черезъ недѣлю онъ уже собиралъ рябину въ лѣсу съ Полиною въ качествѣ жениха. Люди показались ему черезъ чуръ просты, и онъ рѣшился воспользоваться ихъ простотою, тѣмъ болѣе и деньжонки у него уже повыселись.

— И какъ это вамъ вдругъ приглянулась моя Полина, говорила Перепетуя Ивановна, сидя съ Путяловымъ за круглымъ столомъ въ полинялой теснинѣ и потагивая съ нимъ рябиновку?

— Былъ бы хлѣбъ, отвѣчалъ Путиловъ, а зубы сыщутся; были бы зерна, а мыши набѣгутъ. Ваша дочка королева писанная.

— И! что вы!

— А къ милому и семь веретъ не околица.

— Ужъ подлинно странно. Вдругъ ѣхали мимо и влюблись...

— Любовь не пожаръ, загорится не потушишь. Да и то сказать. Глупый ницетъ мѣста, а разумнаго и въ углу видно.

— Правда, правда, батюшка. Полина у меня умница, только вотъ не очень богата.

— Что богатство! Богатый безъ ума, что скорлупа безъ ядра. У меня свой домъ въ Москвѣ есть. А мнѣ человѣка нужно. Съ немилымъ свяжешься бѣда; вѣкъ не развижешься. А по моему, лучше воду пить въ радости, чѣмъ медъ въ кручинѣ.

— Совершенная правда. Какъ это ты, батюшка мой, все пословицами такъ и сыплешь? Любо дорого слушать.

— Людей видалъ. Много въ жизни испыталъ.

— Видно, видно!

А время шло. Поговаривали ужъ о свадьбѣ. Сельскій священникъ не рѣшался однако вѣнчать безъ разрѣшенія начальства и требовалъ бумаги на бракъ. Тутъ же подвернулся и исправникъ, прѣжшій поздравить обрученныкъ, и поддѣйнуть пошу.

— Видъ приносить же чортъ такихъ гостей, подумалъ Путиловъ и, запечатавъ пустой листъ бумаги въ пакетъ, написалъ: «Въ Москву, генералъ-лейтенанту Остолопову». Кучеръ свезъ пакетъ на почту. Недѣлю или двѣ ждали разрѣшенія, а между тѣмъ, готовились къ свадьбѣ. Въ домѣ мыли, стирали, пекли и варили. Путиловъ гулялъ каждый вечеръ вдвоемъ съ невѣстою въ ближайшемъ лѣсу, собирая съ нею грибки и рябнику.

— Ты не сорвешь вотъ эту кисть рябины, говорила Полина, — и не подожешь мѣсяца.

— Анъ сорву и подашь.

— Путиловъ срывалъ кисть рябины и подавалъ Полину.

— А подѣлывать за это можно? обращался онъ къ невѣстѣ.

— Можно.

И женихъ цѣловалъ невѣсту долго, долго... и прижималъ къ сердцу крѣпко, крѣпко... Прогулки съ каждымъ днемъ учащались и съ каждымъ вечеромъ удлинились. Перепетуя Ивановна сначала поговаривала было, что долгоныю гуляютъ молодые, но потомъ, махнувъ рукой, подумала про себя: вѣдь скоро будутъ мужъ и жена; все равно, что бы ни случилось...

А это, — «что бы ни случилось», — какъ разъ и случилось. Въ одинъ вечеръ гуляющіе возвратились слишкомъ ужъ поздно, и невѣста цѣлый день потомъ не вставала съ постели, отъиваясь головою болью... Маменька, понавѣдавшись у дочки, хотѣла было поворчать, но подумала: вѣдь свои почти... Рано ли, поздно ли, все равно вѣдь нужно...

Путиловъ наматалъ на усь эти обстоятельства дѣла.

Ночь въ началѣ августа 1848 года. Въ деревнѣ тихо, въ домѣ барскомъ еще тише. Перепетуя Ивановна спитъ въ своей спальнѣ мирнымъ и крѣпкимъ сномъ послѣ рябиновки, которою Путиловъ угощалъ ее вечеромъ съ особеннымъ стараніемъ. Когда, послѣ сильныхъ волненій и долгого раздумья о предстоящей свадьбѣ, заснула наконецъ и Полина крѣпкимъ сномъ... Путиловъ поднялся, ушелъ изъ спальни и, забравшись въ кабинетъ (рядъ кладовой), гдѣ, какъ по предварительнымъ разпросамъ онъ узналъ, хранились деньги и вещи, выбралъ все, что сочелъ нужнымъ: и брилліанты невѣсты, изъ рода въ родъ переходившіе по наслѣдству, и деньги до 2,000 рублей сер. За тѣмъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ на лучшую изъ своихъ вороныхъ лошадей и выѣхалъ благополучно изъ села. Къ утру онъ былъ уже далеко отъ рябиновки и грибковъ, а чрезъ нѣсколько времени, недѣль меншемъ куда, на прогонной тройкѣ, ѣхалъ уже на ярмарку въ Нижній. Въ домѣ Перепетуи Ивановны, по отъѣздѣ Путилова, утромъ горничныя долго шушукались, завидѣвъ въ полурастворенную дверь спальни офицерское платье, сложенное на стулѣ передъ кроватью барышни... Далекое за полдень, а барышня все еще не вставала. Перепетуя Ивановна, услышавъ: отъ кучера, оставленнаго Путиловымъ, что одной лошади вѣтъ въ конюшнѣ, рѣшила, что же-

нихъ вѣроятно выѣхалъ утромъ кататься. Стали накрывать на столъ къ обѣду.

— Веры! веры! Батюшки мои, разбойники были, кричала Перенетуя Ивановна, увидѣвъ наконецъ разбитые сундуки и шкапулки. Домъ барскій мгновенно встревожился. Собралась дворня. Разбудили барыню, страшно переконфузившуюся отъ офицерской одежды, лежавшей въ ея спальнѣ и ошущиваемой любезнѣйшими. На платьѣ нашли записку слѣдующаго содержания: «прѣхалъ, увидѣлъ и побѣдилъ.

Разбойникъ Степана Разина!»

— Батюшки наши! разбойникъ былъ женихомъ, завопили въ домѣ. У трусливыхъ волосы встали дыбомъ. Дочка хлопнулась въ обморокъ, а малушка упрашивала дворню не сказывать никому ни о покражѣ, ни о разбойникѣ, а говорить всѣмъ, что свадьба разстроилась сама собою, и жениху отказали потому, что онъ получилъ отказъ отъ своего начальства на женитьбу...

Два года Путиловъ былъ послѣ этого на свободѣ, надѣлалъ порядочно-таки преступленій и, выданный однимъ товарищемъ, былъ взятъ и засажень подъ крѣпкій караулъ въ башню острожную.

## X.

### ДОСУГЪ.

Путилову не понравилась двухъ-этажная башня острога. Поль прорывать было бесполезно, потому что подъ нимъ былъ еще этажъ, гдѣ тоже содержались арестанты. Стѣны проломать не было никакой физической возможности, такъ какъ они сложены были изъ огромныхъ толстыхъ глыбъ дикаго камня и туземнаго гранита. Единственное небольшое окно башни, съ толстѣйшею рѣшеткою, зерко стерегло двухъ караульными, стоящими снаружи башни и всегда, въ добавокъ, съ заряженными ружьями. Дѣло подошло очень крутое, но не затруднило оно Путилова. Не долго думая, насплошныя онъ ногтями нацѣпилъ извески со стѣны и растеръ его шогъ до

легкихъ ранъ. Известка, посыпаемая потомъ въ эти раны, произвела немедленное гноеиіе ногъ. Путиловъ потребовалъ доктора, который, осмотрѣвъ больнаго, донесъ о необходимости лечить арестанта и, обреченный было судьбою на безвыходное положеніе, Путиловъ скоро очутился въ острожномъ госпиталѣ въ особой секретной комнатѣ, предназначенной обыкновенно для важныхъ преступниковъ. Осмотрѣвши новое помѣщеніе, Путиловъ не замедлилъ сблизиться съ бывшими въ этой камерѣ двумя преступниками Шестовымъ и Шульгинымъ, и скоро подговорилъ ихъ сдѣлать подкопъ.

— За все ужъ я берусь, говорилъ онъ, и дѣло будетъ сдѣлано, какъ нельзя лучше.

— Чѣмъ же будемъ рыть-то, возразили новички въ этомъ дѣлѣ?

— Головой, отвѣчалъ Путиловъ.

— Какъ же это головой?

— Да, головой.

— Что ты?

Путиловъ расхохотался.

Съ этими словами Путиловъ, выпувъ гвоздь изъ кандаловъ, поднималъ имъ плиту изъ пола и началъ преисправно рыть.

— Поняли?

— Поняли.

— Ну такъ за дѣло.

И вотъ заработалъ гвоздь подъ поломъ секретной госпитальной камеры. Плита, поднимавшаяся для работъ, находилась подъ кроватью и, ловко, на случай осмотра, вставленная въ свое мѣсто, замазывалась известкою, соскабливаемой со стѣнъ и разводимою на слюнѣ.

На дворѣ іюнь 1850 года. Жаркіе лѣтніе дни зноимъ и духотою расслабляли члены людей самыхъ ретивыхъ и дѣлали ихъ лѣнвыми.

Въ острогѣ большая часть преступниковъ, растаявшая отъ жаровъ, свить и днемъ, и ночью. Часовые острожные жарятся на солнцѣ въ продолженіи цѣлыхъ 18 часовъ въ сутки и вяло дѣлаютъ на караулъ проходящему начальству. Но не дѣйствуетъ природа физическая на трехъ преступниковъ, неутомимо работающих надъ подкопомъ. Путиловъ распоря-

жался работами съ умѣньемъ большого знатока дѣла. Спѣшно рылась земля, выбирался исподъ стѣны и разбирался быть осторожный. Камни, земля и кирпичи растаскивались и умѣщались аккуратно и съ большою экономіею подъ поломъ, въ разныхъ мѣстахъ. Трудъ не прерывался почти ни на минуту и распредѣлялся по часамъ на каждого. Черезъ пять недѣль досужная работа была окончена. Все готово было къ побѣгу. Наступила послѣдняя ночь на 26 іюля, въ которую трое важныхъ преступниковъ острога должны были сказать «*последнее прости*» своему мѣсту заключенія. — Ровно часъ ночи: Небо заволокло. Въ воздухѣ тихо и вѣтеръ не шелохнетъ. Часовые на караулахъ дремлютъ, заключенные спятъ, только въ городѣ слышны, по временамъ, перекликанія уличныхъ караульныхъ, звонкое эхо которыхъ далеко переливается въ воздухѣ и тихо замираетъ близъ острога.

— Кому же первому выйти черезъ подкопъ? Всѣмъ вмѣстѣ нельзя, говорилъ Путиловъ, имѣвшій при этомъ вопросѣ свои соображенія и планы...

Шестовъ и Шульгинъ, нетерпѣливо предвкушавшіе свободу, въ одинъ голосъ пожелали выйти первыми. Путиловъ этого и добивался. Онъ очень хорошо зналъ, что при неудачѣ пуля часоваго попадетъ въ лобъ первому, и потому великодушничалъ предъ ними и согласился охотно на ихъ желаніе...

— Ну, а если вы успѣете уйти, а меня задержать, и я долженъ буду остаться опять здѣсь. Что тогда?

Шестовъ и Шульгинъ мямлись, не зная, что отвѣчать.

— Вѣдь трудъ-то былъ раздѣленъ по-ровну на васъ и на меня?

Молчаніе.

— Что сробѣли?

Опять молчаніе.

— Но я не изъ трусовъ, продолжалъ Путиловъ. Останусь здѣсь, такъ съумѣю уйти.

Шестовъ и Шульгинъ просіяли. Поднялась плита пола, и Шестовъ съ Шульгинымъ отправились черезъ подкопъ. Путиловъ наблюдалъ въ окно. Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ часоваго, и пуля положила Шестова на мѣстѣ.

— Амивъ! проговорилъ Путиловъ. Шульгину приходилось

попасть на штыкъ, и у него съ часовымъ завязалась драка. Для Путилова настало ожидаемое, такъ вѣрно рассчитанное время. Въ одно мгновеніе, спустившись въ подкѣпъ, онъ воспользовался борьбою часоваго съ Шульгинымъ и, съ необыкновенною ловкостію и быстротою, проскользнулъ мимо борющейся группы.

Шульгинъ, въ результатѣ борьбы, попалъ наконецъ на штыкъ часоваго, а Путиловъ по трупамъ ихъ благополучно выбрался изъ тюрьмы и чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже далеко отъ острога.

Судьба однако почему-то сдѣлалась немилостива къ Путилову, и чрезъ полгода онъ былъ застигнутъ въ располхъ при убійствѣ набожнаго старика хозяина въ одномъ купеческомъ домѣ, гдѣ былъ принятъ и ублажаемъ подъ видомъ странника, собирающаго съ книгою и кружкою на печерскіе монастыри. Въ пойманномъ узнали прежняго знакомаго и заключили его въ самое крѣпкое мѣсто, какое только сыскалось въ острогѣ, — въ секретную.

## ХІ.

### АЗБУКА.

Секретная камера въ острогѣ, куда засадили Путилова, находилась въ самомъ углу криваго корридора въ совершенно глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Днемъ темно, ночью безлюдно и скучно. Путилову не понравился этотъ hôtel, и онъ рѣшилъ проститься съ нимъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Отвели бы хоть попросторнѣе и посвѣтлѣе даровую квартиру-то, думалъ новый гость; по крайней мѣрѣ мѣсяць другой спсала бы съ удовольствіемъ на свободѣ, а то чортъ знаетъ, что такое, какой-то погребъ!..

Итакъ, рѣшено было переменить мѣсто жительства, и приступлено къ дѣйствию. Планъ мгновенно созрѣлъ въ голодѣ, а исполненіе его зависло отъ смѣлости и обстоятельствъ. Начато было съ двери. Отломавъ въ камерѣ плинтусъ отъ пола, Путиловъ вставилъ его между дверью и косякомъ такъ,



что успѣлъ оттянуть отъ косяка пробой, въ который былъ вдѣтъ замокъ. Оставивъ этотъ пробой въ косякѣ до удобнаго случая, онъ въ слѣдующій вечеръ вынулъ масло изъ горѣвшаго у него въ камерѣ ночника и вымазалъ имъ петли желѣзной двери на тотъ случай, чтобъ она не вздумала скрипнуть, когда нужно будетъ отворить ее. За тѣмъ вынулъ изъ подъ окна веревку и привязалъ его къ концу шолотенца: тѣмъ приготовленія пока и кончились. Настала ночь на 6 января 1851 года. Въ острогѣ все спало крѣпкимъ сномъ. На дворѣ вьюга и морозъ. Вѣтеръ дико завывалъ на просторѣ и лѣпиль снѣгомъ глаза караульщикамъ, стоявшимъ внѣ острога. Занесенные снѣгомъ съ ногъ до головы, часовые стояли, какъ одѣтые въ саванъ мертвецы, укутавшись въ свои бараньи тулупы и закрывши лицо воротниками. Въ полночь Путиловъ всталъ съ постели и началъ собираться. Ярко горѣлъ ночникъ въ его простѣлкѣ и будто силился ему услужить. Путиловъ потушилъ ночникъ и, обратившись къ часовому, просилъ его спуститься внизъ и принести масла. Начало было удачно. Часовой послушался и спустился внизъ, а Путиловъ между тѣмъ приготовилъ дверь свою и вынулъ изъ нея скобу. Масло подлило, камера заперта и часовой снова на часахъ.

— А что, любезный братъ, обратился къ нему Путиловъ, тебя чай сонъ клонить; поболтаемъ немного. Мнѣ, что-то не хочется спать.

— Можно, говорить часовой, и обратился къ Путилову лицомъ.

— Ты грамотный? продолжалъ Путиловъ.

— Нѣтъ.

— Жаль.

— Что дѣлать? Не учили.

— А ты бы хотѣлъ учиться?

— Какъ не хотѣть! Да ужь поздно, притомъ и служба.

— Пустяки. Хочешь и выучу тебя писать?

— Какъ не хотѣть, да мудро, — не поймешь.

— Валерь сущій. Я выучу тебя въ одинъ вечеръ.

— Много благодаренъ буду.

— Бери въ руки уголь и черти на стѣнѣ буквы, а я тебѣ буду подсказывать.

Путиловъ высунулъ въ отверстие двери уголь, напередъ приготовленный.

— Да какъ же это углемъ-то?

— Самое лучшее и испытанное средство. Уголь очень по-могаетъ.

Часовой взялъ уголь и обратился лицомъ къ противоположной бѣлой оштукатуренной стѣнѣ укаго острожного корридора.

— Ну вотъ пиши колесо, диктовалъ Путиловъ.

— Какъ же это колесо?

— Очень просто. Дѣлай кругъ, или ободъ колесный, только безъ втулокъ и спиць.

— Вотъ что! Ладно.

И часовой вывелъ на стѣнѣ кругъ.

— Теперь приставь къ колесу шесть.

— Какъ же это? Такъ-таки шесть?

— Такъ и пиши шесть.

— Ладно.

И шесть къ колесу приставленъ.

— Это вышло теперь буква азъ. Понялъ?

— Какъ не понять! Что-то больно просто.

— Ну вотъ. Я говорилъ, что не мудрено. Теперь пиши ко-рыто.

— Какъ же это корыто. Ужель и вправду корыто?

— Да. Такъ-таки и пиши корыто, а потомъ въ него сядешь и поѣдешь...

— Что ты?

— Да. Такъ-таки сядешь и поѣдешь.

И съ этими словами Путиловъ, растворивъ желѣзную дверь своей камеры, смазанную масломъ, со всего размаху, завязаннымъ въ край полотенца кирпичемъ, ударилъ въ затылокъ своего ученика, и ударъ прилаженъ былъ такъ ловко, что тотъ, не вскрикнувъ, какъ снадь, повалился на землю. На-скоро схвативъ часоваго съ полу, Путиловъ тотчасъ же перенесъ его въ свою камеру и, ослабивъ свѣтъ въ ночникѣ корридорномъ, уложилъ часоваго, переодѣтаго въ свое платье на кровать, на ноги надѣвъ свои кандалы, которые разломалъ пробоемъ двернымъ, самъ же, нарядившись въ его шинель, сапоги и

каску, сталь, съ ружьемъ, на караулъ близъ своей камеры, которую плотно затворилъ и заперъ задвижкою.

Пробило 3 часа по полуночи. Глухо раздался звонокъ на гауптвахтѣ острожной, возвѣщавшей смѣну часовыхъ. Вѣтеръ, по прежнему, стучалъ въ переплетенныя рѣшотками окна острога. Путиловъ, ослабивъ свѣтъ ночника въ корридорѣ и надвинувъ каску пониже на глаза, *ходилъ на часахъ*, спокойно ожидая смѣны. Явился дежурный по карауламъ офицеръ съ партией солдатъ, разставляемыхъ по постамъ. Путиловъ сдѣлалъ на караулъ.

— Все ли обстоитъ благополучно? окликалъ офицеръ.

— Въ наилучшемъ видѣ, ваше высокоблагородіе.

— На караулъ! скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сдѣлали на караулъ и одинъ изъ нихъ отдѣлился для занятія поста Путилова.

— *Честь и мѣсто, сдача старая!* проговорилъ Путиловъ и, сдѣлавъ полуоборотъ, присоединился къ смѣннымъ съ караула.

— На лѣво кругомъ, — маршъ! скомандовалъ офицеръ и солдаты отправились за нимъ на гауптвахту, а съ ними въ строю пошелъ и Путиловъ.

Вышедши на дворъ, офицеръ скомандовалъ: «по мѣстамъ»!

И солдаты, смѣнные съ карауловъ, отправились въ караулку спать, а Путиловъ, подъ предлогомъ естественной надобности, отправился во всемъ нарядѣ въ отхожія мѣста, изъ коихъ черезъ яму и выбылъ благополучно изъ острога.

Часовые долго еще потомъ караулили въ секретной камерѣ мертвое тѣло собрата.

По осмотрѣ камеры, въ которой сидѣлъ Путиловъ, нашли на стѣнѣ слѣдующую надпись, сдѣланную гвоздемъ: «выбылъ 1852 года. Генералъ-Лейтенантъ Путиловъ и кавалеръ».

## ХП.

СТАРОСТЬ — НЕ МЛАДОСТЬ.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого, въ одной тюрьмѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ посѣдѣвшій старикъ и ждалъ приговора

въ каторжныя работы безъ срока. Въ лицѣ его всякій могъ прочесть усталость, утомленіе жизни и явную физическую надорванность. Только глаза по временамъ блестяи неестественнымъ свѣтомъ и загорались на минуту, какъ раскаленные уголья. Тѣло иногда судорожно оживлялось и готовилось какъ бы въ бой на страшную битву. Но все это тотчасъ же смѣнялось безсиіемъ и за тѣмъ покорностію. Часовому не нужно было зорко сторожить свою жертву, желѣзные кандалы не рисковали больше быть разбитыми или разорванными, какъ пеньковая веревка. Силы его оставили, энергія потухла, тѣло разслабло, и преступникъ, узнавъ объ уничтоженіи кнута и плетей, за невозможностію получить свободу, приготовился послѣдніе дни своей жизни провести въ каторгѣ... Спокойно выслушавъ свой приговоръ, онъ заагаль по владимірскѣ, звуча однообразно тяжелыми кандалами на ногахъ и рукахъ. То былъ Путиловъ. Преждевременно посѣдѣвшая голова его, опущенная постоянно внизъ, дриблос тѣло и сгорбленный видъ показывали, что въ немъ нѣтъ уже прежней силы, что страшные подвиги его кончились. Мрачно взглядывалъ онъ на часовыхъ конвойныхъ, своихъ всегдашнихъ враговъ, и порой взглядъ его блестяль какимъ-то неестественнымъ блескомъ, но силы измѣнили Путилову, тѣло не повиновалось ему болѣе. «Эхъ, кабы молодость!» думалъ онъ. Этапъ смѣнялся этапомъ, верста верстой, и партія близилась къ Сибири...

---

На этомъ кончился рассказъ одного изъ собирателей преданій въ народной русской жизни, написанный имъ со словъ близкаго родственника Путилова, которому самъ, отправлявшійся въ Сибирь, Путиловъ рассказалъ всю жизнь свою безъ утайки... Съ дозволенія автора, нежелающаго быть известнымъ публикѣ, мы представляемъ читателямъ настоящій правдивый очеркъ его безъ измѣненія.

О. Ш. Ливановъ.

---

# БЪСОВСКОЕ НАВОЖДЕНИЕ.

(ГУБЕРНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ).

## I.

НАШИ ПРАВЫ ДО ПРИШЕСТВІЯ БЪСА.

«Дружина храбрая впередъ, дирекція на-право!»

— Посылали на почту?

— Не бывала... до сихъ-то дурь, представьте!.. ужасно!..

— Дорога плоха.

— Знаю, что плоха... да вѣдь трое сутокъ... ужасно!

— Вы давно-ли посылали?

— Частъ — больше не вромлю. Да вѣтъ пошлемъте опять...

Ванька, а Ванька!..

Отвѣта не было.

— Ванька! что ты, скотина, спишь тамъ?

— Слушаю-съ... отозвался наконецъ Ванька хриплымъ голосомъ и показался въ дверяхъ.

Онъ съ просонья глядѣлъ какъ-то мрачно изъ подлюбья: у этого малаго лѣтъ двадцати, отъ скуки и нобоевъ, развилась непомѣрная апатія ко всему и непреодолимая спячка; онъ омирѣлъ, обрѣзгъ съ лица, и стояло ему прислониться къ стѣнѣ, облокотиться на перила

лѣстницы—сонъ уже смежалъ его вѣжды и носъ издавалъ звонкій храпъ.

— Сходи, узнай—почта не пришла-ли, да живо у меня.

— Да почтмейстеръ сегодня и ходить не велѣлъ: пусто, говоритъ, и ходить не по что, не будетъ сегодня газетъ...

— Ты не разсуждай, скотина, и дѣлай, что тебѣ приказываютъ. Я вотъ съ тобой раздѣлаюсь, — къ Черничкину тебя отправлю. Пошелъ!

Ванька пошелъ. Черезъ четверть часа онъ вернулся: почта пришла, да не разобрана, газетъ сегодня не даютъ.

— Эка скотина, этотъ почтмейстеръ... Постой, Ванька, — я записку напишу Федору Ивановичу, почтмейстеру: попроси...

— Да онъ ругается, и ходить сегодня не велѣлъ.

— Молчи, оселъ! — Пошелъ! Ванька опять пошелъ.

— Нечего больше съ ними дѣлать: надо будетъ этого балбеса къ Черничкину отправить...

Частный приставъ Черничкинъ былъ весьма почтенною и полезною личностью въ глазахъ мѣстныхъ жителей за необычайное умѣнье «баню задавать».

Разговоръ прекратился на нѣкоторое время.

— А Севастополя не взять!..

— Ни за что... Это крѣпость, я вамъ скажу, незыблемая. Другой такой крѣпости во всей Европѣ нѣтъ...

— Гибралтаръ развѣ...

— Что Гибралтаръ, и въ подметки не годится Севастополю. Это твердыня, одно слово.

— Однако Гибралтаръ, какъ изъ описанія видно...

— Не говорите, Константинъ Александрычъ, — Гибралтаръ совсѣмъ не то. Это твердыня непоколебимая:

Ужъ какъ французикъ ни колотъ,  
Какъ англичанинъ ни мудритъ,  
Какъ чалмоносецъ ни глупитъ,  
Напрасно все: стоитъ понынѣ  
Севастопольская твердыня!

Вонъ оно что! А Гибралтаръ совсѣмъ не то—куда! Ну, да ужъ русскіе воины и постоятъ умѣютъ за себя!..

Хозяинъ затерялся, закашлялъ и застучалъ костью. Это

былъ помѣщикъ пожилыхъ лѣтъ, гладко остриженный, съ длинными, въ низъ опущенными, усами, придававшими ему видъ вожновенный, по фамиліи Колобродинъ; онъ облакачивался на костыль и, разговаривая, размахивалъ правой рукой, особенно когда приходилъ въ азартъ, что случалось нерѣдко. Въ городѣ его называли «баши-бузюкъ»

Гость—тоже помѣщикъ, по фамиліи Левкинъ, —былъ моложе хозяина, но голова его преждевременно посѣдѣла, а брови и усы сохранили темный цвѣтъ; онъ отличался театральностью, нѣкоторой торжественностью манеръ, и тогда корчилъ изъ себя русскаго боярина такъ же, какъ потомъ сталъ корчить англійскаго сквайра.

Газеты были принесены.

— Отдашь?..

— Отдали, да говорятъ: дурачье вы и съ бариномъ-то, лѣзете не во время...

— Ты не разсуждай, мерзавецъ, — вонъ пошелъ. Вотъ я тебя завтра къ Чернышину отправлю — ужь за все разомъ.

— Скотина, этотъ Утюговъ: людей только портитъ.

Хозяинъ принялся усердно распечатывать и просматривать Московскія вѣдомости. Гость не отставалъ, но не обнаруживалъ сляпаго нетерпѣнія, — даже остановился на какой-то, вовсе не политической, статьѣ, а просто на «замѣткѣ для виногуровъ»: Левкинъ слылъ агрономъ и устроилъ у себя въ имѣніи винокуренный заводъ, что въ то время у насъ считалось дѣломъ новымъ, за что его считали — одни умнымъ человѣкомъ, другіе — дуракомъ.

— Стоить, стоить!... восклицалъ Колобродинъ, разсматривая одинъ N.

— Стиховъ нѣтъ ли?

— Есть...

— Прочтите-ка...

Левкинъ кашлянулъ и прочелъ стихотвореніе.

— Безподобіе!... Вотъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ тоже какой-то Корчагинъ очень сильные стихи написалъ... Постойте, вотъ я сейчасъ найду... Колобродинъ отыскалъ гразный N губернскихъ вѣдомостей и, размахивая руками, и пристукивая костылемъ, пропѣвалъ стихи доморощеннаго поэта, окончательно раскричавшись въ концѣ, — да и надо было раскричаться, читая такия угрозы врагамъ:

Странствъ исторіи позорныхъ  
 Никто во вѣки не сотретъ,  
 И о дѣяньяхъ вашихъ черныхъ  
 Потомокъ поздній вашъ прочтеть.  
 Прочтеть — и слово отверженья  
 Произнесутъ его уста,  
 И онъ, какъ я, однимъ презрѣнемъ  
 Почтутъ иащиниковъ иреста!

— Безподобно!

— Я, Константинъ Александрычъ, велѣлъ дочери моей собирать всѣ патріотическіе стихи въ особую тетрадку. Каждый день послѣ обѣда собираемся всей семьей и читаемъ два-три стихотворенія. Приятно, и духъ какъ-то возвышается.

— Двѣнадцатый годъ повторяется, — война за вѣру...

— Да, народная война, вся Русь встаетъ, какъ одинъ человекъ, чтобы ринуться на врага.

— Прочитайте-ка, прочитайте, что въ Севастополи-то пишутъ...

Умилительно было видѣть этихъ почтенныхъ людей, уже украшенныхъ съдиной, съ юношескимъ восторгомъ декламирующихъ стихи, собирающихъ эти стихи въ особія тетрадки... Умилительно!

Входитъ новый гость: мѣстный литераторъ Медвѣдевъ, редактирующій губернскіе вѣдомости и состоящій при начальникѣ губерніи въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, длинновязый, неуклюжій господинъ, не первой молодости.

— За газетами! — я такъ и ожидалъ... А мы вотъ патріотическій спектакликъ затѣваемъ — изъ любителей.

— Доброе дѣло, Александръ Юрьичъ, доброе дѣло. Кровь льется: жертвы необходимы. Отлично вы затѣяли. Когда же это будетъ?

— Да, по возможности, скорѣе.

— А участники?

— Вашъ покорнѣйшій слуга, князь Лебединъ, вашъ братъ конечно, всѣ Коробкины, безъ нихъ уже нельзя.

— Непремѣнно слѣдовало это устроить. Вездѣ дѣлаютъ. Это будетъ подальше корпіи, затѣянной М-ше Флигель: корпія конечно вещь пригодная, но малопыльная.

— Пустое дѣло!

— Умничанье Настасьи Александровны, и больше ничего.



— Театръ, который дастъ значительный сборъ, дѣло совсѣмъ иного рода. А жерпѣя вздоръ...

— Непозволительный вздоръ. Мои дочурки тоже затѣяли было приняться за эту чепуху—я имъ прямо запретилъ. Лучше я по полтинничку съ души прикажу старостѣ собрать и внесу въ пользу раненныхъ. Принялись было и мои: какъ-же, всё корпѣю дергають, — мода! Тамъ-таки позвольте и запретить.

— Слышалъ я, лукаво замолвилъ Левкинъ: М-ме Флигель жаловалась мнѣ, что вы ей дѣлу мѣшаете... Не онъ, говорить, выдумалъ, тамъ и злится!...

— Дура! она воображаетъ, что ей умнѣ нѣтъ, она выдумала — значить и хорошо. Своими импроромъ екатеринскими времянь все вычлится.

— Театра она не одобряетъ-съ.

— Дура! — театръ дѣло самое приличное для дворянства. Надо только что нибудь патристическое припустить, чтобы духъ возвышался...

— Не беспокойтесь: стихи будутъ!

— Ну, то-то.

Помолчали.

— Что въ газетахъ-то новаго? спросилъ Медвѣдевъ, разваливаясь на диванѣ.

— Что новаго? Севастополь стоитъ!

— Божь часныя извѣстїя, что сдать хотятъ...

— Не можетъ быть!

— Ничего нѣтъ невозможнаго. Англичане расшлюжились тамъ, какъ дома, — и дорога у нихъ желѣзная, и орудїя удивительныя...

— Это все, батенька, вздоръ. Ничего они съ русскими солдатами не подѣлають; вы знаете, каковъ нашъ народъ: онъ кулакомъ больше сдѣлаетъ, чѣмъ англичанамъ своими машинками, а до штыковъ дѣло дойдетъ, такъ конецъ.

То-то будетъ удивленье  
Для практическихъ головъ,  
Какъ высокое давление  
Имъ покажутъ безъ паровъ,

сказалъ Левкинъ, смѣясь.

— Плохо вотъ что у насъ — дороги неисправны, передвиженіе войскъ — и медленно, и дорого, продолжалъ Медвѣдевъ.

— Да что намъ о дешевизнѣ-то думать: мы, слава Богу, богаты, понадобится—все отдадимъ, до послѣдней копѣйки; все подымаемъ, какъ одинъ человѣкъ, дворянство во главѣ: тутъ хоть три Европы—разгромить.

— Дворянство отстоитъ славу отечества: ему не въ первый разъ.

— Да, встать... что жъ я раньше-то не сказалъ? спохватились Медвѣдевъ: дворянству скоро придется послушать: смелчание объявятъ...

— Ополченіе, говорите вы? азартно произнесъ, входя въ комнату, длинный господинъ съ усами и баками, въ отставномъ военномъ мундирѣ.

— А! Никита Павлычъ! ваше превосходительство! милости просить!

— Ополченіе, говорите вы? продолжалъ вошедшій, на скоро нежная руки всѣмъ присутствующимъ: давно бы нора! Мы все вдемъ, все грудь встанемъ!

— Непремѣнно! я первый стрякну десять лѣтъ съ постей, отозвался горячо хозяинъ.

— Да правда ли это?

— Пишутъ...

— Двѣнадцатый годъ повторяется! Мы опять покажемъ, что значить шутить съ русскимъ дворянствомъ, съ русскимъ народомъ! Забудемъ все наши ссоры, интриги, несприятности, — все до одного пойдемъ дружно, за-одно! Старыхъ служака въ командиры поставимъ, позабывъ все личные отношенія.

— Да, да, Никита Павлычъ, васъ выборомъ въ начальники ополченія, сказалъ Колобродинъ.

— А вы, Иванъ Николаичъ, примите на себя командованіе одной изъ дружинъ. Все двинемся!

— За чѣмъ же все? Надо кому нибудь и дома остаться, в дома дѣло будетъ, вмѣшался Левкинъ.

— Всеми нельзя никакъ, поддержалъ Медвѣдевъ.

— Всеми, всеми! Что тутъ о домѣ думать, — дома безъ насъ дѣло обойдется. Все, поголовно!..

— Однако вы, Александръ Юрьичъ, съ вашей новостью отвлекаете меня отъ бесѣды, — поѣду къ губернатору, не знаетъ ли онъ чего...

— Отъ него-то я и слышалъ. Я вѣдь, знаете, его довѣренное лице...

— Экой чудакъ! цѣлый часъ сидитъ и не скажетъ! упрянуть хозяинъ.

— Сейчасъ же поѣду: подробностей какихъ не пишутъ ли...

Генералъ восвѣшно уѣхалъ.

— Тугоуховъ-то расходился! засмѣялся Медвѣдовъ: патриотомъ сдѣлался!

— Въ назначенныя ополченія закатѣлся... И къ губернатору сейчасъ, сказалъ хозяинъ.

— Ой, ужъ эти Тугоуховы: вся порода на томъ стоитъ. А гордость-то, гордость какая,—оу, ты пренасъ!

Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришло распоряженіе о сборѣ ополченія. Начались едеты и водненіе. Собралось чрезвычайное дворянское собраніе. Составили списки всѣхъ служащихъ и неслужащихъ дворянъ. Списки читали вслухъ, и при каждой фамиліи раздавались клики: «служить, служить!». Генералъ Тугоуховъ игралъ не маловажную роль: огромнаго роста, съ форменными усами и бакеннами, въ своемъ полувеселомъ костюмѣ, онъ смотрѣлъ серьезно, какъ-то даже таинственно и сурово, говорилъ не иначе, какъ съ энтузіазмомъ, всѣмъ пожималъ руки, показывая видъ, что теперь для него всѣ равны — и друзья, и враги, и родные, и чужіе, нерѣдко вспоминалъ о двѣнадцатомъ годѣ, приравнивая къ нему настоящую «эпоху», при чемъ глаза его увлажнялись слезами. Не менѣе замѣтенъ былъ знаменитый намъ пѣвчигъ, съ костылемъ, Колобродинъ: хриплымъ голосомъ, прищамкивая, онъ кричалъ каждому: «служить, служить!», и не шута сердился, если почему либо иной освобождался отъ поступленія въ ряды ополченцевъ: «чортъ знаетъ, что такое дворянство: —древде всего должно военной доблестью отличаться, дома ему нечего и дѣлать: землю мужики вспашутъ, напишутъ, что надо, чиновники; одно орудіе, достойное дворянина — сабля! война — берись за саблю! миръ — барствуй, какъ старинный русскій бояринъ!»

Барыни и барыщины забрались на хоры и жужжали, какъ пчелы. Колобродинъ почему-то получилъ наименованіе «башни-бузука». От-

отставной генералъ Тугоуховъ горосломъ, и доробокломъ, и зычнымъ голосомъ, и какимъ-то ужасающимъ выраженіемъ лица показывалъ чудовищные образы русскихъ богатырскихъ сказокъ; и прозванъ былъ *Никитищемъ*. Помѣщикъ Левинтъ, хотя сохранилъ собою величественную походку, напоминающую коралей и приписывъ на подмосткахъ провинціального театра, но видимо присмирѣлъ и замѣшанной роли не игралъ. Вотъ губернаторскій поэтъ Медвѣдевъ, такъ тотъ отчаянно махалъ своими длинными руками и такъ работалъ, что даже вспотѣлъ и раскраснѣлся.

Одинъ отставной полковникъ, пекилой, хворый человекъ, возражалъ, что онъ послужилъ уже на своемъ вѣку, что плохое здоровье не дозволяетъ ему вступить снова въ военную службу. «Служить, служить!» раздались неистовые клики. Полковникъ продолжалъ отказываться. Трусъ! баба! служить, служить!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Громче другихъ раздавался голосъ Медвѣдева. «Вонъ его, вонъ изъ собранія! Онъ недостойнъ быть здѣсь!» Бѣднаго полковника вытолкали изъ залы. «Всѣ пойдемъ, всѣ! Кто отстаетъ, тотъ трусъ» кричалъ Медвѣдевъ.

Тугоухова избрали начальникомъ ополченія. Назначили также дружинныхъ начальниковъ, въ число которыхъ попали: братъ Тугоухова и баши-бузумъ Колобродинъ. Медвѣдевъ, по незначительности чина, попалъ въ офицеры одной изъ дружинъ. Но громко-голосый поэтъ на другой же день отправился къ губернатору, который являлся меценатомъ и покровителемъ губернской музы.

Представши передъ генеральскіе очи, Медвѣдевъ нагъ ницъ.

— Что вамъ? съ удивленіемъ спросилъ генералъ.

— Ваше превосходительство! спасите меня! я въ ополченіе назначенъ: жена, дѣти... на кого я жалуюсь оставлю? Спасите, ваше превосходительство! спасите! будьте отецъ-благодѣтель!

— Что же я могу сдѣлать? Это дѣло свободное, вы сами могли отказаться, насильно не тянуть.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сами знаете здѣшнее дворянство, меня, какъ Митюхина, вытолкали бы въ нисю, оскрамили бы. Сами знаете, ваше превосходительство, легко ли сладить съ дворянствомъ здѣшнимъ, съ нимъ не сговоришь, особенно бѣдному человеку... Тѣ, кто остается, предводители, да засѣдатеши, — первыя гвалтъ подняли... Спасите, ваше превосходительство, я заслужу вамъ! У меня было такъ много предложеній: статистическія послѣ-

дованія, описаніе малоизвѣстныхъ краевъ нашей губерніи, историческій взглядъ на города...

— Что же мнѣ дѣлать?

— Не отпускайте, ваше превосходительство, — неужели я не заслуживаю вашего милостиваго вниманія, — я здѣсь полезенъ, я поднося губернскія вѣдомости, я грудь разстроилъ, желая угодить вашему превосходительству, — неужели теперь долженъ бросить домъ, семейство, мирное перо перемѣнить на мечъ, котораго никогда не держалъ въ своихъ рукахъ. Кто же будетъ выражать высокія идеи вашего превосходительства? — Кто будетъ поддерживать мѣстную литературу — это столь сильное просвѣтительное начало? — Спасите, ваше превосходительство!

— Да, да... правда!.. я васъ удержу... я васъ не отпущу... я не могу васъ отпустить... вы мнѣ полезны, — весьма полезны...

Какъ возрадовался Медвѣдевъ, какъ просіялъ онъ, слыша такія рѣчи!

— Такъ-то вы, Юрій Александрычъ! — уклоняетесь!.. — упрекалъ его баши-бузукъ Колобродинъ при большомъ обществѣ.

— Помилуйте, Иванъ Николаевичъ, — отвѣчалъ поэтъ, ни мало не конфузаясь: какъ мнѣ ни горько, какъ ни тяжело сидѣть здѣсь съ перомъ въ рукѣ въ то время, какъ мои друзья будутъ кровь проливать за отечество, — но я долженъ это сдѣлать, я долженъ остаться, — понимаете: *долженъ*. Губернаторъ ни за что не отпускаетъ. Жаль старика оставить, — вѣдь онъ безъ меня ни шагу... Не отпущу, говорить, я васъ — вы моя правая рука, ни за что въ мірѣ не отпущу! Да помилуйте, ваше превосходительство, говорю я, моя душа рвется въ ряды защитниковъ отечества! Ни за что, говорить; даже заплакалъ старикъ. Но я все-таки *набьюсь* урваться, — полагаю, что не успеете вы за границу губерніи уйти, какъ я прилечу: не могу — душа рвется...

За то Медвѣдевъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ дворянскаго театра съ патриотическою цѣлью, а въ губернскихъ вѣдомостяхъ краснорѣчиво изображалъ величіе эпохи — то въ прозѣ, то въ стихахъ.

Замелькали по городу ополченскіе кафтаны и шапки съ крестами. Молодежь рисовалась и закутила. Барышни тайно и явно проливали слезы. Для сформированія дружинъ по уѣзднымъ городамъ были разосланы баталіонныя офицеры, потому что выбранныя дворянствомъ начальники дружинъ и прочіе ополченцы собирались медленно, нето-

решливо: каждому хотѣлось пощеголать въ ополченскомъ кастанѣ, въ эполетахъ и при полусаблѣ въ губернскомъ городѣ, помазаться друзьямъ, знакомымъ и женщинамъ. Молодые люди отыщутъ пораспродать все свое движимое имущество: куда-то бѣжать, надо кутнуть въ эполетахъ, шину задать въ уѣздныхъ городкахъ... Въ воздухѣ нахло жертвой.

Собрались у генерала Тугоухова дворяне. О чемъ толкъ?

— Надо, господа, намъ копѣекъ по двадцати пяти съ души собрать на военные расходы,—вездѣ жертвуютъ...

— Да, да, не отставать же намъ отъ другихъ! — поддерживаетъ Левкинъ, вздернувъ голову.

— По полтинѣ дадимъ!—кричитъ Колобродинъ...

Вотъ освѣщенъ ярко губернской театрѣ, сидно смахивающій на сарай: «благородные» спектакли въ пользу раненыхъ устроились. Тамъ толки о балахъ, да вечерахъ, да вечеринкахъ: храбрыхъ ополченцевъ провозжать хотать...

Много экипажей стоитъ у театра: благотвореніе, соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ, вызвало на «благородные» спектакли всѣхъ жителей города. Братъ знакомаго намъ помѣщика-винокура Левкина, безцвѣтная личность, въ публикѣ известная болѣе за мужа Софьи Львовны — бойкой, жирной и красивой барыни, большой проказницы и баловницы, — смѣшился до слезъ въ «Букѣ» и другихъ пріятныхъ водевиляхъ. Прокуроръ Губинъ трогалъ до слезъ въ драматическихъ роляхъ. Дѣвица Коробкина играла такъ хорошо, что окончательно заполонила князя Лебедина, по неволѣ проживавшаго въ нашемъ городѣ. Въ заключеніе спектакля знакомый нашъ поэтъ Медвѣдевъ вызвалъ громъ рукоплесканій, обратившись съ сочиненнымъ заранѣе эспромтомъ такого содержания:

Благодаримъ мы васъ за посѣщенье.  
Талантами не блещетъ нашъ кружокъ,  
Но наша цель — одно благотворенье,  
Неведомъ намъ тщеславія порокъ.  
Народы нечестивые возстади  
На родину, пошли на Русь войной,  
И русскія сердца затрепетали,  
За вѣру старъ и младъ стремится въ бой.  
Мы на алтарь отечества приносимъ —  
Хоть скудную, но честную лепту,

— Лошадей нѣтъ! подождать надо... говорить смотритель:—сейчасъ двѣ тройки отправили.

— Какъ нѣтъ! закричали молодые люди, выскакивая изъ саней.

— Да знаешь-ли ты, что мы по казенной надобности?..

— Тыкаться нечего, а лошадей, говорятъ вамъ русскимъ языкомъ, нѣтъ!

— Ополченіе ѣдетъ, ракалія!..

— Живо лошадей! хоть роди, да подавай!

— Дѣло, нетерпящее отлагательства, мошенникъ!

— Подождать надо-съ... равнодушно повторилъ смотритель, упирая руки въ боки.

— Я тебѣ дамъ, подождать!

— По сусаламъ его, каналью!..

— Офицеръ, господа, сами не ушибитесь! хладнокровно замѣтилъ смотритель, потряхивая фуражкой, украшенной кокардою.

— Бросьте его! сказалъ, наконецъ, толстякъ, прѣхавшій на парѣ:—куда намъ торопиться, картишки вынемъ да възьгранемъ!

— А что, и, въ самомъ дѣлѣ, Селянникъ не глупо придумалъ...

— То-то, братъ, спохватился...

— Лянчишка помянемъ, а тамъ лошади-то и подоспѣютъ...

Путешествуя такимъ манеромъ, наши герои наконецъ достигли Брягина.

Небольшой, смиренный городокъ, никогда не выдавшій у себя такого количества наѣзжаго народа, пришелъ въ недоумѣніе.

Офицеры брягинской дружины представляли весьма разнообразное общество, но всѣ въ одинаковой мѣрѣ были преисполнены воинственного азарта и смотрѣли съ-высока на мѣстныхъ жителей. Начальникъ дружины—младшій Тугоуховъ—не знакомился ни съ кѣмъ, держался важно и таинственно. Когда на городской площади происходило ученье ратниковъ, и толпа любопытныхъ слишкомъ придвинулась къ колоннамъ, онъ безъ церемоніи прикрикнулъ на брягинскихъ дамъ, чѣмъ перепугалъ ихъ не на шутку; а какого-то увѣднаго франтика, осмѣлившагося пройти мимо этого марсова поля съ сигарой во рту, чуть подъ арестъ не взялъ.

Брягинская молодежь вовсе съ толку сбилась въ компаніи съ храбрыми воинами,—суды, училища, канцеляріи опустѣли, потому что три мѣсяца продолжался кутежъ безъ отдыха и безъ просыпу.

Въ юлѣ мѣсяцѣ всѣ дружины стали собираться въ губернскій городъ.

Вступление брянской дружины было особенно трогательно: начальникъ ея былъ братъ начальнику всего ополченія, и сцена произошла удивительная. Старшій Тугоуховъ встрѣтилъ дружину за городомъ. Младшій Тугоуховъ, предводительствуя войскомъ, отдалъ брату подобающую честь, какъ начальнику, и подалъ рапортъ. Вслѣдъ за этимъ официальнымъ церемоніаломъ, Тугоуховы поздоровались, какъ братья, то есть трижды облобызались.

Брянскъ, по отбытіи дружины, представлялъ зрѣлище, подобное полю, на которомъ была долгая засуха.

Не описываемъ торжественнаго выступленія брянской дружины изъ губернскаго города, ибо наше слабое перо не можетъ изобразить такого торжества съ надлежащей красотою. Скажемъ только, что шествіе ея, какъ и всѣхъ прочихъ дружинъ, въ предѣлахъ губерніи было истиннѣ триумфальное шествіе... И все это пронеслось, какъ сонъ, исчезло и передается изъ устъ въ уста, какъ преданіе временъ очюевскихъ. Даже фраза: «вотъ, когда я служилъ въ ополченія», или: «у насъ въ ополченія» выходитъ изъ употребленія...

Было, сплыло и большею поросло...

## II.

ПЕРВОЕ ПОЯВЛЕНІЕ БѢСА НА НАШЕЙ ПОЧВѢ.

„Не изъ тучи громъ!“

Злой духъ прогресса впервые заглянулъ въ нашъ городъ, какъ это случилось съ большинствомъ российскихъ городовъ, во образѣ ничтожнаго, безвѣстнаго и слабого смертнаго, а именно—учителя убаднаго училища. Губернскія дѣла текли своимъ обычнымъ порядкомъ. Но прогрессъ уже косилъ глаза на нашъ городъ, думая заглянуть къ намъ,—и, какъ бѣсъ хитрый, осторожный, выдавшій виды, прежде всего рѣшился забраться въ личность наименѣ замѣтную. Увидѣлъ бѣсъ, что по архангельскому тракту ѣдетъ въ нашъ городъ повозка, запряженная парой лошадей, а въ повозкѣ сидитъ юноша лѣтъ 23-хъ; бѣсъ всмотрѣлся внимательно: «а, учитель, переведенный изъ Ряби-



новска, мальчикъ неглухой, мальчикъ злой, мальчикъ самолюбивый, задорный, дерзкій... И насчитавъ десятокъ эпитетовъ, относящихся къ мальчику—учителю, бѣсъ быстро помчался въ повозкѣ. А мальчикъ не то спалъ, не то бодрствовалъ, — и безъ помощи бѣса ему все какая-то чертовщина въ голову лѣзла: то изъ Русскаго Вѣстника, то изъ Русской Бесѣды какія-то мыслицы и мыслищи мерещались, образуя какой-то дикій хороводъ. Началъ съ нимъ бѣсъ замурлыкать: самолюбіе пенцкочеть, разные старыя обиды напомнить, да потомъ на отсталость и неразвитость общества, на разные общественныя недуги сведеть, или прямо изъ Русскаго Вѣстника цѣлую тираду отхватить, да на ватычку экономическимъ указателемъ сгрисенеть. Въ головѣ учителя поднялся совершенный кавардакъ (говоря мѣстнымъ нарѣчіемъ). И въѣхалъ учитель въ губернской городъ, одержимый лукавымъ бѣсомъ, и скоро очутился въ объятіяхъ дражайшихъ родителей.

— Ну, здорově-ли-ты? Экой худящій какой, щени-то какъ ввалился... эка свитка! говорила мать голосомъ, въ которомъ слышались и грусть, и радость. Она смотрѣла на сына съ умиленіемъ.

— Слава богу, перетасились таки къ намъ. Я говорилъ: потерри, нельзя вдругъ. Что дѣлать, не поскучаешь, не потерришь — и добра не увидишь. Такъ, по моему и вышло. Мы и больше терпѣли, да съ божіей помощью и сами въ люди вышли, я васъ вотъ вырастили... говорилъ отецъ.

— Не даромъ въ мать-то уродился: счастливый сынъ на мать походить! продолжала мать...

— Слава Богу, что жила между людьми хорешими, да пользовался расположеніемъ. Признаться, утѣшительно было слышать, какъ тотъ пишетъ похвалу, другой пріѣдетъ — хвалить...

— Да, родительскому-то сердцу пріятно... Не даромъ я Богу молилась: сохрани его, Господи, чтобы его любили-то, чтобы искателень онъ въ людяхъ-то былъ.

— Вотъ недавно: вице-губернаторъ пріѣхалъ, первое, о чемъ заговорилъ: сына вашего видѣлъ, надо его непременно въ губернской городъ перевести — славный молодой человекъ...

— Я услышала, заплакала даже отъ радости... Окъ, Ваня, будь ты въ людяхъ-то искателень, услумивъ, прислужиться умѣй, такъ все пойдетъ хорошо... Не ошадала, признаться, я ужъ отъ тебя: грубѣйшишко такой росъ... Мать и слыялась, и слезы утараля.

Но присутствіе бѣса стало обнаруживаться скоро.

Мальчику, въ силу его юныхъ лѣтъ, веселиться хотѣлось: онъ въ губернской свѣтъ толкнулся, но губернской свѣтъ посмотрѣлъ на выскочку такимъ наглымъ, презрительнымъ взглядомъ, что мальчишка съ непривычки покоробило, и личные оскорбленія посыпались на дерзкаго, осмѣливавшагося сунуться туда, гдѣ его не спрашиваютъ. Читателю извѣстно, что мальчикъ нашъ былъ злой, самолюбивый, задорный и проч.: къ роли шута онъ былъ несообразенъ, быть терпимымъ въ обществѣ изъ снисхожденія, какъ затычка въ партіи преферанса, или запасной кавалеръ для замѣдѣвшихся дѣвъ, онъ не хотѣлъ; выслушивать чужую чушь и односложными придакиваньями выражать свое согласіе—ему казалось просто невозможнымъ. А какимъ холодомъ вѣяло на него отъ взоровъ, которыми отвѣчали херувимы-барышни на его юношескіе восторги, когда онъ весь млѣлъ жаждою любви и волновался отъ пожара въ крови. Онъ видѣлъ и понималъ очень хорошо, что другіе юности, пользующіеся передъ нимъ огромнымъ преимуществомъ въ обществѣ, и глупѣе, и хуже его,—желчь, злоба, ненависть закипѣли въ груди мальчишка, одержимаго бѣсовскою силой. Правда, устарѣлая барыня отрывала было «мальчику» свои объятія; правда, вице-губернаторъ принималъ въ немъ пассивное участіе за двѣ-три статейки, начинающіяся словами: «и въ нашемъ отдаленномъ краѣ» и проч., и начатаннныя въ губернскихъ вѣдомостяхъ, но первое было утѣщеніемъ слабымъ и дѣйствовало, какъ дѣйствуетъ соленая вода на жаждущаго, а второе окончилось скандальной катастрофой, ловко сочиненной лукавымъ бѣсомъ. Одна статейка не понравилась сановнику-покровителю, и онъ въ своемъ губернскомъ правленіи громогласно приказалъ передать нашему писателю: «скажите ему, чтобы онъ впередъ не смѣлъ писать такихъ статей!». Мальчикъ заершился; маршъ къ сановнику за объясненіемъ, а тотъ: «я не намѣренъ съ вами объясняться!»

— Когда не намѣренъ, то я намѣренъ отпечатать это происшествіе въ столичныхъ вѣдомостяхъ! совѣтъ разгорячился мальчикъ и вышелъ, хлопнувъ дверью. Вице-губернаторъ не привыкъ къ такимъ выходкамъ, къ такому забвенію дисциплины, къ такому оскорбленію его сановническаго достоинства. Кстати ужъ сообщимъ читателю, что фамилія его была Мейеръ, что онъ былъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ дѣтства избалованный женскимъ воспитаніемъ, протекціямъ и

свѣтской жизнью, но съ добрымъ сердцемъ и съ великой наклонностью къ постройкамъ, нововведеніямъ и преобразованіямъ. Жена его слыла за одну изъ самыхъ умныхъ женщинъ на всю губернію.

Мейеръ съ жалобой къ отцу. Тутъ семейная сцена перемѣнилась.

— Ты вредишь себѣ, вредишь и мнѣ, себя губишь, братьевъ губишь, меня губишь... Противъ отца ты пошелъ...

— Нисколько. Не могу же я позволить унижать меня...

— Великая фигура! Гордымъ-то Богъ противится! Отецъ-то гнулъ, гнулъ спину, горбомъ добивался — все для васъ, а ты своими глупостями въ гробъ его вогнать хочешь...

— Хорошъ сынокъ! Гдѣ бы успокоивать, да радовать отца... то-то мамо васъ пороли, прибавила мать.

— За свои поступки я самъ отвѣчаю, и знаю, что въ нихъ дурнаго ничего нѣтъ.

— Ну, да словомъ сказать: хочешь жить съ нами, такъ живи по-людски, брось свои глупости и умничанья, или убирайся вонъ изъ моего дома. И сыномъ я тебя считать не буду, такъ и скажу всѣмъ...

— Если вамъ все равно, какъ бы ни унижали вашего сына...

— Эка оря какая! да ты бы долженъ въ ногахъ у меня ползать, — христіанства въ васъ нѣтъ...

— А все отъ того, что въ церковь рѣдко ходите, мало Богу молитесь... прибавила мать.

У отца голосъ пропалъ, у матери слезы текли по щекамъ. Но обличитель, окончательно обуянный бѣсомъ, толговалъ о своемъ чело-вѣческомъ достоинствѣ, о мерзости униженія, о борьбѣ съ самодурствомъ. Семейная сцена грозила перейти въ трагическое побоище, если бы юный герой наконецъ не замолчалъ. Онъ замолчалъ, но внутри души (какъ выражаются поэты съ рефлексіей) весь преданъ былъ бѣсовскому навожденію.

Для чересъ два, какой-то пакетъ, адресованный въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей, упалъ въ ящикъ губернской почтовой конторы. Оувѣтивши пакетъ, обличитель съ волненіемъ шелъ по березовому бульвару, близъ котораго находилась почтовая контора. Онъ шелъ и часто поглядывалъ на часы. Вотъ ужъ двѣнадцать, — конечно! пакетъ невозвратимъ! Лице мальчика повеселѣло, а сердце забилось сильнѣе: «погоди-же! я тебѣ отплачу, потѣшусь и я

надъ тобой»!.. думалось ему, но онъ повернулъ свои мысли иначе: «да, самодурство губерпское, надо тебя потрясти, надо тебѣ напомнить о значеніи человѣческаго достоинства! авось либо ты и дашь хужь перевести бѣднякамъ, труженикамъ, надъ которыми ты надругалось столько тысячъ разъ»!

— Здорово-живешь! — кто-то окликнулъ и толкнулъ его. Обличитель оглянулся и узналъ своего товарища по гимназіи.

— Что, братъ, Мейеръ-то тебя обработалъ?

— Какъ-бы не обработалъ,—я самъ спуску не далъ: объясненія потребовалъ, а когда онъ заартачился да чваниться началъ, я обручился на обѣ корки (нельзя-же безъ прибавленій) и псобѣщаль отпечатать,—и отпечатаю!

— Молодецъ! — Какую онъ этта штуку въ правленіи удрагъ — потѣха: Бѣловъ—знаешь?—косматый эдакой, все въ землю смотреть, словно сто рублей найди хочеть—съ Мазилкинымъ поспоримъ, да-чи говорить ему: эхъ, Сергѣй Васильчъ, что ужь и говорить,—у сильного всегда безсильный виновать! Тотъ обидѣлся: совѣтникъ, братецъ ты мой, какъ-же можно! нажаловался Мейеру. «По-о-озвать его»! Позвали. «Какъ ты смѣешь говорить старшему: у сильного всегда безсильный виновать?» Да это Иванъ Андреичъ Крыловъ сказалъ... «Та-а-агъ по о-озвать сюда Крылова!» — ха-ха-ха! вотъ онъ гусь каковъ: Крылова изъ могилы требуетъ на расправу...

— А слышалъ ты, какъ онъ семинариста въ части выдралъ: хозяина его сынишка подрался на улицѣ съ семинаристомъ, тотъ его оттузилъ, конечно,—и по дѣломъ,—мальчишка въ слезы,—а Мейеръ какъ разъ въ окно все видитъ: кликнулъ лакея, приказалъ семинариста взять, да въ части выпоротъ,—и отодрали его, раба божія, такъ, что тотъ насилу на ноги всталъ. Оказалось: сынъ діакона, отецъ жаловаться хочеть...

— Чортъ знаетъ, что такое, это самоуправство выше мѣры, варварство.

— Превышеніе власти, братецъ, за которое по законамъ-то — знаешь что?

— Надо найди отца, да подбить!—подумалъ губерпскій обличитель—жаль, что раньше не зналъ, — въ Московскія Вѣдомости изстатобы,—ну, до другаго раза...

— А губерпскаго землемѣра, такъ безъ околичностей дуракомъ въ присутствіи обругалъ и въ шею толкнулъ...

— Какъ-же это онъ позволилъ?

— Потому вѣрно, что въ самомъ дѣлѣ дуракъ. Однако, братъ, прощай.

— Все это надо принять къ свѣденію, подумалъ обличитель. Все это можно яркими красками представить въ письмахъ для «Русскаго Дневника»...

Въ то время россійская гласность только что родилась на свѣтѣ и показала языкъ изъ Московскихъ Вѣдомостей и Русскаго Дневника, которые первые стяжали себѣ извѣстность обличителей, задавши многое множество трезвоновъ многому множеству гг. X, Y и Z. Досушіе умы усердно занимались опредѣленіемъ этихъ неизвѣстныхъ величинъ и воображали, что занимаются серьезнымъ дѣломъ,

Разъ вечеромъ, въ одномъ изъ клубовъ (у насъ ихъ не одинъ), вниманіе обличителя, при входѣ въ гостиную, было привлечено толпой барынь и мужчинъ, сгруппировавшихся около длиннаго господина въ золотыхъ очкахъ и съ прилизанными височками на обѣихъ сторонахъ. Господинъ этотъ держалъ въ рукахъ № «Московскихъ Вѣдомостей» и читалъ вслухъ. Обличителя, не смотря на бѣсовщину, въ немъ засѣдавшую, такъ и бросило въ жаръ. Положеніе было неловкое и для нашего героя новое: неловкое потому, что обличеніе напечаталось безъ всякихъ предосторожностей для прикрытія имени автора, и сильное подозрѣніе грозило мальчику неприятными выходками со стороны раздраженной публики. Къ счастью, подвернулся какой-то знакомый, вообще мало интересующійся литературой: мальчику удалось устроить партію и уѣхать за пинетъ.

А чтеніе продолжалось, повторялось и повторялось.

— Что тамъ за чтеніе? спрашиваетъ партнеръ.

— Не знаю, отвѣчаетъ мальчикъ, и показываетъ такой видъ, что весь увлеченъ игрою, а на самомъ дѣлѣ такъ и забрасываетъ глаза на обѣ стороны: его крайне интересуется, что подумаетъ и что будетъ толковать публика.

— Ужъ не манифестъ ли о волѣ напечатанъ, — что ихъ тамъ забраетъ? спрашиваетъ партнеръ.

— Можетъ быть...

— Те-то ихъ огоршило, поди: они все думали шуточками отдѣлаться: не можетъ-ста быть, все по старому останется... Не послушать ли?

— Семь и семнадцать, четырнадцать дамъ...

Партнеръ остался на мѣстѣ, огорошенный игрищей мальчика, который дрожащимъ голосомъ сосчиталъ девяносто.

А въ публикѣ между тѣмъ поднялся шумъ.

— Это подлость! прошамкалъ съдой, гладкоостриженный помѣщикъ Колобродинъ, и застучалъ своимъ костьюлемъ.

— Памолетъ! придакнулъ князь Лебедкинъ, обрюзглый фатъ, проживавшій въ нашемъ городѣ на сухофденіи ради укрощенія своихъ страстей.

— Сплетни самаго низкаго свойства! поддержалъ винокуръ-помѣщикъ съ гордой осанкой и театральными манерами.

— За такія вещи людей въ общество пускать не слѣдуетъ! произнесъ съ бѣшенствомъ отставной генералъ Тугоуховъ, длинный господинъ съ воинственною физиономіей.

— Шваль какая нибудь: сунулась въ свѣтъ, да попала на задній дворъ, и давай строчить эдакую дичь...

— Это все зависть подлая!..

— Желаніе выскочить, нунишь изъ кармана показать, языкомъ подразнить изъ-за угла...

— Да это ничего, узнаемъ, такъ рожато не застрахована... вѣшался сынъ вышерѣченнаго генерала Тугоухова, низенькій, толстенный армейскій офицерикъ, извѣстный въ городѣ подъ именемъ «Полупникитки», такъ какъ самъ генералъ именовался въ публикѣ Никитицей: дѣйствительно, объемъ младшаго Тугоухова составлялъ никакъ не болѣе половины объема старшаго.

— Ну, ужъ это не того... это не годится... не честно... отозвался пріѣзжій морякъ.

— Что вы говорите, Леонидъ Петровичъ... Удивляюсь я вамъ... А онъ честно поступилъ съ нами: обругалъ публично, да еще за уголъ спрятался! напустился на моряка помѣщикъ Колобродинъ, постукивая костьюлемъ.

— Честности захотѣли вы! Съ мерзавцами развѣ нужна честность? для нихъ мы, что-ли, честность приготовили! помилюте, что вы сказали! подхватилъ долгоязыкій господинъ въ золотыхъ очкахъ, который привезъ съ собой № Вѣдомостей.

— Да вѣдь онъ не назвалъ города-то, что же вы на свой счетъ принимаете?... продолжалъ морякъ.

— Еще бы!.. Кого вы защищаете, Леонидъ Петровичъ? горячился Колобродинъ.

— Онъ же защищаетъ его! Стыдно вамъ, Леонидъ Петровичъ... Павелъ Дмитріевичъ, онъ защищаетъ обличителя! Константинъ Александрычъ, онъ защищаетъ! Федоръ Иванычъ, посмотрите — онъ защищаетъ!.. — подхватилъ господинъ въ золотыхъ очкахъ, видимо ухаживающій и за Колобродинычъ, и за Павломъ Дмитричемъ, и за Константиномъ Александрычемъ

— Вы защищаете?! признаюсь, я этого не ожидалъ!

— Защищаетъ негодяя, дрянъ какую-то!

— Славно! отличились вы, молодой человекъ!

— Помилуйте, господа, я вовсе не защищаю... что мнѣ за дѣло, и я рѣшительно не могу догадаться, кто и писалъ это... Съ чего-же мнѣ защищать, чортъ знаетъ, кого... — отговаривался морякъ, видя, что на него наступаютъ цѣлая арава обиженныхъ и оскорбленныхъ.

— Что такое, что такое? — говорятъ новыя лица, пріѣхавшія въ клубъ, прерывая такимъ образомъ нападеніе на моряка.

— Статейка любопытная, Михайло Петровичъ! Любопытная статейка, Василій Алексѣевичъ! — спѣшить всѣмъ подслужиться господицъ въ золотыхъ очкахъ.

— Какая тамъ статейка, что за чертовщину Дьяконовъ городить?.. бормочетъ Михаилъ Петровичъ, представитель губернской медицины, посящій кличку: «старая лопата...»

Господинъ въ золотыхъ очкахъ, хотя и слышалъ такое немобезиде выраженіе о своей особѣ, ибо онъ-то и былъ Дьяконовъ, но продолжалъ свои услуги каждому вновь пріѣхавшему значительному лицу.

— Да что, батюшка, нашъ городъ, наше общество, особенно нашъ кружокъ, въ газетахъ распечатами на обѣ корки... все гласность эта, новые порядки... шамкалъ Колобродинъ: молокососы хотятъ стариковъ учить! шваль какая нибудь на дворянское достоинство покушается!...

— Унижены мы нынѣ такъ, что ложись, да умирай!... къ тому идутъ всѣ эти перевороты!

— Да что такое напечатано-то? неужели такъ-таки и городъ названъ?

— Пока не названъ, — а погодите — и до того дойдетъ, — назовутъ, пальцемъ тыкать будутъ... порядокъ разрушается, распушечность какая-то...

— Гдѣ же, гдѣ? какъ-бы прочитатъ?

— Дайте, я вамъ прочитаю. Вызвалась благообразная дѣвица. Оговорился, что клубъ, въ которомъ происходило дѣло, украсался и понынѣ украшается присутствіемъ женщинъ. Время было великопостное, и на сей разъ число субъектовъ прекраснаго пола ограничивалось пятью-шестью; но и эти пять-шесть экземпляровъ наговорили разныхъ вещей, неприятныхъ для слуха обличителя, многое множество.

Началось чтеніе, — и публика призатихла.

— Я бы этого мерзавца, этого писаку, за пять верстъ ни къ какому городу не подпустилъ! — рѣшительно произнесъ толстый почтмейстеръ басомъ, и пошелъ, переваливаясь, какъ зажирѣвшій дворовый гусь, къ ломберному столу.

— Этого нельзя, Ѳедоръ Ивановичъ, а въ общество пускать точно не слѣдуетъ.... отвѣчалъ помѣщикъ винокуръ.

— Кой чертъ, нельзя! вы это говорите, что нельзя, потому что не смыслите. А я говорю, что можно... пробурчалъ, оборотаясь, почтмейстеръ: онъ безъ того часу пробывать не могъ, чтобы не нагрубить комунибудь.

Опять шумъ, гвалтъ... Молчавшій до сихъ поръ, предсѣдатель палаты, Деревяшкинъ вдругъ заговорилъ своимъ монотоннымъ голосомъ, ни къ кому не обращаясь и туло уперевъ глаза въ стѣну: «Не стоить вниманія обращать, все это одни глупости. Это пишутъ люди, которые ни на какое дѣло не годятся; посадите ихъ, всѣхъ этихъ писателей, въ помощники столоначальника, — ни одной порядочной бумаги не напишутъ... Посадите любого въ помощники столоначальника — ни одинъ изъ нихъ, формально вамъ говорю, рапортъ въ Правительствующій сенатъ не напишетъ...

— Однако, Павелъ Дмитричъ, вмѣшался Колобродинъ, — есть хорошие писатели, напримѣръ Зотовъ—Леонида написалъ...

— Да, да, есть хорошие, поддерживалъ Дьяконовъ.

— Говорю вамъ, посадите любого, хоть, раз-Зотева, ни одинъ порядочной бумаги не сочинитъ, ни одной статьи изъ свода не подбереть...

— Однако въ университетахъ...

— Да, въ университетахъ и лицахъ...

— Не подбереть. Университеты и лица всякіе — вздоръ все,



мая канцелярія въ тысячу кратъ лучше университета всякаго. Главная дѣло: практика, опытъ...

— Однако...

— Но...

— Безъ практики... Словомъ, изъ фистулы предсѣдателя, упорно устремившаго глаза въ стѣну, текла и текла неудержимымъ потокомъ его обычная деревянная рѣчь, остановить которую могли, какъ пожаръ въ сѣверныхъ лѣсахъ или тропическихъ степяхъ, одни только физическія явленія: надо было или улизнуть отъ него или зажать ему ротъ. Собесѣдникъ предсѣдателя такъ и сдѣлалъ, — ротъ-то ему не зажалъ, а благоразумно ретировался. Деревяшкинъ продолжалъ было свое дѣло, имѣя въ виду Дьяконова, потому что качества и доброты въ слушателяхъ не разбиралъ: кто нибудь, да слушалъ-бы, и онъ работалъ языкомъ, какъ заведенная машина. Но и Дьяконовъ улизнулъ.

Разлютовавшіеся звѣри стали похаживать около нашего мальчика и смотрѣли на него такими плотоядными глазами, словно съѣсть хотѣли. Онъ въ своей обличительной статейкѣ рѣзко отзывался о всемъ обществѣ, выставляя пять-шесть фактовъ, свидѣтельствовавшихъ о безсиліи и ничтожествѣ всего, такъ называемаго, высшаго губернскаго общества, а въ частности компрометирующаго нѣкоторыя личности, милая всему обществу, и оканчивалъ трагическимъ и свѣжимъ еще въ то время восклицаніемъ: свѣту намъ, свѣту, какъ можно больше свѣту!»!

— Какая нибудь сволочь смѣетъ этакія пули отливать! кричали губернскіе тузы.

— Свѣту ему мало! экой просвѣтитель явился!

— Негодай!

Такия рѣчи раздавались отвсюду. Обличитель сдѣлалъ, какъ на иголкахъ: и въ споръ-то ему вступитъ хотѣлось бы, и брашню-то на брань забирала охота отвѣтить, и страшно становилось: ему все грезилось, что тузы придутъ въ подный экстазъ, да побьютъ его. Обуянный этимъ страхомъ, онъ ускользнулъ изъ клуба незамѣтно и удрагъ домой.

Онъ заснулъ безпокойно. А въ городѣ поднялась тревога. Никто не сомнѣвался въ имени автора: ужъ таковъ климатъ нашей мѣстности, что тайнъ въ ней не существуетъ и не можетъ существовать: пронизательность необычайная...

Вице-губернаторъ и военный штабъ-офицеръ Дурманъ, оба сильно задѣтые статейкой обличителя, потребовали къ себѣ отца его. Выразивъ уваженіе къ отцу, они послали на сына грома и молніи. Мейеръ только что изъ Петербурга пріѣхалъ и хвасталъ своею короткостью съ министрами.

— Мнѣ только слово стоило сказать министру, его-бы въ порошокъ истерли... кричалъ онъ: вѣдь это уголовное преступленіе, — за это его въ Сибирь надо упрятать!...

— На Кавказъ! — аккомпанировалъ Дурманъ, бедальнѣйшій господинъ, слывшій за добраго человѣка, именовавшій себя солдатомъ.

— Это неуваженіе къ предрержающимъ властямъ, наконецъ неуваженіе къ правительству...

— Это прямо преступленіе противъ перваго пункта... аккомпанировалъ Дурманъ: я долженъ, я обязанъ донести по начальству...

— Вы сами, какъ отецъ, должны хлопотать, чтобы его выслали къ зырянамъ куда нибудь... продолжалъ Мейеръ.

— На Кавказъ, всего лучше на Кавказъ... поддакивалъ Дурманъ.

— Да, помилуйте, Иванъ Ивановичъ, это, вѣроятно, не онъ... онъ сказалъ бы мнѣ... я остановилъ бы его... я не думаю, чтобы это онъ, — трепещущимъ голосомъ отвѣчалъ отецъ; на немъ лица не было, голосъ его охрипъ, глаза посоловѣли.

— Какъ не онъ... Я знаю... Онъ самъ мнѣ сказалъ тогда: я васъ распечатаю. Да, жаль, что вы не остановили: онъ можетъ этимъ и вамъ навредить... не знаю, какъ начальство на это посмотритъ. Я, съ своей стороны, протявъ васъ ничего не имѣю...

— Да, мы васъ вполне уважаемъ... аккомпанировалъ Дурманъ.

— Вполнѣ, вполнѣ... но какъ начальство посмотреть...

— Вѣрьте, Иванъ Ивановичъ, что я употреблялъ тогда все мое родительское вліяніе... Конечно, онъ на своихъ ногахъ... но я полагаю, что онъ сказалъ бы мнѣ.. Я старался тогда же внушить ему....

— Нѣтъ, ужь вы сами хлопочите, чтобы его выселить, — онъ здѣсь вреденъ съ этими идеями...

— Да, вреденъ, вреденъ... аккомпанировалъ Дурманъ.

— Онъ, видимо, испорченный, развращенный молодой человѣкъ, жолчнаго характера... Вѣдь это развратъ, Антонъ Ивановичъ?

— Развратъ, чистый развратъ! совершенный развратъ, Иванъ Ивановичъ.

— Молодость, Иванъ Ивановичъ, молодость, глупость... шепталъ бѣднѣйшій отецъ, который, наслушавшись этихъ ужасовъ, этихъ гиперболическихъ угрозъ, вовсе растерялся и вѣрилъ каждому слову расходившихся губернскихъ тузовъ.

— Конечно, молодость и глупость... но во всякомъ случаѣ правительство не можетъ потерпѣть этого...

— Мы тоже молоды были, мы боялись и перо-то въ руки взять...

— Почему не писать? писать можно... но бросать камнемъ въ предрѣжщія власти—этого нельзя допустить... Отъ этого государства падали...

— Конечно... вотъ, напримѣръ, Вольтеръ... ну и другіе, усердно аккомпанировалъ Дурманъ.

Общество отреклось отъ нашего обличителя, прокляло и мысленно распинало его. За то онъ стяжалъ себѣ громкую извѣстность не только въ городѣ, но даже въ губерніи. Тѣ, въ чьихъ глазахъ прежде онъ былъ личностью безъ имени и фамиліи, теперь узнали очень твердо и то, и другое: Дамы наводили лорнеты и съ любопытствомъ останавливали на немъ свои взоры, для которыхъ прежде онъ почти не существовалъ. Мужчины, встрѣчаясь съ нимъ, считали обязанностью довольно громко обругать, какъ будто между собой, не обращаясь прямо къ нему. Многіе и боялись: чортъ возьми, какъ вздумаетъ расписать, неприятная будетъ исторія! Особенно боялись тѣ, за кѣмъ водились грѣшки, самими грѣховодниками сознаваемые. Но что ожидаемо нашего обличителя дома?

— Посрамилъ ты меня... яму мнѣ хочешь своими руками вырыть... Знать тебя не хочу, не сынъ ты мнѣ, коли на своего отца руку поднялъ... говорилъ ему отецъ.

Мать плакала:

— Что ты надѣлалъ, безсовѣстный! тому ли васъ учили въ родительскомъ домѣ... Смотри, до чего отца-то довелъ, — на десять лѣтъ состарилъ!.. говорила она.

— Благодарности въ васъ пѣть... Срамишь только меня, неприятности дѣлаешь, въ гробъ свести хочешь... кусокъ хлѣба изъ-за тебя отнять...

— Какой-же тутъ срамъ... И мнѣ никакого срама нѣтъ, потому что я ничего не навралъ, писалъ правду, — а до васъ это вовсе не

касается: я на своих ногахъ, самъ отвѣчаю за свои поступки... твердо и сильно отвѣчалъ мальчикъ.

— Самъ!.. Еще ты поспорь... Умничать задумалъ! Мы глупѣ тебя, что-ли?... Коли умничать хочешь, такъ убирайся вонъ — и на глаза мнѣ не суйся!..

— И уберусь, если такъ.

— Такъ убирайся-же!..

По лицу мальчика покатались слезы: какъ ни громка была его губернская слава, она доставалась ему дорого.

— Молчи ужъ лучше, молчи... не раздражай отца-то... упимала его мать.

— Нечего мнѣ больше дѣлать, если даже отецъ родной отступается отъ меня, точно я преступленіе сдѣлалъ, что правду сказалъ...

— А ты думаешь хорошее дѣло?.. все это пустяки — гласность эта... Старшихъ переучить вздумали... Не нами сказано, что яйца курицу не учатъ...

— Охъ, Ваня, Ваня, — молодежь ты еще, — покаешься послѣ, что родительскаго совѣта не слушался:.. говорила мать смягчающимъ тономъ, и разговоръ въ самомъ дѣлѣ смягчился.

— Да, признаться, мы не такъ росли, не такіе въ молодости были... а все отъ чего?.. вздоромъ головы не набивали, а больше дѣла дѣлали. Какъ приходилось своимъ горбомъ, спины не разгибая, копѣйку зарабатывать, такъ и привыкали старшихъ-то уважать; шное бы и не понравилось: ничего, снесешь, да помалчиваешь, оно и хорошо выходило...

— Отчего было не посовѣтоваться, — дуракъ что ли у васъ отецъ: слава богу, другіе за совѣтомъ обращаются, — а тутъ сынъ родной — на-ка умнигъ какой, давай все, по своему, тайно, секретно...

Мало по малу разговоръ смягчился и окончился рѣшеніемъ — не сознаваться и впередъ быть умнѣе: авось — либо и пронесетъ! А обличитель, одержимый коварнымъ бѣсомъ, думалъ свое: «однако надѣлалъ я передраги! будутъ помнить!»

Дѣйствительно, весь городъ въ продолженіи мѣсяца только и говорилъ о нашемъ героѣ. Какъ ни ругали его, а все-таки большинство смотрѣло на него, какъ на личность передовую и притомъ такую, которой надо побаиваться. Да не всѣ же и ругали. Напротивъ, съ каждымъ днемъ у него являлись сторонники и сочувствующіе. У насъ любятъ скандалы, а такой скандалъ былъ новостью весьма за-

нимательнаго свойства. Притомъ у каждаго губернскаго туза, короля и валета, — у каждой пиковой, трефовоѣ, червонной и бубновой дамы — есть свои враги, а врагамъ хотѣлось-бы насолить, — какъ-же? чѣмъ? обличить нельзя-ли?.. И вотъ къ обличителю стали стекаться разнообразныя матеріалы для обличеній, исторіи самаго разнокалибернаго свойства, такъ что онъ могъ-бы изучить частныя и служебныя отношенія всѣхъ жителей города.

Мальчикъ пользовался сообщаемыми ему матеріалами по своему благоусмотрѣнію; но дальнѣйшая дѣятельность юнаго обличителя не интересуетъ насъ, такъ какъ главный герой нашего повѣствованія не онъ, а бѣсъ, временно въ немъ поселившійся. Таково было первое вторженіе бѣса въ нашъ городъ. Но неужели же мы такъ и бросимъ нашего «мальчика», ни слова не сказавъ о дальнѣйшей судьбѣ его? Нѣтъ, это было бы жестоко. Бѣсъ, похождения котораго мы взялись изобразить въ нашихъ отрывочныхъ очеркахъ, скоро оставилъ ничтожныя тѣлеса учителяшки, впрочемъ, не безъ нѣкотораго поврежденія. Послѣдней отрывкой его навожденій было стихописаніе, сочиненное «мальчикомъ» въ минуту душевной тревоги. Это стихописаніе мы приводимъ цѣликомъ — не ради его достоинства, а просто, дабы оказать послѣднее вниманіе къ этой жертвѣ бѣсовскихъ проказъ:

Когда любви горячей слово  
Уже срывалось съ языка,  
Тогда я встрѣтилъ взглядъ суровый,  
Охолодѣвшій бѣдняка...

Увы! съ моею долей скромной,  
При входѣ въ этотъ шумный свѣтъ,  
Купить на счастье билетъ  
Мнѣ было не на что въ пріёмной!

Когда я правды непреложной  
Слова свободныя сказать,  
Мнѣ благодѣтель мой вельможный  
На двери молча указалъ...

Увы! мнѣ не даны права,  
Чтобъ, вѣчно съющія баклаши,  
Превосходительныя уши  
Мои уважали слова!

Когда я скорби благородной  
Невольно слово произнесъ, —

Смѣясь, стожанъ воды колодной:  
 Пріятель, дуншій мнѣ поднесъ,  
 Увы! къ чему, моръ, тебѣ?  
 Когда довольны, всѣ соборъ  
 И окружающей средою,  
 Что значать вопли бѣдняка!

Святое слово обличенья!  
 Когда злой духъ меня объялъ,  
 Книжа враждой, во имя мщенія,  
 Тебя, на помощь я, призывалъ!  
 Но, агоніамъ свой потѣшая,  
 Не съѣдалъ подлѣзы я перомъ:  
 То былъ не страшный людямъ громъ,  
 А погремушка лишь пустая.

Не правда-ли, что въ стихахъ этихъ, шероховатыхъ, напищен-  
 ныхъ стихахъ, содержится весьма удовлетворительная эпитафія об-  
 личителямъ и обличеніямъ нашихъ газетъ и журналовъ очень не-  
 давняго времени?

### III

БЪСЪ ХОЗЯЙНИЧАЕТЪ ВЪ НАШЕМЪ ГОРОДѢ, КАКЪ ДОМА.

«Сядина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.»

Особенное свойство этого бѣса заключается въ томъ, что онъ, по-  
 добно нѣкоторымъ инфузоріямъ, можетъ быть раздѣляемъ на множе-  
 ство частей, изъ которыхъ каждая живетъ своей отдѣльной жизнью,  
 какъ особень. Это, чрезвычайно вредоносное въ такомъ коварномъ су-  
 ществѣ, свойство обнаружилъ бѣсъ и во время его кратковременнаго  
 пребыванія въ нашемъ городѣ. Не прошло года, послѣ перваго появ-  
 ленія его въ образѣ «мальчика», какъ онъ, покинувъ столь ничтож-  
 ное обиталище, раздѣлился на сотни частей, изъ которыхъ каждая  
 нашла себѣ совершенно удобное и покойное помѣщеніе во внутрен-  
 ностяхъ — помѣщика, отставнаго или служащаго чиновника промотавшагося фата, красивой или неграсивой барыни, даже бывшаго

«спалченца... Помѣщени о гуманности и эгоистическихъ требованій, о трудѣ и — ужасъ! — о равенствѣ заговорили. Чиновники снисхо привязались къ гласности и литературѣ. Барыни на благотворительность налегли. Конечно, это не мѣшало во всемъ дѣянціямъ идти своимъ обычнымъ порядкомъ: такъ и должно быть въ благоустроенномъ обществѣ — слова словами, а дѣло дѣломъ. Въ какой нибудь годъ, въ нашемъ городѣ выросло сто тридцать три бароды съ половиной на такихъ подбородкахъ, которые годъ тому назадъ имѣли самую нѣжную симпатію въ бритвѣ. Половиной мы называемъ тотъ сивый влочекъ, который появился и по-днесъ благополучно болтается на подбородкѣ виноккура и помѣщика Левкина. Цирульники плакали и проглатывали мужицкую моду.

— Для чего вы, багюша, эту трясучку-то завели? говорилъ цирульничъ Петръ Андреевъ Левкину, когда тотъ заходилъ къ нему подстричься: барское-ли это дѣло съ мужиковъ манеру перенимать?

— Надо, братъ, съ нихъ перенимать, — они умнѣе и полезнѣе насъ; — они труженики, а мы небо коптели до сихъ поръ... глубокомысленно отозвался Левкинъ: онъ засѣдалъ въ такъ называемомъ крестьянскомъ комитетѣ и считалъ самымъ отчаяннымъ врагомъ крѣпостнаго права.

— Диговина! — отвѣчалъ Петръ Андреевъ, вздыхая.

Появились шляпы и вообще костюмы самыхъ либеральныхъ формъ. Левкинъ ходилъ въ какомъ-то плащѣ и шляпѣ à la мужикъ. Генераль Тугоуховъ оделся въ штатскій костюмъ и пересталъ носить даже брюки съ лампасами. Чиновники къ форменнымъ фракамъ понашили сѣрыя брюки. Послышались рѣчи, совершенно несвойственныя характерамъ и дѣянціямъ говорившихъ лицъ. Въ клубахъ, въ собраніяхъ начались разные толки; на обѣдахъ неестественные тосты и спичи. Все это отличалось полной искренностью, ибо никто не признавалъ въ себѣ присутствія бѣса, никто не догадывался, что и бароды, и спичи, и тосты — просто на просто продѣлки бѣса, а отнюдь не есть вещественное выраженіе невещественныхъ идей и убѣжденій. Бани-бузукъ Колебродинъ, побывавъ въ Петербургѣ, возвратился отсюда тоже либераломъ...

— Да и, въ самомъ дѣлѣ, говорить онъ жентъ, вѣдь мы небо-то копчимъ, на чужой счетъ живемъ, да убиваемъ себѣ время за картами. Отъ того у насъ и застой такой во всемъ: ни промышленности, ни суда порядочнаго, ни торговли. Вотъ хоть у насъ дѣти:

дочери только о танцахъ, да о нарядахъ думаютъ, ну, старшій хотъ въ военной службѣ потеръ ляжку, а Алексѣй? что изъ него будетъ—лѣнтяй, тунеядецъ; изъ гимназій исключили; слова путнаго сказать, не то что написать, не умѣеть... Вотъ эдакіе-то шалопаи и трактуютъ, что это дескать экспроприация... а какая тутъ экспроприация? никакой экспроприации нѣтъ!

— Что это за экспроприация, другъ мой, я что-то въ толкъ не возьму.

— Экспроприация—это новое слово такое.

— Да что оно значить-то?

— Что значить-то?.. какъ бы тебѣ сказать. Вѣдь вотъ понимать понимаю, а не умѣю объяснить. А все отъ того, что университета не кончилъ. Будь я моложе—непрѣменно бы въ университетъ.

— Что за пустяки ты говоришь... Полковнику отставному въ школу поступать: еще выпорять на смѣхъ...

— Полковнику! Эка не видаль! Въ Петербургѣ, говорятъ, генералы въ аудиторіи собираются. Для нихъ и столъ особый, генеральскій, устроенъ... Самъ не видаль, а говорятъ. Ты думаешь, университетъ—школа... Совсѣмъ нѣтъ: просто большая зала, сберутся, послушаютъ, сколько кто' хочетъ—и пошли, а въ головѣ ума ужъ и прибыло.

— Вотъ бы Алешу-то намъ туда отправить... Учить уроки онъ лѣнливъ, а послушать иной разъ и зашелъ бы. Можетъ, и поумнѣетъ...

— Какъ не поумнѣть! Эхъ, мать моя, въ Питерѣ и воздухъ-то совсѣмъ другой. Ну, и люди иные. Въ такой кружокъ можно его втолкнуть, гдѣ и безъ книгъ разовьется, всему выучится. Вѣдь вотъ я, побывалъ между умными, развитыми людьми,—все во мнѣ ожило, перестроилось, былъ дикарь какой-то, а сталъ человѣкомъ съ новыми этими взглядами, ну, и все такое, — чувствую, что не тотъ человѣкъ. Я вѣдь ужъ старикъ, а не отсталъ отъ вѣка: на смѣхъ меня не подымутъ,—нѣтъ!

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ слышится ярый крикъ: «вотъ я тебя, каналья! такъ оттаскаю, что ни одного волоса на головѣ не оставлю... Погоди еще—не на волѣ и изъ рукавицы моей не вырвешься...»

Колобродинъ смущается и головой мотаеть.

— Что это нашъ севастополецъ-то расходился... Ну то ли время теперь,—вѣкъ гуманности, а онъ...

— Петруша, а Петруша!



Въ комнату входитъ севастопольецъ — старшій сынъ Колобродина, офицеръ красивый и ловкій.

— Брось его: звѣрь вѣдь это. Пойдемъ въ кабинетъ, мнѣ съ тобой о братѣ Алексѣѣ поговорить надо: умъ хорошо, а два лучше.

Въ кабинетѣ «юный либераль», украшенный сѣдиною, повелъ такую рѣчь.

— Оставить надо это, братецъ ты мой, — не годится, время не то. Засмѣютъ, если прослышать. Знаешь, у насъ тоже водятся писатели: помнишь этотъ учитель, какъ бишь его?.. Не въ лѣсу живемъ. Мы должны сближаться съ народомъ, благо еще есть возможность. Экономическій интересъ — самый лучший случай къ сближенію.

— Да что съ ними церемониться-то, папенька, чортъ ихъ возьми, на послѣдкахъ-то и потѣшиться.

— Экой ты какой, понять меня не хочешь: рабочая сила, братецъ ты мой, — понимаешь? безъ этой силы что ты подѣлаешь? Надо стараться обуздать ее проткими мѣрами, да на свою сторону склонить, — а тамъ ужъ садись на нее верхомъ, да и потъжай... Возбудить противъ себя, разъединиться — не расчетъ.

— Какіе тамъ расчеты, когда собственность отнимаютъ.

— Э, братъ, да ты — я вижу — тоже считаешь это экспроприацией, — нѣтъ! стой! я тебѣ докажу фактически, юридически, исторически и экономически...

— Никакой я экспроприации не знаю, а потакать всякому хаму не намѣренъ.

— Опять свое! Съ тобой, какъ съ Павломъ Дмитричемъ Деревяшкнымъ, не согласишься: тотъ упрется на своемъ; — завели машину — пошла писать, и слушать ничего не хочетъ.

— Однако онъ предсѣдателемъ третье трехлѣтіе служить.

— Эка диковина! наши выборы — извѣстное дѣло, — тутъ о головѣ не спрашиваютъ. У насъ-то онъ только и слыветъ Солономъ какимъ-то.

— Это М-ше Мейеръ его Соломонъ прозвала, — да вѣдь и вы безъ клички у нея не останетесь...

— Не Соломонъ, другъ мой, — а Соломонъ: Соломонъ — это былъ иудейскій король, а Солонъ въ Греціи, въ Константинополѣ законы сочинялъ. Это его въ насмѣшку М-ше Мейеръ прозвала. Здѣсь точно считали его законовѣдомъ, а какой онъ законовѣдъ — долбашка больше ничего. Въ Петербургѣ онъ у всѣхъ на смѣху былъ: на-

рочно заведутъ разговоръ, втянуть его—онъ и пошелъ свое: такая-то статья Свода прямо говорить, что потомственный дворянинъ имѣеть право—и такъ далѣе. Сводъ для него альфа и омега. А тѣ-то покатываются—хохочутъ. Каждый разъ это повторялось.

— Нашли кого въ Петербургъ посылать, — не видали тамъ такихъ чушекъ.

— Я съ тобой согласенъ: ретроградъ онъ въ высшей степени...

— Какъ это ретроградъ?

— То есть отсталый человѣкъ, несовременный...

Разговоръ прерывается появленіемъ новаго лица — одной изъ дочекъ «юнаго либерала», бойкой губернской барышни, которую молодѣжь между собой именovala *Шашенькой*.

— Что, дружокъ?—спрашиваетъ отецъ.

— Я не помѣшала вамъ, папочка...

— Конечно нѣтъ. Присядь-ка къ намъ—потолкуемъ всѣ вѣстѣ. Я вотъ севастопольцу-то нашему рассказывалъ, какъ мы съ этимъ крестьянскимъ дѣломъ возились.

— А я къ вамъ съ просьбой, панаша,—познакомьтесь, пожалуйста, съ Неморшанскимъ,—онъ читаетъ лекціи у М-ме Мейеръ: пусть у насъ тоже лекцію прочитаетъ.

— Лекціи! браво! отлично! ай да М-ме Мейеръ! образованная, умная женщина!

— Только какая она насмѣшница, папочка,—бѣда! ее всѣ боятся, какъ огня...

— Отъ того, что умна—всѣ дуры и боятся.

— Развѣ всѣ, кромѣ нея, дуры... это обидно, папаша.

— Всѣ наши барыни—дуры, а что изъ васъ, дѣвокъ, будетъ—посмотримъ. Учились-бы уму-разуму у М-ме Мейеръ.

— А вѣдь она добрая, даромъ что насмѣшница: въ острогъ сама ходить, несчастныхъ утѣшаетъ; говорить деньги палачу тихонько даетъ, чтобы преступниковъ легче наказывалъ. Сколько бѣднымъ помогаетъ: сама ѣздитъ, тихонько тоже, — все это посмотреть, кому чего не достаётъ, кто какъ живетъ—и помогаетъ.

— Прекрасная женщина!

— Благотворительное общество хочетъ устроить,—и меня въ члены зоветъ...

— За чѣмъ же дѣло? не надо, дружокъ, отъ другихъ отставать. Жаль, что сами мы раньше не догадались,—предупредить надо бы-

мо, опередить. *Инициативы* въ вась, нѣтъ (Колобродинъ никакъ не могъ справиться со словомъ инициатива: экспроприация ему хоть съ трудомъ, да далась, а побѣдить инициативы онъ никакъ не могъ).

— Да вѣдь прежде объ этомъ не думали, папочка, моды этой не было,—ну, и въ голову не пришло. Лекціи тоже—новая мода, да и съ Неморшанскимъ мы не знакомы, а М-ше Мейеръ съ нимъ дружна. Знаете, папочка, за эти лекціи и деньги платять—по полтиннику—эти деньги пойдутъ въ пользу бѣдныхъ учащихся.

— Умно, очень умно. Главное современно, прогрессивно, — ну, и умно.

Читатель видитъ, что въ семействѣ Колобродиныхъ бѣсъ поселился прочно, и хозяйничалъ, какъ дома. Какъ-же намъ, занимаясь исторіей замысловатыхъ похожденій коварнаго духа, не познакомиться съ этой семьей, видимо одержимой имъ въ сильной степени? Нѣтъ, мы не оставимъ г-на Колобродина, пока не раскусимъ его вполнѣ.

— Я непременно познакомлюсь съ Неморшанскимъ, продолжалъ «юный либералъ», — и лекцію устрою, пусть о крѣпостномъ правѣ что нибудь пречитаеть.

— Да онъ, папаша, у М-ше Мейеръ не о крѣпостномъ правѣ читаетъ, а о томъ, какъ земля образовалась...

— Все равно,—значить и о крѣпостномъ правѣ можетъ. Слава богу, что нынѣ и въ нашей глуши просвѣщеніе появляется. Что ты, Петруша, съ учителями гимназій не познакомишься: мнѣ въ Петербургѣ нѣкоторыхъ очень хвалили,—ну, и съ этимъ, обличителемъ-то, какъ бишь его?.. надо полагать, что человекъ онъ съ современными взглядами,—тогда всѣ накинулись на него. А я и тогда защищалъ его: надо обличать зло, лѣность, невѣжество.

Но Петруши уже не было въ кабинетѣ, а потому Колобродинъ рѣчь свою обратилъ къ Шашенькѣ: «да, другъ мой, надо и вамъ, дѣвкамъ, больше чтеніемъ заниматься, да съ умными людьми обличаться. Что вы цѣлый-то день дѣлаете? Вслухъ бы читали. Женщины могутъ имѣть сильное вліяніе на развитіе общества. Заставили-бы Ольгу вслухъ читать,—что она даромъ хлѣбъ ѣсть,—выкормили, выпояли, воспитали чужую дѣвчонку,—пусть заплатитъ, чѣмъ можетъ. Пусть въ труду приучается. Иди-ка съ богомъ,—мнѣ вотъ заняться надо—проектъ земскихъ банковъ прочитатъ: предводитель просилъ замѣчанія сдѣлать. Самъ-то ни уха, ни рыла не разумѣеть,—на другихъ хочетъ выѣхать».

Оставшись одинъ, «юный либераль» дѣйствительно принялся за проектъ земскихъ банковъ, въ то время остановившихъ на себѣ всѣ надежды помѣщиковъ, теперь забытый, какъ у насъ забывается все. Но на первой же страницѣ Колобродина одолѣла дремота. Онъ такъ-бы и уснулъ, увидѣвъ хоть во снѣ осуществленіе земскаго банка — конечно въ формѣ странной, неестественной, фантастической, сообразной съ бѣсовщиной, засѣдавшей въ челоуѣкѣ, если бы въ кабинетъ не вошла Софья Ивановна. Эта высокая, дородная и некрасивая дама, купческаго происхожденія, по случаю своего капитала, сдѣлалась супружницей Колобродина еще въ то время, когда онъ не былъ не только юнымъ либераломъ, но и баши-бузукомъ, а состоялъ просто юнымъ воиномъ одного изъ російскихъ полковъ. На сей разъ она имѣла на лицѣ какое-то таинственное выраженіе.

— Иванъ Николаичъ!...

— Что тебѣ, другъ мой? А я вотъ зачитался проекта земскихъ банковъ—дѣльно написанъ, а надо многое передѣлать, надо дать болѣе простору частной *иниціативѣ*...

— Брось ты эти глупости. Теперь не до нихъ. Вотъ въ домѣ-то у насъ неладно...

Что такое?

— Ольга. . чортъ тебя сунулъ взять чужую дѣвку на воспитаніе.

— Да что случилось-то? умерла что-ли, такъ похоронимъ.

— Умерла! хуже! У ней шуры муры съ Петромъ, — чтобы онъ да жениться не захотѣлъ. Она вѣдь дѣвка смазливенькая, да кокетничать выучилась, завлечетъ, пожалуй. Чего добраго до *того* дойдетъ—родные узнаютъ, такъ и заставятъ жениться. Я давно примѣчаю, что она себѣ на умѣ, плутовка. Благодарности-то отъ нихъ немного увидишь.

— Ахъ, она мерзкая! вѣтъ поди ты. .

— А у насъ свои дочери : забеременитъ, такъ хорошо-ли... Если замужъ выйдти не удастся, такъ нашимъ-то дочерямъ дорогу загородитъ и насъ осрамитъ.

— Гадкая! въ такое время, гдѣ бы трудиться, посвятить себя дѣлу какомунибудь,—развѣ ужъ у насъ женщинамъ вовсе закрытъ путь труда... Инициативы нѣтъ—и больше ничего.

— Опять понесъ свое... тутъ ужъ этими глупыми разсужденіями не поможешь. Что мы будемъ дѣлать-то?

— Что? прогнать ее, мерзавку, изъ дому вошь. То-то Петръ

частенько дома стать оставаться. Пороги же, я ихъ поймаю и раздѣлаюсь по-свойски...

— Ты безъ толку не горячись, можетъ быть еще до того и не дошло. Только предупредить надо. Ну, да я приму мѣры.

Хотя домашнее дѣло это и озаботило «юнаго либерала», но, полагаясь на распорядительность своей супруги, онъ продолжалъ разтѣзжать по городу, трактуя объ экспроприаціи и инициативѣ, да о проектѣ, который наводилъ на него отчаянную дремоту.

А между тѣмъ Софья Ивановна собиралась провести лѣто на своей загородной усадьбѣ; Петру не говорили ни слова, боясь раздражить храброго севастопольца и рѣшительнымъ объясненіемъ вызвать его на рѣшительный шагъ, ибо его планы относительно Ольги и смыслъ затѣянной имъ интрижки оставались для родителей пока покрытыми мракомъ неизвѣстности. И потому онъ былъ оставленъ въ городѣ ради компаніи для отца, и такимъ образомъ былъ разлученъ съ Ольгой.

Юный либераль, трактуя о трудѣ и тунеядствѣ нашихъ земскихъ владѣльцовъ тѣмъ не менѣе былъ душевно радъ остаться въ городѣ, предоставивъ женѣ наблюденіе за хозяйствомъ. «Я буду изрѣдка пріѣзжать къ вамъ съ Петромъ дня на два, на три: брошу общій взглядъ, дамъ нѣсколько совѣтовъ, а тамъ ужъ вы и ведите дѣло, какъ по писанному, говорилъ онъ: у меня и въ городѣ дѣла не мало: теперь преобразования да проенты разные требуютъ зрѣлаго обсужденія,—тутъ безъ насъ не обойдется, да и необходимо во все вмѣшиваться, инициативу принять, а то, пожалуй, наши простофили надѣлаютъ чепухи такой, что бѣда»... Шашенька и старшая ея сестра уѣхали съ матерью, но имъ были обѣщаны частые отпуска въ городъ для свиданія съ М-ше Мейеръ, и съ «умными людьми»: этихъ людей особаго калибра собственно еще онъ и не видалъ, но Колобродинъ обѣщалъ найти ихъ и ввести въ свой домъ, чтобы не отстать отъ М-ше Мейеръ, и вообще отъ современности.

Разъ, отдыхая въ деревнѣ отъ любезныхъ толкованій о любезныхъ матеріяхъ (экспроприаціи и проч.), поздно вечеромъ, Колобродинъ, сверхъ своего обыкновенія, по какому-то вдохновенію вышелъ пометать въ густой, запущенный садъ: обыкновенно же онъ мечталъ, сидя въ мягкихъ креслахъ или развалился на диванѣ.

Вечеръ выдался облачный, темный. Вѣялъ свѣжій вѣтерокъ, коростель гдѣ-то кричалъ, луна выглядывала... ну, и прочее все, какъ слѣдуетъ, такой тонъ носило, что наводило, или, какъ гова-

ривали поэты 20-х годовъ, питало сладкую задумчивость. Избравъ уединенную скамеечку въ тѣни деревьевъ, облокотясь на костыль и понуривъ голову, «юный либераль» призадумался — только на сей разъ не о проеѣтѣ, а просто на просто о своихъ дѣлннкахъ: жечталось ему мѣсто члена губернскаго присутствія и двѣ тысячи рублей за подписываніе журналовъ, а двѣ тысячи ему очень не мѣшали бы при настоящемъ стѣснительномъ положеніи и—главное — при перемѣнѣ обязательнаго труда на вольнонаемный: «Какъ тамъ ни толкуйте, думалось ему, а все-таки чистѣйшій убытокъ, — не могу я въ толкъ взять, съ какого чорта выдумали, что свободный трудъ производительнѣе обязательнаго, — да вѣдь за обязательный то я не платилъ, а за свободный плати, — значить и выходитъ чистый убытокъ. Не постигаю. Расходы уменьшить — и подумать нельзя, а доходы уменьшатся неминуемо, — пожалуй, въ результатѣ-то и окажется... какъ бишь его?... деоинчить, — да, да деоинчить!.. Двѣ-то-тысячки не мѣшали-бы, ужъ были бы кстати. Это — что?.. Ему послышался шопоть. Да, дѣйствительно шопоть!.. Кто это?.. Ба! Петръ и Ольга. Послушаемъ:

— Какъ тебѣ не грѣхъ, Пьеръ, такъ обижать меня? развѣ я преданная женщина, что-ли?.. Такъ-то ты меня любишь... говорилъ, женскій голось, заглушаемый рыданіями.

— Эге, да за Петра-то, кажется, нечего опасаться: малой-то просто шутить... подумалъ Колобродинъ, ухмыляясь.

— Я пошутилъ. О чемъ-же тутъ слезы проливать. Не бѣда, — шепталъ Пьеръ.

— Неужели ты смѣлся надо мной? грѣхъ тебѣ... я бѣдная дѣвушка... неужели ты притворялся...

— Что-же мнѣ прикажешь дѣлать? жениться, съ родными разо-рится, съ отцомъ, съ матерью... Если бы я былъ человѣкъ неза-висимый, свое состояніе имѣлъ...

— Я не заставляю тебя жениться... Только не обижай, не бро-сай меня... не дѣлай этихъ грязныхъ намекотъ.

— Что-жъ тутъ грязнаго. Я, напротивъ, хотѣлъ ободрить тебя: меня же будетъ, другой найдется...

— Ради бога, не повтѣрай этого... Я никакнхъ замѣнъ не кочу. Не это ты говорилъ мнѣ... тогда... помнишь... о Госноди, Госноди... что со мной будетъ?.. Она пуще заливалась слезами.

— Послушай, Ольга: перестань ревѣть: этими трагедіями ты ни-

чего не выиграешь. Пусть, по твоему, это грязно, а я еще разъ слажу: меня не будетъ, можешь рассчитывать на другаго. Въ души ты сама приняла ужъ это къ свѣденію, — жерестанъ же трагедію лопать.

— Онять! не говори этого, Бога ради. Знаешь-ли ты, что я беременна... нуужели ты и теперь рѣшишься обидѣть меня..

Сердце «юнаго либерала» валяпѣло; онъ не востерпѣлъ и вымогнулъ нѣтъ своей засады.

— Ты такъ-то, развратная дѣвочка! Такъ-то благодаришь своихъ благодѣтелей! дожь нашъ позорнишь, сѣтъ разставляешь... и востыль «юнаго либерала» принялся молотить по спинѣ, по плечамъ, по голѣвъ воспитанницы. Ольга вскрикнула и ушла въ траву.

— Молчите, папенька! перестаньте!

— Хорошо, братъ, и ты! пошегъ съ глазъ долой, — сегодня же въ городъ убирайся, — и носу своего не смѣй сюда показывать! — закричалъ Колоброднѣ.

Скандалъ произошелъ полный, блистательный.

На другой день въ домѣ происходило что-то таинственное. Петръ еще въ тотъ-же вечеръ былъ высланъ въ городъ: герой безъ всякихъ признаковъ душевной тревоги, поспивывая, сѣлъ въ таратасъ и ускакалъ, даже не повидавшись съ Ольгой. Барышнемъ утромъ отправляли куда-то въ гости: «наде, чтобы эти невинныя существа ничего не знали... пусть дыханіе разврата не насостоитъ ихъ!» порѣшили родители. Колоброднѣ и Софья Ивановна долго о чемъ-то совѣщались, и послѣдняя, какъ средоточіе распорядительной власти, куда-то посылала свою домашнюю женщину.

Ольга, бѣлая, блѣдная, утомленная, небитая либеральнымъ костюмомъ благодѣтеля, одна одиношенька лежала на неопрятной постелѣ въ отдаленной отъ дома банѣ, куда заблагорассудила сослать преступницу распорядительная власть. Красивое лице дѣвушки онало, поблѣднѣло, нудри перепутались, глаза блуждали безъ мысли, ну, какъ водится, какъ всегда бываетъ съ нашими барышнями въ таникъ кау-сахъ: дѣвушка советѣмъ окурѣла. Избалованная, невѣжественная, привыкшая къ беззаботной жизни губернской барышни, она была поставлена въ тупикъ этимъ неожиданнымъ переворотомъ, этой рѣзкой перемѣной декораций и советѣмъ потеряла голову. Глушенькая! она даже не понимала хорошенько, права или виновата она, тѣлеть ли надъ ней преступленіе, или душа ея чиста и невинна; ей просто было чего-то страшно, очень страшно, какъ ребенку, запертому въ темную комнату

глухой нянькой и совершенно непонимающему, за что и для чего онъ замереть. Безъ всякой определенной мысли ждала она рѣшенія своей участи и трепетала, тоже безъ всякой определенной мысли. Не желая никакимъ образомъ искусственно возбуждать въ читателѣ чувства жалости къ этой барышнѣ, мы безъ обиняковъ скажемъ: тряпка была эта дряблая дѣвица, и жизнь свою кончить она, какъ подобаетъ тряпкѣ. Вечеромъ, когда сумракъ подернулъ окрестность, когда тѣни сгустились въ углахъ почернѣвшей бани, на Ольгу палъ, что называется, папическій страхъ, она сунулась головой въ грязную подушку, даже не плакала. Въ это время легко было бы ее съ ума свести или убить, просто какамънибудь дикимъ крикомъ. Къ счастью скоро ее навѣстила Софья Ивановна. При скрипѣ двери Ольга еще плотнѣе прижалась къ подушкѣ.

— Что ты, Ольга?—спросила Софья Ивановна.

Тогда только дѣвушка подняла свою голову, схватила руку благодѣтельницы, осыпала ее поцѣлуями, хотя, разумѣется, сама не мовинкала, съ какой цѣлью это дѣлаетъ.

— Вотъ что, сударыня, сказала рѣзкимъ тономъ Софья Ивановна, ни мало не умиляясь нѣжнымъ порывомъ воспитанницы:—чтобы покрыть твой позоръ, одно средство—немедленно выйдти замужъ.

— Замужъ? Ольга широко открыла свои глаза, — ей не могло въ голову придти иное замужество, какъ за Петра. Глупенькая! способность понимать обстоятельства и соображать смыслъ и направленіе ихъ—въ ней была положительно не развита.

— Да, — за перваго жениха, какой подвернется. Это ты должна сдѣлать и для себя — вѣдь ты нищая, которой завтра же придется съ голоду умереть, если мы тебя выгонимъ; — и для насъ, хоть мы тебя и не учили развратничать, и примѣровъ такихъ у насъ въ домѣ не бывало. У насъ дочери взрослые. Мы тебя облагодѣтельствовали, поили, кормили, одѣвали, — чего это намъ стоило, — не такой благодарности отъ тебя ожидали...

Ольга пуще залилась слезами. У ней не было въ запасѣ никакого отвѣта, никакого возраженія.

— Ты росла у насъ, какъ барышня, работать не умѣешь, въ горничныя идти не захочется, — что будешь дѣлать, а оставить у себя мы тебя не можемъ послѣ такого позора. Да и кто возьметъ съ ребенкомъ...

Ольга молчала.



— У тебя былъ женихъ, — продолжала Софья Ивановна, — ты все капризничала, да привередничала. Теперь не до капризовъ: Сметанинъ возобновилъ свое предложеніе, — надо идти, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Мамаша, онъ такой противный, такой гадкій, пьяный...

— Мало чего нѣтъ... А ты что, развратница — и больше ничего, — слава Богу, что онъ тобой-то не пренебрегаетъ... Кто тебя возьметъ съ ребенкомъ-то?

Ольга закрыла лице руками.

— Нечего ужъ тутъ разбирать. Я ужъ распорядилась, чтобы все было готово: черезъ недѣлю свадьба должна быть...

Ольга болѣе не возражала. «Юный либераль» былъ уже въ городѣ въ то время, какъ рѣшалась судьба Ольги. Софья Ивановна скрутила дѣлце живо. Вѣчно пьяный подлекарь, проживающій при помѣщичьей больницѣ въ сосѣдствѣ съ деревней Колобродинныхъ, дѣйствительно изъявилъ готовность жениться на Ольгѣ: ему казались обольстительными двѣсти рублей, которые достались Ольгѣ отъ матери и хранились у Колобродинныхъ, да и на благостыню со стороны благодѣтелей онъ шибко рассчитывалъ. Роднымъ новѣстью было написано, что ей представилась хорошая партія, и потому она выходитъ замужъ за доктора, имѣющаго хорошее частное мѣсто, прося на бракъ родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго: «какъ же можно безъ родительскаго благословенія!» говорила Софья Ивановна, — «да я грѣха этого на душу не возьму... сохрани Богъ!..» Благословеніе получилось: родные Ольги жили въ уваженіи городѣ и поспѣшили удовлетворить желаніе благодѣтельницы.

Свадебку сыграли скромно, тихо, — и молодые уѣхали въ свое гнѣздо, гдѣ Ольгой овладѣла невыразимая тоска; да и было отъ чего тосковать: бѣдность, нужда, лишенія гнали въ ея забалованные очи, побой посыпались на ея нѣжное тѣло, одиночество томилъ ея пугливую душу.

— Знаешь, что Ольга-то надѣлала? шептала Шашенька своей старшей сестрѣ.

— Неужели и ты знаешь? спросила эта съ удивленіемъ, воображая Шашеньку глупымъ ребенкомъ, а себя опытной персоной, героиней романа, ожидающаго своего романиста.

— Еще бы нѣтъ. Это ты только меня какою-то дурой считаешь. У нея ребенокъ скоро будетъ. Отъ того она и корсетъ-то перестала носить. Я давно это, гораздо раньше тебя, знала...

— Какъ не раньше!..

— Мнѣ Дашка все рассказала.

— Эка, сквернавка! А я еще просила ее не сказывать тебѣ...  
Погоди же она у меня! я ей всѣ косы повиыдержаю.

— Это еще что значить? Мнѣ не сказывать? Я ужь не ребенокъ, а тебѣ стыдно и думать о такихъ вещахъ.

— Нисколько не стыдно. Это естественныя науки. Неморшанскій говоритъ, что естественныя науки необходимы для женщинъ, чтобы онѣ хорошими матерями были. Прошло то время, когда насъ можно было обманывать, что дѣти изъ ушка выходятъ. Я все знаю, потому что это необходимо и интересно, очень интересно...

— Дура ты, вотъ что... Смотри, чтобы Неморшанскій, объ естественныхъ-то наукахъ толкуя, твою...

— Ну, такъ что жъ? тебѣ, небось, завидно будетъ.

— Нечему завидовать, такъ же, какъ Ольгу, въ баню утащатъ, да еще одубасятъ.

— Я и Ольга большая разница: Ольга пріемынь, а я дочь, со мной такъ не станутъ обходиться, много, что побранять.

— Вотъ нобелтай ты это при чужихъ людяхъ, поднимуть тебя на смѣхъ.

Сестры: помогали.

Немного погодя, старшая опять заговорила: «а знаешь ты, Шапенька, чей это ребенокъ?»

— Ха-ха-ха! конечно Ольгинъ, а не твой.

— Ольгинъ-то, Ольгинъ, а еще-то чей?

— Не знаю. А ты?

— Я знаю, да не скажу.

— Голубчикъ, сестрица, душенька, я тебѣ, что хочешь, отдамъ, скажи, милая!

— Нельзя, не скажу.

— Не скажешь, ну такъ и не нужно, я сама узнаю. Погоди же, априпомню тебѣ... отомщу.

— Чѣмъ это?

— Чѣмъ бы то ни было, отомщу.

Пріездъ молодыхъ прерываетъ спору.

Колобродины приняли молодыхъ покровительственно, свысока, но ласково.

— Ты, братъ, пьянствовать-то перестань, говорилъ «люный либераль», похлопывая по плечу Сметанкина. А этотъ господинъ какъ-то неуклюже помѣстился на кончикѣ стула, безпрестанно подергивался и улыбался, изображая на своемъ обрюзгомъ лицѣ полное удовольствіе.

— Ты, Оленька, хозяйствомъ займись, да береги мужа-то, удерживай, женится—перемѣнится, говорила Софья Ивановна не столько ласковымъ, сколько выражающимъ полное самодовольствіе голосомъ. А Ольга такъ похудѣла въ эти дни, такъ много потеряла силъ, что казалась только призракомъ той красивой дѣвушки, которая прежде восхищала молодежь всего города.

Она глядѣла больной наканунѣ смерти, и мы, чтобы покончить съ этой жалкой героиней, ужъ теперь же сообщимъ читателю: черезъ полгода своего замужества она умерла, преждевременно выкинувъ ребенка отъ испуга, когда пьяный супругъ требовалъ у нея денегъ на вино, и грозился спустить ее внизъ головой изъ окна, а денегъ-то у нея даже на обѣдъ не доставало, а окно-то было высоко надъ землей, и выраженіе лица у супруга не предвѣщало ничего хорошаго.

— Какой скверный мужъ у нея! говорила сестра Шашенькѣ, собираясь къ М-ше Мейеръ, которая пригласила барышню на свой литературный вечеръ.

— Да, нельзя влюбиться...

— Неужели-же это она съ нимъ спитъ?..

— Какъ бы не съ нимъ! у нея губа-то не дура, даромъ, что пріемышъ, знаетъ, кого выбрать...

— Кто-жь это? изъ знакомыхъ.

— Даже очень короткихъ...

— Часто я его видѣла?

— Какъ нельзя чаще... каждый день.

— Ну, вздоръ...

— Ты сама цѣловалась съ нимъ...

Шашенька вспыхнула.

— Я цѣловалась? Я ни съ кѣмъ не цѣловалась, и надѣюсь, что Ольга не отбила-бы моего возлюбленнаго.

— А съ этимъ цѣловалась—при всѣхъ,—при немомъ и мамашѣ цѣловалась. Красна негодованія сошла съ невиннаго личика Шашеньки.

— Ахъ, знаю кто, — братецъ любезнѣйшій — надѣюсь, не Алексѣй Иванычъ?

— Больше ни слова не скажу.

— Теперь-то я все поняла, вотъ оно штуки-то какія! то-то его выслали куда-то... Онъ? Петръ?

— Больше ни слова не скажу. Часовъ въ пять Шашенька и «юный либераль» сѣли въ экипажъ и покатили въ городъ.

#### IV.

ВЪСЪ ВЪ ВЫСОКИХЪ ХОРОМАХЪ.

«Залетѣла ворона въ высокія хоромы».

Вернемся-нѣсколько назадъ.

Шибко лило съ крышъ. На страстной недѣлѣ сдѣлалось такъ тепло, что всѣ губернскіе франты облеклись въ легкія весеннія пальто, сбросивъ тяжелыя россомашыя шубы (россомашыя шубы — въ большой модѣ у насъ), а губернскія камелия поспѣшно нарядились въ бурнусы.

Въ четвергъ погода стояла совсѣмъ весенняя. Изъ Екатерининской церкви валила густая толпа, шурясь отъ яркаго солнечнаго свѣта. Въ этой разношерстной толпѣ особенно замѣтно выдавалась одна барыня, которой всѣ дорогу уступали, на которую всѣ съ особеннымъ почтеніемъ взирали. Не мудрено: эта барыня — жена вице-губернатора М-ше Мейеръ. Она женщина не первой молодости, маленькаго роста, худенькая, миниатюрная, живая и граціозная. По лицу видно, что она много жила, много испытала, много переживала. Цвѣтъ кожи утратилъ свѣжесть и нѣжность красокъ, — кое-гдѣ желтыя и синеватыя пятна оттѣняли его и придавали ему болѣзненный видъ; синегато-черные волосы не отличались густотой и пышностью, но особенную красоту этому лицу придавали глаза —

большіе, глубокіе, темныя глаза, въ которыхъ отражался живой умъ; взглядъ ихъ — спокойный, сосредоточенный вызывалъ невольную симпатію. М-ше Мейеръ была очень просто одѣта, въ бѣлое платье, безъ всякихъ украшеній, но съ такимъ утоньенъ, какому могла позавидовать любая столичная львица. У М-ше Мейеръ была *idée fixe*, подобная той, которая въ поэмѣ Неврасова «Саша» занимала и мучила героиню и Агарина:

Словно брала ихъ чужая кручина,  
Все разсуждали: какая причина  
Вотъ ужъ который теперича въкъ  
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человекъ

До сихъ поръ эта «чужая кручина» губернской сановницы ограничивалась однимъ размышленіемъ, что вотъ, дескать, мало на свѣтѣ счастья и довольства, много бѣдности и горя. Теперь въ ея головѣ сверкнула мысль: «помочь бы имъ, защитить бы ихъ!»

Эта мысль не давала покою М-ше Мейеръ. Ни воспитаніе, ни умственное развитіе не приготовили ее къ разрѣшенію такого вопроса, который теперь овладѣлъ ея впечатлительнымъ существомъ. Она никакъ не могла справиться съ одолевшею ее мыслию, а мысль все-таки не оставляла ее. Думала — и не знала, какъ взяться за дѣло, съ чего начать: «неумѣлая, неумѣлая, шептала она: что изъ меня сдѣлали!»

Наша сановница захворала, а напряженная мозговая работа все устремлялась на то же. «Посоветоваться бы съ кѣмънибудь? но съ кѣмъ? съ Лебединнымъ? съ Тугоуховымъ? съ Левкинымъ? — они исполнять все, чего я ни пожелаю, безъ возраженія, но посоветовать, придумать что-нибудь — на это ихъ не станетъ... Надо самой придумать...»

А свои опыты не удавались и оканчивались плачевными результатами. Замѣтила она, напримѣръ, бѣдное, но чиновное семейство, состоящее изъ вдовы-матери и четырехъ дочерей, лишненное всякихъ средствъ, но привыкшее къ доводству; она рѣшилась помочь. Въ именины дочери она сдѣлала именинницѣ подарокъ: портъ-моне съ нѣсколькими золотыми. На другой день мать семейства приходитъ къ ней: «Есть нечего»... А подарокъ мой?! «Именины вѣдь: надо было гостей пригласить, закусокку сдѣлать; десертъ, вино, музыка...»

— Развѣ такъ убавишь на свѣтѣ нужду и горе? развѣ такъ при-

бавишь въ міръ довольства и счастья? Притомъ одна, только своими средствами?..

Случилось ей доставить другому бѣдному семейству возможность радостно встрѣтить праздникъ. Но черезъ недѣлю этому семейству вѣсть было нечего. Много денегъ раздала она нищимъ и сама видѣла, какъ эти деньги уносились въ кабакъ. Многимъ бѣднымъ невестамъ помогла порядочно приданое приготовить и провести брачный день въ радостномъ созерцаніи красивыхъ платьевъ, приличной мебели, — но черезъ мѣсяць эти счастливицы убивались надъ тяжелой работой, которая плохо оплачивалась, или терпѣли побои мужей, неимѣющихъ возможности заимѣть денегъ достаточно для двухъ человѣкъ...

— Знаете что, Анна Петровна, сказалъ ей однажды Лебедкинъ: устройте филантропическое общество для того, чтобы помогать нашимъ бѣднягамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! вотъ счастливая мысль! какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову? Неумѣлые мы, неумѣлые! По крайней мѣрѣ, не одна буду. Общество можетъ сдѣлать многое... Пай вы, князь, право, пай!..

— То-то же, а вы все браните меня.

И князь былъ счастливъ, что сталъ *паемъ*, и она оживилась, что на счастливую мысль напала.

Началась хлопотня, переговоры, соображенія, толки.

Около этого-то времени въ домѣ М-ше Мейеръ явились два новыя лица: натуралистъ Неморшанскій, о которомъ мы слышали разсужденія въ семействѣ Колобродиныхъ, бойкій, свѣтскій и ловкій господинъ, и Бѣгуновъ, молодой человѣкъ, лучший продуктъ русскаго университета, поавшій въ нашъ городъ въ силу простой случайности, независѣвшей отъ него.

Бѣгуновъ недавно умеръ, измученный тревоженіями своей жизни. Воспоминаніе о немъ еще такъ живо и такой скорбью наполняетъ душу, что мы не только не беремся вызвать изъ могилы эту личность, но чувствуемъ необходимость даже положить перо и прервать на время наше повѣствованіе: очень ужъ грустно становится.

— Нѣтъ-съ, Анна Петровна, я вамъ скажу, есть бѣдняки-горемыки, которымъ ваша помощь пуживе, да и пользы-то она принесетъ больше, говорилъ Бѣгуновъ, выслушивая филантропическія мечтанія М-ше Мейеръ: это—учащаяся молодежь. На нее всѣ надежды, она общается новое поколѣніе дѣятелей. Чѣмъ больше будетъ кругъ образованной молодежи, тѣмъ лучше, тѣмъ шире и свободнѣе пойдетъ ея работа. А вы не знаете, съ какими трудами, съ какими лишениями пробиваются эти люди. Иной работаетъ, какъ волъ, а чѣмъ живеть, какъ существуетъ, — это, я вамъ скажу, невообразимо. Только бы за лекціи внести плату, только о томъ и забота, а тамъ живеть, какъ птица небесная... Вотъ куда преимущественно надо бы обратить общественную филантропію.

— Это правда. Дѣйствительно, надо хлопотать, чтобы молодые люди не были похожи на своихъ отупѣлыхъ отцевъ...

— Помилуйте, вѣдь такого безлюдья найдти нельзя, какъ здѣсь.

— И такъ, программа нашего филантропическаго общества будетъ: бѣдная учащаяся молодежь... Но одними деньгами тутъ еще ничего не подѣлаешь.

— Да, въ этомъ я сама успѣла убѣдиться. Я сама видѣла, какъ денежная помощь шла то на закуски именинника, когда въ домѣ чернаго хлѣба не было, то на кисейныя платья съ воланами, когда бѣлье дырявое перемѣнялось одинъ разъ въ мѣсяцъ, то просто въ кабакъ... Вещами, хлѣбомъ подавать пособіе, что ли? обѣды даровые устроить для нищихъ?

— Это, я вамъ скажу, оиить неразумно: даровые обѣды только увеличатъ численность нищенствующей братіи; даровое все скверно въ нравственномъ отношеніи, а главное—не принесетъ тѣхъ результатовъ, которые вамъ нужны: благоденствія и довольства на бѣломъ свѣтѣ не прибавится.

— Что же дѣлать?

— Да въ чемъ же нуждаются всѣ эти благородные и неблагородные бѣдняки, особенно женщины? — въ трудѣ, который бы хорошо вознаграждался. Ну, и надо приготовить для нихъ трудъ производительный и благодарный, чтобы уллучшился бытъ ихъ, но такъ, чтобы этижъ уллучшеніемъ они были обязаны своему труду. Въ этомъ случаѣ благотвореніе будетъ вдвое дѣйствительнѣе ужъ потому, что вы ихъ избавите отъ весьма тяжелаго чувства благодарности.

— Объ этомъ надо подумать, да и подумать.

— И подумайте...

— Только без вашей помощи тутъ я немного придумаю. Тутъ ужъ вы должны поработать...

— Извольте. На первый разъ вамъ необходимо заняться вотъ чѣмъ: собрать побольше денегъ, чтобы идти къ цѣли не съ голыми руками.

— Да на что же собрать? Надо прежде открыть имъ цѣль, показать всѣ предположенія.

— Для чего? на благотвореніе, да и все. Развѣ это дурачье поймаешь чтонибудь? Нечего и толковать съ нами, только тащите деньги, елика возможно. Засѣданія шуговскія можно устроить ради потѣхи, пусть думаютъ, что и головы ихъ бараны нужны, — этимъ способомъ можно легче тронуть ихъ сердца и кошельки. Можно подписку открыть: это прежде всего. Потомъ лекція какіянибудь устроить, женщины, дѣвѣцъ притянуть, ну всѣ и полъзутъ, чтобы другъ отъ друга не отстать. Да мало ли что можно выдумать. А въ это время мы планъ обдумаемъ — и дѣло пойдетъ въ ходъ.

— Отлично, безподобно!

Стала М-ше Мейеръ всегдѣ и принималась за работу. Подписка росла. Неморшанскій открылъ въ ея домѣ курсы лекцій по геологіи. Деньги скапливались.

Бѣгуновъ обдумывалъ проектъ мастерскихъ и кассы для пособія учащейся молодежи. Въ то же время былъ составленъ официальный проектъ благотворительнаго общества, который предположено прочитать и обсудить при полномъ собраніи лицъ, изъявившихъ принять на себя званіе и обязанности членовъ: на это обсужденіе и спѣшилъ нашъ знакомецъ — юный либераль Колобродинъ, съ дочкой Шашенькой.

Само собою разумѣется, что обсужденіе состояло изъ шумныхъ, или важныхъ одобреній, да изъ мелкихъ замѣчаній, которыя принимались безспорно.

— Надобно прибавить, что членами общества могутъ быть только лица дворянскаго сословія... замѣтилъ генералъ Тугоуховъ.

— Что вы, что вы, Никита Павлычъ! Это несвоевременно, этого нельзя... отозвался Колобродинъ.

— Теперь все идетъ къ сближенію сословій, а мы будемъ создавать касты! насмѣшливо сказалъ Левкинъ.



— Канцелярію надо усилить, секретарю помощника дать... замѣтилъ Деревяшкинъ.

— Это можно...

— Мнѣ кажется, что вмѣсто благотворительнаго—общество лучше назвать филантропическимъ... замѣтилъ князь Долманъ.

— Дѣйствительно, это будетъ не хуже...

— Не придумать ли какихъ нибудь значковъ для членовъ: звѣзды или кресты какіе нибудь, а то не за что деньги давать... вмѣшался Тугоуховъ.

— Старина, старина! завопили Колобродинъ и Левкинъ въ одинъ голосъ.

Такъ-то устроилось благотворительное общество. Чѣмъ далѣе, тѣмъ многочисленнѣе и богаче оно становилось: барыни не хотѣли отстаивать отъ М-ше Мейеръ и другъ отъ друга, а за ними тащились и мужчины. Сборъ денегъ шелъ многообразными путями: и подписка состоялась, и базаръ устроился, и лотерея какая-то разыгралась, и лекціи Неморшанскаго привлекали слушателей... Весь городъ, по видимому, сочувствовалъ начинаніямъ М-ше Мейеръ, ей удалось вызвать въ губернскомъ обществѣ вниманіе къ учащейся молодежи и отчаянную моду на подписки, лоттерей, базары и прочія благотворительныя затѣи, извѣстныя каждому губернскому городу.

Одно только лице съ перваго же раза обнаружило непріязненное отношеніе къ предпріятіямъ нашей сановницы: это «генералъ по должности» Г., а отъ него непріязненное отношеніе распространилось на его друзей, которыхъ насчитывалось не мало. Непріязнь Г. особенно усилилась послѣ нѣсколькихъ столкновений его съ Мейеромъ. Эти столкновения произошли по части нововведеній и преобразованій, сочиняемыхъ вице-губернаторомъ. Было между двумя тузами три-четыре сшибки, которыя показали публикѣ, что Г. и Мейеръ мѣшаютъ другъ другу. За глаза оба они ругались безпощадно.

— Помилуйте, толковалъ Мейеръ въ кругу Тугоуховыхъ, Левкиныхъ, Колобродинныхъ и тому подобныхъ: какой это представитель дворянства, это кучеръ какой-то, баранья голова, которую начинать Ласточкинъ всякимъ дермомъ, и больше ничего.

— Совершенная баранья голова, балбесъ какой-то... поддакивали Тугоуховы.

— Эготъ Мейеръ съ ума сходить съ своими нововведеніями, трак-

товаль Г. въ кругу Ласточкина и тому подобныхъ: кажется, около этихъ нововведеній онъ просто на просто хочетъ руки погрѣть. А жена его выдѣлываетъ чортъ знаетъ что такое. И это вице-губернаторъ! пустозвонъ и пустоцвѣтъ!.. Ласточкинъ ничего не говоритъ, только лукаво улыбался.

Публика начинала раздѣляться на партіи, но бѣсъ, нашъ знакомецъ, постарался, чтобы большинство было на сторонѣ Мейера.

Доломанъ, пріѣхавшій въ нашъ городъ по какому-то важному порученію, ничего не понималъ, хлопалъ глазами и оставался одинаково полезнымъ членомъ обѣихъ партій, такъ какъ обѣ онѣ считали его своимъ. Хозяинъ его, почтеннѣйшій г-нъ Дьяконовъ, вертѣлся, какъ бѣсъ передъ заутреней, и смотрѣлъ, какъ бы въ мутной водѣ рыбки половить.

Генералъ Ясинскій долго думалъ, чью бы сторону принять, наконецъ рѣшился — держаться ни туда, ни сюда, выжидать, чья молъ вывезетъ, къ той сторонѣ и пристать. Онъ одинаково таинственно велъ себя и у Г. и у Мейера, каждому твердилъ свое заветное: «я полагаю», каждому обѣщалъ содѣйствіе, и каждого готовъ былъ утопить — лишь бы не остаться въ убыткѣ...

Ф. Федоровичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

## ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

---

### XI.

#### РАЗЛИЧНЫЯ ВИДОИЗМѢНЕНІЯ.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы видѣли, что всѣ животныя и всѣ растенія постоянно борются между собою за средства къ существованію. Побѣждаютъ въ этой борьбѣ тѣ животныя и тѣ растенія каждой породы, которыя отличаются какими нибудь выгодными, хотя, быть можетъ, и незамѣтными особенностями своей организаціи. Побѣдители переживаютъ своихъ побѣжденныхъ единоплеменниковъ, и оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, а изъ этого потомства живутъ долго и размножаются сильно тѣ субъекты, которые получили въ особенно значительной степени выгодныя качества родительской комплекціи. Такимъ образомъ, выгодныя особенности тѣлосложенія сохраняются въ породѣ, и этотъ процессъ сохранения называется, какъ мы видѣли, естественнымъ выборомъ. Если бы всѣ животныя и всѣ растенія рождались всегда совершенно похожими на своихъ родителей, т. е., если бы не было никакого индивидуальнаго разнообразія, тогда не могло бы быть и естественнаго выбора, потому что тогда не было бы никакихъ выгодныхъ особенностей, и, стало быть, нечего было бы сохранять. Естественный выборъ состав-

ляеть, такимъ образомъ, прямое слѣдствіе тѣхъ видоизмѣненій, которыя проявляются въ каждой перодѣ животныхъ и растений. Когда видоизмѣненіе представилось, тогда естественный выборъ или сохраняетъ, или отбрасываетъ его, т. е., говоря другими словами, видоизмѣненный организмъ или переживаетъ своихъ сверстниковъ, или умираетъ раньше ихъ. Но чтобы видоизмѣненный организмъ могъ сдѣлать то или другое, ему, очевидно, сначала надо родиться видоизмѣненнымъ. Видоизмѣненіе должно уже существовать прежде, чѣмъ оно подвергнется дѣйствию естественнаго выбора. Какія же причины производятъ эти видоизмѣненія, и по какимъ законамъ они совершаются? Дать на этотъ вопросъ полный и удовлетворительный отвѣтъ современная наука еще не въ состояніи; но кое-какіе факты уже собраны, и нѣкоторыя общія заключенія могутъ быть сдѣланы уже въ настоящее время.

Климатическія условія, т. е. воздухъ, свѣтъ, теплота, влажность производятъ въ организмахъ нѣкоторыя измѣненія, и дѣйствуютъ обыкновенно на растительное царство сильнѣе, чѣмъ на животное. Замѣчено, что многія растенія, живущія на берегу моря, имѣютъ мясистые листья; насѣкомыя, водящіяся по берегамъ, отличаются металлическимъ блескомъ крыльевъ и тѣла; моллюски, живущіе въ тропическихъ моряхъ и на незначительной глубинѣ, яркостью своихъ красокъ превосходятъ тѣхъ моллюсковъ, которые держатся въ глубокихъ и холодныхъ водахъ; птицы, обитающія внутри материковъ, носятъ болѣе пестрое и блестящее опереніе, чѣмъ тѣ птицы, которыя водятся на островахъ и на берегахъ. Всѣ эти особенности не только свойственны тѣмъ породамъ, которыя составляютъ коренное населеніе этихъ мѣстностей, но онѣ даже пріобрѣтаются многими пришлыми породами; такимъ образомъ, если наблюдатель постепенно переходитъ отъ болѣе холодныхъ морей къ болѣе теплымъ, или отъ болѣе глубокихъ водъ къ болѣе мелкимъ, то онъ замѣчаетъ, что одна и та же порода моллюсковъ постепенно окрашивается болѣе яркими оттѣнками. Точно также птицы одной породы становятся болѣе или менѣе яркими, смотря по тому, гдѣ онѣ живутъ, въ сухой и жаркой странѣ материна, или подъ сѣрымъ небомъ острововъ и приморскихъ земель. То же самое происходитъ со многими растеніями и насѣкомыми; т. е., приближаясь къ морю, первыя пріобрѣтаютъ мясистые листья, а вторыя — металлическій блескъ, не смотря на то, что ихъ порода не отличалась этими особенностями,

когда жила вдали отъ береговъ. Извѣстно, что у животныхъ одной породы мѣхъ бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ холоднѣе мѣсто ихъ жительства. Но здѣсь вмѣшивается въ дѣло естественный выборъ, и поэтому результатъ не можетъ быть приписанъ исключительно прямому дѣйствию климата. Если, напримѣръ, пара медвѣдей, по какому нибудь случаю, будетъ принуждена переселиться изъ умѣреннаго климата въ холодный, то мы никакъ не можемъ утверждать, что медвѣдица, въ новомъ своемъ отечествѣ, родитъ всѣхъ дѣтей съ болѣе густымъ мѣхомъ, чѣмъ если бы они родились на прежнемъ мѣстѣ жительства; но тѣ медвѣжата, у которыхъ мѣхъ будетъ погуще, получатъ преимущество надъ своими жидкошерстными братьями; первые, вѣроятно, переживутъ послѣднихъ, и такъ какъ естественный выборъ будетъ дѣйствовать такимъ же образомъ на всѣ слѣдующія поколѣнія, то потомство медвѣдей умѣреннаго пояса рано или поздно пріобрѣтетъ себѣ тотъ густой мѣхъ, который необходимъ для обитателей холодной страны. Если это пріобрѣтеніе дѣйствительно совершится, то мы никакъ не будемъ въ состояніи рѣшить, какую долю вліянія тутъ надо приписать прямому дѣйствию климата, и какую — естественному выбору; т. е., потому ли мѣхъ сдѣлался густымъ, что холодный воздухъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на кожу, и поощряетъ произрастаніе волосъ, или потому, что медвѣди постоянно рождались отъ густошерстныхъ родителей, которые, благодаря своему теплomu мѣху, постоянно переживали своихъ сверстниковъ, плохо защищенныхъ отъ холода? То же безвыходное затрудненіе представляется каждый разъ, когда какое нибудь видопзмѣненіе приноситъ животному или растенію малѣйшую долю пользы. Гдѣ польза, тамъ непремѣнно дѣйствуетъ естественный выборъ, и отдѣлать его вліяніе отъ прямого дѣйствія климатическихъ условій нѣтъ никакой возможности.

Если какой нибудь органъ животного часто упражняется, то онъ развивается и усиливается; если же онъ находится въ бездѣйствіи, то онъ слабѣетъ и атрофируется, т. е. увядаетъ отъ недостатка питанія. Эти пріобрѣтенныя свойства органа, т. е. его сила, или его слабость, передаются по наслѣдству, и если дѣти ведутъ жизнь, сходную съ жизнью родителей, то эта сила, или эта слабость увеличиваются, и въ такомъ увеличенномъ видѣ переходятъ къ слѣдующему поколѣнію. Говоря о домашнихъ животныхъ, я указывалъ читателю на сильное развитіе вымени у дойныхъ коровъ и на сла-

бость крыльевъ у нашихъ утокъ. Подобные факты встрѣчаются и у дикихъ животныхъ, съ тою только неизбежною разницею, что какъ чрезмѣрное развитіе, такъ и атрофія органа непременно должны быть въ какомъ либо отношеніи полезны для самаго животнаго, потому что если бы они не были полезны, то они были бы немедленно уничтожены дѣйствіемъ естественнаго выбора, и слѣдовательно не могли бы превратиться въ постоянныя свойства отдѣльной разновидности, или цѣлаго вида. Если животное поставлено въ такія условія жизни, при которыхъ тотъ или другой органъ перестаетъ быть для него необходимымъ, то для этого животнаго положительно полезно, чтобы этотъ ненужный органъ атрофировался. Атрофія бесполезнаго органа даетъ животному возможность усилить и увеличить необходимые органы. Читателю извѣстно, что вся масса питательнаго вещества, которое нашъ желудокъ и кишечный каналъ извлекаетъ изъ того, что мы ѣдимъ и пьемъ, — постоянно употребляется на возстановленіе нашего организма, который ежеминутно разрушается процессами дыханія, потѣнія, испраженія и разныхъ другихъ выдѣленій. Для организма выгодно, чтобы каждая частица питательнаго вещества приносила какъ можно больше пользы, т. е. чтобы она употреблялась именно туда, гдѣ она всего болѣе необходима, именно на тѣ органы, которые всего болѣе содѣйствуютъ общему благосостоянію всего организма. Такой органъ, который постоянно находится въ бездѣйствіи, не можетъ приносить организму существенной пользы; стало быть, организму невыгодно кормить такого дармоеда; организму удобнѣе или перенести въ другое мѣсто то количество пищи, которое пошло бы на питаніе бесполезнаго органа, или совершенно сбросить это количество, то есть, покрыть свои неизбежныя расходы меньшею массою питательнаго вещества. Это послѣднее обстоятельство, то есть возможность сводить концы съ концами при меньшемъ количествѣ пищи, особенно важно для дикихъ животныхъ, которыя принуждены брать себѣ съ бою каждый кусокъ питательнаго вещества. Бездѣйствующій органъ атрофируется, а, такъ какъ эта атрофія полезна для животнаго, то естественный выборъ поощряетъ ее, и во многихъ случаяхъ успѣлъ уже обратить ее въ постоянное свойство цѣлыхъ породъ. Такимъ путемъ образовались породы дикихъ птицъ, неспособныхъ летать, напримѣръ, страусы, казуары, пингвины, малокрылыя утки (*anas brachyptera*). Такимъ же образомъ произошло то, что многіе навозные жуки или совершенно лишены передней па-

ры ногъ, или имѣютъ эти органы въ зачаточномъ, то есть, совершенно неразвитомъ состояніи. По той же причинѣ, глаза кротовъ и другихъ животныхъ, постоянно копающихся въ землѣ, остаются навсегда совершенно неразвитыми, а иногда покрываются даже кожей и заростають шерстью; чѣмъ меньше глазъ, и чѣмъ плотнѣе онъ защищенъ кожей и волосами, тѣмъ это удобнѣе для такихъ животныхъ, которыя никогда не выходятъ на свѣтъ; смотрѣть кроту нечего, потому что онъ постоянно держится въ темнотѣ, а большой и открытый глазъ во время ежедневныхъ подземныхъ странствованій крота долженъ былъ бы часто засеряться и подвергаться воспаленію. Отсутствіе упражненія ослабляло такимъ образомъ глазъ, а естественный выборъ сохранялъ тѣхъ кротовъ, которые всего менѣе страдали отъ главныхъ воспаленій, и вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ глазъ кротовъ дошелъ до своего теперешняго, зачаточнаго состоянія. Въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоли и американскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ самымъ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собою въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ, совершенно нѣтъ органовъ зрѣнія, но зато, сильно развиты усики, щупальца, и разныя другіе органы осязанія. Климатъ Карнеоли очень сходенъ съ климатомъ Кентукки; пещеры той и другой страны составились изъ известковыхъ формаций, и находятся на одинаковой глубинѣ; стало быть, условія жизни въ обѣихъ пещерахъ совершенно сходны между собою; если мы предположимъ, что породы слѣпыхъ животныхъ были созданы специально для того, чтобы жить въ глубокихъ и темныхъ пещерахъ, то, рассуждая послѣдствительно, мы придемъ къ тому убѣжденію, что животныя, созданныя для одинаковыхъ условій, должны быть одинаковы, или, по крайней мѣрѣ, очень сходны между собою, и что, стало быть, обитатели американскихъ пещеръ должны быть очень похожи на европейскихъ. Но факты разобьютъ это убѣжденіе. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что американскія и европейскія слѣпыя животныя не похожи другъ на друга; но за то существуетъ родственная связь между обитателями пещеры и тѣми зрячими животными, кото-

рыя водятся въ ея окрестностяхъ; то есть, подземный карнеолецъ похожъ на земнаго карнеолійца, и то же самое явленіе замѣчено также—въ Кентукки. Кромѣ того, между жителями самой темной глубины, и обитателями совершенно свѣтлыхъ окрестностей существуетъ нѣсколько переходныхъ степеней и оттѣнковъ, которые вполне соотвѣтствуютъ постепенному переходу отъ дневнаго свѣта къ вѣчной темнотѣ, и по своей организаціи превосходно приспособлены къ различнымъ степенямъ полусвѣта или полумрака. Существованіе этой родственной связи и этихъ промежуточныхъ оттѣнковъ ясно указываетъ намъ на тотъ процессъ, посредствомъ котораго населились обѣ пещеры. Обыкновенныя животныя, съ нормальнымъ устройствомъ глазъ и органовъ осязанія подошли сначала къ отверстию пещеры, и устроили свое жилище подъ вѣчною тѣнью нависшихъ утесовъ. Эта легкая тѣнь могла содѣйствовать ихъ размноженію, потому что она спасала ихъ отъ разныхъ хищниковъ; размножившееся потомство этихъ животныхъ, выросшее въ тѣни, подвинулось немного дальше, въ царство вѣчнаго сумрака. Привыкнувъ къ сумраку, новыя поколѣнія стали подвигаться еще дальше, туда, гдѣ господствуетъ вѣчная ночь, и наконецъ дошли до той крайней глубины, гдѣ постоянно бываетъ такъ темно, какъ на поверхности земли не бываетъ темно ни въ какую ночь. Разумѣется, эти переходы совершались чрезвычайно медленно; въ каждомъ новомъ поколѣніи были вѣроятно субъекты съ разными легкими особенностями въ устройствѣ глазъ; однимъ было удобно оставаться тамъ, гдѣ они родились; другимъ было удобно подняться къ отверстию пещеры, туда, гдѣ освѣтлѣе; наконецъ, третьимъ было удобно спуститься дальше въ глубину, чтобы уйти отъ болѣе зоркихъ враговъ и конкурентовъ. Естественный выборъ дѣйствовалъ на всѣхъ этихъ колонистовъ, постоянно сохраняя тѣхъ, которые всего лучше были приспособлены къ мѣсту своего жительства, а такъ какъ мѣста жительства пользовались освѣщеніемъ въ очень различной степени, то глаза жильцовъ атрофировались, а ихъ органы осязанія развивались—также въ очень различной степени. Такимъ образомъ, отъ совершенно зрячихъ родоначальниковъ произошли въ теченіи многихъ тысячелѣтій, сообразно съ требованіями мѣстныхъ условій, поделѣповатые, полуслѣпыя, слѣпыя, и наконецъ совершенно безглазые потомки, у которыхъ органы осязанія становились все лучше и лучше, по мѣрѣ того, какъ утрачивалось зрѣніе. Если такимъ образомъ вліяніе мѣстныхъ условій,



бездѣйствіе органа и естественный выборъ, тѣсно связанные между собою, и дѣйствующіе постоянно въ одномъ направленіи, могутъ превратить зрячую породу животныхъ въ слѣпую и даже въ безглазую, если они могутъ замѣнить чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, и если, наконецъ, они могутъ произвести эти метаморфозы надъ самыми различными классами животныхъ—надъ крысами, раками, рыбами, лягушками и насѣкомыми, то мнѣ кажется, трудно себѣ представить какую нибудь возможную границу для дѣятельности и могущества этихъ элементовъ. Всѣ разнообразныя формы организмовъ, существующія на земномъ шарѣ, порождены вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Современная наука не можетъ показать намъ, какъ это произошло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, потому что знанія нашихъ натуралистовъ до сихъ поръ еще очень неудовлетворительны; но за то, современная наука не можетъ также представить ни одного такого случая, котораго нельзя было бы объяснить вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Если бы одинъ такой случай былъ извѣстенъ въ настоящее время, или если бы будущія изслѣдованія и наблюденія натуралистовъ привели со временемъ къ открытію такого случая, то вся теорія Дарвина тотчасъ взлетѣла бы на воздухъ, не смотря на то, что она объясняетъ совершенно удовлетворительно тысячи другихъ случаевъ. Эта теорія или объясняетъ всю исторію органической жизни, или не объясняетъ ровно ничего, и даже не можетъ существовать; исключеній тутъ никакихъ не допускается; если будетъ доказано, что въ природѣ былъ хоть одинъ скачокъ, то это будетъ значить, что скачки возможны, и тогда вся теорія медленныхъ видоизмѣненій и естественнаго прогресса рухнетъ въ ту же минуту. Но сила теоріи Дарвина заключается именно въ томъ, что до сихъ поръ невозможно было найти ни одного несомнѣннаго скачка. Разумѣется, ни одинъ дѣльный натуралистъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дарвину, не станетъ слѣпо вѣровать въ его теорію, и не допуститъ, чтобы эта теорія стѣсняла его во время непосредственныхъ наблюденій. Живой фактъ всегда важенъ самъ по себѣ, а теорія хороша только до тѣхъ поръ, пока она вполне согласна съ фактами, и объясняетъ ихъ совершенно удовлетворительно и безъ малѣйшаго насилія.

На островѣ Мадерѣ водится до 550 различныхъ видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, или, проще, жуковъ, изъ этого числа, 200 видовъ отличаются совершенно неразвитыми крыльями, и не мо-

гуть летать. Изъ 29 родовъ, свойственныхъ исключительно этому острову, до 23-хъ находятся въ такомъ положеніи. Напротивъ того, чешуекрылыя насѣкомыя острова Мадеры, или бабочки, и тѣ виды жуковъ, которые питаются цвѣточнымъ сокомъ и цвѣточною пылью, одарены очень крѣпкими и особенно хорошо развитыми крыльями. Эти два противоположныя явленія произведены вліяніемъ одинаковыхъ условій жизни и дѣйствіемъ естественнаго выбора. Вотъ какъ это сдѣлалось. На островѣ Мадерѣ дуютъ очень сильные вѣтры, и особенно на той сторонѣ острова, которая обращена къ африканскому берегу; именно на этой сторонѣ живетъ большая часть жуковъ, лишенныхъ способности летать. Въ теченіи многихъ тысячелѣтій вѣтеръ постоянно подхватывалъ на лету и уносилъ въ море тѣхъ жесткокрылыхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались распустить свои крылья и подняться на воздухъ; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ ними, по словамъ Дарвина, тонула въ морѣ будущность ихъ расы. Для тѣхъ жуковъ, которые пытались навозомъ, или корнями растений, или древесиною, или личинками другихъ насѣкомыхъ, летаніе составляло пустую прихоть, что-то въ родѣ прогулки для моціона; одни изъ нихъ могли любить подобныя прогулки, другіе могли быть къ нимъ совершенно равнодушны, потому что эти прогулки не имѣютъ для нихъ ничего общаго съ настоящею цѣлью жизни, то есть, съ отыскиваніемъ пищи. Естественный выборъ выразался здѣсь въ томъ, что вѣтеръ постоянно истреблялъ тѣхъ, которые летали, и постоянно оставлялъ въ покое тѣхъ, которые вели исключительно сидячую и жадную жизнь. Крылья, оставшіяся въ бездѣйствіи у многихъ тысячъ поколѣній, ослабѣли и атрофировались, а у многихъ породъ жесткія надкрылія срослись даже совершенно наглухо. Напротивъ, для бабочекъ и для жуковъ, питающихся цвѣтами, летаніе было необходимымъ условіемъ жизни; для нихъ не летать значило положить зубы на помгу, потому что если на каждый цвѣтокъ всползаетъ, да потомъ спускаться съ него внизъ, да потомъ переползаетъ на другой цвѣтокъ, по густой травѣ, которая для насѣкомаго должна казаться гуще, выше и страшнѣе, чѣмъ кажется человѣку непроходимый дѣвственный лѣсъ, наполненный змѣями и тиграми, если, говорю я, произвести по поведиу каждаго цвѣтка всѣ эти длинныя церемоніи, то конечно придется насѣкомому умереть съ голоду. Следовательно, такъ или иначе, опасно или неопасно подниматься на воздухъ, а

бабочки и цвѣтоядныя жуки должны летать, во что бы то ни стало; и они действительно летали всегда, и не перестали летать на Мадейрѣ; и вѣтеръ уносилъ въ море очень многихъ, и, можетъ быть, погубилъ таинимъ образомъ цѣлыя породы, но сохраниться могли тутъ не тѣ субъекты, которые мало летали, а напротивъ тѣ, которые летали больше всѣхъ, и у которыхъ, вслѣдствіе этого, крылья были особенно тѣжки и способны противиться вѣтру. У жуковъ, летающихъ рѣдко и по прихоти, крылья, по всей вѣроятности, всегда были слабые, чѣмъ у тѣхъ насекомыхъ, которые летаютъ постоянно и по необходимости. Поэтому для первыхъ было возможно и необходимо отжиматься отъ вѣтра, а для вторыхъ также возможно и необходимо было бороться съ вѣтромъ и иногда побѣждать его. Поэтому, естественный выборъ, действуя въ обоихъ случаяхъ посредствомъ того же самаго вѣтра, уничтожилъ крылья первыхъ, и укрѣпилъ крылья вторыхъ.

## XII.

## УБЛЮБЛЕНІЕ И ЧИЖИЧКИ.

Животныя, которыхъ мы видимъ каждый день, болѣею частью такъ хорошо приспособлены употребить свое тело къ просну теперешнему образу жизни, что, глядя на нихъ, мы съ трудомъ рѣшаемся допустить то предположеніе, что они приспособились къ этому образу жизни постепенно. Мы видимъ, напримеръ, что дикая утка постоянно плаваетъ по водѣ, и видимъ, что у нея между пальцами ногъ протянута перепонка, которая помогаетъ ей плавать. Мы видимъ, что летучая мышь является насекомыми, и видимъ, что между передними и задними конечностями ея тѣла протянута перепонка, которая даетъ ей возможность летать, и следовательно съ особеннымъ успѣхомъ преслѣдовать прыгавую добычу. Мы видимъ, что цапля вытягиваетъ свою шею въ болотѣ, и видимъ, что у нея ноги высокія, тонкія, сухія и неперытые пальцами, то есть, какъ разъ приспособленныя къ тому, чтобы шататься по влажному и глинистому

грунту. Мы видимъ и всегда видѣли очень много водобитыхъ вещей, и существующія приспособленія стали бросаться людямъ въ глаза съ той самой минуты, какъ только люди начали обращать вниманіе на то, что происходитъ вокругъ нихъ, въ мірѣ животныхъ и растений. Добродушные натуралисты, или вѣрнѣе, натуралософы старой школы, по свойственной имъ чистотѣ сердца, умалывая надъ этими приспособленіями, и утверждали, что природа, заботливо охраняющая всякую тварь, одарила цаплю длинными погами, для того, чтобы цапля могла ходить по болотамъ. Ну, что, въ самомъ дѣлѣ, кабы у цапли, да не было бы длинныхъ ногъ? Какъ бы она стала ходить по болотамъ? Пропадать бы пришлось бѣдной цаплѣ. Стремленіе къ болоту есть, а сунуться въ болото нельзя, увязнешь. А природа заботится, ну и одарила: на, молъ, тебѣ, цаплинцѣ! Живи въ свое удовольствіе. Другіе натуралисты, похитрѣ первыхъ, очень остроумно смѣялись надъ этими соображеніями, и говорили, что все это вздоръ: не ноги даны цаплѣ для того, чтобы ходить по болотамъ, а совсѣмъ напротивъ, цапля отъ того именно и стремится къ болоту, что у нея такъ, а не иначе, устроены и ноги, и желудокъ, и весь складъ тѣла. Будь у нея другой складъ тѣла, ее и не потянуло бы къ болоту, и жила бы она совсѣмъ не по теперешнему, и всѣ привычки были бы у нея совсѣмъ другія, а вы, добродушные натуралософы, и тогда стали бы восхищаться заботливостью природы, что, молъ, вотъ какъ отиѣнно хорошо пристроена цапля къ надлежащему мѣсту. Если смотрѣть на тѣхъ и другихъ натуралистовъ, какъ на представителей философской доктрины, то, конечно, между первыми и вторыми можно замѣтить существенное различіе. По мнѣнію первыхъ, выходитъ такъ, что сначала существовало только отвлеченное стремленіе цапли къ болоту, а потомъ къ этому невещественному стремленію прицѣлана цапля, то есть, соответствующій желудокъ, и ноги, и голова, и клювъ, и все, какъ быть должно. Вѣдь если мы отъ имени цапли, должны благодарить природу за удобныя ноги, то мы точно также должны благодарить и за крылья, и за весь скелетъ, и за каждую частицу тѣла, потому что все это подобрано одно къ одному, и все соответствуетъ стремленіямъ цапли. Ну, стало быть, и выходитъ, что стремленія цапли существовали тогда, когда еще не было ни ногъ, ни головы, ни крыльевъ, ни желудка, и вообще ни одной частицы цаплинаго тѣла. Другіе, тѣ, что похитрѣ, осмѣливаются предполагать, что, напротивъ того, цапля начала стре-

миться къ болоту только тогда, когда она начала существовать, то есть, когда у нея оказались уже и ноги, и крылья, и всё прочіе необходимые атрибуты. Стало быть, съ философской точки зрѣнія разница есть, но за то, какъ естественныиспытатели, объ враждующія стороны стоять между собою на одномъ уровнѣ, и остроумные хитрецы ничѣмъ не превосходятъ умиляющихся чистосердечниковъ. Хитрецы говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги, и вслѣдствіе этого, цапля... и т. д.» противники ихъ говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги, для того, чтобы цапля... и т. д.» Значить, и тѣ, и другіе говорятъ: «природа дала», и, стало быть, единственная существенная часть вопроса остается въ сторонѣ. Не было ногъ, и вдругъ явился ноги, а откуда онѣ взялись, и какъ онѣ развивались, и почему онѣ приняла именно эту, а не другую форму—объ этомъ и разговора нѣтъ: кто жъ ихъ знаетъ, какъ, откуда, и почему? Читатель, разумѣется, понимаетъ, что «природа дала» и «кто жъ ихъ знаетъ?»—въ сущности совершенно одно и то же. Понять это не трудно, и почти всѣ натуралисты понимали это очень давно, но одни считали вопросъ неразрѣшимымъ, а другіе и пробовали разрѣшить его, да только не умѣли. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, французскій натуралистъ Ламаркъ построилъ цѣлую теорію, но въ этой теоріи все выходило какъ-то неосозательно и невразумительно: съ одной стороны—цапля, съ другой—болото, съ третьей—упражненіе органовъ, съ четвертой—законъ прогрессивнаго развитія, а со всѣхъ сторонъ оказывается, что у цапли ноги длинныя выросли. Ламаркъ чувствовалъ, что есть связь между цаплею, болотомъ и упражненіемъ органовъ, и что есть тутъ какой-то законъ развитія, но разобрать по ниточкамъ эту связь, и разъяснить пообстоятельнѣе дѣйствіе этого закона Ламаркъ былъ не въ силахъ. Во-первыхъ, онъ и по даровитости-то былъ не чета Дарвину, а во-вторыхъ, и время его было еще не то, что теперь. Восемнадцатый вѣкъ, золотой вѣкъ великой философіи, незабвенная заря чистаго человѣческаго самосознанія, вмѣстѣ съ своими громадными достоинствами, имѣлъ свою неисправимую и неизбѣжную философскую слабость: любилъ покойникъ рѣшать всякіе вопросы свысока и вообще, то есть, именно такъ, какъ при изученіи природы невозможно рѣшить ни одного вопроса. Поэтому-то, настоящее господство естествознанія началось именно тогда, когда послѣдній, вырожденный представитель великой философіи, Гегель, сошелъ въ могилу вмѣстѣ съ своею системою. — Послѣ ла-

марка, другой французскій натуралистъ, Этьеннь Жозефъ-Сентъ-Илеръ много толковалъ о вліяніи окружающей среды (*le milieu ambiant*), но всѣ эти рассужденія были только нашими-то предчувствіями и гаданіями, такъ что можно было сказать:

Педурень слогъ; писать умѣеть;

но съ вещественной стороны теорія оказывалась и неуловимою, и несостоятельною. Непокосимые скептики, Базаровы самаго высшаго разбора, очень спокойно разрушали всѣ эти словесныя построенія чрезвычайно простыми вопросами и чрезвычайно законными требованіями. «Покажите, докажите, говорили они, объясните вотъ этотъ случай, разрѣшите такое-то затрудненіе, и при этихъ нехитрыхъ словахъ теорія немедленно разлеталась, какъ дымъ. Теоретическихъ попытокъ въ такомъ родѣ было довольно много, и всѣ онѣ кончались неудачно, и этотъ рядъ постоянныхъ неудачъ объясняетъ намъ, почему теорія Дарвина при первомъ своемъ появленіи была встрѣчена довольно недовѣрчиво, и засыпана со всѣхъ сторонъ очень скороспѣлыми возраженіями. Дарвинъ въ первый разъ прочелъ мемуаръ о естественномъ выборѣ въ юлѣ 1858 года, въ засѣданіи линнеевскаго общества (*Linnean Society*). Основательнѣйшіе скептики, по всей вѣроятности, задумались надъ этимъ мемуаромъ, а Базаровы средней руки тотчасъ бросились впередъ, съ твердымъ намѣреніемъ немедленно растрепать въ куски новую теорію, и уложить ее на мѣстѣ, рядомъ со всѣми ея предшественницами. Но тутъ обнаружилось, что Дарвинъ зиждетъ свою храмину не на пескѣ, а на камени, такъ что никакія ухищренія современныхъ человѣческихъ умовъ поколебать ее не въ состояніи. Издавая свою книгу, или, какъ онъ выражается, свое извлеченіе, онъ принимаетъ въ отношеніи къ возражателямъ такую оригинальную тактику, какой послѣдніе никогда еще не видывали, и никакъ не могли ожидать. Сначала онъ отвѣчаетъ на возраженіе, а потомъ, покончивши съ нимъ дѣло, говоритъ: «нѣтъ, постойте; вы бы лучше мнѣ вотъ что возразили», и дѣйствительно, собственными своими руками ставитъ себѣ такую запятую, которая будетъ въ-десятеро сильнее чужаго возраженія; и начинаетъ полегоньку сворачивать это препятствіе въ сторону, и все дѣйствуетъ яснѣйшими доводами, все выдвигаетъ впередъ осязательные факты; помотришь, и нѣтъ

препятствія, и передъ великимъ мыслителемъ опять открывается гладкая дорога. А мыслитель еще при этомъ, въ невинности души своей, на каждой страницѣ сознается, что разсужденія его очень голословны, но что дѣлать нечего, вѣдь это легкое извлеченіе, стало быть, подождите, господа, пока выйдетъ настоящій трудъ въ полномъ объемѣ. Факты всѣ собраны, только помѣстять-то ихъ въ книгу покуда еще нельзя. Понятно, что возражатели должны онѣмѣть отъ изумленія, и положить оружіе за-долго до ужаснаго выхода въ свѣтъ того невиданнаго левиафана, который лежитъ теперь въ портфелѣ Дарвина. Эта оборонительная часть книги «О происхожденіи видовъ» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интереснѣйшихъ подробностей, и составляетъ собою лучшее ручательство за прочность всей теоріи. Передать всю сущность этой части я не могу: журнальная статья должна же имѣть разумные предѣлы, а Дарвинъ излагаетъ свой предметъ такъ коротко, что сокращать его еще больше значило бы предлагать публикѣ совершенно непонятныя, и, слѣдовательно, очень незанимательныя загадки. Поэтому я предупреждаю читателя, что съ этой минуты и вплоть до самаго конца моей статьи я не гонюсь за строгою систематичностью изложенія, и совершенно отказываюсь отъ невозможной задачи представить публикѣ миниатюрный фотографическій снимокъ съ книги Дарвина. Я буду выбирать только то, что особенно занимательно, и что я съумѣю представить, по возможности, подробно, ясно и наглядно. Въ первой статьѣ читатель получилъ общее понятіе о теоріи естественнаго выбора; теперь онъ увидитъ приложеніе этой теоріи къ объясненію многихъ отдѣльныхъ и разнообразныхъ явленій; увидитъ онъ нѣсколько эпизодовъ изъ борьбы этой теоріи съ возраженіями и препятствіями; и наконецъ увидитъ оправданіе этой теоріи въ геологіи, въ географіи въ сравнительной анатоміи и въ эмбриологіи. Все это будутъ только легкіе и бѣглые очерки, но я постараюсь, чтобы легкость и бѣглость нисколько не вредили ясности. А за вѣрность ручается Дарвинъ, и этого, я думаю, достаточно. Ну, и съ Богомъ. Значить, такъ и пойдутъ теперь:

---

«Легкіе и бѣглые очерки», безъ отдѣльныхъ заглавій.

I.

Теорія Дарвина утверждаетъ, что всё приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработалась понемногу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее въ летучее, дневное въ ночное, и такъ далѣе; при чемъ, разумѣется, всё эти превращенія могли совершиться и наоборотъ. Спрашивается, какимъ же образомъ могло существовать животное во время переходной эпохи, когда оно не было вполне приспособлено, и когда оно, по своей организаціи, колебалось между двумя комплектами занятій и привычекъ? Какимъ образомъ, напримѣръ, плотоядное сухопутное животное могло сдѣлаться водянымъ? Этотъ вопросъ поставили противники дарвиновской теоріи, а Дарвинъ нашелъ на него отвѣтъ въ явленіяхъ живой природы. Въ сѣверной Америкѣ существуетъ, напримѣръ, животное *mustela vison*, принадлежащее къ семейству куницъ; пальцы этого *vison* соединены плавательною перепонкою; по своему мѣху, по короткимъ ногамъ, и по формѣ хвоста онъ приближается къ рѣчной выдрѣ (*utra vulgaris*), которая постоянно питается раками и рыбою. Лѣтомъ визонъ живетъ, какъ выдра, то есть ныряетъ, плаваетъ и преслѣдуетъ рыбу; но такъ какъ въ отечествѣ визона зима продолжается очень долго, то на зиму визонъ по своему образу жизни становится настоящею земною куницею, то есть, кормится крысами и другими мелкими земными звѣрьками, не смотря на свою плавательную перепонку, и на свою способность нырять. Когда негдѣ плавать и нырять, тогда по-исволѣ приходится дѣйствовать сухопутными средствами и пробавляться тѣмъ, что попадется. Если визонъ, совершенно приспособленный къ водяной жизни, можетъ однако существовать на сушѣ во все время продолжительной сѣверной зимы, то, разумѣется, ничто не мѣшало ему поступать точно такимъ же образомъ, когда онъ былъ менѣе приспособленъ къ плаванію и нырнью. Теперь рыбная ловля составляетъ его любимое и специальное занятіе, и онъ пробавляется этимъ занятіемъ всегда, когда есть возможность плавать и нырять; а прежде, когда приспособленіе только-что начинало выработываться, предки визона



смотрѣли на рыбную ловлю, какъ на побочное и чисто-вспомогательное ремесло. Между прѣлннмъ и теперешнимъ состояніемъ визона можно себѣ вообразить безчисленное множество промежуточныхъ переходныхъ отгѣнковъ, и, какую бы фазу этой переходной эпохи мы ни выбрали для изученія, все-таки намъ никогда не представится такой моментъ, въ которомъ визонъ будетъ оторванъ и отъ земли, и отъ воды, и въ которомъ слѣдовательно существованіе визона сдѣлается невозможнымъ. Теперешній визонъ, балансирующий между водою и сушею, служитъ живымъ образчикомъ переходнаго состоянія; стало быть, самый фактъ его существованія составляетъ разительное подтвержденіе той идеи, что переходы возможны. Но если переходы возможны, то это вовсе не значитъ, что всѣ переходы непременно должны совершаться успѣшно. Очень многіе переходы оканчиваются въ природѣ совершенными неудачами, то есть, полнымъ истребленіемъ того вида животныхъ, который поставленъ въ необходимость сдѣлать какой нибудь переходъ. Но отчего происходятъ тутъ неудачи и истребленіе? Совсѣмъ не отъ того, что переходъ самъ по себѣ невозможенъ, и не отъ того, что животное остается въ висячемъ положеніи между двумя стихіями; а просто отъ того, что обѣ стихіи уже заняты вполне приспособленными конкуррентами, то есть, такими животными, которыя сдѣлали переходъ раньше и быстрѣе другихъ. Если бы визона тѣснили съ обѣихъ сторонъ, съ воды и съ земли, очень опасные конкурренты, то порода визона навѣрное исчезла бы съ лица земли, и этотъ фактъ исчезновенія вовсе не могъ бы служить доказательствомъ противъ возможности переходовъ. Если я приду въ садъ раньше васъ, да оборву всѣ яблоки, то вамъ конечно ничего не достанется, но вѣдь это не значитъ, что вы неспособны рвать и ѣсть яблоки, а значитъ только, что васъ опередили. Такъ и тутъ, въ дѣлѣ между визиномъ и его конкуррентами. Не свойства воды и земли мѣшаютъ переходу, и не свойства той пищи, которую визонъ долженъ добывать себѣ на водѣ и на землѣ, а количество и качества тѣхъ родственниковъ визона, съ которыми ему приходится вступать въ соперничество. Много ихъ, и сильны они — визонъ погибаетъ; мало ихъ, и слабы они — визонъ торжествуетъ, и переходъ совершается благополучно. Но та же самая исторія произошла бы и тогда, когда не было бы никакого перехода. Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растеніями, во всякую данную минуту ихъ существованія. Чѣмъ больше конкуррен-

товъ, тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ строже естественный выборъ, и тѣмъ быстрѣе исчезаютъ породы, смѣняясь новыми усовершенствованными формами. Всѣ переходы совершаются точно также подъ вліаніемъ того же общаго закона борьбы. Отчего сухонутное животное начинаетъ питаться лягушками или рыбою? Да отъ того, что не достаётъ пищи на сушѣ, то есть, отъ того, что число конкурентовъ несоизмѣрно велико въ сравненіи съ существующимъ количествомъ съѣстнаго матеріала. Ну, и лѣзетъ животное въ воду, и упражняется, а естественный выборъ тотчасъ начинаетъ покровительствовать тѣмъ, которые бойчѣе другихъ распоряжаются въ новой стихіи. Но когда животное ступило въ воду, то вѣдь это не значитъ, что оно такъ съ разу и отказалось отъ суши. Водяная охота служить только подспорьемъ, и приобрѣтаетъ для животнаго важное самостоятельное значеніе только гораздо позднѣе, по прошествіи многихъ и многихъ поколѣній, воспитанныхъ постояннымъ упражненіемъ, и очищенныхъ непрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Отвѣтивъ на возраженіе противниковъ, Дарвинъ, по своему обыкновенію, говоритъ имъ: а вы бы лучше у меня вотъ что спросили: какимъ образомъ четвероногое животное, питающееся насѣкомыми, могло превратиться въ летучую мышь? Эта штука будетъ гораздо похитрѣе. А между тѣмъ, и тутъ можно отыскать переходныя формы, хотя и не въ самомъ порядкѣ рукокрылыхъ, или летучихъ мышей, но за то, въ семействѣ бѣлокъ, въ которомъ также развито умѣнье летать, или по крайней мѣрѣ, порхать. Обыкновенная бѣлка обладаетъ только способностью прыгать, и ея широкій, пушистый хвостъ, развѣваясь по воздуху, помогаетъ ей во время прыганія. За обыкновенною бѣлкою слѣдуютъ такія породы бѣлокъ, у которыхъ задняя часть тѣла расширена, и кожа не совсѣмъ плотно прилегаетъ къ бокамъ. Широкое основаніе хвоста и кожистые мѣшки по бокамъ слегка поддерживаютъ эту бѣлку на воздухѣ, и позволяютъ ей дѣлать болѣе значительные прыжки, чѣмъ дѣлаетъ простая бѣлка. Это расширеніе хвоста и эта мѣшковатость кожи увеличиваются въ различныхъ бѣличьихъ породахъ съ такою полною постепенностью, что простая бѣлка связывается съ летучею бѣлкою непрерывною цѣпью промежуточныхъ экземпляровъ, которые отличаются другъ отъ друга только самыми незначительными особенностями. Крайнее звено этой цѣпи бѣлокъ называется по-русски *летялою*, а по-латыни—*Sciuropterus*—что значитъ, въ буквальномъ переводѣ, бѣлководрыль или кры-

летяга-бѣлка. Эти два свойства характеризуютъ довольно ясно, что это за животное. Его народныя мѣги соединены съ задними, и даже съ основаниемъ хвоста, широкою перепонкою, покрытою волосами, и образовавшагося посредствомъ постепеннаго стигнаго баковой кожи. Эта перепонка въ минуту прыжка вытягивается, превращается въ парашютъ, и, поддерживая бѣлку на воздухѣ, даетъ ей возможность перелетать съ дерева на дерево, на изумительныя расстоянія. Всѣ эти породы бѣлокъ, одаренныя въ различной степени способностью прыгать и вертаться, могли сохраниться въ живыхъ до нашего времени, только благодаря тому обстоятельству, что всѣ онѣ живутъ отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ земнаго шара. Если бы мы могли свести всѣ эти породы въ одну страну, то между ними началась бы самая ожесточенная борьба за пренитаніе, и, разумѣется, перевѣсъ остался бы за тѣми, которыя проворнѣе и расторопнѣе другихъ. Летяга, дѣлающая полосуальные прыжки, во всей вѣроятности, перещеголяла бы всѣхъ своихъ соперниковъ, и, рано или поздно, размножилась бы такъ, что заморгла бы ихъ всѣхъ голодною смертью. Кромѣ того, летательный снарядъ доставилъ бы летягѣ еще другаго преимущества, которыя также имѣли бы вліяніе на результатъ борьбы. Летяга лучше другихъ бѣлокъ могла бы отдѣлываться отъ преслѣдованій разныхъ хищниковъ, и она меньше другихъ была бы подвержена опасности падать на землю и расшибаться при неудачномъ или плохо рассчитанномъ прыжкѣ. Перепонка ея, дѣйствуя, какъ парашютъ, смягчаетъ всякое паденіе, а для животнаго, которое постоянно лазитъ и прыгаетъ по деревьямъ, это обстоятельство, конечно, не можетъ считаться маловажнымъ. Но всѣмъ этимъ причинамъ можно предположить, что только одна летяга сохранила и размножила бы свою породу, а всѣ остальные породы бѣлокъ исчезли бы съ лица земли, и тогда летяга осталась бы для насъ живою загадкою, къ которой намъ пришлось бы прибѣгивать ключъ, посредствомъ разныхъ предположеній, очень неубѣдительныхъ для непреклонныхъ скептиковъ и для завзятыхъ гонителей всякой теоріи. Такого рода живыя загадки встрѣчаются намъ на каждомъ шагѣ, и ихъ существованіе вовсе не должно насъ удивлять, потому что мы знаемъ, что уничтоженіе промежуточныхъ степеней составляетъ въ природѣ обыкновенное правило, прямо вытекающее изъ самого принципа естественнаго выбора, а сохраненіе этихъ степеней возможно только въ немногихъ случаяхъ, при исключительныхъ, и слѣдова-

только рѣдко встрѣчающихся, обстоятельствахъ. Есть, напримеръ, одно животное, которое называется шерстокрыломъ (*galeopithecus gifus*); его обыкновенно причисляли къ летучимъ мышамъ, и въ учебникѣ г. Григорьева, находящемся въ настоящую минуту у меня подъ руками, онъ также отнесенъ къ этому порядку. Но въ новѣйшее время нашли, что его слѣдуетъ перевести въ порядокъ четверорукихъ или обезьянъ и въ семейство лемуровъ. Его теперь такъ и называютъ галеопитекомъ или летучимъ лемуромъ, и Дарвинъ также держится этого мнѣнія. Летательная перепонка галеопитека протягивается отъ угла челюсти до хвоста, и охватываетъ собою, какъ переднія, такъ и заднія оконечности; но у галеопитека она покрыта волосами, а у настоящихъ летучихъ мышей она совершенно голая. Кромѣ того—и это гораздо важнѣе—перепонка не захватываетъ пальцевъ галеопитека, и эти пальцы, оставаясь свободными на рукахъ и на ногахъ, вооружены когтями; напротивъ того, у летучихъ мышей остаются свободными и вооружаются когтями только пальцы заднихъ оконечностей и большой палецъ переднихъ. Остальные же пальцы переднихъ оконечностей даже совсѣмъ непохожи на настоящие пальцы; они ничѣмъ не вооружены, — непомерно вытянуты въ длину, и наглухо вдѣланы въ летательную перепонку; по своей фигурѣ и по своему значенію они напоминаютъ тѣ прутики, на которые натягивается матерія зонтика. Когда летучая мышь разставляетъ руки и ноги, и растопыриваетъ свои длинные пальцы, тогда весь летательный снарядъ развертывается, и животное можетъ начать свое воздушное путешествіе. Когда же руки и ноги опущены, и пальцы сложены, тогда летательная перепонка, какъ широкая и длинная мантия, облегаетъ все тѣло. Что же касается до галеопитека, то его перепонка растягивается безъ содѣйствія пальцевъ, посредствомъ особаго мускула, заключеннаго въ самой перепонкѣ. — Во всемъ семействѣ лемуровъ, кромѣ галеопитека, нѣтъ ни одного животнаго, которое могло бы хоть кое-какъ поддерживаться на воздухѣ. Переходныхъ степеней не сохранилось никакихъ, по это ровно ничего не доказываетъ. Значить, были да слыли. Во-первыхъ, самъ галеопитекъ ничто иное, какъ переходная степень между настоящими лемурами и настоящими летучими мышами; это обстоятельство выразилось даже въ томъ недоумѣніи, по которому натуралисты принуждены были перетаскивать его изъ одной категоріи въ другую. А во-вторыхъ, галеопитекъ не живетъ, подобно бѣлкѣ,

почтѣ на всемъ пространствѣ земнаго шара; стало быть, живя въ ограниченной области, онъ могъ выработать себѣ летательную способность до высокой степени совершенства только подѣ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ низшія промежуточные степени постоянно уничтожались; въ противномъ случаѣ, т. е., если бы плохіе и посредственные прыгуны не истреблялись вліаніемъ ежеминутной борьбы, тогда отличные прыгуны постоянно совокуплялись бы съ ними, и такимъ образомъ постоянно портили бы свою породу. А если бы порода портилась, то прыгуны никогда не могли бы сдѣлаться летунами. Требовать отъ теоріи естественнаго выбора, чтобы она во всѣхъ случаяхъ представляла живые образчики переходныхъ инстанцій, значить требовать отъ нея самоуничтоженія. Не станете же вы требовать отъ вѣялки, чтобы она оставила мякину рядомъ съ зернами. Тогда она не будетъ вѣялкой, или будетъ находиться въ бездѣйствіи. А естественный выборъ та же вѣялка: что онъ сохраняетъ—то живетъ и плодится; что онъ выбрасываетъ—то умираетъ; и мякиною оказываются постоянно всякіе промежуточные типы. Вѣдъ и бѣлки, образующія непрерывную цѣпь градацій, не могутъ быть названы промежуточными типами; каждая изъ нихъ въ своемъ отечествѣ составляетъ торжествующій, крайній и передовой типъ, который живетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе только потому, что не встрѣчаетъ себѣ болѣе крайнихъ соперниковъ; въ сравненіи съ мужеземцами, этотъ типъ можетъ стоять на очень низкой степени развитія; но это ничего не значить; у себя дома онъ впереди всѣхъ, и въ этомъ заключается его сила и причина его существованія. А если онъ ниже чужеземцевъ, то это зависитъ отъ мѣстныхъ условий жизни и отъ силы мѣстной борьбы; естественный выборъ не вездѣ же дѣйствуетъ одинаково; вѣдъ и вѣялки бываютъ разными; одна очищаетъ зерна самымъ строгимъ образомъ, а другая валить пополамъ съ мякиною. Стало быть, переходъ отъ четвероногаго животнаго къ летучей мышѣ возможенъ, и даже не подлежитъ сомнѣнію, а несуществованіе переходныхъ формъ не только не противорѣчить идеямъ теоріи, но даже, напротивъ того, составляетъ прямое слѣдствіе ея основныхъ принциповъ. Впрочемъ, кому угодно думать, что летучая мышъ свалилась на землю; подобно аэрозиту или подобно крупному граду, тому, разумѣется, никакая теорія препятствовать не можетъ, не смѣетъ и не должна.

## II.

Понятія наши о привычкахъ и нравахъ животныхъ чрезвычайно смутны; изъ какихъ источниковъ почерпаются зоологическія свѣдѣнія, бродящія въ массѣ грамотнаго общества — это даже и вообразить себѣ мудрено. Какъ ни удивительно такое предположеніе, а все-таки я осмѣлюсь замѣтить, что басни добродушнаго Лафонтена и почтеннаго дѣдушки Крылова оказываютъ очень значительное вліяніе на то понятіе, которое мы составляемъ себѣ о характерѣ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ извѣстныхъ птицъ и звѣрей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда явились у насъ идеи о царственномъ величій льва и орла, объ умственной неповоротливости медвѣдя, о коварствѣ лисицы, о кротости овцы и о многихъ другихъ курьезахъ животной психологіи. Вглядитесь въ эти идеи, и вы увидите, что въ основаніи ихъ лежатъ Крыловъ, Лафонтенъ, или какой нибудь другой источникъ равносильнаго достоинства. Разумѣется, вы при этомъ зрѣлицѣ улыбнетесь, и даже отчасти сконфузитесь; но, вѣстѣ съ вами, и самѣе васъ должны сконфузиться наши просвѣщенные журналисты, которые такъ долго и такъ безтолкова удобряли и засѣвали своими издѣліями наши умственные пивы. Они-то, сердечные, чего смотрѣли? Вѣдь о спорахъ безсловесныхъ всегда писать было возможно; вѣдь тутъ даже и обстоятельствами нельзя отговориться. Они, пожалуй, иногда и писали, но никто не знаетъ, для кого они писали, и сами они этого не знаютъ, и, во всей вѣроятности, даже никогда объ этомъ не думали. Русская публика благополучно изучаетъ природу по баснямъ Крылова, и по сборникамъ анекдотовъ о смышленности кошекъ и собакъ, а русскій журналъ (это вы «Отечественныя Записки»!) вдругъ бацъ двѣ статьи о томъ, что французскій профессоръ Мишель-Эдвардъ совоѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, излагаетъ сравнительную анатомію. Или вдругъ выхватить статью изъ «Westminster Review» и подносить нашимъ читателямъ. Все равно, молъ, сойдемъ: что они, свелашные, смыслятъ? Человѣку простаго хлѣба хочется, человѣкъ голоденъ, а ему предлагаютъ: не хочешь ли, ангелъ мой, зельтерской воды съ лимономъ? И ангелъ мой морщится, а все-таки сидитъ голодный, потому что откуда же взять? Люди, изучающіе природу путемъ непосредственныхъ наблюденій, разумѣется, не вѣруютъ въ непогрѣшимость

такихъ авторитетовъ, какъ Крыловъ, Ламонтенъ, сказаніе о лицѣ Рейнке, или повѣствованія Шехерезады; но человѣческой умъ устроены до такой степени оригинально, что даже очень дѣльные и знающіе люди часто совершенно невольно и безсознательно подчиняются въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ господству тѣхъ понятій, которыя поселяются въ обществѣ, какъ умственные миазмы, и которыя попали туда богъ знаетъ откуда и когда, и укоренились въ немъ богъ знаетъ по какой причинѣ и на какихъ основаніяхъ. Какъ пенять, напримѣръ, такое соображеніе Изидора Жофоруа Сентъ-Илера? Онъ говоритъ самымъ догматическимъ тономъ, что *растеніе живетъ; животное живетъ и ощущаетъ, а человѣкъ живетъ, ощущаетъ и мыслитъ*. Выходить, стало быть, что животное не мыслить; и такую феноменальную нецѣлѣность говорить ученый, пользующійся европейскою извѣстностью, и дѣйствительно заслужившій эту извѣстность очень многими добросовѣстными и дѣльными фактическими наблюденіями. Очевидно, Сентъ-Илеръ этотъ не могъ изловить такое открытіе въ своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ; онъ заразился этимъ открытіемъ со стороны, какъ заражаются люди сибирскою язвою, или тифозною горячкою. У многихъ другихъ натуралистовъ встрѣчаются также очень разнообразныя признаки умственного зараженія, иногда довольно легкаго, а иногда совершенно безнадежнаго. Къ числу самыхъ упорныхъ миазматическихъ поврежденій принадлежитъ та повсемѣстно распространенная идея, что животныя рѣшительно неспособны развиваться и совершенствоваться въ умственномъ отношеніи. Всякій разсуждающій человѣкъ, ученый и неученый, скажетъ вамъ, не запынаясь, точно математическую аксіому произносить, что и обезьяны, и собаки, и журавли, и лягушки, и муравьи, и всякая тварь жили пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, то въ то такъ, какъ они живутъ сегодня, 10 мая 1864 года. Если вы спросите: а почему же вы такъ, милостивый государь, думаете? — то милостивый государь даже засмѣется: вотъ прекрасно! Почему? Да это ясно, какъ день! Это само собою разумѣется. А по вашему — то какъ же: у нихъ стало быть есть исторія, существуетъ собачья цивилизація, журавлиный прогрессъ, лягушечьи революціи! — Когда миазматическая идея вооружается насмѣшкою, то удары ея становятся неотразимыми, потому что такая насмѣшка всякому по плечу, и всякому доставляетъ удовольствіе. Всякій понимаетъ соль этой насмѣшки, сочувствуетъ вашему остроумному собесѣднику, и хочется падъ

ваши, какъ подъ пошлымъ дуракомъ. Если же вы, не боясь насмѣшки, все-таки остаетесь на вашей позиціи, и продолжаете спрашивать: почему? и если вашъ собеседникъ, кромѣ остроумія, располагаетъ еще кое-какими знаніями, то опъ выдвинетъ противъ васъ слѣдующіе аргументы, которые изумятъ васъ своею бѣдностью и необъятностью. Во-первыхъ, египетскіе памятники; во-вторыхъ — Аристотель, въ-третьихъ — Плиній старшій. Это вотъ что значить. На разныхъ египетскихъ памятникахъ вырѣзаны изображенія животныхъ, совершенно сходныхъ съ тѣми породами, которыя существуютъ въ настоящее время. Аристотель, современникъ Александра Македонскаго, написалъ естественную исторію, въ которой говорить о внѣшнемъ видѣ многихъ животныхъ, и сообщаетъ кое-что о ихъ образѣ жизни. Плиній написалъ такое же сочиненіе, только гораздо позже, въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. И это все. И на этомъ фундаментѣ покоится наше твердое убѣжденіе о неподвижности умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ. Но вѣдь что же это, въ самомъ дѣлѣ, такое? На памятникахъ не могутъ же быть изображены всѣ животныя земнаго шара, и памятники не могутъ дать намъ ни малѣйшаго понятія ни объ образѣ жизни изображенныхъ животныхъ, ни объ ихъ умственномъ развитіи. Это разъ. А второе то, что на памятникахъ представлены также люди, и нѣкоторыя изъ этихъ человѣческихъ фигуръ совершенно похожи на теперешнихъ негровъ, а другія — на евреевъ. Надо, стало быть, выводить заключеніе, что и люди остаются неподвижными. Положимъ однако, что мы достоверно знаемъ, какимъ образомъ извѣстное племя негровъ жило во времена какого нибудь египетскаго царя Менеса или Мериды; положимъ, что оно живетъ теперь совершенно такъ, какъ жило тогда. Красиво-ли будетъ, если мы выведемъ заключеніе, что обычаи чело-вѣчества не измѣняются? А если некрасиво, и если нельзя заключать отъ части къ цѣлому, то есть, отъ одной расы къ цѣлому виду или роду, то на какомъ же основаніи мы кладемъ этотъ логическій заковъ подъ столъ, когда заходитъ рѣчь о мірѣ животныхъ, который однако неизмѣримо обширнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ чело-вѣчество. Значить, памятники въ сторону. Аристотель и Плиній на первый взглядъ могутъ показаться посущественнѣе памятниковъ, потому что ихъ сочиненія охватываютъ большое количество животныхъ формъ, и сообщаютъ кое-какія свѣденія о нравахъ и объ умственныхъ способностяхъ. Но, какъ только мы посмотримъ на дѣло чуть-



чуть повнимательнѣе, ни тотчасъ убѣдился въ полной несостоятельности вообще мудрцовъ классической древности. Новѣйшіе писатели, напримеръ, Александръ Гумбольдтъ въ «Космосѣ», и уже знакомый намъ Изидоръ во введеніи къ своей «общей біологіи» (*Histoire naturelle générale des règnes organiques*) хвалятъ Аристотеля за то, что онъ не вѣритъ тѣмъ баснословнымъ рассказамъ о природѣ, которые въ его время были въ ходу между его легкомысленными земляками. Эти похвалы губительнѣе всякаго порицанія. Если приходится говорить человѣку большое спасибо за то, что онъ отвергаетъ существованіе сиренъ, феяковъ или пугмеевъ, то какъ же требовать или ожидать отъ этого же самаго человѣка такихъ тщательныхъ и усидчивыхъ наблюдений, которыя могли бы послужить надежнымъ матеріаломъ для исторіи умственныхъ отправленій животнаго царства? 4) Плиніѣ и говорить нечего, потому что его даже и за то нельзя похвалить, за что хвалятъ Аристотеля. Теперешніе натуралисты проводятъ по цѣлымъ часамъ надъ какимъ нибудь муравейникомъ, и повторяютъ такіе сеансы каждый божій день, въ теченіи многихъ и очень многихъ лѣтнихъ сезоновъ, и все-таки, при этомъ страшномъ напряженіи вниманія, считаютъ себя школьниками въ дѣлѣ изученія природы и сознаются въ томъ, что психологическіе вопросы животнаго царства до сихъ поръ даже не могутъ быть поставлены надлежащимъ образомъ. Во времена Аристотеля задача была такъ же громадна и запутана, какъ и теперь, а между тѣмъ великій Аристотель никогда не углублялся въ изученіе муравейниковъ; онъ писалъ и о политикѣ, и о логикѣ, и о риторикѣ, и между прочимъ, о естественной исторіи; онъ воспитывалъ Александра Македонскаго, и онъ же основалъ цѣлую громадную философскую школу перипатетиковъ. Положимъ, что онъ очень великъ; его величіе пускай при немъ и остается на вѣчныя времена; но если мы вздумаемъ обращаться къ такому всеобъемлющему гению за свѣденіями о правахъ мелкой твари, то наша довѣрчивость приведетъ насъ къ очень неутѣшительнымъ результатамъ. Недурно также припомнить, что Америка и Австралія были совершенно неизвѣстны Аристотелю, а Индія, Китай, Сибирь, почти вся Африка и весь сѣверъ Европы были извѣстны только по недѣлѣйшимъ сказкамъ. Каковы были пробѣлы въ зоологическихъ свѣденіяхъ классической древности, это достаточно видно изъ того факта, что ни греки, ни римляне не знали ни одного вида высшихъ обезьянъ, ни орангъ-утанга, ни гиббона, ни шимпанзе, ни гориллы. На-

конца, надо же знать въ томъ разѣ насчетъ, что живить якобы пять тысячъ лѣтъ ровно ничего не значить въ томъ неопредѣленномъ овалѣ тысячелѣтій, который отдѣляетъ нашу эпоху отъ зарождеи органической жизни на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, что вы расстанис на мѣсяцъ съ любимомъ женщиною; вы изучили всѣ черты ея лица, вы заиѣтали бы въ немъ малѣйшую переиѣну, а между тѣмъ, вы возвращаетесь черезъ мѣсяцъ, всматриваетесь, и не замѣчаете ровно ничего. Потребуите утверждать на этомъ основаніи, что время не измѣняетъ человека. А въ жизни органической природы пять тысячъ лѣтъ навѣрное значить меньше, чѣмъ одинъ мѣсяцъ въ жизни человека. Стало быть, историческія свидѣтельства, по очень многимъ причинамъ, не могутъ дать намъ никакихъ матеріаловъ для рѣшенія вопроса о движеніи умственныхъ способностей въ мирѣ животныхъ. Геологія также молчитъ, потому что никакой следить не можетъ намъ разсказать, какъ жилъ и мыслить аго обладатель. Гдѣ же искать отвѣта? Да все тамъ же, въ осмысленномъ наблюдении живой природы. Живая природа, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, даетъ намъ очень много указаній на тотъ процессъ развитія, посредствомъ котораго она возвысилась до своего теперешняго положенія. Надо только смотрѣть и понимать.

### III.

Угнѣшимъ въ первый и послѣдній разъ обозначеній Аристотеля и научнаго благопріятія; откошемся отъ дарвиновскаго лукавства; допретимъ, что элгуинчій процессъ и собачья цивилизація не существуютъ и не могутъ существовать; и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Если переходы отъ одного рода привычекъ къ другому совершенно невозможны въ царствѣ животныхъ, если необовримый рядъ предивовъ каждаго животнаго вида всегда токъ въ томъ такъ, какъ въ настоящее время живеть ихъ потомокъ, то это значить, что известнаго комплекта привычекъ связанъ на вѣчныя времена роковыми и необходимыми узамъ съ известнымъ устройствомъ организма. Угнѣшать, такъ угнѣшать! Положимъ, что и устройство организма неизмѣнно и неповолебимо. Если существуетъ нераврушная связь меж-

ду устройствомъ организма и всѣми привычками, то, разумеется, всѣ животныя одного вида должны имѣть совершенно одинаковыя привычки, отъ которыхъ они не могутъ отклоняться ни на волосъ, ни подъ какии-либо видами, и ни при какии-либо условіяхъ. Если бы только допустить, что животное, въ минуту сильнаго голода, можетъ взять въ ротъ кусокъ такой пищи, которую не ѣли его отцы, дѣды и пра-дѣды, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ будетъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Если гнетъ сильной необходимости можетъ про-звести въ привычкахъ малѣйшее уклоненіе, то рѣшительно никто не можетъ поручиться, что этотъ гнетъ не дѣйствовалъ на каждое поколѣніе, и что изъ множества мелкихъ уклоненій не составилось, въ концѣ концовъ, совершенное превращеніе. Стало бытъ, для под-держанія любезнаго принципа, надо твердо стоять на томъ, что всѣ теперешнія ласточки одного вида живутъ, какъ одна ласточка, всѣ медвѣди, какъ одинъ медвѣдь, всѣ лягушки, какъ одна лягушка, и такъ далѣе, распространяя это правило: «всѣ, какъ одинъ» на всѣ отдѣльныя виды бессловесной твари. Хорошо, будемъ стоять. Кро-мѣ того, животныя, близкія другъ къ другу по тѣлосложенію, долж-ны имѣть сходныя привычки. Это условіе такъ же необходимо для поддержанія принципа, который весь держится на томъ основномъ положеніи, что привычки составляютъ роковой и неизмѣнный резуль-татъ организаціи. А если организація составляетъ единственную при-чину привычекъ, то невозможно допустить, чтобы сходныя причины привычекъ за собой несли за собою сходныя слѣдствія. Стало бытъ мы получили два закона:

I) Всѣ животныя одного вида живутъ, какъ одно животное.

II) Сходныя виды имѣютъ сходныя привычки.

Изъ этихъ двухъ законовъ не можетъ быть ни одного исключенія, и если такое исключеніе встрѣтится, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ окажется мнимымъ. Посмотришь теперь на живую природу. Она одна можетъ рѣшать споръ между научнымъ благоуміемъ и дарвиневскимъ лукавствомъ. Если не найдется исключенія, то мы навсегда откажемся отъ собачьяго прогресса. Въ противномъ случаѣ, великій принципъ принужденъ будетъ сложить оружіе, и признать се-бя нелѣпностью. Долго разсуждать тутъ нечего. Исключеній пропастъ, и оба основныя закона трещать по всѣмъ направленіямъ.

Животныя всевозможныхъ породъ, на каждомъ шагѣ позволяютъ себѣ такіе выходы, которыя очень рѣзко отличаются отъ обык-

повседневный и восторженный привычек цыганского вида. Одинъ разъ наблюдателю удалось подметить такую выходку, но придется ли ему во второй разъ наблюдать то же наблюдение, этого никакъ нельзя сказать заранее, потому что выходы эти, можетъ быть, совсѣмъ не повторятся, или повторятся по вращенію значительнаго промежутка времени, а можетъ быть, повторятся тотчасъ же, или на другой день. Все зависитъ отъ того, какъ сложится для животнаго разнаго мелкаго обстоятельства его ежедневной жизни. Напримеръ, въ северной Америкѣ, натуралистъ Гирри видѣлъ, какъ черный медвѣдь плавалъ по рѣкѣ съ развинутою пастью, и глоталъ водныхъ насекомыхъ. Это упражненіе продолжалось нѣсколько часовъ, но какой то благоразумный человекъ рѣшился утверждать, что такія занятія свойственны медвѣдью, что они находятся въ строгой зависимости отъ его организаціи, и что всѣ предки этого оригинала всегда занимались подобными промыслами. Бить постоянно поступать такимъ образомъ, и вѣду очень удобно это дѣлать: у него пасть услана ровными пластинками, въ которыхъ насекомыя и всякая мелочь задерживаются для съдѣнья; а въ верхней части головы у него продѣланы отверстія, черезъ которые онъ выбрасываетъ воду, набранную въ ротъ выестъ съ мелкими животными. Не мѣшаетъ также заметить, что вить, во время таежной охоты, чувствуетъ себя совершенно дома; между тѣмъ, какъ медвѣдь приходится въ лѣтнее время отъправляться въ чужую стѣнку во огни, холоду и неудобствамъ добночею. Можно себѣ представить, сколько онъ, во время этого занятія, проглотилъ воды, безъ всякой надобности, и безъ малѣйшаго жажанія; сколько разъ вода захлестывала ему носу; и сколько разъ пойманныя насекомыя уносила въ его пасть, отъ то время, когда онъ открывалъ и отплевывался. Повторить ли онъ свое дѣланіе, это, конечно, зависитъ отъ того, понравится ли ему первая попытка, и, если животное можетъ дѣлать попытку; и, въ случаѣ успеха, повторять ихъ, то куда же, послѣ этого, упростила привычки немалыхъ привычекъ? Разныя виды охоты часто дѣлаютъ то, что несвойственно ихъ породѣ, и что совершенно свойственно какой нибудь другой породѣ, вовсе на нихъ непохожей. Мушкетеръ (Musci-сар) обитаетъ по густымъ деревьямъ, и питается насекомыми; но Дарви въ видѣхъ по ять, какъ одна изъ птицъ этого рода; *Sayornis nigricans*, подобно воробью, до жала въ воздуху на одной нѣсѣ, съ распростертыми крыльями, потомъ дѣлаетъ быстрый пово-

ротъ, и вслѣдъ за тѣмъ останавливалась такимъ же образомъ надъ другою точкою. Кершуну, какъ хищнику, очень удобно такимъ образомъ высматривать себѣ съ высоты добычу, состоящую изъ птицъ и мелкой звѣрью; но для мухоловки, пиющей насѣкомыми, такой способъ вовсе не можетъ быть полезенъ; стало быть, тѣ суеты, акты, за которыми Дарвинъ подыталъ эту замашку, руководствовались какими нибудь особенными соображеніями, не имѣющими тѣсной связи съ обыкновенными потребностями и привычками всей породы. Дарвину случалось также видѣть, что *Saugorhagus Sulphuratus* стоитъ надъ водою, караулитъ мелкую рыбу, и потомъ вдругъ кидается на нее, выхватъ удобную минуту; а между тѣмъ мухоловка нисколько не приспособлена къ водяной охотѣ. Стало быть, она сама себя приспособляетъ; а принципъ опять таки страдаетъ, по случаю ея нескромности. Синица (*Parus major*) также позволяетъ себѣ различія непослѣдовательности; обыкновенно она прыгаетъ по вѣткамъ деревьевъ, и питаетъ ся ягодами, зернами и насѣкомыми; но иногда она лазитъ, какъ пензуха; иногда она своимъ клювомъ бьетъ мелкихъ птичекъ по головѣ до смерти, и вполнѣ подражаетъ въ этомъ отношеніи хищному сорокопугу (*Lanius*), который однако вовсе не похожъ на нее, и принадлежитъ даже къ совершенно другому семейству. Иногда, та же самая беззаконная синица разбиваетъ малгіе орѣхи, ударяя ихъ по нѣскольку разъ объ дерево, и въ этомъ случаѣ она беретъ примѣръ съ орѣховки (*Nucifraga*), которая также принадлежитъ къ другому семейству. Принципы, принципы! Какое ты себѣ другъ мой, чувствуешь? Но это еще все цвѣточекъ, а настоящія ягоды заключаются въ томъ фактѣ, что цѣлыя породы, находящіяся между собою въ самомъ близкомъ родствѣ, и очень доходя другъ на друга по славу тѣла, имѣютъ такія постоянныя привычки, въ которыхъ самый усердный божателъ принципа не усмотритъ даже ни малѣйшаго сходства. Дятель (*Picus*), вѣтъ устройствомъ своего тѣла, превосходно приспособленъ къ тому, чтобы лазить по деревьямъ, выстукивать насѣкомыхъ изъ-подъ коры ударами клюва, и ловить ихъ языкомъ въ узкихъ трещинахъ и углубленіяхъ. Вотъ какъ описывать его учебникъ зоологій: «Клювъ прямой, коническій; языкъ длинный, заостренный, роговой, прирѣзанный къ подвижнымъ язычнымъ костямъ, можетъ съ быстротой выдвигаться изъ рта. Хвостъ съ жесткими перьями служащими опоркою при лазеніи. Къ этому описанію можно прибавить, что и нога этой птицы, по

устройству пальцев и когтей, превосходно принаровлена къ обыкновеннымъ привычкамъ огромнаго большинства дятловъ, которые, дѣйствительно, постоянно карабаются по стволамъ и толстымъ сучьямъ деревьевъ, стучать въ нихъ клювомъ, и вылизываютъ изъ нихъ разныхъ насѣкомыхъ. Но и между дятлами встрѣчаются неблагодарные вольнодумцы, для которыхъ всѣ эти милости заботливой природы остаются мертвымъ капиталомъ. Въ сѣверной Америкѣ одна порода дятловъ питается преимущественно плодами, а другая, одаренная длинными крыльями, летаетъ вслѣдъ за насѣкомыми и ловить ихъ на воздухъ, вмѣсто того, чтобы выстукивать ихъ изъ подъ древесной коры. Ага! скажетъ защитникъ принципа, длинная крылья! Оттого-то они и летаютъ за насѣкомыми, что у нихъ длинная крылья. На это восклицаніе можно отвѣтить, что защитникъ принципа, какъ утопающій, хватается за соломинку, которая такъ и останется у него въ рукахъ. Во-первыхъ, длинная крылья вовсе не мѣшаютъ этимъ дятламъ карабкаться по деревьямъ; а во-вторыхъ, крылья обыкновенныхъ дятловъ вовсе не коротки и не слабы, такъ что обыкновенный дятелъ очень легко и удобно могъ бы ловить насѣкомыхъ на лету, если бы того требовали мѣстные обстоятельства. А почему именно крылья длиннѣе у того дятла, который больше другихъ летаетъ, на этотъ вопросъ теорія лукаваго Дарвина даетъ, кажется, совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Она произноситъ въ этомъ случаѣ только двѣ пары словъ: «упражненіе органовъ» и «естественный выборъ.» Читатель долженъ понимать, что этого вполне достаточно. Дятелъ *Colaptes*, живущій въ Мексикѣ, и описанный Соссуромъ, самымъ необыкновеннымъ образомъ извращаетъ свои естественныя дарованія. Онъ выдалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ углубленія въ стволахъ очень твердыхъ деревьевъ, и складываетъ въ эти углубленія запасы зеренъ, обезпечивающіе его продовольствіе. *Colaptes*—дятелъ, и нашъ европейскій *picus*—также дятелъ; у одного—крѣпкій клювъ, и у другаго также крѣпкій клювъ. Спрашивается, почему же одинъ—устроиваетъ себѣ амбары, а другой—выстукиваетъ насѣкомыхъ? Отвѣчать не трудно, но только отвѣтъ будетъ губителенъ для принципа неизмѣнныхъ привычекъ. Александръ Гумбольдтъ былъ человекъ, и Наполеонъ I былъ также человекъ. У одного былъ здоровый мозгъ, и у другаго былъ также здоровый мозгъ. Почему же одинъ написалъ «Космосъ», а другой соорудилъ 18-ое брюмера, разстрѣлялъ герцога Ангіенскаго, выигралъ нѣсколько десятковъ сра-

жени, очень упорно преслѣдовать идеологию, и наконецъ, какъ молодой ребенокъ, отдался въ руки сначала негодяю Фуя, а потомъ английской олигархіи? Не потому ли, что обстоятельства были не одинаковы? Вліянія, дѣйствовавшія на этихъ двухъ людей, окружавшія ихъ съ самой минуты рожденія и направлявшія каждый ихъ шагъ, и каждую ихъ мысль въ ту или въ другую сторону, были различны, и отъ того выработались два различные характера, а въ общемъ выводъ получились уже совершенно несходные результаты. На молодого Бонапарте и на молодого Гумбольдта дѣйствовали идеи вѣка, политическія событія, отношеніе этихъ событій къ ихъ отечеству, семейныя обстоятельства, денежное положеніе того и другаго, — словомъ, огромная масса такихъ условій, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ внутреннимъ строеніемъ ихъ мозга и всего ихъ организма. Если бы какой нибудь великій анатомъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ мозгъ покойнаго Гумбольдта и покойнаго Наполеона, и если бы оказалось, что вѣсь, химическій составъ, устройство всѣхъ извилинъ, величина всѣхъ внутреннихъ желудочковъ, словомъ всѣ мельчайшія особенности совершенно сходны въ обоихъ мозгахъ, то я не думаю, чтобы какой нибудь здравомыслящій человекъ нашелъ это обстоятельство особенно удивительнымъ, не смотря на то, что эти двѣ даровитыя личности занимались въ жизни совершенно различными предметами. Было бы даже гораздо удивительнѣе, если бы мозгъ Мюрата былъ въ такой же значительной степени похожъ на мозгъ Наполеона, или если бы въ черепъ профессора Креозотова заключался совершенно такой мозгъ, какимъ обладалъ Александръ Гумбольдтъ. А между тѣмъ Мюратъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ почти всѣ его компаніи, и даже считался въ свое время великимъ кавалерійскимъ генераломъ. А Креозотовъ, подобно Гумбольдту, постоянно предавался ученымъ занятіямъ. Возьмемъ другой примѣръ. Передъ вами лежатъ на столѣ двѣ бритвы; одна настоящая англійская, другая — чисто отечественная, и притомъ изъ самыхъ плохихъ. Какъ тою, такъ и другою бритвою вы можете сдѣлать множество разнообразнѣйшихъ эволюцій: выбрить себѣ бороду, или перерѣзать себѣ горло, или срѣзать себѣ мозоль, или разрѣзать лимонъ, или очинить карандашъ. И все это можетъ быть произведено обѣими бритвами, почти съ одинаковымъ успѣхомъ, потому что трудно себѣ вообразить такую дрянную бритву, которая съ перваго же разу оказалась бы несостоятельною. Если вашъ родственникъ хватитъ себя по горлу вашею англійскою брит-

воду, а вы будете употреблять свою русскую бритву какими-нибудь другими, менее кровопролитными образом, то я не думаю, чтобы из этих двух фактов можно было вывести хоть малейшее заключение о сравнительном достоинстве обоих инструментов. Оба эти факта зависят от той обстановки, в которой находились обе бритвы, и отдельные элементы этой обстановки не имеют сколько-нибудь ничего общего с качествами русской и английской стали, или русской и английской фабрикации бритвы. Но, разумеется, никакая обстановка не может приравнять бритву къ такому употреблению, которое совершенно несовместно съ ея фигурою, или съ свойствами ея материала. Если вамъ понадобится написать письмо, вы никакъ не напишете его бритвою. Хоть бы вамъ до-зарѣзу необходимо были сапоги, вы ни за какія блага не ухитритесь надѣть бритву на ногу. Вы можете умирать съ голоду въ комнатѣ, переполненной бритвами, и все-таки вая не удастся разжевать, проглотить и переварить хоть одну бритву. То же самое можно сказать о Наполеонѣ и о Гумбольдтѣ. Если бы Наполеонъ захотѣлъ спести яйцо, то, по всей вѣроятности, вся его гениальность не доставила бы ему желаннаго успѣха. Простая курица перещеголяла бы въ этомъ отношеніи великаго завоевателя. А Гумбольдту легче было бы написать другую книгу, подобную Космосу, чѣмъ собственными средствами своего организма выработать одинъ квадратный вершокъ паутины, или одинъ золотникъ воска. Глупѣйшій изъ науковъ и гнѣвнѣйшая изъ рабочихъ пчелъ превзошли бы въ этихъ дѣлахъ одного изъ даровитѣйшихъ работниковъ нашего столѣтія. Между простымъ и безжизненнымъ орудіемъ, подобнымъ бритвѣ, и тѣмъ удивительно-сложнымъ органомъ, который называется человѣческимъ мозгомъ, лежитъ громадное разстояніе. Можно сказать, что вся природа помещается въ этомъ промежуткѣ. Однако, не смотря на эту громадность разстоянія, можно замѣтить, по крайней мѣрѣ одну, общую черту въ дѣятельности бритвы и въ дѣятельности мозга. Имено, результатъ дѣятельности въ обоихъ случаяхъ не зависитъ вполнѣ и исключительно отъ собственныхъ качествъ бритвы и мозга. Результатъ этотъ складывается изъ двухъ элементовъ; изъ качествъ самого орудія и изъ качествъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, съ которыми данное орудіе соприкасается во время своей дѣятельности. Каждый кусокъ неодушевленной матеріи подчиняется этому общему закону наравнѣ съ организмомъ чело-



вѣка. Организмъ животнаго ближе къ организму человѣка, чѣмъ ту-  
 сось неорганическаго вещества, а между тѣмъ защитники неизмѣн-  
 ныхъ привычекъ ухитрились выдумать, что весь міръ животныхъ  
 составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Они думаютъ, что  
 если ужъ дятлу даны способности лазить и долбить, то онъ такъ и  
 будетъ поступать всегда и вездѣ, хотя бы онъ даже попалъ въ та-  
 кое мѣсто, гдѣ нѣтъ деревьевъ и гдѣ очень мало насѣкомыхъ. Бо-  
 роться съ такими идеями даже какъ-то неловко и совѣстно, и я  
 прошу читателя извинить мое длинное отступленіе отъ настоящаго  
 дѣла. Мнѣ хотѣлось только показать, какимъ образомъ многія изъ  
 нашихъ обиходныхъ понятій рѣшительно противорѣчатъ не только  
 осязательнымъ фактамъ живой природы, но даже основнымъ зако-  
 намъ здороваго человѣческаго мышленія. Если въ нелѣпостяхъ мо-  
 гутъ быть какія нибудь трагедіи, то надо будетъ сознаться, что идея  
 о неизмѣнности животныхъ привычекъ составляетъ болѣе значитель-  
 ную и несообразную нелѣпость, чѣмъ извѣстная русская теорія о  
 трехъ китахъ, поддерживающихъ нашу планету. Когда мы всматри-  
 ваемся въ дѣло, тогда мы ясно видимъ, гдѣ смыслъ и гдѣ безмы-  
 слица. Но въ томъ-то и горе наше великое, что намъ очень рѣдко  
 приходится всматриваться въ наши идеи, и выбивать приемами стро-  
 той критики ту пыль и моль, которая завелась въ нашей умствен-  
 ной рухляди и перепортила все естественное богатство нашего пре-  
 восходнаго кавказскаго мозга. Мозгъ-то хорошъ, да дряни въ немъ  
 много. Чтобы покончить исторію о дятлахъ, я сообщу читателю, что  
 въ безлѣсныхъ равнинахъ Ла-Платы живетъ дятель *Colaptes campestris*,  
 который никогда не взлѣзаетъ на деревья, но той простой при-  
 чинѣ, что не на что взлѣзать. Клювъ его не такъ твердъ и прямъ,  
 какъ у простаго дятла, во-первыхъ, по недостатку упражненія, а  
 во-вторыхъ, потому, что естественный выборъ пересталъ поддержи-  
 вать спеціальныя качества этого орудія. Въ безлѣсной странѣ, гдѣ  
 ничего долбить, дятлу безполезенъ твердый и прямой клювъ, и по-  
 этому строгость естественнаго выбора въ этомъ отношеніи ослабла.  
 Здѣсь мы можемъ проститься съ неизмѣнными привычками и съ ихъ  
 остроумными защитниками, опирающимися на египетскіе памятники  
 и на сочиненія классическихъ мудрецовъ. Возьмемся съ ними очень  
 случно, и я увѣренъ, что они уже давно спротивили моему возмож-  
 ному читателю, свободному отъ всякихъ предубѣжденій, или, по  
 крайней мѣрѣ, искренно-желающему отъ нихъ освободиться. Чтѣни

окончательно сразить ~~протозоиты~~ *Дарвина*, ~~доказательство~~ *эволюции* одно слово, указывающее на ~~идеи~~, ~~длинный~~ ~~ряд~~ ~~фактов~~. Это слово: *акклиматизация животных*. Обь ~~ней~~ ~~и~~ ~~один~~ ~~распространяться~~ ~~не~~ ~~буду~~.

#### IV.

Привычки животных изменяются вместе съ условіями жизни, а для того, чтобы условія жизни изменились, вовсе не нужно накладывать на землю какіе нибудь ужасы, въ родѣ наводненія или землетрясенія. Если порода благоденствуетъ и размножается, то самая эта безмятежность, самое это довольство, рано или поздно, приведутъ за собою перемену; порода размножится такъ, что явится несообразность между количествомъ пищи и числомъ потребителей; многимъ субъектамъ придется искать новой пищи и приспосабливаться къ новымъ промысламъ; вотъ вамъ и перемена. Пока искатели новой пищи не выработаютъ себѣ новыхъ приспособленій, до тѣхъ поръ мы будемъ замѣчать разладъ между тѣлосложеніемъ животнаго и его образомъ жизни. Разладъ этотъ во всякомъ случаѣ будетъ продолжаться очень долго, потому что всѣ видоизмѣненія совершаются въ органическомъ мірѣ чрезвычайно медленно и незамѣтно. А большая или меньшая продолжительность этого разлада будетъ зависѣть отъ большей или меньшей глубины даннаго организма, отъ большей или меньшей напряженности борьбы и отъ большей или меньшей строгости естественнаго выбора. Т. е. здѣсь, какъ и вездѣ, результатъ будетъ обуславливаться свойствами субъекта и особенностями всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ. Если это разсужденіе вѣрно, то оно должно оправдываться фактами дѣйствительной жизни. Если оно вѣрно, то есть основаніе думать, что нѣкоторыя породы животныхъ въ настоящую минуту должны представлять живой образчикъ такого разлада между устройствомъ тѣла и свойствами привычекъ. Слѣдовательно, если мы найдемъ, что такія породы дѣйствительно существуютъ, то мы будемъ имѣть полное основаніе сказать, что разсужденіе было построено вѣрно. Дятлы, летающіе за насѣкомками, ниспадающіея ягодами и живущіе въ совершенно безлѣсныхъ рани-

нахъ, показываютъ уже довольно замѣтный разладъ между тѣлосложеніемъ и привычками. Но есть и другіе примѣры, гораздо болѣе поразительные. Буревѣстники проводятъ большую часть своей жизни на лету, между небомъ и моремъ, вдали отъ береговъ. У всего этого семейства птицъ крылья превосходно развиты. Между тѣмъ, въ тихомъ проливѣ Огненной земли живетъ буревѣстникъ *Puffinuria Bernardi*, который превосходно плаваетъ и ныряетъ, но чрезвычайно рѣдко, и по видимому, неохотно поднимается на воздухъ. По привычкамъ своимъ, онъ очень похожъ на пингвина или на чистика, т. е. на такихъ птицъ, которыя совершенно лишены способности летать, и употребляютъ свои крылья на водѣ вмѣсто веселъ, а на сушѣ вмѣсто переднихъ ногъ. Особенности его образа жизни произвели уже довольно значительныя измѣненія въ устройствѣ его тѣла, но въ немъ еще легко узнать типъ настоящаго буревѣстника. Оляпка (*Cinclus aquaticus*) постоянно добываетъ себѣ пищу подъ водою, ныряетъ, цѣпляется ногами за камни, и бѣгаетъ по дну рѣки, разгребая воду крыльями. Между тѣмъ, оляпка принадлежитъ къ земному семейству дроздовъ, и, рассматривая ея трупъ, самый опытный наблюдатель не отыщетъ въ немъ ни малѣйшаго намека на ея своеобразныя привычки. Стало быть, разладъ существуетъ во всей своей силѣ. У гусей перепонка между пальцами приспособлена для плаванія, и мы, разумѣется, привыкли считать гуся совершенно водяною птицею; а между тѣмъ есть нѣсколько породъ дикихъ гусей, которыя, сохраняя перепонку, никогда не входятъ въ воду. Фрегаты (*Fregata aquila*) постоянно летаютъ надъ моремъ, удаляются отъ береговъ на огромныя разстоянія и, не смотря на то, почти никогда не опускается на воду. Изъ всѣхъ натуралистовъ, только одинъ Одюбонъ видѣлъ, что фрегатъ опустился на воду, а между тѣмъ у фрегата четыре пальца соединены перепонкою. Но въ этой перепонкѣ, которая отлично годится для плаванія, есть глубокія выемки, указывающія на то, что негдѣ фрегата начала измѣняться, оообразно съ его образомъ жизни. У гагары и у лысухъ пальцы только оторочены перепонкою, хотя эти пальцы постоянно держатся на водѣ. Опять разладъ и противорѣчіе. Длинные ноги голенастыхъ птицъ такъ отлично приспособлены къ путешествіямъ по болоту, что ничего лучше жемать не остается и требовать не надо; между тѣмъ, съ одной стороны, водяная курочка, принадлежащая къ этому порядку, постоянно плаваетъ по водѣ, вмѣсто того, чтобы бродить по вязкому берегу; а съ другой стороны, поросель, при-

подходящие для одностороннему съединению куропатки, и даже не-  
 обходимый съ ней фидокъ въ убивать вооруженъ, также приспособ-  
 лено, и дождется обжаренно въ хвостикъ цеслякъ и въ ви-  
 соной травѣ, а также съ перепонками и куропатками. Изъ этихъ  
 этихъ фактовъ мы видимъ, что организація животнаго вѣка не сна-  
 зана на такую мѣру съ однимъ, тѣсно опредѣленнымъ образомъ жи-  
 зни. Изначно, организація ставитъ некоторыя границы для дѣятель-  
 ности животныхъ, но эти границы оставляютъ животному очень ши-  
 рокій просторъ, и со временемъ могутъ быть раздвинуты еще шире,  
 если представится настоятельная необходимость и если окружающія  
 обстоятельства дадутъ на то наибольшую возможность. Разумѣется,  
 рыба не можетъ построить себѣ гнѣзда на деревѣ; воробей не мо-  
 жетъ вырыть въ землѣ тѣ норы и галлоры, которыя сооружаетъ  
 протъ; тигръ не можетъ питаться травой, какъ баранъ; а страусъ  
 не можетъ гоняться за голубями, какъ ястребъ. Между рыбою и  
 птицею, между воробьемъ и тропемъ, между тигромъ и бараномъ,  
 между страусомъ и ястребомъ существуютъ очень глубокія различія  
 въ организаціи; однако, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы ме-  
 жду этими очень различными организаціями была непроходимая  
 бѣдна, чрезъ которую природа, то есть постоянное дѣйствіе разно-  
 родныхъ и очень сложныхъ обстоятельствъ, не была бы въ состоя-  
 нии проложить узкую тропинку или широкую дорогу. Въ природѣ  
 возможны самыя полныя превращенія и самыя удивительныя пере-  
 ходы, но только эти превращенія и переходы никогда и ни когда не  
 являлись видоизмѣненіями не могутъ совершиться вдругъ и внезапно. Вся исторія  
 органической жизни состоитъ въ томъ, что различныя формы жи-  
 вотныхъ и растений постоянно обособлялись, и съ каждымъ поколе-  
 ніемъ, дробясь на новыя разновидности, все сильнѣе и рѣзче уда-  
 лялись другъ отъ друга; вслѣдствіе этого, въ настоящую минуту  
 различныя отдѣлы, классы и порядки животнаго царства гораздо  
 дальше отстоятъ другъ отъ друга и гораздо глубже и явственнѣе  
 разграничены между собою, чѣмъ это было въ прошедшія геологи-  
 ческія эпохи. Однако, не смотря на эти глубокія границы, не смотря  
 на то, что вслѣдствіе промежуточныхъ формъ постоянно вытѣсняются  
 крайніими представителями отдѣловъ, классовъ и порядковъ, мы и  
 теперь можемъ указать на тѣ пути, по которымъ могли бы совер-  
 шиться самыя далекіе и неожиданныя переходы; во многихъ случа-  
 яхъ мы встречаемся даже съ живыми формами, исторіи, какъ въ

стовые столбы, стоятъ по серединѣ этихъ путей, и ясно говорятъ намъ, самымъ фактомъ своего существованія, что было время, когда эти заброшенные пути были бойкими столбовыми дорогами, и когда органическая жизнь, направляясь къ своему тенереннему положенію, медленно и величественно совершала по этимъ путямъ свое безпредѣльное развитіе. Такимъ образомъ, цѣлые два порядка животныхъ связываютъ классъ млекопитающихъ съ классомъ рыбъ; во-первыхъ, ластоногія (Pinnipedia), то есть моржи, тюлени, морскіе львы и морскіе коты; а во-вторыхъ, китовыя (Cetacea), то есть киты и дельфины. Летучая рыба намекаетъ на возможность перехода отъ рыбы къ птицѣ, и напоминаетъ о тѣхъ страшно далекихъ временахъ, когда вся наша планета была покрыта водою, когда главнѣйшими представителями органической жизни были моляюски и хрящевыя рыбы, и когда эти рыбы, самыя совершенныя изъ тогдашнихъ живыхъ существъ, подъ вліяніемъ борьбы за жизнь и естественнаго выбора, стали постепенно перерождаться въ крылатыхъ гадовъ и въ птицеобразныхъ животныхъ, или вѣрнѣе, въ рыбообразныхъ птицъ. Австралійскій утконосъ стоитъ на границѣ между млекопитающими и птицами; а сумчатыя животныя, изъ которыхъ одни, по устройству своихъ зубовъ, приближаются къ жвачнымъ (кенгуру), другія къ грызунамъ (вombatъ), а третьи къ плотояднымъ (двуутробка), показываютъ намъ, какъ развивалось въ прошедшемъ то глубокое различіе, которое существуетъ теперь между этими тремя, рѣзко разграниченными порядками млекопитающихъ. Все животное царство распадается на два громадныя отдѣла, на позвоночныхъ и беспозвоночныхъ. Различіе между этими двумя отдѣлами до такой степени глубоко, что между животными этихъ двухъ отдѣловъ даже нельзя производить никакихъ сравненій; невозможно указать, и бесполезно было бы спрашивать, какое животное стоитъ выше въ цѣли созданій: какія побудитъ рыба или млекопитающее. Были какъ не имѣютъ между собой ни одной точки соприкосновенія, и равняются совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Эти два отдѣла животнаго царства обозначившись, по всей вѣроятности, въ самой глубокой древности, недоступной даже для геологовъ, какія формы преобладавали этому раздѣленію, — этого мы никогда не узнаемъ, хотя, конечно, можно предположить, что жила тогда животная, до нѣкоторой степени похожая на тенеренныя млекопитающія, если не по своей величинѣ, то, по крайней мѣрѣ, по простотѣ своей организаціи. Однако, не

смотря на то, что различіе между восточными и безосточными такъ глубоко и такъ сильно упрекою своею неизвѣрною дрянностью, — не смотря на это, существуютъ и теперь нѣкоторыя формы, служація живымъ накомомъ на прежнее, уже совершенно утраченное родство между этими двумя отдѣлами. Амфиокъ или дванетная рыба принадлежитъ къ позвоночнымъ животнымъ, а между тѣмъ ее очень долго принимали за моллюска; у нея нельзя отличить головы и головного мозга; поэтому, когда ее причисляли къ моллюскамъ, то ее ставили ниже головногихъ и брюхоногихъ моллюсковъ, у которыхъ ясно обозначена голова. Даже между царствами животнымъ и растительнымъ, которыя должны были отдѣлиться другъ отъ друга еще раньше, существуютъ нѣкоторыя промежуточные формы, которыя никакъ не могли возникнуть послѣ того, какъ это раздѣленіе уже совершилось. Полипы очень долго считались растениями, и только въ половинѣ прошлаго столѣтія окончательно перчислены въ категорію животныхъ, не смотря на то, что у большей части полиповъ до сихъ поръ не доказано существованіе нервной системы. Губки очень недавно включались въ растительное царство, а теперь ихъ также перевели въ разрядъ животныхъ, хотя тутъ и рѣчи не можетъ быть о нервной системѣ. Любопытно замѣтить, что эти промежуточные формы, занимающія теперь самое низшее мѣсто въ царствѣ животныхъ, занимали также одно изъ низшихъ мѣстъ въ ряду растений. Это — живые остатки того далекаго прошедшаго, когда органическая жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи, и когда всѣ зародыши и всѣ родоначальники теперешнихъ, безконечно разнообразныхъ типовъ, были похожи другъ на друга и сливались между собою въ общемъ, хаотическомъ броженіи безцвѣтности и безформенности. Это — выкидыши органической природы, оставшіеся въ живыхъ, не смотря на свою недодѣланность. Очень понятно, что выкидыши самаго высшаго животнаго мѣсте развиты въ своей организаціи, чѣмъ вполне сложившееся животное низшаго разряда. Поэтому и не трудно понять, что такія формы, какъ полипы и губки, всегда будутъ занимать послѣднее мѣсто въ цѣпи органическихъ существъ, къ какому бы царству ни относили ихъ классификаторы. Всю эту экскурсію по различнымъ областямъ органическаго міра я веду къ тому, чтобы выразить нѣсколько мыслей, имѣющихъ самое прямое и непосредственное отношеніе къ нашему главному предмету. Развиваясь по разнымъ направленіямъ изъ

одного общаго источника, и подчинилъсь въ своемъ разностороннемъ развитіи господству одинаковыхъ законовъ, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ, органическая природа сохранила, и, во всей вѣроятности, сохранитъ навсегда, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, ту гибкость, извѣчность и подвижность, которыя привели ее къ ея теперѣшнему, роскошному и цвѣтущему разнообразію. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что щука, тигръ, воробей, страусъ и всѣ вообще современные намъ организмы составляютъ собою тотъ окончательный результатъ, къ которому направлялось все развитіе живой природы. Множество подвижныхъ фактовъ доказываетъ намъ, напротивъ того, что въ органической природѣ все идетъ по старому, и что формы передѣлываются или до поры до времени остаются неподвижными, смотря по тому, какъ дѣйствуютъ на нихъ всѣ остальные формы, съ которыми имъ, такъ или иначе, приходится вести борьбу за существованіе. Есть ли въ органическомъ мірѣ такія формы, которыя были бы совершенно неизмѣнны и неподвижны по самой своей природѣ, этого мы не знаемъ; но если такія формы существуютъ, то онѣ, при первой встрѣчѣ съ неблагоприятными обстоятельствами, будутъ непремѣнно истреблены, потому что онѣ, вслѣдствіе своей неподвижности, не будутъ въ состояніи выдержать случившуюся перемѣну и приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Очень многія, а можетъ быть и всѣ, погибшія формы погибли именно отъ того, что тѣ или другія измѣнившіяся обстоятельства потребовали отъ нихъ такого быстрого и значительнаго измѣненія въ привычкахъ и въ организаціи, которое въ данную минуту было для нихъ невозможно. А такъ какъ езда вещей неотразима и не даетъ никакихъ отсрочекъ, то она ихъ и свернула до совершеннаго уничтоженія. Если бы тигру предстала альтернатива — питаться травою или умереть съ голоду, онъ бы умеръ, но это вовсе не доказываетъ, что между влояднымъ и травояднымъ лежитъ непроходимая бездна. Можетъ быть, переходъ возможенъ, но только никакъ не вдругъ. Наша домашняя кошка приходится тигру очень близкою родственницею; до своего знакомства съ человѣкомъ, она питалась исключительно мясомъ, а теперь всякій знаетъ, что ее можно кормить молокомъ и хлѣбомъ; Молешотъ, писавшій свое «ученіе о пищѣ» въ то время, когда о теоріи Дарвина не было ни слуху, ни духу, говоритъ положительно въ введеніи къ этой книгѣ, что у дикой кошки кишечный каналъ

короле, чѣмъ у домашней; и что это измѣненіе, приближающее ко-  
 шачника кошку къ травояднымъ, произошло въ ея организмѣ подъ  
 вліяніемъ растительной пищи. Воробей также долженъ былъ бы по-  
 либнуть, если бы ему для счастья жизни необходимо было принятія  
 за подземныя работы прота; но и тутъ существуетъ возможность  
 перехода и сближенія въ привычку. Воробей питается ягодами, зер-  
 ными и насѣкомыми; смотря по обстоятельствамъ, онъ можетъ пи-  
 таться или исключительно однимъ изъ этихъ кушаній, или всеми  
 тремя заразъ. Положимъ, что обстоятельства принуждаютъ его пи-  
 таться насѣкомыми; положимъ, что воробьевъ очень много; тогда  
 каждое насѣкомое приобретастъ въ ихъ глазахъ значительную цѣну;  
 тогда воробей очень охотно будетъ вылавливать земляныхъ червей и очень  
 тщательно будетъ заботиться о ихъ добываніи; онъ будетъ разры-  
 вать землю ланками и, по всей вѣроятности, это упражненіе, сое-  
 диненное съ дѣйствіемъ естественнаго выбора, укрепитъ его кости и  
 вообще приспособитъ его членъ къ этому новому занятію. Очень  
 можетъ быть, что воробьи, постоянно копающіеся въ землю, утра-  
 тить въ значительной степени жестость своихъ движеній и крѣпость  
 своихъ крыльевъ, но, разумеется, это можетъ производиться только въ  
 томъ случаѣ, если этихъ воробьевъ не будутъ преслѣдовать опасныя  
 враги. Если же найдется такіа врага, то они, вѣроятно, бу-  
 дутъ постоянно искрѣплять выворотливыхъ воробьевъ, и тогда  
 жерность и способность летать, поддерживаемыя естественнымъ вы-  
 боромъ, останутся, по прежнему, постоянными свойствами этой  
 породы. Обладаетъ ли эти воробьи когда нибудь подземными живот-  
 ными, этого я, ей Богу, не знаю, и мнѣ очень боязно и неумно  
 высказать такое предположеніе, но моя робость происходитъ, по всей  
 вѣроятности, отъ недостатка твердыхъ доказаній и научнаго развитія.  
 Дарвинъ разсуждаетъ гораздо смѣлѣе, хотя обыкновенно бываетъ  
 на оборотъ; то есть, обыкновенно ученики и агенты предвѣдннра-  
 ютъ идеи учителя, и доводятъ ихъ иногда до удивительныхъ крайно-  
 стей. Здѣсь же ученикъ остается новодѣи учителя, даже въ дѣлѣ  
 умственной храбрости. Вотъ что говоритъ Дарвинъ по поводу мед-  
 вѣди, подрекавшаго нину. «Даже въ такомъ исключительномъ слу-  
 чаѣ, я не вижу ничего невозможнаго въ томъ, что если бы насѣ-  
 комыхъ было постоянно вдоволь и если бы въ той же сторонѣ не  
 находилась уже лучше приспособленныхъ сонскатедей, отъ которыхъ перода  
 медвѣдей могла бы сдѣлаться, черезъ естественный выборъ, все бо-



гдѣ и болѣе водною, нѣзъ вѣсти все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось бы существо такое же удивительное, какъ и китъ. Если Дарвинъ предполагалъ медвѣдью превратиться почти въ кита, то пшалуфъ, почему бы и моему воробью не превратиться, не говоря «въ протѣ» — а въ подземно, и, разумеется, совершенно не издѣившее, и не совершитъ зорное животное? Ронгарди рас? Однако я все таки не рѣшусь этого сказать. Дарвину хорошо угадывался, онъ знаетъ, что не наврѣтъ. А я на этотъ счетъ, при сильной наклонности моей къ широкимъ умозрѣніямъ, побаиваюсь за себя счесть нужно. — Могать быть, примѣръ мой о воробьѣ выбранъ очень не удаченъ, но я за него и не держусь. Дѣло не въ примѣрѣ, а въ основной идѣ, которая, во всякомъ случаѣ, остается цѣлѣю космогонною. Дѣло въ томъ, что окружающія обстоятельство совершенно полновластно господствуютъ надъ привычками живыхъ, а черны ихъ привычки — надъ ихъ тѣлостроеніемъ. Когда животное ползаетъ при рожденіи, развитыя запасъ, способностей и орудій, то напередъ именно изъ данныхъ способностей оно даровано въ себѣ преимущественно, и къ чему именно приспособитъ оно свои орудія, это будетъ зависеть отъ тѣхъ частъ внѣшнихъ условій жизни. Дѣла живыхъ животныхъ составляютъ именно приложеніе къ дѣлу жизни врожденныхъ способностей и орудій; а каково будетъ приложеніе это, — разумеется, зависитъ отъ того, къ чему станешь прикладывать. Въ настоящее время, если рѣшится переходъ по всей вѣроятности не могутъ совершаться даже постепенно; напримеръ, рыба въ плиту, медвѣдь въ кита, страусъ въ орла превратиться не могутъ, даже въ цѣлыя сотни тысячилѣтій; но это происходитъ не отъ какихъ нибудь непреодолимыхъ препятствій въ организациі рыбы, медвѣдя или страуса, а преимущественно, или даже исключительно, отъ того, что и рыба, и медвѣдь, и страусъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ своего превращенія встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе со стороны отъ дико приспособленныхъ конкурентовъ, то есть со стороны настоящихъ птицъ, настоящихъ китовъ и настоящихъ орловъ. Поэтому, прогрессъ медвѣдей, рыбы и страусовъ будутъ, вѣроятно, состоять только въ томъ, что они постепенно будутъ становиться все болѣе и болѣе медвѣдями, рыбами и страусами, то есть, подчиняясь естественному выбору, будутъ постоянно развивать въ своей породѣ тѣ специальныя орудія и способности, которыя до сихъ поръ доставляли имъ побѣду надъ конкурентами и врагами въ борьбѣ за су-

ществованіе. Но никто не может сказать заранее, что это прогрессивное развитіе будетъ постоянно упрочивать существованіе этихъ породъ и постоянно одерживать победу надъ всеми враждебными обстоятельствами, способными повредить этимъ породамъ, или даже совершенно стереть ихъ съ лица земли. Никто не можетъ поручиться и за то, что отъ чистаго тина медвѣдей, жуковъ или страусовъ не отдалится, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какойнибудь боковой отростокъ, который проложитъ себѣ совершенно своеобразный путь для своего дальнѣйшаго развитія. Наконецъ, и то можетъ случиться, что какія нибудь вѣщныя условія заставятъ медвѣдя, страуса или рабу отказаться отъ употребленія того или другаго органа, и такимъ образомъ понятъ ихъ назадъ, вмѣстѣ того, чтобы подвинуть ихъ впередъ. Регрессивное развитіе такъ же возможно въ природѣ, какъ и прогрессивное, лишь бы только оно, въ данномъ случаѣ, было выгодно для данной породы, то есть лишь бы только было возможно вѣщательство естественнаго выбора: безкрылые жуки, слѣпые обитатели пещеръ, и самъ страусъ, лишенный способности летать, являются живыми продуктами такого регрессивнаго развитія. Въ природѣ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ идеальному совершенству, и направленіе развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется только вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Одни органы доводятся до изумительнаго совершенства, напримѣръ, глазъ у всѣхъ высшихъ животныхъ, другіе органы атрофируются до совершеннаго безсмія, напримѣръ, крылья у многихъ птицъ; одни породы торжествуютъ и улучшаются, другія отступаютъ назадъ, третьи совсѣмъ вымираютъ; на каждомъ шагу сложныя отношенія между организмами запутываются въ самыя неразрѣшныя гордіевы узлы, и на каждомъ шагу эти узлы развязываются, или разрубаются, смотря по обстоятельствамъ. И правителю, и органы, и типы, все подвержено измѣненію, все можетъ быть нестроено или разрѣшено. И эта вѣчная, тихая и безстрастная логика составляетъ собою всю исторію органической жизни. Немъ очень трудно понять, до какой степени значительны и сложны могутъ быть результаты этой незамѣтной логики; нашъ умъ отказывается вѣрить тому, чтобы, напримѣръ, глазъ хищной птицы или мозгъ европейца могъ выработаться путемъ медленныхъ измѣненій изъ какого нибудь безформеннаго накопленія органическихъ клеточекъ. Но недовѣрчивость нашего ума ровно ничего не значить. Умъ нашихъ прапраде-

довъ также отказывался вѣрить тому, что солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля вокругъ него бѣгаетъ. Наши умственные привычки такъ же подвижны и измѣнчивы, какъ и всѣяя другія привычки живыхъ организмовъ. Вотъ что говоритъ Дарвинъ о происхожденіи глаза: «Предположеніе, чтобы глазъ, со всѣми его неподржаемыми аппаратами для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической aberrации, могъ сложиться въ силу естественнаго выбора—такое предположеніе, сознаюсь, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпнымъ. Но если можно доказать, что существуютъ многочисленныя постепенности между совершеннымъ, сложнымъ глазомъ и глазомъ несовершеннымъ и простымъ, при чемъ каждая степень совершенства полезна организму, ея одаренному; если, далѣе, глазъ хоть сколько нибудь подверженъ видоизмѣненіямъ, и эти видоизмѣненія послѣдственны, въ чемъ нельзя сомнѣваться; и если какое-либо видоизмѣненіе этого органа можетъ сдѣлаться полезнымъ организму при измѣняющихся жизненныхъ условіяхъ,—то, по законамъ логики, возможность образованія совершеннаго, сложнаго глаза путемъ естественнаго выбора, какъ ни бессильно сладить съ нею наше воображеніе, не можетъ быть отвергнута». —И дѣйствительно оказывается, что въ живой природѣ существуетъ безконечное разнообразіе зрительныхъ аппаратовъ; въ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ замѣтно очень немного степеней; но за то у беспозвоночныхъ, въ отрядѣ членистыхъ животныхъ, то есть, насѣкомыхъ, червей, паузовъ и раковъ, зрительный аппаратъ проходитъ по всѣмъ фазамъ своего развитія. Лѣстница эта начинается съ зачаточныхъ глазъ, которые способны только различать свѣтъ отъ темноты; отсюда отправляются въ одну сторону простые глаза, состоящіе изъ хрусталика и роговой оболочки; а въ другую сторону идутъ сложные или граненные глаза. Эти сложные глаза такъ разнообразны, что натуралистъ Мюллеръ нашелъ необходимымъ распредѣлить ихъ на три главные класса и на семь подраздѣленій. Наконецъ, эти двѣ системы, то есть, сложные и простые глаза соединяются между собою, и образуютъ еще новыя формы. Кажется, трудно даже требовать, чтобы было соблюдено еще больше постепенности въ развитіи, и чтобы каждая ступенька этого развитія была отмѣчена еще нагляднѣе. То же самое можно сказать и о мозгѣ. У птицъ онъ еще совершенно гладокъ; у млекопитающихъ начинаются извилины и углубленія; у обезьянъ они особенно силь-

но развиты; у шимпанзе, у оранг-утанга, у гориллы они болѣе значительны и разнообразны, чѣмъ у низшихъ обезьянъ; у негровъ болѣе, чѣмъ у высшихъ обезьянъ; у европейцевъ еще болѣе, чѣмъ у негровъ. Постепенность соблюдена вполне. Кроме того, если мы посмотримъ на исторію человѣчества, то мы и въ ней увидимъ, сквозь безконечную сѣть перепутанныхъ событій, очень медленное совершенствованіе человѣческаго мозга, какъ того спеціального орудія, которое доставляетъ человѣку побѣду въ общей борьбѣ за существованіе. Налагая свою печать на человѣческую дѣятельность каждаго отдѣльнаго поколѣнія и каждаго историческаго періода, это совершенствованіе измѣняетъ также форму самаго органа и величину его вмѣстительности; тщательныя измѣренія многихъ череповъ доказали, что въ общемъ результатъ объемъ этого костянаго ящика замѣтно увеличился у обитателей Парижа съ XII столѣтія по XIX. Если мы припомнимъ, что XII столѣтіе было цвѣтущею эпохою феодализма, крестовыхъ походовъ, папскихъ экскоммуникацій и разныхъ другихъ неподражаемыхъ проявленій человѣческаго остроумія, то мы конечно согласимся, что результатъ этихъ тщательныхъ измѣреній не долженъ казаться намъ особенно неожиданнымъ. Если же масса и достоинство человѣческаго мозга совершенствуется до настоящаго времени, то мы имѣемъ полное право заключать по аналогіи, что этотъ процессъ совершенствованія производился также въ до-историческомъ и до-мифическомъ прошедшемъ. — Если я уже черезъ-чуръ надоѣлъ читателю безконечными и, быть можетъ, безсвязными умозрѣніями, заключающимися въ этой длинной главѣ, то я убѣдительно прошу читателя вооружиться терпѣніемъ, потому что несчастная слабость моя къ умозрѣніямъ непобѣдима, и еще потому, что въ слѣдующей главѣ я рискую опять увлечься этою печальною склонностью. Что дѣлать? Историко-филологическое развитіе беретъ свое, да и предметъ располагаетъ къ размышленіямъ. Вотъ теперь обь инстинктахъ говорить придется. Ну, и не устоишь. И начнешь умо-заключать.

Д. Шисаревъ.

# БЛУДНИЦА.

ПОЭМА

АЛЬФРЕДА ДЕ-ВИНЬИ.

---

L'adultère attend le soir, et se dit: Aucun oeil ne me verra; et il se cache le visage, car la lumière est pour lui comme la mort.

Job, ch. XXIV; v. 15—17.

---

I.

- Алоешъ, ширрою мой одръ благоухаетъ,
- Душистый киннамонъ здѣсь воздухъ опьяняетъ,
- Изъ ароматныхъ травъ коверъ у ногъ лежитъ,
- Въ каменьяхъ, въ золотѣ тело мое горитъ...
- Мой милый! Приходи для жаркаго привѣта!
- Прийди — и я твою до самаго разсвѣта...
- Супругъ мой далеко, — я жду тебя одна ...
- Какъ ночью темною безумная жена

Въ тѣни вѣтвей вѣтвей съ открытой, плоской крыши  
Звала любовника. Подъ кедромъ, въ узкой ниши

Открылась тихо дверь... опущенъ вновь запоръ...  
Чу! шепотъ слышется: «Вотъ непорочный взоръ,

«Которымъ я смущенъ, козѣнопреклоненный!  
«Чело твое — цвѣтокъ долины благовонной;

«Дыханьемъ вешнихъ розъ манятъ твои уста,  
«Твой голосъ — музыка, любовь твоя чиста!

«О, сбрось же ты съ себя блестящія уборы,  
«Сбрось ожерелья прочь, — ихъ ярче блещутъ взоры!»

— «О, вѣтъ, мой милый, вѣтъ! Позволь мнѣ поскорѣй  
«Рукою отряхнуть росу съ твоихъ кудрей:

«Вѣдь для меня лицо твое оледѣнѣло...»

— «Но сердце — все въ огнѣ! любовь меня согрѣла,

«И я у ногъ твоихъ, смотрю въ твои глаза!..  
«Что мнѣ опасности и холодъ, и гроза,

«Когда я слышу здѣсь плѣнительный твой лепетъ  
«И поднимаетъ грудь любви священный трепетъ.»

— «Да, но постой, постой... чей это голосъ тамъ?  
«Я слышу звонкій шагъ по каменнымъ плитамъ...»

— «Не бойся, милая, полуночнаго звона:

«Къ молитвѣ сталъ звонить сынъ старца Аарона.

«Что жъ ты блѣднѣешь такъ? Пусть поцалуй любви  
«Смирить волненіе и жаръ въ твоей крови.

«Отказомъ робости меня, мой другъ, не мучай:

«Пусть первый стыдъ любви потухнетъ въ ласкѣ жгучей.»

И смолкло все кругомъ въ глухой, полночный часъ,

И въ лампахъ бронзовыхъ огонь вездѣ погасъ.

## II.

Когда лучами дня позолотились нивы

И на святой горѣ зеленыя оливы,

Когда верблюды шли, и пыльный караванъ

Несъ изъ чужихъ пустынь дары въ еврейскій станъ,

И пастырь въ свиданьи, рукой раздвинувъ складки,  
Смотрѣлъ изъ-за дверей простей своей палатки,

Какъ въ небѣ таяли ночныя игла и тѣнь,  
И звалъ свою семью молитвой встрѣтить день, —

Въ тотъ ранній часъ бѣжалъ любовникъ пресыщенный  
Отъ бѣды женщины, обманутой, смущенной.

Она сидѣть одна; на бѣдное чело  
Уже раскаянье злобщее легло.

Ей жаль, что эта ночь промчалась слишкомъ скоро,  
Ночь — соучастница безславнаго позора;

Она хотѣла бы, чтобъ длилась эта ночь  
И не могла зоря тьму долгу превозмочь;

Но тьму развѣвала рукою денница,  
И съ ужасомъ глядитъ вокругъ себя блаудница.

Съ руками сжатъыми, недвижна и бѣдна  
Отъ дверей ветайной не сводитъ глазъ она.

Казалось, смерть сама лью ея слезами  
И только лишь, порой, рыданье выдавало.

Что эта женщина не спитъ могильнымъ сномъ,  
Такую грѣшницу ужъ видѣлъ разъ Содомъ,

Въ тѣ дни, когда Творецъ разгнѣванный, карая,  
Сжегъ огненнымъ дождемъ два ненавистныхъ края:

Защитою небесъ она пренебрегла,  
Ослиять тайнаго желанья не могла,

Чтобъ не взглянуть назадъ, откуда шла дорога,  
И тайну разгадать карающаго Бога.

Но вдругъ она стоить .. ей съ мѣста не сойти  
И солянымъ столбомъ осталась на пути,

Лишь шелъ впередъ старикъ, петронутый судьбою,  
Но ужъ шаговъ жены не слышалъ за собою.

### III.

И галана была срединѣ въ злотѣ мнѣ.  
Мо съ ней робомъ еста. За чѣмъ отъ къ ней званикъ?

Малютка ждетъ въ слезахъ и ребячествомъ волнуемъ,  
Что мать къ нему придетъ, какъ прежде, съ поцалуемъ.

И къ ней подирался онъ въ ребяческой тоскѣ  
И личико прижалъ къ сырой ая щекѣ.

Какъ сладко бы теперь разцѣловать тѣ губки!  
Но сынъ напоминалъ ей о мужѣ, о проступкѣ...

Предъ тѣми сводами, предъ этимъ ложемъ сна,  
Гдѣ тайна брачная была осквернена,

За чувство матери, несчастная, краснѣетъ  
И до невинныхъ устъ коснуться не посмѣетъ.

Хотѣла-бъ говорить, излить любовь въ словахъ,  
Но звуки замерли на трепетныхъ губахъ,

Лишь вздохъ болѣзненный вдругъ вырвался изъ груди:  
Такъ предъ кончиною вздыхаютъ только люди.

Въ душѣ ея теперь — лишь страхъ нѣмой и стыдъ;  
Малютку оттолкнувъ, къ дверямъ она бѣжать,

Но, изуренная, безсмысленная, упала,  
Какъ статуя, порой, спадаетъ съ пьедестала.

## IV.

Изъ Тира въ тотъ же день черезъ зеленый валъ  
Тамъ путешественникъ богатый проѣзжалъ.

Довольство путника усталого не скрыто:  
И кони кровные, и въ пышныхъ тогахъ свята,

Склонивши голову, шли тихо лошаки,  
На спиннахъ ихъ лежатъ огромные тюки

Товаровъ и богатствъ, восточныхъ тканей груды:  
Лѣзиво двигались усталые верблюды

Подъ крики вожаковъ, и молча шли вокругъ  
Подъ ношей пурпура двѣнадцать черныхъ слугъ.

И странникъ говорить: теперь, моя Сефора,  
Ты думаешь о томъ: «Мой мужъ вернется-ль скоро?»

Ты плачешь съ шепотомъ: «Онъ отъ меня далеко!  
«Уже краснѣетъ степь, уже зардѣлъ востокъ,



«Но все еще нейдетъ, желанный мой, изъ Тира...»  
Но будешь ты со мной, вздыхать забудешь сиром,

И я тогда скажу: „Дары мои бери!  
«Вотъ пурпуръ для тебя, шелки и янтари,

«Вотъ ткани нѣжныя, ковры и опахало,  
«А вотъ и зеркала, — ты ихъ давно желала.»

Такъ путникъ говорилъ и, обогнавъ толпу,  
Глазами сталъ искать знакомую тропу.

## V.

Въ дни праздниковъ большихъ, шумя вдоль по дорогѣ,  
Еврейская толпа стремится къ синагогѣ.

Тамъ дѣти, старики бредутъ рука съ рукой,  
Полны раскаянья, убитые тоской,

Не въ силахъ затанць ни слезъ, ни муки тайной,  
Проходятъ женщины походкою печальной.

И плачущій слѣпецъ, съ дырявою сумой,  
И прокаженный рабъ, разслабленный, больной,—

У ногъ спасителя все ищутъ исцѣленья  
И громко шлютъ ему свои благословенья.

Онъ, немощныхъ царь, всѣмъ руку простиралъ  
И всюду чудеса въ народѣ расточалъ.

И съ чистыхъ устъ его пророчества слетали,  
Онъ съ человечествомъ дѣлилъ его печали.

Онъ братьями считалъ убогихъ бѣдняковъ.  
Семья простыхъ людей—его учениковъ,

Которыхъ увлекла чарующая сила,  
Вслѣдъ за учителемъ почитательно ходила:

Въ божественныхъ лучахъ всегда сверкало имъ  
Чело Спасителя сиявшемъ не земнымъ.

## VI.

Кругом толкаема толпою раздраженной,  
 Съ косою, распущенной по шеп обнаженной,  
 Явилась женщина, цыцями обвита,  
 И брошена къ ногамъ безмолвнаго Христа.

При общемъ ужасѣ и ропотѣ народномъ,  
 Сбравшись книжники, и въ гнѣвъ благородномъ

Сказалъ одинъ изъ нихъ: «Учитель! вотъ жена,  
 „Вотъ эта женщина была обольщена!

„За этотъ гнусный грѣхъ суди ты дочь позора,  
 „Какъ повелѣлъ законъ“! И въ страхѣ приговора

Она глядитъ вокругъ, и словно щетъ взглядъ  
 Вблизи знакомыхъ лицъ, но съ бѣшенствомъ кричать

Въ толпѣ озлобленной: „Впередъ, впередъ за нами!  
 „Блудницъ казни и смерти! Мобить ее камнями!“

Нрыбеть женщина, роляя капли слезъ,  
 Но вдругъ передъ толпой уста раскрылъ Христосъ:

„О, пусть же тотъ изъ васъ, кто праведенъ—для казни  
 „Подниметь первый здѣсь свой камень безъ боязни!“

Сказалъ—и со стыдомъ отхлынули жиды,  
 И разбрелись безъ словъ смущенные ряды,

А онъ сидѣлъ одинъ съ божественной тоскою  
 И на песокъ чертилъ опущенной рукою

Слова, которыхъ смыслъ, загадкой ставшій намъ,  
 Понятецъ только былъ ему, да небесамъ.

Когда-жъ онъ подпаялъ вверхъ пророческое око,  
 Толпа Еврейская была уже далеко.

Д. Минаевъ.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЗРѢНІЕ.

### НЕВѢЩИЕ ЮРИСПРУДЕНТЫ.

„Не видятъ со, что творять.“

Покойный литературный недоносокъ «Свѣточъ» и «Архивъ юридическихъ свѣденій,» какъ-то напали на меня съ лютою яростью за то, что я осмѣлился упрекнуть нашу юридическую литературу въ застоѣ... «Какъ! восклицали они:—развѣ юридическая литература мало сдѣлала въ послѣдніе годы; развѣ крестьянскій вопросъ и судебная реформа мало обсуживались ею...» И подѣ наитіемъ сихъ восклицаній, мнѣ досталось таки порядочно: «Свѣточъ» погладилъ меня по головкѣ, потомъ, свизойдя до моихъ мнѣній о родительской власти, сталъ обзывать меня мальчишкой. Архивъ же доказывалъ, что трудъ мой *почтенный*, и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ: что гдѣ я говорю: «черно», «тамъ вовсе бѣло», и обратно... Признаюсь, надъ такою руганью я не люблю много задумываться; но прочитавъ статьи обоихъ почтенныхъ журналовъ, я сильно призадумался. Неужели, разсуждалъ я самъ съ собою, и взаправду я въ такомъ заблужденіи и невѣжествѣ, что мнѣ неизвѣстны заслуги юридической нашей литературы? И сталъ я искать отвѣта на свои вопросы. Но тщетны были мои усилія: не смотря на то, что я посреди бѣлаго дня, подобно Діогену, шелъ съ громаднымъ фонаремъ; но ни того, ни другаго не оказалось на лицо въ любезномъ моемъ отечествѣ. . До 1859

года юридическая литература наша питается историческимъ хламомъ, пишутся и печатаются длиннѣйшія и скучнѣйшія диссертациі — о русской правдѣ, судебникахъ и уложеніи Алексѣя Михайловича; Коричная книга, Олеговъ договоръ, судебныя доказательства до Петра, губныя и уставныя грамоты, уставъ Владиміра св., — вотъ обыкновенныя темы какъ для докторскихъ диссертациій, такъ и для журнальныхъ статей. Ученая страсть къ археологіи наконецъ доходить до того, что въ ея не признается юридическая ученость, и юридическій факультетъ становится у насъ скорѣе археологической школой, чѣмъ представителемъ современной юридической науки... Но мы готовы были бы еще примириться съ такимъ направленіемъ и готовы бы были читать терпѣливо сотни диссертациій подъ разнообразнѣйшими заглавіями, какъ напримѣръ: «о вирахъ»; «о судебныхъ вирахъ»; «о судебныхъ доказательствахъ до Петра»; «о доказательствахъ судебныхъ до Петра»; «о до-петровскихъ судебныхъ доказательствахъ,» — если бы всѣ эти диссертациі не имѣли претензіи двигать впередъ науку... Но самое то двиганіе науки впередъ ничѣмъ не обнаружилось: у насъ совсѣмъ не было юридической науки; а нѣмецкая философія была такъ туманна и такъ неудобоварима даже для ученыхъ головъ, что ни воспитанники университетовъ, ни общество не могли добиться: чего она хочетъ и куда она идетъ. Въ такомъ положеніи находилась наша юриспруденція, когда въ 1859 году литература заговорила сначала довольно робко, а потомъ довольно развязно во всѣхъ ея органахъ о реальномъ направлеіи, о великомъ значеніи жизни, о необходимости согласованія съ нею науки, о согласованіи положительнаго законодательства не съ нѣмецкими философскими теоріями, а съ требованіемъ разума и жизни... Изъ всего этого молодое поколѣніе вынесло то убѣжденіе, что спасеніе наше не въ археологическихъ изслѣдованіяхъ и не въ тенденіяхъ метафизическихъ, а въ изученіи нашей народной жизни, народнаго разума, и въ изслѣдованіи народныхъ нуждъ и потребностей. Такой крутой поворотъ отъ археологіи къ живой дѣйствительности не могъ не вызвать скрежета зубоваго со стороны исторической школы. «О чемъ будемъ мы теперь писать, возопіяли ея адепты? народной жизни и ея требованій мы не знаемъ; а о вирахъ, олеговомъ договорѣ и т. д. было такъ легко писать... А все виною нашихъ бѣдъ — мальчишки.» И дѣйствительно было надъ чѣмъ прослезиться: бѣдные наши юристы не знали, что дѣлать съ новымъ направлеіемъ; лишившись возможности писать о вирахъ, судебникахъ, грамотахъ и арлыкахъ, — они теряли право на магистерскіе и докторскіе дипломы.. Жаль ихъ.

было. А всему виною мальчишки: они не въ силахъ были понять великихъ заслугъ исторической школы... Но въ чемъ же были эти заслуги?.. «Какъ, восклицаютъ язвительно и презрительно адепты этой школы,—вы не видите дня: заслуга наша заключалась въ томъ, что школа наша съ должною ясностью не доказала ни одного изъ своихъ положеній. Возьмемъ въ примѣръ уставъ св. Владиміра. Покойный профессоръ Неволинъ, главнѣйшій представитель и дѣятель нашъ, разсмотрѣвъ этотъ уставъ со всѣхъ сторонъ и собравъ безчисленное множество доказательствъ объ его подлинности, наконецъ въ заключеніе начинаетъ сомнѣваться въ его достовѣрности. . Это, значить подумалъ я, грѣшный, дописываться до чертиковъ...» Такую участь потерпѣла большая часть нашихъ древнихъ законодательныхъ памятниковъ, и такимъ образомъ внѣшняя исторія нашего законодательства оказала ту несомнѣнную услугу любезному отечеству, что въ разнообразныхъ мнѣніяхъ о подлинности нашихъ законодательныхъ памятниковъ, въ различныхъ спискахъ и вариантахъ ихъ—самъ чортъ ногу сломить... При такомъ положеніи археологической стороны вопроса, чего же можно ожидать отъ такъ называемой внутренней исторіи законодательства?.. Неудачная попытка и несостоятельность ея рѣзко обозначились въ исторіи гражданскихъ законовъ Неволіна... Къ чему привела она нашу науку и выносить-ли изъ нея читатель какія нибудь твердыя убѣжденія о нашемъ прошедшемъ и настоящемъ, и есть-ли тамъ какіе нибудь мотивы для развитія нашего будущаго?.. Нисколько: исторія Неволіна есть сборникъ матеріала, не выясненный и не освященный критической мыслью. Таковъ характеръ не только исторіи Неволіна, составленной имъ изъ его университетскихъ лекцій во 2-й половинѣ 40-хъ годовъ, но и позднѣйшихъ историковъ права. Для примѣра возьмемъ «исторію судебныхъ инстанцій отъ судейника до учрежденія губерній,» Дмитріева, изд. 1859 г. Сочиненіе это, въ свое время, надѣлало много шума между юристами исторической школы; и оно познакомитъ насъ съ манерою этихъ писателей :

«Дѣло, говоритъ г. Дмитріевъ (стр. 251) — рѣшенное поединкомъ, уже не подлежало ни пересмотру, ни перевершенію».

Почему? спрашиваемъ мы, и было-ли это обычаемъ народнымъ или только положительнымъ запрещеніемъ закона? Но г. Дмитріевъ считаетъ излишнимъ это объяснять и переходить къ слѣдующему замѣчанію:

«Оттого-то въ одной уставной грамотѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ слѣдующее запрещеніе слободичамъ: «а безъ доклада поля имъ не спускати». Въ сущности поле и не было только доказательствомъ, а скорѣе апелляціей къ суду Божию, или войною послѣ судебныхъ переговоровъ. Такой характеръ судебного поединка видѣнъ во 1-хъ, изъ того, что сначала поле допускалось не только при сомнительности дѣла; но всегда. 2, изъ того, что и происходило оно не передъ прежними судьями, а передъ другими лицами; 3, наконецъ изъ того, что докладу, когда онъ не требовался передъ поединкомъ, послѣ него дѣло уже не подвергалось».

Но изъ аргументовъ г. Дмитріева вовсе не видно, чтобы его мысль оправдывалась: 1, то, что поединокъ допускался безусловно во всѣхъ случаяхъ — доказываетъ только то, что поединокъ, по понятію народа, было вѣрнѣйшій судъ; 2, что поединокъ производился не при судьяхъ, а при другихъ лицахъ, то это происходило отъ свойства самого поединка: не всегда могъ онъ воспослѣдовать въ присутствіи судей. Самъ г. Дмитріевъ указываетъ на одну грамоту отъ 19-го марта 1525 г., въ которой челобитчикъ жалуется, что человекъ его господина Чудина, по имени Ягушъ, долженъ былъ явиться къ полю и вдругъ пропалъ. 3, то, что послѣ поединка дѣло болѣе не докладывалось суду—пристегало изъ естественнаго положенія участвовавшихъ въ поединкѣ лицъ: они или погибали оба, или если изъ нихъ кто нибудь уцѣлѣлъ, то суду земному нечего было дѣлать, такъ какъ судъ небесный все порѣшилъ. Поэтому законодатели опредѣляли только послѣдствія поединка. Но г. Дмитріевъ, ставъ на свою точку зрѣнія, продолжаетъ:

«Оттого-то судебный поединокъ и старались удалить изъ такихъ дѣлъ, въ которыхъ наиболѣе заботились объ устраненіи случайности. Такъ въ договорѣ Мстислава запрещаются поединки между русскими и нѣмцами, въ то же самое время, какъ они дозволены русскимъ съ ихъ единоземцами. Этимъ же, можетъ быть, объясняется и то, почему со всякаго дѣла, рѣшеннаго полемъ, взымался пересудъ. Татищевъ считаетъ *пересудъ* пошлиною, которую судья высшей инстанціи бралъ за переносъ дѣла.»

Изъ собственныхъ словъ г. Дмитріева не трудно догадаться, что нѣмцы не хотѣли довѣрить головы своихъ собратій русскимъ мечамъ; поэтому они выговорили себѣ условіе: чтобы русскіе съ нѣмцами не разбирались поединкомъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы договоръ Мстислава служилъ аргументомъ противъ поединка. То же самое можно сказать о пересудѣ: поединокъ могъ быть допускаемъ обычаемъ и вмѣ-

ствъ съ тѣмъ за поединокъ могла быть установлена пошлина, какъ гѣбра финансовая: одно другому нисколько не противорѣчало. Къ тому же, спрашиваемъ г. Дмитриева, почему онъ привелъ въ заключеніи своемъ мнѣніе о пересудѣ Татищева и оставилъ его безъ критики?..

Вѣдь прочитавши все мѣсто о поединкѣ, не знаешь, на какой мысли остановиться и какое понятіе вывести объ немъ. Такъ написано все сочиненіе г. Дмитриева и такъ пишется большая часть нашихъ историко-юридическихъ сочиненій.

При такихъ заслугахъ исторической школы не удивительно, что реальное направленіе, указавшее на потребности дѣйствительной жизни и здраваго смысла, какъ на основаніе всякой плодотворной науки, подорвало прежнюю рутину или отгѣснило ее на задній планъ; и мальчишки, на этотъ разъ, оказались гораздо дальновиднѣе своихъ маститыхъ наставниковъ... Хотя и со скрежетомъ зубовымъ, однако же наша юридическая литература стала сходить съ своего археологическаго пути и вступила на реальную дорогу. Правда, мы еще очень бѣдны сочиненіями и статьями этого новаго направленія; но въ каждой юридической статьѣ стало ужь пахнуть жизнію, и на разные ея вопросы стали искать отвѣта не въ археологии и не въ нѣмецкихъ учебникахъ, а въ требованіи нашего общества и народнаго разума. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы бродящія въ обществѣ здравыя понятія и идеи имѣли въ себѣ что нибудь похожее на науку: для этого нуженъ геній, который бы, собравъ этотъ матеріалъ въ одну массу, привелъ его въ систему, въ одно стройное цѣлое. Последняго-то у насъ нѣтъ;—вотъ почему я и сѣтовалъ и сѣтую на застой нашей юридической науки и не признаю за нею никакихъ заслугъ.

Прослѣдите со вниманіемъ, что печатается, и вы убѣдитесь въ справедливости моего мнѣнія: если выходитъ въ свѣтъ самостоятельная статья или сочиненіе російскаго издѣлія, то оно—сухая нелѣпость; а если статья или сочиненіе заграничнаго издѣлія, то переводъ или несвоевремененъ или же заключаетъ въ себѣ ученіе, давно отжившее на собственной своей почвѣ. Чтобы представить доказательства на лицо, мы разберемъ, для примѣра, одного русскаго и одного иностраннаго юриста—г. Кавелина и Миттермайера.

1) *Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? Одинъ изъ современныхъ юридическихъ вопросовъ К. Кавелина, С.-Петербургъ, 1864 г.*

Имя Кавелина и вопросъ, предложенный имъ, ручаются, если не за

достоинство его брошюры, то, по крайней мѣрѣ, за глубокой интересъ ея для читателя... Въ самомъ дѣлѣ, что такое гражданское право? Должны ли входить въ область его права и обязанности семейственныя, по имуществу и о договорахъ? или другими словами: имѣютъ ли право общественная власть и законодательство давать этимъ отношеніямъ опредѣленную форму, согласно принципамъ общественной власти?.. Вопросы эти возбуждались и разсматривались съ древнѣйшихъ временъ, и до настоящаго времени мы не имѣемъ по этому предмету опредѣленной исходной точки ни въ наукѣ, ни въ законодательствахъ. Слѣдовательно, съ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, что такое гражданское право и гдѣ его предѣлы? должны разрѣшиться всѣ темныя стороны вышеприведенныхъ мною вопросовъ; должна опредѣляться юрисдикція общественной власти; должна опредѣляться съ ясностью норма гражданской, или лучше сказать, истинной свободы человѣка. Но такъ ли справился съ этимъ важнымъ вопросомъ г. Кавелинъ, отъ брошюры котораго мы въ правѣ этого ожидать, какъ отъ сочиненія юриста, занимавшаго кафедру въ двухъ университетахъ... Прослѣдимъ содержаніе его книжки.

Г. Кавелинъ начинаетъ съ того (см. стр. 2—15), что доказываетъ неправильность опредѣленія гражданского права.

„Всѣми принято, говорить онъ,—что гражданское право обнимаетъ частныя, приватныя юридическія отношенія, въ отличіе отъ публичныхъ—общественныхъ, государственныхъ и международныхъ,—которые относятся къ другимъ частямъ правовѣденія. Но что значить „частный“, «партикулярный», «приватный»? Это слово, въ свою очередь, употребляется въ различныхъ смыслахъ, и потому нужно опредѣлить точнымъ образомъ, что мы хотимъ именно сказать, называя юридическія отношенія частными, приватными?..“

За тѣмъ г. Кавелинъ опредѣляетъ понятія—частнаго и публичнаго, и доказываетъ, что одно и то же юридическое отношеніе можетъ имѣть *сегодня частный, завтра публичный характеръ; всею же чаще публичное и частное такъ перемѣшаны и слиты, что разграничить ихъ нельзя...*

Съ этимъ-то послѣднимъ выводомъ мы совершенно несогласны: разсматривая природу человѣка и его жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ, какъ въ отдѣльной личности, такъ и въ общественномъ союзѣ, мы находимъ въ ней такіе моменты, которые такъ присущи отдѣльнымъ ин-



дивидуумамъ, что, отнимая отъ нихъ это присущее имъ, вы нарушаете естественный ихъ законъ. Такъ, напримѣръ, естественный законъ указываетъ матери—на право кормить грудью своего ребенка и воспитывать его. Чувство самосохраненія указываетъ человѣку на необходимость имѣть пищу, одежду и жилище, сообразно съ потребностями его организма. Половое стремленіе указываетъ ему на выборъ жены и т. д. Всѣ эти отношенія, возникающія изъ природы человѣка, носятъ въ себѣ чисто приватный характеръ, потому что они въ каждомъ индивидуумѣ проявляются совершенно своеобразно, и общее между ними есть—развѣ только одна и та же цѣль. Поэтому мы не можемъ согласиться, чтобы единство цѣли дѣлало изъ приватнаго—публичное, какъ это понимаетъ г. Кавелинъ. Но какииъ же путемъ пришелъ онъ къ такому выводу? Тѣмъ, что частный бытъ онъ не признаетъ въ абсолютномъ его значеніи, и его существованіе обуславливаетъ только общественную жизнь; такъ что, по мнѣнію г. Кавелина, выходить, что виѣ общества человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ правъ: выводъ, какъ увидимъ послѣ, совершенно одинаковый съ тенденціями г. Рождественскаго (см. его энциклопедію законовѣденія изд. 1864 г.) и одно только намъ не извѣстно, кто у кого позаимствовался: Рождественскій ли у Кавелина, или обратно... Но вѣрнъ ли этотъ выводъ съ исторіею человѣчества? Неужели первобытный человѣкъ, живущій отдѣльнымъ семействомъ, лишень естественнаго своего права на жилище, одежду, пищу и т. д. Дикія племена Америки и Австраліи доказываютъ совершенно противное: они вели и ведутъ постоянно упорную борьбу за каждый клочокъ земли своей родины, чѣмъ они доказываютъ, что у нихъ есть полное сознаніе ихъ естествонааго права. Къ такому выводу пришелъ бы и г. Кавелинъ, если бы онъ обратился въ своихъ изслѣдованіяхъ прямо къ природѣ человѣка, откуда только и можно почерпать здравыя понятія о правѣ. Но г. Кавелинъ почерпаетъ аргументы свои изъ положительныхъ законодательствъ... Такъ онъ говорить:

«Нѣтъ ни одного частнаго юридическаго отношенія, которое бы не подпадало подъ опредѣленіе закона или по формѣ или по содержанію, а опредѣленіе закономъ,—что же это, какъ не выраженіе общественной потребности въ видѣ общаго, обязательнаго правила?..»

Да, это дѣйствительно было бы такъ, если бы мы съ г. Кавелинымъ не знали исторіи нашихъ законодательствъ, не знали бы, что по

большей части въ нихъ выражаются вовсе не обще-человѣческіе принципы, а тенденціи отдѣльныхъ личностей и партій—политическихъ, юридическихъ и религіозныхъ...

Но, предложивши себѣ вышеприведенный вопросъ, Кавелинъ отвѣчаетъ:

„Я могу продавать и покупать, но не все, что мнѣ вздумается: есть вещи, которыя продавать и покупать запрещено; я могу договариваться, но тоже не обо всемъ: есть дѣйствія, о которыхъ договариваться не дозволено; я могу давать въ сеуду и занимать, но опять—таки не со-  
всемъ свободно: законъ о ростѣ или процентахъ ставитъ моему произволу и въ этомъ отношеніи извѣстные предѣлы. Множество юридическихъ отношеній, совсѣмъ частныхъ, совсѣмъ частныхъ, непременно должны являться въ извѣстной формѣ, напримѣръ, совершаться крѣпостнымъ порядкомъ, или съ явкой у крѣпостныхъ дѣлъ или быть записаны у маклера и т. п., и безъ того не дѣйствительны. Во всемъ этомъ выражается, что частное совсѣмъ не такъ далеко отъ публичнаго, не такъ отдѣлено отъ него китайской стѣной, какъ многіе готовы думать; будь это такъ, законъ—органъ публичныхъ нуждъ и потребностей—и не подумалъ бы опредѣлять и ограничивать частныя юридическія отношенія...“

Г. Кавелинъ забылъ и историческія преданія и современное состояніе науки въ Европѣ, и рассказываетъ намъ сказку о томъ, что европейскія законодательства (мы позволяемъ себѣ думать, что онъ не имѣетъ въ виду китайскихъ законовъ) суть органъ публичныхъ нуждъ. Но вѣдь въ этомъ сомнѣваются въ настоящее время не только ученые люди, но даже гимназисты, изучающіе законодательство по Рождественскому. Поэтому, приводить въ оправданіе своей теоріи положительныя законодательства такъ же кстати, какъ было бы кстати, если бы я, въ доказательство какой нибудь музыкальной теоріи, приводилъ приемы малороссійскихъ бандуристовъ и кобзарей. Мы думаемъ, что прежде всего нужно доказать, что приводимый нами законъ вытекаетъ изъ природы челоуѣка, а потомъ ужъ сослаться на него, какъ на принципъ. А если мы станемъ черпать начала науки изъ положительнаго законодательства, прежде критической оцѣнки самого законодательства, то наука можетъ придти къ самымъ нелѣпымъ выводамъ. Путемъ этимъ мы не только дойдемъ до результатовъ, что всѣ частныя отношенія имѣютъ публичный характеръ, но что и сморканіе носа въ публичномъ мѣстѣ есть тяжкое преступленіе, за которое въ началѣ слѣдуетъ отсѣчь голову, а потомъ сослать въ каторжную работу... Но

г. Кавелину нѣтъ дѣла до этой непреложной истины, и онъ не стѣсняясь доказываетъ, на основаніи положительныхъ законодательствъ, что права на имущество, по договорамъ и обязательствамъ, и право наследственное—посять въ себѣ характеръ публичный. Такая ошибочность взгляда возникла изъ того, что г. Кавелинъ бралъ или чисто положительные примѣсы нашего законодательства и приклеивалъ ихъ къ частнымъ правамъ, для того, чтобы придать имъ характеръ публичности, или же находя, что извѣстное право свойственно многимъ лицамъ, и что отъ частнаго права отдѣльныхъ индивидуумовъ зависитъ благо цѣлаго общества, — придавалъ всему приватному публичное значеніе... Мы же находимъ, что о частномъ и публичномъ правѣ можно сказать только то, что они имѣютъ между собою такую связь, на сколько относится отдѣльный членъ къ цѣлому обществу; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы понятія того и другаго сливались. На этомъ основаніи, какъ бы я ни былъ связанъ съ обществомъ, въ которомъ я живу, но мои семейные и имущественные интересы, съ ихъ индивидуальной стороны, не имѣютъ ничего общаго съ интересами цѣлаго общества, которому нѣтъ рѣшительно никакого дѣла: женатъ ли я или холостъ; хорошо ли управляю моимъ имуществомъ или нѣтъ.

Другая ошибка г. Кавелина заключается въ томъ, что мѣры, постановляемыя законодательствомъ для укрѣпленія моихъ частныхъ правъ,—онъ принимаетъ за вмѣшательство общества въ мои частныя дѣла; наконецъ, ограниченія, дѣлаемыя законодательскими въ правахъ имущественныхъ и наследственныхъ, не доказываютъ также, чтобы эти предметы перешли изъ права частнаго въ право публичное, а только указываютъ границы частнаго права. Такъ, на примѣръ, я могу дѣлать съ моимъ домомъ, что мнѣ угодно: подарить, продать, селовать его; но зазечь его я не могу, потому что отъ этого пострадаетъ мой сосѣдь. Такимъ образомъ частное мое право на домъ, чрезъ это ограниченіе, вовсе не становится правомъ публичнымъ; а ограниченіе указываетъ только предѣлы моего права: располагать моимъ имуществомъ неограниченно въ такой мѣрѣ, чтобы оно не нарушило правъ другаго лица. Но г. Кавелинъ, разъ остановившись на томъ, что положительный законъ есть норма человѣческихъ отношеній, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„И такъ, внимательно разсмотрѣвъ всѣ части гражданскаго права, нельзя найти ни одной, въ которой бы шла рѣчь исключительно объ

одномъ частномъ и приватномъ; въ каждой непременно оказывается очень много такого, что, по своему значенію, вліянію, роли, имѣетъ публичный, общественный интересъ, касается болѣе или менѣе общества, государства. Показать, гдѣ въ нихъ оканчивается частное, приватное и начинается общественное, публичное, на основаніи лишь ихъ значенія, роли и вліянія, нѣтъ никакой возможности. Именно потому, что частное, приватное сливается въ этомъ смыслѣ съ общественнымъ, публичнымъ, нельзя на ихъ различіи основать различіе гражданского и публичнаго права.

Нельзя сказать, чтобы почтенный юристъ отличался особенной силой логики: по его выводамъ, выходитъ что если у Ивана и Петра есть носъ, уши, глаза, ноги, руки и т. д., то поэтому нельзя ужъ сказать, чтобы Иванъ и Петръ не были бы отдѣльными личностями. Или еще иначе: юридическая наука имѣетъ тѣсную связь съ медициною, статистикою, психологіею и т. д., такъ что большая часть юридическихъ вопросовъ разрѣшается на основаніи началъ многихъ наукъ въ совокупности; но изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, что бы юридическая наука не была самостоятельна. Такое же явленіе мы видимъ, рассматривая и отдѣльныя вѣтви права, напримѣръ: гражданского и уголовного. Обѣ эти науки имѣютъ соприкосновеніе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не были самостоятельны; они рассматриваютъ самостоятельныя юридическія явленія и отдѣльные моменты права. То же самое мы находимъ въ частномъ и публичномъ правѣ: соприкосновеніе между ними должно быть, какъ между отдѣльными вѣтвями одного и того же права; но изъ этого соприкосновенія еще не слѣдуетъ, чтобы они были тождественны.

Но къ чему же ведетъ г. Кавелинъ, доказывая сліяніе понятій частнаго и публичнаго?.. пусть онъ самъ объяснится:

„Прочность, говоритъ онъ, этого вывода очевидна сама собою. Чтобы придти къ нему вовсе не было бы надобности въ такихъ длинныхъ и подробныхъ соображеніяхъ, еслибъ во *всѣхъ разсужденіяхъ о гражданскомъ правѣ не предполагалось, что оно имѣетъ предметомъ исключительно только частные интересы и юридическія отношенія, до которыхъ обществу и государству нѣтъ никакого дѣла.* Не смотря на то, что исторія законодательства и самое римское право представляютъ безчисленные доказательства противнаго, *этомъ взглядѣ держится крѣпко.*

И такъ, г. Кавелинъ высказался очень ясно: его пугаетъ мысль

что, признавая за людьми частныя права, до которыхъ обществу нѣтъ никакого дѣла, онъ тѣмъ признаетъ за людьми право дышать свободно, ѣсть и пить, какъ кому заблагоразсудится. Но вѣроятно подобная свобода кажется г. Кавелину опасной и зловредной, и онъ хочетъ подчинить контролю государственной власти частныя жизненныя отправления человѣка, потому что онъ говоритъ: (стр. 16)

Говоря частное, гражданское право мы невольно, почти безсознательно, хотѣли бы представить себѣ нѣчто, отмежеванное непереступаемой границей отъ публичнаго права, цѣлую существующую вблизи и вокругъ насъ область интересовъ, недоступную для докучливыхъ посягательствъ общественныхъ, публичныхъ потребностей. Внимательное изслѣдованіе не оправдываетъ однако такого взгляда, который оказывается лишь игрою отвлеченной мысли. Въ дѣйствительности область приватнаго, частнаго интереса не отдѣляется рѣзкой чертой отъ общественнаго, публичнаго; *но еслибы когда нибудь* такое отдѣленіе и могло состояться, оно принесло бы совсѣмъ не тѣ плоды, какіе ожидаются; а напротивъ сдѣлало бы частную жизнь и приватныя юридическія отношенія несносными и невозможными.

Почему отдѣленіе приватнаго отъ публичнаго сдѣлало бы частныя отношенія несносными, — г. Кавелинъ не объясняетъ. Дописавшись же до такой нецѣлостности, онъ самъ ужаснулся своего результата; но такъ какъ ему вѣроятно жаль стало перемарать исписанныя имъ 16 страницъ, а потому онъ пустился на слѣдующую уловку: ученый признаетъ, что теоретически нельзя отдѣлить частнаго права отъ публичнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняетъ публичную власть въ *чрезмѣрной регламентаціи частныхъ интересовъ, дѣятельности и правъ*; тогда какъ основное правило внутренней законодательной политики и администраціи: не стѣснять частной дѣятельности и частныя отношенія, безъ самой крайней необходимости, безъ особенно важныхъ и настоятельныхъ побужденій, и притомъ когда они вытекаютъ изъ неотразимыхъ общественныхъ, государственныхъ потребностей. Въ заключеніе же г. Кавелинъ восклицаетъ.

„И такъ, мы признаемъ вполне всю *практическую* полезность взгляда, который опровергаемъ въ теоріи, и убѣждены, что дѣйствіе его было бы гораздо сильнѣе и благотворнѣе, еслибы, не опираясь на ошибочное теоретическое основаніе, онъ оставался въ свойственной ему сферѣ практическихъ вопросовъ.“

Выше я объяснилъ, что г. Кавелинъ теоретически вовсе не доказалъ

сліянія понятій частнаго права съ публичнымъ, потому что доказательства онъ черпалъ изъ положительнаго права, а не изъ свойствъ и законовъ человѣческой природы. Только такимъ, одностороннимъ путемъ онъ и могъ придти къ своему несчастному выводу. Взглядъ его можно назвать скорѣе практическимъ, нежели взглядъ тѣхъ юристовъ, которые основываютъ отдѣленіе частнаго права отъ публичнаго, на основаніи законовъ человѣческой природы. Правда, подобныя изслѣдованія и могли имѣть поводомъ крайнее вмѣшательство публичной власти въ частныя, приватныя права; но это вмѣшательство было вѣшнымъ толчкомъ, по которому частное право получило жизнь и развитіе, а не внутреннимъ содержаніемъ самого права. Такъ, напримѣръ, рассказываютъ анекдотъ, что будто бы паденіе яблока было причиною открытія Ньютономъ законовъ центробѣжной и центростремительной силы; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы только въ паденіи яблока и видѣть обѣ эти силы и всё основанія ньютонова открытія. То же самое мы должны сказать и относительно излишней регламентаціи публичной властью частныхъ правъ: явленіе это заставило мыслителей призадуматься надъ условіями нашей общественной жизни, надъ природою челоѣка и ея законами, и найдя въ нихъ не только рѣзкое отлічіе, но и борьбу началъ общественной и частной жизни, они раздѣлили права на частное и публичное. Г. же Кавелинъ причину, вызвавшую извѣстныя мысли и положенія, принимаетъ за содержаніе и матеріалъ самыхъ мыслей: въ этомъ-то и ошибка его; вотъ почему онъ и вводитъ раздѣленіе частнаго и публичнаго права въ область однихъ практическихъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, прочитавъ первую главу брошюры г. Кавелина, мы приходимъ къ заключенію, что все приватное имѣетъ характеръ публичности; но вторая глава разочаровываетъ васъ: авторъ, самъ того не подозрѣвая, систематически опровергаетъ первую.

„Мы, говоритъ г. Кавелинъ, различаемъ общество, какъ единое цѣлое, отъ составныхъ единицъ, изъ которыхъ оно слагается: все, что выражаетъ собою единство общества, все, что существуетъ, учреждается, дѣлается во имя общества, какъ единого цѣлаго, называется общественнымъ, публичнымъ; составныя же единицы общества, ихъ дѣятельность и интересы считаются частнымъ, приватнымъ,“ (стр. 17).

Опираясь на подобное начало для опредѣленія публичнаго и частнаго права, было бы легко опредѣлить ихъ предметы и предѣлы; но у нашихъ ученыхъ выходитъ не такъ. Основываясь на опредѣленіи г. Каве-

лина, мы бы, напримѣръ, отнесли дѣятельность журналиста къ публичному праву, потому что дѣятельность эта касается общества... Но для того, чтобы избѣжать такихъ выводовъ, г. Кавелинъ полагаетъ, что только ту дѣятельность слѣдуетъ назвать публичною, которая предпринимается или обществомъ или ея представителемъ; а дѣятельность частнаго лица, хотя бы она и имѣла характеръ публичный, все-таки должно считаться частною. Но почему такъ, а не иначе, этого г. Кавелинъ не доказываетъ; а просто говорить: я такъ хочу, и дѣло съ концомъ!

„Установивъ такимъ образомъ, говоритъ онъ, что въ юридическомъ смыслѣ есть публичное, что частное, и чѣмъ они различаются и отдѣляются другъ отъ друга, постараемся разрѣшить другой вопросъ: *какъ они относятся другъ къ другу.*“

Чтобъ удержаться, при изслѣдованіи этого вопроса, на почвѣ положительной, практической дѣйствительности и не растеряться въ отвлеченностяхъ (собственные слова г. Кавелина), онъ беретъ живой примѣръ: государство; но тутъ же запутывается до того въ отвлеченностяхъ, что, прочитавши всю вторую главу, рѣшительно не поймешь, къ чему ведетъ онъ. Такъ прошу понять, чего хочетъ г. Кавелинъ въ своемъ опредѣленіи: что такое государство:

„Государство, какъ единое цѣлое, есть юридическое начало, принципъ, идея.“ (стр. 22)

„Государство есть живой организмъ, а не сумма его составныхъ единицъ.“ (стр. 25)

Г. Кавелину кажется, что эти два опредѣленія тождественны; мы же находимъ совершенно противное: если принять государство за принципъ, то оно можетъ и не быть живымъ организмомъ. Такъ напримѣръ: Франція, Россія, Англія — живые организмы: между тѣмъ какъ Австрія и Турція — принципъ. Поэтому между обоими опредѣленіями г. Кавелина такая же разниця, какъ между Турціею и Франціею. Также мы не понимаемъ, почему государство, какъ живой организмъ, не можетъ быть въ то же время и суммою своихъ составныхъ частей?.. Понятіе одного не можетъ противорѣчить понятію другаго: такъ какъ ихъ существованіе другъ друга обусловливаетъ. Такъ въ идеи французскаго государства понимается не только правительство, но и народъ; вотъ почему глава французскаго государства и называется императоромъ фран-

цүзовъ. Но видно, что г. Кавелинъ безъ всякаго злого умысла не призналъ государство, какъ сумму его составныхъ частей, потомуа тутъ же (стр. 25) говорить:

„Между этимъ живымъ организмомъ и *составными* его единицами происходитъ безпрестанное *взаимно-дѣйствіе*.“

Но самое *взаимно-дѣйствіе* г. Кавелинъ понимаетъ такъ учено, туманно и отвлеченно, что мы рѣшительно не понимаемъ его выводовъ.

„И такъ, говорить онъ (стр. 27), государство, какъ начало, идея выражающая единство государственнаго *организма*, различается отъ государства, въ качествѣ *владельца*, частнаго лица. Первое господствуетъ надъ вторымъ, какъ и надъ всеми частными лицами; второе подчиняется первому наравнѣ съ ними.“

Выводъ этотъ крайне неудовлетворителенъ: основываясь на немъ, мы должны положить, что въ станомѣ Ивановѣ, какъ государственномъ органѣ, два лица: становаго и Иванова, и что становой господствуетъ надъ Ивановымъ. Далѣе г. Кавелинъ находитъ соприкосновеніе становаго къ частному праву только въ отношеніи матеріальныхъ его потребностей. Но со всеми этими положеніями мы не можемъ согласиться: съ первымъ потому, что г. Кавелинъ не вполне уяснилъ себѣ понятія о государствѣ. Государство, по его опредѣленію, есть не только принципъ, но и живой организмъ, и этотъ какъ выше объяснено мною, организмъ слагается изъ составныхъ частей. Государственный организмъ поэтому неминуемо долженъ подчиниться общимъ законамъ, *свойственнымъ* его составнымъ частямъ: вотъ почему и государственныя учрежденія должны прийти въ соприкосновеніе съ тѣми законами, которые относятся къ составнымъ его единицамъ. Это самое явленіе мы встрѣчаемъ не только въ государственномъ организмѣ, но и въ каждомъ другомъ составномъ тѣлѣ. Возьмемъ тѣло человѣка: въ немъ дѣйствуютъ не только общіе законы, свойственные одной природѣ человѣка, но и общіе законы его составныхъ частей или атомовъ, изъ которыхъ онъ состоитъ; вотъ почему и тѣло человѣка подчиняется точно такъ же физическимъ законамъ, какъ и физиологическимъ, и нравственнымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы одно надъ другимъ господствовало, или чтобы жизнь человѣка можно было разбить на отдѣльные, самостоятельныя, независимыя другъ отъ друга моменты: физическій, физиологическій и нравственный. Напротивъ, подъ жизнію человѣка надо подразумѣвать всѣ эти явленія въ совокуп-



ности и гармоніи. Такъ и въ государственной жизни; мы замѣчаемъ, что оно слагается не только изъ различныхъ учреждений и ихъ органовъ, но и изъ имущества; и то, и другое неминуемо должно слѣдовать тѣмъ законамъ, по которымъ они существуютъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы существовало государство, какъ организмъ, и государство какъ владѣлецъ, надъ которымъ первое будто бы господствуетъ. А государство, являясь владѣльцемъ, должно подчиниться тѣмъ условіямъ, на какихъ существуетъ идея собственности въ его составныхъ частяхъ: потому что въ противномъ случаѣ государство не было бы и живымъ организмомъ, а абстрактной идеею или другими словами: государство существовало бы само по себѣ, а народъ самъ по себѣ.

Второе же положеніе г. Кавелина, что только матеріальными потребностями входятъ публичные органы въ предѣлы частнаго права, также неосновательно: въ публичномъ органѣ, напримѣръ, въ станомъ Ивановѣ мы различаемъ два лица, совершенно независимыя другъ отъ друга: принципъ—станового, и индивидуумъ—Иванова. Въ первомъ отношеніи лицо это имѣетъ извѣстныя права и обязанности; все же прочее, выходящее изъ этого круга, есть принадлежность индивидуума и принадлежитъ частному праву. Придерживаясь этого положенія, мы и говоримъ: что становой Ивановъ, нарушивъ свои права и обязанности, становится частнымъ лицомъ и подлежитъ суду, наравнѣ съ частными лицами, когда они нарушаютъ публичное или частное право. Такимъ образомъ, органы государства соприкасаются съ частнымъ правомъ не только въ матеріальныхъ своихъ потребностяхъ, но и во всемъ, что выходитъ изъ предѣла публичнаго круга ихъ дѣйствій, ихъ правъ и обязанностей, и что принадлежитъ этимъ органамъ, не какъ публичнымъ дѣятелямъ, а какъ отдѣльнымъ лицамъ...

На этомъ остановимся. Длинно, монотонно и скучно было бы спорить со всеми положеніями г. Кавелина, растянутыми слишкомъ на 150 страницъ; а обратимся прямо къ его главному выводу: нападая на право и на теоретиковъ, г. Кавелинъ предлагаетъ покончить споръ о томъ: что такое предметъ гражданскаго права—тѣмъ, чтобы гражданское право опредѣлить слѣдующимъ кругомъ: ему принадлежать все безъ изъятія права, имѣющія предметомъ матеріальныя, вещественныя цѣнности, въ какомъ бы ни было видѣ, въ видѣ ли физическихъ вещей, или въ видѣ правъ или услугъ (стр. 137).

Мы готовы были бы согласиться съ этимъ опредѣленіемъ г. Каве-

дина; но дѣло въ томъ: легче ли отъ этого станетъ человѣчеству? Г. Кавелинъ самъ придаетъ большое значеніе тому, что многимъ предметамъ публичнаго права даютъ смыслъ частныхъ правъ, и обратно: такъ что все зло, существующее въ нашей общественной и частной жизни, онъ приписываетъ этому смѣшенію понятій. Согласенъ съ этимъ, когда вопросъ этотъ вступаетъ изъ теоріи въ область практическаго приложенія права; но въ самой-то жизни человѣкъ ищетъ и стремится къ возможно большей гражданской свободѣ, а не къ отвлеченному разрѣшенію теоретическихъ вопросовъ. Вотъ почему главная, существенная задача законовѣденія и должна быть—уясненіе естественныхъ правъ человѣка, законовъ его природы и вытекающихъ изъ нея матеріальныхъ и духовныхъ его потребностей. Эта-то задача и должна составлять крайнюю цѣль всей науки законовѣденія; поэтому она не должна обращать вниманія на строгую, отвлеченную регламентацію правъ и обязанностей, а преимущественно на законы, по которымъ они возникаютъ и существуютъ. На этомъ основаніи наука законовѣденія и мало выигрываетъ отъ того, что г. Кавелинъ отвлеченно разрѣшаетъ вопросъ о предѣлахъ гражданскаго права; потому что наука законовѣденія еще шатка въ своихъ основныхъ положеніяхъ. Развѣ не спорны еще главные положенія о томъ, что такое самое право? Наконецъ самые предметы права развѣ не имѣютъ безчисленнаго множества тенденцій? Поэтому порѣшите прежде съ основными положеніями науки; опредѣлите, если не съ математическою, то съ приблизительною точностью самые предметы права, а потомъ ужъ сортируйте ихъ на отдѣленія и классы. Въ подобномъ случаѣ и классификація не будетъ тяжела; а то при смѣшеніи понятій о предметахъ права перепутывается и сама классификація. И неудивительно: то мы говоримъ, что государство есть принципъ, идея; то утверждаемъ, что государство есть живой организмъ, а не сумма его составныхъ частей; а въ третьемъ мѣстѣ мы уже находимъ связь между составными его частями... При такой неопредѣленности юридическихъ предметовъ, можно ли имѣть точное понятіе о составныхъ частяхъ ихъ и соотношеніи ихъ между собою? Тутъ невольно испытываешь впечатлѣніе крыловскаго квартета въ цѣлой диссертации: читаешь и чувствуешь, вмѣсто простаго и яснаго разрѣшенія вопроса, стукъ въ вискахъ, головокруженіе и тошноту. И это называется, на языкѣ нашихъ ученыхъ, написать ученую статью, рѣшить міровой вопросъ: что такое гражданское право и гдѣ его предѣлы?..

Къ тому же самъ г. Кавелинъ находитъ, что отъ смѣшенія пред-

жетовъ между публичнымъ и частнымъ правомъ сильно страдало человѣчество. Слѣдовательно; вопросъ этотъ слинкомъ серьезенъ: отъ неудовлетворительнаго разрѣшенія его не столько можетъ пострадать наука, какъ сама жизнь; потому, чтобы ввести семейственное право въ область публичнаго, какъ это дѣлаетъ г. Кавелинъ, для этого необходимо отрѣшиться отъ современнаго состоянія общества, отъ его принциповъ и отъ прогресса, который ежегодно вноситъ въ эту отрасль права болѣе и болѣе раціональныхъ началъ. Но какъ только внесется этотъ отдѣлъ въ публичное право, тотчасъ онъ долженъ подчиниться метафизическимъ и политическимъ его принципамъ. Будетъ-ли отъ этого легче человѣчеству?.. Въ отвѣтъ на это намъ приходится обратиться только къ исторіи, которая есть живой протестъ противъ всѣхъ ученыхъ тенденцій подобнаго закала.

2) *Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ, К. Ю. Миттермайера, профессора законовѣдѣнія въ Гейдельберскомъ университетѣ. Переводъ съ четвертаго изданія. Изданіе А. Унковскаго. Москва. 1863.*

Сочиненіе это вышло въ свѣтъ въ то время, когда еще въ большей части Германіи не было суда присяжнаго, и господствовалъ слѣдственный процессъ, съ его письменностью и канцелярской тайной. Правда, въ послѣдствіи Миттермайеръ дополнялъ свое сочиненіе статьями: объ образѣ дѣйствій защитника при словесномъ судопроизводствѣ и о доводахъ при устномъ порядкѣ судопроизводства и въ особенности передъ судомъ присяжныхъ и т. д. Но самъ Миттермайеръ признается, въ своемъ предисловіи къ четвертому изданію, что онъ имѣлъ случай дѣйствовать только въ одномъ, хотя и важномъ, дѣлѣ передъ судомъ присяжныхъ. Но, защитивъ одно только дѣло, нельзя приобрѣсти столько опыта, чтобы возвести свои положенія въ формулу науки. Притомъ еще вопросъ, можно ли создать самую науку о судебной защитѣ?.. Судебная защита есть дѣло чисто практическое: одна только жизнь, въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ, можетъ внести въ сознаніе человѣка то или другое начало, которымъ онъ долженъ руководствоваться въ извѣстномъ случаѣ. Жизнь такъ разнообразна, что ее нельзя подвести ни подъ какія мѣрки; а чтобы постигнуть ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, для этого необходимо изученіе той среды, въ которой дѣйствуешь; нужна большая доза ума и проницательности, чтобы умѣть понять и уяснить себѣ матеріалъ, почерпнутый опытомъ. Вотъ почему и адвокатская наука, создаваемая теоретиками можетъ принести такую же практическую пользу, какую

приносить — логика, риторика и пивтика. Сколько не сочиняли бы разных теорий о судебной защите, но без таланта и непосредственного изучения жизни не может сформироваться ни один порядочный адвокат. Здесь нет и быть не может никакой научной нормы, потому что в адвокатской защите все зависит: 1) от специального характера события и лиц к нему прикосновенных, которых вы беретесь защищать; 2) от степени развитости и принципов присяжных, предъ которыми вы защищаете дело; 3) от степени познаний, развитости и образа мыслей самих судей и защитников стороны противной; 4) от законов, которые приходится приложить к жизни.

Событие имеет иногда больший или меньший интерес для общества. Иногда в нем проглядывают тенденции известной партии, или выражается известная идея, так что событие имеет для общества политическое или религиозное значение. Вот почему общество иногда сочувствует событию или глядит на него с омерзением. То же самое бывает и с лицами, прикосновенными к событию. Всей прошедшей жизни, общественным своим положением, образованием, степенью развития — они нередко возбуждают в присяжном самую разнообразную впечатлительность.

Знание умственных, нравственных, и религиозных убеждений присяжных, предъ которыми защищаете процесс — есть главнейшая и важнейшая задача адвоката. Поэтому не только приемы, но и материал для убеждения Жюри — французского, английского, германского и русского — совершенно различны от характера, степени просвещения и т. д. этих наций. Англичанин, как дознано опытом, требует всегда строгих юридических аргументов; француз судит по впечатлительности, вынесенному им из процесса; немец философствует и вдается в тонкости, нередко чисто метафизическія... Но каков будет русский присяжный? Это покажет практика; вероятно всего, что он будет сильно придерживаться обычая и здравого смысла. Следовательно тут не помогут нам никакие научные приемы: нам нужно изучить среду, в которой мы будем действовать; нам нужно познакомиться не только с правами, но и с предрассудками народа; нам нужно освоиться с складом его ума, для того, чтобы знать, с чего начать и как проводить в его сознание более гуманные понятия. А запас такого знания можно почерпнуть только из одной практики. Но вромъ присяжных, в судъ есть еще судьи и адвокаты стороны противной: полное знание послѣдних, ихъ способностей и убеж-

дений составляет также важный предмет практическаго изученія адвоката; но и эти предметы не могут быть подведены ни под какіе формулы, потому что не только каждый индивидуумъ имѣетъ свои особенности, но каждая рѣчь противника адвоката требуетъ особенныхъ специальныхъ опроверженій. Законы страны, въ которой дѣйствуетъ адвокатъ, придаютъ также особенность судебной защитѣ въ различныхъ государствахъ: такъ въ однихъ законы слишкомъ строги, въ другихъ снисходительны и милосердны; въ-третьихъ несоразимѣрны съ преступлениями, или въ одномъ случаѣ слишкомъ снисходительны, въ другомъ слишкомъ строги. Поэтому и адвокатская защита должна согласоваться во-первыхъ съ цѣлью защиты, во-вторыхъ—съ характеромъ и условиями закона. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи наука не можетъ представить никакихъ опредѣленныхъ правилъ. Такимъ образомъ главнѣйшими условиями разработки адвокатскихъ способностей мы можемъ принять—только изученіе адвокатомъ законовѣднія въ теоріи и практикѣ, изученіе имъ вспомогательныхъ юридическихъ наукъ: какъ-то, судебной медицины, физиологій; изученіе народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, съ ея свѣтлыми и темными сторонами. Только эти условия, при способности челоука, могутъ сдѣлать изъ него дѣльнаго адвоката; а всѣ такъ называемыя руководства къ судебной защитѣ забываютъ только голову, въ особенности непосвященную въ таинства юриспруденціи, разными положеніями, которыя не знаешь потомъ, какъ примѣнить на практикѣ: такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ эти положенія—излишній балластъ въ головѣ адвоката.

Изъ того, что сказано нами о дѣятельности адвоката, не трудно будетъ понять, какое значеніе можетъ имѣть для нашего будущаго гласнаго судопроизводства, изданное г. Унковскимъ, сочиненіе Миттермайера о судебной защитѣ.

Издавая эту книгу, г. Унковскій нашелъ необходимымъ объяснить, что онъ издаетъ ее въ виду судебной защиты, какъ *совершенно новаго учрежденія* у насъ; поэтому предлагаетъ намъ почерпнуть мудрость изъ софтовъ Миттермайера. Но такъ какъ сочиненіе этого ученаго касается преимущественно слѣдственнаго письменнаго и непубличнаго процесса, а потому г. Унковскій говоритъ:

„Съ перваго взгляда можетъ показаться, что руководство къ судебной защитѣ, написанное при господствѣ стараго слѣдственнаго, пись-

менного и тайного, судопроизводства, не может представить много полезных сведений для защиты при обвинительном порядке судопроизводства, основанном на началах устности и гласности. Человек, который не даст себя труда внимательно рассмотреть эту книгу и увидит, что в ней часто говорится о письменной защите и даже представляются примеры защитительных записок, а не живых речей, может принять самое издание ее за чистейший анахронизмъ. Но такое заключение было бы совершенно неосновательно. Прежде всего надобно заметить, что, не смотря на коренныя измѣненія въ порядкѣ уголовного судопроизводства, сущность защиты обвиняемыхъ почти не измѣняется. Вездѣ и повсюду она состоитъ въ представленіи всего, что можетъ говорить въ пользу подсудимаго и склонить судей къ произнесению приговора, наиболее пріятнаго для обвиняемаго. Если всмотрѣться ближе въ дѣло судебной защиты, то мы увидимъ, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ уголовного права и уголовного судопроизводства въ ней измѣняется только внѣшняя сторона, а не какъ не внутренняя. Само собою разумется, что для словесной и публичной защиты требуются не тѣ приемы, какіе нужны въ письменной, при слѣдственномъ порядкѣ судопроизводства съ канцелярской тайной. Но все это относится лишь къ внѣшней сторонѣ защиты и не представляетъ первостепенной важности. Что же касается до способовъ убѣжденія, то они такъ мало измѣняются, что мы въ настоящее время можемъ руководствоваться даже большею частью наставленій знаменитыхъ защитниковъ древности, не смотря на то, что они дѣйствовали въ средѣ, совершенно намъ чуждой»

Конечно при такомъ взглядѣ на обвинительный процессъ съ участіемъ присяжныхъ и неудивительно, что г. Унковскій придаетъ значенію Миттермайера не только современный интересъ, но считаетъ его даже поучительнымъ для нашихъ адвокатовъ. Но если мы ближе вникнемъ въ его положенія, то увидимъ, что взглядъ его ошибоченъ.

Мы полагаемъ, въ противоположность мнѣнію г. Унковскаго, что и сущность защиты должна измѣниться съ перемѣною формы процесса. Въ слѣдственномъ процессѣ адвокатская защита сосредоточивается на томъ, чтобы: 1) отвѣчать только на вопросы; 2) противъ обвиненій приводить только опровергающіе ихъ аргументы; 3) ослаблять юридическую силу аргументовъ, направленныхъ противъ подсудимаго. Въ этихъ трехъ моментахъ заключалась вся логика, все искусство адвокатовъ при слѣдственномъ процессѣ: потому что судьи вѣдали дѣло не съ живымъ событіемъ, не съ живыми людьми, а съ мертвымъ слѣдственнымъ дѣломъ. Вовсе не то при обвинительномъ процессѣ, гдѣ дѣйствуютъ присяжные и гдѣ является адвокатъ истца, кромѣ публичнаго

ищца—прокурора. Здѣсь адвокату отвѣтчика приходится имѣть дѣло не только съ судьями, но и съ присяжными; приходится опровергать не только обвиненія прокурора, но и доводы адвоката. Кроме этого слѣдственный порядокъ требуетъ отъ уликъ и доказательствъ формальности; при судѣ же присяжныхъ выступаютъ на сцену и нравственные аргументы: такъ какъ главнымъ критеріумомъ обвиненія является совѣсть присяжныхъ. Слѣдовательно весь ходъ процесса измѣняется, и для борьбы этой становятся необходимыми не только иные приемы, чѣмъ въ процессѣ слѣдственномъ, но и совершенно другой матеріалъ. Самая устность защиты вызываетъ совершенно иные формы и иной матеріалъ, чѣмъ при письменной защитѣ дѣла. Письменная защита дѣла, не ограничиваясь ничѣмъ, совершенно независима; между тѣмъ изустная защита обуславливается случайностями, вызванными самимъ ходомъ процесса. Къ тому же, письменность предполагаетъ имѣть дѣло съ юристами, а устность — съ обществомъ, въ лицѣ присяжныхъ. Такимъ образомъ письменность можетъ допустить одно сухое изложеніе уликъ, между тѣмъ какъ устность должна согласоваться съ степенью образованности и понятливости присяжныхъ. Поэтому не только въ приемахъ, но и въ матеріалѣ судебной защиты такая же разница — какъ между самою сущностью процесса слѣдственного и обвинительнаго, устнаго, съ присутствіемъ присяжныхъ. На этомъ основаніи мы и полагаемъ, что сочиненіе Миттермайера имѣетъ въ настоящее время интересъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о защитѣ процесса при судѣ присяжныхъ. Эти мѣста и подвергнемъ анализу.

Говоря объ образѣ дѣйствій защитника при словесномъ судопроизводствѣ, (стр. 201) Миттермайеръ указываетъ, что онъ долженъ требовать уничтоженія тѣхъ распоряженій обвинителя и суда, которыя поставлены противъ подсудимаго, а именно: 1) защитникъ долженъ оспаривать всѣ незаконныя требованія обвинителя и ходатайствовать, чтобы судъ не принималъ ихъ въ уваженіе; 2) если предсѣдатель суда пожелаетъ сдѣлать какое либо распоряженіе, вредное для подсудимаго и противное существующимъ законамъ. 3) если въ засѣданіи суда допускаются такія дѣйствія, которыя могутъ быть вредны для обвиняемаго. 4) при допросѣ свидѣтелей и экспертовъ адвокатъ долженъ также дѣйствовать въ пользу кліента. 5) Если защитникъ полагаетъ, что доводы или замѣчанія обвинителя могутъ произвести на судей впечатлѣніе, неблагоприятное для обвиняемаго, то онъ обязанъ противодействовать этому впечатлѣнію; 6) такъ какъ послѣднее слово, по закону, принадлежитъ

защитнику, то онъ долженъ воспользоваться этимъ правомъ и по заключеніи судебныхъ преній произнести окончательную рѣчь, потому что впечатлѣніе наиболее дѣйствуетъ на судей. 7) При защитѣ передъ судомъ присяжныхъ, адвокатъ долженъ еще заботиться о томъ, чтобы вопросы предлагаемые присяжнымъ, были ясны, не допускали никакихъ недоразумѣній, и заключали въ себѣ все, что требуется въ интересахъ подсудимаго.

Изъ этихъ положеній почтеннаго нѣмецкаго ученаго видно, что онъ смотритъ на лица, готовящіяся занять адвокатскую профессию, какъ на маленькихъ дѣтей, которымъ слѣдуетъ внушить: глядите, когда пойдетъ дождикъ, то надѣньте пальто или шинель, или возьмите зонтикъ; когда встрѣтите на пути яму, то нужно ее обойти или перескочить, а то попадете въ яму и ногу сломаете. И подобные совѣты выдаются за научныя положенія.

1) На первые два совѣта можно отвѣчать: если бы защитникъ не сталъ опровергать *незаконныхъ* требованій обвинителя въ судѣ или распоряженій предсѣдателя суда, то этимъ защитникъ доказалъ бы или недобросовѣстность или незнаніе законовъ. Если же того и другаго нѣтъ въ защитникѣ, то изъ совѣтовъ г. Миттермайера онъ ничего не почерпнетъ.

2) То же самое можно сказать относительно третьяго совѣта Миттермайера: допуская въ засѣданіи суда такія дѣйствія, которыя могутъ быть вредны для обвиняемаго, — защитникъ доказываетъ этимъ одно изъ двухъ: или что онъ недобросовѣстенъ, или что онъ не знаетъ законовъ. Но въ обоихъ случаяхъ дѣлу не помогутъ совѣты Миттермайера: въ первомъ защитникъ посмѣется надъ ними; во второмъ — ему и совѣтъ ученаго не поможетъ: безъ знанія законовъ и нельзя воспользоваться имъ.

3) Относительно внушеній Миттермайера какъ дѣйствовать при допросѣ свидѣтелей и экспертовъ, слѣдуетъ замѣтить: что приемы допроса зависятъ отъ способностей защитника и ихъ нельзя подвести ни подъ какія формы.

Если защитникъ опытенъ, уменъ и свѣдущъ, онъ сумѣетъ въ вопросахъ объяснить всѣ обстоятельства дѣла; если же этихъ качествъ въ немъ нѣтъ, то ему не помогутъ никакіе совѣты.

4) Для того, чтобы защитникъ понялъ и созналъ, что замѣчанія обвинителя могутъ произвести на судей впечатлѣніе, неблагоприятное для обвиняемаго, для этого нужны отъ защитника не только большое знаніе юриспруденціи, но и сердца человѣка и способностей судей. А при



этих условіяхъ адвокатъ можетъ безъ совѣтовъ Миттермайера употребить все свое краснорѣчіе, чтобы уничтожить непріятное впечатлѣніе, произведенное на судей противной стороной.

5) Совѣтъ Миттермайера о томъ, чтобы защитникъ, которому принадлежитъ послѣднее слово въ процесѣ, произнесъ окончательную рѣчь, указывается въ самомъ законодательствѣ; поэтому каждый адвокатъ ужь ради одной формальности произноситъ ее.

6) Съ послѣднимъ же совѣтомъ о томъ, чтобы защитникъ всегда предлагалъ присяжнымъ ясныя вопросы, — я безусловно не согласенъ. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется для спасенія подсудимаго ясный вопросъ — тамъ совѣтъ Миттермайера уиѣстенъ; однакожъ иногда именно неясность вопроса и есть главная сила, спасающая подсудимаго: вотъ въ этомъ-то случаѣ и совѣтъ ученаго оказывается несостоятельнымъ. Вообще же и это положеніе Миттермайера имѣетъ такое же практическое значеніе, какъ и всѣ предшествовавшіе его совѣты т. е. безъ нихъ можетъ обойтись каждый смышленный адвокатъ. Если же въ послѣднихъ предполагать идиотовъ, то само собою разумѣется, что, вызубривъ положенія Миттермайера, они не превратятся изъ идиотовъ въ людей умныхъ.

Ученіе Миттермайера (стр. 203) о доводахъ при устномъ порядкѣ судопроизводства и въ особенности передъ судомъ присяжныхъ, съ одной стороны отличается солидарностью съ совѣтами моими относительно обхода ямы мальчикомъ, а съ другой юридическимъ педантизмомъ.

„Защитникъ, говоритъ Миттермайеръ: — совершенно достигнетъ своей цѣли, если онъ докажетъ, что подсудимый не совершилъ преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, и опровергнетъ тѣ доказательства, положенія и заключенія, на которыхъ основывается обвиненіе“.

Къ чему было приводить это положеніе: развѣ можно бы было считать адвоката достигшимъ цѣли, если бы онъ доказывалъ, что подсудимый совершилъ преступленіе?..

Въ отношеніи же характера доводовъ, Миттермайеръ является защитникомъ законности и формальности доказательствъ; а потому совѣтуетъ: соблюдать правила, по которымъ опредѣляется само доказательство. Но такъ какъ жизнь разнообразна, и всѣ ея черты неуправимы и не могутъ быть подведены подъ опредѣленныя формулы, а потому внутреннее убѣжденіе есть лучшій критеріумъ оцѣнки уликъ и доказательствъ подсудимаго. Ссылки же Миттермайера на

английскіе и американскіе законы, по которымъ требуется, чтобы Жюри рѣшалъ дѣло на основаніи судебныхъ доказательствъ (law of evidence), не совсѣмъ основательны. Въ Англии и Америкѣ рѣшеніе Жюри, неоснованное на судебныхъ доказательствахъ, служитъ только поводомъ къ назначенію высшимъ судомъ новаго Жюри; но если третій Жюри рѣшитъ дѣло, хотя бы и не на основаніи судебныхъ доказательствъ, то дѣло болѣе не подлежитъ кассациа. Такимъ образомъ въ Англии и Америкѣ внутреннее убѣжденіе и судебныя доказательства находятся въ гармоніи. И въ самомъ дѣлѣ, если судебныя доказательства согласны съ внутреннимъ убѣжденіемъ, то почему же не воспользоваться ихъ аргументами; но если этого согласія нѣтъ, то и по законамъ Англии и Америки перевѣсъ остается на сторонѣ внутренняго убѣжденія... Но одно странно въ сочиненіи Миттермайера, что, изъ выписки сдѣланной мною выше изъ § 2 стр. 7. его сочиненія, онъ ратуетъ противъ *напередъ заданной теоріи* доказательствъ и одобряетъ рѣшенія, *основанныя на согласномъ внутреннемъ убѣжденіи присяжныхъ*; а въ ученіи о доводахъ при устномъ процессѣ (стр. 203) онъ говоритъ:

„Защитникъ долженъ указывать присяжнымъ на *правила*, относящіяся къ судебнымъ доказательствамъ и стараться убѣждать ихъ въ справедливости этихъ правилъ, предостерегать ихъ отъ увлеченія обманчивыми доказательствами, которыя хороши только съ виду (напримѣръ: признаніемъ вѣд суда), и излагать все это такимъ образомъ, чтобы присяжные ему повѣрили“.

Такое противорѣчіе ученаго ставитъ насъ въ тупикъ: чего же въ самомъ дѣлѣ придерживается онъ? или принципа внутренняго убѣжденія, или же теоріи судебныхъ доказательствъ?.. Но въ § 80, стр. 145, говоря о судебномъ краснорѣчьи, онъ разъясняетъ дѣло: онъ осуждаетъ древнихъ ораторовъ Рима, за то, что они употребляли всѣ старанія для того, чтобы посредствомъ возбужденія страстей достигнуть приговора, благоприятнаго для обвиняемаго. Одобряетъ же Миттермайеръ германское краснорѣчіе:

„Наше судебное краснорѣчіе, говоритъ онъ: — имѣетъ строгій и важный характеръ, не представляетъ подобной опасности и ставитъ судебного оратора въ совершенно другое положеніе. Чуждое всѣхъ театральныхъ приемовъ, наше уголовное судопроизводство важно и торжественно: оно стремится удалить судью отъ всякаго вліянія страстей,

защитника же ставить въ извѣстныя границы и не представляетъ возможности обращаться къ тѣмъ средствамъ, которыя дозволяли себѣ ораторы древности:

Изъ этихъ словъ ясно видно, что Миттермайеръ придерживается теоріи судебныхъ доказательствъ; но далѣе, объясняя характеръ судебного краснорѣчія при словесномъ и публичномъ судопроизводствѣ предъ присяжными, онъ ужь указываетъ на то, что защита должна разниться, смотря по тому, какой теоріи придерживается законодательство: внутренняго-ли убѣжденія или формальныхъ доказательствъ.

Вотъ все, что Миттермайеръ высказалъ относительно публичной и словесной защиты уголовного процесса предъ присяжными; остальные мѣста его сочиненія могутъ быть раздѣлены на слѣдующія категоріи; 1) *на общія теоретическія начала* уголовного судопроизводства, въ которыхъ доказывается необходимость, значеніе и всѣ моменты судебной защиты, и дѣлается оцѣнка судебнымъ доказательствамъ. Мѣста эти отличаются огромною ученостью автора; но мы ихъ относимъ къ теоріи судопроизводства, потому что они объясняютъ положенія подсудимаго и защитника въ разныхъ фазахъ судебного процесса, по различію его основныхъ началъ. Всѣ положенія Миттермайера отличаются по этому предмету широтою взгляда, и мы въ особенности рекомендуемъ читателямъ тѣ мѣста, гдѣ онъ доказываетъ необходимость участія адвоката не только при самомъ публичномъ судопроизводствѣ, но и при слѣдствіи. 2) *На общія теоретическія начала уголовного права*, гдѣ излагаются разные моменты вѣнѣемости преступленія. 3) *На общія реторическія начала*, которыя, излагая судебное краснорѣчіе и приемы защиты, могутъ принести практикамъ такую же пользу, какъ всѣ реторики и пѣвники.

Словомъ, сочиненіе Миттермайера, не смотря на то, что оно проникнуто во многихъ мѣстахъ свѣтомъ науки, здраваго смысла и глубокой учености, скорѣе можно назвать теоріею слѣдственно-судебной защиты, какъ части уголовного судоустройства и судопроизводства, чѣмъ практическимъ руководствомъ для защиты устнаго и публичнаго процесса предъ присяжными. Явивъ эта книга въ Россіи въ концѣ 50 тх годовъ, она бы имѣла огромное значеніе, и если въ настоящее время мы не признаемъ ее совершеннымъ анахронизмомъ, то и не можемъ придать ей пракческаго значенія при предстоящей у насъ реформѣ уголовного судопроизводства. О томъ, какой характеръ приметъ у насъ

судъ присяжныхъ и устная защита дѣла — можетъ показать только одинъ опытъ: складъ русскаго ума, нравы народа вѣроятнѣе всего положить свою печать на народный процессъ и выработаютъ особые адвокатскіе приемы защиты подсудимаго. Поэтому крайнее наше убѣжденіе, что совершенно излишне напередъ вооружаться, какими бы то ни было, теоріями судебной защиты; а слѣдуетъ будущимъ адвокатамъ, кромѣ теоретическаго и практическаго изученія законовѣденія, изучить народную жизнь и среду, въ которой имъ придется дѣйствовать.

М. Филимоновъ.

-Петербургъ. 1864 г.

---

## РЕЗЕРВНЫЕ СТИХОТВОРЦЫ.

(ЗАМѢТКИ И РАЗМЫШЛЕНІЯ ОТСТАВНАГО МАІОРА БУРВОНОВА.)

---

Разладъ—сцены изъ послѣдняго польскаго возстанія, въ трехъ частяхъ, Я. П. Полонскаго. („Эпоха“, 1864 г. № 4).

Сборникъ солдатскихъ сочиненій. Книжка первая, годъ второй 1864 г. Спб.

Стихотворенія М. Розенгейма. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. 1864 г. Спб.

Въ лагерь русской журналистики, еще такъ недавно одержимой воинственнымъ духомъ, воцарились уныніе и бездѣйствіе. Тишина эта привела многихъ въ немалое смущеніе. Громы и молніи „Московскихъ Вѣдомостей“, обратясь въ степное марево—„Маревомъ“ и разстали. Сокрушитель нигилистическихъ плевель—г. Громека ретировался съ литературнаго поля, и Андрей Александровичъ сиротствуетъ и плачетъ... А. Майковъ, говорившій когда-то: „мой стихъ—есть тотъ же мечъ“—мечетъ теперь только юбилейные куплеты и толкуетъ почему-то о „могучемъ ходъ китовъ“. А. Фетъ, надѣвъ на себя шлемъ Донъ-Кихота, разстался съ музой и совершенно погрузился въ лоно скотнаго двора, гдѣ онъ (см. апрѣльск. кн. „Русскаго Вѣстника“) вступилъ въ жестокую битву съ крестьянскими свиньями. Кругомъ тишина и безмолвіе, и въ этой тишинѣ только однажды раздался пронзительный крикъ лѣтописца „Эпохи“: „Пушкина ругаютъ! Пушкина обижаютъ!“.

Всѣ упали духомъ при созерцаніи такой печальной картины, только я одинъ не унывалъ и не терялъ надежды. Я былъ твердо увѣренъ, что какъ изъ пѣны морской вышла Венера, такъ «въ скоромъ времени непремѣнно должно возродиться *что* грандіозное. Увѣренность эта меня поддерживала, ибо, какъ говорить мой почтенный парнасскій сотоварищъ, М. Розенгеймъ:

Безъ вѣры, господа, бесплодно и призванье:  
Ни пѣсень отъ души, ни искренней любви...

Я упорно и терпѣливо ждалъ, и наконецъ громко воскликнулъ ура!, когда прочелъ „Разладъ“ — новое произведеніе Я. П. Полонскаго.

Нашего полка прибыло, прибыло!..

Торжество мое было полное, и ожиданіе оказалось не бесплоднымъ.

Изъ міра пѣсень штатскихъ, фраковъ  
Еще пѣвецъ въ нашъ станъ идетъ!..  
Теперь тебѣ, Полонскій Яковъ  
Бурбоновъ руку подаетъ.  
Несчастій прежнихъ и уроновъ  
Я въ жизни больше не боюсь:  
Пѣвцы Полонскій и Бурбоновъ  
Скрѣпили дружескій союзъ.

На стихотворца Полонскаго я давно возлагалъ свои надежды.

Я сталъ давно неравнодушенъ  
Къ тому пѣвцу, за то, что онъ:  
«*Блохою жизни былъ укушенъ,*  
*Иною солью просоленъ.*» \*)

Вѣра въ родство душъ, я даже находилъ всегда нѣкоторое сходство между собою и этимъ лирическимъ стихотворцемъ, не смотря на наше видимое различіе.

\*) Двѣ послѣднія строки взяты изъ поэмы Полонскаго: „Свѣжее преданіе.“

Оба родились мы «славными малыми»,  
 Оба гонялись за идеалами;  
 Я, как и онъ, часто съ пафосомъ кликаю:  
 «Дайте мнѣ женщину, женщину дикую!»  
 Рядомъ съ карьерой писателя онаго  
 Смѣло поставьте маіора Бурбонова.

Это положеніе доказываетъ новая поэма Полонскаго: „Разладъ“

Пусть говорятъ всѣ, что хотятъ,  
 (Теперь вѣдь брань въ ходу),  
 Но прочитавъ его «Разладъ»,  
 Я съ нимъ живу *въ ладу*.

Другое неотъемлемое достоинство „Разлада“ есть то, что поэтъ извѣстное стихотвореніе Пушкина: „О чемъ шумите вы народные витѣи?—передалъ намъ въ драматической формѣ широкой шекспировской кистью. Въ „Разладѣ“—русскій офицеръ Танинъ полюбилъ pannу-Катерину. Вся интрига драмы основана съ одной стороны — на исполненіи долга, долга службы, а съ другой на любви къ pannѣ. Борьба между двумя этими чувствами продолжается на семи печатныхъ листахъ, но наконецъ первое беретъ верхъ надъ послѣднимъ.

*Случай осветжитъ мою бабку!*

воскликаетъ Танинъ, и продолжаетъ, подавляя въ себѣ любовь:

О чемъ тутъ думать! загорайся кровь!  
 Клян вражда, когда другаго чувства  
 И быть не можетъ...

Катерина отвѣчаетъ ему:

*Счастливо оставаться, панъ, прощайте...*

Прелестное выраженіе! Когда мой деньщикъ каждый вечеръ говорилъ мнѣ теперь: счастливо оставаться, ваше б-іе!—я всякій разъ вспоминаю милую героиню г. Полонскаго. Вообще умилила меня находчивость г. Полонскаго, который фронтовой военный языкъ уломалъ въ ямбы своей драмы. Такъ, напр. говорить —

ГЕНЕРАЛЬ.

Ужасно сколько гибнетъ  
 Несчастныхъ молодыхъ людей!

АДЪЮТАНТЪ.

Да, ваше

*Превосходительство... ужасно жаль.*

или въ другомъ мѣстѣ, монологъ Танина прерывается возгласомъ вѣстоваго:

Ваше благородіе,  
Пріѣхалъ жидъ,..

Реальность г. Полонскаго во мнѣ самомъ пробудила смѣлость:

Теперь и мнѣ дана отвага,  
И въ одѣ я  
Сказать съумѣю: ваше благо—  
Родіе!

Мотивъ, соблазвившій теперь г. Полонскаго для сооруженія драматической поэмы, нѣкогда соблазнялъ и меня самого, и подъ его наитіемъ я сочинилъ слѣдующее стихотвореніе, которое можетъ служить лирическимъ экстрактомъ всего „Разлада“. О нащей солидарности вы можете судить по слѣдующей пѣснѣ.

ИЗЪ КНИГИ ПѢСЕНЪ М. БУРБОНОВА.

Я, обожая панну Лизу,  
Межъ двухъ огней попалъ, какъ въ адъ:  
Любовь — влечетъ меня на мызу  
Долгъ службы — тянетъ на парадъ.

О, панна! вы меня зовете,  
Я-бъ подлетѣлъ сейчасъ къ крыльцу,  
Но—служба ждетъ,.. (*фельдфебель! ротъ  
Вели сбираться на плацу*).

Любовью вся душа объята,  
Въ груди, какъ въ банѣ, горячо...  
(*Команды слушайся, ребята!  
Ровняйся! Смирно! На пле-чо!*)

Дождусь-ли съ панной встрѣчи новой!  
Какъ сабля, блещетъ панны взглядъ!..  
(*Штыкъ на себя, ей, ты, фланювый!  
Зарубкины! подтяни прикладъ!*)



Она теперь навѣрно дома  
И приготовила мнѣ грогъ...  
(*Учебнымъ шагомъ въ три приѣма!  
Носокъ вытмивать, носокъ!*)

Отъ нѣжныхъ ласкъ ея тупѣю,  
Готовъ ягненкомъ кроткимъ лечь!..  
(*Пучковъ! Не чистишь португю!  
За это буду больно стѣчь!*)

Любовь и—подчиненье старшимъ!..  
Нѣтъ, долгъ служебный верхъ беретъ!  
(*Ровняйся! Смирно! Скорымъ маршемъ!  
Глаза на право! грудь впередъ!*)

Довольно! Вижу я въ окошкѣ  
Платкомъ мнѣ нанна машетъ тамъ!..  
(*Ребята, вольно! ружья въ сошки  
И расходитесь по домамъ!*)

Герой г. Полонскаго признается и даже на дѣлѣ доказываетъ, что онъ любитъ „подслушивать чужіе разговоры“, что, какъ бы замѣчаетъ, *освѣжаетъ его башку*. Не говоря уже о томъ,

Что пригодились для стишка  
Такія милыя слова,  
И смѣло ставить онъ: *башка*  
На мѣсто слова—*голова*,

не говоря уже объ этомъ, нужно подивиться тому, что подслушиванью поэтъ придалъ какое-то героическое значеніе, въ родѣ высокаго гражданскаго подвига. По мнѣнію этого героя, сила даетъ на все право:

Мы васъ слыѣѣ—стало быть и правы.

Что же касается до монологовъ „Разлада“, то въ нихъ соединяется шекспировская глубина съ восточною страстностью Н. Кукольника. Вникните, напр., хоть въ этотъ монологъ:

Боже мой!  
Могу-ли я сказать комунибудь:  
„Такъ чувствую—такъ мысля“...  
Умъ

Противорвчій въ жизни не выносить.  
 Что-жъ дѣлать? Слѣдуетъ молчать или гибнуть!  
 Я бѣ не хотѣлъ ни гибнуть, ни молчать!  
 Но мало-ли чего бѣ я не хотѣлъ?  
 Чтобъ ничего отъ жизни не хотѣть,  
 Одно спасенье не—дышать,

О! знай я,

Что первый братскій выстрѣлъ попадетъ  
 Мнѣ прямо въ сердце, я бы погодилъ,  
 Но этого не будетъ—не дождусь я  
 Законной смерти... Приливаетъ кровь  
 И бьетъ въ виски—стучится въ грудь,—въ мозгъ  
 Какая-то могильная работа .  
 Кипитъ, какъ будто вотъ сію минуту  
 Придутъ и скажутъ: Тавинь! все готово,  
 Пожалуйте—и я пойду... Давно ужъ  
 Я съ ужасомъ и съ нетерпѣньемъ жду  
 Рѣшительной минуты. Рѣшено.  
 Я не хочу быть въ домѣ сумасшедшихъ  
 И въ эту ночь отправлюсь въ дальній путь.

Проникнитесь красотой этого монолога, и вы оцѣните его прелесть.  
 Положимъ, вы его и не поймете хорошенько, но вѣдь на то онъ  
 и *монологъ*, и говорить его не простой человѣкъ, а герой. Я  
 самъ этого монолога не раскусилъ, но увлеченный только ста-  
 рался сдѣлать ему хоть слабое подражаніе въ такомъ родѣ:

Мой Боже, что со мной? Въ мою башку,  
 Какъ ни стараюсь я, не залзаютъ мысли.  
 Да и за чѣмъ же мыслить, если можно  
 Жить только чувствомъ или игрою  
 Воображенія?... Но, ахъ! постойте!—  
 Я чувствую, что кто-то сзади  
 Меня вдругъ укусилъ, такъ больно укусилъ...  
 Кровь бьетъ въ виски, а мозгъ мой, бѣдный мозгъ,  
 Какъ будто перешелъ изъ черепа въ желудокъ.  
 Что жъ дѣлать мнѣ теперь? Блохою жизни я  
 Укушенъ въ цвѣтъ лѣтъ и мыслить не желаю.  
 Нѣтъ, не хочу носить рубашки сумасшедшей,  
 И лучше въ этомъ мѣрѣ буду  
 Искать я дикихъ женщинъ, людямъ  
 Пославъ одни громовыя проклятыя,  
 И написавъ «Разладъ»—въ разладѣ буду съ міромъ.

Нужно однако сознаться, что какъ ни велико значеніе новаго про-

изведенія г. Полонскаго, но впечатлѣніе, имъ производимое на меня, не было бы такъ сильно, если бы я послѣ него не прочелъ новаго изданія Стихотвореній М. Розенгейма и (см. Сборникъ солдатскихъ сочиненій) стихотвореній г.г. *Мартыанова* (фельдфебеля Парвс. гѣх. полка) *Васильева* (писаря 2-й артил. бригады) *Толдышева* (унт. оф. драгун. полка) и многихъ другихъ новѣйшихъ сочинителей. Такъ, напр., послѣдній изъ нихъ, напечатавшій свои стихи, начинающіеся такими куплетомъ:

Ура, драгунскіе солдаты!  
 Васъ инсургентамъ не забыть,  
 Мы показали имъ, ребята,  
 Какъ надо шашками рубить. и пр.

этотъ сочинитель, хотя и уступаетъ г. Полонскому въ силѣ изобрѣтательности и фантазіи; но, по дарованію своему и доброму намѣренію, можетъ быть достойнымъ его сотоварищемъ по музѣ. Въ свое время я еще буду говорить съ этихъ новѣйшихъ стихотворцахъ, но теперь обращаюсь къ главному представителю ихъ поэтическаго стана, къ М. Розенгейму.

М. Розенгеймъ издалъ второе, дополненное и исправленное, изданіе своихъ стихотвореній, за что я отъ лица всѣхъ поклонниковъ его таланта привожу ему полнѣйшую благодарность: Едва я взялъ въ руки его новую книжку, то даже созерцаніе ея обертки привело меня въ большой восторгъ: даже обертка доказала мнѣ, какъ гуманенъ г. Розенгеймъ въ отношеніи своихъ читателей. На задней сторонѣ его изданія напечатано было, что цѣна книги 2 р. с., но г. Розенгеймъ, послѣ нѣкотораго размышленія, вѣроятно, разчувствовався и наклеилъ на книгу новый ярлыкъ, гдѣ уже поставилъ цѣна 1 р. 50 к. с. Кто же изъ насъ не оценитъ теперь этого великодушія, этого полтинника?.. У „Русскаго Вѣстника“ четвертакъ пропалъ однажды — онъ и изъ-за четвертака поднялъ исторію на всю Россію, а вотъ г. Розенгеймъ самъ даритъ каждому своему читателю по полтиннику. — Только читайте, говорить. — Рады стараться, г. Розенгеймъ!..

Какъ сочинитель вполне самобытный, г. Розенгеймъ въ новомъ изданіи своихъ стихотвореній остался вѣренъ своему типу, ни въ чемъ себѣ не измѣняя. Антипатія къ англичанамъ осталась все та же, и если онъ не зоветъ ихъ больше „фабрикантами мятежей“, то все-таки называетъ Альбіонъ — „создателемъ крамолы“. Упрекая Англію за участь ея пролетаріевъ, онъ указываетъ съ негодованіемъ:

На этот интересный плод  
 Индустриального разврата,  
 На страшный, роковой исходъ  
*Кривыхъ ранъ пролетаріата.*

Каковъ послѣдній стишокъ?

Жалуюсь на то, что мы „всѣ завѣтныя чувства поднимаемъ на смѣхъ,

*И какъ камень въ океанно попрячемъ:*  
 Свой сарказмъ во все и во всѣхъ,

онъ увѣряетъ, что намъ не впору *«украденный плащъ скептицизма»*. Совершенно справедливое замѣчаніе: всякая украденная одежда всегда не впору, а „плащъ скептицизма“ и подавно, потому-что онъ шить не по формѣ и къ русскому стихотворцу нейдетъ.

По мнѣнію г. Розенгейма назначеніе честнаго русскаго труженника—не то. Онъ —

*Просто съ кухаркой завелъ бы интрижку,*  
*Жилъ бы спокойно, тинжомъ!..*

Поэтому-то поэтъ очень благоразумно замѣчаетъ, что узнавъ „скверну міра“, онъ, полный скорби, испугался и разорвалъ свои одежды. Онъ продолжаетъ:

*Иду спокойно, равнодушно,*  
*Куда судьба не поведетъ,*  
*Какъ, воля старшаго послушный,*  
*Солдатъ свой дѣлаетъ походъ.*

*Иду, какъ онъ, съ слѣпою вѣрой,*  
*Не зная, гдѣ привалъ найду,*  
*Гдѣ будутъ зимнія квартиры*  
*И скоро-ль въ чистую пойду.*

*Холодный разумъ и терпѣнье*  
*Мой провіантъ на весь походъ,*  
*И не пытая Провидѣнья*  
*Иду, куда ни поведетъ.*

Кто жъ теперь будетъ упрекать г. Розенгейма въ томъ, что онъ ходитъ, одѣвшись въ «плащъ скептицизма»? Кто жъ назоветъ его обличителемъ? Помилуйте! почтенный поэтъ совершаетъ свой жизненный путь, какъ походный солдатъ, послушный воля старшаго, и терпѣніе считаетъ единственнымъ нравственнымъ провіантомъ,—такъ кто жъ назоветъ его обличителемъ? А вѣдь наплись и та-

кѣ клеветники... Подобно М. Розенгейму, я самъ имѣю такой взглядъ на жизнь:

Жизнь наша въ родѣ плацъ-парада;  
И въ зной, и въ холодъ на вѣтру,  
Маршировать тѣмъ плацомъ надо,  
Какъ на инспекторскомъ смотру.  
Какъ рекрутъ, выучись смираться,  
Но забгать не хлопочи:  
Похвалить—крикни: «радъ стараться»!  
А же похвалить—времолчи.  
Тебѣ прикажутъ—дѣлай дѣло!  
Терпи—вотъ лучшій твой паекъ,  
А въ остальное время смѣло  
Насокъ вытягивай, жосекъ!..

Впрочемъ г. Розенгеймъ самъ говорить про себя:

Не утопистъ я, не мечтатель,  
Слѣпой поклонникъ новизны,  
Не желчно-злбный порицатель  
Моей родимой стороны.

Итакъ, онъ, съ одной стороны — стихотворецъ воинственный, сильно противъ англичанъ озлобленный; съ другой стороны въ-вещь до нѣкоторой степени клубничный, очемъ зри ниже. Самая ненависть его къ англичанамъ, по моему мнѣнью, чувство напускное, неискреннее, и онъ только изъ симпатіи къ Расплюеву (извѣстный врагъ этой „образованной націи“) уже очень сильно на нихъ опрокидывается, а въ сущности онъ и англичанъ очень любить. Что же касается до симпатіи его къ Расплюеву, то стихотворецъ, кромѣ сходства своихъ взглядовъ со взглядами послѣдняго, доказываетъ это даже тѣмъ, что употребляетъ даже любимыя выраженія Расплюева. Какъ этотъ говорить въ комедіи: „Была игра, могу сказать, была!“ такъ въ „драматическомъ очеркѣ“ — „Смѣна“ отъ лица стараго года поэтъ восклицаетъ:

Ну-съ, вотъ и кончено... Пора!  
Долой со сцены, прочь отъ дѣла.  
Могу сказать, была ~~игра~~!..  
Была-съ...

Муза г. Розенгейма — муза весьма примирительнаго свойства, воспѣвающая больше человѣческія добродѣтели. Такъ, напримѣръ, случилось умереть эконому 1-го кадетскаго корпуса, человѣку достойному и безсребренному, и г. Розенгеймъ тотчасъ надѣлъ пле-

резы и написал ему *надгробное слово*, гдѣ между прочимъ говорить:

Прохожіи! отойдемъ подалеже отъ него:  
Здѣсь дышетъ правотой—а мы... мы служимъ оба.  
Межъ тѣмъ, какъ цѣлый міръ хлопочетъ объ одномъ,  
Чтобъ были свой карманъ и свой животъ набиты,—  
Чудакъ дяковинный! Онъ думалъ лишь о томъ,  
Чтобъ всѣ вокругъ него до-пельзя были сыты ..

и т. д. въ томъ же благородномъ родѣ...

„Надгробное слово“ г. Розенгейма я назвалъ бы единственнымъ въ своемъ родѣ, если бы въ „Сборникѣ солдатскихъ сочиненій“ не встрѣтилъ разсказа г. Иннокентія Евграфова подъ названіемъ: „*воспоминаніе о вахмистрѣ Тумашевѣ*“. Для сравненія приведу тоже отрывокъ и изъ этого разсказа.

«Часто вспоминаю я о добромъ нашемъ вахмистрѣ Тумашевѣ. Объ немъ у насъ никто не смѣлъ даже и отозваться дурно. Бывало, какой-нибудь молодой солдатъ, раздосадованный приказаніемъ вахмистра, придетъ къ себѣ въ казарму, и начнетъ ворчать, да бранить его, но свои же товарищи тотчасъ остановятъ: „не смѣй бранить вахмистра“, скажутъ: „ты видно не знаешь, какой онъ человекъ! Ну, тотъ и замолчитъ по-неволю. Такъ-то всѣ его у насъ любили“.

„Воспоминаніе о вахмистрѣ“ г. Евграфова и „надгробное слово эконому“ г. Розенгейма внушили мнѣ мысль написать эпитафію славному деньщику моему Петру Гвоздеву, умершему 15 лѣтъ тому назадъ.

#### ЭПИТАФІЯ.

Пускай холодною землею  
Засыпанъ ты,  
Пусть вѣтъ ограды надъ тобою  
И вѣтъ плиты;  
Но я ни разу въ этомъ мірѣ  
Не забывалъ,  
Какъ капты новые въ мундиръ  
Ты мнѣ вшивалъ,  
Какъ хорошо,—тѣмъ восхищаясь  
Твои враги,—  
Тобой съ глянецемъ вычищаясь  
Мнѣ сапоги.

Мы голодали на походъ—  
 Ты не былъ хмуръ,—  
 И самъ въ соседнемъ огородѣ  
 Ловилъ намъ куръ.  
 Ты ловокъ былъ достать деньгинокъ,—  
 Талантовъ—тыма!—  
 Ты деревенскихъ всѣхъ бабенокъ  
 Сводилъ съ ума.  
 Хоть круглый годъ ты не чесался,  
 Не мылъ лица,  
 Но неподкупнымъ мной считался  
 Ты до конца.  
 Къ твоимъ замашкамъ и отвѣтамъ  
 Я такъ привыкъ,  
 Мнѣ не услужить въ мирѣ этомъ  
 Иной деньщикъ.  
 Какъ Розенгеймъ, я экономовъ  
 Не воспѣвалъ,  
 Но вѣрь, мой другъ,—тебя Бурбоновъ  
 Нѣ забывалъ.

Рядомъ съ стихотвореніями М. Розенгейма я представляю моимъ читателямъ на разсмотрѣніе „Сборникъ солдатскихъ сочиненій.“ Сопоставленіе это не случайное явленіе, не мой собственный капризъ или прихоть, но совершенно художественная, такъ сказать, необходимость. Въ художественности, какъ и на службѣ, есть своя субординація, свое мѣстничество. Я имѣю основаніе думать, что если г. Розенгеймъ пользуется нѣкоторымъ правомъ гражданства въ литературѣ, то тѣмъ же самымъ правомъ могутъ пользоваться сочинители еще неизвѣстные, какъ то: гг. Мартыновъ, Одинцовъ, Евграфовъ и многіе другіе. Достойны-ли они или недостойны стоять на ряду съ г. Розенгеймомъ — это еще вопросъ, но вопросъ, который можно теперь же разрѣшить самымъ скромнымъ образомъ. Для этого я, не желая брать на себя послѣдняго слова въ дѣлѣ критической оцѣнки, предложу читателямъ художественную загадку такого рода: я выпишу нѣсколько отрывковъ, какъ изъ г. Розенгейма, такъ и изъ другихъ стихотворцевъ, а имена авторовъ выставлю въ выноскахъ. Закрывши рукой эти выноски, пусть каждый читатель самъ отгадываетъ въ приведенныхъ отрывкахъ голосъ музы г. Розенгейма. Если онъ угадаетъ, то значить у послѣдняго есть своя собственная физіо-

номія, не блѣдающая ни отъ какой шарады, — если же каждый изъ приведенныхъ отрывковъ можно будетъ приписать одному г. Розенгейму, то это будетъ значить.... вы сами понимаете, что это будетъ значить, милостивые государи!..

И такъ, потрудитесь прослѣдить за мною, и на основаніи собственнаго художественнаго чувства вѣрнѣе: одинъ ли на свѣтѣ Розенгеймъ, или же нѣтъ инаго — регионъ.

1.

Ужь пора-бъ перестать  
Тебѣ жизнь коротать  
Одинокую,  
А идти бы домой,  
Да жену заводять  
Черноокою.  
Ну, на что ты похожь,  
Бобылемъ ты живешь  
У людей чужихъ.  
Хоть взглянуть бы пошелъ,  
Какъ избушка стоитъ  
Стариковъ твоихъ. 1).

2.

Не дубокъ молодой  
Заморило грозой, —  
Нѣтъ, то доля—бѣда горемычная  
Извела молодца  
Что ни есть до конца,  
Словно мачиха—гнетъ необычная. 2)

3.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ: УТОПЛЕННИКЪ.

Маялся бѣ годъ онъ, и все-бѣ ничего,  
Только знать мочи не стало его;  
Тутъ-то лукавый его и смутилъ,  
Взялъ, да и разомъ съ собой порѣшилъ.  
Тамъ, въ половодье, запрошлой весной  
Сверху и прыгнулъ онъ внизъ головой.  
Тутъ вотъ подъ льсомъ нашли бѣдняка,  
Грѣшное гѣло прямила рѣка.  
Снова съ недѣлю здѣсь жилъ становой,  
Былъ съ нимъ и стряпчій, и докторъ кривой;

1) См. Сбор. Соч. сочиненій стр. 26 А. Васильевъ 1.

2) См. Стихот. Розенгейма стр. 50.



Знать всё хотѣли они, отчего  
 Онъ утопился, и вотъ для того—  
 Что—день къ допросу таскали народъ;  
 Много деревнѣ тутъ было хлопотъ. 3).

## 4.

## ИЗЪ ДРУГАГО СТИХОТВ. УТОПЛЕННИКЪ.

Разъ утопленникъ выплылъ у насъ,  
 И къ нему, пока судъ наряжался,  
 Нужень былъ караулъ—и какъ разъ  
 Мнѣ пришлось на полуночный часъ...  
 Не на шутку я тутъ испугался.  
 Вижу трупъ предъ собою несчастный...  
 Ноги голыя врылись въ песокъ;  
 Въ небѣ мѣсяцъ не полный, но ясный,  
 Въ полѣ вѣтеръ бушуетъ ужасный,  
 И шуметь побурѣвшій лѣсокъ.  
 Рѣчка злится, далеко волну  
 Выгоняя на берегъ отлогій,  
 А я въ волны смотрю, не смигну,  
 Скоро-ль выплеснуть мнѣ сагану,  
 Скоро-ль вынырнетъ бѣсъ козлоногій. 4)

## 5.

Чѣмъ и какъ теперь горю помочь —  
 Въ умъ никакъ не возьму, не смѣкаю!  
 Не могу я себя превозмочь,  
 Горько плачу я каждую ночь,  
 Обливаюсь слезами, рыдаю. 5)

## 6

Когда (читать нужно: *когда*) въ сердцѣ моемъ накипнѣть, накипнѣть  
 Столько горя, что больше не въ мочь,  
 На душѣ станетъ тяжело, что камень лежитъ,  
 И темно, что осенняя ночь. 6)

## 7.

Сердце безпокойное,  
 Что опять зажглось?  
 Ретивое знойное,  
 Что отозвалось?

а) См. Его же стр. 59.

4) См. Сбор. Солдат. сочин. П. Мартыановъ стр. 52.

5) (См. Сбор. солд. сочин. П. Мартыановъ («сельдѣебель Нарвскаго пѣхоти. полка») стр. 81.

6) См. стих. Розенгейма стр. 61,

Про новую дощечку.  
 Новые мечты!..  
 Ахъ еще не въ волюшку  
 Наболѣло ты?.. 7)

8.

Эхъ ты молодость  
 Разудался,  
 Пришибешь тебя  
 Старость лютая  
 Минетъ времячко,  
 Пролетятъ года,—  
 И въ свои права  
 Старость вступится. 8)

Милостивые государи! Не заглядывая въ примѣчанія, найдете ли вы въ этихъ семи отрывкахъ М. Розенгейма, или же всѣ куплеты припишете ему одному? Я стою за послѣднее, не смотря на то, что и примѣчанія всѣ знаю. Я даже рискую дальше идти, опираясь на самыхъ патентованныхъ нашихъ эстетиковъ: я „утопленника“ г. П. Мартянова ставлю выше розенгеймовскаго „утопленника.“ А. Григорьевъ и тотъ противъ такого мнѣнія протестовать не станетъ: прочтите—и судите.

Въ одномъ только случаѣ г. Розенгеймъ не имѣетъ между этими новыми стихотворцами соперника, а именно въ клубничныхъ своихъ стихотвореніяхъ, которыя занимаютъ чуть-ли не половину его книги. Это ужъ не „испазскіе мотивы,“ Всевол. Крестовскаго съ ихъ юнкерскимъ цинизмомъ, не дистиллированная антологическая клубничность А. Майкова, не одесско-афинская страстность Н. Щербинны—нѣтъ, это что-то особенное, что-то розенгеймовское... Г. Розенгеймъ встрѣчаетъ камелію, и прежде, чѣмъ приступить къ гражданской скорби, начинаетъ чувствовать *угаръ страсти, хмель желанія* (только не доставало „портера сладострастія“ или „кукельвана наслажденія“), начинаетъ сознавать, что его кровь *раскалится истомой любви*, и что у него въ сердцѣ.

Одна воцаряется цѣль,  
 Чтобы ею хоть день, хотя часъ повладѣть,  
 Насладиться, а тамъ... а потомъ умереть.

Онъ готовъ умереть, потому что красавица „кипитъ, какъ Нарзънъ;“ — потому что —

7) См. его же стр. 123.

8) См. Сбор. солдат. пѣсенъ. Василій Одинцовъ, писарь 4-й арт. бригады, стр. 103.

Блоснѣжной груди *дѣмъ горячихъ волнъ*  
*Буйно бьютъ о корсетъ, каждой волнѣ полны!*

Дѣмъ *горячихъ волнъ буйно бьютъ о корсетъ!* Становлюсь во фронтъ передъ г. Розенгеймомъ, и сожалѣю лишь о томъ, что не умѣю ржать: однимъ только ржаніемъ можно передавать восторгъ свой передъ такими метафорами. М. Розенгеймъ на нихъ неистощимъ. Съумѣлъ же онъ измыслить такое выраженіе: "отчаянья дѣтскій парадъ". Напрасно я ломалъ голову, чтобы придумать нѣчто подобное, но изобрѣлъ только "маневры несчастія" и "майскій парадъ любви". Игривость г. Розенгейма доходить даже вотъ до чего: онъ описываетъ старушку, которая шепчетъ дѣвочкѣ: слушайся дитя! а та въ это время:

Склонясь лепечетъ:  
 „Богъ съ тобой, поди!“  
 А платочекъ скачетъ,  
 Скачетъ на груди.

Если платочекъ можетъ скакать на груди, то отчего же онъ не можетъ на ней же *лхать рысью* или же просто *галопировать*? Разумѣется, можетъ, а потому, обращаясь ко многимъ отцамъ семейства, предупреждаю ихъ:

Ахъ отцы! у вашихъ дочекъ —  
 (Идите впереди!)  
 Галопировать платочекъ  
 Станетъ на груди.

Случилось г. Розенгейму ѣхать на пароходѣ, и какія краски передъ нимъ разсыпались! Онъ видитъ что: "и тамъ, и тутъ горять и яхонтъ, и санфиръ, и туртуръ, и лазуръ, а пароходъ, оставляя за собой слѣдъ *живаго серебра* „бросаетъ жемчужные брызги въ рубиновую влагу“.

Это просто „бриллиантовые строчки, взбрызнутыя жемчужными рифмами по живому серебру яхонтовой фантазіи и по лазурному фону рубинового воображенія..."

Клубничность поэзіи г. Розенгейма бываетъ иногда очень прозрачна, такъ что главной сути и уловить невозможно. Уловите-ка, напр. что нибудь въ этихъ строкахъ:

Не играй, не играй...  
 Эти звуки — они!  
 Это прошлаго рай,  
 Это счастья дня...  
 Не играй же мнѣ ихъ,  
 Я люблю такъ тебя,  
 Но невольно *про нихъ* (?)  
 Обвиняю себя.

Поднимается вновь,  
 Восстать, вить отъ сна,  
 И бывая любовь  
 И бывая она (!!)

Что это такое? Попробую комментировать: «эти звуки—они!», хотя вперёдъ чувствую, что успѣха въ этомъ случаѣ не достигну :

Не играй — ай, ай, ай!  
 Эти звуки — ой, ой!  
 Мнѣ напомнили мнѣ  
 Прощлагодной весной.  
 Въ поле вышла она.  
 Онъ — онъ пришелъ на гумно,  
 А промчалась весна —  
 Появился — она.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что г. Розенгеймъ очень рѣдко старается быть прозрачнымъ въ своихъ эротически-этапныхъ пѣсняхъ. Онъ открыто сознается въ своемъ донъ-жуанизмѣ и въ своихъ любовныхъ побѣдахъ и похожденияхъ. То онъ признается, какъ подсматривалъ за сосѣдкой, какъ она купалась въ рѣкѣ и какъ ему хотѣлось сдѣлаться рѣчной струйкой, „чтобъ къ роскошному тѣлу касаться и чудесныя формы ласкать“ (часть 2, стр. 87), то признается, какъ ему одна дама тихонько отъ мужа въ саду свиданья назначала; то, наконецъ, онъ вспоминаетъ:

Помнишь, другъ мой, какъ бывало,  
 Уложивши мужа спать,  
 Ты украдкой сбѣгала  
 Внизъ, къ мнѣ потолковать

а теперь, продолжаетъ, должны мы въ горѣ нашемъ—

Утѣшать себя порой:  
 Я — модисткою Наташей,  
 Ты — буфетчикомъ Ѳомой.

Хоть все это нисколько не опрятно, не изящно, но за то мы знаемъ теперь, что г. Розенгеймъ былъ въ свое время соблазнитель большой руки, а всякая черта изъ жизни любимаго стихотворца драгоценна. Теперь же пришло другое время, а потому такіе авторы, какъ гг. Полонскій и Розенгеймъ, должны уступить свои мѣста другимъ свѣжимъ стихотворцамъ, на которыхъ я указалъ въ этой статьѣ и которые, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ достойными ихъ наслѣдниками на русскомъ Геллконѣ. Я все сказалъ. Мнѣ теперь остается только проститься съ своими читателями словами героини драматической поэмы Я. Полонскаго, и сказать: „счастливо оставаться, господа“!...

М. Бурбонъ.

## ПЕРЛЫ И АЛДИАНТЫ

РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Въ прошломъ году, собирая перлы русской журналистики, я замѣтилъ, что ошибочно судили въкороты, напеда въ ея средѣ какія-то несогласія и враждебныя отношенія; я выразилъ въ то время мнѣнiе и постарался доказать его, что если съ виду иногда и покажется, будто не советѣмъ ладно, то это только съ виду. На самомъ же дѣлѣ царствуетъ такой миръ и согласіе, что либо; между журналами установились самыя дружескія отношенія, а литераторы стали обращаться другъ къ другу съ привѣтствіями въ родѣ тѣхъ, какими встрѣчали другъ друга обитатели того города, гдѣ процвѣталъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ.

— Послушай, мамочка, Апполонъ Александровичъ! или: «заврался, другъ, Иванъ Сергѣевичъ! или же: тебѣ извѣстно, душа моя, Михаилъ Никифоровичъ. Ежели по временамъ не встрѣтъ когонибудь изъ этой братьи появляется жемъ, то это только относительно тѣхъ несчастныхъ, оставленныхъ за флагомъ патристическаго рыска большинства, къ которымъ теперь принадлежатъ немногіе. Подобному дружественному согласію литературы нельзя не порадоваться. Я непремѣнно поднимался бы на «Эпоху», хотя бы только за тѣмъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ братской любви, какую являютъ ея постоянныя сотрудники. «Другъ мой, Гораціо Косица!» зываетъ Апполонъ Гри-

горько; — Милка, Федоръ Михайловичъ... и т. д. въ этомъ родѣ. Существуютъ и другіе приемы. Для выраженія нѣжности прикинется вдругъ ктонибудь, что въ томъ или другомъ вопросѣ разошелся съ своимъ добрейшимъ пріителемъ N N; ну и даетъ дѣлу такой оборотъ: «между нами вышло, не скажу разногласіе, но недоумѣніе» и т. д. Вообще много есть тонкихъ и ловкихъ манеръ сказать другу нѣчто пріятное. Иногда даже будто укоряютъ другъ друга, но и въ упрекѣ слышна нѣжность и добродушіе, а иногда даже пользуются этимъ случаемъ, чтобы похвалить тонко. Такимъ, напримѣръ, образомъ «Современникъ» нѣжно упрекалъ «Инвалидъ» за безобразіе, произведенное послѣднимъ относительно «Заграничнаго Вѣстника». Такимъ же образомъ «Эпоха» укоряетъ Каткова въ статьѣ «Русскіе нѣмцы». Читаешь и радуешься, пріятно быть русскимъ писателемъ во время подобнаго единодушія литературы. У нѣкоторыхъ это единодушіе доходитъ до странностей. Такъ, въ «Эпохѣ» ни одинъ сотрудникъ не можетъ выдумать ни одной остроты (т. е. того, что въ этомъ журналѣ называется остротой), чтобы другіе не подхватили и не ввели ее во всѣ прочія статьи всѣхъ прочихъ книжекъ. Напишетъ, положимъ, г. Достоевскій, вмѣсто обличить, *абличить* — смотришь и Ап. Григорьевъ, и Аверкиевъ, и всѣ остальные пишутъ *абличить* и всякій разъ, видимо довольные собою, подчеркиваютъ или все слово или букву *а*, въ которой и заключается вся соль. Назоветъ г. Григорьевъ г. Н. Потѣхина — junior — глядишь, г. Аверкиевъ повторяетъ то же самое съ такимъ веселымъ и радостнымъ видомъ, какъ будто самъ сочинилъ подобную прелесть. Въ сущности конечно это обстоятельство маловажное, но для читателя весьма пріятное, ибо такая, незначительная сама по себѣ, черта рисуешь ему цѣлую картину домашняго счастья. Онъ видитъ этихъ добрыхъ людей, живущихъ въ мирѣ и согласіи; онъ видитъ, съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ слушаютъ они, читаютъ и перечитываютъ другъ друга, какъ радуется ихъ и буква *а*, у мѣста поставленная, и эпитетъ junior, и тому подобное. И спѣшитъ каждый изъ нихъ повторить всѣ эти игривости, чтобы читателю не разъ и не два насладились и *абличеніемъ* и junior'омъ, потому что скушиться нечего; отчего не потѣнить публику. Добродушный народъ!

Всѣдствие столь умилительнаго намѣренія жизнь течетъ у насъ, какъ по маслу; всѣ, видя спокойствіе, облеклись въ халаты и ведутъ себя, какъ дома. «При насъ», говорятъ она каждому изъ своей братьи, «можете совершать все, что вамъ угодно». Поэтому не стѣсняются.

Образцы такого неглиже можно встретить повсюду. Особенно замѣтно это въ Ап. Григорьевѣ, который ведетъ себя совершенно безпреременно. Иногда онъ вдругъ разжаловывается и объявляетъ публикѣ, что изнищеть пѣлую главу крайне скандальезную, и, разумеется, всякій знаетъ, что онъ не такой человекъ, чтобы въ этомъ случаѣ не сдержать слова. Глава пишется, и въ ней действительно появляются вещи не совсѣмъ благопривостойныя, какъ напр. «арыжно-глубокая и глубоко-арыжвая мысль великаго учителя въ феноменологін Духа». Въ слѣдующей главѣ идутъ признанія, изъ которыхъ мы узнаемъ, что съ авторомъ случается грѣхъ такого рода: вздумаетъ онъ написать статью о Пушкинѣ, написать, корректуру прочтеть,—статю отпечатаеть, глядъ вышло не о Пушкинѣ, а объ Авдотѣ Гливиѣ. Признается также, г. Григорьевъ, что, участвуя въ редакціи Московскаго Вѣстника, онъ никакъ не могъ дойти до того, чтобы знать, что тамъ печатается. Впрочемъ послѣ перваго признанія второе теряетъ всякій интересъ. Но если г. Григорьевъ пойдетъ далѣе по тому же пути, то поразскажетъ намъ много интереснаго о себѣ, хоть напр., какъ онъ статью изъ журнала въ журналъ перетаскивалъ и т. п. Хорошо тоже отзывается онъ «объ Якорѣ», гдѣ до сихъ поръ еще ищетъ пристани и въ то же время говорить въ «Эпохѣ» съ видомъ пренебреженія: «закидывалъ я и хрупкій якорь, но предпочелъ бросить.» Дрянъ, дескать, настоящая. И замѣтите, это написано въ майской книжкѣ «Эпохи», а есть июльскіе № № Якоря, гдѣ красуется подпись: Ап. Григорьевъ. Нечего сказать, приятно быть читателемъ Якоря. Читать полтора года, и вдругъ въ одинъ прекрасный день услышать отъ самого г. редактора, что все это сущая дрянъ. Лестно, нечего сказать!

Но, перечитавъ написанное, я замѣтилъ, что долженъ поспѣшить предупредить читателя, что, не смотря на внутренній миръ, царствующій въ литературѣ, общій характеръ ея далеко не мирный. Дѣло вотъ въ чемъ.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и въѣхъ прочихъ областяхъ, подвѣдомственныхъ г. Каткову, доселѣ раздаются бранные крики, показывается видъ, что какъ будто настонтъ необходимость разнести въ прахъ кого-то. Въ «Русскомъ Словѣ» мы еще не говорили о вѣкомъ произведеніи, специально предназначенномъ для разнесенія въ прахъ разныхъ враждебныхъ силъ. Произведеніе это, напечатанное въ «Русскомъ Вѣстникѣ» принадлежитъ перу одного господина, а именно Ключинкова.

Но чтобы выиграть и бросившись, надо иметь хоть какую-нибудь причину, а между темъ время настаетъ самое спокойное. Англійскій клубъ обрѣкшее опира въ карманъ, даже въ азартныхъ тестахъ нѣтъ надобности, ибо все наслаждается прекраснѣйшимъ здоровьемъ и довольно охотно идетъ мирною кучей. Следовательно въ азартѣ быть рѣшительно неслучаю, и хотя некоторое время можно себя нѣсколько поддѣрживать, но если постоянно поддѣрживать, то наконецъ перегорѣшь и выдохнешь! А безъ азарту тоже нельзя; потому, за какую же профессию приниматься, что же дѣлать? Нельзя же три мѣсяца постоянно напоять мзѣстными о томъ, что дѣлаетъ англійскій клубъ. Но не думаю, чтобы вышелъ прокъ какой-нибудь изъ поддѣльного азарта.

Этими усиліями особенно занята Эпоха. Послѣ испытаннаго крушенія, эти господа видимо исправились и стали стараться писать челоково и удобоноятно, дабы никого не вводить въ заблужденіе, и хотя отъ дурной привычки философствовать не отстали, но за то пылкостью чувствъ наперстывають.

Особенно г. Аверкіевъ изъ всѣхъ силъ старается зарекомендовать публикѣ себя и свою редакцію. Путь, выбранный имъ, довольно прямо: г. Аверкіевъ пристаесть къ г. профессору Костомарову на счетъ пылкости чувствъ. Статья г. Аверкіева, хотя и написана, какъ будто въ защиту Дмитрія Донскаго, но въ сущности цѣль ея доказать, что чувства г. Костомарова не имѣютъ надлежащей пылкости. Слѣдуютъ намеки на Сусанина.. при этомъ, въ предупрежденіе всякихъ неместныхъ замѣчаній о такомъ образѣ дѣйствій, г. Аверкіевъ забѣгаетъ впередъ и утверждаетъ, что слово «неблагонамѣренность» получило отъ какихъ-то баши-бузуковъ такой неприличный оттѣнокъ, что г. Костомаровъ не долженъ употреблять его. Сдѣлавши эту оговорку, г. Аверкіевъ считаетъ себя въ правѣ дѣйствовать sans façon и прямо указывать на такіе предметы, съ которыми самъ М. П. Погдинъ считалъ долгомъ обращаться нѣсколько прилично. Очевидно, что г. Аверкіевъ также изъ числа юныхъ талантовъ, подающихъ надежды не менѣе Ключникова.

Наконецъ «Эпоха» сдѣлала попытку соперничать съ «Маревомъ», и плодомъ этого соперничества явилась драма г. Полонскаго: «Разладъ.» Не мое дѣло критически разбирать подобныя творенія, и я предоставляю судить объ этомъ судѣ болѣе компетентному, г. отставному



моюру Бурбонову, который, какъ разитъ, стремится вннхнхъ во все воедно-художественныя тонкости новаго соннаго г. Колодецаго, до отаву свѣдущихъ людей, задмившаго даже достославное «Сѣтнее Предаче.» Я же ограничуя только дмнтраюма касательно омы тваиваства црствъ вообще, а г. Колодецаго въ особачности. Эти люди дн строго строго умноютъ дѣлать все для ннерего и способны вполннваться даже такими предметами, въ которыхъ они рѣшительно не смыслятъ ни уха, ни рыла. Спрашиваю васъ, милостивые государи, что бы могло выйдти, если бы, положимъ, хоть г. Н. Бергъ аридумалъ писать о прѣснхъ событнхъ въ Саратовѣ, руководствуясь при этомъ адмнственно своей фантазюй. Полагаю, что вышло бы дѣлто неподобное, и г. Н. Бергъ былъ бы осмѣянъ и поруганъ за несмысленную отвагу свою. Полагаю даже, что тотъ же г. Колодецкй, еслбъ вмѣсто стихотварной драмы аридумалъ написать прозаическую статью о томъ же предметѣ, не довольствуясь общими соображеннми и политическимъ взглядомъ, но обмекая, такъ сказать, «свою фантазю» въ повѣтствовательную форму, то и его постигла бы злополучная участь. Но поэту все сходять съ рукъ.

Мыслитель, пишущй передовыя статьи въ «Библиотекѣ для Чтеня», возстаеть противъ какихъ-то неизвѣстныхъ, жемающихъ отрицать события двухъ послѣднхъ лѣтъ. Мыслитель впрочемъ самъ не знаетъ, что говорить и видимо подразумеваетъ подъ отрицанемъ дншь неприязненное отношене къ этимъ событнмъ. Другими словами, онъ хочетъ доказать, что все, что дѣлается, дѣлается къ лучшему. Мыслителю естественно разсуждать такимъ образомъ, потому что онъ принадлежитъ къ «Библиотекѣ для Чтеня», а журналъ этотъ до сихъ поръ еще не рѣшился, что называть лучшимъ, и что—худшимъ. Его, очевидно, сблзняетъ путь «Русскаго Вѣстника», и онъ свѣшнть помѣстнть романъ «Некуда», гдѣ, если возможно, превзойдены г. Писемскй и его выкорыпнль. Что такое этотъ романъ — это ужъ и сказать невозможно, и единственное уподоблене, какое можно сдѣлать ему, это статьи нѣмецкихъ таинственныхъ газетъ и журналовъ въ родѣ «Baierischer Polizei Anzeiger» или Deutsches Geheim Polizei Centralblatt». Разница только въ томъ, что «Некуда» не сопровождается фотографическими снимками. Вскорѣ и этого усовершенствования ожидать нужно... Но редакция «Библиотеки» рядомъ съ «Некуда», гдѣ изображена маркиза де-Бараль, помѣщаетъ статьи г. Евгени Туръ, и такимъ образомъ оказывается способной совмѣщать несомѣстное... Надобно

правду сказать, что одной из своих целей — возбужденія любопытства — авторы такихъ романовъ, какъ «Некуда», достигаютъ вполне. Изумленіе читателя вотъ уже второй годъ постоянно возрастаетъ. При «Взбаламученномъ морѣ» казалось, что гаже уже нельзя будетъ выдвигать. Вышло «Маревъ». Но въ «Маревѣ» даже гадость писать хотя какое нибудь прикрытіе, берутся небывалыя личности, которыхъ авторъ усиливается возвести въ типы. А тутъ вдругъ является чудинце, которое ужъ совершенно со всякаго толку сбивается; читаешь и не вѣришь глазамъ, просто эти даже не видно. Въ сущности это просто плохо подслушанныя сплетни, перенесенныя въ литературу. Дѣло общими чертами не ограничивается, лица въ типы не возводятся; за чѣмъ себя этихъ утруждать, это сдѣлали уже съ достаточнымъ успѣхомъ первые, принявшіеся за подобное дѣло. Теперь разработка по мелочамъ пошла, въ частности переѣхала. Дѣло теперь дѣлается такъ: берется личность и прописывается паспортъ ея: «Любъ такой-то, носъ такой-то, волоса такіе-то, одѣвается по преимуществу такъ-то; въ разговорѣ употребляетъ такія-то восклицанія и слова».... и потомъ все это перепечатывается. Даже фамиліи лѣтъ изобрѣсти: Курницынъ, положимъ, передѣлывается въ Пѣтухова — вотъ и все. Однимъ словомъ, черная работа и та даже въ литературу явилась. А почтенный мыслитель «Библиотеки для Читенія» сѣтуетъ на неблагопріятное отношеніе къ явленіямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ! Успокойтесь, мыслитель, на васъ давно перестали досадовать. Вы всё милки, дѣло извѣстное. Досадовать на васъ нельзя, потому что никакой досады нехватитъ; притомъ вѣдь вы неповинны въ вашихъ подвигахъ: вы совершаете ихъ совершенно безсознательно; вамъ и въ умъ не приходитъ спросить на-единѣ самихъ себя о томъ, что вы дѣлаете и попросить самихъ же себя безпристрастно и хладнокровно обсудить этотъ предметъ. Еслибъ вы хоть разъ сдѣлали это, въ вашихъ поступкахъ не было бы той безпечной и наивной игривости, какъ теперь. Еслибъ г. Стебницкій взглянулъ на себя въ зеркало, а еслибъ г. Боборыкинъ, печатающій его романъ, имѣлъ какое нибудь понятіе о немъ; то оба вы переконфузились бы другъ друга, обидимъ вамъ сдѣлалось бы омерзительно, и «Некуда» не явилось бы въ «Библиотеку». А то вѣдь дѣло какъ дѣлается. Приходитъ одинъ къ другому и говорить: «а ужъ какую же штуку я противъ нигилистовъ выпущу! Страсть!» А нигилисты для него всё сосредоточиваются въ какомъ нибудь юнкерѣ Удаловѣ, котораго онъ видѣлъ у своего знакомаго. Выпускается штука, въ ко-

торой на сцену является юнкеръ, но не Удаловъ, а положимъ, Удалецъ, и оказывается человѣкомъ столь же глупымъ, сколько зловреднымъ. Другаго это раззадориваетъ и, имѣя зубъ на нѣкоего титулярнаго совѣтника Носова, онъ принимается сочинять не менѣе веселую штуку, гдѣ изображаетъ титулярнаго совѣтника Губина, который также къ общему удовольствію обнаруживаетъ глупость и зловредность. При этомъ, если Носовъ часто ходитъ въ синемъ галстукѣ съ бѣлыми мушками, то въ штукѣ такой же точно галстукъ описанъ и на Губинѣ. Если юнкеръ Удаловъ пришепывалъ, то въ другой штукѣ, юнкеръ Удалецъ не обходится безъ пришепыванія. Очевидно, что авторы обѣихъ штукъ писали, не понимая сами, что творять. Еслибъ понимали, то ихъ бы остановило хотя то соображеніе, что вѣдь можно допустить черныи галстукъ съ красными мушками, не убавляя силы своей сатиры, ибо скнйи галстукъ Носова извѣстенъ только ему, да автору, да еще нѣсколькимъ общимъ знакомымъ. Публикѣ же все равно, такъ какъ она ни Носова, ни его галстука не знаетъ. Но авторъ заранѣе наслаждается зрѣлищемъ досады Носова, который, прочтя свой паспортъ, воскликнетъ: «А вѣдь это онъ меня изобразилъ!»;—авторъ радуется при мысли о томъ, что общіе знакомые, нерасположенные къ Носову, прочтя описаніе галстука, възграютъ, что «дескать молодецъ! ловко отдѣлалъ.» Эта невинная радость побуждаетъ автора на цѣлый рядъ такихъ штукъ, которыми онъ остается вполне доволенъ, не заботясь о томъ, до чего онъ низводитъ и литературное дѣло, и журналъ, имѣющій удовольствіе терпѣть его. При такой наивности, что съ него взять? Можно бы, пожалуй, взяться за редактора, еслибъ и тутъ не являлась самая голубинная невинность и непониманіе дѣла. Редакторъ имѣетъ въ виду пріятную перспективу эффекта, который произведетъ штука. Ему мерещутся голоса, вопрошающіе другъ друга: «А читали вы новый романъ? Знаете ли, кто тамъ описанъ подъ именемъ маркизы?» За симъ слѣдуетъ сообщеніе, веселость, и въ концѣ концовъ являются нѣсколько пакетовъ, съ 15 рублями каждый. Съ другой стороны быть можетъ и то, что редакторы и авторы правы, рассчитывая нажать къ тому времени каменный домъ и способность не краснѣть. Что же касается до настоящаго времени, то при трогательномъ единодушіи ихъ, чего имъ стыдиться Иванъ Петровичъ можетъ всегда сослаться на пріимѣръ Павла Ивановича, и на оборотъ; разумѣется, стыдить другъ друга они не станутъ, а напротивъ того готовы всегда ободрить пріятеля.

Вышло «Марево», и «Библиотека,» готовясь къ помѣщенію «Некуда,»

не преминула воздать хвалу ему; даже заплесневѣлыя, впавшія въ дѣтство, «Отечественныя Записки» въ которыхъ уже съ незапамятныхъ временъ печатаются только переводныя статьи, и романы, а изъ оригинальныхъ кромѣ трудовъ самого редактора, являются лишь какія-то несообразныя повѣсти; точно похищенные изъ журналовъ 30-хъ годовъ, даже эта, говорю я, старая рухлядь издала какой-то дребезжащій звукъ; сильнѣйше выразить сочувствіе творенію г. Ключникова. Вѣроятно, тотъ же звукъ повторится и по случаю «Некуда», и какой-нибудь заштатный стрекулистъ соорудитъ нѣчто въ томъ же родѣ, чтобы показать, что и «Записки» не отстаютъ отъ вѣка. Быть можетъ, что и «Русскій Вѣстникъ» удостоится дать краткій, но лестный отзывъ о «Некуда», и во всякомъ случаѣ не осудитъ. Я только удивляюсь: какъ вы, при вашихъ разнообразныхъ занятіяхъ, находите еще время къ намъ придирааться. А придирается къ намъ у васъ охота смертная. О чемъ бы вы ни заговорили, а насъ приплетете и затроните. Въ «Библиотекѣ» о Шекспирѣ зашла рѣчь: глядь — и къ Шекспиру «Русское Слово» и нигилистовъ приплели. Въ «Эпохѣ» тоже другъ другу письма не напишутъ, не задѣвъ нигилистовъ. Напрасно вы время драгоценное тратите: лучше бы вамъ собой заниматься; особенно «Библиотекѣ». «Эпоха», та хоть почвой наготу прикрыла, а «Библиотека» до сихъ поръ еще ничего не избрѣла. И какъ это вы такъ существоете? Вѣдь нельзя же все только на другихъ взѣдаться, да сплетничать; я полагаю, что приличіе (если можно еще говорить о приличіи въ русской журналистикѣ) требуетъ, чтобы вы наконецъ разродились какимъ-нибудь принципомъ, изъ-за котораго хлопочете. Мнѣ конечно все равно, изъ чего бы вы ни хлопотали, но говорю я это потому, что васъ этимъ въ тупикъ ставлю, потому что вамъ всего труднѣе выдумать принципъ, и вы ни за что его не выдумаете и для всѣхъ такъ-таки сфинксомъ и останетесь; и что вы ни дѣлаете, а васъ ни одинъ человѣкъ не пойметъ, начиная съ самого г. Боборыкина. Поэтому употребите лучше ваши досуги на избрѣтеніе какой-нибудь прикрывки. Впрочемъ отсутствіе смысла не мѣшаетъ «Библиотекѣ» ликовать чуть ли не больше другихъ.

Слѣдовало бы сказать также о газетахъ; но все это такое абсолютное ничтожество, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей»; что и говорить о нихъ нечего. Московскія же Вѣдомости теперь переложены въ романы и драмы, а слѣдовательно говорить о нихъ особо — лишнее дѣл. Ра-

зумѣтся, «вѣянія» эпохи, по выраженію Ап. Григорьева, отразились и на этихъ продуктахъ журналистики. Для доказательства достаточно указать на «Голосъ», который послѣ достойнаго состязанія съ Кене (буфетчикомъ въ Тиволи) предположилъ завести нѣчто въ родѣ полемики противъ «Русскаго Слова». Но такъ какъ все тонкое остроуміе газеты ушло на борьбу съ буфетчикомъ, то никакой полемики не произошло, а вышла такая мерзость, отъ которой даже отплевываться стыдно. Этихъ перловъ нынѣшней газетной полемики я приводить не буду—тошнить и безъ того. Замѣчу только, что г. В. Л., разыгрывающій въ «Голосѣ» на другихъ цимбалахъ, чѣмъ онъ разыгрывалъ въ «Современномъ Словѣ» вмѣстѣ съ г. Писаревскимъ, наконецъ нашелъ въ Андрѣ Александровичѣ истиннаго сотоварища по ремеслу. Этими близнецамъ и безсребренникамъ, изволите видѣть, понадобились принципы и безкорыстіе, вмѣсто той куриной слѣпоты, которою они доселѣ могли похвастаться. Они упрекаютъ «Русское Слово» въ томъ, что оно спекулируетъ именами, выставляемыми на оберткѣ. Съ нѣкоторыми журналами дѣйствительно случался такой грѣхъ, что на оберткѣ декабрьской или январской книжки выстраивался весь литературный генералитетъ, и такой безсребренникъ, какъ г. Краевскій, болѣе двадцати лѣтъ играющій на разныхъ тромбонахъ, лучше всякаго другаго знаетъ, за кѣмъ именно водился этотъ грѣхъ. Но «Русское Слово» уже давно обличено въ неуваженіи къ такому генералству; оно питаетъ даже нѣкоторую увѣренность остаться неисправимымъ въ этомъ отношеніи. Поэтому обличеніе «Голоса», очевидно, имѣетъ другой умыселъ. Можетъ быть, онъ сомнѣвается, что въ нашемъ журналѣ дѣйствительно пишутъ гг. Писаревъ и Шелгуновъ; можетъ справиться, если желаетъ. Но вѣрнѣе всего, что г. В. Л., захотѣвшій сыграть на своихъ цимбалахъ, самъ не зная, что сыграется, и потому фельетонъ его вышелъ довольно гнусной симфоніей изъ пѣсни:

Ахъ ты жги, говори и т. д.

Пристыдить Андрея Александровича конечно очень трудно; онъ не изъ такихъ, чтобы покраснѣть; но съ совѣтомъ, въ родѣ слѣдующаго, къ нему всегда можно обратиться: продолжайте, маститый старецъ, вашу полемику съ буфетчикомъ Кене, и не въ свое дѣло не суйтесь. А вы, г. Альбертини, какъ думаете на счетъ этого совѣта?

Этого краткаго, но вѣрнаго очерка достаточно, чтобъ показать читателю наглядно высшее состояніе роскошнаго цвѣтка цивилизаціи, называемаго русской литературой. Сказаннаго довольно, чтобы видѣть разницу между литературными явленіями, характеромъ и наклонностями литературы, и дѣятелями, стоящими въ ней на переднемъ планѣ съ одной стороны, и тѣмъ, чѣмъ была литература нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

В. З.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

---

Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней доктора Фогеля, переведенное съ послѣдняго изданія 1863 года, подъ редакціею доктора медицины Мих Зеленскаго, приватъ-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ при императорской С. Петербургской медико-хирургической академіи, съ измѣненіями, дополненіями и примѣчаніями по новѣйшимъ авторамъ и собственнымъ наблюденіямъ редакціи. Спб. 1864.—Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ соч. Георга Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Изд. Глазунова. М. 1863.—Море и его жизнь Георга Гартвига, перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Михельсонъ. М. 1864.

Въ журналистикѣ и отчасти въ публикѣ укоренилось мнѣніе, что беллетристика составляетъ самую существенную часть нашей литературы, что безъ романовъ и повѣстей, какъ бы они плохи ни были, литературному органу нельзя существовать, что другіе отдѣлы журналовъ между провинціальными читателями остаются неразрѣзанными, что самые скверные стишонки или самый глупый рассказъ вызываютъ больше сочувствія, чѣмъ самая умная критическая статья. Дѣйствительно, степень развитія нашего общества такова, что ему не подъ силу слишкомъ серьезныя вещи, что оно ищетъ въ чтеніи одного развлеченія, и другой потребности пока еще не чувствуетъ. Романъ вполне удовлетворяетъ большинство читающей массы: онъ служитъ ей норкратическимъ возбужденіемъ ея одеревенѣлыхъ нервовъ, или чѣмъ-то въ родѣ промывательнаго средства отъ окончательнаго засоренія мозговъ; онъ размазываетъ на сотни страницъ хоть и плохонькую мыслишку, но размазываетъ ее ясно и понятно для полуграмотнаго люда; а между тѣмъ серьезная книга ставитъ его въ тупикъ. Иначе было бы трудно объяснить, что Загоскинъ и Поль-

де-Кокъ доселѣ прячутся подъ изголовье уѣздной барышней, способной вдосталь намечтаться даже надъ такой мерзостью, какъ: «Битва русскихъ съ кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего друга». Поэтому журналы, примѣняясь ко вкусамъ и требованіямъ публики, набиваютъ себя всѣмъ, что носить какое нибудь подобіе беллетристическаго произведенія; съ другой стороны, все, что обдѣлено умственными сплами и не могло или не хотѣло записаться порядочнымъ образованіемъ, вербуетъ себя въ число беллетристовъ, и всякую дрянъ предлагаетъ редакціямъ. Только поэтому такіе романы, какъ «Взбаламученное Море» и «Марево» читаются у насъ.

Обвинять въ этомъ публику было бы неосновательно. Ея критическій тактъ конечно не на столько выработался, чтобы отличить «Марево» отъ болѣе честнаго и умнаго произведенія; образованіе ея не такъ высоко, чтобы понимать значеніе книги или статьи, прямо дѣйствующей на развитіе умственныхъ способностей. Экономія времени, силъ и практическое приложеніе знанія—такія вещи, о которыхъ мы едва ли когда нибудь думали. У американцевъ и англичанъ, напримѣръ, есть множество періодическихъ изданій, въ которыхъ не помѣщается ни одной строчки изъ романовъ и повѣстей, но имѣющихъ огромное число подписчиковъ; напротивъ, у французовъ нѣтъ ни одного журнала, въ которомъ бы не было своего А. Дюма или его выкидыша. Разница эта объясняется тѣмъ, что американецъ и англичанинъ нуждаются въ знаніи, какъ въ общественной силѣ, какъ въ живомъ и необходимомъ элементѣ своей жизни, а французъ, при глубокомъ невѣжествѣ и при стѣсненной дѣятельности, смотритъ на книгу, какъ на дополненіе своего мѣщанскаго комфорта. Но какъ ни велико господство беллетристики въ нашей литературѣ, мы убѣждены, что даже въ настоящее время многіе предпочли бы чтенію романа серьезную книгу, еслибъ такихъ книгъ было побольше и писались бы онѣ полегче и популярнѣе. Наши ученые сочиненія, кромѣ отсутствія дѣйствительной учености, отличаются такой классической скукой и такимъ рутиннымъ взглядомъ на вещи, что читать ихъ можно только по обязанности или по необходимости. Самая простая и всѣмъ доступная мысль, которую можно передать въ легкой и привлекательной формѣ на обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ, подъ перомъ нашего ученаго мужа превращается въ такую непроходимую дичь, что зайдешь въ нее и не выберешься. Не угодно ли кому дочитать



до конца какое нибудь изъ медицинскихъ сомнѣній нашего собственнаго производства, хотя бы предметъ этого сочиненія одинаково интересовать всѣхъ. И почему именно медицина пользуется особенной привилегіей изъясняться на такомъ тарбарскомъ нарѣчій, отъ котораго тошнить самихъ жрецовъ науки! По видимому, нѣтъ знанія, которое бы такъ тѣсно соединилось съ общественными интересами и своею популярностію было бы такъ общедоступно, какъ медицина, а между тѣмъ она-то болѣе всего и борется популярности; она не ходитъ выдать свою тайну даже тамъ, гдѣ эта тайна не имѣетъ надобности скрывать отъ дневнаго свѣта всей глубины невѣжества и шарлатанства своихъ адентовъ... Медина понимаетъ только медикъ; медицинская книга пишется только для медика. У постели умирающаго человѣка медикъ, какъ Цвейд, говорить загадками и составляетъ свои рецепты, какъ агуру совершаетъ свое священнодѣйствіе. Его понимаетъ только аптекаръ, а ужъ никакъ не пациентъ, которому прописывается таинственный напорть на тотъ свѣтъ. Латинская кухня держится въ больницѣ секретѣ, и медикъ, другъ человечества, уподобляется ея, какъ фокусникъ свое искусство. Все это конечно унижаетъ медицину въ глазахъ людей образованныхъ и подрываетъ даже ту долю довѣрія, которую могла бы питать къ ней масса. Медицинскія книги, какъ я уже замѣтилъ, пишутся для удовольствія самихъ медиковъ, но и сами медики понимаютъ ихъ плохо, потому что девять десятыхъ изъ ихъ содержанія надо отнести къ области чистѣйшаго фокусничества, основаннаго то на догадкахъ врача-практика, то на такихъ опытахъ, которые получили авторитетъ только въ силу своей давности, а не научнаго изслѣдованія. Поэтому добросовѣстный медикъ не станетъ опираться, что изъ ста болѣзней онъ лечитъ не болѣе одной съ полной увѣренностію и съ полнымъ знаніемъ дѣла; — что самый счастливый практикъ не тотъ, кто слѣдитъ за развитіемъ своей науки, не желая отстать отъ ея современнаго состоянія, а тотъ, кто вовсе не занимается ею и все свое время проводитъ въ писаніи рецептовъ и ухаживаніи за пациентами. Вотъ почему въ большей части случаевъ шарлатанство такъ же неразлучно съ профессіей врача, какъ протухшая латинь — съ аптекарскою страпней.

*Руководство къ изученію дѣтскихъ болѣзней доктора Фогеля, переведенное на русскій языкъ г. Зеленскимъ и дополненное его*

собственными замѣчаніями, принадлежить къ числу очень полезныхъ книгъ. Наша медицинская литература такъ бѣдна по этой части, что, за исключеніемъ кое-какихъ переводныхъ книгъ, у нея нѣтъ ни одного дѣльнаго сочиненія. Что же касается дѣтской гігіены, то она едва извѣстна въ нашемъ обществѣ, а между тѣмъ социальныя условія русской жизни таковы, что смертность дѣтей достигаетъ поразительной цифры. Такъ въ Петербургѣ изъ 1000 новорожденныхъ мужескаго пола, не возросшихъ до 5 лѣтъ, умираетъ 340, въ Москвѣ 420, а въ остальной Россіи болѣе половины, т. е. 50% нашего населенія не доживаетъ и до пятилѣтняго возраста. «Причина громадной смертности между дѣтьми въ нашемъ отечествѣ, говоритъ г. Зеленскій, заключается съ одной стороны въ страшныхъ лишеніяхъ массы народонаселенія, съ чѣмъ тѣсно связаны дурной воздухъ и пища, особенно сырая и холодная жилища; все это губить дѣтей, особенно новорожденныхъ. Конечно, освобожденіе крестьянъ послужило основаніемъ будущему уменьшенію этого зла; но за то трудно ожидать скорого искорененія другихъ причинъ смертности. Глубокое невѣжество въ народѣ относительно основныхъ правилъ содержанія маленькихъ дѣтей, предразсудки, которымъ онъ проникнутъ, невозможность отдѣлить больнаго ребенка, могущаго заразить всѣхъ остальныхъ, недостатокъ ухода за больными дѣтьми, наконецъ невозможность покупать лекарство и часто пользоваться совѣтомъ врача—всѣ эти невыгодныя условія еще долго будутъ существовать у насъ. Кромѣ распространенія въ народѣ самыхъ необходимыхъ правилъ гігіены и діететики, есть одно только вѣрное средство вырвать больное дитя изъ убійственныхъ для него условій: *это повсемѣстно устройство дѣтскихъ больницъ*. Я не сомнѣваюсь, что послѣднія еще гораздо необходимѣе и полезнѣе у насъ, нежели больницы для взрослыхъ.» (стр. 3). Но чтобы устроить вездѣ дѣтскія больницы, нужны значительныя средства, которыя далеко превышаютъ экономическое состояніе народа. Та же бѣдность, которая губитъ дѣтей въ холодныхъ и курныхъ избахъ, среди зловредныхъ испареній воздуха, зараженнаго разными нечистотами, мѣшаетъ и распространенію дѣтскихъ больницъ. Еслибъ даже мы распорядились болѣе благоразумно своими экономическими средствами, то и тогда дѣтскія больницы не могли бы существовать повсюду. Кромѣ того, я нахожу, что г. Зеленскій придаетъ слишкомъ большое значеніе медицинскимъ пособіямъ. Въ какомъ бы блестящемъ со-

стояніи они ни находились, какъ бы мы ни были богаты больницами и врачами, но не отъ нихъ зависитъ измѣнить цифру смертности, какъ дѣтей, такъ и взрослого населенія. На эту цифру оказываетъ главное вліяніе общественная жизнь, ея внутренняя и внѣшняя обстановка,—уменьшеніе и увеличеніе тѣхъ причинъ, которыя производятъ въ народѣ болѣзни и роковымъ образомъ дѣйствуютъ на смертность. Въ Швейцаріи, напримѣръ, сравнительно съ Франціею гораздо меньше медицинскихъ пособій, а итогъ смертности въ послѣдней десятию процентами выше, чѣмъ въ первой. И еслибъ Франція утроила число своихъ больницъ и врачей, то при тѣхъ же социальныхъ условіяхъ сумма смертности ея народа не измѣнилась бы нисколько. Слѣдовательно народное здоровье прямо зависитъ отъ качества самого общественнаго устройства, а не отъ числа больницъ и медиковъ. Даже при тѣхъ скудныхъ статистическихъ данныхъ, которыя имѣются у насъ, можно съ точностію опредѣлить, что смертность уменьшалась только тамъ, гдѣ народное благосостояніе возвышалось, и уменьшалась именно въ той пропорціи, въ которой отстранялись причины болѣзненнаго пораженія не отдѣльныхъ организмовъ, а всего общества. Это одинъ изъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ, на который медицина до сихъ поръ не имѣла никакого вліянія.

При современномъ состояніи медицинской науки и на той степени общественнаго развитія, на которой мы стоимъ, можно ожидать дѣйствительнаго пособія противъ дѣтскихъ болѣзней отъ общественной гигиены. Чѣмъ больше она будетъ распространена въ народѣ, тѣмъ менѣе шансовъ будетъ для развитія смертности. Но наша медицина въ этомъ отношеніи ничего или почти ничего не дѣлаетъ, и все наше спасеніе возлагаетъ на одну латинскую кухню. А кухню эту давно слѣдовало бы убрать съ свѣта божьяго и приняться за распространеніе элементарныхъ гигиеническихъ понятій, которыя бы предупреждали болѣзни, уничтожали бы ихъ въ самомъ источникѣ, и тѣмъ, какъ можно больше, ограничили бы кругъ собственно медицинской работы. Поэтому хорошія популярныя изданія по общественной гигиенѣ были бы во сто разъ полезнѣе такихъ специальныхъ руководствъ, какъ доктора Фогеля. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ него почерпнетъ новыя свѣденія медикъ или студентъ медицинской академіи, но обыкновенный смертный запнется на первомъ латинскомъ

словъ и не вынесетъ изъ него ни одной крупинцы полезнаго для себя знанія.

Но г. Зеленскій человекъ своего сословія; онъ не только не стѣсняетъ дѣятельности современнаго врача, но распространяетъ ее даже на интеллектуальное развитіе дѣтей. «Управлять этимъ развитіемъ, говоритъ онъ, гораздо лучше сумѣетъ врачъ, нежели педагогъ или гувернеръ.» (стр. 99) Нѣтъ сомнѣнія, что интеллектуальное здоровье находится въ неразрывной связи съ физическимъ, что ребенокъ, рожденный съ неправильнымъ черепомъ или съ меньшимъ объемомъ мозга, чѣмъ сколько требуетъ нормальная величина его, навсегда останется идиотомъ, какъ бы ни воспитывали его, что по мѣрѣ возраста увеличивается объемъ черепа и мозгъ дѣлается тверже, что въ томъ же отношеніи развивается и мыслящая сила человекъ — все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы врачъ могъ управлять интеллектуальнымъ развитіемъ дѣтей. Если современный педагогъ на одного умнаго воспитанника поставляетъ обществу сотню идиотовъ, то медикъ, при его современныхъ научныхъ средствахъ, надѣлалъ бы еще больше идиотовъ. Педагогъ, въ современномъ его значеніи, есть ничто иное, какъ механическій инструментъ, заставляющій ребенка долбить чужія слова и мысли, и потому онъ менѣе вреденъ, чѣмъ если бы онъ обратился въ орудіе самостоятельнаго отупленія человѣческой головы. Но врачъ, смыслящій не болѣе педагога въ психическихъ отправленияхъ организма, но гораздо болѣе претендующій на это знаніе и слѣдовательно дѣйствующій самонадѣяннѣе, пришелъ бы еще къ болѣе плачевнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, г. Зеленскій, утверждающій, что «дѣтя должно вращаться только въ своемъ мірѣ,» на мѣстѣ педагога учинилъ бы величайшую негѣдность, рассадивъ дѣтей по клѣткамъ ихъ возраста и степени пониманія. Напротивъ, дѣти какъ можно меньше должны находиться «въ своемъ мірѣ», потому что имъ нуженъ постоянный притокъ новыхъ впечатлѣній, а впечатлѣнія эти получаютъ ими только изъ другаго міра. Далѣе г. Зеленскій говоритъ, что «при развитіи каждой способности у ребенка предъ нимъ открываются двѣ діаметрально противоположныя дороги: дѣтя, предоставленное самому себѣ, можетъ попасть на хорошій или дурной путь; но въ умѣнни руководить почти всегда лежитъ возможность дать хорошее направленіе развивающейся способности». Не знаю, провѣрилъ ли г. Зеленскій свое

мнѣніе на опытѣ, но въ теоріи оно совершенно несправедливо. Направленіе въ развитіи нашего ума зависитъ отъ тѣхъ обстоятельствъ и впечатлѣній, которыя окружаютъ ребенка. Если онъ будетъ жить среди воровъ и мошенниковъ, то изъ него не выйдетъ добродѣтельнаго Катона, какое бы умѣнье руководить ни приложилъ врачъ. Тутъ, какъ и вездѣ, умственное развитіе дитяти опредѣлится не педагогическими совѣтами, а самыми требованіями жизни. Поставить жизнь ребенка на хорошей путь, ребенокъ и пойдетъ этимъ путемъ, а развратитъ и убьетъ его мыслительныя способности, и ребенокъ ничего не сдѣлаетъ при самомъ лучшемъ воспитаніи. Мало-ли мы видимъ людей, такъ называемыхъ, благовоспитанныхъ, но отчаянныхъ мерзавцевъ, употребившихъ все направленіе своихъ способностей на разныя гадости, и людей, не получившихъ никакого воспитанія, но честныхъ и умныхъ. Поэтому надо отказаться отъ той мысли, что педагогика врача или гувернера можетъ управлять развитіемъ ребенка; имъ управляетъ и его формируетъ та среда, въ которой онъ вращается. Если эта среда негодная, то и продуктъ ея выйдетъ негоднымъ; если она хороша, то и отдѣльный членъ ея будетъ хорошъ. Конечно, можно удалить ребенка на нѣкоторое время отъ вліянія окружающей его среды, но рано или поздно онъ опять войдетъ въ нее и сдѣлается именно тѣмъ, чѣмъ заставятъ его быть самыя обстоятельства жизни. Пусть каждый изъ насъ припомнитъ все свое воспитаніе и за тѣмъ всю свою жизнь, и пусть внимательно провѣритъ, чѣмъ онъ обязанъ педагогическимъ внушеніямъ и что вынесъ изъ обстоятельствъ своей жизни. Провѣривъ и то, и другое, онъ увидитъ, что если его умственныя способности развились такъ, а не иначе, что если онъ сдѣлался дурнымъ или хорошимъ человекомъ, то это направленіе было принято имъ единственно въ силу вліянія тѣхъ житейскихъ обстоятельствъ, которыя опредѣлили его общественное положеніе и личную дѣятельность.

---

*Природа и человекъ на крайнемъ северѣ.* Сочиненіе Гартмана и пр. Пер. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Москва. 1863. Изд. А. И. Глазунова.

Книга эта принадлежитъ къ числу общепонятныхъ изложеній известнѣйшихъ отраслей физическаго землеописанія, а авторъ ея, нѣмецъ

кій профессоръ Гартвигъ, принадлежитъ къ числу компиляторовъ, не имѣющихъ ни самостоятельнаго взгляда на предметъ, ни особеннаго таланта, но довольно полезнаго популяризатора естественныхъ наукъ.

«Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ» едва ли не лучшее произведеніе Гартвига. Это небольшая, но интересно написанная монографія самыхъ сѣверныхъ странъ и ихъ обитателей на нашей планетѣ; предметъ ея принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если тропическія страны, окаймляющія экваторъ, представляютъ картину величайшей роскоши растительнаго міра, то околополярныя страны, въ свою очередь, могутъ похвалиться грознымъ величіемъ своей негостеприимной природы. Въ обоихъ случаяхъ, сила человѣка подавляется силою внѣшнихъ вліяній. Весьма немногочисленное населеніе, большею частію дикихъ или полудикихъ племенъ, само, такъ сказать, прозябаетъ среди дѣвственныхъ лѣсовъ Бразиліи и въ широкой лѣсистой низменности, протекаемой исполинами рѣкъ, Амазонкою и Оринокомъ. Съ другой стороны, на крайнемъ сѣверѣ только въ немногихъ мѣстахъ удается человѣку извлекать плоды изъ мерзлой, неплодородной почвы, и здѣшнее весьма скудное населеніе живетъ преимущественно звѣроловствомъ да рыбною ловлею. Только въ умѣренныхъ климатахъ вполнѣ выражается могущество человѣка, и онъ можетъ неоспоримо назваться *хозяиномъ земли*.

Съ самаго начала, Гартвигъ знакомитъ читателя съ общимъ видомъ полярныхъ странъ. Онъ описываетъ обширныя на сѣверѣ безлѣсныя пустыни или тундры, опредѣляетъ ихъ границы, характеръ, а также животную жизнь, сосредоточивающуюся здѣсь лѣтомъ. За тѣмъ онъ переходитъ къ описанію сѣвернаго полярнаго моря. Авторъ представляетъ здѣсь краткій очеркъ путешествій въ арктическія страны, начиная съ Генри Гудсона и оканчивая американцемъ Кэномъ. О Ричардсонѣ, Симпсонѣ, Врангелѣ, Миддендорфѣ, здѣсь только упоминается вскользь; а о такихъ людяхъ, какъ оба знаменитые Росса, сэры Джемсъ и Джонъ (дядя и племянникъ), здѣсь почти совершенно забыто: о нихъ говорится уже при описаніяхъ путешествій для отысканія сѣверо-западнаго прохода вокругъ сѣвернаго берега Америки.

Какъ бы то ни было, картины сѣверо-полярнаго моря, заимствованныя преимущественно у ученаго китолова Скорезби, весьма любопытны и исполнены грознаго величія. Отрывокъ изъ дневника од-

ного изъ новѣйшихъ арктическихъ путешественниковъ, Кэна, прошедшаго двѣ зимы на крайнемъ сѣверѣ Гренландіи, подѣ 79° с. ш. отличаются животрепещущимъ интересомъ. Извѣстно, что Кэнъ подошелъ къ сѣверному полюсу ближе всѣхъ другихъ путешественниковъ и видѣлъ страну, которую не созерцалъ еще никогда глазъ другаго образованнаго человѣка. Жаль, что короткій отрывокъ, о которомъ мы теперь говоримъ, много теряетъ отъ сѣвернаго перевода, искажающаго смыслъ нѣкоторыхъ выраженій. Такъ, напримѣръ (стр. 32) мы читаемъ:

«Вотъ уже 8 дней, какъ идетъ она (т. е. луна) своимъ путемъ, почти не перемѣняя свѣта и т. д.»

Спрашиваемъ человѣка, имѣющаго хотя первоначальныя понятія о *космографіи*, возможно ли, гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ, чтобы луна въ теченіе 8 дней почти не перемѣняла свѣта?

А покажутся ли вамъ ясными слѣдующія строки, на той же страницѣ?

«Я не могу удержаться отъ мысли о хроникѣ первыхъ голландцевъ. Нашей темпотѣ нужно еще 90 дней, чтобы снова возвратиться къ теперешнему сомнительному сумраку.»

На той же страницѣ, полярная звѣзда названа *маленькимъ свѣтомъ*, напоминающимъ американцу, подѣ 79° с. ш. о его родинѣ, лежащей гораздо южнѣе. Всякому понятно, что должно сказать совершенно противное и что свѣтъ полярной звѣзды (довольно яркой звѣзды 2-й величины) можетъ напоминать о родинѣ уроженцу сѣверныхъ климатовъ, удалившемуся отъ нихъ къ югу, а не тому, кто отъ своей родины стремится въ болѣе глубокой сѣверъ.

На слѣдующей страницѣ толкуется о замерзаніи *хлористаго эфира* (?) и *нефтянаго спирта*. Что это за вещество? И вслѣдъ за тѣмъ говорится о какомъ-то *зимнемъ зеленомъ маслѣ*, замерзающемъ при—43° неизвѣстнаго термометра. Едва ли найдется химикъ, знающій это знаменитое масло, придуманное фантазіей плохаго переводчика.

А какъ бы легко было избѣжать всѣхъ этихъ недосмотровъ, если бы г. Усовъ, не довольствуясь переводомъ съ плеча непонятныхъ ему выраженій, обратился просто къ кому нибудь, знакомому съ химіей.

Авторъ оканчиваетъ описаніе сѣвернаго сіянія слѣдующимъ объясненіемъ:

«На вопросъ о причинѣ явленія физики отвѣтять намъ, что оно имѣетъ значеніе магнитной бури. Какъ электрическое напряженіе атмосферы уравнивается громомъ и молніею, такъ точно нарушенное равновѣсіе магнитныхъ силъ восстанавливается явленіемъ сѣвернаго сіянія.»

Что за странная манера у нѣмецкихъ ученыхъ давать такіа объясненія, которыя ровно ничего не объясняютъ. Не лучше ли было бы сказать прямо, сѣверное сіяніе принадлежитъ къ тѣмъ загадочнымъ явленіямъ, которыхъ причина еще съ точностію неизвѣстна, о которыхъ еще долго придется пометать.

Описаніе это оканчивается удовлетворительнымъ очеркомъ морскихъ животныхъ сѣвернаго океана, ихъ нравовъ и способовъ ловли. Это любопытно для большинства читателей.—Странно только, что Гартвигъ (стр. 47) увѣряетъ, будто бы моржовый бивень *плотнѣе и бѣлѣе слоновой кости*. У насъ въ Петербургѣ встрѣчается въ продажѣ очень много издѣлій изъ моржовой кости, привозимыхъ изъ Архангельска, и всякій знаетъ, что они не такъ прочны и красивы, какъ тѣ, которыя дѣлаются изъ слоновой: за то первыя гораздо дешевле послѣднихъ.

За тѣмъ авторъ описываетъ острова глубокаго сѣвера—Шпицбергенъ, Медвѣжій островъ, островъ Янъ (или Жанъ) Мафена и Новую Землю. Не мудрено было придать занимательность этимъ описаніямъ, особенно описанію Шпицбергена. Нигдѣ природа крайняго сѣвера не является въ такомъ великолѣпнн и въ такихъ величественныхъ формахъ, какъ на этомъ островѣ, отстоящемъ отъ сѣвернаго полюса не болѣе, какъ на тысячу верстъ. Даже первый взглядъ на него очарователенъ, не смотря на грозную обстановку. Лыдистое, холодное море, его окружающее, щедро на бури и глубокіе туманы; но лишь только разсѣется туманный покровъ, скрывавшій видъ береговъ отъ глазъ осторожно приближающихся мореходцевъ, какъ изъ волнъ арктическаго океана выдвигается дивная картина. На высоту до трехъ тысячъ футовъ возвышаются скалистые, изломанныя стѣны, далеко заходя мысами въ море и образуя глубокіе и узкіе заливы (фіорды); скалы кажутся черными отъ противоположности съ покровомъ ослѣпительно-бѣлаго снѣга, одѣвающимъ трещины, овраги и долины. Утесистые берега представляютъ видъ разрушенныхъ крѣпостей и замковъ; инныя горы образуютъ правильныя пирамиды; другія заканчиваются острымъ гребнемъ, похожимъ на кровлю громад-



наго рода домовъ. Большая часть этихъ горъ до того утесиста, что на нихъ рѣшительно нельзя взобраться, и не одинъ смѣлый путешественникъ заплатилъ жизнью за попытку взойти на вершины шницбергенскихъ утесовъ. Когда Баренць и Гемскеркъ открыли этотъ островъ, то нѣсколько смѣлыхъ матросовъ вскарабкались на скалы, чтобы пабратъ птичьихъ яицъ, но, сходя обратно внизъ, увидѣли подъ собою ужасный хаосъ вертикальныхъ обрывовъ, зияющихъ пропастей и острыхъ скалъ. Этотъ страшный видъ наполнилъ ужасомъ сердце смѣльчаковъ, которымъ подать помощь не было никакой возможности, и только послѣ необыкновенныхъ усилій, длившихся нѣсколько часовъ сряду, неустрашимые моряки, рискуя каждое мгновение жизнью, успѣли спуститься внизъ, перескакивая съ одной скалы на другую и лежа скатываясь съ одного верхняго утеса на нижній. Счастливо отдѣлались они; но за то, въ 1612 году, голландскій китоловъ, при той же самой попыткѣ, заплатилъ жизнью. Гартвигъ, въ своей книгѣ, представляетъ описаніе такого восхожденія на скалы, заимствованное имъ изъ рассказовъ Скорезби.

Почти все, собираемое Гартвигомъ о Шницбергенѣ, заимствовано имъ изъ иностранныхъ источниковъ, хотя полярный этотъ островъ всего чаще былъ посѣщаемъ русскими и всего короче знакомъ нашимъ архангельскимъ промышленникамъ. Всего интереснѣе міровозрѣніе русскаго человѣка, соприкасающагося съ великими явленіями природы. Такъ промышленники наши, пускающіеся на Шницбергенъ или Грумантъ, рассказываютъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что на этомъ островѣ *цыгн*а ходитъ въ-явь, видимая всѣми, и говоритъ, какъ человѣкъ. Эта, неодолимая въ шницбергенскомъ климатѣ болѣзнь, представляется промышленникамъ въ образѣ страшной старухи; дочери царя Ирода; у ней однадцать сестеръ, принимающихъ образы красивыхъ женщинъ, почему либо дорогихъ сердцамъ промышленниковъ. Адскія красавицы являютъ спящему старику въ видѣ пѣвсты или молодой жены, и несчастливецъ предѣтся сладостному спу, который влечетъ, въ тамошнемъ климатѣ, съ неодолимою силою и способствуетъ быстрому развитію цыгн. Старуха съ сестрами особенно любитъ показываться во время непогоды, когда вѣтеръ шумитъ въ каменныхъ утесахъ и крутится снѣжная мятель: тогда видятъ ихъ посреди льдовъ, освѣщенныхъ блѣднымъ блескомъ сѣвернаго сіянія, и слышатъ ихъ пѣсню, которая аккомпанируется во-емъ бури:

«Здѣсь все наше! здѣсь нѣтъ ни пѣнья церковнаго, ни звона колокольнаго: здѣсь все наше!»

Въ припадкахъ *галлюцинации*, видали даже карбась, проходившій такъ близко отъ берега, что можно было разглядѣть всѣ черты сидѣвшихъ на немъ сестеръ. Страшная старуха стоитъ на кормѣ съ весломъ, а сестры—красавицы, разряженные, съ пѣснями, исполняютъ должность гребцовъ. Онѣ проѣдутъ мимо, если почувютъ у промышленниковъ табакъ, кислую капусту или квашеную моршкву (средства противуцынготныя), но горе промышленнику, у котораго нѣтъ подобныхъ талисмановъ.

Перезимовать на Шпицбергенѣ дѣло не шуточное. Еще въ XVII столѣтїи, англичане и голландцы дѣлали попытки основать тамъ небольшія колонїи; но, не смотря на хорошее жалованье, охотниковъ жить тамъ не оказалось, и даже преступники предпочитали вѣчную тюрьму ссылкѣ на Шпицбергенъ. Въ 1630 году, одинъ китоловъ выслалъ на берегъ 8 матросовъ для ловли сѣверныхъ оленей: матросы остались ночевать на берегу, а ночью поднялась буря и отогнала корабль. Это было въ концѣ августа, и не предвидѣлось надежды, чтобы въ такое позднее время появилось какое либо другое судно у этихъ негостепріимныхъ береговъ. Можно вообразить себѣ отчаяніе несчастныхъ; но они рѣшились мужественно бороться съ приближавшеюся грозною зимою, покоряясь крайней необходимости. Первою заботою ихъ было—собрать сколь возможно болѣе жизненныхъ припасовъ, и въ короткое время они убили 19 сѣверныхъ оленей и 4 медвѣдей. По счастью они нашли полуразрушенный сарай выстроенный за нѣсколько лѣтъ для работъ звѣропромышленниковъ англійской Russia-Company, и изъ этого матеріала построили себѣ хижину. Постели и одежду сдѣлали себѣ изъ шкуръ убитыхъ ими звѣрей. Приобрѣта такимъ образомъ нѣкоторую защиту отъ суровости климата, они не упускали случая охотиться за звѣрями, для подкрѣплѣнія своихъ жизненныхъ средствъ: били медвѣдей, песцовъ, лись, а къ веснѣ гусей, гагъ и другихъ перелетныхъ птицъ. Наконецъ, послѣ десятилѣтнихъ ужасныхъ лишений, они были взяты на англійское судно, приставшее къ Шпицбергену.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ о возможности провести зиму на этомъ необитаемомъ островѣ, то общество изъ семи голландцевъ добровольно рѣшилось перезимовать на островѣ Амстердамѣ, прилежа-

цемъ въ Шпицбергену, но всѣ семь погибли отъ цынги. Съ тѣхъ норъ, одни только русскіе рѣшались зимовать въ этихъ арктическихъ мѣстахъ. Но изъ такихъ смѣльчаковъ многіе гибли, такъ что на берегахъ Шпицбергена можно найти нѣсколько сотенъ могилъ, въ которыхъ трупы сохранились неповрежденными, благодаря постоянному холоду. Нерѣдко попадаются остовы умершихъ здѣсь людей, трупы которыхъ оглоданы бѣлыми медвѣдями. Тѣ же, которымъ удавалось перенести всѣ ужасы зимы, возвращались слѣдующимъ лѣтомъ, съ собранными продуктами охоты. Бывали примѣры, что нынѣ промышленники проводили на Грумантѣ по нѣскольку зимъ сряду. По свидѣтельству знаменитаго географа Петермана, нѣкто *Шаоскингъ* провелъ на Шпицбергенѣ 39 зимъ и въ томъ числѣ 15 сряду. Гартвингъ называетъ этого необыкновеннаго звѣропромышленника — *шпицбергенскимъ монархомъ*.

Описаніе Новой Земли читается съ неменьшимъ интересомъ. Лѣто на Новой-Землѣ одно изъ самыхъ холодныхъ на нашей планетѣ, потому что средняя его температура равняется только  $+2\frac{1}{2}$  град. по Цельсію. Даже Мельвилевы острова и Бутія Феликсъ, самыя холодныя американскія страны пользуются болѣе теплымъ лѣтомъ ( $+3,14^{\circ}$  и  $3,09^{\circ}$ ), и до сихъ поръ только на двухъ маленькихъ островахъ найдено лѣто холоднѣе, чѣмъ на Новой Землѣ. Это — Зимній Островъ, гдѣ средняя лѣтняя температура равняется  $+2,03^{\circ}$ , и Иглулакъ, гдѣ та же температура не восходитъ выше  $+1,83^{\circ}$ . Внутренность Новой Земли совершенно неизвѣстна и никогда еще не была тамъ человѣческая нога, хотя русскіе промышленники ежегодно посѣщаютъ берега этого арктическаго острова для ловли тюленей, бѣлугъ и моржей, попадающихся здѣсь иногда въ большомъ количествѣ.

Описавъ Лапландію и ея жителей, Гартвингъ посвящаетъ цѣлую главу путешествіямъ ученаго лапландца Матиаса Александра Кастрена, посѣтившаго мѣста жительства самоѣдовъ, остяковъ и другихъ народовъ описанаго племени, на крайнемъ сѣверѣ Россіи, для изученія ихъ языковъ и нравовъ. Результаты и обстоятельства этихъ путешествій (еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, интересующихся предметомъ). Кастренъ, внукъ лапландскаго миссіонера и племянникъ ученаго пастора Кастрена въ Кемі, родился въ 1813 г., въ сѣверной Финляндіи, подъ самымъ полярнымъ кругомъ и предпринялъ первое свое путешествіе въ 1838 году, съ самыми бѣдными средствами; но, сильный духомъ и знаніемъ, онъ и съ ничтожными средствами умѣлъ

сдѣлать многое и разъяснить важные вопросы относительно финскихъ племенъ Архангельской губерніи и Сибири. Отъ ледовитаго моря до вершинъ Алтая онъ основательно изучилъ своихъ полудикихъ соплеменниковъ и возвратился въ началѣ пятидесятыхъ годовъ на родину, утративъ здоровье и силы въ своихъ многотрудныхъ странствованіяхъ, такъ что ни воздухъ родины, ни профессорская кафедра въ Гельсингфорскомъ университетѣ не могли спасти его: онъ скончался осенью 1855 года. Міръ праху труженика науки!

Гартвигъ описываетъ самоѣдовъ и оленовъ, и землю, ими обитаемую, основываясь преимущественно на изслѣдованіяхъ Кастрена.

Двѣнадцать главъ (отъ 9-й до 20-й включительно) Гартвигъ посвятилъ нашей Сибири. Разказавъ покореніе этой страны Ермакомъ и его спутниками, онъ даетъ удовлетворительное описаніе экспедицій Дежнева, Прончищева, братьевъ Лаптевыхъ, Шалаурова и другихъ искателей приключеній, завоевавшихъ Сибирь отъ Урала до Камчатки а также путешествій Беринга, Виллинга и Геденштерна. Здѣсь знакомится читатель съ сибирскою природою, нравами и занятіями тамошнихъ туземцевъ, ихъ рыболовнымъ и звѣроловнымъ промыслами, также съ торговлею пушнымъ товаромъ и золотыми промыслами Урала и восточной Сибири. Предъ глазами его проходятъ въ оживленной картинѣ якуты, юкагары, ламуты, тунгусы, чукчи, камчадалы и алеуты, съ ихъ обстановкою и обыденною жизнью. Интересъ предмета такъ великъ и самый матеріалъ такъ великъ, что выручилъ бы даже очень посредственнаго автора, гораздо менѣе свѣдущаго, чѣмъ Гартвигъ. Онъ же представляетъ очерки знаменитыхъ путешествій на крайній сѣверъ Сибири — Врангеля, Миддендорфа и несчастнаго Стеалера, усерднаго ученаго, погибшаго въ половинѣ прошлаго столѣтія, не отъ трудностей пути, а отъ неслыханныхъ притѣсненій и недоброжелательства тогдашнихъ петербургскихъ властей и ихъ сподвижниковъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи. Описывая Берингово море и алеутовъ, авторъ касается дѣятельности нашей Россійско-Американской Компаніи. Такъ какъ онъ пользовался только тѣми источниками, которые напечатаны на двохъ языкахъ, то не мудрено, что у него встрѣчаются кое-гдѣ невѣрности и недосмотры; напротивъ, говоря о пушныхъ промыслахъ Россійско-Американской Компаніи, онъ едва упоминаетъ о *бобрахъ*, самыхъ дорогихъ изъ всѣхъ пушныхъ животныхъ. На страницѣ 252, описавъ яриарку въ Островномъ, островѣ Малаго Ангона, онъ говоритъ, что оно, вѣроятно, имѣетъ очень мало постоянныхъ жителей, тогда какъ положительно

сказано въ описаніи г. Матюшкина, изъ котораго черпалъ Гартвигъ, что Островное обитаемо только въ теченіе ярмарки, продолжающейся всего 3 или 4 дня. Гартвигъ (стр. 262) называетъ правителя русско-американскихъ колоній генералъ-губернаторомъ Ново-Архангельска. Конечно подобныя недосмотры извинительны пѣмцу, но русскому переводчику весьма было легко ихъ исправить. На стр. 258, Гартвигъ увѣряетъ, что на Алясцѣ колбри залѣтають будто бы до 61° с. ш. (?). Едва ли это правда? Также (на стр. 266) онъ говоритъ о какомъ-то алеутѣ Овсянниковѣ, который заработалъ много денегъ, катая въ своей байдаркѣ гуляющихъ по Невѣ. Надѣюсь, что никому изъ петербургскихъ старожиловъ не удавалось слышать о такомъ фактѣ. Жаль, что авторъ весьма рѣдко указываетъ на источники, такъ что справки о приводимыхъ имъ малоизвѣстныхъ фактахъ наводить чрезвычайно трудно.

Прежде, чѣмъ мы расстаемся съ Сибирью, скажемъ нѣсколько словъ о путешествіи г. Миддендорфа на крайній ея сѣверъ, въ Таймурскую землю, путешествіи весьма извѣстномъ иностранцамъ, но очень мало знакомомъ намъ русскимъ, соотечественникамъ русскаго академика. Мы даже сомнѣваемся—существуетъ ли на русскомъ языкѣ описаніе этого путешествія.

Таймурская земля почти самая сѣверная и самая пустынная часть Сибири: край этотъ совершенно необитаемъ. Бушчу и промышленнику здѣсь дѣлать нечего; но для натуралиста другое дѣло. Академикъ Бэръ посѣтилъ Новую Землю, чтобы изслѣдовать жизнь развивающуюся подъ вліяніемъ *холоднаго береговаго лѣта*; а для сравненія съ собранными имъ выводами наблюденій надъ *сѣвернымъ континентальнымъ климатомъ* нельзя выбрать страны удобнѣе Таймурской. Въ эту страшную глушь отправился г. Миддендорфъ, сопровождаемый датчаниномъ Брантомъ и однимъ слугою. Проѣзжая Туруханецъ, оба послѣдніе заболѣли корью, свирѣпствовавшюю тогда между самоѣдами. Въ тундрѣ нелѣзная было даже подумать объ обыкновенныхъ гигиеническихъ средствахъ, и больные были несены въ обитыхъ мѣхомъ ящикахъ, при тридцати-градусномъ морозѣ, въ сопровожденіи одного топографа и трехъ туруханскихъ казаковъ. Въ Филипповскомъ, на Боганидѣ, подъ 71, 5° с. ш. всѣ должны были остановиться, потому что всѣ заболѣли, не исключая и самого г. Миддендорфа. Наконецъ достигли рѣки-Таймура и попалимъ въ сработанной самими путешественниками лодкѣ. Побѣждая невозможныя труд-

ности и при всякаго рода лишеніяхъ, достигли моря и плыли по немъ до 75° с. ш. Приближеніе зимы заставило воротиться назадъ, и на этою возвратномъ пути истощились послѣдніе силы Миддендорфа, такъ что онъ почувствовалъ невозможность продолжать путь. Рыболовныя сѣти путешественниковъ погибли, запасовъ никакихъ не было, и совершенная потеря силъ лишила Миддендорфа возможности охоты, такъ что въ одномъ быстромъ бѣгствѣ товарищей, онъ могъ имѣть надежду на спасеніе. Вотъ какъ описываетъ Гартвигъ эту критическую минуту.

«Остатки вѣрпаго бульона, отложенные на крайній случай, раздѣлены на 5 разныхъ частей, и вѣрная, хотя и совершенно голодная собака, Му-А, дрессированная для зоологическихъ цѣлей, была зарѣзана. Кровь и костяной наваръ были съѣдены сообща, а мясо раздѣлил на равныя части. Съ этимъ запасомъ весь экипажъ экспедиціи отправился въ путь, оставивъ своего представителя близъ 75° с. ш., совершенно одного въ снѣжной пустынѣ, для того, чтобы встрѣтить самоѣдовъ, выслать къ нему сани. Несчастный учепый въ теченіе трехъ дней не могъ подняться съ мѣста, чтобы зачерпнуть себѣ воды. Въ эти дни продолжалась постоянная мятель и занесли г. Маддендорфа снѣгомъ. Отъ отчаянія онъ едва не сошелъ съ ума. Единственнымъ возбужденіемъ служили для него смѣсь растаяшаго снѣга съ примѣсью спирта изъ зоологическихъ препаратовъ. Восемнадцать дней провелъ онъ среди опасности замерзнуть или умереть съ голода. Наконецъ самоѣдскій старшина Тойчунъ, котораго Миддендорфъ вылечилъ предъ тѣмъ отъ кори, явился на помощь съ тремя санями. За недостаткомъ исландскаго мха, олени благодарнаго дикаря прошли 150 верстъ безъ корма.

Не менѣе интересны подробностями слѣдующія за тѣмъ описанія Гренландіи, Исландіи, Бестмановыхъ и Феррерскихъ острововъ, эскимосовъ и различныхъ племенъ мѣдиокрасныхъ индѣйцевъ отдаленнаго сѣвера Америки. Очеркъ пушной торговли Гудрибайской компаниіи еще лучше и подробнѣе, чѣмъ описаніе русской торговли тѣмъ же товаромъ.

Путешествіе по Норвегіи до Нордана заканчиваетъ книгу описаніемъ величественнаго мыса, составляющаго крайнюю точку европейскаго материка на сѣверѣ.

Изъ сообщеннаго нами перечня читатель можетъ себѣ составить довольно отчетливое понятіе о содержаніи книги Гартвига. Переводъ же г. Усова нивкуда не годится.

*Море и его жизнь* Гартвига выходитъ въ русскомъ переводѣ вторымъ изданіемъ; слѣдовательно расходится успѣшно. Успѣхъ этотъ можно объяснить только популярнымъ изложеніемъ интереснѣйшаго предмета, о которомъ говоритъ Гартвигъ. Это между прочимъ подтверждаетъ наше мнѣніе, высказанное выше, что русская публика давно брѣзгла бы читать нигуда негодные романы и разные сочинки, еслибы у насъ было побольше популярныхъ книгъ по естественнымъ наукамъ. «Море и его жизнь» отчасти удовлетворяетъ этой потребности; какъ компиляція и во многихъ отношеніяхъ плохая, она не имѣетъ никакихъ особенныхъ достоинствъ, но обязана своимъ успѣхомъ тому обстоятельству, что всякій мало-мальски образованный человѣкъ прочитаетъ ее не безъ удовольствія, благодаря удобопонятности ея. Я не могу порицать Гартвига даже за то, что онъ часто рассчитываетъ на чисто вѣншій эффектъ, желая имъ привлечь вниманіе читателя и заставить его дочитать до конца свою книгу. Такъ при описаніи нравовъ и образа жизни животнаго міра, населяющаго океанъ, онъ останавливается не на тѣхъ фактахъ и выводахъ, которые имѣютъ значеніе для современнаго естествовѣдѣнія, а на тѣхъ, которые подстрекаютъ любопытство въ дѣтяхъ и подобныхъ имъ малоразвитыхъ людяхъ. Чтобы познать читателя съ пріемами Гартвига, мы приведемъ здѣсь описаніе лютой и нѣжности бѣлаго медвѣдя. «Капитанъ Льюсъ, пишетъ Гартвигъ, съ пятью другими охотниками попалъ на бѣлаго медвѣдя; и когда они подошли къ нему на 40 шаговъ, сдѣлали въ него четыре выстрѣла, которые ранили его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Съ открытою пастью бросилось на нихъ озлившееся животное; но въ него выстрѣлили еще двое и раздробили ему лопатку, такъ что онъ на минуту остановился. Но прежде чѣмъ они успѣли зарядить свое ружье, медвѣдь такъ близко подошелъ къ нимъ, что они принуждены были бѣжать къ берегу; однакожь медвѣдь, не смотря на свою храмоту, не отставалъ отъ нихъ. Двое изъ охотниковъ прыгнули въ лодку, другіе спрятались за льдинами, и стрѣляли по животному такъ часто, какъ только могли заряжать ружья. Медвѣдь еще получилъ нѣсколько ранъ; но это, кажется, только ожесточило его. Наконецъ онъ такъ близко подошелъ къ двумъ охотникамъ, что они принуждены были прыгнуть съ 20-футовой вышины. Медвѣдь прыгнулъ за ними и почти настигалъ отставшаго, когда наконецъ измѣнили ему силы. Притащивши его къ берегу, они нашли, что онъ  
ль пораженъ 8 пулями.»

«Однако такой звѣрь имѣетъ нѣжное сердце для своихъ дѣтей. Въ 1773 году орегать «Каркасъ», на которомъ знаменитый Нельсонъ начиналъ свое морское поприще, былъ затертъ льдомъ, отыскивая проходъ къ приполюснымъ сѣв. землямъ. Марсовый закричалъ, что на корабль прямо идутъ, съ большою поспѣшностію, три медвѣди, по замерзшему океану. Безъ сомнѣнія запахъ недавно пойманнаго морскаго животнаго, котораго жгли на огнѣ, выманилъ ихъ издалека, потому что они тотчасъ напали на полуобуглившіеся остатки и жадно глотали ихъ. Матросы бросили на ледъ нѣсколько большихъ кусковъ, оставшихся отъ морскихъ животныхъ. Старая медвѣдица пожирала ихъ, относила къ своимъ дѣтямъ и дѣлила ихъ, удерживая у себя очень немного. Бросивши послѣдній кусокъ, матросы застрѣлили двухъ дѣтенковъ и ранили мать тяжело, только не до смерти. Самый безжалостный человекъ заплакалъ бы отъ состраданія, видя, съ какою нѣжною заботливостію бѣдная медвѣдица слѣдила за послѣдними взорами своихъ умирающихъ дѣтей. Хотя она была смертельно ранена, такъ что едва могла дойти до мѣста, гдѣ они лежали, но принесла имъ сбереженный кусокъ мяса, положила предъ ними и, замѣтивши, что они не ѣли, старалась поднять лапами то того, то другаго, а между тѣмъ стонала самымъ жалобнымъ образомъ. Не могли поднять ихъ на ноги, она отошла на нѣсколько шаговъ, обернулась кругомъ и застонала; но какъ это также не помогло, то она воротилась и лизала ихъ раны. Потомъ она удалилась еще разъ и, отползши нѣсколько шаговъ, оглядѣлась кругомъ и постояла нѣсколько минутъ. Но какъ дѣти и теперь не ѣли, то воротилась къ нимъ, подползала съ невыразимой нѣжностію то къ тому, то къ другому, переворачивая ихъ лапами и сильно стоная. Замѣтивши наконецъ, что они холодны и безжизненны, она повернула голову свою къ кораблю и отчаянно заревѣла, на что матросы отвѣчали ей залпомъ изъ мушкетовъ. Она упала между дѣтьми, еще лизала ихъ раны и умерла.»

Такиими эпизодами, заимствованными изъ разныхъ источниковъ, снабжаются сочиненія Гартвига. Жалко только, что онъ часто не отдѣляетъ отъ нихъ баснословнаго элемента и чудесному жертвуетъ нѣрѣдко истиннымъ. Притомъ метафизическія бредни Гартвига заслоняютъ передъ нимъ множество предметовъ, которые представляются взгляду болѣе талантливаго и свѣдущаго натуралиста въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ автору «Моря и его жизни.»



# СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

## ПОЛИТИКА.

Двусмысленная политика англійскаго правительства въ Шлезвигъ-Гольштинскомъ дѣлѣ.—Лордъ Пальмерстонъ по видимому отстаиваетъ цѣлостность Дании, и въ то же время предлагаетъ раздѣлить ее.—Невозможность опредѣлить національную границу между датскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ.—Воинственныя страхи и миролюбивыя рѣчи Пальмерстона и Джона Росселя.—Брошюра Карла Фогта по поводу датскаго вопроса и выводы ея.—Отставка Ренака отъ профессорской катедры въ Collège de France.—Негры-солдаты въ сѣверныхъ Штатахъ Америки.—Дешевизна рабовъ.—Долгъ сѣверо-американскаго союза.

Гольштинское дѣло, кромѣ нѣмецкихъ, какъ называетъ ихъ Деличъ, свѣжо-просольныхъ патриотовъ, надоѣло всѣмъ до тошноты; а между тѣмъ это одно изъ тѣхъ европейскихъ дѣлъ, которыя напоминаютъ времена средневѣковаго варварства. Лондонскія конференціи окончились ничѣмъ. Эти шесть дипломатовъ, которыхъ Европа призвала къ зеленому столу, для того, чтобы они сообща нашли средство заключить хорошій миръ, собирались въ полной парадной

формъ, украшенныя воѣни своими орденами. Они совѣщались весьма торжественно, на каждый пунктъ находили возраженіе, на каждое предложеніе отвѣчали другимъ, совершенно противоположнымъ, предложеніемъ. Но на каждомъ шагу уполномоченные становились въ тупикъ, и те приводили въ свое оправданіе недостаточность данной имъ власти, то, застигнутые въ расплохъ, телеграфировали о каждомъ новомъ случаѣ въ Берлинъ, Вѣну, Копенгагенъ и Франкфуртъ. Глядя на нихъ, можно было подумать, что это—люди, пдущіе на помощь съ завязанными глазами и связанными руками. Въ тотъ день, когда оканчивалось перемиріе, дѣло еще далеко не было рѣшено; члены конференціи выпросили себѣ двухъ-недѣльную отсрочку. Послѣ того совѣщанія начались снова. Известно, что лордъ Пальмерстонъ далъ торжественнѣйшую клятву, во что бы то ни стало, сохранить цѣлостность Даніи, и, положивъ руку на эфесъ своей шпаги и устремивъ гордый взглядъ на Бисмарка, сказалъ: «если цѣлостность датской монархіи подтвердится нападенію, то Данія не увидитъ себя одинокою въ этой борьбѣ.» Когда же эту цѣлостность разорвали въ клочки, тогда первый министръ Англіи бросилъ подъ столъ знаменитый трактатъ 1852 года, на который такое несчетное число разъ ссылался онъ и его товарищъ Россель; онъ самъ предложилъ совершить раздѣленіе Даніи и вызвался *освятить* своимъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ то, на что уже нѣсколько мѣсяцевъ Англія, могущественная Англія, не переставала оффиціально и не оффиціально, голосомъ своихъ сановниковъ, министровъ, ораторовъ, газетъ, указывать, какъ на страшное злоупотребленіе силою. Пальмерстонъ, надменный Пальмерстонъ, въ которомъ воплотилась вся гордость и самоувѣренность британскаго народа, самъ предложилъ раздѣлить герцогство по языкамъ и національностямъ ихъ жителей, и отдать нѣмцамъ нѣмецкую часть, а датчанамъ—датскую. Не смотря на то, что это предложеніе было сдѣлано благороднымъ лордомъ, его все-таки нельзя не признать совершенно справедливымъ, и съ другой стороны, не смотря на то, что оно сдѣлано послѣ кровавой борьбы, а не до нея, нельзя не согласиться, что оно совершенно рационально.

Но исполнить это дѣло было совсѣмъ не такъ легко, какъ предложить его. До рѣки Эдера страна всегда принадлежала датчанамъ. Но нѣмцы довольно рано переселились въ нее. Самое сильное пере-

селеніе совершилось въ то время, когда существовало вестфальское королевство, то есть тогда, когда молодой Жеромъ Наполеонъ, царствовавшій на счетъ своего высокопменитаго брата, истощалъ страну рекрутскими наборами. Всѣ молодые люди, желавшіе избавиться отъ военной службы, уходили толпами въ сосѣднюю Данію и дѣлались тамъ ремесленниками, купцами и т. п. Эти люди понимали дѣло гораздо лучше туземцевъ; они дали нѣкоторый толчекъ торговлѣ и промышленности, сдѣлались богатыми и вліятельными людьми, и изъ среды ихъ выходила большая часть пасторовъ и школьных учителей. Кромѣ того, у каждаго изъ нихъ, какъ вообще водится въ этомъ народѣ, было очень много дѣтей, вслѣдствіе чего нѣмецкое населеніе все болѣе и болѣе размножалось на датской почвѣ.

Изъ предыдущаго, конечно, не слѣдуетъ, что такъ какъ шлезвигская почва есть почва датская, то люди, поселившіеся на ней и мало по малу размножившіеся, должны считаться датчанами. По древнему праву, человекъ не значилъ ничего, а земля составляла все, но новому же праву все составляетъ человекъ. Такъ какъ нѣмецкая эмиграція шла отъ юга къ сѣверу, то весьма естественно, что южныя части страны онемечились сильнѣе, чѣмъ сѣверныя. Но случилось, что большинство эмигрантовъ состояло изъ ремесленниковъ; эти послѣдніе поселились въ городахъ, оставивъ села неприкосновенными, вслѣдствіе чего нѣкоторые города, расположенные на сѣверѣ, сдѣлались совершенно нѣмецкими, между тѣмъ какъ села, хотя лежащія болѣе къ югу, остались датскими.

Изъ этого видно, что при самой лучшей доброй волѣ, было бы весьма трудно опредѣлить точную границу между элементомъ германскимъ и элементомъ датскимъ и отвести одной изъ спорящихъ частей такую мѣстность, которую другая не могла бы оспаривать, по видимому, совершенно основательно.

Но кромѣ вопроса о строгой справедливости, здѣсь возникалъ другой вопросъ—о матеріальныхъ интересахъ. Такъ какъ Данія раздѣлена на двѣ части—континентальную и морскую, то нѣтъ сомнѣнія, что земледѣльческіе, промышленные и торговые интересы Ютландіи и Шлезвига касаются болѣе материка, чѣмъ моря; одинъ сѣверный датчанинъ весьма хорошо сказалъ: «Наша настоящая столица не Копенгагенъ, а Гамбургъ.» Поэтому весьма вѣроятно, что если бы все тамошнее населеніе было призвано къ свободной подачѣ

голоса, то матеріальные интересы не менѣ австрійско-прусскихъ побѣдъ содѣйствовали бы успѣху германскаго элемента. Преимущество нѣмецкаго языка передъ датскимъ также было бы непремѣнно принято въ соображеніе: «съ нашимъ датскимъ языкомъ, говорилъ одинъ фленсбургскій журналистъ, мы можемъ ѣздить только до Копенгагена, а съ языкомъ нѣмецкимъ мы ѣдимъ дальше Триеста, дальше Вѣны, даже Штутгарда, ѣдимъ по цѣлому свѣту.» Надо сознаться, что міръ политической управляетъ такими же законами тяготѣнія, какія господствуютъ въ мірѣ матеріальномъ; какъ большія тѣла привлекаютъ къ себѣ малыя, такъ большія государства мало по малу поглощаютъ въ себѣ меньшія. Германія единая, свободная, счастливая и демократическая непремѣнно приковала бы къ себѣ Голландію, германскую Швейцарію и континентальную часть Даніи, и если это не случилось уже давно, если для того, чтобы жители Дюпеля, Зондербурга и Миссунде вошли въ германскія земли, понадобились австрійскіе штыки и прусскія пушки,—то это служитъ только доказательствомъ весьма плохаго развитія и плохой цивилизаціи нѣмцевъ. Порохъ и пули маршала Врангеля говорили такъ громко только потому, что голосъ правосудія, права и интересовъ былъ едва слышенъ.

Такъ какъ этотъ вопросъ былъ до такой степени сложенъ, то, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы, если ужъ не дѣйствовать на основаніи новаго права народовъ, то по крайней мѣрѣ прибѣгнуть къ древнему праву націй, рѣшавшихъ великіе вопросы своего существованія общаю подачею голосовъ. Надо отдать справедливость Бисмарку; онъ понялъ всю хорошую сторону этого способа и былъ бы не прочь доказать Европѣ, что и онъ умѣетъ играть на хитромъ инструментѣ, называемомъ народною подачею голосовъ, такъ же искусно, какъ князь Куца и принцъ Людовикъ Бонапартъ. Но вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ этому, въ сущности совершенно безвредному способу, Данія, точно такъ же, какъ Австрія, Англія и Германскій союзъ, предпочла завести, чрезъ посредство своихъ уполномоченныхъ, споръ о границѣ языковъ и національностей, а равно о стратегическихъ границахъ,—споръ, въ которомъ постоянно сталкивались самыя противоположныя мнѣнія и интересы.

Англо-французская публика смотрѣла не съ особенно большимъ уваженіемъ на уполномоченныхъ, собравшихся въ Лондонѣ; но когда

узнали, что они разошлись, не рѣшивъ дѣла ничѣмъ, и что вопросъ снова перенесенъ съ зеленого стола конференціи на кровавое поле битвы, тогда въ Англіи поднялся страшный шумъ; не смотря на то, что такой исходъ дѣла не удивилъ никого, въ Лондонѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, господствовало всеобщее и сильное негодованіе. Великобританія—говорили англичане—сильно оскорблена этимъ, она не хочетъ больше подвергаться поруганіямъ, она не хочетъ глотать обиды, которыя нѣмцамъ будетъ угодно бросать ей въ лицо. Съ другой стороны слышались угрозы, что уайтвортскія пушки и британскій левъ скоро подадутъ свои голоса, — и наивные люди начинали уже бояться. А такъ какъ вражда между королевою Викторією и наследникомъ престола не составляетъ уже ни для кого тайны, то многие экзальтированныя мечтатели возвышали отреченіе королевы и начало новаго царствованія. Увѣряли, что старый Пемъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ агентами Виктора-Эммануила, что англійскій флотъ возьметъ въ Генуѣ одну дивизию итальянской арміи и высадится въ Венеціи; буржевыя дѣятели усердно доказывали, что Англія, сама Англія подастъ сигналъ къ великой войнѣ и спуститъ революцію на Европу... И слушая эти вѣсти, старухи воздымали руки къ небу и восклицали: «Куда мы идемъ! Господи, куда мы идемъ!»

Неудивительно поэтому, что двадцать восьмага числа іюня всѣ брелись съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ на номеръ «Таймса», въ которомъ были напечатаны рѣчь Пальмерстона въ нижнемъ парламентѣ и рѣчь Джона Росселя въ верхнемъ. Еще до напечатанія разнесся слухъ, что въ этихъ рѣчахъ будетъ объявлена война. Никто не вѣрилъ этому, но тѣмъ не менѣе нетерпѣливыя ожиданія дошли до крайней степени. Рѣчь перваго министра была образцомъ совершенства; никто лучше его не умѣетъ выбирать въ хаосѣ случаевъ главные факты и отодвигать на самый задній планъ массу тѣхъ обстоятельствъ, которыя только затемняютъ и запутываютъ сущность дѣла. Изъ всей этой мрачной шлезвигской исторіи онъ сдѣлалъ совершенно простое, даже черезъ-чуръ простое дѣло. Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться только краткимъ изложеніемъ этой рѣчи.

Пальмерстонъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на то обстоятельство, что трактатъ 1852 г., источникъ пылѣвшихъ событій, былъ устроенъ имъ самимъ и лордомъ Гренвилемъ, а заключенъ

лордомъ Мельмберп, и что такимъ образомъ обѣ партіи принимали въ немъ участіе. Онъ прибавляетъ, что этотъ трактатъ былъ продиктованъ европейскими интересами. Говоря о законѣ престолонаслѣдія въ Даніи, Пальмерстонъ заявляетъ, что европейскія державы старались о присоединеніи этого закона къ трактату 1852 года съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ договоръ былъ внесенъ пунктъ о сохраненіи цѣлостности датской монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она была установлена при присоединеніи къ ней Шлезвига и Голштиніи. По мнѣнію министра, трактатъ 1852 г. не повлекъ бы за собою серьезныхъ недоразумѣній, если бы всѣ стороны руководствовались принципами миролюбія и справедливости.

Пальмерстонъ дѣлаетъ обзоръ событіямъ, случившимся послѣ 1852 г. Онъ говоритъ о грамотѣ 31-го марта, о ноябрьской конституціи и о неудовольствіи, которое та и другая произвели между нѣмцами. Послѣдній король умеръ въ то время, когда эти вопросы не были еще разрѣшены. Настоящій король утвердилъ ноябрьскую конституцію, но Германія протестовала и послала войска, чтобы добиться отмѣны грамоты 31-го марта.

Англія убѣдительно просила Данію уничтожить эту грамоту; тогда германскій сеймъ объявилъ, что слѣдовало рѣшить вопросъ, кто долженъ былъ взойти на голштинскій престолъ. Но, по мнѣнію лорда Пальмерстона, сеймъ не имѣлъ права разсматривать этотъ вопросъ, такъ какъ ни трактаты 1815 года, ни договоры 1820 г. не давали ему этого права.

Австрія и Пруссія предложили ввести въ Голштинію войска въ качествѣ федеральной экзекуціи, но не съ цѣлью простаго занятія страны. Эта мѣра была принята для того, чтобы заставить датскаго короля отмѣнить грамоту 31-го марта. Въ Голштиніи нѣмціи войска не встрѣтили сопротивленія, но Шлезвигъ защищался съ геройскимъ мужествомъ. Континентальный Шлезвигъ и часть Ютландіи были заняты.

Въ этомъ положеніи дѣлъ державы, подписавшія трактатъ 1852 года, предложили составить конференцію для изысканія способовъ возстановленія мира на прочныхъ основаніяхъ. Конференція собралась 24-го апрѣля. Первое предложеніе касалось прекращенія военныхъ дѣйствій, такъ какъ Англія, Франція, Россія и Швеція нашли,

что пока война будетъ продолжаться, до тѣхъ поръ нельзя будетъ придти къ дружескому соглашенію. Послѣ долгихъ споровъ было рѣшено прекратить военныя дѣйствія.

Вслѣдъ за тѣмъ германскія державы потребовали законодательнаго соединенія обоихъ герцогствъ. Не смотря на то, что цѣлостность Даніи не нарушалась этимъ предложеніемъ, Данія отвергнула его. За нимъ послѣдовало другое, еще болѣе неосуществимое, предложеніе объ отдѣленіи Шлезвига и Гольштиніи отъ Даніи. Датскіе уполномоченные не приняли его. Тогда нейтральныя державы условились между собою предложить Даніи отказаться отъ Гольштиніи и отъ части Шлезвига... Границею была назначена Шлея, и Данія была, по видимому, готова принять это предложеніе.

Нѣмецкія державы не согласились на установленіе этой границы, такъ какъ при существованіи ея большое число нѣмцевъ осталось бы подъ владычествомъ Даніи. Опѣ потребовали установленія границы такимъ образомъ, чтобы большая часть нѣмецкихъ обитателей Шлезвига не была присоединена къ Гольштиніи; но въ этой мѣстности населеніе оказалось до такой степени смѣшаннымъ, что установленіе такой границы встрѣтило величайшія затрудненія.

Въ виду этихъ обстоятельствъ нейтральныя державы высказали мнѣніе, что Данія совершенно основательно требовала для себя военной и торговой границы. Но представители нѣмецкихъ государствъ продолжали настаивать на установленіи границы, предложенной ими. Тогда Данія начала высказывать сопротивленіе продолженію пятнадцатидневнаго перемирія. Нѣмецкія государства желали продолжать его до начала зимы. Между нейтральными державами, во все время конференцій, существовало полнѣйшее единодушіе.

Предложенія, сдѣланныя графомъ Росселемъ, предсѣдательствовавшимъ въ конференціи, были сдѣланы отъ имени не Англій, а нейтральныхъ державъ, такъ какъ они были составлены уполномоченными этихъ державъ до предъявленія членами конференціи.

Опасаясь, что датчане и нѣмцы не сойдутся въ вопросѣ о границахъ, нейтральныя державы сдѣлали послѣднюю попытку — предложили рѣшеніе спора третейскимъ судомъ. Такъ какъ предметомъ спора была только небольшая часть территоріи, то нейтральныя державы думали, что это затрудненіе не могло повлечь за собою возобновленія военныхъ дѣйствій.

Нѣмецкія государства отвѣчали, что онѣ были готовы принять доброе посредничество дружественныхъ державъ, но въ то же время оставили за собою право подчиниться рѣшенію посредниковъ или отвергнуть его. Онѣ поступили бы гораздо откровеннѣе, если бы прямо не согласились на это предложеніе. Датчане возразили, что они и безъ того сдѣлали большую уступку, принявъ границу лпнію Шлеи.

Наконецъ французскій уполномоченный предложилъ подать голо-совъ жителями мѣстностей на югѣ Апсельрадо и на сѣверѣ Шлеи, но Данія не согласилась на это. Тогда англійское правительство сочло своимъ долгомъ обдумать свое будущее поведеніе въ этомъ дѣлѣ. Хотя Данія въ началѣ была совершенно неправа, но въ послѣдствіи обнаружила искреннее желаніе загладить свои ошибки. Съ Даніей поступили весьма дурно. Вся симпатія англійской націи на сторонѣ ея. Вотъ почему правительство смѣетъ предложить королевѣ участіе Англии въ борьбѣ. Но не надо забывать, что Данія, не смотря на претерпѣнныя несправедливости, была сама неправа въ началѣ, и что въ послѣднемъ засѣданіи конференціи она отвергнула разумное предложеніе, осуществленіе котораго повлекло бы за собою миролюбивое рѣшеніе дѣла. Франція и Россія также отказались принять дѣловыя мѣры для поддержанія Даніи; поэтому Англии придется встать на одной себѣ всю тяжесть этого предпріятія.

Журналъ *Шаривари* весьма мѣтко резюмировалъ въ одной карриатурѣ сущность этой рѣчи краснорѣчиваго министра. Представленъ бѣднякъ, утопающій въ морѣ и кричащій: Помогите, помогите, я погибаю! Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, Пальмерстонъ въ мундирѣ генераль-адмирала, сидитъ на мели, въ комфортабельной лодкѣ; онъ внимательно смотритъ на утопающаго и говоритъ ему: «Утони прежде, мой славный датчанинъ, а потомъ мы поищемъ средства вытаскать тебя изъ воды!» Въ другомъ номерѣ того же журнала помещена другая карриатура на ту же тему: датскій солдатъ, израненный и окровавленный, лежитъ на землѣ; подлѣ него валяется сломанная пика. Не вдаль идуть одинъ пруссакъ, два австрійца и одинъ кроатъ; кивера ихъ украшены лавровыми листьями, они машутъ саблями и кричатъ: Побѣда! Побѣда! Бѣдный раненый обращается къ генералу Пальмерстону съ словами: «Я слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, я рассчитывалъ на васъ, и вы меня оста-



вляете въ такомъ положеніи. Вы дурно поняли меня, отвѣчаетъ Пальмерстонъ; вы не знаете по англійски \*).»

Рѣчь лорда Росселя совѣтъ много свойства. Россель былъ болѣе робокъ, чѣмъ Пальмерстонъ, но нанесъ болѣе сильное оскорбленіе нѣмецкимъ державамъ; онъ былъ не такъ ясенъ въ своемъ изложеніи, но сдѣлалъ гораздо больше. Вообще, рѣчь его чрезвычайно поучительна.

Россель началъ съ того, что напомнилъ событія, предшествовавшія веронскому конгрессу. Въ то время Англія объявила, что нашествіе Франціи на Испанію противорѣчило всѣмъ принципамъ англійской политики и духу трактата 1815 года. Такимъ образомъ она протестовала, но, не смотра на это, сочла своимъ долгомъ не нарушать мира съ Франціею и сохранять нейтралитетъ. «Что касается вопроса о герцогствахъ, Россель рисуетъ картину начала конференцій, и напоминаетъ увертки Пруссіи и Австріи, которыя объявили съ начала, что онѣ выѣшались въ это дѣло только ради строгатаго соблюденія протокола 1852 года, потому требовали личнаго соединенія, и наконецъ, укрывшись за г. Бейста, уполномоченнаго отъ германскаго союза, требовали престола обоихъ герцогствъ для герцога Аугустенбургскаго. Это послѣднее требованіе было заявлено въ засѣданіи 17 мая. Между тѣмъ французское правительство, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ правительствомъ англійскимъ, предложило отдѣленіе Шлезвига на основаніи принципа національности. Это предложеніе было принято Англіею, Швеціею, и съ нѣкоторыми ограниченіями, уполномоченнымъ Россіи. Оно было сформулировано системою границъ Шлеи и Данвирика. Датское правительство согласилось на установленіе этой границы. Нѣмецкія уполномоченныя, не отвергая принципа отдѣленія, желали, чтобы границею былъ принятъ Апельродъ въ Тондернѣ. Французскій уполномоченный объявилъ, что его правительство всегда видѣло въ смѣшеніи національностей единственную причину запутанности датскихъ дѣлъ; но въ то же время онъ прибавилъ, отъ имени императора французовъ, что къ Даніи какъ къ самой слабѣйшей державѣ, слѣдовало относиться, какъ можно,

---

\*) Это мѣсто нельзя перевести совершенно вѣрно, такъ какъ въ подлинникѣ вся острота основана на чисто французскомъ оборотѣ рѣчи. Тамъ Пальмерстонъ говоритъ. Vous ne connaissez pas l'Anglais.

списходительнѣе, и что поэтому округи съ смѣшаннымъ населеніемъ надо было оставить за Данією, для того чтобы она имѣла въ нихъ торговую и военную границу. Къ несчастію въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ этомъ дѣлѣ, нѣмецкія государства, вмѣсто того, чтобы раздѣлять справедливыи и великодушный взглядъ императора Французовъ, продолжали настаивать на томъ, на что конечно они имѣли бы право, если бы въ соображеніе принималось только право завоеванія, они хвастались своею побѣдою, но не высказали ни великодушія къ государству гораздо болѣе слабому, чѣмъ они, ни желанія сохранить миръ Европы.

«Я долженъ также сказать, продолжалъ Россель, что Данія заявила въ то время ничѣмъ неоправдываемое требованіе, — требованіе, чтобы мы во всякомъ случаѣ гарантировали ей линію Шлеи. Прусскій уполномоченный предложилъ въ видѣ сдѣлки линію отъ Фленсбурга до Тондерна. Датчане не согласились. Тогда-то нейтральныя державы, видя что спорящія стороны обѣ приняли принципъ раздѣленія, но не соглашались только въ опредѣленіи границы, предложили третейскій судъ.

«Мой благородный другъ, лордъ Кларендонъ и я, англійскіе уполномоченные на конференціяхъ, убѣдившись въ честности, безпристрастїи и чистосердечїи, высказанныхъ императоромъ французовъ въ этомъ вопросѣ, а также и въ его желанїи сохранить миръ, думали, что обѣ спорящія стороны съ удовольствіемъ примуть его услуги. Но одинъ изъ уполномоченныхъ возразилъ, что ни одна изъ державъ, приславшихъ своихъ представителей на конференціи, не могла принять на себя обязанность посредника въ рѣшенїи этого спора. Тогда намъ показалось, что эту обязанность можетъ исполнить къ общему удовольствію король бельгійскій, безпристрастїе котораго также всѣмъ извѣстно и долговременная опытность котораго, какъ нельзя болѣе, благоприятствуетъ сохраненію европейскаго мира. Но дѣло и не дошло до выбора посредника. Австрія и Пруссія, повидимому принявшія предложеніе, отказались подчиниться рѣшенію суда. Въ то же время, онѣ потребовали продолженія перемирія, продолженія, которое лишло бы Данію всѣхъ ея морскихъ выгодъ. Что касается до уполномоченнаго германскаго союза, то онѣ пошелъ еще дальше и отказался признавать, навую бы то ни было, посредническую власть. Датскія уполно-

могущие съ своей стороны тоже отвергнули предложеніе и, по моему мнѣнію, поступили въ этомъ случаѣ весьма неблагоразумно и весьма неудачно. Тогда французскій уполномоченный сдѣлалъ послѣднее предложеніе—предоставить подачу голоса округамъ съ смѣшаннымъ населеніемъ, съ тѣмъ, чтобы нѣмецкія войска предварительно удалились. Датскіе уполномоченные отвергнули и это предложеніе, объявивъ, что ихъ государство было всегда слишкомъ большою жертвою нѣмецкихъ политическихъ обществъ.

«Я долженъ сознаться, что во все время конференцій Франція и остальныя нейтральныя державы оказывали намъ самую дружескую помощь. Въ заключеніе этого отчета мнѣ остается только упомянуть объ одномъ заявленіи Австріи и Пруссіи. Въ немъ сказано, что эти державы не имѣютъ намѣренія отнять у Даніи ни малѣйшаго клочка земли внѣ герцогствъ. Но въ настоящее время мы уже не можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ этому заявленію. Конечно, поведеніе двухъ упомянутыхъ державъ вызвано преимущественно общественнымъ мнѣніемъ всей Германіи; но я долженъ съ сожалѣніемъ сказать, что мы уже не можемъ вѣрять ихъ словамъ такъ, какъ вѣрили прежде.

«Теперь, милорды, я перехожу къ нашему собственному положенію и считаю долгомъ изложить парламенту нашъ взглядъ на обязанности и интересы Англій въ этомъ вопросѣ. Что бы ни говорила Данія, мы никогда не общали ей матеріальной помощи. Три раза мы дѣлали безплодныя усилія, чтобы склонить ее къ принятію предложеній, благопріятствующихъ ея интересамъ. Я не отрицаю ее за это, но мы съ своей стороны не можемъ подчинять обязанность, честь и интересы нашего государства требованіямъ, какой бы то ни было, иностранной державы. Что касается правительства французскаго, то оно еще двадцать четыре часа тому назадъ объявило намъ, что Франція не считаетъ себя обязанною защищать линію Шлеи, что интересъ Франціи не побуждаетъ ее къ участію въ войнѣ по этому дѣлу, и что война съ Германіей была бы очень серьезнымъ дѣломъ. Я полагаю, что если бы эта война окончилась счастливо, то Франція потребовала бы для себя нѣкотораго вознагражденія, а это вознагражденіе непременно возбудило бы чувство зависти во всѣхъ государствахъ Европы и нарушило бы равновѣсіе, существующее въ настоящее время.

«Императоръ французовъ—государь замѣчательно мудрый и доказавшій, что онъ придаетъ миру Европы большую цѣну. Поэтому ни я, ни правительство ея величества не должны порицать рѣшеніе императора. Но такъ какъ императоръ уже принялъ такую политику, такъ какъ русскій Императоръ также постоянно отказывался присоединиться къ намъ для оказанія Даніи матеріальной помощи, то эти рѣшенія натурально должны имѣть большое вліяніе на наше положеніе.

«Но, во-первыхъ, обязаны ли мы возложить на однихъ себя заботу о сохраненіи европейскаго равновѣсія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было установлено въ 1852 году. Французское правительство очень хорошо видитъ опасности, которымъ Франція подвергнута бы, если бы вмѣшалась въ это дѣло; но въ то же время оно говорить, что для Англіи было бы весьма легко исполнить эту задачу, что Англія, своею морскою силою, могла бы значительно увеличить силы Даніи и помочь ей положить конецъ войнѣ. Многія соображенія приводятъ меня къ совершенно противоположному заключенію.

«Прежде всего я думаю, что мы могли бы сильно пострадать, если бы нашъ коммерческій флотъ былъ подвергнутъ тѣмъ грабительствамъ, которыя могли бы возникнуть въ случаѣ нашей войны съ Германіей. Это—обстоятельство, на которое нельзя смотрѣть сквозь пальцы. Но есть еще другія соображенія, гораздо большей важности. Вотъ одно изъ нихъ: положить ли наше вмѣшательство конецъ войнѣ? безъ помощи нашихъ войскъ будемъ ли мы въ состояніи отнять у Австріи и Пруссіи Шлезвигъ, Голштинію и даже Ютландію?

«Милорды, въ управленіи иностранными дѣлами мы всегда выказывали большую умѣренность, большое терпѣніе, и я полагаю, что мы имѣемъ полное основаніе быть умѣренными и терпѣливыми. Но когда наша честь, или наши интересы, или важные интересы Европы заставляютъ насъ вмѣшаться, тогда это вмѣшательство, по моему мнѣнію, должно быть совершенно серьезно и дѣйствительно, потому что ничто не уменьшило бы вліянія Англіи такъ, какъ тотъ образъ дѣйствій, который показалъ бы, что между тѣмъ, какъ мы владычествуемъ на морѣ и никакой австрійскій или прусскій корабль не смѣетъ выйти изъ своей гавани, — наше вмѣшательство не можетъ

въ то же время, вопреки нашимъ ожиданіямъ, ни спасти Данію, ни положить быстрый конецъ войнѣ.

«Милорды, парламентъ и государство обязаны хорошо уяснить себѣ положеніе и вліяніе Англіи въ отношенія къ другимъ государствамъ, потому что у насъ есть много важныхъ интересовъ, происходящихъ изъ различныхъ сношеній и различныхъ договоровъ со всѣми частями свѣта. Есть другія государства, гдѣ наши интересы также могутъ быть сильно затронуты, и гдѣ намъ легко придется когда нибудь отстаивать интересы и честь Англіи.

«Когда окончится, какимъ бы то ни было способомъ, война, опустошающая въ настоящее время Америку, тогда Соединенные Штаты Америки, или, пожалуй, Сѣверные Штаты будутъ поставлены въ положеніе совершенно противоположное тому, въ которомъ они находились нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Тогда Соединенные Штаты будутъ содержать большое войско и страшный флотъ. Наши сношенія съ этою державою будутъ каждую минуту подвергаться опасности разрыва. Я надѣюсь и вѣрю, что мы останемся въ дружескихъ отношеніяхъ, но нужно, чтобы эти отношенія были согласны съ интересомъ, который представляетъ для насъ удержаніе политическаго равновѣсія Европы. Посмотрите на другія части свѣта; посмотрите, какая огромная торговля развилась въ Китаѣ, гдѣ для охраненія ея мы должны постоянно содержать значительный флотъ.

«Взгляните также на наши громадныя владѣнія въ Индіи, и согласитесь, что наша заботливость о нихъ никогда не должна прекращаться. Поставимъ же на ряду вопросъ войны и вопросъ мира. Если съ одной стороны весьма вѣроятно, что Англія, при помощи своихъ союзниковъ, можетъ вести войну съ успѣхомъ, то съ другой, въ случаѣ отсутствія этой помощи, надо принять въ соображеніе другія случайности; надо взвѣсить наше положеніе по отношенію не только къ Европѣ, но и ко всему, что касается нашихъ интересовъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара.

«Не должны ли мы проникнуться этими соображеніями и теперь, когда дѣло идетъ о датскомъ вопросѣ? Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что можно составить и другія комбинаціи, и что если мы не можемъ безъ посторонней помощи вести успѣшную войну съ нѣмецкими державами, то все-таки имѣемъ возможность во многихъ отношеніяхъ

нанести вредъ этимъ государствамъ и особенно Австріи. По моему мнѣнію, обязанность британскаго правительства — доказать, что оно дорожитъ миромъ гораздо больше, чѣмъ Австрія и Пруссія, и не начинать пожара, который можетъ охватить всѣ части Европы. Мы скорѣе должны принимать всевозможныя мѣры къ тому, чтобы война ограничилась самою незначительною мѣстностью.

«Такимъ образомъ, правительство ея величества полагаетъ, что въ этомъ вопросѣ мы должны оставаться въ нашемъ прежнемъ положеніи и сохранять нейтралитетъ въ этой войнѣ. Этимъ я не хочу сказать, что и въ будущемъ не могутъ произойти обстоятельства, которые заставятъ насъ измѣнить наше поведеніе или поставятъ насъ въ другое положеніе.

«Мнѣ могутъ возразить еще: значить вы хотите позволить нѣмецкимъ державамъ дѣйствовать, какъ имъ угодно; значить вы остаетесь равнодушны, если онѣ, вопреки своимъ заявленіямъ и обѣщаніямъ, пошлютъ въ Копенгагенъ австрійско-прусскую армію съ явною цѣлью заставить Данію подчиниться условіямъ, клонящимся къ уничтоженію ея независимости?

«На этотъ вопросъ я могу отвѣтить только, что всякое англійское правительство, до тѣхъ поръ, пока оно пользуется довѣріемъ парламента, должно оставлять за собою право свободнаго рѣшенія въ подобныхъ дѣлахъ. Все, что я могу сказать теперь, это — что если правительство сочтетъ необходимымъ принять, какое бы то ни было, опредѣленное рѣшеніе, мы тотчасъ же обратимся къ парламенту, и спросимъ его мнѣнія объ этомъ предметѣ.»

Если резюмировать всю эту рѣчь, то смыслъ ея будетъ вотъ какой: въ насъ существуетъ печальное сознаніе нашей слабости, и мы не вѣримъ ни въ будущность, ни въ кого бы то ни было изъ людей. Будучи чисто морскою державою, мы не имѣемъ силы бороться на материкѣ съ малѣйшимъ континентальнымъ государствомъ. Всякая война была бы гибельна для насъ вслѣдствіе громадности нашихъ владѣній, для защиты которыхъ мы разсылали наши силы по всѣмъ пяти частямъ свѣта. Безъ союза съ Австріей или Франціей мы почти не можемъ назваться европейскою державою. Но съ Австріею мы въ настоящее время въ дурныхъ отношеніяхъ; съ императоромъ французовъ мы тоже не совѣмъ въ ладу. Если бы мы

были въ союзѣ съ этимъ послѣднимъ и вмѣстѣ съ нимъ одержали побѣды надъ коалиціей, то императоръ Бонапартъ потребовалъ бы для себя вознагражденія на Рейнѣ и въ Бельгін; но ужь пусть лучше Данія погибнетъ десять разъ, чѣмъ Франція расширитъ свои владѣнія. Да притомъ, прежде, чѣмъ мы одержали бы эти побѣды, Соединенные Штаты заплатили бы намъ тою же монетою, и ихъ корсары уничтожили бы англійскую торговлю на моряхъ. Но хуже всего то, что мы во всякомъ случаѣ предвидимъ войну съ Соединенными Штатами. Дай Богъ, чтобы они никогда не справились съ мятежными рабовладѣльцами!

Въ сущности, мы нисколько не порицаемъ политику англійскаго кабинета и не имѣемъ никакого права требовать отъ него высадки въ Шлезвигъ двадцати пяти тысячъ человѣкъ для того, чтобы они были на голову разбиты 250 т. солдатъ г. Бисмарка. Англія очень хорошо поняла, что дѣло не стоило такого большаго риска. Датская монархія, въ ея настоящемъ видѣ, съ новою династією, которая начинается при самыхъ страшныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ и за которою народъ слѣдитъ, по видимому, съ недовѣріемъ и неприязнью, эта датская монархія, съ ея внутреннею слабостью и ея запутанности и противорѣчащими другъ другу династическими интересами, — рѣшительно не стоила, чтобы изъ-за нея затѣяли европейскую войну. Потому-то лондонскій кабинетъ, подавшій поводъ къ столькимъ осужденіямъ его образа дѣйствій во время переговоровъ, не заслуживаетъ никакого серьезнаго порицанія за свое окончательное рѣшеніе. Да притомъ, предположивъ даже самый благоприятный исходъ дѣла, мы не можемъ не согласиться, что удержаніемъ дѣлостности датской монархіи дѣло не было бы покончено. Это удержаніе дѣлостности было бы простымъ *coup-de-force*; причина спора все-таки продолжала бы существовать до тѣхъ поръ, пока народъ не произнесъ бы своего рѣшенія; а не нужно быть пророкомъ, чтобы догадаться, что въ этой народной вотировкѣ лондонскій трактатъ не былъ бы прямо и просто ратификованъ.

Лорды Россель и Пальмерстонъ почти ничего не говорили о гнусной роли хвастунишки, которую сень-жемскій кабинетъ заставилъ играть Англію; но противники ихъ Дерби и Дизраэли выставили это обстоятельство на видъ съ жестокою ясностью. Этотъ кабинетъ

упрекають не въ томъ, что онъ подвергаетъ государство кровавымъ случайностямъ войны, но въ томъ, что онъ самымъ хвастливымъ тономъ объявилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать это. Колебаніями, слабостью, постояннымъ хвастовствомъ, кончавшимся трусливымъ отступленіемъ, англійское правительство сдѣлало изъ себя посмѣшище всей Европы. Нѣтъ націи, иѣтъ правительства, которыхъ этотъ тщеславный и брюзгливый Пальмерстонъ, представитель надменной Англіи, не тревожилъ бы и не оскорблялъ, начиная съ 1830 года; и вотъ теперь онъ самъ сдѣлался дряхлымъ и беззубымъ старикомъ; у стараго льва подагра въ лапахъ, и Бисмаркъ можетъ безнаказанно лягать его, Бисмаркъ сдѣлался его господиномъ, Бисмаркъ сталъ теперь такимъ надменнымъ и дерзкимъ, какимъ Пальмерстонъ былъ въ прежнее время. Да, униженіе этого стараго фата должно сильно радовать всю Европу!

Первое замѣчаніе, внушаемое намъ послѣдними событіями, состоитъ въ томъ, что Франція и Англія становятся совершенно безсильными государствами, какъ скоро онѣ отдѣляются одна отъ другой. Съ тѣхъ поръ, какъ Пальмерстонъ поссорился съ императоромъ Людовикомъ Бонапартомъ, этотъ послѣдній былъ принужденъ отстраниться отъ дѣйствующей политики и остаться въ нѣкоторомъ родѣ простымъ зрителемъ событий. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Людовикъ Бонапартъ захотѣлъ мстить своему бывшему другу Пальмерстону, этотъ послѣдній началъ получать оскорбленіе за оскорбленіемъ. Англія почувствовала это и хочетъ, во что бы то ни стало, примириться съ своимъ августѣйшимъ союзникомъ. У нея даже явилась мысль пожертвовать своимъ любимцемъ, Пэмомъ, Людовику Бонапарту, и Торіи возбудили страшный вопросъ о перемѣнѣ министерства. Девятаго іюля въ верхнемъ и нижнемъ парламентахъ происходило генеральное сраженіе, въ которомъ Мельсбери и Дизраэли представили каждый осужденіе дѣйствій настоящаго правительства. Въ верхнемъ парламентѣ оно было принято большинствомъ девяти голосовъ, но нижній отвергнулъ его большинствомъ осмьнадцати. Такъ какъ здѣсь побѣда была почти такъ же значительна, какъ и пораженіе, то, по настоящему, дѣло не кончилось ничѣмъ; но министерская партія заѣла торжественный гимнъ и выказала въ парламентѣ какой-то бѣшенный энтузіазмъ; она кричала ура! пѣла патріотическія пѣсни, бросала шляпы въ воздухъ. «Morning-Post»,



официальный журнал правительства, говорить, что никакое большинство въ верхнемъ парламентѣ не могло бы перевѣсить самое ничтожное меньшинство въ нижнемъ, и что, поэтому, большинство голосовъ, полученное правительствомъ, должно считаться приговоромъ всего государства. Это можетъ быть и справедливо, но не совсемъ лестно для перовъ Великобританіи.

Какъ бы то ни было, а настоящее министерство осталось на своемъ мѣстѣ; но существованіе его будетъ весьма проблематично до тѣхъ поръ, пока оно не примирится съ тьюлерійскимъ кабинетомъ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ голштинскому вопросу, къ этой жалкой комедіи, разыгрываемой европейскимъ квартетомъ, мы приведемъ мнѣніе объ этомъ вопросѣ Карла Фогта. Въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Слова» мы упоминали вскользь о брошюрѣ этого знаменитаго публициста; теперь считаемъ не лишнимъ ближе познакомиться читателей съ его политическимъ взглядомъ.

Фогтъ не, выказываетъ особеннаго сочувствія къ шлезвигъ-голштинскому дѣлу. «Говоря правду, пишетъ онъ, этотъ вопросъ возбуждалъ во мнѣ такое отвращеніе, въ какомъ стыдно признаться мыслящему человѣку. Чѣмъ болѣе газеты и журналы наполнялись обсужденіемъ его, тѣмъ болѣе сердили меня неясность плановъ и желаній всѣхъ партій, и тѣмъ болѣе отдѣлялся я отъ всѣхъ партій и не соглашался ни съ одной изъ нихъ. Я не могъ раздѣлять ни преувеличенную ненависть къ датчанамъ, ни чрезмѣрную любовь къ повинутымъ соотчичамъ; не могъ убѣдиться ни въ справедливости и государственной мудрости лондонскаго договора, ни въ безукоризненной чистотѣ аугустенбургскаго дѣла; не удавалось мнѣ также составить себѣ ясное понятіе о вмѣшательствѣ промысла въ это дѣло; наконецъ я не могъ не открыть въ большинствѣ союзнаго сейма скалу, на которой покоится надежда Германіи, ни отыскать въ палатахъ и народѣ ту энергическую силу, которая ведетъ къ побѣдѣ.»

«До сихъ поръ, говоритъ Фогтъ далѣе, я ничего не писалъ по этому дѣлу, и довольствовался только ролью отдаленнаго зрителя; я все ждалъ *дѣла*, которое должно было распутать хаосъ, ждалъ молніи, долженствовавшей разсѣять темноту... Теперь, сколько мнѣ жажется, молчать больше не слѣдуетъ. Какая-то великая опасность,

по видимому, готова разразиться надъ Европою. Со всѣхъ сторонъ движутся массы, съ цѣлью превратить относительно свободныя и небольшія государства въ большія военныя державы, въ которыя не существовало бы другаго права, кромѣ права желѣза, и никакой свободы, кромѣ свободы меча.

«Австрія существуетъ еще только въ своей арміи; Пруссія хотѣлось бы существовать только посредствомъ своей арміи; Франція существуетъ только для своей арміи.

«Настоящее время—время несравненнаго варварства. Тысячи людей гомятъ на бойню, не изъ-за какой нибудь идеи, или даже безумной мечты, а просто изъ постыдной жажды убійства и приключеній, для того только, чтобы испытать свою силу.. Воюющія стороны хвастаются своими убитыми, ранеными, замерзшими, хвастаются новоизобрѣтенными пушками и панцирными фрегатами.

«Пора, давно пора положить предѣлъ такому образу дѣйствій. Единственное средство успѣть въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, въ томъ, чтобы разбить одну военную державу, нейтрализовать другую и поставить преграды третьей.»

За тѣмъ Фогтъ говоритъ о томъ, что ближайшею цѣлью всякой либеральной европейской политики ему представляется Германія, какъ единое и нераздѣльное государство, безъ примѣси всѣхъ чужеземныхъ элементовъ; естественно, что при этомъ онъ съ негодованіемъ вспоминаетъ объ Австріи, которую называетъ «тормазомъ національнаго развитія народовъ», «чистымъ отрицаніемъ всякаго прогресса», и при этомъ высказываетъ мысль, что идеаль единой Германіи до тѣхъ поръ не осуществится, пока она не избавится отъ тяжкаго австрійскаго гнета.

Съ такимъ же негодованіемъ говоритъ онъ, объ апатичности нѣмцевъ, ничего не дѣлающихъ для своего избавленія и ограничивающихся только словами и мыслями, въ то время какъ ихъ противники дѣятельно работаютъ. Эти противники—Австрія и Пруссія.

Отъ этихъ общихъ разсужденій, составляющихъ какъ бы предисловіе ко всему сочиненію, Фогтъ переходитъ къ разбору собственно шлезвигъ-голлтинскаго вопроса. Остроумно и фактически доказываетъ онъ слѣдующія положенія: 1) шлезвигъ-голлтинскій вопросъ не есть

вопросъ свободы; 2) онъ не есть вопросъ единства; 3) онъ не есть вопросъ величія и могущества Германіи; 4) онъ не есть вопросъ законности; наконецъ 5) онъ не есть вопросъ права.

Какой же это вопросъ? спросить читатель. На это Фогтъ отвѣчаетъ положеніемъ: «шлезвигъ-голландскій вопросъ есть вопросъ національности» и развиваетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ:

*«Здѣсь дѣло идетъ не о томъ, какая линія должна царствовать— мужская или женская; не о томъ, что датчане нарушили конституцію, не исполнили своихъ обѣщаній, пустили на вѣтеръ свои международныя обязанности; не о рѣшеніи вопроса—съ чѣмъ, на основаніи писаннаго права, долженъ быть неразрывно соединенъ Шлезвигъ: съ Голландіей или съ датскою монархіей;—здесь все дѣло идетъ просто о томъ, должно ли нѣмецкое племя оставаться подъ датскимъ господствомъ, или слѣдуетъ ему освободиться отъ этого господства на основаніи свободнаго рѣшенія народа (Selbstbestimmung)?*

**«Убирайтесь съ своими договорами, протоколами, нотами, наследственными притязаніями и всѣмъ хламомъ прошедшихъ столѣтій и настоящаго времени! Всѣ эти бумажные документы ходятъ вокругъ сущности дѣла, какъ кошка вокругъ горячей каши; они не входятъ въ самую суть; они не касаются сердца народа!**

**«На основаніи нѣмецкаго государственнаго права, на основаніи конституціи и границъ германскаго союза, этотъ послѣдній не можетъ имѣть на Шлезвигъ никакихъ притязаній... Но побробуйте растолковать это нѣмецкому народу, убѣдить его въ этомъ. Вы встрѣтите глухихъ людей, которые рѣшительно не поймутъ васъ, какъ не поняли бы итальянцы, если бы вы стали объяснять имъ, что они не могутъ ничего требовать въ Венеціи... Нѣмецкій народъ чувствуетъ только одно: что тамъ на сѣверѣ, по обѣимъ сторонамъ Эйдера, выработалась озлобленная національная ненависть; что датчане, во что бы то ни стало, хотятъ удержать свое господство, какъ ни ненавистно оно нѣмцамъ; что тамъ живутъ нѣмцы, которые желаютъ; во что-бы то ни стало, освободиться отъ этого господства... Здѣсь Германія! Тамъ Данія! Таковъ единственный кликъ, раздающийся громче всѣхъ прочихъ и мало по малу усилившійся до такой степени, что за нимъ ничего другаго не слышно!**

«Многіе ли изъ сорока милліоновъ нѣмцевъ не сознаются открыто, вмѣстѣ съ англійскимъ министромъ торговли Мильнеромъ Гибсономъ и государственнымъ секретаремъ Лейярдомъ, что они ничего не понимаютъ въ запутанностяхъ этого спорнаго шлезвигъ—голландскаго дѣла.

«Но за то и въ палатахъ и въ хижинахъ — въ хижинахъ еще лучше, чѣмъ въ палатахъ — всѣ понимаютъ, что тамъ нѣмецкіе соотчичи терпятъ нужду и лишенія, что у нихъ отняли все, что только можно отнять у человѣка — ихъ обычаи, языкъ, ихъ духовное наследство, словомъ ихъ національность; что невозможно терпѣть долѣе такую несправедливость и что помощь должна быть оказана, во что бы то ни стало!

«Мы можемъ быть неправы во всѣхъ отношеніяхъ, въ государственномъ, политическомъ и юридическомъ притязаніи на Шлезвигъ; мы можемъ быть неправы въ глазахъ всѣхъ юристовъ, всѣхъ политиковъ, всѣхъ государственныхъ людей, всѣхъ правительствъ; но въ одномъ пунктѣ мы сохраняемъ наше полнѣйшее, священнѣйшее, неотчуждаемое и неотъемлемое право — въ пунктѣ національности!

«Наше происхожденіе, все наше внутреннее бытіе, наше прошедшее и наше будущее налагаютъ на насъ обязанность употребить всѣ силы на защиту нѣмцевъ въ Шлезвигъ—Голштиніи, отторгнуть ихъ отъ датской монархіи, поставить на самостоятельную ногу и включить въ союзъ нѣмецкихъ государствъ.

«Это единственная статья нашего неписаннаго протокола, на который мы опираемся, единственная грамота, которую мы можемъ выставить на видъ.

«Черное знамя развѣвалось во всей Германіи конечно не изъ-за аугустенбургскаго принца или Безелера и его товарищей; не ради ихъ подымали его на всевозможныхъ празднествахъ... Нѣтъ, гдѣ бы оно ни появлялось, вездѣ оно было символомъ подавленной германской національности, вездѣ оно призывало нѣмецкій народъ вырваться изъ своего безсилія и раздробленія и оказать могущественное сопротивленіе датчанамъ. При каждомъ появленіи этого знамени, въ сердцѣ каждаго хорошаго человѣка начинало шевелиться, точно грызущій червякъ, горькое сознание великой вины, которую Германія навлекла на себя вслѣдствіе собственной слабости и внесла, черезъ

посредство своихъ правительствъ и племенъ, въ слишкомъ толстую книгу своихъ униженій еще новое униженіе.»

Въ томъ обстоятельствѣ, что въ шлезвигъ—голштинскомъ вопросѣ главную роль играетъ пунктъ національности, Фогтъ видитъ причину нѣкоторой симпатіи иноземныхъ державъ къ нѣмцамъ.

«Огромный капиталъ ненависти противъ насъ—говоритъ онъ—до сихъ поръ еще приноситъ проценты у чужеземныхъ народовъ. Начало этой ненависти относится къ тому времени, когда мы господствовали въ Европѣ и опрокидывали все нашими желѣзными кулаками и дикими ландскнехтами. Эта ненависть сохраняется вездѣ, гдѣ нѣмецъ продолжаетъ господствовать. — Венгерець крутитъ усы и бречитъ саблю, когда при немъ говорятъ о Германіи и нѣмцахъ, желающихъ лишить его старыхъ правъ и дать въ замѣнъ ихъ шаткую конституцію. Италия снова восклицаетъ: «смерть нѣмцамъ!» и употребляетъ послѣднія усилія на борьбу съ Австріею. Данія сражается «кровью и желѣзомъ» съ насиліемъ и высокохвріемъ нѣмцевъ.

«Самая большая доля этой ненависти падаетъ на Австрію, самая меньшая—на Пруссію.

«Гдѣ мы не господствуемъ, тамъ насъ если не любятъ, то крайней мѣрѣ уважаютъ. Нѣмецкое прилежаніе, нѣмецкая ученость, нѣмецкая энергичность пользуются за границей хорошею славой. Гдѣ мы господствуемъ, тамъ наша власть падаетъ съ каждымъ днемъ; Гдѣ мы стоимъ наравнѣ съ прочими гражданами, тамъ наше вліяніе усиливается съ каждымъ годомъ. Гдѣ мы подавляемъ національность, тамъ насъ чуждаются и ненавидятъ; гдѣ мы выработываемъ нашу національность на почвѣ свободы и равноправности, тамъ насъ поддерживаютъ и одобряютъ.

«За границею датско-нѣмецкій вопросъ возбуждаетъ чувство состраданія.

«Повсюду—слышите-ли ли, повсюду!—въ Швейцаріи, Италиі, Франціи и Англии, пробудились симпатіи къ отважному, маленькому народу, который мужественно возсталъ противъ колоссовъ и защищаетъ свои, дѣйствительныя или воображаемыя, права... Симпатія къ слабому, ставшему противъ сильнаго, къ карлику, борющемуся съ великаномъ, проявляется всюду... Ее не убьете вы вашими наслѣд-

стивными правами, толками о законности и юридическими диспутами...

«Докажите иноземнымъ народамъ, что вы не желаете ничего больше, но за то и ничего меньше, какъ освобожденія вашихъ нѣмецкихъ соплеменниковъ изъ подъ датскаго владычества, — что вы деретесь не за бумаги и пергаменты, а за людей и братьевъ, — и эти народы станутъ рукоплескать вамъ; докажите имъ, что для васъ одно нѣмецкое семейство, которому навязываютъ датскія школы, датское право и датскіе молитвенники, — значить больше, чѣмъ цѣлая библіотека договоровъ отъ древнѣйшаго до нынѣшняго времени, и вамъ крикнуть: «Впередъ! освобождайте вашихъ соотечичей!» Но попробуйте не дѣлать этого, попробуйте, точно вислоухія вьючныя животныя, тащиться съ потоми, протоколами, мнѣніями, выводами и меморандумами о дѣйствительности или вымышленности договоровъ, — чѣмъ болѣе высокія горы юридическихъ тезисовъ будете вы наваливать, тѣмъ искреннѣе всѣ будутъ желать, чтобъ датчане колотили васъ по щекамъ.

«Для Голштиніи вопросъ національности совпадаетъ съ вопросомъ государственнаго права. Никто не оспариваетъ компетентности союза; Брапгелъ конечно не заботится объ этомъ, но не смотря на сопротивленіе союзныхъ комиссаровъ, занимаетъ тѣ голштинскія мѣста, которыя находятъ удобнымъ запятъ...

«Но для Шлезвига этотъ вопросъ является совсѣмъ въ иномъ видѣ. Это нѣмецкій вопросъ — восклицаетъ союзный сеймъ — потому что Шлезвигъ нераздѣльно соединенъ съ Голштинією. Это датскій вопросъ — отвѣчаетъ Копенгагенъ — потому что Шлезвигъ не принадлежитъ къ германскому союзу. Это международный вопросъ — говорить Англія — потому что договоръ 1852 г. — актъ международный.

„Кто изъ нихъ правъ? — Никто.

„Кто неправъ? — Всѣ.“

Таковъ основной взглядъ знаменитаго естествоиспытателя на политическій вопросъ, занимающій въ настоящее время всю Европу. Вторую часть его брошюры составляетъ обзоръ роли, которую играютъ въ шлезвигъ-голттинской борьбѣ иностранцы и нѣмецкія державы. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію,

остановиться на этомъ отдѣлѣ, почему мы и переходимъ къ заключительному слову, въ которомъ авторъ предлагаетъ весьма рациональный способъ рѣшенія этого запутаннаго дѣла. По его мнѣнiю, разрѣшить его можно только примѣненiемъ принципа свободной и общей подачи голосовъ и принципа національности.

«Запутанность всего вопроса, говоритъ онъ, произошла отъ того, что на эти принципы не обратили никакого вниманiя. Датчане поспраши національные права на югѣ точно такъ же, какъ нѣмцы на сѣверѣ.

«Лордъ Пальмерстонъ уже въ 1848 г. предложилъ единственно-разумное разрѣшенiе этого спорнаго вопроса. Это было гениальное предложенiе, и оттого-то его не поняли ни профессора, ни датчане, ни государственные люди другихъ земель.

«Раздѣлите землю, говоритъ Пальмерстонъ, по національностямъ. Дайте нѣмцамъ нѣмецкое, а датчанамъ — датское, и оставьте въ покоѣ Европу, у которой есть болѣе важныя дѣла.

«Въ болѣе обширной формѣ это — единственное рѣшенiе, которое не принесетъ никому вреда.

«Очистите Шлезвигъ отъ всякой военной силы и поставьте нѣмцевъ у Эйдера, датчанъ у Кoenigsau. Потомъ пускай безпристрастные комиссары, подчиненные центральной комиссiи, составленные изъ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ, изъ всѣхъ великихъ державъ, собираютъ голоса по всѣмъ округамъ и спрашиваютъ: Датчане, желаете ли вы принадлежать датскому королю! Нѣмцы, желаете ли вы принадлежать Германiи? Какимъ хотите вы видѣть Шлезвигъ? Единнымъ или раздѣленнымъ.

«Соберите голоса во всѣхъ округахъ, проведите на картѣ черту и поставьте пограничные столбы.

«Потомъ собирайте голоса въ той части, которая хочетъ остаться нѣмецкою, и спрашивайте, чего она хочетъ: герцога Фридриха? Личнаго союза и короля Христиана? Полной независимости? Прусскаго господства? И что народъ рѣшитъ большинствомъ голосовъ, то утвердите вашею печатью.

«Мы твердо убѣждены, что такое рѣшенiе, единственно-рациональное и возможное, вызоветъ одобренiе иноземныхъ державъ. Мы

точно также твердо убѣждены, что его не одобрить Пруссія и Австрія; что имъ за дѣло до воли жителей страны?

«Упроченіе могущества народа, такъ заключаетъ свою брошюру авторъ, конечно великая вещь, но не величайшая. Первое и важнѣйшее дѣло заключается во внутреннемъ счастьи, свободномъ государственномъ устройствѣ, возможности свободного примѣненія къ дѣлу всякой способности. Первое условіе для достиженія этой цѣли заключается въ исполненіи требованій національности. Народы погибали не отъ ошибочнаго установленія границъ своего государства, но отъ внутреннихъ болѣзней, отравлявшихъ здоровыя соки.»

---

Въ то время, когда мы дописывали эти строки, датская война началась съ новою силою. Въ тотъ самый часъ, какъ окончилось перемиріе, пруссаки двинулись въ походъ. Два дня спустя, они собрали значительное число шлюпокъ и частью вслѣдствіе нечаяннаго нападенія, частью по причинѣ своего численнаго превосходства, взяли островъ Альзенъ. Датчане потеряли множество пушекъ и тысячу четыреста человѣкъ убитыми и ранеными. Эта битва была сухая рѣзня. Пруссави потеряли весьма мало людей. Въ продолженіе осьми дней нѣмецкіе журналы только и толковали, что о взятіи Альзена, какъ будто это былъ такой военный подвигъ, какого не видѣли со времени Ватерлоо, Лейпцига и осады Трои. Датчане, желая вознаградить себя за потерю, тоже попытались сдѣлать высадку, но она не удалась имъ. Надо сказать правду, эта борьба слишкомъ неровная; датчане не только сильно уступаютъ непріятелю числомъ, но и все оружіе у нихъ сильно отзывается стариною, да и въ стратегическомъ искусствѣ они сильно отстали. До этихъ поръ они имѣли еще нѣкоторое превосходство на морѣ, но теперь и это преимущество ослабѣваетъ съ каждымъ днемъ. Король Вильгельмъ, болѣе богатый чѣмъ Христіанъ IX, покупаетъ рабовладѣль-



ческіе корабли, отъ которыхъ очень желаютъ избавиться ихъ бордоскіе, нантскіе и ливерпульскіе собственники и объявляетъ, что будетъ еще продолжать эту покупку на верфяхъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Датчане вообразили себѣ еще, что на ихъ островахъ будетъ произведено общее нападеніе съ участіемъ русскаго флота. Эти бѣдные датчане конечно преувеличиваютъ себѣ ужасъ своего положенія. Партія, требовавшая войны, пришла въ совершенное уныніе, что весьма понятно. Король Христіанъ кидается во всѣ стороны съ мольбами. Онъ умоляетъ королеву Викторію прислать ему англійскую флотилію, но не противъ пруссаковъ, а для устрашенія его собственныхъ подданныхъ, а также и для того, чтобы въ крайнемъ случаѣ онъ могъ укрыться подъ британскій флагъ. Королева Викторія сильно ободряла его—уступить, и обѣщала свою помощь противъ жителей Копенгагена. Христіанъ умоляетъ императора Бонапарта и проситъ у него неизвѣстно чего. Онъ умоляетъ короля прусскаго, императора австрійскаго и императора русскаго. Онъ отправилъ къ нимъ своего младшаго брата, Іоанна глюгбургскаго, вѣроятно для того, чтобы просить у нихъ присоединенія всего датскаго королевства къ германскому союзу. Это хуже, чѣмъ утопія, это соединеніе нелѣпости, это дѣло нравственно невозможное, какъ для Германіи, такъ и для Даніи. Христіанъ былъ несчастнымъ королемъ; но быть сверхъ того еще неловкимъ, это ужъ слишкомъ.

«Morning-Post», органъ Пальмерстона, вдругъ удивилъ политическій міръ обнародованіемъ переписки, которая будто бы происходила между уполномоченными министрами Берлина, Вѣны и Петербурга, и содержаніе которой составляютъ переговоры о возобновленіи священнаго союза. Такъ какъ подложность этихъ документовъ доказана, то мы и не рѣшаемся выписывать здѣсь ихъ текстъ, занимающій нѣсколько страницъ.

Не смотря на ясныя доказательства подложности этих документовъ, «Morning-Post» начинаеть еще энергичнѣе доказывать подлинность своихъ документовъ и даже публиковать новые. Какъ—спрашивала эта газета—вы можете сомнѣваться въ томъ, что опровергаетъ г. Бисмаркъ? Въ гостиной самого лорда Пальмерстона, прусскій посланникъ Берндорфъ сдѣлалъ сцену главному редактору «Morning-Post»; Пальмерстонъ присутствовалъ при этомъ маленькомъ скандалѣ и, улыбаясь сказалъ графу Аппони: «Къ чему столько шуму и волненія, если эти документы вымышлены?»

О Франціи почти нечего сказать въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Крупнѣйшими событіями были отставка Ренана и выборы въ генеральныхъ совѣтахъ.

Ренанъ былъ профессоромъ въ Collège de France, то есть въ томъ мѣстѣ, которое считается главнымъ убѣжищемъ свободной мысли; аудиторію его составляли не дѣти, а люди развитые, наши будущіе мыслители и философы. А между тѣмъ, за одну фразу сказанную имъ, ему запретили читать лекціи...

Это надѣлало много шуму или, говоря вѣрнѣе, скандалу. Чтобы оправдать себя, Ренанъ написалъ свое извѣстное сочиненіе... Недавно, въ одно прекрасное утро, Ренанъ съ большимъ удивленіемъ прочелъ въ Монитерѣ, что вслѣдствіе нѣкоторыхъ экономическихъ соображеній онъ уволенъ отъ званія профессора еврейскаго языка и переведенъ на должность помощника какаго-то бібліотекаря.

Ренанъ гордо отвѣчалъ: Я не подавалъ отставку, слѣдовательно все еще продолжаю считать себя профессоромъ въ Collège de France. Я не желаю подавать въ отставку. Если вы хотите избавиться отъ меня, то можете прямо отрѣшиться отъ службы. Что касается до жалованья, которое я получалъ, то я могу весьма легко зарабатывать его также хорошо, давая уроки еврейскаго языка. Впрочемъ, жало-

ранее для меня последняя вещь въ моемъ профессорствѣ, и я ототворотываю отъ него.

На другой день появился императорскій декретъ, отрицавшій Ренана отъ службы, «за распространеніе ученія, оскорбляющаго христіанскія вѣрованія и могущаго повлечь за собою весьма печальный волненія».

На мѣсто его избранъ правительствомъ бездаришій еврей Мюнхъ. Господи! до чего только мы не дожили. Тьеръ либеральничаетъ, Морни корчитъ изъ себя государственнаго человека, одинъ отставной жандармъ, выгнанный изъ службы, приглашается быть редакторомъ правительственной газеты—и наконецъ Абд-ель-Кадеръ дѣлается свободнымъ мыслителемъ; онъ недавно ѣздилъ въ Александрію для поступленія въ общество фран-масоновъ; церемонія этого принятія совершилась 18 іюня въ ложѣ Пирамидъ. Абд-ель-Кадеръ фран-масонъ! Абд-ель-Кадеръ свободный мыслитель! Онъ, который былъ олицетвореніемъ исламизма и во время своей борьбы съ Франціею называлъ себя «истребителемъ христіанскихъ головъ ради любви къ Богу!» Фактъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный!

Выборы въ генеральныхъ совѣтахъ имѣютъ важность скорѣе мѣстную, чѣмъ политическую. Но ихъ все-таки нельзя пройти молчаніемъ. На этотъ разъ правительство хотѣло, во что бы то ни стало, избѣжать пораженія, и для этого употребило всѣ средства, чтобы кандидатами были орлеанисты, легитимисты и даже люди умѣренной оппозиціи, имѣвшіе большіе шансы на успѣхъ. Такимъ образомъ департаментскіе выборы были почти вездѣ лишены политическаго интереса, и всѣ усилія газетъ воспламенить Францію въ этомъ вопросѣ остались тщетными. Понятно, что органы правительства начали громко правозглашать о будто бы одержанной побѣдѣ.

Въ Италіи нѣтъ ничего особенно новаго. Въ Венеціи австрійская полиція арестуетъ адвокатовъ и инженеровъ; въ Падуѣ студенты уни-

Отд. III.

верситета, собравшіеся по приглашенію ректора, были разогнаны штыками сѣнникомъ служивыхъ солдатъ. Министръ финансовъ продаетъ государственныя желѣзныя дороги и, если вѣрить его словамъ, на весьма выгодныхъ условіяхъ; но такъ какъ эти условія еще никому неизвѣстны, то многіе сильно сомнѣваются въ ихъ выгодности. Ратанци попытка была свергнуть министерство Мингетти-Перуцци, но попытка его окончилась весьма смѣшною неудачею. — Гарибальди живетъ на островѣ Искія и лечитъ тамъ свою большую ногу; его прїездъ доставилъ огромную радость Неаполю и большую досаду правительству г. Ламармори.

---

Любопытное явленіе происходитъ въ настоящее время въ Бельгіи. Въ палатѣ партій католико-реакціонерная и либерально-министерская почти равны другъ другу по числу голосовъ, если не считать небольшого большинства въ пользу кабинета. Католики употребляютъ странный маневръ: они систематически не посѣщаютъ засѣданій. Вслѣдствіе этого палата, не имѣя въ наличности достаточнаго числа членовъ, не можетъ постановлять ни одного рѣшенія, и государство лишено конституціоннаго представительства. Сильное раздраженіе съ обѣихъ сторонъ.

---

Въ Нидерландахъ въ послѣднее время происходили выборы для перешныя голландныя членовъ второй палаты генеральныхъ штабовъ.

Выборы эти окончились благоприятно для либеральной партіи, большинство членовъ которой было избрано вновь. Но въ Гавѣ либеральная партія потерѣла поражение, вследствие союза кальвинистовъ и иезуитовъ.

Съ театра сѣверо-американской войны, по прежнему, донесется самыя утѣшительныя извѣстія — о побѣдахъ свободныхъ людей надъ рабовладѣльцами. Негры эманципируютъ себя и переходятъ на стороны своихъ защитниковъ. Одинъ корреспондентъ нью-іоркской газеты «Тribune» сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности о солдатахъ-неграхъ, о ихъ способностяхъ, военныхъ обычаяхъ и т. и.

«Негры одѣваются очень чисто и несутъ военныя обязанности съ полною охотою. Они такъ глубоко чувствуютъ святость борьбы за свои человѣческія права, если не за свою, то за свободу своихъ дѣтей, женъ и отцовъ, что готовы повиноваться всякому приказанію, какъ бы оно ни было тяжело; ихъ не смущаетъ ни бремя службы, ни опасность постовъ, на которые ихъ назначаютъ. Я видѣлъ ихъ на аванпостахъ, когда, опершись бронзовымъ лицомъ на стволы своихъ мускетовъ, они устремляли въ чащу густаго лѣса взглядъ, полный мужественной энергіи. Я видѣлъ ихъ въ походѣ, когда они шли тѣсными рядами и эластически, сильнымъ шагомъ, представляли рѣшительную противоположность вялой и нерѣшительной походкѣ нашихъ ветерановъ. Лучше всего они любятъ сторожить плѣнниковъ. Эту обязанность они исполняютъ съ примѣрнымъ усердіемъ, и являются необыкновенно гуманными въ отношеніи тѣхъ плѣнныхъ, которые не были особенно жестоки къ цвѣтному населенію... Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, негръ становится отличнымъ солдатомъ; послушаніе и строгая дисциплина вошли у него въ обычай; но когда его раздражаютъ, онъ дѣлается свирѣпымъ, какъ русскій солдатъ или французскій зуавъ».

Замѣчательно, что со времени войны цѣна рабовъ сильно упала въ Соединенныхъ Штатахъ. Такъ на дняхъ въ Фредерикъ (Мэрилендъ) осьмилѣтняя дѣвочка была куплена за 5 франковъ и 40 сан-

тимовъ (т. е. за 1 р. 35 к.); женщина за 81 франкъ, мать съ пятилѣтнимъ ребенкомъ за 135 франковъ.

Но не дешево достается свобода бѣдныхъ рабовъ. Только одна американская республика и можетъ вынести тѣ громадныя потери, которыя повлекла за собою эта продолжительная и кровопролитная война. Долгъ Соединенныхъ Штатовъ къ 1 мая 1864 года обнаруженъ въ слѣдующемъ видѣ: сумма долга съ процентами, погашаемаго золотомъ — 812,836,163 доллара; проценты — 49,472,715. Сумма долга съ процентами, погашаемаго ассигнаціями — 404,191,935 долларовъ; проценты — 22,109,430. Сумма долга безъ процентовъ 509,220,314 долларовъ. Итогъ ежегодныхъ процентовъ — 71,582,145; итогъ долга капитальнаго — 1,726,248,412 долларовъ, считая долларъ по 1 р. 25 к. Судя по этому итогу, можно было бы подумать, что страна раззорена, кредитъ подорванъ и бѣдность всеобщая. Но ничего подобнаго не случилось. Напротивъ, богатство страны остается неистощимымъ, дѣятельность народа кипитъ съ прежнею силою и кредитъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Американскій работникъ и солдатъ живутъ гораздо лучше, чѣмъ многіе нѣмецкіе и французскіе чиновники. Слѣдовательно истощить свободный народъ невозможно, потому что сила и богатство его заключаются прежде всего въ самой его свободѣ. За нее-то онъ такъ долго и такъ мужественно борется.

## ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новые трехлѣтніе выборы членовъ крестьянскихъ учреждений. — Характеристика дѣятельности этихъ учреждений въ прошлое трехлѣтіе. Что препятствовало ихъ полному успѣху. — Искусственная организація волостей и неудачные выборы. — Волостные суды и ихъ дѣятельность. — Какое значеніе долженъ имѣть „обычай“ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ. — Взглядъ „Русскаго Вѣстника“ на волостные суды и выводъ, который онъ дѣлаетъ отсюда о необходимости подчинить крестьянъ чиновничей опеке. — Дѣйствительно ли правъ „Русскій Вѣстникъ“, въ этомъ отношеніи. — Заключительное слово о крестьянскихъ учрежденияхъ. — Ректоръ харьковскаго университета и его выводы. — Характеристика судебной и административной дѣятельности нашихъ университетовъ. —

Причина непопизма и вѣстога въ русской университетской коллегіи.

Въ нѣвѣдшемъ году предстоятъ новые выборы сельскихъ властей на слѣдующее трехлѣтіе. Трехлѣтняя практика нагляднымъ образомъ убѣдила крестьянъ въ серьезномъ значеніи этихъ выборовъ. Если практика эта была не всегда удачна, если дѣятельность волостныхъ судовъ и сельскихъ властей не можетъ быть освобождена отъ всякихъ упрековъ, то неудача эта нисколько не подрываетъ разумныхъ началъ сельскаго самоуправленія и не доказываетъ, что крестьяне не желаютъ имѣть свой судъ, какъ силятся доказать нѣкоторые журнальные органы. И ожидаемое гласное судопроизводство, и судъ присяжныхъ могутъ на первыхъ порахъ не принести той громадной пользы, какую мы имѣемъ право ожидать отъ нихъ, если объ руку съ этими новыми началами будутъ существовать нѣкоторые старыя условія, деморализующія ихъ значеніе и смыслъ. Но все-таки изъ этого нельзя дѣлать выводовъ, что закрытое судопроизводство лучше гласнаго. Если данное крестьянамъ самоуправленіе не принесло ожидаемыхъ результа-

товъ въ первое трехлѣтіе, или если результаты эти не вездѣ были одинаково хороши; то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что самое начало самоуправленія есть начало вредное, что крестьянинъ питаетъ какую-то нѣжную привязанность къ канцелярскому суду.

Недостатки крестьянскихъ учреждений въ большей части случаевъ совершенно случайные и рѣшительно не даютъ права утверждать, что крестьянская самостоятельность не удалась, что крестьяне не видятъ никакой пользы отъ волостныхъ судовъ и что самые волостные суды обратились въ канцелярію, лишеныя всякаго самостоятельнаго характера. Если самоуправленіе крестьянъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны, то причиною этого служило вѣбное право, которое на первыхъ порахъ должно отразиться невыгодно на волостныхъ судахъ. Оно никакъ не могло содѣйствовать правильному развитію народа, оно лишило его всякой возможности воспринять въ себѣ уваженіе къ личному и общественному праву. Экономическія условія, отношенія къ помѣщикамъ, частнымъ лицамъ и-государству, словомъ, весь строй жизни спутывалъ ихъ понятіе о правѣ, потому что самъ крестьянинъ не пользовался никакимъ правомъ. Онъ отбывалъ барщину, вносилъ оброкъ, исполнялъ множество повинностей, но правъ не имѣлъ никакихъ, а совершенно зависѣлъ отъ произвола помѣщика. Крестьянина судилъ всякій, кто только хотѣлъ: его судилъ помѣщикъ, управляющій, конторщикъ, бурмистръ, староста, барскій лакей, барская экономка и т. д.; словомъ, судилъ всякій, кто только хотѣлъ, и тутъ же безапелляціонно приводилъ свой приговоръ въ исполненіе. Очевидно, что при такомъ постоянномъ, систематическомъ нарушеніи правъ крестьянина, уровень его нравственнаго развитія не могъ стоять очень высоко, и въ немъ не могло развиться чувство уваженія къ праву вообще, которое представлялось ему чѣмъ-то тяжелымъ, насильственнымъ, произвольнымъ. Крестьянинъ не имѣлъ ни родины, ни собственности, ни семейства.

Крестьянинъ былъ лишенъ даже самаго простаго права, — права выбрать трудъ по своимъ силамъ и средствамъ. И тутъ помѣщикъ являлся съ своимъ неострашимымъ често: огородника дѣлалъ мальчишкой, оледенера — садовникомъ, кузнеца — сторожемъ и т. д. Жы сами видѣли одного помѣщика, который съ восторгомъ разсказывалъ о своей артистической выдумкѣ, заключавшейся въ томъ, что



у него всё шучера были чернородые, всё лажен—рыжие, всё мельники—сѣдые, всё сторожа—лысые.

Иные, болѣе богатые, помѣщики, придумывали подобныя экономическія реформы въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: большому кораблю — плаванье. Вдругъ кому нибудь приходитъ на мысль развить въ своихъ наследственныхъ вотчинахъ ремесла, и вотъ пишутся строжайшіе приказы въ вотчинныя конторы: рязанскую деревню сдѣлать каменщицами, симбирскую — плотниками, тамбовскую — отгородниками, трабарями и т. д. Черезъ нѣсколько лѣтъ, къ пріѣзду реформатора, вотчины дѣйствительно являются ремесленными. Вотъ тутъ-то заключается главная причина, почему, не смотря на способность русскаго челоуѣка къ техникѣ и ремесламъ, у насъ большинство ремесленниковъ ни къ чему негодны.

Вотъ нѣкоторыя общія черты изъ быта крѣпостнаго крестьянина въ то время, когда ему даны были свободныя права и введено новое начало самоуправленія. Очевидно, что успѣхъ этого новаго учрежденія, помимо нѣкоторыхъ недостатковъ формальной стороны дѣла, на которые мы укажемъ ниже, главнымъ образомъ обуславливался общественнымъ, экономическимъ и нравственнымъ положеніемъ той среды, для которой предназначалось самоуправленіе и которая должна была дать ему дѣятелей. Какъ мы видѣли, крѣпостное право нисколько не благоприятствовало образованію изъ среды своей независимыхъ и самостоятельныхъ людей; по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ вліяніе его должно было отразиться особенно неблагоприятно. Такъ дѣйствительно и случилось. Было нѣсколько случаевъ, когда выборники обнаруживали нѣпониманіе основныя серьезныхъ обязанностей, подчинились произволу волостныхъ писарей, болѣею частью поступающихъ на это мѣсто изъ подьячичьихъ, выданныхъ изъ службы. Иногда сельскія и волостныя власти обвинялись даже въ злоупотребленіяхъ и вничтоженіяхъ, особенно при репутскихъ выборахъ. Въ теченіи 1863 года, повергнуто разнаго рода взысканіямъ должностныхъ лицъ волостныхъ и сельскихъ управленій 358, въ томъ числѣ удалено отъ должностей съ преданіемъ суду волостныхъ старшинъ 14, сельскихъ старостъ 32; удалено отъ должностей безъ преданія суду волостныхъ старшинъ 17, сельскихъ старостъ 209.

Одни крестьяне на первыхъ порахъ не понимали того огромнаго значенія, какое должны имѣть въ ихъ жизни сельскія власти и волост-

ные судьи, а потому выборы были производимы до крайности небрежно. На нравственное и умственное развитіе избираемаго не обращали никакого вниманія, стараясь преимущественно выбрать человѣка зажиточнаго въ тѣхъ конечно видахъ, что богатое сельское начальство въ случаѣ нужды выручить міръ изъ бѣды. Въ другихъ мѣстахъ выбрали людей самыхъ тихихъ и безхарактерныхъ, которыми потомъ міръ управлялъ по своему произволу и часто совершенно несправедливо. Въ этомъ отношеніи С. Лугининъ приводитъ очень поучительный примѣръ. Какъ извѣстно, квитанціи, выданныя въ прежнее время помѣщикамъ за ратничковъ, умершихъ до возвращенія на родину, должны были составлять принадлежность мѣла общества, или семейства умершаго ратника. По смыслу нашего рекрутскаго устава, они принадлежали обществу, если ратникъ былъ отданъ не въ очередь, за дурное поведеніе, и семейству, если онъ поступилъ по очереди, за свою семью. Въ очень многихъ волостяхъ Ветлужскаго, Варнавинскаго и Макарьевскаго уѣздовъ, квитанціи были присуждаемы не семействамъ, имѣвшимъ на нихъ полное право, а обществамъ. Когда спрашивали волостныхъ судей, на какомъ основаніи они такъ рѣшали дѣло, то они сознавались, что обществу, въ ожиданіи скораго рекрутства, очень хотѣлось получить эти квитанціи, а что идти противъ міра они не въ силахъ. Если же квитанціи были присуждаемы семейству, то обыкновенно въ такихъ только случаяхъ, если семейство большое, съ голосомъ на сходѣ, — и почти никогда, если квитанція должна была достаться какой-нибудь безответной матери, сестрѣ или вдовѣ.

Новые порядки крестьянскаго самоуправленія требовали преимущественно людей грамотныхъ. Грамотность между крестьянами почти не существуетъ, часто приходится одинъ или два человѣка грамотныхъ на цѣлую деревню. Этыхъ-то грамотныхъ большею частію общество охотно избирало, не смотря даже на то, что лица эти невѣстны были всемъ своимъ севернымъ поведеніемъ и недобросовѣстностію. Послѣдствія такихъ выборовъ часто были очень печальныя. Выборный старшина растрчивалъ мірскія и оброчныя суммы, отвѣтственность падала на цѣлое общество, общество часто оказывалось не въ состояніи пополнить растроченное, отказывалось вносить оброкъ, и т. д. и т. д. Такъ П—скимъ сельскимъ обществомъ избранъ былъ старостой временно-обязанный крестьянинъ г. Т—а Василій Антиповъ. Избранъ былъ имъ Антиповъ только потому, что былъ обученъ

грамотѣ, а о поведеніи его общество ничего не знало, потому что Антиповъ большею частію проживалъ на сторонѣ. Помѣщикъ Т—въ представлялъ мировому посреднику, въ присутствіи другихъ помѣщиковъ и всего волостнаго схода, о незаконности утвержденія Антипова въ должности, какъ находящагося подъ судомъ за кражу; но посредникъ не обратилъ никакого вниманія на такое заявленіе и утвердилъ Антипова старостой. Въ маѣ 1862 г., крестьяне, замѣчая мотовство и развратное поведеніе Антипова и то обстоятельство, что онъ, тратя много денегъ, въ собираемыхъ съ крестьянъ суммахъ не давалъ имъ квитанцій, послали отъ всего общества къ мировому посреднику четырехъ депутатовъ съ просьбою смѣнить старосту, какъ явно неблагонадежнаго. Но и тутъ посредникъ не обратилъ никакого вниманія на просьбу крестьянъ и не только никакого распоряженія о смѣнѣ его не сдѣлалъ, но и дѣла не изслѣдовалъ, а Антиповъ остался старостой и въ юнѣ 1862 г. промоталъ слишкомъ 250 р., собранныхъ съ крестьянъ казенныхъ податей и оброковъ. Посредникъ донесъ Т—му губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію о такомъ поступкѣ Антипова, прося разрѣшенія о продажѣ его имущества: имущество оказалось всего на 32 р., и губернское присутствіе рѣшило взыскать деньги съ общества. Крестьяне, отказываясь платить, подали прошеніе въ губернское присутствіе; писалъ его полуграмотный крестьянинъ, который, равно какъ и все общество, по объясненію самихъ крестьянъ, боялся выставить въ прошеніи явную вину посредника. Губернское присутствіе отвѣтило предписаніемъ о немедленномъ взысканіи съ П—скаго общества промотанной Антиповымъ суммы. Между тѣмъ и посредникъ сдѣлалъ распоряженіе о продажѣ имущества крестьянъ въ уплату тѣхъ денегъ. П—ское сельское общество—самое бѣдное изъ всей волости, взысканье тяжелое,—въ самое нужное время по рублю съ души,—взысканье, совершенно незаконно требуемое съ крестьянъ. И многое множество подобныхъ фактовъ можно указать, которые происходятъ отъ дурныхъ выборовъ въ сельскіе старшины, отъ непониманія крестьянами хорошей стороны новыхъ крестьянскихъ учреждений въ ихъ жизни.

Еще съ большею неосмотрительностію были произведены выборы собственно въ волостные судьи. Во многихъ мѣстахъ волостныхъ судей даже совсѣмъ не избирали, а просто назначали по жребію и преимущественно изъ такихъ семействъ, въ которыхъ много работ-

никовъ, и для которыхъ поэтому назначаемая тяжкая повинность не могла быть слишкомъ обременительною. А на обязанность волостнаго судьи крестьяне именно смотрятъ, какъ на тягостную повинность. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ вообще до должностей не охотникъ: тѣ должностныя лица, съ которыми постоянно имѣлъ дѣло крестьянинъ, ни въ какомъ случаѣ не могли внушить ему любовь и уваженіе къ себѣ и своей должности. Да и некогда крестьянину заниматься управленіемъ: на немъ лежитъ слишкомъ много повинностей, экономическое положеніе его жалкое, средствъ у него слишкомъ мало, и только при самой усиченной работѣ онъ можетъ съ трудомъ сводить концы съ концами. Удѣлять время на какую-то новую и непонятную для крестьянина службу волостнымъ судьей, онъ положительно не имѣетъ возможности, къ должности старшины крестьяне привыкли, какъ къ чему-то почетному, должность эта притомъ даетъ довольно значительное для крестьянина жалованье, а потому въ старшины всѣ идутъ охотно, слѣдовательно и выборы могутъ быть удачнѣе. Волостной судья получаетъ жалованье ничтожное: платить всѣмъ большое жалованье волость не въ состояніи, а потому судья достается обыкновенно рублей по 15, по 20 въ годъ. Да и это жалованье, говорятъ, крестьяне платятъ чрезвычайно неохотно. Въ одной волости, по словамъ Лугинина, сходя при выборѣ судей назначилъ имъ жалованье по 15 руб. въ годъ. Но когда настало время платить, тотъ же сходя на-отрѣзъ отказался дать имъ хоть копѣйку. Судья жаловались посреднику, и взмысаніе этихъ денегъ стоило большихъ хлопотъ. Послѣдствія всего этого очевидны: ни одинъ крестьянинъ не идетъ охотою въ судьи, на эту должность смотрятъ, какъ на тягостную повинность, а потому при выборѣ судей не было особеннаго разбора. Какъ мы уже замѣтили, большею частью въ волостные судьи назначали по жребію.

Вслѣдствіе того, что въ волостные старшины выбирались люди, сравнительно болѣе способные, свѣдущіе и дѣльные, чѣмъ волостные судьи, послѣдніе большею частію совершенно подчинились вліанію первыхъ и подъ ихъ диктовку составляли свои приговоры. Этому содѣйствуетъ еще и то обстоятельство, что старшина, какъ представляющій въ лицѣ своемъ власть полицейскую и исполнительную, въ случаѣ противодѣйствія судьи его рѣшеніямъ, имѣетъ множество случаевъ дать почувствовать судья всѣ непріятныя послѣдствія такого противодѣйствія. Поэтому судьи часто совершенно завязать отъ

старшина. Въ одной изъ волостей Велгудского уѣзда сохранился приговоръ волостнаго суда, въ которомъ сказано: такой-то крестьянинъ, за такой-то поступокъ *приговоренъ волостнымъ старшиной* къ наказанію лядю ударами розогъ; а въ графѣ объ исполненіи приговора написано: такого-то числа исполнено волостнымъ судомъ; т. е. выводитъ, что старшина приговорилъ, а судьи сѣкли...

Такии образцы одною изъ главныхъ причинъ, почему крестьянскія учрежденія на первыхъ порахъ представляютъ нѣкоторыя неблагоприятныя стороны, служитъ то обстоятельство, что первоначальные выборы были неудачны. Трагическая практика показала крестьянству то серьезное значеніе, какое имѣютъ выборы на интересы сельскихъ обществъ; и нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что предстоящіе выборы будутъ произведены съ большою осторожностію и осмотрительностію. Съ устраненіемъ же этихъ неблагоприятныхъ явленій устранится и тѣ вредныя для крестьянъ послѣдствія, которыя главнѣйшимъ образомъ обусловливались неудачными выборами.

Много вредить успѣху волостныхъ судовъ еще и то обстоятельство, что самыя волости большею частію составлены очень неудачно: волость обыкновенно является искусственнымъ сборомъ болѣе или менѣе разнородныхъ элементовъ, стоящихъ на разной степени развитія и имѣющихъ различное понятіе о правѣ. Извѣстныя вотчины постоянно находились подъ одинаковымъ управленіемъ, при одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, цѣлый рядъ поколѣній былъ связанъ одними общими интересами, подвергался одинаковымъ невзгодамъ и т. д. Все это должно было создать характеристическія особенности между отдѣльными вотчинами. А между тѣмъ волостной судъ у всѣхъ одинъ, и иногда крестьянъ одного общества судятъ судьи изъ другихъ, иногда такихъ, съ которыми они находятся во враждѣ. Г. Лугининъ приводитъ любопытные случаи, какъ иногда сказывалась эта вражда сосѣднихъ имѣній. Въ одномъ имѣніи уставная грамота была утверждена безъ согласія крестьянъ, и когда мировой посредникъ прибылъ для отвода надѣла, то потребовалось прорубить много просѣкъ. Крестьяне отказались идти на межу. Рѣшено было произвести эту работу наймомъ на ихъ счетъ. Но такъ какъ это былъ одинъ изъ первыхъ случаевъ отвода надѣловъ, то мировой посредникъ имѣлъ основаніе опасаться, что и сосѣдніе крестьяне не пойдутъ на эту работу. Дѣйствительно, нѣсколько деревень уже отказались, какъ вдругъ неожиданно прибыли рабочіе изъ враждовавшаго селенія и прорубили про-

сѣки за самую сходную дѣлу. Дѣлать было уже нечего, но за то крестьяне, получившіе подобное одолженіе отъ своихъ сосѣдей, за тѣмъ постоянно справлялись: скоро ли и у послѣднихъ будетъ отвѣтъ надѣла?.. Въ другомъ волостномъ правленіи приносятъ мнѣ жалобу на одного крестьянина. Его призывали на волостной судъ по жалобѣ сына; онъ долго не шелъ, но староста привелъ его наконецъ насильно. Когда дѣло начали обсуждать, то онъ наплевалъ судьямъ въ бороды и ушелъ себѣ домой. Привели его при мнѣ въ дравленіе. Оказалось, что это былъ сѣдой старикъ; когда ему объявили наказаніе на недѣлю подъ арестъ, то онъ сказалъ: «что жъ, если законы такъ велятъ, я отсижу, только ужъ сдѣлайте милость, навредди увольте меня отъ волостнаго суда. Знать его не зналъ, и отцы его не вѣдали...» Такимъ образомъ то обстоятельство, что волость нерѣдко соединяетъ вмѣстѣ то, что часто было совершенно разобщено, носило особый характеръ и жило особою жизнію, все это также должно имѣть вредное вліяніе на успѣшную дѣятельность волостныхъ судовъ.

Въ прежнее время сельскія общества имѣли свой особый, неофициальный судъ, да еще и до сихъ поръ имѣютъ. Это собственно судъ сосѣдей, основанный на общественномъ мнѣніи деревни. Къ этому суду крестьяне обращаются охотно за рѣшеніемъ своихъ домашнихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что тутъ дѣло ведется на чистоту, безъ всякихъ проволочекъ и формальностей, и рѣшается дѣло на основаніи укоренившихся народныхъ обычаевъ. Рѣшеніямъ этого суда крестьяне подчиняются охотно, потому что рѣшенія эти всегда безпристрастны. Подкупъ и взяточничество тутъ невозможны уже потому, что самый судъ не имѣетъ официального значенія, а его рѣшенія — обязательной силы. Волостные суды, по нашему мнѣнію, должны имѣть своимъ образцомъ судъ сосѣдскій, и только слѣдуетъ развить тѣ почтенныя начала, на которыхъ онъ основывается и имѣетъ свое значеніе. Такимъ образомъ, мертвая формалистика, сбивающая съ толку судей и запугивающая тяжущихся, должна быть совершенно изгнана изъ волостныхъ судовъ. Эта формалистика совершенно непонятна волостнымъ судьямъ и ставитъ ихъ въ полную зависимость отъ волостныхъ писарей. А такъ какъ на службу въ волостные писаря поступаютъ большею частію разные подъячіе, выгнанные изъ службы, то вліяніе ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть благотворно.

Для успѣшнаго хода крестьянскихъ учрежденій желательно, чтобы имъ предоставлено было право въ болѣе обширныхъ размѣрахъ руко-

водствоваться обычаемъ, при рѣшеніи различныхъ крестьянскихъ отношеній, такъ какъ большая часть этихъ отношеній возникла подъ вліяніемъ обычая. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы волостные суды въ своихъ рѣшеніяхъ крестьянскихъ тяжбъ основывались на нѣкоторыхъ неправильныхъ понятіяхъ народа, напримѣръ о собственности, хотя даже и эти понятія представляются неправильными собственно только съ легальной точки зрѣнія. Безспорно, что русскому народу, независимо отъ его развитія, присуща весьма ясная идея справедливости: сама жизнь выработала въ немъ множество здоровыхъ юридическихъ понятій, прямо вытекающихъ изъ жизни, а не основанныхъ на однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, высиженныхъ въ кабинетѣ. Конечно, трудно формулировать эти понятія и обычаи, видоизменяющіеся въ различныхъ мѣстностяхъ; но во всякомъ случаѣ уловить ихъ основной мотивъ — дѣло возможное. Дозволеніе крестьянскимъ учрежденіямъ руководствоваться обычаемъ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ освободитъ сельскія власти и волостныхъ судей отъ той путаницы, въ какой они постоянно находятся вслѣдствіе незнанія всехъ тонкостей свода Законовъ и непониманія книжной рѣчи. Они не будутъ подчиняться недобросовѣстному вліянію волостныхъ писарей изъ законниковъ: волостные суды не обратятся въ канцеляріи, загроможденныя множествомъ ненужныхъ формальностей, волостные судьи не обратятся въ подъячьи, и крестьянѣ охотно и съ увѣренностію пойдутъ въ свой крестьянскій судъ за рѣшеніемъ своего крестьянскаго дѣла.

Непониманіе крестьянами книжной рѣчи, при необходимости руководствоваться законами, написанными слишкомъ книжнымъ языкомъ, ставитъ ихъ постоянно въ большое затрудненіе, изъ котораго они иногда выходятъ совершенно неправильнымъ путемъ, и потомъ на себѣ испытываютъ всѣ тяжелыя послѣдствія такого неправильнаго выхода. Г. Якушкинъ представилъ очень характеристическую картину всѣхъ тѣхъ неудобствъ, которыя пришлось испытать крестьянамъ только потому, что они не поняли манифеста объ освобожденіи и начали объяснять его по своему, часто совершенно превратно.

Мы имѣемъ подъ руками нѣсколько очень любопытныхъ приговоровъ волостныхъ судовъ, буквально записанныхъ съ волостныхъ книгъ однимъ мировымъ посредникомъ и напечатанныхъ въ «Днѣ». Эти приговоры самымъ нагляднымъ образомъ знакомятъ насъ съ тѣми затрудненіями, какія крестьяне испытываютъ вслѣдствіе непониманія

книжной рѣчи при необходимости руководствоваться постановленіями, написанными этою книжною рѣчью. Одно это обстоятельство было причиною множества дѣлъ, усердно рѣшаемыхъ волостными судами, такихъ дѣлъ, которыя собственно рѣшать онѣ не имѣли никакого основанія, какъ на примѣръ, дѣла о частной, семейной жизни крестьянъ, такъ какъ въ собственно семейную жизнь крестьянина не входить никакого права вмешиваться ни старшина, ни судья. Такъ, въ 58 статьѣ 11 пункт. Общ. Полож. сказано, что староста обязанъ «завѣдывать въ порядкѣ, установленномъ обществомъ, *мирскими хозяйствами*». Староста думалъ, думалъ надъ этимъ пунктомъ, и былъ окончательно сбивъ съ толку, хотя въ этомъ и нѣтъ ничего мудренаго. Никогда прежде не было никакого мирскаго хозяйства, никакихъ мирскихъ суммъ, а ему говорить, чтобы онъ ими завѣдывалъ, ну онъ и додумался, что должно быть рѣшь о действительномъ существующемъ хозяйствѣ, а не о томъ, котораго никогда у нихъ не было. Поэтому староста началъ всматриваться, какъ въ его селѣ мужья живутъ съ своими женами, — это, дескать, и есть настоящее мирское хозяйство, — и вслѣдствіе этого вошелъ съ жалобой въ Снаскій волостной судъ, и волостные судьи усердно начали сдержать сужденіе по предложенію общественнаго старосты относительно несогласной жизни некоторыхъ мужей съ своими женами». Вслѣдствіе этого возникло дѣло и было ведено въ волостномъ судѣ только потому, что староста не имѣлъ никакой рѣши данныхъ ему положеній, воображивъ, что «завѣдывать *мирскими хозяйствами*» значитъ впутываться въ частную семейную жизнь крестьянина, и потому счелъ себя въ правѣ войти съ жалобой въ волостной судъ. А между тѣмъ эти ненужныя дѣла отнимаютъ много времени и отрываютъ отъ работы судей, обвиняемыхъ и свидѣтелей. Волостные суды имѣютъ право рѣшать семейныя несогласія только въ такомъ случаѣ, когда является съ жалобой самъ обиженный членъ семейства, и староста имѣетъ право входить въ волостной судъ съ жалобой на семейные раздоры, когда эти раздоры угрожаютъ окончиться преступленіемъ. Вообще дѣла по несогласію различныхъ членовъ семьи рѣшаются волостными судами, какъ нельзя болѣе справедливо и разумно. Въ прежнее время земская полиція, или вотчинная контора, вѣдая такіе дѣла, прежде всего старалась отыскать главнаго виновника, наказать его по своему благоусмотрѣнію, и тѣмъ дѣло оканчивалось. Волостные суды вовсе не заботятся о томъ, чтобы отыскать виновника



семейного раздора, потому что въ большинстве случаев виновника и не бываетъ: обѣ стороны одинаково виноваты, или, пошлѣе, одинаково правы; потому что несогласіе является результатомъ слишкомъ сложныхъ причинъ. Иногда просто люди не рождены характерами, и становится имъ невтерѣсъ перла семейная жизнь и даруются они съ утра до ночи, пока не рѣшатся обратиться съ жалобой въ волостной судъ. Волостные судьи поступаютъ съ глубокимъ знаніемъ дѣла: призываютъ тяжущихся, разспрашиваютъ обстоятельно ихъ дѣло и за тѣмъ не прискиваютъ мѣру наказанія для виновнаго, не составляютъ приговора, а предлагаютъ тяжущимся нѣсколько рациональныхъ совѣтовъ, какъ уладить къ лучшему свою жизнь. Этотъ почти всегда оканчивается дѣло, и обѣ тяжущимся стороны бывають довольны рѣшеніемъ. Такъ крестьянинъ Дмитрій Лукьяновъ жаловался въ волостной судъ на сына своего Ивана Дмитріева «относительно дѣлаемыхъ неповиновеній и ослушаній послѣднимъ отцу». Въ прежние времена волостныя конторы или земская полиція рѣшили бы такое дѣло очень просто: они просто отдрали бы нещадно сына за неповиновеніе отцу, и отравили бы имъ снова жить заботѣ и драться съ утра до ночи. Волостные судьи сначала начинаютъ *ублаждать* тяжущихся жить вѣстѣ, и за тѣмъ предлагаютъ чрезвычайную рациональную мѣру для исправленія неудовольствія. «Но разбирательству же и *ублаженію* или жить въ согласіи и придти въ подчиненность сыну претендента, *отъказа: оторваннымъ предложеніемъ* отъ несогласной ихъ жизни, что даже доказано и сторонами, *разойдись* или *полюбовно, избгвая дальнѣйшихъ дурныхъ послѣдствій*, на что претендатель Дмитрій Лукьяновъ согласился отдѣлить сына своего Ивана Дмитріева, на слѣдующихъ условіяхъ: по распоряженію его, какъ родителя, дать ему лошадь и корову, равно и для содержанія его въ жизни ржаного хлѣба пятнадцать четвериковъ, обещая ему при раздѣлѣ потомъ и болѣе, если только сынъ будетъ къ нему уважителенъ и покоренъ, какъ сынъ къ отцу. По выслушаніи сего въ правленіи, постановили: согласно желанію спорящихъ предоставить имъ раздѣлъ, съ предложеніемъ виновному, за обѣщаніемъ родителя, дѣлать должное почтеніе ему по долгу христіанскому, какъ отцу».

Этотъ честный и умный приговоръ волостныхъ судей и притомъ въ такомъ дѣлѣ, которое сами господа привыкли называть щеголивымъ и разрѣшать очень неудовлетворительно, показываетъ, что въ

народъ есть много здоровыхъ юридическихъ понятій, и что поэтому рѣшенія волостныхъ судей всегда будутъ справедливы въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ они могутъ прилагать эти понятія, не стѣсняясь никакими условными нравственными формулами. И большую часть семейныхъ несогласій волостные судьи разрѣшаютъ также удовлетворительно.

За тѣмъ въ волостныхъ судахъ разбирается множество дѣлъ о неповиновеніи крестьянъ старостамъ, старшинамъ, «начальству», какъ говорится въ приговорахъ, при чемъ всегда прибавляется: «начальству, *избранному обществомъ.*» И этого рода дѣла волостные судьи разбираютъ и рѣшаютъ совершенно справедливо: они не тянутъ руку за начальство, не мирволятъ ему, а съ одинаковымъ безпристрастіемъ разбираютъ доказательство той и другой стороны и склоняются въ пользу той стороны, которая представляетъ болѣе доказательствъ своей невинности, будь это простой крестьянинъ, или «*избранное обществомъ начальство.*» Наказаніе, налагаемое за неповиновеніе начальству, не бываетъ особенно тяжело, болѣею частью штрафуютъ однимъ рублемъ въ пользу мірянскихъ суммъ или посылаютъ на три дня въ общественныя работы. Въ концѣ приговора судьи обращаются обыкновенно съ нравоученіемъ къ виновному, чтобы онъ «испросилъ прощенія по долгу христіанскому и на будущее время былъ почтителенъ и уважителенъ къ *избранному обществомъ начальству* и неприличныхъ словъ ему не произносилъ.» Такъ крестьянинъ Степанъ Андреевъ принесъ жалобу въ волостной судъ на сельскаго старосту Терентія Иванова за то, что «староста его неправильно и безъ разбору обижаетъ ругательнымъ словомъ;» но въ доказательство справедливости своей жалобы не представилъ ни одного свидѣтеля. Потребованный въ судъ, староста объявилъ, что жалоба на него крестьянина, Степана Андреева, несправедлива, что напротивъ самъ Андреевъ «ему, какъ избранному обществомъ начальнику, не находится въ должномъ повиновеніи, потому что во всякое время не исполняетъ его приказовъ — чтобы не имѣть какихъ либо отговорокъ, даже корить его старика непристойными словами, которыхъ онъ на старости лѣтъ даже объяснить не можетъ.» Въ доказательство справедливости своихъ словъ староста привелъ двоихъ свидѣтелей, которые подтвердили, что дѣйствительно «крестьянинъ Андреевъ нисколько не находится въ должномъ повиновеніи и уваженіи своего старосты, такъ что при личности ихъ корилъ ста-

росту непростойшии, худымъ дѣламъ, а иногда распутыици, на что староста сказалъ ему въ отвѣтъ, *«чтобы онъ такими модой пошлялся въ своемъ домѣ.»* По выслушаніи свидѣтелей волостные судьи приговорили: «такъ какъ крестьянинъ Степанъ Андреевъ принесъ жалобу на своего начальника неосновательную и ничѣмъ не доказанную, кромѣ того, что самъ оказался виновнымъ въ смазанныхъ своему начальнику непростойныхъ и неуѣстныхъ словахъ, подтвержденныхъ выставленными свидѣтелями, почему подвергнуть Степана Андреева штрафу тремя рублями въ пользу мірошнихъ судей, и внушить ему, Андрееву, чтобы онъ дѣлалъ должное почтеніе своему начальнику и не просилъ бы христіанскаго прощенія» и. т. д.

Въ доказательство того, что волостные судьи вовсе не тянутъ руку за своихъ собратьевъ — избранныхъ обществомъ начальниковъ, а относятся къ дѣлу честно и безпристрастно, приводимъ слѣдующій замѣчательный приговоръ:

«Староста Толстовъ-савоскаго сельскаго общества жалуется на крестьянина того же общества, Закара Астафьева, что сей обругалъ его, старосту, при всѣхъ крестьянахъ, бывшихъ на помоскахъ.

Закаръ Астафьевъ на спросъ: дѣйствительно ли онъ обругалъ старосту? показалъ, что онъ старосту не ругалъ, *а высказалъ только то, что думаютъ объ немъ все крестьяне, — что онъ своими распоряженіями вводитъ міръ въ убытки.*

*Приговорили:* Такъ какъ, по мнѣнію нашему, крестьяне недовольны тѣмъ, что остался у нихъ старый староста \*) и что, оставивъ Михаила Иванова старостой, могутъ происходить и въ послѣдствіи подобныя безпорядки и жалобы, — просить г. посредника сдѣлать распоряженіе объ избраніи Толстовъ-савоскиихъ сельскимъ обществомъ новаго старосты.»

Приговоръ въ высшей степени замѣчательный: староста жалуется, что крестьянинъ обругалъ его, крестьянинъ отвѣчаетъ, что онъ высказалъ только общественное мнѣніе о томъ, что староста вводитъ міръ въ убытки; судьи, признавая справедливымъ требованіе обще-

\*) Въ пунктѣ 4-мъ Высочайшаго указа правительствующему сенату 1861 г. сказано: „Нынешніе сельскіе начальники, старосты и бурмистры, гдѣ они есть, остаются при своихъ должностяхъ, до окончанія полевыхъ работъ 1861 г.“ Поэтому въ обществахъ, составившихъ изъ крестьянъ одного и того же помѣщика, были сначала оставлены прежніе старосты.

ства, предлагать избранъ новаго старосту. Мы не можем уважать ни одного подобнаго рѣшенія изъ критики нашего канцелярскаго дѣлопроизводства. Предлагать подобный же шагъ въ другомъ селавинъ и въ другомъ мѣстѣ, предположимъ, что какойнибудь городской обыватель высказалъ городничему совершенно справедливое общественное мнѣнiе, что городничій неправильно рѣшаетъ дѣла, беретъ взятки, зануемаетъ безперемежно руку въ казенный сундукъ, судъ приворотилъ бы такого смѣльчана «за оскорбленiе личности и бунтъ противъ власти», по меньшей мѣрѣ, въ тюремному заключенiю. Совершенно не такъ смотрять на дѣло безграмотные, никакихъ книжекъ нечитавшие мужики; они хорошо понимаютъ, что начальникъ существуетъ для пользы общества, а не общество должно существовать для начальника.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется дѣятельность крестьянскихъ учреждений за прошедшее трехлѣтiе. Если дѣятельность эта заслуживаетъ некоторыя упреки и если не вездѣ она была вполне удачна, то неудачи изъ нисколько не говорятъ противъ самаго принципа, и не доказываютъ той мысли, что русскiй народъ неспособенъ къ самоуправленiю. Неудовлетворительная дѣятельность сельскихъ властей и волостныхъ судовъ обуславливалась, помимо неудовлетворительной организационной стороны, главнымъ образомъ жалкимъ составомъ среды, которая должна была дать дѣлательную новую управленiю, и неудачными выборами самихъ дѣлателей. Но даже и въ такомъ видѣ крестьянское самоуправленiе принесло громадную пользу, освободивъ крестьянъ отъ слишкомъ дорогой имъ администрации въ то время, когда доразрешена эта должна была быть особенно обременительнаю. И мы упрекомъ, что послѣ новыхъ выборовъ въ этомъ году сельскiя власти, которыхъ съ такимъ нетерпѣнiемъ ожидаютъ крестьяне, крестьянское самоуправленiе дастъ хорошия результаты.

Совершенно въ такомъ видѣ представляется все это г. Лугинину и приводитъ его въ совершенно неожиданнымъ, противоположномъ соображенiемъ («Русск. Вѣстникъ». Мартъ). По его мнѣнiю, крестьянскiя учрежденiя совершенно не удались, потому что русскiй крестьянинъ такъ грубъ и невѣжливъ, что неспособенъ къ самоуправленiю и что поэтому необходимо возвратиться къ старому порядку — подчинить крестьянъ административной опеке. Все представляется г. Лугинину въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ; сельскiя власти являются у него мошенниками, волостные суды — собранiемъ негодяевъ, которыхъ

«обязать» всѣ, и которые самымъ безсовестнымъ образомъ тятотать на народѣ, заимвляя себѣ прекрасное тяжкое вѣдностное право, которое въ такомъ новомъ видѣ, по его словамъ, «всѣмъ и утратило свою прежнюю суровую обстановку, то взаимѣтъ приняло характеръ какой-то мягкой раслуцабности.» Единственное спасеніе для крестьянъ отъ этого страшнаго зла, упавшаго на ихъ голову въ видѣ самоуправленія, представляется г. Лугинину въ «болѣе тѣснотѣ сближеніи крестьянскихъ судовъ съ мировыми учрежденіями.» Подѣ этимъ «сближеніемъ» онъ разумѣетъ не болѣе, не менѣе какъ полнѣйшее подчиненіе волостныхъ судовъ одному мировому судѣ, такъ что если всѣ волостные судьи, незавѣтно для какой цѣли долженствующіе засѣдать въ судѣ, будутъ несогласны съ рѣшеніемъ мирового судьи, то и въ такомъ случаѣ рѣшеніе это не можетъ быть имъ отвергнуто. Въ настоящее время, по мнѣнію г. Лугинина, волостные судьи являютъ, меншенничаютъ и совершенно зависятъ отъ вреднаго произвола волостнаго начальства; поэтому необходимо явнѣе клиномъ выдвигать «Присутствіе мирового судьи изгнало бы изъ крестьянскихъ судовъ меншенничество, взяточничество и пьянство. Только этимъ путемъ можно поставить крестьянскіе суды въ независимое положеніе отъ волостнаго начальства. Что суды подчинились бы въ такомъ случаѣ вліянію мирового судьи, это очень естественно; но законъ я не въ силахъ противоѣствовать вліянію образованнаго и развитаго человека, конишающаго дѣло, на людей необразованныхъ, неразвѣтныхъ».

Изъ необходимости подчинить крестьянъ прожней административной силѣ г. Лугининъ приходитъ тѣмъ охотибѣ, что, по его мнѣнію, сами крестьяне совершенно отсутствуютъ къ этому порядку. Все, что крестьянскій бытъ имѣетъ въ себѣ хорошаго и цѣлесообразнаго, все это обязано своимъ происхожденіемъ помѣщикамъ и администраціи, даже «общинное землевладеніе получило свои настоящіе, обширные размеры лишь подѣ вліяніемъ помѣщиковъ и администраціи (?)».

«Крестьяне», говоритъ онъ, «привыкли къ такому порядку, имъ казалось, что помѣщикъ обязанъ заботиться объ устройствѣ ихъ семейнаго быта; что «свободный» выборъ — нустика, что для дѣвки за мужество есть общественная повинность, и что если она долго не выходитъ замужъ, то ее слѣдуетъ принудить, точно такъ же, какъ мужика неплательщика принуждаютъ платить оброкъ.» Произошла крестьянская реформа, — «того старика, дорогаго сердцу крестьянина

порядковъ, заступили новые порядки, которые сразу не понравились народу, какъ нѣчто чуждое имъ. «*Крестьяне очень дорожатъ судомъ помѣщика, желаютъ, чтобъ изъ судили по законамъ, и притомъ судили не крестьяне, такъ какъ крестьянинъ не знаетъ законовъ и недостаточно развитъ, и тяжущіеся не вѣрятъ въ его безпристрастіе.*» Отсюда, по мнѣнію г. Лугинина, необходимо снова возвратиться къ порядкамъ котошихинскаго времени.

Опровергать подробно г. Лугинина мы считаемъ совершенно лишнимъ, тѣмъ болѣе, что приведенные нами выше факты изъ практики крестьянскаго самоуправления достаточно познакомили читателя съ тѣмъ значеніемъ, какое оно имѣетъ въ жизни крестьянина, и тою пользою, какую оно приноситъ. Собственно для г. Лугинина мы приводимъ здѣсь нѣсколько официальныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ волостныхъ судовъ въ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Свѣдѣнія эти показываютъ, что въ большинствѣ случаевъ волостные суды дѣйствовали безукоризненно. Такъ начальникъ Владимірской губ., во всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1862 г., доносить, что «въ волостные суды крестьяне охотно обращаются по своимъ дѣламъ; безпристрастіе ихъ рѣшеній и вѣрность обычаемъ во многихъ случаяхъ служили отводомъ отъ вчинанія раззорительныхъ исковъ и неосновательныхъ тяжбъ въ гражданскихъ судахъ». Начальникъ Воронежской губ. въ отчетѣ за 1862 г. доносить, что «въ волостные суды крестьяне охотно обращаются по своимъ дѣламъ, и они, руководствуясь мѣстными обычаями и правилами, принятыми въ крестьянскомъ быту, удовлетворяли потребности крестьянскаго правосудія»; ревизовавшій въ 1862 г. Калужскую губ., сенаторъ Капгеръ, въ отчетѣ своемъ отзываясь, что рѣшенія волостныхъ судовъ отличаются полнымъ безпристрастіемъ, прибавляетъ, что дѣла по спорамъ, возникающимъ вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, рѣшаются болѣею частію сообразно изстари постановленнымъ мѣстнымъ обычаямъ». Начальникъ Саратовской губ. въ отчетѣ своемъ за 1864 г. замѣчаетъ, что крестьяне почти всегда остаются довольными рѣшеніями своего суда, и безропотно повинуются ему, потому что рѣшенія эти соответствуютъ ихъ обычаямъ и понятіямъ о правѣ, *хотя нередко противоречатъ существующимъ законамъ*» и т. д. (Юрид. Вѣстн. 1853 г. № 8-й).

Что же касается до мнѣнія г. Лугинина, что будто бы форма

канцелярскаго дѣлопроизводства и чиновничьяго суда, есть такая форма суда, которая наибодѣе любезна крестьянину, то это ужъ значить договориться до чортиковъ. Крестьянинъ вообще до суда не охотникъ и рядомъ самыхъ убѣдительныхъ опытовъ додумался, что лучше несправедливо претерпѣть оскорбленіе и убытокъ, чѣмъ требовать по суду вознагражденія за это оскорбленіе и убытокъ. Это нерасположеніе народа къ чиновничьему суду перешло даже въ пословицу, которая говоритъ, *отъ суда обрѣжь помы да бѣги прочь*. Все это совершенно понятно: закрытые наши суды съ ихъ безконечными проволочками, отрывающими мужика отъ дѣла, съ ихъ непонятною формалистикою и рѣшеніями, основанными на непонятныхъ народу законахъ, все это вмѣстѣ не могло внушить къ себѣ въ народѣ довѣрія и любви. Народъ додумался до цѣлаго ряда своихъ юридическихъ понятій, съ точки зрѣнія которыхъ многое, что признается и преслѣдуется, какъ преступное, законодательствомъ, признается совершенно непроступнымъ и незаслуживающимъ никакого преслѣдованія. Притомъ крестьянину приходится имѣть дѣло съ судомъ въ критическія минуты жизни, какъ напр. при рекрутскомъ наборѣ, и это всегда почти имѣетъ роковыя послѣдствія на его благосостояніе и хозяйство. Отсюда совершенно понятно стремленіе мужика отваливать всѣми правдами и неправдами отъ столкновенія съ судомъ.

Мы сами недавно были свидѣтелями подобнаго стремленія мужика, во что бы то ни стало, даже съ значительнымъ рискомъ, отдѣлаться отъ столкновенія съ судомъ, не смотря на то, что онъ былъ совершенно невиненъ. Исторія эта можетъ окончиться для бѣдняги весьма печально. Дѣло въ слѣдующемъ: недалеко отъ Петербурга есть небольшая деревушка, которую лѣтомъ населяютъ дачники, по преимуществу люди мрачнаго вида и характера, главнымъ образомъ отставные штабсъ-капитаны, или если и не отставные, то имѣющіе скоро обратиться въ отставныхъ штабсъ капитановъ. Въ эту деревеньку нѣсколько лѣтъ къ ряду возилъ говядину мясникъ изъ Петербурга. Недѣли двѣ тому назадъ мясникъ, нѣсколько выпившій, ѣхалъ въ телѣгѣ съ мальчикомъ въ сказанную деревеньку и верстахъ въ шести отъ мѣста встрѣтилъ огородника изъ той же деревни. Огородникъ, тоже нѣсколько выпившій, попросилъ мясника подвести его, обѣщая за то угостить его въ ближайшемъ кабацкѣ осмужскою водки. Дѣйствительно, по дорогѣ они зашли въ кабацкѣ и вѣроятно угостились болѣе, чѣмъ осмужскою, потому что оба вы-

шли оттуда очень пьяными. День был жаркій и огородникъ всю дорогу совѣтовалъ мяснику, по приѣздѣ въ деревню, купаться въ тамошнемъ пруду. Мясникъ отказывался, увѣряя, что онъ никогда не купался и не умѣетъ плавать, огородникъ настаивалъ, и вѣроятно краснорѣчіе его наконецъ тронуло мясника, такъ что при вѣздѣ въ деревню они сошли съ телѣги и отправились къ пруду, а мальчику приказали подѣхать къ кабаку и тамъ ожидать ихъ возвращенія. Мальчикъ отправился съ лошадей, ждалъ ихъ полчаса, часъ, — никто не возвращается. Часа черезъ полтора онъ увидѣлъ огородника, который съ мокрыми волосами проходилъ мимо кабака и на вопросъ его: гдѣ же мясникъ? — отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, что они разошлись другъ съ другомъ при вѣздѣ въ деревню. Мальчику показалось это подозрительнымъ, онъ самъ отправился къ пруду и на берегу нашелъ одежду и бѣлье мясника. Сейчас же явились къ пруду сельскія власти, начали искать утопленника баграми, неведомъ, смѣльчаки даже ныряли—ничего не оказывалось. Привели огородника и начали просить его указать то мѣсто, на которомъ утонулъ мясникъ: огородникъ снова началъ увѣрять, что онъ съ мясникомъ разошелся при вѣздѣ въ деревню, купаться его не звалъ и самъ купаться съ нимъ не ходилъ. Нашлись двое свидѣтелей, которые видѣли, какъ огородникъ возвращался отъ пруда съ мокрыми волосами. Попробовали еще поискать въ прудѣ, и опять ничего не нашли. Послали за становымъ; тотъ объявилъ, что онъ не приѣдетъ, *пока не будетъ найденъ трупъ* т. е. если бы трупъ и совѣзмъ не нашли, то становой и совѣзмъ бы не приѣхалъ. На другой день снова начали искать въ пруду и опять ничего не нашли. Самъ сельскій староста попробовалъ было нырнуть, но тотчасъ же вынырнулъ ни съ чѣмъ; только лобъ запачкавъ грязью и замѣтилъ, что вода холодна. Народъ на берегу подтрунивалъ, увѣряя, что староста ловить носомъ карасей. Мрачными дачниками овладѣло сомнѣніе: начали высказывать дальновидныя соображенія, что огородникъ утопилъ мясника, желая воспользоваться его деньгами; но этому провиновѣчило то обстоятельство, что деньги 35 р. сер. оказались цѣлы въ карманѣ мясника. Одни утверждали, что огородникъ утопилъ мясника изъ чувства какой-то кровной мести; другіе возражали, что утопить здороваго, сильнаго мужа невозможно, особенно недалеко отъ жилья, куда могли бы быть слышны его крики: караулъ! На это первые возражали, что можно такъ быстро приязать на шею камень, имен-



но «казакимъ» узломъ, что жертва не успеетъ и пикнуть. Какой-то острякъ тутъ же попробовалъ привязать мальчику на шею камень казакимъ узломъ: казакій узелъ дѣйствительно былъ завязанъ быстро, но такъ же быстро самъ собою и развязался. Въ это время въ деревнѣ слышны были сильные удары отъ взрыва порохового завода, и нѣкоторые ухитрились отыскать причинную связь между утопленникомъ, мясникомъ и взрывами порохового завода. Словомъ, благодаря празднословію, выростала грандіознѣйшая нелѣпость.

На третій день трупъ мясника самъ собою всплылъ на поверхность пруда; его положили на берегу. Явился туда же и становой съ понятыми.

— Позвать ко мнѣ *преступника!* грозно кривнулъ онъ.

Преступника привели.

— Подойди поближе къ трупу.

Огородникъ подошелъ.

— Смотри внимательно на трупъ.

Огородникъ посмотрѣлъ.

— Ну, что, не возбуждаетъ это тяжелое зрѣлище въ твоей душѣ никакихъ убійственныхъ угоровъ совѣсти?

— Нѣтъ, ничего...

— Взять его, негодяя, подъ арестъ!

Негодяя повели подъ арестъ.

— Ахъ, ваше превосходительство! мягко обратился становой къ какому-то старичку.

— Что это вы такъ долго не пріѣзжали?

— Не могъ, никакъ не могъ: у меня этой дряни, мертвыхъ тѣлъ, навалено чуть не полный станъ... Въ новой деревнѣ былъ: тамъ любопытная исторія случилась. Графъ N пріѣхалъ туда въ шарбанѣ съ прехорошенькою, чортъ побери, дѣвчоночкою, глазенки, какъ черные таракашки, такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ...

Становой облизнулся.

Досаднѣе всего при этомъ намъ было то обстоятельство, что становой въ этомъ случаѣ сразу почувствовалъ какое-то враждебное чувство къ обвиняемому, сразу взглянулъ на него, какъ на преступника, и постарался запугать его. Къ этому юридическому приему у насъ обыкновенно прибѣгаютъ въ подобныхъ случаяхъ: у насъ сразу стараются запугать обвиняемаго и не помочь ему въ томъ, чтобы онъ далъ настоящія показанія, а *сбить* его показанія.

Все дѣло, по нашему, объясняется такъ: выпившій огородникъ просто захотѣлъ угостить своего собутыльника купаньемъ, и тотъ ныльнѣ въ жарнѣй день полѣзъ въ холодную воду и съ нимъ случился ударъ. Это подтвердилъ и медицинскій осмотръ трупа. Опасаясь суда и безконечныхъ проволочекъ, помня хорошо правило *«отъ суда обрѣжь пальцы, да блии прочь»*, огородникъ просто нахѣлся отдѣлаться отъ всего этого фразою *«знать не знаю и вѣдать не вѣдаю»*, а равнѣ солгавши, онъ началъ дѣлать десятки обивчивыхъ показаній, противорѣчилъ себѣ и наконецъ такъ все запуталъ, что его нашли нужнымъ арестовать, какъ виновника въ смерти мужа. И хорошо еще, если онъ отдѣлается тѣмъ, что просидитъ годъ въ острогѣ и будетъ выпущенъ съ подозрѣнѣмъ. А между тѣмъ хозяйство должно разстроиться; семейство обѣднѣть, осторожные товарищи научать его своему уму-разуму, и нѣтъ ничего удивительнаго, что все это вмѣстѣ сформируетъ изъ него со временемъ настоящаго негодяя и преступника...

Послѣ всего этого понятно, съ какимъ непрятнымъ чувствомъ встрѣчаешь въ печати измышленія, въ родѣ измышленій г. Лугинина въ «Русскомъ Вѣстникѣ» о томъ, что крестьянское самоуправленіе есть зло, тяготящее на народѣ, что необходимо избавить крестьянина отъ этого зла. Къ счастью, такіа вѣрнопостныя симпатіи, кромѣ господъ Лугининыхъ, ни въ комъ болѣе не возбуждаютъ довѣрія.

Представивъ читателю возможно обстоятельный очеркъ дѣятельности крестьянскихъ учреждений и указавши ему наиболѣе характерныя черты изъ практики волостныхъ крестьянскихъ судовъ, мы находимъ совершенно умѣстнымъ представить здѣсь же нѣкоторыя черты изъ судебной и административной практики нашихъ университетовъ. Такое сопоставленіе двухъ явленій, взятыхъ изъ разнѣй области русской жизни, можетъ повести насъ во многимъ, весьма интереснымъ сближеніямъ. Матеріаломъ для насъ между прочимъ послужить небольшая брошюра: «Русскіе университеты», изданная недавно въ Харьковѣ и сочиненная ректоромъ Харьковского Университета Рославскимъ — Петровскимъ.

Эта ректорская брошюра интересна между прочимъ потому, что представляетъ взглядъ на университетскій вопросъ оффиціального лица, обязаннаго быть компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ, и заключаетъ слѣдовательно до известной степени оффиціальныя мнѣнія о по-

требностях и нуждах русских университетов и тѣх мѣрахъ, которыя возможны для удовлетворенія этихъ потребностей и нуждъ. Но для насъ эта брошюра главнымъ образомъ любопытна потому, что представляетъ множество характеристическихъ фактовъ изъ практики университетской жизни и администраціи, фактовъ, которыми г. ректоръ смѣлится опровергнуть несостоятельныя, по его мнѣнію, воззрѣнія Н. И. Пирогова, но которыми онъ только еще сильнѣе подкрѣпляетъ эти воззрѣнія и окончательно пошибаетъ свои несостоятельные выводы. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ познакомить читателя съ этою брошюрой.

Статья г. ректора раздѣляется на двѣ половины: въ первой онъ представляетъ мысли Н. И. Пирогова о томъ, какъ поднять русскіе университеты; вторая половина заключаетъ собственныя мысли автора, выводы и опроверженія мыслей Н. И. Пирогова. Впрочемъ въ сущности только развѣ самому г. ректору празднословіе его можетъ представляться мыслями, выводами и опроверженіями: ничего такого въ статьѣ его мы не нашли, такъ что, выдѣливши изъ нее любопытные факты, несомнѣнно принадлежащіе ректору, останется только развѣ слогъ и стиль, сильно напоминающій слогъ всѣхъ вообще провинціальныхъ писакъ. Такимъ образомъ тамъ напр., гдѣ Н. И. Пироговъ говоритъ о необходимости тѣсной связи между профессорами и студентами, г. ректоръ преподноситъ ту же самую мысль, но только въ такой формѣ: *желательно, чтобы ухо (?) и дверь жилища профессора во всякое время были открыты для студента* (40). Университетъ онъ рѣдко называетъ университетомъ, а большею частію величаетъ его *резервуаромъ священныхъ учебныхъ силъ, храмомъ науки, разсадникомъ русской науки* (33, 53). Въмѣсто слова профессоръ, онъ употребляетъ *сподвижникъ науки... благородный труженникъ, котораго томитъ священная жажда знанія* (29) и т. д. Въ концѣ концовъ отъ чтенія этихъ измышлений, написанныхъ такимъ напыщеннымъ, чваннымъ слогомъ, просто тошнить.

Г. Рославскій—Петровскій своихъ собственныхъ соображеній почти не представляетъ никакихъ, въ большинствѣ случаевъ онъ соглашается съ мнѣніемъ Н. И. Пирогова, и при этомъ всегда заявляетъ свою радость не потому, что онъ сошелся въ мнѣніи съ честнымъ и умнымъ русскимъ писателемъ, а потому, что онъ *сошелся въ мнѣніи съ бывшимъ попечителемъ (?)*. (Стр. 7.) Но авторъ

ухитряется такъ сходитьсь въ мнѣніи съ бывшимъ попечителемъ, съ такими оговорками, что совершенно справедливыми мнѣнія Н. И. Пирогова просто теряютъ всякій смыслъ. Такъ, по мнѣнію Н. И. Пирогова, русскій университетъ не имѣетъ опредѣленной фізіономіи: наука, правительство и церковь внесли въ него свои требованія, которымъ онъ обязанъ удовлетворять. Положительнаго про университетъ можно сказать только то, что онъ есть учрежденіе правительственное и учебное, съ значительнымъ бюрократическимъ отбѣнкомъ и съ нѣкоторою примѣсью корпоративнаго, воспитательнаго и филантропическаго характера. Чтобы уничтожить этотъ неопредѣленный характеръ университетовъ и заставить ихъ жить самостоятельною жизнью, по мнѣнію Н. И. Пирогова, необходимо предоставить университетамъ полную автономію и освободить ихъ отъ вліянія централизаціи и чиновничества, съ которыми несовмѣстна автономія. Тамъ, гдѣ ученые—чиновники, а ихъ ученики—искатели чина, тамъ сейчасъ родятся такія понятія и отношенія, которыя рано или поздно превратятъ учебное мѣсто въ присутственное. Въ наукѣ есть своя іерархія; сдѣлавшись чиновною, она теряетъ свое значеніе. Говорятъ, что у насъ при существованіи табели о рангахъ, вывести одни только университеты изъ этого строя, значило бы унижать образованіе въ глазахъ всѣхъ сословій. Но именно у насъ, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его внѣ всего іерархическаго строя. «Пора также серьезно подумать», прибавляетъ Н. И. Пироговъ, «что наблюдать за ходомъ прозвѣщенія въ цѣломъ краѣ, т. е. быть попечителемъ, можетъ не всякій, кто только достигъ, по своему чину и званію, извѣстнаго положенія въ обществѣ».

Г. ректоръ вполне соглашается съ этимъ мнѣніемъ бывшаго попечителя, но дѣлаетъ при этомъ нѣкоторую уступку, отъ которой самое мнѣніе теряетъ всякій смыслъ. Онъ находитъ, что если и полезно уничтожить чины, то не *профессорскіе*, а тѣ, которые даются лицамъ, окончившимъ курсъ университетскаго образованія. «Въ ученой Германіи», говоритъ онъ, «знаменитѣйшіе профессора не пренебрегаютъ почетнымъ титуломъ гофратовъ и дорожатъ орденами, жалуемыми имъ своими и иностранными правительствами, такъ же точно, какъ и французы своимъ *legion d'honneur*. И это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ и другимъ обогащать науку капитальнѣйшими трудами. У насъ цѣна на чины въ послѣднее время значительно упала,

а ученое сословіе, особенно молодое поколѣніе, такъ мало интересуется ими, что я знаю нѣсколько случаевъ, когда преподаватели университета, правда люди недостаточные, *просили, какъ милости, не представлять ихъ въ слѣдующій чинъ*... Если часто молодое ученое поколѣніе просить, *какъ милости*, не представлять его къ чину, такъ за чѣмъ же оставлять профессорскіе чины?

Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ г. ректоръ рѣшается слегка по-противорѣчить Н. И. Пирогову, крайняя несостоятельность его тенденцій является очевидною. Такъ, по мнѣнію Н. И. Пирогова, предоставивши нашимъ университетамъ полную автономію, необходимо принять мѣры противъ nepотизма и застоя, которые могутъ появиться въ самой коллегіи. Лучшею мѣрою противъ nepотизма и застоя самой коллегіи можетъ служить контроль общественнаго мнѣнія и конкуренція, которую можно возбудить учрежденіемъ института доцентовъ. Доцентство постоянно давало бы возможность обновлять коллегію молодыми, свѣжими силами, и служило бы лучшею оппозиціею nepотизму и застою. По мнѣнію г. Рославскаго-Петровскаго, всѣ эти мѣры ни къ чему не поведутъ; единственное спасеніе — строгіе экзамены на ученныя степени. Закаптить новичку строгій экзамень, и онъ на двадцать лѣтъ будетъ хорошимъ профессоромъ. «Система нашихъ экзаменовъ на ученныя степени устроена такъ, что требованіямъ ея не всегда удовлетворить и отличный спеціалистъ, составившій себѣ имя въ ученомъ свѣтѣ, и на оборотъ, легко можетъ сдѣлаться магистромъ и даже докторомъ челоуѣкъ, вовсе неспособный къ самостоятельнымъ занятіямъ наукой. Правда, Положеніе требуетъ отъ доктора критическаго, т. е. самостоятельнаго знанія науки, но можно ли говорить серьезно о выполненіи подобнаго условія, когда всей челоуѣческой жизни часто бываетъ недостаточно для усвоенія одной науки. Возьмите, на примѣръ, хоть всеобщую исторію». Г. Рославскій-Петровскій, вѣроятно, изъ собственнаго опыта приводитъ этотъ примѣръ.

Университетская коллегія тогда только будетъ живою, сильною и прогрессивною, когда она на свободѣ разовьетъ свою дѣятельность и будетъ имѣть право сама опредѣлять вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ, не по должности и чину, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ. Какимъ образомъ убѣдиться въ заслугахъ преподавателя, объ этомъ можно спорить, но что убѣдиться необходимо—это неоспоримо. Одною изъ такихъ мѣръ, по мнѣнію Н. И.

Пирогова, могутъ быть—литературныя заслуги профессора. Г. ректоръ думаетъ, что литературныя заслуги профессора не могутъ служить основаніемъ при оцѣнкѣ заслугъ профессора и назначеніи вознагражденія за его заслуги. Чтобы доказать свою мысль, г. ректоръ приводитъ два слѣдующіе случая: «одинъ профессоръ почти ежегодно обогащаетъ науку дѣльными сочиненіями, хотя и не двигающими ее впередъ, другой, болѣе строгій къ себѣ, или *имѣющій болѣе обширныя планы*, долго ничего не издавалъ въ свѣтъ и только передъ концомъ своего поприща выступилъ передъ публикою съ трудомъ, но съ такимъ трудомъ, который навсегда останется памятникомъ его таланта и учености. Спрашивается: кто изъ нихъ приобрѣлъ право на высшее вознагражденіе?..»

Нельзя не замѣтить, что примѣры, приведенные г. ректоромъ, слишкомъ исключительны и приведены неудачно. Опираясь на этотъ примѣръ, могутъ благоденствовать въ коллегіи самыя бездарныя и тупыя личности, и какой набудь преподаватель, который во всю свою жизнь не произвелъ ничего, кромѣ ничтожнѣйшей брошюрки, можетъ себѣ требовать у коллегіи большаго вознагражденія, увѣряя, что онъ «имѣетъ болѣе обширныя планы, и только передъ концомъ своего поприща выступилъ передъ публикою съ трудомъ, но съ такимъ трудомъ», который, подобно труду гоголевскаго Тентетникова, долженъ обозрѣть Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія: съ политической, статистической, экономической, географической и т. д.

Если бы дѣйствительно въ средѣ университетской коллегіи оказался такой талантливый профессоръ, который дѣйствительно имѣлъ бы не только «болѣе обширныя планы», но и средства выполнить эти обширныя планы, хоть подъ конецъ своей жизни, то дѣятельность и заслуги подобнаго профессора коллегія всегда имѣла бы возможность оцѣнить. Для этой цѣли было бы совершенно справедливымъ допустить и учащихся къ заявленію своего мнѣнія о нуждахъ аудиторій. Есть конечно на свѣтъ худыя книги, которыя много читаются, и худыя лекціи, которыя слушаются. Но если книга вовсе не читается и лекціи никѣмъ не слушаются, то хорошими ихъ назвать нельзя; въ нихъ вѣрно есть что нибудь не такъ. И мнѣнія читателей и слушателей всегда нужно узнавать, университетъ обязанъ прислушиваться къ голосу учащихся, въ которомъ онъ всегда услышитъ много правды. И этотъ голосъ, не смотря на всѣ увлеченія, будетъ

всегда для него однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ отсталости и застоя.

Такимъ образомъ г. Рославскій-Петровскій, не понявъ и, по своему, перетолковавъ мысли Н. И. Пирогова, начинаетъ скорбѣть, что наши университеты удалились отъ своего средневѣковаго идеала, а потому совѣтуетъ имъ попытаться назадъ къ этому идеалу. Какимъ образомъ онъ ухитрился прійти къ такому выводу, на основаніи совершенно справедливой мысли Пирогова, мы никакъ не можемъ понять. Н. И. Пироговъ дѣйствительно говоритъ, что наши университеты удалились отъ того идеала, какой они имѣли въ средніе вѣка, когда и учителя, и ученики были сподвижниками науки, когда университетъ имѣлъ только одни безусловныя, чисто-научныя стремленія. Н. И. Пироговъ просто заявляетъ объ этомъ совершившемся историческомъ фактѣ, безъ всякой скорби, потому что историческій фактъ можетъ подлежать нашему изслѣдованію, анализу, но не составляетъ предметъ для сантиментальничанья. Онъ упоминаетъ объ этомъ средневѣковомъ идеалѣ университетовъ, вовсе не рекомендуя его въ идеалъ нынѣшнимъ университетамъ; онъ говоритъ только, что средневѣковый университетъ, основанный передовыми людьми того времени, имѣлъ опредѣленную фізіономію; нынѣшніе же университеты, съ чисто-официальнымъ характеромъ и значеніемъ, потеряли всякій опредѣленный смыслъ. Правительство, учреждая университетъ, имѣло нужду въ специалистахъ, которыхъ надѣялось получить черезъ университетъ, а потому въ немъ, вмѣстѣ съ чисто-научнымъ, должно было развиваться прикладное. Но и прикладное, невыработавшееся наукой на родной почвѣ, не могло развиваться и идти прогрессивно впередъ. Поощряемое только извнѣ, искусственной регламентаціей государства, оно могло только отчасти удовлетворять вопіющимъ его потребностямъ.

Эта неопредѣленность характера и основныхъ началъ нашихъ университетовъ, выражающаяся въ ихъ направленіи, по мнѣнію Н. И. Пирогова, указываетъ на необходимость радикальной университетской реформы. Г. Рославскій-Петровскій ухитряется прійти къ совершенно обратному выводу. Упомянувши съ радостію, что онъ сошелся въ мнѣніи съ бывшимъ попечителемъ относительно того, что университеты удалились отъ своего средневѣковаго идеала, г. ректоръ начинаетъ скорбѣть по поводу этого совершившагося историческаго факта, плакать, что они потеряли дорогу

Zernfreiheit, которую также понимает по своему, и въ концѣ концовъ говорить, что для спасенія нашихъ университетовъ нужны не новыя мѣры, а старыя, именно, что «нужно принять за основаніе университетскій уставъ 1804 г., которымъ представлялась ему значительная автономія и сохранялась неприкосновенность личнаго состава коллегіи.» Словомъ рекомендуетъ университетамъ принять тѣ основанія, которыя такъ вредно отразились на его дѣятельности и такъ долго тяготѣли на его членахъ всѣми своими непривлекательными сторонами.

По уставу 1804 г. университету не предоставлено было никакой автономіи, коллегія не имѣла никакихъ правъ, не пользовалась никакимъ вліяніемъ не только на административную, но даже на учебную часть университета, на ней лежало только нѣсколько тяжелыхъ обязанностей. Только одинъ ректоръ имѣлъ кой-какія права.

Университетская коллегія не имѣла никакихъ правъ, все подчинено было высшей инстанціи, каждое самое незначительное распоряженіе коллегіи могло быть приведено въ исполненіе только по утвержденіи его высшею инстанціею, всѣ члены коллегіи утверждались въ своихъ должностяхъ высшимъ начальствомъ, начиная отъ ректора университета и оканчивая «учителями пріятныхъ искусствъ и гимнастическихъ упражненій.» Число кафедръ, профессоровъ и адъюнктовъ было строго ограничено, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, «если совѣтъ университета будетъ имѣть случай пріобрѣсть славнаго и отличнаго учениемъ мужа, или если между природными Россіянами найдутся молодые люди въ какой либо наукѣ толико успѣвшіе, что, представленными печатными или рукописными сочиненіями и чтеніемъ о заданномъ предметѣ лекцій, удостовѣрять, что съ пользою университету могутъ занять мѣсто адъюнкта, въ такомъ случаѣ пріобщить ихъ къ университету дозволяется, и о принятіи каждаго совѣтъ чрезъ попечителя представляетъ Министру Народнаго Просвѣщенія и ожидаетъ рѣшенія» § 26. Даже «росписанія лекцій каждаго факультета совѣтъ соображаетъ между собою и *заблаговременно представляетъ попечителю на утвержденіе.*» § 56.

Результаты такого подчиненія не только административной, но и учебной части университета, и самой коллегіи попечителю были самыя печальныя, тѣмъ болѣе, что въ должность попечителя, какъ говоритъ Н. И. Пироговъ, часто избирались люди, не имѣвшіе никакого права на эту должность, а только достигнув-



шіе извѣстнаго чина или положенія въ обществѣ. «Часто, говорить онъ, когда совѣтъ университета рѣшалъ вопросъ о какой нибудь насущной потребности университета, начальникъ улыбался и говорилъ: «тамъ у меня спорять,» а секретарь рѣшалъ все по своему.» Всѣ эти факты очень хорошо извѣстны г. ректору Рославскому-Петровскому, онъ самъ приводитъ множество подобныхъ фактовъ, а потому тѣмъ непонятнѣе представляются намъ его выводы.

Самая сущность университетскаго устава 1804 года необходимо должна была развить въ университетской коллегіи nepотизмъ и застой. Извѣстно, что по силѣ этого устава право читать лекціи въ университетѣ могъ получить не всякій, сознавшій въ себѣ ученое призваніе, а только лице избранное и рекомендованное факультетомъ. Выборъ факультета обыкновенно основывался на рекомендаціи профессора, который даже и при лучшихъ намѣреніяхъ могъ очень легко ошибиться относительно своего бывшаго слушателя, такъ какъ могъ судить о немъ только по результатамъ его пассивныхъ занятій; а извѣстно, что хорошо держать экзамены не значитъ еще быть способнымъ руководить научными занятіями другихъ. Иногда же случалось, что профессоръ сознательно покровительствовалъ посредственности изъ нерасположенія къ другому лицу, въ которомъ не правилась ему независимость мнѣнія и характера. На это указываетъ г. Рославскій—Петровскій и прибавляетъ: «кто учился въ русскихъ университетахъ лѣтъ 30 тому назадъ, тотъ очень хорошо знаетъ, какъ много можно было выиграть въ старину такъ называемымъ *лазарствомъ*. Если же выборъ профессора падалъ и на человѣка талантливаго, что случалось нерѣдко, то и это еще не ручалось за охраненіе достоинства каеедры на будущее время. Вступивъ разъ въ ученый кругъ, адъюнктъ не столько заботился объ усовершенствованіи себя въ наукѣ, сколько о поддержаніи хорошихъ отношеній съ вліятельными членами факультета.»

Обыкновенно адъюнктъ разсматривался въ нашихъ университетахъ, какъ казенный исполнитель порученій профессора по учебной части: читалъ составленные имъ записки и продолжалъ по случаю болѣзни или отлучекъ профессора прекращенныя имъ лекціи: но никогда не принималъ участія въ дѣлахъ коллегіи. Избранный обыкновенно по одной рекомендаціи своего патрона, онъ довольствовался своимъ незавиднымъ положеніемъ, только имѣя въ виду, что рано или поздно, все-таки самъ сдѣлается профессоромъ, или опять черезъ покрови-

тельство, или же по привычкѣ къ нему всего факультета. Особенныхъ побудительныхъ причинъ къ усовершенствованію себя не было. Главный расчетъ былъ основанъ на покровительствѣ. Притомъ адъюнкты нерѣдко обременяемы были тяжелыми порученіями. О томъ, какія это были порученія и сколько тратилось времени на ихъ исполненіе, можно судить по одному прилѣгу изъ исторіи харьковскаго университета, который приводитъ г. Рославскій-Петровскій. Одинъ изъ воспитанниковъ этого университета адъюнктъ, въ послѣдствіи профессоръ, В. Комлишинскій, среди приготовленій къ магистерскому и докторскому экзаменамъ, перевелъ съ немѣдской рукописи на русскій языкъ сначала физику своего наставника профессора Стойковича, а потомъ курсъ химіи другаго своего профессора Гизе, состоявшій изъ четырехъ объемистыхъ томовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было не менѣе 30 печатныхъ листовъ.

По уставу 1804 года имѣли право голоса одни только ординарные профессора, такъ что тѣ кафедрны, которыя заняты были экстраординарными и адъюнктами, оставались вовсе безъ представительства въ совѣтъ, и слѣдовательно лишены были возможности защищать свои интересы. Отсюда же происходилъ деспотизмъ и грубость ординарныхъ профессоровъ въ обращеніи съ младшими ихъ собратами. Г. Рославскій-Петровскій рассказываетъ, что «одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ харьковскаго университета, Селивановъ, рассказывалъ мнѣ *забавный* (?) анекдотъ о томъ, что покойный профессоръ харьковскаго университета Филомаитскій, въ бытность свою адъюнктомъ, жаловался однажды на невниманіе къ своимъ представленіямъ, ссылаясь на то, что онъ *такой же членъ*, какъ и другіе, на что ветеранъ тогдашняго медицинскаго факультета, заслуженный профессоръ Шумлянскій, имѣвшій репутацію добраго человека, дѣльнаго преподавателя, *отвѣчалъ ему въ видѣ шуточки такую остроумную, которую я не рѣшаюсь повторять въ печати*».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ жалкомъ, загнанномъ положеніи молодыхъ профессоровъ университета, коллегія не освѣжалась свѣжими силами, и необходимымъ результатомъ этого былъ застой и неотизмъ, съ его системой протекцій, которая принимала самыя грубыя и уродливыя формы, доходила даже до взяточничества, которое не разъ проявлялось въ нашихъ университетахъ подъ видомъ пансіонерства и т. п. Правда, еще въ сороковыхъ го-

дахъ учреждено у насъ доцентство, открывающее свободный доступъ къ преподаванію въ университетѣ; но какъ отъ доцента, кромѣ магистерскаго экзамена, требовалась еще диссертация *pro venia legendi*: сдѣловательно болѣе, чѣмъ отъ адъюнкта, а между тѣмъ онъ не получалъ никакого жалованья, и только по истеченіи года, если факультетъ находилъ его достойнымъ, могъ быть представленъ къ вознагражденію, обыкновенно весьма ограниченному, то нѣтъ ничего удивительнаго, что доцентство осталось однимъ бумажнымъ учрежденіемъ и не могло противодѣйствовать застою русскихъ университетовъ. Высшая инстанція, присвоившая себѣ право, помимо совѣта, опредѣлять профессорами извѣстныхъ ему лицъ, обыкновенно дѣлала самые неудачные выборы. Г. Рославскій-Петровскій рассказываетъ, что однажды, «*по ходатайству попечителя*, назначенъ былъ профессоромъ философіи господинъ, занимавшій прежде разные административныя должности, и между прочимъ *служившій чиновникомъ при полиціи*».

Вообще говоря, трудно было и требовать отъ тогдашней университетской коллегіи хорошихъ проявленій ея дѣятельности, при тѣхъ ограниченныхъ правахъ, какими она пользовалась по закону и которыя на практикѣ часто нарушались высшею инстанціею, не имѣвшею съ нею никакой другой связи, кромѣ чисто служебной. Г. Рославскій-Петровскій приводитъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ изъ этого тяжелаго періода русскихъ университетовъ. «Въ Харьковскомъ университетѣ», говоритъ онъ, «былъ высланъ за границу въ 1827 году одинъ изъ лучшихъ преподавателей его, профессоръ Шадъ, за изданныя имъ сочиненія, найденныя несогласными съ религіею и государственными учрежденіями Россіи, что до такой степени напугало товарища его, профессора Рейта, человѣка отъ природы робкаго, что, диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣсколько разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія, самыя невинныя, боясь проговориться. Спустя четыре года другой извѣстный ученый, бывшій украшеніемъ физико-математическаго факультета харьковскаго университета Т. С. Осиневскій, заподозрѣнный попечителемъ въ вольнодумствѣ, по поводу сдѣланнаго на экзаменѣ одному студенту замѣчанія, что говоря о Богѣ, умѣстишь употребить выраженіе «*существуетъ*», вмѣсто «*живетъ*», противъ собственнаго желанія былъ уволенъ отъ службы; а любимому ученику его, въ послѣдствіи знаменитому нашему академику М. В. Остроградскому, министерство отказало въ кандидатской степени, подъ предлогомъ

несоблюденія въ отношеніи къ нему недавно изданныхъ правилъ объ испытаніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ потому, что противъ него былъ сильно настроенъ тогдашній попечитель, вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго однимъ профессоромъ, что онъ никогда не посѣщалъ лекцій богословія. Роясь въ старыхъ дѣлахъ, мы отыскали, что въ типографіи харьковскаго университета въ 1817 году печаталось циркулярное предложеніе о томъ, что *священное писаніе должно служить основою при преподаваніи всѣхъ наукъ*. Сохранилось преданіе, что нѣкоторые изъ профессоровъ, желая угодить начальнику, *кстати и некстати приводили на лекціяхъ тексты, а въ казанскомъ университетѣ, по распоряженію попечителя, преподавалось естественное право въ смыслъ обличительномъ.*» (Стр. 36.)

Понятно, что подобная тяжелая атмосфера не могла благоприятствовать свободному развитію университетской науки, и что отсталость должна была вторгаться въ университетскіе курсы, которые, по словамъ тогдашнихъ студентовъ, читались по благонадежнымъ руководствамъ, однажды навсегда избраннымъ, или же по тощимъ запискамъ, приправленнымъ въ устномъ разказѣ блестящей френологіей и занимательными, только не въ научномъ отношеніи, анекдотами.

## ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

---

Нѣчто о комфортахъ и удобствахъ петербургской жизни. Внутри и снаружи.— Удобство дома, и на улицѣ. — Общественные экипажи, омнибусы и пароходы. — Общій совѣтъ петербуржцамъ. — Нѣчто г. Зарудный и разсказъ о его *справедливомъ негодованіи* и объ англійскомъ хлыстѣ. — Нынѣшнее петербургское лѣто. — Печальная участь городскихъ жителей. — Городскіе общественные сады. — Загородныя гулянья. — Полуостровскіе нравы и буетчикъ Кене, сортирующий публику. *Пять цѣлковыхъ*. „Сказочная быль“ — полуостровская легенда. — Нѣсколько словъ о фельетонистѣ Голоса, о гоголевскомъ Осипѣ (въ Ревизорѣ) и о литературныхъ «Осипахъ». — Фельетонистъ Голоса вторгается въ частную жизнь молодой дѣвушки, а А. А. Краевскій гладитъ его за это по головкѣ. — Продѣлки одной московской газетки. — Провинціальныя вѣсти.—Губернскій педагогъ-начальникъ, пойманный въ лихонствѣ. — Курьезная жалоба мелкопомѣстнаго курдюка и рѣшеніе уѣзднаго суда.—Публичныя лекціи въ г. *Вотарастъ*.—„Черноозерскій“ дворянскій клубъ и его правила.—Могутъ ли художники быть членами собранія, а повивальныя бабки его посѣтителницами?!. Отрывки изъ моего „провинціального дневника“.—Нѣкоторыя черты изъ жизни города *Кумысинска*.

И вотъ я опять въ Петербургѣ. Я возвратился въ него въ то самое время, когда все населеніе невской столицы спасается бѣгствомъ изъ пыльнаго, душнаго города.

Казанская дамба, симбирскія грязи, самарскіе степи — все это снова осталось назади, и вокругъ меня опять грохочетъ петербургская мостовая, встаютъ невскія зданія и улицы.

Любезные провинціалы! Вы меня такъ хорошо кормили и угощали, вы такъ радушно предлагали свои объятія и пуховники, одиозково мягкіе, что я не могу не заплатить вамъ за это хотя

нѣкотораго рода утѣшеніемъ. Вы, мои сытые и разумные друзья, всегда съ такимъ вздохомъ говорили о Петербургѣ; его жизнь вамъ казалась до того обаятельной, что мнѣ, право, смертная охота пришла разуверить васъ въ вашихъ фантазіяхъ и показать, что тѣ именно стороны петербургской жизни, которыя васъ такъ плѣняютъ, вовсе не плѣнительны. Отдѣлите отъ Петербурга мыслящую часть его, стоящую одинокимъ особнякомъ, взгляните въ его внутреннюю жизнь, и этотъ „городъ фасадовъ“ явится передъ вами безъ блестящаго ореола.

Петербургъ постоянно бредитъ объ удобствахъ жизни, о необходимомъ комфортѣ и бредитъ по тому самому, что ихъ не имѣетъ. Не достигнувъ ихъ, онъ началъ себя надувать маскарадомъ, наружной представительностью. Его внѣшній комфортъ походитъ на тѣ домики деревенскихъ помѣщиковъ, которые къ лицевой сторонѣ безобразной избы наклеили раскрашенные доски въ видѣ башенъ, бельведеровъ съ флюгерами и флагами. Снаружи — замокъ, внутри — конюшня. Петербургскій комфортъ напоминаетъ тѣхъ гайдуковъ, стоящихъ за старо-модною барскою каретою, гайдуковъ, у которыхъ богатая ливрея блеститъ яркими прозументами, а въ старыхъ сапогахъ выглядываютъ пальцы и изъ-за галстухъ въ видны лохмотья грязной рубашки. Новыя формы общественной жизни Петербургу не дались, и онъ усвоилъ себѣ только одну ихъ внѣшность, не разставшись въ то же время съ примѣсю всѣхъ старыхъ боярскихъ преданій, вывезенныхъ изъ Москвы и провинціи.

Петербургъ — нашъ сѣверный Константинополь. Его восточная физиономія не спрячется ни подъ какими европейскими брелоками и наколками. Онъ часто дивитъ безумной роскошью восточнаго сатрапа, напускаетъ пыль въ глаза, но въ то же время не создалъ себѣ необходимыхъ, будничныхъ удобствъ, тѣхъ мѣщанскихъ удобствъ, безъ которыхъ европейскій челоуѣкъ обойтись не можетъ.

Къ Петербургу мы всегда относимся, какъ къ *мальчику, подающему большія надежды*“ (и онъ дѣйствительно подаетъ большія надежды), но бѣдъ, нельзя же вѣчно отговариваться своимъ несовершенствомъ, нельзя же Петербургу востоянно пѣть романъ А. Фета:

Я дятя—меня балуютъ,  
Я дятя—меня цалуютъ  
Боже мой,—онъ

И не знаютъ, что волнуетъ,  
Мучить все во мнѣ...

У этого ребенка уже пробился усъ надъ губой, а онъ на усъ ничего не мотаетъ и только старается подражать походкѣ и манерамъ своихъ старшихъ братій, не сознавая, что и манеры, и походка, какъ и самая физиономіе, вырабатывается изнутри, изъ внутренняго содержанія.

Великолѣпныя улицы! великолѣпныя зданія! блестящіе магазины! Все это открывается съ птичьяго полета, но такъ какъ мы не птицы, и такъ дерзки, что хотимъ жить на этихъ великолѣпныхъ улицахъ, въ этихъ великолѣпныхъ домахъ, такъ какъ насъ занимаетъ болѣе ихъ закусная обстановка, то мы скоро съ кичливой гримасой будемъ смотрѣть на это наружное великолѣпіе, какъ на лицо изношенной камелии, разрисованное художниками пизъ косметическаго магазина. Не говоря уже о цѣлыхъ городскихъ кварталахъ, зачумленныхъ бѣдностью, татарской неопрятностью и грязью, гдѣ мечтать о необходимыхъ удобствахъ такъ же нелепо, какъ цѣлпо въ киргизъ кайсацкой степи искать итальянской оперы, — не говоря уже о многихъ мрачныхъ катакомбахъ, гдѣ до поры до времени жить можно только по силѣ инерціи, — мы заглянемъ въ какойнибудь любой великолѣпный домъ Петербурга и, отбросивъ въ сторону славянскую невзыскательность, посмотримъ, какое удобное помѣщеніе можемъ избрать себѣ.

— Прежде всего, какова въ домѣ лестница; каково *амбре*? думаетъ про себя петербургскій буржуа, отцѣвляясь осматривать новую квартиру въ подобномъ великолѣпномъ домѣ.

— На лестницѣ—картины; на лестницѣ—цвѣты и ковры. На лестницѣ пахнетъ лежалымъ швейцарскимъ сыромъ и... швейцаромъ. Буржуа самодовольно улыбается.

Комнаты много, но ихъ размѣщеніе имѣетъ какой-то гаремный характеръ. Въ переднихъ комнатахъ—въ комнатахъ *для друзей*, для гостей—просто и весело. Обои цвѣтисты и ихъ рисунки могутъ вполне замѣнить намъ картины, потому что мы чужды артистическихъ потребностей: наши стѣны мы предназначаемъ не столько для картинъ, сколько для таракановъ.

Комнаты заднія, назначаемыя для труда, покоя и отдыха, однимъ словомъ для нашей внутренней, домашней жизни, — темны, малы и неуютны. Есть цѣлый покой съ мраморной ванной, но нѣтъ уютнаго уголка для вашей прислуги, которая въ правѣ рассчитывать на особенное помѣщеніе, потому что тоже имѣетъ право

на отдыхъ, а на ея долю достается часто чуланъ, или же дѣларшина земли гдѣ нибудь за шпирманъ въ темноѣмъ корридорѣ. Мраморныя камины и двери съ сломанными замками, зеркальныя окна и грязная задняя дѣстница, отъ мѣзмовъ которой можно получить сибирскую язву, вапъ и отъ темныхъ, гноящихся володцевъ, называемыхъ петербургскими дворами. Великолѣпныя *антрес* рѣдко освѣщаются газомъ: въ лампахъ чахнетъ угарный фотогенъ, и еще за-долго до ночи лампы потухаютъ. Вообще огонь и вода не входятъ въ удобство нашей жизни. „Общество водопроводовъ“ вѣрнѣе можно назвать „обществомъ застрахованія города отъ воды“. Мы вспрыскиваемъ свои желудки едой изъ грязныхъ канавъ и пивомъ съ разными подозрительными приправами. Въ ресторанахъ и гостиницахъ насъ отучаютъ отъ брезгливости, и если мы, какъ китайцы, не ѣдимъ пауковъ, за то за частую ловимъ въ соусахъ разныхъ домашнихъ наѣдомыхъ. Что жъ, впрочемъ, это за бѣда! Увѣрила же меня недавно въ провинціи одна барышня, которая „гражданскіе мотивы“ довела до пересолу, что носить бѣлье и мыть лицо человѣку нѣтъ никакой надобности. Какъ демократъ, я сконфузился отъ этихъ словъ, потому что былъ въ ту минуту въ чистой голландской рубашкѣ.

Лѣтомъ петербуржецъ поимѣщается на своихъ дачахъ еще съ большимъ комфортомъ. На его окнахъ — марензы, и онъ, какъ маркизъ, не обращаетъ никакого вниманія на то, что съ потолка просачивается дождь, а стѣны колеблются отъ вѣтра, какъ театральная завѣсъ. Въ его саду роскошныя клумбы цвѣтуть, а его дачная кухарка часто бѣгаетъ цѣлое утро, чтобъ за двойную цѣну купить къ обѣду нѣсколько фунтовъ хорошей говядины.

Если вы имѣете свой экипажъ и лошадей, то, разумѣется, можете спокойно совершать путешествіе по городу. Но вы ихъ не имѣете — вы идѣтесъ на какія нибудь общественныя учрежденія, но въ замѣнъ ихъ получаете только одни обѣщанія изъ устройствъ дешевыхъ общественныхъ каретъ и крытыхъ дрѣжекъ. Петербургскій ваньга предлагаетъ вамъ свой безобразный экипажъ съ крыльями, и вы на каждомъ шагу можете слетѣть съ нихъ въ какую нибудь водопроводную яму. А не то сажаютъ васъ въ городскіе, или дачныя omnibusы, запряженные испогребенными клячками, и вы въ этихъ передвижныхъ чможданахъ задыхаетесъ отъ духоты и жару. Ведяныя сообщенія не лучше сухопутныхъ. Изъ рѣчной пароходъ усаживаютъ часто столько публики, что важне гдѣ сѣсть, и вы, стоа, путешествуете въ продолженіе цѣлаго



часа. Изъ трубъ вырываются искры, и эти „блестки“ и „изгарь“ сжигаютъ платье, шляпки и дамскія вуали.

Остается одно удобство: ходить пѣшкомъ. Но, вы думаете, это безопасно? Ничуть. Петербургскіе дома имѣютъ привычку, подобно Эгивъ, пазвергать изъ себя кирпичи и камень, а зимой и пѣзья ледяныя лавины, летящія на голову скромнаго пѣшехода. Пешожденіемъ уличныхъ рысаковъ занимаются цѣлыя изданія, спеціально этимъ рысакамъ посвященные, но отъ ихъ изобговъ пѣшеходы все-таки продолжаютъ страдать.

Какъ видите, удобства—повсюду, на каждомъ шагу. И я только слегка еще коснулся этого вопроса. И такъ:—

Господа! Не спорьте!  
 Право, годъ отъ году,  
 Бредя о комфорте  
 Вы толчете воду.  
 Съ вдохновеннымъ жаромъ  
 Расхвалите ваны,  
 И съ возмущеннымъ старымъ  
 Нащипайте ваны.  
 Не боясь канакки,  
 Дети новой расы,  
 Воду изъ фонтанки  
 Пейте безъ гримасы.  
 Славьте, взявши лпы,  
 Русскіе поэты—  
 Пышныя квартиры,  
 Значимыя буфеты,  
 Роскошь нѣжной моды,  
 Прелесть небосвода,  
 Занья, паркетъ,  
 Эль Андрея Крома,  
 Невскіе журналы  
 «Голось» и... другіе,  
 Невскіе скандалы,  
 Сердцу дорогіе,  
 Фатовъ и камелій,  
 Думу съ казанчюю,  
 Красоту панелей,  
 Съ прочной мостовою.  
 Пой пѣвецъ, какъ Пушкиняъ,  
 Справедливъ, какъ Шпшкняъ,  
 Смѣль будь, какъ Якушкняъ,  
 Мягокъ, какъ Дудышкняъ.

Жаловаться, негодовать въ ваши счастливыя дни совершенно бесполезно. Впрочемъ пѣтъ, извините, — дозволяется только одно *благородное негодованіе*, о которомъ повѣствуютъ намъ нѣкто г. Зарудный. Дѣло, изволите-ли видѣть, состоитъ вотъ въ чемъ: нѣкто г. Зарудный написалъ пѣтестъ противъ себя самого. Послѣ А. Григорьева это только второй случай самообличенія. Письмо г. Заруднаго, помѣщенное въ «Петербургскомъ листѣ», я не могу понять иначе, какъ самообличеніе, потому что самое главное обвиненіе авторъ возводитъ на себя одного.

У г. Заруднаго есть свои дорогой породы лошади, но это еще не сѣда. Г. Зарудный любитъ кататься на своихъ дорогихъ лошадяхъ, и это тоже не бѣда, лишь бы только эти дорогие лошади не давили прохожихъ. Но вотъ тутъ-то и начинается самообличеніе.

Г. Зарудный на своихъ дорогихъ лошадяхъ съ англійскимъ хлыстомъ въ рукѣ катался въ шарабанѣ по Старой деревнѣ. Проезжая мимо дачи кн. Эристова, г. Зарудный наткнулся на двѣ кареты, которыя стояли у подъѣзда. У г. Заруднаго начались первые признаки негодованія. Негодованіе это усилилось, когда ему тутъ же вмѣстѣ съ каретами попалась чухонская тележка, и въ ней чухонецъ, ѣдущій на своей лошади. Негодованіе г. Заруднаго сообщилось его дорогимъ лошадямъ, и они прѣзались между каретами и чухонской таратайкой. Г. Зарудный *только* (пишетъ онъ) *взмахнулъ своимъ хлыстомъ*, чтобъ прогнать дерзкаго чухонца. *За это*, продолжаетъ онъ, *одинъ изъ извозчиковъ кареты* сталъ кричать на него. Тутъ г. Зарудный не выдержалъ и *въ пылу справедливаго негодованія стегнулъ его хлыстомъ*. Все это пишетъ самъ г. Зарудный. Многие думаютъ, что онъ обличаетъ грубаго извозчика, но мнѣ кажется, что онъ протестуетъ противъ себя или противъ англійскихъ хлыстовъ, которые имѣютъ свойство возбуждать справедливое негодованіе въ рукѣ кровнаго славянина. Такое искреннее самообличеніе по своей наивности должно непременно возбудить въ насъ участіе къ г. Зарудному, и мы совершенно принимаемъ его сторону:

Изъ положенія труднаго,  
Выходъ извѣстно какой:  
У господина Заруднаго  
Хлыстъ былъ тогда подъ рукой.

Суровость и холодъ невскаго лѣта вошли въ непреложную истину. На этой темѣ упражнялись поэты, прозаики и фельетонисты нѣсколькихъ поколѣній. Всѣ любили

Надъ природой подтрунивать нашей.

Между тѣмъ лѣто нынѣшняго года измѣнило своему постоянному надприродному характеру. Два мѣсяца жаръ стоялъ нестерпимый; дни душны, какъ и ночи. Солнце палитъ и жжетъ съ какимъ-то ослѣпительствомъ, чисто по-африкански. Петербургъ лѣтомъ всегда отвратителенъ, но въ нынѣшній лѣтній сезонъ городская жизнь сдѣлалась совершенно невыносимой. Все, что не могло или не успѣло переселиться за городъ, задыхается въ пыли и духотѣ невской столицы. Городской житель не имѣетъ возможности носу высунуть для прогулки, потому что Петербургъ такъ предусмотрительно построено, что своимъ обитателямъ

Просить для прогулокъ  
Подальше выбрать закоулокъ,

подальше, гдѣ нибудь за чертой города. Петербургъ своей постройкой и разнѣщеніемъ напоминаетъ устройство канцеляріи. Въ канцеляріи все строго, чинно и опрятно, но за то въ ней изнаны всѣ удобства и разнообразіи частныхъ квартиръ. Дубовые столы съ стульями замѣняютъ покойную мебель; на окнахъ, въѣго цѣтговъ, картошки съ входящими дѣлами. Форменны лица, форменная обстановка! Точно таковъ и Петербургъ — эта громадная канцелярія. Для своихъ жителей онъ устроилъ широкія, до увынія правильныя улицы, устроилъ дома, магазины, присутственныя мѣста, площади, но не далъ имъ ни бульваровъ, ни садовъ, не далъ имъ мѣста для прогулки, для того вѣрно,

Чтобъ человекъ не базовался.

Лучшій изъ петербургскихъ садовъ — *Лѣтній*, больше походить на зеленую улицу, на пассажъ, чѣмъ на садъ. Это тотъ же Невскій проспектъ лѣтняго сезона. Его широкія аллеи, его столѣтнія деревья, подпертыя костылями, дышутъ самой оофициальной скукой. Случно дѣдушкѣ — Крылову въ этомъ саду.

Есть еще два сада — Юсуповъ и Демидовъ, выпавшіе на долю коломенскихъ жителей. Какъ не печальны эти сады, но задыхающаяся отъ пыли и жару Коломна и имъ радеховъка. Я заглянулъ

однажды въ одинъ изъ этихъ садовъ, и именно въ Демидовскій, и былъ пораженъ бѣдностью и уязвимою нищетой этого „общественнаго гулянья.“

Публика, заплативъ у входа по 20 к. с., тѣмной врывается на гулябище. Садъ большой, но обципанннй, рѣдкнй, съ худосочными деревцами и съ слудной травкой. Посреди сада сколочено изъ некрашенныхъ досокъ нѣчто въ родѣ стойла, гдѣ помѣщается оркестръ „воспныхъ музыкантовъ“, которые, можетъ быть, и въ ротъ не берутъ хлѣбнаго, но за то деруть ужаснѣйшимъ образомъ. Коломна однако ихъ слушаетъ, благо ей слушать лучше ничего не приходится. Для отдыха и трапезыванія гуляющей публики остроумный содержатель сада выстроилъ небольшой будочки со столиками и лавочками.

Я попалъ въ этотъ садъ, чтобъ спрятаться отъ дожда, но, увы! раздѣливъ участь всей его гуляющей публики. Сквозь потолокъ его будочки дождь мочилъ еще сильнѣе—подъ ногами образовалась лужа, и я предпочелъ лучше стоять подъ открытымъ небомъ, осѣнивъ себя зонтикомъ. А музыка между тѣмъ что-то пинцала... подъ палаткой лагернаго буста мелькали мекрлые шляпки и бурнусы... по грязнымъ аллеямъ бѣжали дождевые ручьи. Однимъ словомъ, прогулка удалась совершенно.

Дачная жизнь теперь въ полномъ разгарѣ. Въ Павловскѣ все тотъ же Штраусъ, то же благочиннѣ, тѣ же пятисотенные зонтики, таскаемые шкелѣфы и блестящнѣ наряды. Блестящая толпа наполняетъ, какъ и всегда, площадку и вонзаетъ, а *люблющая публика*, подѣвкая къ площадкѣ, какъ и прежде, изъ своихъ шкелѣшекъ слушаетъ Штрауса, не желая сближаться съ остальными гуляющими.

На минеральныхъ водахъ И. И. Излера, каждый вечеръ—гуля народу. На подмосткахъ излеровскаго театра являются образчики всевозможнаго искусства: тутъ и водевиль, тутъ и балетъ, и даже опера. Кромѣ того—акробаты, которые дѣлають такія вещи и прыжки, что даже становится противно смотрѣть на нихъ: въ этомъ искусствѣ человекъ уже нисходитъ до обезьяны. Но главное, чѣмъ И. И. Излеръ притягиваетъ къ себѣ публику—это новыми подвигами г. Пальмера, который ходитъ по доскѣ вверху ногами, вися головой въ воздухѣ. О, великнй Иванъ Ивановичъ Излеръ! Какъ же цѣнить его послѣ того петербургской публикѣ?

Есть еще и другнѣ гулянья по окрестностямъ петербурга. Есть Дѣснай институтъ, гдѣ публика влюбляется; есть Парголово, гдѣ на мѣстной горѣ, носящей названнѣ „Парнаса“, петербургскнѣ по-

эты ищутъ и не находятъ вѣдомія; есть Мурино, гдѣ всѣ страдаютъ отъ разстройства желудка, потому что объѣдаютъ по пяти разъ въ сутки; есть „Chateau de fleurs“ Еерсмова, гдѣ канканпруютъ, есть Полуострово и Тиволи, гдѣ... но здѣсь я долженъ остановиться, потому что этотъ благочестивый уголокъ стоитъ особаго вниманія.

Какъ ни солидна и ни скромна публика, собирающаяся на гулянья въ Тиволи, но его содержатель, г. Кене, относится къ ней, какъ самый строгій родитель, и наблюдаетъ, чтобъ ея характеръ не смущался никакой, по мнѣнію г. Кене, *неподходящею* физиономіею. Является, напр., на гулянье въ Тиволи (на публичное, замѣтьте, общественное гулянье, гдѣ за входъ платятъ деньги) дама. Дама эта,—кто бы она ни была,—попадаетъ на глаза наблюдательнаго г. Кене. Г. Кене вѣроятно опытный френологъ и мыслитель: лицо дамы, по размѣщенію нѣкоторыхъ линий, смущаетъ добродѣтельное сердце общественного опекуна, и онъ обращается къ ней съ предложеніемъ... не вѣтъ, позвольте уже лучше передать этотъ эпизодъ въ формѣ, болѣе эпической.

#### СЛОВОЧНАЯ БЫЛЬ.

(Полуостровская легенда).

Въ Тиволи гулянье... шляпки...

Въ садѣ мушкетеры, дамы злы,

Въ Тиволи мелькаютъ важки,

Ленты, брошки и сережки...

Лѣтній праздникъ въ Тиволи.

Шляпки, праздничные ланки,

Блескъ, перчатки Фремавто,

Цвѣта яркаго брусники

И бурнусы и манто.

Строгий видъ придавши минамъ,

Все Полуострово идетъ

Тихо, шагомъ журавлинымъ

И раскрыть не смѣетъ ротъ:

Эта публика здѣь знаетъ,

Что за нею въ сторонѣ

Очень зорко наблюдаетъ

Строгий менторъ ихъ—Кене.

Всѣмъ въ лицо смотря упрямо,

Онъ стоитъ и, вдругъ,—скандалъ!—

Промелькнула мимо дама  
И направилась въ вокзалъ.

Онъ за ней слѣдить агъ,  
Та въ аллею быстро шла  
Но в семая аллея  
Эту даму не спасла.

Съ быстротою френолога,  
Съ злой улыбкой на устахъ,  
Подозрительнаго много  
Онъ нашель въ ея чертахъ.

Дама—влѣво, дама—вправо,  
Все лицо ея въ огнь,  
Но за ней, дрожа отъ гнѣва,  
Неотвязно шель Кене.

Наконецъ онъ къ ней подходитъ  
И, закончивъ свой обзоръ.  
Съ незнакомою заводитъ  
Онъ нѣтнмный разговоръ.

Улыбается пріятно,  
Ловко дѣлаетъ поклонъ.  
— «Не угодн-ль вамъ обратно  
Изъ воксала выйдти вонъ».

Та—молчить. Онъ просить снова:  
— «Уходите, — я не лгу,  
И за это отступнаго  
Пять рублей вамъ дать могу.

Я подобную замашку  
За собою утвердилъ...  
И кредитную бумажку  
Онъ въ карманъ ей опустилъ.

Съ этихъ поръ,—такъ ходять слухи—  
Всѣ камелин теперь  
Молодые и старухи—  
Въ Тиволи стучатся въ дверь.

И у техъ воротъ садовыхъ  
Просять жалосно онъ:  
— «Дайте каждой пять цѣлковыхъ—  
Мы уйдемъ М-г Кене!»

Такой случай, можетъ быть, покажется невѣроятнымъ, но г. Кене дѣйствительно, занимаясь классификаціей своей публки, предлагать одной госпожѣ 5 р. сер. съ тѣмъ, чтобъ она удалилась съ его гулянья. Такое неуваженіе къ публнкѣ, с ртируемой по произволу каимъ-то господиномъ Кене—просто въ тунгѣ ставить, но полуостровенная публка такого олекою видимо не тяготится, и привыкла къ своей домашней ценсурѣ.

На ряду съ г. Кене, я могу поставить только фельетониста „Голоса“. Странное дѣло! Между ними обонки существуетъ непримиримая вражда, тогда какъ они совершенно достойны одинъ другаго по своимъ подвигамъ, и между ними существуетъ полнѣйшая солидарность.

Фельетонисты, подобны фельетонисту „Голоса“, въ своихъ тенденціяхъ не пошли даже Осипа въ „Ревизорѣ“ Гоголя. Осипъ даже лучше—онъ Хлестакова, каковъ онъ ни на есть, не промѣняетъ ни на какого другаго барина въ мірѣ. А эти...—„Эй ты, Осипъ!“ крикветъ имъ одинъ литературный баринъ: ступай, братецъ, въ мою газету; да смотри—либераломъ будь, консерваторовъ хорошенько ругай.“ И идетъ Осипъ въ газету, либеральничаетъ и консерваторовъ ругаетъ. Но времена перемѣнились, и Осипъ попалъ въ другую газету къ другому барину.

— Эй, ты, Осипъ! Ты смотри, у меня не либеральничай, молкососовъ этихъ допекай, а не то—пресоню.

— Слушаю-сь! И Осипъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ утѣшить свое начальство.

У „Голоса“ звелся тоже свой Осипъ: что прикажутъ ему, то онъ и сдѣлаетъ, хоть изъ 45 губерній корреспонденціи будетъ одинъ сочинить. Изъ угожденія онъ иногда и пересолигъ: на то онъ и Осипъ.

— „Въ дорогѣ всякая веревочка пригодится“, говорилъ гоголевскій Осипъ, а Осипъ газетный увѣренъ, что даже и чрезмѣрная услужливость скорѣе поможетъ ему, чѣмъ повредить. Ну, и старается...

Фельетонистъ „Голоса“, въ пылу своей угодливости, въ такой азартъ однажды пришелъ противъ общественныхъ протестовъ, что, указывая на одинъ фактъ, воскликнулъ: *гниусное время! теперь даже и петербургскіе мѣщане протесты пишутъ!..*

Вотъ аусгъ же и зарубить у себя на носу всѣ мѣщане, что протесты—дѣло барское, а не ихъ ума работа; пусть знаютъ, что газетные Осипы имъ за это спуску не дадутъ.

Было время въ русской журналистикѣ, когда появленіе какого

небудь литературнаго „Осипа“ возбуждено всеобщее негодованіе, но это время миновалось. Осиповъ развелось тѣмъ тѣтушая.

Однакъ баринъ приболѣлъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, дану въ вагонѣ— и его имя тогда сдѣлалось изворникомъ ругательствамъ. А что вы скажете о такомъ случаѣ? Фальшивость „Голоса“, говоря о полостровскомъ гуляньѣ, началъ тономъ Осипа трюнить надъ тѣмъ, что такой-то господинъ ухаживаетъ за такою-то особой, и что эта особа, видѣвъ съ своимъ отцомъ, всѣмъ силами добивается расположенія интригуемаго ею господина. Однимъ словомъ, онъ бросаетъ грязью въ интимныя отношенія частныхъ людей, не-извѣстныхъ публикѣ, но извѣстныхъ въ околоткѣ, загѣзаетъ своими грязными руками во внутреннюю жизнь молодой дѣвушки, которая не можетъ защищаться отъ такихъ гнусныхъ нападковъ печатно, и, какъ женщина, лишена возможности лично объясниться за оскорбительныя намеки.

О, Андрей Александровичъ! Не изъ любви къ дѣлу журналистики, въ которому вы относитесь извѣстнымъ образомъ, но хоть бы изъ за репутаціи своей газеты, обратили бы вы вниманіе на то, что услужливость вашего Осипа переходить уже должныя границы: припомяните басню: „Медеѣ и пустыльникъ“!..

Г. Конецъ публично скажетъ на своемъ гуляньѣ этотъ Н. „Голоса“ и это, разумѣется, и дико, и смѣшно, потому что литературныхъ Осиповъ не проймешь такими нравственными пораженіями. \*)

Но чего на свѣтѣ не дѣлается?

Бываетъ хуже — съ рукъ соидеть.

Есть, напримѣръ, въ Москвѣ одна мизерная газетка, которую никто не читаетъ, но которая все-таки существуетъ какимъ-то образомъ. Представлена была въ эту редакцію статья съ изложеніемъ дѣла о составленіи одного фальшиваго завѣщанія лицами не мелкаго калибра. Кормчій газетки, сообразивъ, что дѣло это — лакомый кусочекъ, вздумалъ обличеніе возвести на степень выгодной аферы. Избираетъ онъ посредника и посылаетъ его съ этой статьей къ одному изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, играющихъ роль въ составленіи духовнаго завѣщанія.

\*) Обо всемъ этомъ что скажете вы г. Альбертини — вы, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Голоса“? Безъ шутокъ, очень интересно знать, какъ вы относитесь къ дѣяніямъ вашихъ соотавителей по газетѣ? какъ дышете вы въ такомъ обществѣ?



Прочиталъ онъ статейку, и его скрючило.

— Чего жъ вамъ нужно?

— Статья эта не будетъ напечатана, если дано будетъ 3 тысячи рублей, иначе... Обвиненный струсилъ, но 3 т. все-таки не далъ, а предложилъ 1000 р., потомъ 1,500 т. Дѣло разошлось, и статья была напечатана.

Фактъ кричитъ самъ за себя... Заглянемъ теперь лучше въ провинціальныя улусы...

Въ X-ой уѣздный судъ поступило недавно прекуррезное прошеніе одного мелкопомѣстнаго землевладѣльца Себѣ-на-умѣ. Передамъ только главную сущность его просьбы:

«Рядомъ съ моимъ помѣстьемъ находится имѣніе дѣвицы изъ дворянъ Оберихиной. Съ оною дѣвицею я былъ знакомъ съ дѣтства и вмѣстѣ съ нею воспитывался. Когда родственники дѣвицы Оберихиной умерли, то она сдѣлалась единственною владѣтельницею имѣнія, и въ это время дружескія отношенія наши не прерывались. Однажды, въ бытность нашу въ городѣ, зашелъ я съ оною дѣвицею въ галантерейный магазинъ, гдѣ стала любоваться большою иконою въ золотомъ окладѣ. Дѣвица Оберихина, замѣти мое восхищеніе, сказала мнѣ: „другъ мой, вамъ нравится эта икона?“ Когда я сіе подтвердилъ, то дѣвица Оберихина сказала мнѣ: „я куплю и подарю вамъ оную икону.“ Икона стоила 600 р. с. Въ скоромъ времени послѣ того я заболѣлъ и не выходилъ изъ дому. Когда дѣвица Оберихина навѣстила меня, то удивилась, что лекарство мое стоитъ нераспечатанное, а потому спросила меня:—другъ мой! почему вы не принимаете лекарство?“ На это я ей отвѣчалъ: „Такъ какъ у меня нѣтъ часовъ! а лекарство это нужно принимать аккуратно черезъ 1<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часа, иначе же оно можетъ принести вредъ, то я считъ лучшимъ вовсе не принимать его.“ Выслушавъ сіе, дѣвица Оберихина вынула изъ кармана золотыя часы, осыпанные бриллиантами, и сказала мнѣ, что, когда я буду здоровъ, она подаритъ мнѣ оныя часы. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, но дѣвица Оберихина не подарила мнѣ ни иконы обѣщанной, ни часовъ. Поэтому прошу уѣздный судъ принять мѣры къ востребованію съ оной помѣщицы слѣдующихъ мнѣ вещей или денегъ за нихъ—

всего 1100 р, а буде она такихъ денегъ не имѣть, то приступить къ опишу ея имѣнія“.

Какъ вамъ понравится такая просьба?

Уездный судъ вызвалъ дѣвицу Оберихину, но такъ какъ она на 3 вызова не явилась почему-то, то онъ хотѣлъ, по желанію истца, приступить къ опишу ея имущества. Когда дѣвица Оберихина узнала объ этомъ, то взяла себѣ адвоката и дала ему полную довѣренность въ этомъ дѣлѣ. Адвокатъ попался находчивый: онъ отправился къ испцу, взялъ съ него 100 р., а въ уездный судъ отнесся, что дѣвица Оберихина противъ рѣшенія суда (т. е. опишу ея имѣнія) ничего не имѣетъ“.

Когда бѣдная женщина узнала объ этой грязной интригѣ, аппеллировать было уже поздно, и она должна вылатить деньги другу своего дѣтства.

Свѣж) предаііе, а вѣрится съ трудомъ.

„Мы — патриархалы“, говорятъ провинціалы, и на этомъ основаніи живутъ спустя рукава, по вольности дворянства. Патриархальность эта заражаетъ часто *свѣжихъ*, заѣзжихъ людей: съ волками жить — по волчьему выть. Въ горѣ *Воторасль* одному докторанту вадумалось открыть публичныя лекціи физиологій и анатоміи. Воторасовцы, чтобъ убить вечеръ, да чтобъ и отъ моды не отстать, стали посѣщать лекціи. Читанія начались, но провинціальный *ученый* сильно огорчилъ публику. Начинаетъ онъ, напр. толковать съ кафедры о физиологій, да увидитъ вдругъ входящаго въ залу знакомаго — и начнетъ ему поклоны и вольдушные посланія посылать. Иной же разъ даже съ кафедры сбѣжитъ, чтобъ позать посѣтителю руку, ну, а потомъ и опять за физиологію.

Публика сердится, но сердятся не за неуваженіе къ наукѣ (еще бы!), а за неуваженіе къ ея достоинству.

Въ томъ же самомъ градѣ стоитъ питейный домъ, а въ питейномъ домѣ — фотографія. Благородная патриархальность!...

Хорошо еще, когда патриархальность — непосредственна и дика только по своей натурѣ, но скверно, когда она разогрѣвается въ провинціальныхъ мозгахъ. Вотъ тому примѣры. Въ *Черноозер-*

скомъ дворинскомъ клубѣ были составлены проектъ новаго устава. Въ проектѣ этомъ былъ параграфъ о допущеніи студентовъ въ клубъ. Въ клубѣ начались шумныя засѣданія и пренія по этому вопросу, и все большинство протестовало противъ этого злокачественнаго параграфа. Не говоря уже о главномъ нравственномъ двигателѣ подобныхъ преній, полюбуйтесь только логикой черноозерскихъ протестантовъ. Студентовъ пускать въ клубъ не готребно, ну по-ложимъ; если же иного студента, котораго не выносить университетская среда, (и такіе вѣдь попадаются иногда) удалить изъ университета, то этотъ отверженный имѣеть право на входъ въ клубъ. Неужели чугунные котлы, припаенные къ шеи черноозерскихъ мудрецовъ, перевариваютъ подобныя нелѣпости? Видно, что перевариваютъ....

Есть еще другой городокъ *Идростокъ*. Существуетъ въ немъ клубъ, называемый коммерческимъ. По клубнымъ правиламъ, всѣ *артисты* и *художники* не могутъ быть членами клуба.

— Какъ, почему? спросите вы. На какомъ основаніи?

Да только на основаніи клубныхъ правилъ. Художникъ, говорить коммерція, — значитъ разными „художествами“ занимается... Та же самая „коммерція“ рѣшила, что *повивальныя бабки* не должны быть пускаемы въ ихъ собранія, ибо они такого почета недостойны.

Пока довольно тѣхъ фактовъ. Къ чему о нихъ рассказывать?

Дураковъ не убавишь въ Россіи,

А на умныхъ тоску наведешь.

Заключу теперь свои замѣтки отрывками изъ своего „провинціального дневника“ и *finita comedia*

*Городъ Кумысинскъ. Начало мая. „... Когда я немного оглядѣлся въ Кумысинскѣ (а оглядѣться тамъ весьма не трудно), и не могъ понять, почему кумысинцы такъ гордо рассказываютъ о пропѣваніи своего города. — Это — Америка, Америка! твердятъ они, широко разводя вокругъ себя руками. Гм! Америка! Ужь не та-ли, которую открылъ намъ А. А. Краевскій? До кумысинцевъ дошелъ слухъ, что въ Америкѣ города возникаютъ съ пе-*

вѣроятною быстротою, а такъ какъ въ ихъ градѣ есть „новыя улицы“, гдѣ видны безконечныхъ заборовъ означеніи будущія городскія улицы, то они и считаютъ себя американцами.

Блаженъ, кто вернетъ тепло дому на снѣгъ!

Впрочемъ, Кумыспискъ я долго не забуду, потому что въ продолженіи двѣхъ недѣль моего пребыванія „въ городѣ будущаго“, меня укладывали тамъ на такой сладострастный пуховикъ, что я нерѣдко, проснувшись ночью, ощущивалъ самого себя, желая узнать—не обратился-ли я въ коробочку? Хорошая постель, господа, что ни говорите, вещь очень пріятная, и лучше спать на мягкомъ пуховикѣ, чѣмъ дремать надъ какой нибудь книгой, набитой мочалою.

Вообще, Кумыспискъ, какъ городъ еще неродившійся, состоящій только въ проектѣ, я имѣю полное право хвалить, какъ имѣю полное право ожидать отъ неродившихся дѣтей гениальныхъ способностей и великихъ гражданскихъ доблестей. Въ настоящее же время меня пѣсни въ немъ только два мѣстныхъ продукта: песокъ, въ которомъ купается весь городъ и раки такой громадной величины, что я принялъ ихъ сначала за туземныхъ жителей, и разочаровался въ этомъ только тогда, когда узналъ, что тамошніе раки ходятъ задомъ напередъ гораздо быстрее, чѣмъ кумыспискіе обитатели.

Самого города, его мѣстоположеніе, его характеръ я описывать не стану, во-1-хъ потому, что это ужасно скучно и глупо, а во 2-хъ можно-ли описывать городъ, который существуетъ болѣе въ идеалѣ, чѣмъ въ дѣйствительности? Я бродилъ по его проектированнымъ, пустымъ улицамъ и черезъ каждые десять шаговъ останавливался и, всплескивая руками, восклицалъ: Боже мой! я увѣренъ, что скоро, очень скоро, черезъ какихъ нибудь пятьсотъ лѣтъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, на мѣстѣ этого пустыря, будетъ воздвигнуто какое нибудь великолѣпное зданіе: здѣсь будетъ университетъ, тамъ публичная бібліотека, здѣсь — грандіозная биржа, тамъ городская больница... Я восхищался этими роскошными произведеніями и не смущался даже тѣмъ, что не могъ отыскать въ цѣломъ городѣ четверки сколько нибудь сноснаго табуку.

Черезъ два дня. Между дамами здѣшними — переполохъ и страшное смущеніе. Ужась и негодованіе — обуяло нѣтъ всякаго дѣше кумысинская „первая дама“, которая очень любитъ чернышествованья, и та пришла въ бѣшеніе.

Что же случилось, извѣстнее, ради Бога, скажите?

Случилась въ самомъ дѣлѣ ужаснѣйшая бѣда. Вотъ что я узналъ. По случаю пѣсни одной изъ кумысицъ устроилъ на площади для народа качели и пазатки. Ну-съ, вздумалось одной первой дамѣ посѣтить это народное гулянье, вздумалось ей самой съѣсть на качели, и (о, ужась!) она тотчасъ же исполнила это желаніе... И вотъ всѣ барыни переполошились, негодовали и... все-таки ѣздили къ ней съ визитами. По всему видно, что американизм!... Кумысинскія дамы, говорятъ, очень любятъ рыцарство. Рыцарей къ несчастію является мало. Впрочемъ мнѣ указывали на одного рыцаря: молодца!.. Извѣстная онъ одной провинціальной Дульциней; таялъ, таялъ и наконецъ разразился молотомъ.

— Все, говоритъ, для васъ готовъ сдѣлать...

Дульциней начала шалить. — „Вы только на словахъ — рыцарствуете, а вотъ попроси я у васъ пальца своего — вы и пальца пожалѣете.“

Рыцарь поблѣднѣлъ блѣдностью героя, и лицо его приняло выраженіе Муція-Сцеволы. Онъ скрылся.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этой сцены онъ снова является передъ „коварной“, и на поднось подаетъ ей... свой палець...

Вотъ каковы бываютъ черноземные рыцари!..

На другой день. Въ Кумысинскѣ нѣтъ актеровъ, но есть театръ, а у пустаго театра — есть директоръ. Директоръ слыветъ здѣсь за „сочинителя“. Почему онъ слыветъ за него — я понять не могъ. Впрочемъ, эта молва имѣетъ одно основаніе: нѣкогда этотъ „директоръ пустаго театра“, издавъ прихорорасхѣдную книгу съ бѣлыми разграфленными листами и съ рубриками такого рода: „идѣ я сегодня обидѣлъ“, „какой характеръ у моего знакомаго“ и пр. въ этомъ родѣ. Книгу эту онъ почему-то называлъ: Memento mori и, вѣроятно, это остроумное названіе принесло ему въ провинціи титуло „сочинителя“. Это мнѣ напоминаетъ одну публикацію, въ петербургскихъ полицейскихъ

вѣдомостяхъ, которая гласила такъ: „однѣ писатель и казначей  
ничего мѣста домашняго секретаря“.

Директоръ кромѣ составленія своего „Memento mori“ принимался за различныя спекуляціи: онъ создавалъ фабрики, которыя лопались, содержалъ городскіе омнибусы, выводилъ въ египетскихъ негахъ цыплятъ и чуть ли не доискивался философскаго камня и тайны — изъ разной дряни дѣлывать золото. Когда всѣ его предпріятія пошли прахомъ, онъ въ утѣшеніе занялъ себѣ книжку, въ которую вписывалъ именами всѣхъ людей, его обманувшихъ.

При свиданіи съ нимъ я поинтересовался узнать, на какой цифрѣ въ настоящее время онъ остановился въ своемъ спискѣ.

— Да вотъ-съ вчера — сорокъ восьмага вписалъ-съ! отвѣтилъ онъ мнѣ съ такимъ самоудовольствіемъ, какъ будто бы онъ открылъ сорокъ восемь гениевъ.

Этотъ „директоръ пустаго театра“ далъ мнѣ билетъ на „спектакль любителей“.

— Сходите-съ! Отлично играютъ-съ...

*Черезъ день.* Любители рѣшились дать Островскаго: „Не въ свои сани не садись“. Какъ же не посмотреть? И вотъ я въ театрѣ. Публики собралось много, но „любители“, сознавая, что они не какіе нибудь актеры, не обращали никакого вниманія на публику, и за опущеннымъ занавѣсомъ раздавался самый отвратительный хохотъ. И вотъ представленіе началось. Бѣдный Островскій! Я смотрѣлъ — и страдалъ при каждой сценѣ. Роль своихъ никто не зналъ; какой-то баринъ въ роль пріятеля Русакова, для потѣхи райки, навлепалъ себѣ огромный носъ, а лицо размазалъ красной краскою. Во время игры „любители“ переглядывались и перемигивались съ партеромъ. Только роль одного Богородкина и была порядочно сыграна, а остальные... но объ этомъ и говорить совѣстно. Всѣ, дѣйствительно, сѣли не въ свои сани. Не лучше-ль было играть что нибудь изъ Дьячки или изъ Потѣхина 2-го, а то вдругъ — Островскій!.. Впрочемъ, и то сказать: вина можно вволю выпить въ этой пьесѣ!..

Потомъ шелъ водевилъ «Купленный выстрѣлъ» съ тѣмъ же успѣхомъ (досадно, что вина нельзя было пить въ пьесѣ!). Англичанинъ игралъ одинъ пухлый господинъ, котораго за его раз-

вязность кумысинцы называютъ *душою общества*, хотя вѣрнѣе было бы назвать эту тушу—*тѣломъ общества*... Ну, за то же и ломался онъ въ ролѣ Англичанина, ухъ, какъ ломался...

Занавѣсъ опустился. Хлопали и вызывали; хлопалъ любителямъ и я. Очень хорошо, господа! Приду—опять пойду любоваться вами».

Далѣе не продолжаю выписокъ изъ дорожныхъ замѣтокъ, для того, чтобъ ужь очевь „гусей не раздражить“.



## КАБИНЕТЪ

ЧАСТНАГО СОДѢЙСТВІЯ КЪ ПРИМИРЕНІЮ ТЯЖУЩИХСЯ, И ДЛЯ СОВѢЩАНІЙ И ЗАНЯТІЙ ПО ИСКОВЫМЪ, ТЯЖЕБНЫМЪ И БРАКОРАЗВОДНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

Ходатай по разнымъ дѣламъ (адвокатъ), съ давнихъ поръ извѣстный, постоянно принимаетъ на себя ходатайство по всѣмъ дѣламъ; написаніе частныхъ, исковыхъ и апелляціонныхъ прошеній, учиненія изъ дѣлъ выписокъ, составленія рукоприкладствъ, проектовъ, смѣтъ, отчетовъ, условій, контрактовъ и вообще затруднительнѣйшихъ бумагъ по судебной и счетной части

Сюда могутъ адресоваться всѣ, ежедневно утромъ — съ 8 до 12<sup>1/2</sup>, а вечеромъ — съ 7<sup>1/2</sup> до 9 часовъ. Въ С. Петербургѣ по Большой Конюшенной д. Вебера № 13, кв. № 21, съ улицы отъ воротъ второй подъездъ.



## ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

- Въ 1. *Вязьму. Г. Амшину.* Жалоба ваша о неполученіи № 1-го „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, и получены отвѣтъ, что № 1-й посланъ февраля 25, при описи на Тверь, въ токъ за № 7.
- м. *Телемешты. Въ бібліотеку минскаго пѣхотнаго полка.* О неполученія бібліотекою полка № 3-го и 4-го „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что № 3-й посланъ апрѣля 23-го, а № 4-й—мая 30-го.
- 1. *Задонскъ. Г. Броневскому.* Жалоба ваша на неполученіе ни одного № „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, пзъ которой получены отвѣтъ, что книжки отправлены на имя ваше въ Задонскъ: № 1-й—февраля 25-го, № 2-й—марта 25-го, № 3-й—апрѣля 23-го, № 4-й—мая 28-го; о первыхъ 3-хъ №№ возвращены и почтовые карты и на двухъ сдѣланы отмѣтки, — что журналъ выданъ лично г. Броневскому.
- — *Зміевъ. Въ бібліотеку зміевского уѣзднаго училища.* О неполученіи бібліотекою №№ 1-го, 2-го и 5-го „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію, и получено отъ нея увѣдомленіе, что въ бібліотеку зміевского училища посланы № 1 и 2-й — апрѣля 12-го, № 5-й—іюля 2-го.
- — *Фатежъ. Г. Капринскому.* Перемяна сдѣлана на имя ваше, отъ г. Сутгова, съ № 4-го, въ Курскъ; этотъ № „Русскаго Слова“ высланъ вамъ туда изъ Газетной Экспедиціи 29-го мая.
- — *Онегу. Штатному смотрителю онежскаго уѣзднаго училища.* Жалоба ваша о неполученіи № 3-го „Русскаго Слова“ сообщена въ Газетную Экспедицію и ожидается отвѣтъ.
- — *Перелаславъ. Пашкевичу.* О неполученіи вами № 3-го „Русскаго Слова“ сообщено въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что № 3-й посланъ вамъ 23-го апрѣля, при описи на Кіевъ за № 22-мъ.
- — *Каменскій заводъ. Г. Иванову.* Неполученный вами № 6-й „Русскаго Слова“ за 1863 г. посланъ вамъ вторично 8-го іюля.
- сл. *Маньковку. Г. командиру изюмскаго гусарскаго полка.* Неполученные вами №№ „Русскаго Слова“ посылались вамъ въ Купяскъ, до извѣщенія вашего, отъ 19-го іюня, о перемѣщеніи въ Маньковку.
- 1. *Курскъ. Въ бібліотеку резервнаго эскадрона 7-го драгунскаго кинбурнскаго полка.* Жалоба о неполученіи за апрѣль и май „Русскаго Слова“ сообщена въ Газетную Экспедицію, которая увѣдомила, что № 4-й посланъ въ Фатежъ 1-го іюня, а № 5-й—іюля 2-го, туда же.

- *г. Щиры. Г-же Лесевичъ.* Жалоба ваша о неполученіи мартовской книжки „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 3-й посланъ вамъ апрѣля 23-го, а № 5-й—юля 2-го.
- — *Смоленскъ. Г. Субботину.* О неполученіи г-жею Поповою „Русскаго Слова“ № 10-го за 1863 г. сообщено въ Газетную Экспедицію и ожидается отвѣтъ.
- *м. Клодаву. Г. Лаврентьеву.* Жалоба ваша о неполученіи № 2-го и 3-го „Русскаго Слова“ сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая нынѣ уведомила, что книжки эти были посланы куда нибудь неправильно Варшавскимъ почтамтомъ, потому что № 2-й „Русскаго Слова“ возвращенъ былъ въ Санктпетербургскій почтамтъ и посланъ вторично вамъ 13-го іюня, а № 3-й тоже полученъ обратно и посланъ вторично 23-го іюня.
- — *Ливны Колышкевичу.* О неполученныхъ вами № 3 и 4 „Русскаго Слова“ сообщено было въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что они засланы были въ Ленкорань и по полученіи ихъ обратно посланы вамъ уже 10-го іюня.
- — *Трубчевскъ. Штатному смотрителю.* Жалоба ваша о неполученіи № 3-го „Русскаго Слова“, сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая отвѣтила, что № 3-й посланъ въ тѣкъ на Орель за № 70-мъ, 23 апрѣля.
- — *Дерптъ. Г. Безродному.* По уведомленію изъ Газетной Экспедиціи, № 2-й „Русскаго Слова“ посланъ вамъ 19-го марта.
- — *Духовщину. Г. Кулакуцкому.* Газетная Экспедиція сообщила, что № 1-й „Русскаго Слова“ посланъ вамъ февраля 24-го, а № 2-й—марта 24-го.
- На ст. Федоровку. Г. Бабанину.* Жалоба ваша о неполученіи октябрьской книжки „Русскаго Слова“ за 1863 г. сообщена въ Газетную Экспедицію съ просьбою немедленно удовлетворить васъ.
- Въ г. Астрахань. Въ Астраханскую палату государственныхъ имуществъ.* По полученіи жалобы, сообщено Газетной Экспедиціи о немедленномъ удовлетвореніи, — и полученъ отвѣтъ, что № 1-й посланъ февраля 24-го, а № 2-й—марта 24-го.
- — *Пензу. Въ Пензенскую палату государственныхъ имуществъ.* Жалоба о неполученіи январской книжки „Русскаго Слова“ немедленно сообщена была въ Газетную Экспедицію, которая уведомила, что № 1-й посланъ февраля 24-го.
- — *Бахмутъ. Г. Лулевскому.* Первая жалоба ваша о неполученіи ни одного № „Русскаго Слова“ была сообщена въ Газетную Экспедицію и посланы были книжки для удовлетворенія васъ *вторично*. О чемъ было упомянуто въ отвѣтномъ листкѣ при майской книжкѣ.

# СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

## ОТДѢЛЪ I.

- ПРОШЕДШЕЕ И БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ  
цивилизациі. . . . . Н. В. Шелгуновъ.  
Чайльдъ Гарольдъ. (Поэма Байрона. Пѣснь  
третья) . . . . . Д. Д. Минаевъ.  
ВИНОВАТА-ЛИ ОНА? (Романъ Ант. Троллоппа).  
ПОСЛѢДНЕЕ СТИХОТВОРЕНІЕ АНДРЕЯ  
ШЕНЬЕ. . . . . Ф. А. Орловъ.  
Ливановъ. (Записки семинариста. Продолженіе) Н. Осокинъ.  
ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ  
(Стать вторая). . . . . Д. И. Писаревъ.  
ГОЛОСЪ ИЗЪ СВЕРЫН. . . . . Ракитчъ.  
Денисъ Дюваль. (Романъ Тэккерея. Про-  
долженіе).

## ОТДѢЛЪ II.

### ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ УГОЛОВНАГО ПРАВА  
ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ (*Учебникъ уголов-  
наго права*, составл. В. Спасовичемъ. Два  
вып. Спб. 1868). . . . . Т. З.  
БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. . . . . Г. Б.  
Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Переведено подъ ре-  
дакціей М. Антоновича. Спб. 1864.—Война и миръ, изслѣдованіе о принципѣ  
и содержаніи международнаго права, соч. Прудона. Переводъ съ французскаго.  
Изданіе А. Черенина. М. 1864.—Метафизика любви, соч. Шопенгауера.  
Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1864.—Разсужденія и изслѣдованія Джона Ст. Милля.  
Цивилизація. Вып. 1, перев. съ англійскаго Аркадія Лонгинова. Спб. 1864.—  
Маховозъ, какъ средство къ скорому и дешевому построенію желѣзныхъ до-  
рогъ въ Россіи. Шуберскаго. Спб. 1864.—О желѣзной промышленности въ  
Россіи. Публичныя лекціи В. А. Поляки. Спб. 1864.

## ОТДѢЛЪ III.

### СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- ПОЛИТИКА . . . . . Жакъ Лефрэнъ.  
ФРАНЦІЯ. Государственный бюджетъ Франціи удваивается послѣ 1848 г. —  
Рѣчь г. Тьера по поводу бюджета.—Милля шутка графа Морни съ законода-

тельными корпусом. — Процессъ Лезюрка, казеннаго по ошибкѣ судей. — Пойми, какъ знаешь, *этакъ* мудрецовъ. — Процессъ де-ла-Помре, отравившаго свою любовницу. — Протестъ противъ смертной казни. — АНГЛІЯ. Вѣроятность скорыхъ переѣвъ въ Англию по случаю плохаго здоровья Пальмерстона. — Политическія партіи и ихъ взаимная позиція. — Распространеніе ассоціацій. — Переходъ Глэдстона на сторону демократической партіи. — Правосудіе англійскаго духовенства. — ГЕРМАНИЯ. Учрежденіе палочной расправы въ Мекленбургѣ. — ГРЕЦІЯ. Новыя олимпійскія игры. — ИСПАНІЯ. Столкновение консерваторовъ съ прогрессистами. — Привилегія, данная Изабеллой кредитору ея, банкиру Саламанкѣ. — АМЕРИКА. Продолженіе войны и успѣхи сѣверныхъ штатовъ.

### Домашняя Лѣтопись.

Уровень общественнаго сознанія. — Запросы, съ какими обращается общество къ литературѣ, и отвѣты, которые даетъ ему литература. — Защитникъ плети и его невольные измышленія. — Отношеніе литературы къ провинціи и отношеніе провинціи къ литературѣ. — Упреки, дѣлаемые литературѣ *обитателями болотъ* и *откликающимися на всевозможныя жизненныя явленія*. — Провинціальныя корреспонденты: типъ корреспондента-обличителя и корреспондента-оппозиціоннаго. — Значеніе этнографическихъ очерковъ. — Опытъ корреспонденціи изъ Рыбинска, сочиненной въ Петербургѣ. — Корреспонденція В. Л. въ газетѣ „Голосъ“.

### Дневникъ темнаго человѣка.

Прощаніе съ Петербургомъ. — Дорога и новый воздухъ. — „Призраки“ и отрывокъ изъ поэмы, потерянной для свѣта. — „Вагонный“ романъ „Русскаго Вѣстника.“ — Новый родъ лирическихъ ленточекъ, изобрѣтенныхъ поэтомъ Майковымъ. — Прогрессъ по желѣзнымъ дорогамъ. — Кассиры и ихъ доходъ. — Путевыя жалобы Надворной совѣтницы. — Нѣчто о женскихъ нервахъ. — Сосѣдъ, показывающій силу. — Наивная исповѣдь москвича. — Сутки въ Москвѣ. — Московская журналистика и московскіе извозчики. — Идеаль славянской роскоши и комфорта. — Типъ московскаго нищаго. — „Вонъ изъ Москвы!“ — Нижегородская желѣзная дорога. — Устройство вагоновъ и станціи амуровъ по воксаламъ. — Теорія Миллера-Красовскаго въ примѣненіи къ жизни. — Самодуръ изъ Владиміра и гувернантка. — На Волгѣ и новыя встрѣчи: перлы изъ таможеннаго міра. — Что такое *температура?* — Мировой посредникъ и игра на гармоникѣ. — Нижегородскій книжный магазинъ. — Путь отъ Нижняго до Приволжска. — Апопеоза провинціальныхъ городовъ. — Путешествіе по фантастическому „городку“. — Губернскій аристократъ и его забавы. — Остроуміе провинціального стихотворца и подъѣздъ его дома. — Двѣ барыни Минервы. — Мечты приволжскихъ землевладѣльцевъ. — „Отцы и дѣти“ въ провинціи. — Отсутствие обличительнаго элемента. — Два субъекта изъ комиссаріата. — Насильственный поцѣлуй. — Находчивый адвокатъ въ „городкѣ“. — Медикъ-магнетизеръ и его леченіе. — Черты изъ жизни великаго педагога Вишневки. — Г. Скригитинъ въ обществѣ волжскихъ бурлаковъ. — Провинціальныя романы.

# СОДЕРЖАНИЕ ЮНЬСКОЙ КНИЖКИ.

## ОТДѢЛЪ I.

- Ливановъ (Записки семинариста) . . . , Н. Осоевичъ.  
Винювата-ли она? (Романъ Ант. Треллопа).  
Негръ (Изъ Мильвуа) . . . . . Ф. А. Орловъ.  
Три народности (По поводу введенія въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Спб. 1864.) . . . . . Н. В. Шелгуновъ.  
Путидовъ (Очеркъ изъ осторожныхъ типовъ). Ф. В. Ливановъ.  
Бъевоное навожденіе. (Губернскія легенды) Н. Федоровичъ.  
Прогрессъ въ мѣрѣ животныхъ и растений. Д. И. Писаревъ.  
Блудница (Стихотв. А. Де-Виньи). . . . Д. Д. Минаева.

## ОТДѢЛЪ II.

### ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Нѣвные юристы . . . . . М. А. Филиповъ.  
Резервные стихотворцы. (Заѣтки и размышленія отставнаго майора Бурбонова. . . М. Бурбоновъ.  
Перлы и драммы русской журналистики. . . . . В. В.

### БЪЕМОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Руководство къ изученію датскихъ болѣзей доктора Фогеля, переведенное съ послѣдняго изданія 1863 года, подъ редакцію доктора медицины Мих. Залескаго, приватъ-доцента по датскимъ болѣзнямъ при Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической академіи, съ замѣчаніями, дополненіями и примѣчаніями по новѣйшимъ авторамъ и собственнымъ наблюденіямъ редактора, Спб. 1864.—Природа и человекъ на крайнемъ сѣверѣ соч. Георга Гартвига. Перев. съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Изд. Глазунова. М. 1863.—Море и его жизнь Георга Гартвига, перев. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Михельсонъ. М. 1864.

## ОТДѢЛЪ III.

### СЪ ОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Политика. . . . . Жакъ Лефрель.

Двусмысленная политика англійскаго правительства въ Шлезвиг-Гольштинскомъ дѣлѣ.—Лордъ Пальмерстонъ по видимому отступаетъ цѣлостность Давни, и въ то же время предлагаетъ раздѣлить ее.—Невозможность опредѣлить національную границу между датскимъ и нѣмецкимъ населеніемъ.—Воинственные страхи и миролюбивыя рѣчи Пальмерстона и Джона Росселя.—Брошюра

Карла Фогта по поводу датскаго вопроса и выводы ея.—Отставка Ренана отъ профессорской кассеры въ Collège de France.—Негры-солдаты въ сѣверныхъ Штатахъ Америки.—Дешевизна рабовъ.—Долгъ сѣверо-американскаго союза.

### ДОМАШНЯЯ ХРОНИКА.

Новые трехлѣтніе выборы членовъ крестьянскихъ учреждений.—Характеристика дѣятельности этихъ учреждений за прошлое трехлѣтіе. Что пренятствовало ихъ полному усвѣху.—Искусственная организация волостей и неудачные выборы.—Волостные суды и ихъ дѣятельность.—Какое значеніе должны имѣть „обычай“ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ.—Взглядъ „Русскаго Вѣстника“ на волостные суды и выводы, который онъ дѣлаетъ отсюда о необходимости поднимать крестьянъ чловичей ослѣтъ.—Дѣйствительно ли правъ „Русскій Вѣстникъ“, въ этомъ отношеніи.—Заключительное слово о крестьянскихъ учреждениях.—Ректоръ харьковскаго университета и его выводы.—Характеристика судебной и административной дѣятельности нашихъ университетовъ.—Причина немотизма и застоя въ русской университетской жизни.

### ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Нѣчто о комфортѣ и удобствахъ петербургской жизни. Внутри и снаружи.—Удобство дома, и на улицѣ.—Общественные экипажи, омнибусы и пароходы.—Общій совѣтъ петербуржцамъ.—Нѣкто г. Зарудный и разсказъ о его *справедливомъ негодосаніи* и объ англійскомъ *хлыстѣ*.—Нынѣшнее петербургское *дѣло*.—Начальная часть городскихъ жителей.—Городскіе общественные сады.—Загородныя гулянья.—Полюстровскіе нравы и буетчикъ Вене, сортирующій публику.—*Пять цѣлковыхъ*. „Сказочная быль“—полюстровская легенда.—Нѣсколько словъ о сельтонистѣ Голова, о гоголевскомъ Осипѣ (въ Ревизорѣ) и о литературныхъ „Осипахъ“.—Фельетонисты Голова вторгается въ частную жизнь молодой дѣвушки, а А. А. Краевскій гладитъ его за это поговякъ.—Продѣлки одной московской газетки.—Провинціальныя вѣсти.—Курьезная жалоба нектопомѣстнаго курдюка а рѣшеніе уѣзднаго суда.—Публичныя лекціи въ г. *Вомерасѣ*— „Чернооверскій“ дворянскій клубъ и его правила.—Могутъ ли художники быть членами собранія, а новинарныя бабки его посѣдителями?.. Отрывки изъ моего „провинціалаго дневника“.—  
Нѣкоторыя черты изъ жизни города *Кумысска*.

## Домашняя Лѣтопись.

Новые трехлѣтніе выборы членовъ крестьянскихъ учреждений. — Характеристика дѣятельности этихъ учреждений за прошлое трехлѣтіе. Что препятствовало ихъ полному успѣху. — Искусственная организація волостей и неудачныя выборы. — Волостные суды и ихъ дѣятельность. — Какое значеніе долженъ имѣть „обычай“ при рѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ. — Взглядъ „Русскаго Вѣстника“ на волостные суды и выводъ, который онъ дѣлаетъ отсюда о необходимости подчинить крестьянъ чиновничьей опеку. — Дѣйствительно ли правъ „Русскій Вѣстникъ“ въ этомъ отношеніи. — Заключительное слово о крестьянскихъ учрежденияхъ. — Ректоръ харьковскаго университета и его выводы. — Характеристика судебной и административной дѣятельности нашихъ университетовъ. — Причина nepотизма и застоя въ русской университетской коллегіи.

## Дневникъ Темнаго Человѣка.

Нѣчто о комфортахъ и объ удобствахъ петербургской жизни. Внутри и снаружи. — Удобство дома, и на улицѣ. — Общественные экипажи, омнибусы и пароходы. — Общій совѣтъ петербуржцамъ. — Нѣкт) г. Зарудный и разсказъ о *справедливомъ негодovanii* и объ англійскомъ хлыстѣ. — Нынѣшнее петербургское лѣто. Печальная участь городскихъ жителей. — Городскіе общественные сады. — Загородныя гулянья. — Полюстровскіе нравы и буфетчикъ Кеае, сортирующій публику. *Пять цырковъ*. „Сказочная быль“ — полюстровская легенда. — Нѣсколько словъ о фельетонистѣ Голоса, о гоголевскомъ Осипѣ (въ Ревизорѣ) и о литературныхъ „Осипахъ“. — Фельетонистъ Голоса вторгается въ частную жизнь молодой дѣвушки, а А. А. Краевскій гладитъ его за это по головкѣ. — Продѣлки одной московской газетки. — Провинціальныя вѣсти. — Губернскій педагогъ-начальникъ, пойманный въ лихоимствѣ. — Курьезная жалоба мелкопомѣстнаго курдюка и рѣшеніе уѣзднаго суда. — Публичныя лекціи въ г. *Вотарасъ*. — „Черноозерскій“ дворянскій клубъ и его правила. — Могутъ ли художники быть членами собранія, а повивальныя бабки его посетительницами?!. Отрывки изъ моего „провинціального дневника“. — Нѣкоторыя черты изъ жизни города *Кумышинска*.

---

Подписка на «РУССКОЕ СЛОВО» продолжается; подписавшимся выдаются книжки съ перваго №.

---

Окончаніе прерваннаго на этотъ мѣсяць романа Теккерэя: *Денисъ Дюваль* — будетъ помѣщено въ слѣдующей книжкѣ.

---

При этой книжкѣ прилагается объявленіе отъ магазина земледѣльческихъ орудій и разныхъ машинъ Каугерта и Стругова.

---

# РУССКОЕ СЛОВО

въ 1864 году

Будетъ выходить каждый мѣсяць, книжками отъ 25 до 30 листовъ каждая.

## ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ пересылки . . . . .	12 р. 50 к.
Съ пересылкой и доставкой . . . . .	14 » — »

## ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова», въ Колокольной улицѣ, въ домѣ Миллера № 3; въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго почтамта и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Въ Главной Конторѣ «Русскаго Слова» и въ книжныхъ магазинахъ (въ С.-Петербургѣ—Серно-Соловьевича, и въ Москвѣ—А. Ф. Черенна), продаются слѣдующія изданія графа Г. А. Кушелева-Безбородко:

**Сочиненія А. Островскаго**, Спб. 1859 г. въ 2 т. 3 р.; съ пересылкой 3 р. 75 к.

**Сочиненія А. Майкова**, Спб. 1858 г. въ 2 т. 2 р.; съ пересылкою 2 р. 75 к.

**Сочиненія Л. Мея**, Сиб. 1862 г. 3 т. цѣна всѣмъ тремъ томамъ 3 р.; съ пересылкой 4 р. 50 к.

**Сочиненія И. Панаева**, Спб. 1863 г. 4 т. 3 р.; съ пересылкой 4 р. 50 к.

**Повѣсти и рассказы М. Л. Михайлова**: Спб. 1862 г. Въ провинціи, въ 2 т. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

**Памятники стариной русской литературы**, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 3 р., а съ пересылкой 3 р. 75 к.

**Рисунки Боклевскаго**, представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, въ 6 выпускахъ.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio) Цѣна каждому — 1 р. безъ пересылки, съ перес. 1 р. 50 к., а за всѣ 6 выпусковъ 5 р. безъ перес., и 6 р. 50 к., съ перес.

*Для подписчиковъ Русскаго Слова, на помянутыя сочиненія, дается въ Редакціи уступка 20 проц. съ продажной цѣны.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями въ Главную Контору „Русскаго Слова“, въ С.-Петербургѣ.

Издатель  
Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВЪ.

Редакторъ  
Н. А. ВЛАГОВѢЩЕНСКІЙ.